

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Институт медиа и социально-гуманитарных наук
Международный межвузовский научно-исследовательский проект
«Цифровая цивилизация. Медиакоммуникации. Интернет-маркетинг»

И.М. Дзялошинский

**ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ**

Монография

Под редакцией Л.К. Лободенко

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2020

УДК 659.4
ББК Ч600.6
Д439

Серия основана

Институтом медиа и социально-гуманитарных наук ЮУрГУ в 2020 году

Одобрено советом Института медиа и социально-гуманитарных наук ЮУрГУ

Рецензенты:

Хруль Виктор Михайлович, доктор филологических наук, доцент кафедры социологии массовых коммуникаций факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела психолингвистики ФГБУН Института языкознания РАН

Автор:

Дзялошинский Иосиф Михайлович, доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ (департамент медиа факультета медиа, коммуникаций и дизайна), заместитель председателя Российского комитета Программы ЮНЕСКО, действительный член Евразийской академии телевидения и радио, член редакционного совета Российской коммуникативной ассоциации

Дзялошинский, И.М.

Д439 Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций: монография / И.М. Дзялошинский; под ред. Л.К. Лободенко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 551 с. – (Сер. «Цифровая цивилизация. Медиакоммуникации. Интернет-маркетинг». – Вып. 1).

Монография посвящена исследованию связей между общецивилизационными процессами глобализации, информатизации и цифровизации с процессами, происходящими в системах коммуникации, опосредованной медиатехнологиями. Предлагается вписать все эти процессы в контекст категориального аппарата, опирающегося на понятия «жизненный мир», «личностный мир», «информационно-коммуникационный универсум», «коммуникативные матрицы» и др.

В силу широты и разнородности поднимаемых в этой работе проблем для их описания и анализа было использовано большое количество источников философского, социологического, психологического, политологического характера.

Монография подготовлена в рамках Международного межвузовского научно-исследовательского проекта «Цифровая цивилизация. Медиакоммуникации. Интернет-маркетинг», предназначена для специалистов в области медиакоммуникаций, и может быть полезна для аспирантов гуманитарных дисциплин.

УДК 659.4

ББК Ч600.6

ISBN 978-5-696-05139-0

© Издательский центр ЮУрГУ, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЦИФРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	
1.1. Цивилизация: теоретические модели	9
1.2. Глобализация, информатизация, цифровизация: особенности современной цивилизации	57
1.3. Культура как смысловой комплекс цивилизации	98
1.4. Смыслы и матрицы как культурные конструкты	140
1.5. Типологические модели культуры	165
ГЛАВА 2. МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	
2.1. Коммуникация: основные модели и новые подходы	199
2.2. Культура коммуникации в условиях цифровой и социокультурной глобализации	216
2.3. Медиа: категориальный и функциональный анализ	240
2.4. Медиакультура: сущность и основные подходы к пониманию .	262
ГЛАВА 3. МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ КАК КАЛЕЙДОСКОП СИМУЛЯКРОВ	
3.1. Жизненный мир как реальность	282
3.2. Мифологические и мистико-иррациональные основания жизненного мира	315
3.3. Медиа как репрезентант жизненного мира	367
3.4. Виртуальная и дополненная реальность в системе жизненного мира	436
3.5. Вызовы и риски цифровой трансформации медиакоммуникаций	481
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	546

ВВЕДЕНИЕ

Если набрать в Яндексе словосочетание «Философия цифровой цивилизации», то поисковик сообщит о трех миллионах документов. А словосочетание «трансформация медиакоммуникаций» прибавит еще около миллиона текстов. Понятно, что действительно философских работ в строгом смысле слова среди этих текстов не очень много. Автор этой книги тоже не претендует на то, чтобы внести свой вклад в философскую науку. Слово «философия» использовано в данном случае в том смысле, о котором писал Аристотель, полагавший, что философия – это способ рационального осмысления мира, то есть поиска причин и закономерностей жизненных явлений. Мераб Мамардашвили считал, что философствование предполагает застывание в некой паузе, посвященной попытке понять, что на самом деле означает то, что кажется очевидным другим людям. По Мамардашвили, философствование означает особый акт осмысления мира и себя в нем, дающий нам некое обобщенное, универсальное знание, свободное от повседневной «гонки за происходящим»¹.

Эта книга как раз и является результатом размышлений автора над теми фактами и явлениями современного мира, которые очень часто получают слишком простые, поверхностные объяснения. Если говорить более конкретно, то речь идет о попытке разобраться в том, как связаны между собой общецивилизационные процессы глобализации, информатизации и цифровизации с процессами, происходящими в системах коммуникации, опосредованной медиатехнологиями.

В той или иной форме эти вопросы становились предметом размышлений многих видных ученых, перечисление которых заняло бы слишком много места. Однако монографических исследований, в которых была бы предпринята попытка представить целостную картину связи между жизненным миром человека, предлагаемыми системами массмедиа образами действительности, и глобальными трансформациями современной цивилизации, пока нет. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

Основная гипотеза, обсуждению которой посвящена эта книга, может быть сформулирована следующим образом.

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992.

Человек представляет собой многослойную, многоуровневую, амбивалентную целостность, возникающую и развивающуюся в противоречивом единстве с миром, в который индивид «заброшен» без всякого согласия с его стороны. (Как известно, человек не волен выбирать ни родителей, ни время, ни место своего рождения.) Для обозначения этого мира, в котором пребывает человек, обычно используют понятие «действительность», с помощью которого обозначают абсолютно все, что является или может быть предметом отражения в сознании человека. Не подключаясь к бесконечным спорам о том, что такое «действительность» и что такое «сознание», считаем возможным использовать для осмысления интересующей нас проблематики другой понятийный аппарат, опирающийся на такое понятие, как «жизненный мир». Говоря о жизненном мире, мы имеем в виду совокупность всех факторов и обстоятельств, в пространстве которых только и может жить и самоосуществиться человек и человечество. Это та «жизненная почва», «питательная среда», из которой индивид получает то, без чего невозможно его становление и самоосуществление. Значительная часть этого жизненного мира состоит из так называемых интерсубъективных реальностей, то есть верований людей, реальность которых не может быть проверена методами научного изучения. Однако независимо от того, какова природа этих интерсубъективных реальностей, если они определяют деятельность и поведение людей, они являются частью жизненного мира.

Что представляет собой этот жизненный мир? В какой мере и каким образом он определяет судьбу человека, а в какой мере зависит от человека? Каким образом человек получает информацию об этом мире и как человек взаимодействует с другими людьми в процессе совместного обживания жизненного мира? Без ответа на эти вопросы бессмысленно ставить все другие.

Будучи в каком-то смысле продуктом этого жизненного мира, человек обладает совокупностью особенностей, которые мы обозначаем понятием «личностный мир». Решение ввести новое понятие «личностный мир» вместо популярной категории «внутренний мир», которую

автор этой книги раньше тоже использовал весьма активно¹, объясняется тем, что кажущаяся простота категории «внутренний мир» затушевывает реальную сложность этой системы. Она возникла в качестве оппозиции понятию «внешний мир», и довольно долгое время психологи оперировали этими парными конструкциями (а некоторые оперируют до сих пор), создавая иллюзию понятности отношений между внешним и внутренним мирами.

Принимая к использованию это понятие, автор опирался на К. Ясперса, который в своей знаменитой книге «Общая психопатология» вводит понятие «личностный мир индивида»². По К. Ясперсу, конкретный мир личности всегда развивается исторически, он включен в конкретную традицию и не может существовать вне контекста социальных и общественных отношений. Поэтому любой анализ жизни человека в мире должен иметь историческую и социальную природу. Объективно существующий мир предоставляет человеку пространство, внутри которого он прокладывает свои пути; это тот материал, из которого человек постоянно строит собственный личностный мир. Общий психологический склад субъекта вырастает до масштабов целого мира, который проявляет себя субъективно: в форме эмоционального настроения, чувств, состояний Духа, и объективно: в форме мнений, содержательных элементов рассудка, идей и символических образов³.

Таким образом, следуя за К. Ясперсом, мы будем обозначать понятием «личностный мир» ту многомерную, сложноорганизованную систему, которая:

- 1) реализует функцию ориентирования в жизненном мире;
- 2) побуждает индивида к деятельности, нацеливая ее на определенные объекты реальной действительности;
- 3) обеспечивает направленность, осмысленность осуществляемой деятельности и жизни в целом, задавая ей личностные и одновременно социально-исторические измерения;

¹ Дзялошинский И.М. Российские медиа: проблемы вражды, агрессии, насилия. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019; Дзялошинский И.М. Экология коммуникаций. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019; Дзялошинский И.М. От божественного откровения к коммуникационному универсуму: поиск адекватной модели изучения текста // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 5. С. 163–175.

² Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. С. 344.

³ Там же. С. 344.

4) содержит в себе компоненты, обеспечивающие успешное осуществление деятельности.

Так понимаемый личностный мир осознается индивидом как принадлежащий именно ему и в этом качестве противостоящий внешнему – жизненному миру.

Круг проблем, которые пришлось затронуть в рамках данной монографии, чрезвычайно широк. Поэтому работа состоит из нескольких глав.

В первой главе «Цифровая цивилизация и социокультурная глобализация как контексты современных коммуникационных процессов» исследуются процессы, происходящие в глубинах современной цивилизации. В качестве основных выделены процессы глобализации, информатизации, цифровизации. Глубокому анализу подвергнута категория «культура», которая используется для обозначения смыслового комплекса цивилизации. Описаны такие культурные конструкты, как матрицы и смыслы. Предложена типологическая модель современной культуры.

Вторая глава «Медиакоммуникации в условиях цифровых трансформаций» посвящен анализу процессов, происходящих в информационно-коммуникационном универсуме под влиянием цивилизационно-культурных трансформаций. Описаны традиционные и новые подходы к пониманию коммуникации; предложена модель коммуникационных культур; рассмотрены специфические характеристики медиа и медиакультуры.

В третьей главе «Медиареальность как калейдоскоп симулякров» анализируется соотношение категорий «реальность», «действительность», «жизненный мир». Показаны мифологические и мистико-иррациональные основания жизненного мира современного человека. Специальные главы посвящены рассмотрению медиа как репрезентанта и конструктора жизненного мира, в котором все большее значение приобретают виртуальная и дополненная реальность. В завершение главы описаны вызовы и риски цифровой трансформации медиакоммуникаций.

В силу широты и разнородности поднимаемых в этой работе проблем для их описания и анализа было использовано большое количество источников философского, социологического, психологического,

политологического характера. Отсюда – множество цитат и в ряде случаев некоторая беглость изложения. С другой стороны, автор отдает себе отчет в том, что в поле его исследовательского внимания наверняка не попали какие-то важные работы. Остается надеяться, что читатель, который захочет более глубоко разобраться в заинтересовавших его вопросах, обратит внимание на список литературы, который находится в конце работы.

ГЛАВА 1. ЦИФРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

1.1. Цивилизация: теоретические модели

Любое исследование начинается с более или менее четкого определения смысла используемых понятий. Мы тоже пойдем по этому пути.

Собственно понятие «цивилизация» прошло длинный и до сих пор незавершенный путь развития. Впервые в напечатанном тексте это слово появилось в работе «Друг людей, или Трактат о населении» (1756) Мирабо, который был отцом знаменитого революционного трибуна. Речь там шла об «орудиях цивилизации» и даже о «роскоши ложной цивилизации». В широкий научный оборот понятие «цивилизация» ввел шотландский философ Адам Фергюсон в конце XVIII века, предложив обозначить этим термином такую стадию в развитии человеческого общества, которая характеризуется существованием общественных классов, а также городов, письменности и других подобных явлений. Предшествующими стадиями, согласно этому мыслителю, были дикость и варварство.

В эпоху Просвещения во Франции понятие «цивилизация» стало употребляться просветителями (Вольтер, Руссо и др.) как близкое по содержанию концепциям духовной культуры, разума и справедливости. В XVII в. это слово стало использоваться для классификации народов и сословий. Понятие «цивилизованность» (*civilite*) заключало в себе представление об «учтивости», «вежливости», «обходительности», т. е. характеризовало определенные манеры поведения во взаимоотношениях с другими людьми. Ей отводилась низшая позиция в иерархии качеств народов, стоящих на ступени более высокой, чем «дикость» и «варварство». Следующая по рангу «любезность» (*politesse*) добавляла к «внешним» проявлениям учтивости (*civilite*) «внутреннее» расположение, более внимательное и сердечное отношение к другим людям. Понятия *civilite* и *politesse* воплощали идентичность придворной аристократии и утверждали ее превосходство над другими социальными слоями. Так, в вышедшем

в 1690 г. «Полном трехтомном словаре» Фюретьера в качестве примера употребления глагола «цивилизовать» (*civilizer*), означавшего «делать благовоспитанным и вежливым, общительным и любезным», приводится выражение: «Крестьяне не столь цивилизованы, как буржуа, а буржуа – не в такой мере, как придворные»¹. В 1798 году слово «цивилизация» было внесено в «Словарь Академии», в котором оно определялось как высшая степень духовности. К 1819 г. термин «цивилизация», до того употреблявшийся в единственном числе, приобретает множественное число. С этого времени термин стремится приобрести новое, причем совершенно другое значение: совокупность характеристик, свойственных коллективной жизни определенной группы или определенной эпохи.

Постепенно понятие цивилизации стало задавать новую рамку восприятия и оценивания индивидов, сословий и обществ. Им были привнесены новые ценностные критерии в иерархическую шкалу классификации народов: оно наделяло превосходством те из них, которые не просто обладали «мудрым правлением», но имели также «богатую философскую, научную, художественную, литературную культуру»². Одновременно новая ценностная шкала продолжала применяться и по отношению к различным социальным группам внутри отдельно взятых «цивилизированных» обществ, и в соответствии с ней наибольшим престижем наделялась уже не придворная аристократия, а «интеллигенция» – слой культурных деятелей: философы, ученые, писатели, художники, изобретатели. В умах французской интеллектуальной элиты все более важное место занимают моральные качества-ценности: человечность, благодеяние, гражданственность – которые в языке предреволюционной эпохи как раз и начинают ассоциироваться со словом «цивилизация»³.

В понятии «цивилизация» находили выражение такие культурные ценности, как «добродетель» и «польза», которые особым образом соединялись и преломлялись в идее культурного творчества. Добродетель и польза прямо отождествлялись друг с другом, находя выражение

¹ Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бои за историю. М., 1991. С. 249.

² Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей. М., 1991. С. 252–253.

³ Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Поэзия и знание. История литературы и культуры. В 2-х т. М., 2002. Т. 1. С. 127–128.

в концепции «общего блага». Буржуа, как отмечал А. Гоулднер, «часто ощущал моральный долг быть полезным»¹. Однако в последующей культурной истории «добродетель», «польза» и «творчество» имели тенденцию не только расходиться, но и вступать в оппозицию друг к другу. И эта дивергенция находила выражение в реинтерпретации понятия цивилизации, которое начинало в большей степени идентифицироваться с внешними, рациональными (рассудочными), материальными, утилитарными, организационными и функциональными аспектами человеческого существования в противопоставлении его внутренним, духовным, экспрессивным, ценностным, моральным и эстетическим сторонам, ассоциируемым с понятием «культура» в узком смысле. При этом с оценочной точки зрения «цивилизация», как правило, проигрывала «культуре». Противопоставление культуры цивилизации разрывало то взаимопроникновение и единство когнитивных, утилитарных и моральных компонентов, которое полагалось просветительской концепцией разума².

Постепенно, в ходе дискуссий французских, немецких и английских мыслителей, слово «цивилизация» стало обозначать собой некую ценность и политико-моральную норму: «именем цивилизации начинают выносить приговор»³. Смыслы, кристаллизовавшиеся в понятии «цивилизация» в этот период его формирования, заключали в себе проблематику отношений культуры и власти, которая ныне признается ведущей темой цивилизационного анализа.

На следующем этапе возникает связь слова «цивилизация» с нынешним значением слова «прогресс»⁴. Идея прогресса была связана не только с признанием науки и экономики в качестве ведущих сфер человеческой деятельности, но и с открытием нового и вместе с тем «подлинного» субъекта мировой истории – «человеческого рода». В работах французских и шотландских просветителей второй половины XVIII века, таких как А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе, А. Фергюсон, Дж. Миллар, развитие получила всеобщая история цивилизации, кото-

¹ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 99.

² Браславский Р.Г. Цивилизационный анализ и социология: Концептуальные траектории Модерности в XVIII–XIX вв. Многоликая современность. СПб.: Интерсоцис, 2014.

³ Старобинский Ж. Слово «цивилизация». М., 2002. Т. 1. С. 128.

⁴ Там же. С. 114.

рая стала хронологически первой программой «цивилизационных исследований». Понятия «цивилизация», «прогресс», «человеческий разум», «гениальный индивид», «науки и искусства», «человеческий род», «гражданское общество», «добродетель», «свобода» образуют нерасторжимое концептуальное единство в просветительском проекте истории цивилизации.

Основная тенденция в изучении истории в XVIII века состояла в переходах:

1) от сравнительной истории народов к всеобщей истории человеческого рода;

2) от циклической истории империй к прогрессистской истории цивилизации/культуры;

3) от политической истории к истории гражданского общества.

Важно отметить, что в процессе и в результате этих переходов предыдущие концепции не отбрасывались, а интегрировались в новую систему представлений и преодолевались в ней¹.

В трудах первой половины XVIII века становятся привычными сравнения западноевропейских народов с античной Грецией и Древним Римом, с восточными империями: персидской, китайской, японской, оттоманской, индийской, а также с американскими племенами. Возникает представление о качественных различиях между обычаями, нравами и образами правления европейских и неевропейских народов (в частности, распространение получает концепция восточного деспотизма). В описаниях истории империй превалирует теория круговорота: подъема, упадка и гибели империй.

Просветительская мысль вообще крайне враждебно относилась к империи, превознося республику. Книги Ш.Л. Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734) и «О духе законов» (1748) являются наиболее выдающимися примерами сравнительно-исторической и политической литературы того времени.

Просветительский проект всеобщей истории цивилизации был воспринят и получил продолжение в работах родоначальников социологии А. Сен Симона, О. Конта, Г. Спенсера, которые противопоставили два типа обществ, один из которых описывался как «военный и

¹ Браславский Р.Г. Цивилизационный анализ и социология: Концептуальные траектории Модерности в XVIII–XIX вв. Многоликая современность. СПб.: Интерсоцис, 2014.

теологический», а другой – как «индустриальный и научный». «Цивилизация» в контексте такого противопоставления рассматривалась в качестве атрибута второго, «современного» типа общества и понималась как «комплекс», состоящий из трех сфер человеческой деятельности: «науки, искусства и промышленности».

Практически одновременно с проектом всеобъемлющей социальной науки оформляется проект синтетической исторической науки, фигурировавшей под именем «история цивилизации», или «история культуры». Как и в случае социологии, подъем всеобъемлющей истории цивилизации сопровождался постепенным переносом фокуса исследования на уровень социоисторических конфигураций, располагающихся между уровнями индивидов и человечества, т. е. на отдельные народы, общества, культуры. Подобный сдвиг вел к иному способу концептуализации мировой истории, заставлял уделять более пристальное внимание историческому разнообразию культур и обществ и открывал путь сравнительным исследованиям, даже при сохранении унитарно-прогрессистской концепции цивилизации и приверженности идее человеческого рода. Но и в этом случае историков все больше начинает интересовать не история цивилизации человеческого рода вообще, а история цивилизации (пока все еще в единственном числе) в конкретных социетальных, национальных и региональных контекстах¹.

Разные общества, находящиеся в разных условиях развития, сравниваются и оцениваются по тому, насколько полно в каждом из них реализуется «всеобщий факт» цивилизации. Выбор того или иного общества в качестве объекта изучения истории цивилизации обосновывается тем, что данное общество в наибольшей степени продвинулось в развитии цивилизации в целом или каких-то отдельных ее сторон, или тем, что условия развития данного общества предоставляют возможность проследить «естественный» ход развития цивилизации в наиболее чистом виде. Появляются работы, которые содержат попытки дать целостное и систематическое представление о составных частях и структуре цивилизации. Особо заметным здесь оказался вклад фран-

¹ Браславский Р.Г. Цивилизационный анализ и социология: Концептуальные траектории Модерности в XVIII–XIX вв. Многоликая современность. СПб.: Интерсоцис, 2014.

цузского историка эпохи Реставрации Ф. Гизо, который выделил в цивилизации два элемента: некоторый уровень *социального* развития и некоторый уровень *интеллектуального* развития.

В дальнейшем в работах О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера был осуществлен поворот к сравнительным исследованиям цивилизаций и заложены концептуальные основания плюралистической традиции цивилизационного анализа в социологии.

Особое место занимает концепция Шпенглера, согласно которой цивилизация – это определенная заключительная стадия развития любой культуры. В качестве признаков такой стадии Шпенглер называл развитие индустрии и техники, деградация искусства и литературы, возникновение огромного скопления людей в больших городах, превращение народов в безликие «массы». При таком понимании цивилизация как эпоха упадка противопоставляется целостности и органичности культуры.

В современной науке сформировались два основных направления интерпретации цивилизационного феномена: сингулярно-универсалистский и плюрально-партикулярный. Сингулярно-универсалистский подход признает универсальность процесса социокультурной эволюции, телеологичность и линейность исторического развития и утверждает существование единого цивилизационного процесса, в котором цивилизация представляет собой наивысшую ступень развития человеческих обществ. Цивилизационный этап развития обладает определенными универсальными культурно-институциональными характеристиками. Данное понимание цивилизации противопоставляет ей варварство как состояние, соответствующее низшей ступени социокультурной эволюции. Сторонники этого подхода стремятся выявить «стандарты цивилизации», систему показателей, совокупность критериев цивилизации. В данном подходе понятие цивилизации из аналитической категорий трансформируется в нормативно-оценочную категорию. Идея «стандартов цивилизации» в международном праве была связана с европейской колониальной политикой. Сегодняшние попытки поиска общих критериев цивилизации лишены колониальной коннотации, однако апелляции к ним все еще являются аргументом в принятии политических решений противостояния варварству. Сама

идея цивилизации, как и ее критерии, является европейским порождением, а потому неизбежно страдает европоцентризмом. Сегодня «членство в цивилизации» реализуется за счет «универсализации особенного, утверждения западных стандартов как глобальных норм», «гомогенизации своеобразного»¹.

Идея «стандарта цивилизации» решала проблему взаимодействия западной цивилизации с незападными культурами, для которых ценности, нормы и традиции первой были чужды. В частности, они решали проблему защиты жизни европейцев, свободы, собственности, прав, устанавливая, что в отношении европейцев будут применяться нормы европейского права. Это предполагало внедрение новаций, выполнение условий, дающих право на статус признанного государства, субъекта международных отношений:

1) гарантировать права (в их западном понимании) представителям других национальностей;

2) иметь организованную политическую бюрократию, способную реализовывать функции государственного управления и требовал масштабных изменений и нововведений по западному образцу, которые затрагивали систему государственного управления, законодательство, экономику, социальное устройство колонизируемых территорий и незападных стран, попавших в сферу экономических интересов европейских держав.

Однако подобное «оцивилизовывание» имело ограниченный эффект, поскольку культура «реципиентов» цивилизации оставалась мало затронутой. «Стандарт» предполагал внедрение новых институтов и практик, действие которых распространялось только на иностранцев (чаще все европейских экспатриант), а не местных жителей. Это позволяло обеспечить стабильность и поддержку экономической деятельности и интересов европейцев².

К началу Второй мировой войны концепт стандарта цивилизации практически исчез из международной практики, однако его актуализация наблюдается после Холодной войны, когда речь идет,

¹ Best J. Discussion: the Politics of Civilizational Talk // *Civilizational Identity: the Production and Reproduction of «Civilization» in International Relations*. M. Hall and P. T. Jackson (eds.). Palgrave Mcmillan, 2007. С 183–184.

² Fidler D.P. The Return of the Standard of Civilization // *Chicago Journal of International Law*. 2001. № 2(1). С. 140–146.

например, о либеральных и иерархических обществах, а под стандартами подразумеваются уже иные практики и институты¹. Сам факт существования и длительной истории этого понятия говорит об актуальности в политическом дискурсе самой идеи дифференциации обществ по степени развития и существования неких стандартов прогрессивного состояния. Этот дискурс противопоставляет тех, кто соответствует цивилизационным критериям, тем, кто им не соответствует, оправдывая, таким образом, деятельность по цивилизационному экспорту первых.

Плюралистическое направление в изучении цивилизационного феномена связано с идеей многообразия цивилизационных форм и процессов. К этому подходу можно отнести концепции, рассматривающие цивилизации как самобытные, самодостаточные, закрытые «культурные миры» (А. Тойнби, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, С. Хантингтон), транснациональные, транскультурные образования (Э. Дюркгейм и М. Мосс), культурно-институциональные комплексы (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон), культурные сетевые структуры (Р. Коллинз) и т. д. Принципиальным для данного подхода является отрицание существования единого «мерила», эталона цивилизации. Цивилизационный полиморфизм обусловлен культурой, историей, опытом и разнообразием ответов, реакций на вызовы актуальной действительности.

Иногда под цивилизацией понимается также степень развития человеческого общества, связанная с появлением государств, городов, письменности, товарного производства, возникновением социально-классовой структуры и т. п. Нередко под цивилизацией имеют также в виду разумно организованное, высокоразвитое общество, отличающееся технологическими достижениями.

С. Хантингтон использует термин «цивилизация» для обозначения культурной общности наивысшего ранга. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка: язык, история, религия,

¹ Bowden B. Globalization and the Shifting «Standard of Civilization» in Inter-national Society // Paper presented to the Jubilee conference of the Australasian Political Studies Association Australian National University, October 2002. URL: <http://arts.anu.edu.au/sss/apsa/apers/bowden.pdf>; Fidler D.P. The Return of the Standard of Civilization // Chicago Journal of International Law. 2001. № 2(1).

обычаи, институты, – а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так, житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация – это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации¹.

Цивилизация может включать в себя несколько наций-государств, как в случае с западной, латиноамериканской или арабской цивилизациями, либо одно-единственное, как в случае с Японией. Очевидно, что цивилизации могут смешиваться, накладываться одна на другую, включать субцивилизации. Западная цивилизация существует в двух основных вариантах: европейском и североамериканском, а исламская подразделяется на арабскую, турецкую и малайскую. Несмотря на все это, цивилизации представляют собой определенные целостности. Границы между ними редко бывают четкими, но они реальны. Цивилизации динамичны: у них бывает подъем и упадок, они распадаются и сливаются.

Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями.

С. Хантингтон полагал, что различия между цивилизациями не просто реальны, они – наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL: <https://www.litmir.me/br/?b=11594&p=1>.

фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями¹.

Подводя итог многочисленным определениям, сформулируем наш подход. Его суть можно сформулировать следующим образом: цивилизация – это комплекс технических и практических знаний, набор средств для воздействия на природу, материальная и социотехническая оболочка культуры. Понятие цивилизации при такой трактовке указывает на функциональность, технологичность, институциональность. Культура, о которой мы будем говорить дальше, в общем плане рассматривается как знания, ценности, нормы, создающие смысловой каркас человеческого существования. Понятие культуры указывает на ценности и смыслы, она связана с постановкой и реализацией человеческих целей. Проще говоря, цивилизация сосуд, а культура – содержание. Понятно, что между сосудом и содержимым этого сосуда могут быть весьма разные отношения. Наверное, лучше всех об этом осведомлены виноделы, производители коньяка и виски, для которых хорошая бочка – определяющий фактор качества будущего напитка.

Разумеется, цивилизационная оболочка может влиять на культуру. Вот характерное высказывание М. Маклюэна: «Средства массовой коммуникации – от фонетического алфавита до компьютера – это усилители человеческих возможностей, которые причиняют глубокие и длительные изменения в мире, окружающем человека. Эти усилители акцентируют что-то существующее, интенсифицируют функции различных органов, чувств или навыков. И каждый раз, когда человек пользуется такими усилителями, центральная нервная система как будто вызывает своеобразное онемение задействованной зоны в целях самозащиты, не допуская осознания происходящего. Этот процесс сродни тому, что происходит с телом в результате шока или в условиях сильного стресса, а с умом – в результате того, что Фрейд назвал вытеснением. Я называю эту своеобразную разновидность самогипноза

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL: <https://www.litmir.me/br/?b=11594&p=1>.

“Нарциссическим наркозом” – синдром, при котором человек не замечает психогенных и социальных последствий новых технологий в той же мере, в какой рыба не замечает воды, в которой плавает. В результате происходит вот что: в момент, когда новое, созданное средствами массовой коммуникации мироустройство становится всеобъемлющим и меняет наш сенсорный баланс, оно также становится для нас невидимым»¹.

Структурная характеристика цивилизации предполагает выделение реально существующих социальных блоков, которые, взаимодействуя друг с другом, образуют механизм цивилизационного процесса. Различные исследователи выделяли разное количество таких блоков. Например, Н.Я. Данилевский отмечал четыре: религию, культуру, государство и социально-экономическую среду. Другие ученые включали в содержание цивилизаций земледелие, ремесла, классы, различные элементы развитой духовной культуры философию, нравственность, психологию, язык и другое. Мы считаем, что одним из важнейших компонентов цивилизации является система коммуникационных структур, обеспечивающих взаимодействие всех остальных компонентов. Подчеркивая значимость коммуникации, М. Маклюэн полагал, что именно изменения в системах коммуникации являются главным источником развития цивилизаций.

Информационно-коммуникационный универсум в системе цивилизации

Рассматривая цивилизацию как материальную и социотехническую оболочку культуры, то есть комплекс технических и практических знаний, набор средств для выживания и развития человеческой общности в определенных природных условиях, выделим в качестве одного из важнейших компонентов любой цивилизации, придающих ей и своеобразие, и эффективность, информационно-коммуникационный универсум. Этим понятием мы обозначаем сложную, многоуровневую саморазвивающуюся систему, обеспечивающую реализацию

¹ «Мы смотрим на мир через зеркало заднего вида»: интервью Маршалла Маклюэна журналу Playboy // Теории и практики. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy.

всего многообразия коммуникационных отношений в обществе. Использование этого понятия позволяет уловить связь между сферой природы, сферой познания и сферой жизни человека.

Якоб фон Уекскуль более ста лет назад ввел понятие *Umwelt* для обозначения специфического окружающего мира, к которому приспособлен и который строит себе всякий биологический вид¹.

По мнению Е. Князевой, понятие *Umwelt* несет глубокие мировоззренческие смыслы и мощный методологический заряд. Оно действительно не только внутри теоретической биологии и экологии, оказавшись в сопряжении с понятием экологической ниши, не только в развитии кибернетики и общей теории систем, обнаружив эвристичность для развития понятий отрицательной обратной связи, гомеостаза и подвижного равновесия, но и в современной когнитивной науке и неклассической эпистемологии. *Umwelt* нельзя свести ни к организации субъекта действия, ни к организации окружающей среды; это есть продукт непрерывного и активного взаимодействия между тем и другим. *Umwelt* как мир восприятия и действия, выстраиваемый каждым живым организмом, соотносим с такими существенными эпистемологическими понятиями и представлениями, как коэмерджентность или синергизм когнитивного агента и познаваемой им среды активности, когнитивная ниша, телесность и активность восприятия и действия, вдействие в познаваемую и осваиваемую среду, познание как конструирование, энктивизм².

Идеи Уексюля оказали большое воздействие на многих философов. Ф. Гваттари ввел в науку понятие «экософия». «Экософия» в буквальном смысле означает мудрость непосредственного окружения, естественной среды обитания, домашних условий жизни. Гваттари поясняет, что корень «*есо*» в слове «экософия» используется в своем ори-

¹ См.: Uexküll J. von. *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909; Uexküll J. von. *Theoretical Biology*. N.Y.: Harcourt, Brace, 1926; Uexküll J. von. *Bedeutungslehre*. Leipzig: Verlag von J.A. Barth, 1940; Uexküll J. von. *A Stroll through the Worlds of Animals and Men // Instinctive Behavior: The Development of a Modern Concept*. N.Y.: International Universities Press, 1957; Uexküll J. von. *Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen. Bedeutungslehre*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1970; J. von Uexküll's Concept of Umwelt and its Significance for the Modern Epistemology (PDF Download Available). Available from: https://www.researchgate.net/publication/298966770_J_von_Uexkull%27s_Concept_of_Umwelt_and_its_Significance_for_the_Modern_Epistemology.

² Knyazeva, H.J. von Uexkull's Concept of Umwelt and its Significance for the Modern Epistemology. https://www.researchgate.net/publication/298966770_J_von_Uexkull%27s_Concept_of_Umwelt_and_its_Significance_for_the_Modern_Epistemology.

гинальном древнегреческом смысле «*oikos*» – «дом», «домашняя обстановка», «естественная среда» (др.-греч.: *οἶκος* – обиталище, жилище, помещение, жилье; дом, комната, покой). Экологический подход, с точки зрения Гваттари, имеет три уровня, или регистра: уровень окружающей среды (энвайронменталистский), уровень социальных отношений и уровень человеческой субъективности¹.

Интересные идеи о единстве природы и человека содержатся в работах авторов, которых относят к так называемому русскому космизму, представители которого (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, И.А. Ефремов, Н.К. Рерих, Е.И. Рерих, П.А. Флоренский) считали, что существует «идеальное родство» мира и человека, их «пронизанность друг другом», взаимосвязанность. Они утверждали, что и мир, и человек одинаково сложны и внутренне бесконечны, поэтому они могут рассматриваться как части друг друга.

Выдающийся мыслитель XX века Г. Бейтсон полагал, что «мир состоит из очень сложной сети сущностей, многие из которых имеют свои собственные источники энергии и, возможно, даже свои собственные идеи о том, куда они хотели бы двигаться. Причем в таких сложных системах с обратной связью нет фиксированных центров управления. Любое центрирование здесь – не что иное, как отсутствие системной мудрости, ибо разум при таком подходе присущ не только человеку, но в конечном счете и миру в целом. Это значит, что мироздание предстает как становящаяся сеть процессов, характеризуемых обратными связями, благодаря которым происходят обмены веществом, энергией, информацией и, наконец, посланиями, смысл которых мы призваны разгадать»².

Так понимаемый мир-универсум обладает тем, что некоторые исследователи именуют «мудрость среды»³. Разумеется, идея о том, что сами среды, окружающий мир, в котором обитают живые организмы и человеческие индивиды, обладают мудростью, на первый взгляд кажется преувеличением. Организмы, отдельные индивиды и коллективы людей обладают активностью, интенциональностью, избирательным отношением к стимулам, поступающим из окружающей среды. В современной когнитивной науке показывается, что поведенческая ин-

¹ Guattari F. The Three Ecologies. P. 28.

² Бейтсон Г. Экология разума. М., 2000. С. 293.

³ См.: Князева Е. Мудрость среды: идеи Ф. Де Соссюра, Ф. Гваттари, Р. Тома в контексте развития биосемиотики. URL: http://phisci.ru/files/issues/2016/09/RJPS_2016-09_Knyazeva.pdf.

тенциональность характерна для живых организмов вообще, для человека добавляется еще интенциональность сознания как основная характеристика сознания с точки зрения философов-феноменологов. «Ножницы восприятия» живого существа, как говорил Анри Бергсон, «вырезают» из всего разнообразия и великолепия окружающей среды только то, что имеет смысл и значимо для его жизни и активности. Поэтому разные живые существа живут в разных мирах восприятия и действия и могут не понимать друг друга. Более глубоко разобраться в философских подходах к категории «универсум» можно, ознакомившись со специальной литературой¹.

Категория «универсум» в коммуникативных исследованиях

Несмотря на довольно длительную и богатую философскую историю, понятие «универсум» очень трудно приживается в сфере информационно-коммуникационных отношений. Видимо, оно казалось (и продолжает казаться) очень высокопарным и недостаточно конкретным. Хотя сама идея связи языка и текста со всеми сторонами человеческого бытия была для многих мыслителей очевидной. М.М. Бахтин указывал на то, что тексты, порожденные в различных конкретных

¹ Аблеев С.Р. Универсум Сознания. М.: Амрита, 2010; Акимов А.Е., Карпенко Ю.П. Место сознания в системе современного научного знания // Живая Этика, наука, общество: Сборник. Пенза, 2000. С. 63–83; Арнтц У., Чейс Б., Висенте М. Кроличья нора, или Что мы знаем о себе и Вселенной. М.: Эксмо, 2012; Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999; Бобров А.В. Модельное исследование полевой концепции механизма сознания. Орел: Орел ГТУ, 2007; Варела У., Матурана Ф. Дерево познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Винник Д.В. Сознание как проблема в современной философии и науке // Философия науки. 2002. № 4 (15). С. 21–38; Дацюк С. Онтологизации. Киев, 2009; URL: <http://www.uis.kiev.ua/xyz/ont/ont.htm>; Дзялошинский И.М. Информационно-коммуникационный универсум – реинкарнация Соляриса? // Экология медиасреды. М.: МПГУ, 2019. С. 72–95; Ключанов И.Э. Коммуникативный универсум. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010; Коммуникативный универсум духовной культуры. М.: РосНОУ, 2015; Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>; Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: Едиториал УРСС, 2008; Моторина Л.Е. Философская антропология. М.: Высшая школа, 2003; Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989; Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993; Поликарпов В.С. Наука и мистицизм в XX в. М.: Мысль, 1990; Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974; Прист С. Теории сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, Идея-Пресс, 2000; Райл Г. Понятие сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, Идея-Пресс, 1999; Хель И. Может ли у Вселенной быть сознание? URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fhi-news.ru%2Fresearch-development%2Fmozhet-li-u-vselennoj-byt-soznanie.html&d=1>.

коммуникативных ситуациях, могут считаться продуктами одной глобальной коммуникативной ситуации, определяемой общими чертами тех структур индивидуальных знаний, которые явились основами для порождения. Такие тексты должны иметь точки соприкосновения их смысловых структур, не обусловленные свойствами конкретной коммуникативной ситуации, вступать в диалогические отношения друг с другом, вне зависимости от того, вступали ли их авторы в реальные диалогические отношения. По словам Бахтина: «два сопоставленных чужих высказывания, не знающих ничего друг о друге, если только они хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения. Они соприкасаются друг с другом на территории общей темы, общей мысли»¹.

Р. Якобсон писал о «необычайно высокой степени подобия между системами передачи генетической и вербальной информации»². Э. Галлимов утверждает, что в языке можно увидеть «создание канала информации, параллельного генетическому»³. М.В. Ильин также пишет о том, что «выстраиваются ряды неслучайных соответствий между языковым обеспечением коммуникации людей, создаваемых ими дискурсов и языков, а также генетическим обеспечением морфогенеза клеток и создаваемых ими организмов и видов... Аналогия язык – геном, а скорее, осуществление межличностной коммуникации между людьми в их общностях и осуществление информационного обмена между клетками организма не только эвристична, но имеет безусловное позитивное научное значение с точки зрения единства информации, сходств и различий различных типов информации»⁴.

Д.С. Лихачев поставил вопрос о концептосфере русского языка (шире – национальных языков), которая соотносится со всей культурой нации, в том числе с литературой, фольклором, наукой, изобразитель-

¹ Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 293.

² Jakobson R. Linguistics. Relationship between the science of language and other sciences // Main trends of research in the social and human sciences. The Hague: Mouton, 1970. Pp. 419–453.

³ Гордон А.Г. Диалоги. М.: Предлог, 2004. С. 35.

⁴ Ильин М.В. Язык Бога и чтение генома. Трансфер лингвистических аналогий в когнитивный аппарат современной биологии и генетических аналогий в языкознании. URL: <http://cas-inion.blogspot.com/>.

ным искусством, «со всем историческим опытом нации и религией особенно»¹. «Если концепт, – продолжал размышлять Д. Лихачев, – является условной „алгебраической“ подстановкой значения слова или выражения, сокращающей мыслительный процесс пользующегося этой подстановкой, то концептосфера национального языка в целом является в известной мере „алгебраической“ подстановкой всего культурного опыта нации, и в этом отношении можно говорить о национальном языке как о показателе культуры нации в целом»².

И.В. Кондаков использует понятие «концептосфера» и полагает, что отличие концептосферы от семиосферы (и подобных ей пространственных представлений) заключается в том, что концептосфера – это не аморфное и разнородное «облако знаков», а смоделированная сеть обобщающих концептов (смысловых «узлов» или «сгустков»), соединяющих в себе понятия, которые обобщают образы и символы культуры, служат средством организации смыслового (социокультурного) пространства и его теоретического (культурфилософского или лингвокультурологического) обобщения (концептуализации). Каждый объект научного изучения (национальная культура и конкретный язык, национальные литература и искусство, творчество того или иного мыслителя или художника) может быть представлен через его концептосферу, в то время как семиосфера во многих случаях – общая, концептуально более размытая и неопределенная³.

Г.Д. Гачев ввел в культурный и научный оборот понятие «Космо-Психо-Логос»: «Всякая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, то есть единство национальной природы, склада психики и мышления»⁴. Это трехсоставное понятие призвано представить национальные образы мира (цельные и дифференцированные для каждого этноса и нации, точнее – для каждой локальной культуры и национального менталитета), соединяющие в себе представления и переживания природно-космического, эмоционально-психологического и словесно-логического (т. е. языкового) порядка как гетерогенные смысловые миры разных народов (в том числе и русского).

¹ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 145.

² Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 156.

³ Кондаков И.В. Концептосфера русской культуры. URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-4-22/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/5269.html>.

⁴ Гачев Г.Д. Космо-психо-логос: Национальные образы мира. М.: Академический Проект, 2007. С. 9.

Исследователь Д. Рашкофф констатирует: «Инфосфера стала нашей новой окружающей средой... Инфосфера стала вести себя, как живой организм – система не менее сложная, масштабная и самодостаточная, чем сама природа. Как любой биологический объект, она стремилась расти. Питаясь долларами тех, кому все еще казалось, будто они строят замкнутую потребительскую культуру, медиа расширились в ту потрясающую всемирную паутину, которой мы наслаждаемся сегодня. Сетевые и независимые медиа породили спутниковые объединения, кабельное телевидение, телефонный маркетинг, компьютерные сети, видеоплееры и домашние „шоппинг-клубы“. Будучи более протяженными, чем бесконечная лента железных дорог, автомобильных шоссе и авиатрасс, наши медиа-сети могли достичь и затронуть каждого».¹

Все эти высказывания свидетельствуют о том, что многие исследователи убеждены, что за конкретными способами коммуникации стоит какая-то скрытая от нас система, определяющая способы всех мыслимых форм взаимодействия живых систем.

Есть и другая линия развития этой же идеи. В работах Гадамера мелькает понятие «герменевтический универсум»². Раскрывая это понятие, отечественные авторы указывают, что с его помощью обозначается вся совокупность текстов, взятых со стороны их смыслов. Между отдельными фрагментами (текстами) данного универсума устанавливается множество непосредственных и опосредованных связей, которые к тому же подвергаются изменениям вследствие непрерывного продуцирования новых текстов. Архивное дело, библиотеки, музеи, система образования, определенные аспекты политики государства и т. п. – все это факторы, определяющие состояние герменевтического универсума³.

Ю.М. Лотман ввел в науку понятие «семиотический универсум». Он полагал, что семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а «большая система», именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса. Подобно тому как, склеивая отдельные бифштексы, мы не получим теленка, но, разрезая теленка, можем получить бифштексы, – суммируя частные семиотические акты,

¹ Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Rashk/02.php.

² Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

³ Антипов Г.А. и др. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989.

мы не получим семиотического универсума. Напротив, только существование такого универсума – семиосферы – делает определенный знаковый акт реальностью¹.

Постепенно выкристаллизовывалось понимание того, что за всеми конкретными информационными и коммуникационными процессами скрыта некая глубинная структура. Таким образом, синтез понятий «универсум», «ноосфера», «семиосфера» стимулировал появление категории «коммуникативный универсум». Одним из первых эту идею озвучил Б.А. Грушин, который в своей монографии «Массовое сознание»² использовал для обозначения этой структуры понятие «универсум». Потом это понятие несколько раз мелькнуло в работе И.А. Мальковской «Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы». Здесь уже шла речь о том, что всеобщая коммуницируемость социального, политического, информационного пространств делает коммуникацию прерогативой не столько человеческого мира, сколько социально-технологического, информационного универсума, по отношению к которому человек, с его природным даром коммуникации, выступает то как функция, то как атрибут, то как клиент, то как электорат, то как потребитель. Во всех случаях человек востребуется лишь частично, в зависимости от того, какой «фрагмент» сегодня нужен коммуникации³. В 2010 году вышла работа И.Э. Клюканова, которая так и называлась: «Коммуникативный универсум»⁴.

Одну из первых моделей взаимосвязи природного и коммуникационного универсума предложила в 1998 году Ю.А. Елисеева⁵. В ее представлении речь идет о том, что на современном этапе развития науки возникает необходимость не только в систематизации представлений о роли человеческого общения, но и в сопряжении различных научных языков и логик (локальных парадигм) на основе особого внимания к категории «универсум», органично встраивающейся в эту парадигму. Из обосновываемого в работе Елисеевой понимания Единого Универсума как метасистемы, включающей природный, культурный и социальный универсумы, вытекает необходимость выявления «структуры структур», функция которой – сопряжение этих макрокосмов.

¹ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>.

² Грушин Б.А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.

³ Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 4.

⁴ Клюканов И.Э. Коммуникативный универсум. М.: РОССПЭН, 2010.

⁵ Елисеева Ю.А. Коммуникативный универсум детского чтения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 1998.

Если считать основанием вычленения данных сфер специфику коммуникативных связей в каждой из них, то область их взаимного пересечения (структурное ядро) правомерно назвать коммуникативным универсумом. Это сложноорганизованная и сложнодинамическая система, в которой на основе всеобъемлющих информационно-энергетических связей осуществляется непрерывный процесс взаимоперехода физических и нефизических форм пространства и времени. В работе Елисеевой представлена схема, приведенная на рис. 1.

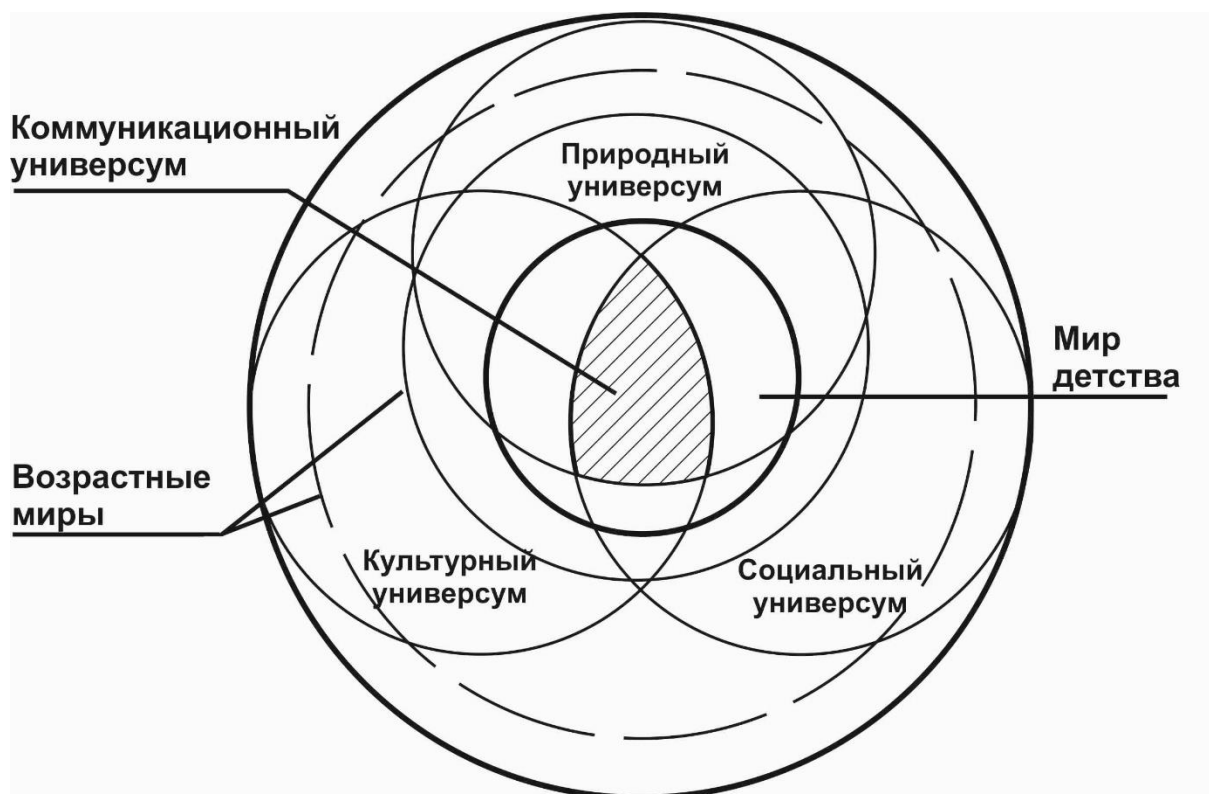

Рис. 1. Место коммуникативного универсума в системе универсумов

Другой автор – тоже из Саранска – М.В. Пац¹ предложила различать физический и символический универсумы. Язык, миф, искусство, религия – части этого символического универсума. Поскольку далее автор говорит о коммуникативном универсуме языка, то можно

¹ Пац М.В. Коммуникативный универсум языка: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2000.

предположить, что символический универсум состоит из множества вложенных в него универсумов. Вряд ли такой подход можно считать продуктивным.

В 2010 и в 2015 годах вышли еще две работы, в которых использовалось понятие коммуникативный универсум¹. Затем это понятие стало мелькать в названиях (а иногда и в содержании) некоторых книг и диссертаций².

Однако во всех этих работах слово «универсум» используется скорее как метафора, а не как научное понятие. Есть основания полагать, что накопленные знания уже позволяют придать ему более или менее строгое толкование.

Во-первых, следует уточнить саму формулировку термина. Использование в формулировке понятия «коммуникативный» стало следствием различия понятий «коммуникативная» (содержательная) сфера процесса коммуникации и «коммуникационная» сфера, включающая совокупность технических носителей сообщений³. Вероятно, именно поэтому было принято решение использовать понятие «коммуникативный универсум», чтобы было ясно, что речь идет о содержательном анализе процессов коммуникации. Однако для определения содержания есть вполне релевантный и имеющий длительную историю существования и исследования термин «информация». Поэтому для обозначения именно содержательного аспекта коммуникации было бы целесообразно использовать понятие «информационный универсум». С другой стороны, очевидно, что информация без необходимых для ее распространения технических устройств представляет собой

¹ Ключанов И.Э. Коммуникативный универсум. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010; Коммуникативный универсум духовной культуры. М.: РосНОУ, 2015.

² Каллиома Л.А. Инклюзивная медиасреда как составляющая информационно-коммуникативного универсума // Медиа. Информация. Коммуникация. 2017. URL: <http://mic.org.ru/new/634-inklyuzivnaya-mediasreda-kak-sostavlyayushchaya-informatsionno-kommunikativnogo-universuma>; Якупов А.Н. Музыкальная коммуникация как универсум искусства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnaya-kommunikatsiya-kak-universum-iskusstva>. (Впрочем, надо честно признать, что содержание некоторых из этих работ не имеет никакого отношения к словосочетанию «коммуникационный универсум».)

³ См.: Мальковская И. Зеркало и экран: культура различия и социальное пространство сходства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zerkalo-i-ekran-kultura-razlichiya-isotsialnoe-prostranstvo-shodstva>.

практически мертвую субстанцию. Именно поэтому, генерируя категорию для наиболее адекватного обозначения описанного выше феномена, представляется целесообразным объединить понятия «информация» и «коммуникация» в термине «информационно-коммуникационный универсум».

Во-вторых, целесообразно подчеркнуть глубокую, хотя и малоисследованную связь информационно-коммуникационного универсума с такими понятиями, как «жизненный мир», «ноосфера», «семиосфера» и др.

В-третьих, необходимо обратить внимание на способность информационно-коммуникационного универсума быть не просто средством взаимодействия людей, а выступать в роли активного инициатора преобразований внешнего и внутреннего миров человека. Речь идет о так называемых аффордансах.

Аффордансы информационно-коммуникационного универсума

Понятие «аффордансы» ввел в науку Дж. Гибсон¹, хотя аналогичные представления высказывали до него многие ученые. Суть идеи аффордансов заключается в предположении, что все вещи, которые окружают человека, предоставляют ему некоторые возможности². В современной инженерной психологии и эргономики «аффорданс», как правило, используется для обозначения ситуаций, при которых объект показывает субъекту способы своего использования своими неотъемлемыми свойствами³. Вещи могут не только «детерминировать» или служить «фоном человеческого действия», но еще и допускать, позволять,

¹ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.

² У. Найссер разъясняет идею Дж. Гибсона о предоставлении возможностей следующим образом: «Пол позволяет ходить по нему, ручка дает возможность писать и т. д. ... Предоставление объектом возможности – или, иначе, его значение – зависит от того, кто его воспринимает. Каждый естественный объект может иметь огромное множество способов употребления и потенциальных значений, и каждый световой поток специфицирует бесконечное множество возможных свойств. Воспринимающий делает выбор из этих свойств и предоставлений благодаря специфической готовности к восприятию некоторых из них» (Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. С. 92.).

³ Норман Д. Дизайн вещей будущего. М.: StrelkaPress, 2013.

предоставлять, способствовать, разрешать, предлагать, влиять, мешать, делать возможным, препятствовать и т. д.¹

Дальнейшее развитие этой идеи позволило сделать вывод о том, что среда сама активна, она не просто *предоставляет возможности*, но и подталкивает субъекта к определенным действиям. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности функционального подхода к информационно-коммуникационному универсуму. Разумеется, каждый субъект, вступающий в коммуникацию с кем-либо, ставит перед собой какие-то цели. И никто не может помешать исследователю коммуникативных процессов приписывать коммуникации любые функции (что, собственно, все и делают), однако это вовсе не значит, что информационно-коммуникационный универсум возник для осуществления именно этих функций. Разве природа существует для того, чтобы удовлетворять наши потребности? Разве язык существует для того, чтобы мы ругались с соседями? Мы используем и природу, и язык, и других людей для решения наших проблем, но это вовсе не значит, что в этом их функция.

С этой точки зрения, информационно-коммуникационный универсум дает возможность, а иногда и приглашает использовать его для каких-то для нас важных целей. Но, как и в ситуации использования любых других аффордансов, качество использования прежде всего зависит от интересов и умений субъекта, который пытается этот аффорданс использовать. Проводя аналогию: кого-то топор «приглашает» наколоть дров для старушки, а кого-то – использовать орудие против нее же с целью завладеть пенсией.

Поэтому, на наш взгляд, бессмысленно обвинять информационно-коммуникационный универсум в том, что медиатекст является мощнейшим проводником идеалов массовой культуры, с трансляцией которой и связаны его функции, поэтому для лингвокультурологов существенный интерес представляют социальные и эстетические характеристики массовой культуры, доминирующей в условиях глобализации.

¹ Многообразие видов действия применительно к технологии, обычной и виртуальной, блестяще показано в: Suchman L.PlansandSituatingActions; GoodwinC, GoodwinM.Formulatingplanes: Seeingasasituatingactivity; и Conein B., DodierN., ThevenotL.Lesobjetsdans l'action. Delamaisonaulabora-toire.

Перечисляя идеалы так понимаемой массовой культуры, Е.О.Матвеева формулирует их следующим образом.

- Упрощенное понимание смысла бытия и ценностей, определяющих жизнь человека. Разнообразные продукты массовой культуры, которые у всех на виду и на слуху (любовные романы, детективы, глянцево-журналы, телевизионные шоу), как правило, ориентируют читателя, зрителя, слушателя на достаточно примитивные схемы самореализации, воспитывают стереотипные представления о счастье, ориентируя человека лишь на внешний успех, связанный с материальным достатком, карьерой, успешной личной жизнью, возможностью демонстрации превосходства над окружающими. Отсюда способность даже смерть превратить в рейтинговую программу. Легко заметить, что рекламные ролики и сериалы делаются в наше время по одним культурным, языковым, психологическим лекалам. Сюжет рекламного ролика почти всегда можно легко развернуть до сериала и наоборот.

- Ориентация социума на вечный праздник бытия, где даже серьезные проблемы могут быть преодолены с помощью очередного «чуда-средства», гарантирующего вечную молодость, здоровье, красоту, достаток, успех.

- Перманентная эксплуатация стереотипов, свойственных упрощенному миропониманию.

- Утверждение весьма распространенного в массовой культуре феномена, определяемого как «психология скоротечности», когда человек больше не привязывается надолго не только к вещам, но и к окружающим людям, психологически переставая нуждаться в длительных межличностных отношениях.

- Провокация истеричной потребности в постоянной самопрезентации. В наши дни никчемные, пустотелые личности не стесняются выставлять свои (иногда весьма сомнительные) достижения в СМИ, особенно в интернете. По всему миру жертвы массовой культуры не стесняются хвастаться своими пороками и бездарностью. Подобная ситуация замечательно описана в романе Бена Элтона «Номер один», где

участники популярной телевизионной передачи, не замечая у себя полного отсутствия таланта, стремятся стать звездами¹.

Этот же автор пишет о том, что еще одна весьма значимая в условиях глобализации функция медиатекстов связана с продвижением на рынок определенных товаров, услуг, идей, начинаний, иными словами, идеи потребления, оказывающей серьезное воздействие на культуру глобального общества. Причем в данном случае речь идет не только о многочисленных рекламных посланиях, специфика которых – тема отдельной статьи. Интерес представляют лингвокультурные и лингвопсихологические приемы реализации установок потребления в медиатексте. Один из таких приемов – обращение к авторитету медийной личности, хорошо знакомой целевой аудитории, имеющей определенный статус. Медиатексты, главным героем которых становится звезда, позволяют создавать скрытую рекламу, имплицитно продвигая те или иные товары, услуги, начинания с помощью контекстуально уместных вопросов. Например, «Как же Вам удастся так великолепно выглядеть при чрезвычайной востребованности в театре, в кино, на телевидении?». В ответ следуют пространные рассуждения о здоровом образе жизни, диете и, конечно, креме X, который «дарит моей коже молодость и красоту».

В условиях господства массовой культуры определенной трансформации подвергается даже сущностная функция медиатекстов, связанная с трансляцией информации: сегодня информационная функция медиатекста все больше сближается с развлекательной. Например, сейчас информация о личной жизни знаковых персонажей актуализируется не только в глянцевых изданиях, но и в серьезных СМИ, особенно в период предвыборных кампаний. Зрители, читатели, слушатели в странах с развитой коммуникацией и политику воспринимают как шоу, где особый интерес представляют сенсации и пикантные подробности. Характерный пример – президентская кампания 2016 года

¹ Матвеева Е.О. Влияние глобализации на развитие и трансформацию функций отечественных медиатекстов // Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2019. С. 321–327.

в США, отголоски которой дошли до нашей страны. В наши дни вокруг любого мало-мальски стоящего события усилиями журналистов делается шоу разного качества, нередко с фейковым содержанием.

Следующая актуальная функция медиатекста, по мнению Е.О. Матвеевой, связана с актуализацией мотива уподобления и моды, весьма значима в условиях глобализации. Причем содержание понятия «мода» трактуется весьма широко. Суггестивный потенциал современных СМИ способен сделать модным любое, даже на первый взгляд экзотическое увлечение. В данном случае используется «принцип общего» вагона, когда адресату показывают некое симпатичное сообщество людей, во многом похожих на него, а далее следует прямой или имплицитный призыв присоединиться к ним. В таких текстах нередки обобщения: «все», «всегда», «везде», «повсюду». Например: «Все хипстеры столицы уже знают о кармический йоге»; «Молодежь всегда была среди тех, кто принимал новую моду».

Будучи средством оперативного реагирования на актуальные события, медиатексты фиксируют социально-психологические изменения, происходящие с нашими современниками. В частности, психологи отмечают нарастающую возрастную регрессию, когда взрослые люди по разным социально-психологическим причинам начинают вести себя как дети. Знаковой стороной регрессии становится речь и различные медиатексты. На страницах популярных женских журналов и интернет-сайтов мелькают слова-экспромты: «няшки», «мимимишно», «развивашки», «милота». Заметим, что речь идет не о малышах, а о взрослых людях¹.

Нам представляется, что все эти функции являются плодом фантазии автора. Нет у медиатекста таких функций. Другое дело, что некоторые индивиды и социальные институты могут использовать медиатексты для решения своих задач. А информационно-коммуникационный универсум однажды отомстит с помощью других людей и институтов за такое использование медиатекстов.

¹ Матвеева Е.О. Влияние глобализации на развитие и трансформацию функций отечественных медиатекстов // Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2019. С. 321–327.

Зато у информационно-коммуникационного универсума есть свои – очень важные – аффордансы, о которых мы либо мало знаем, либо не умеем ими пользоваться. Об одном из них писал много лет назад в программной «Декларации Независимости киберпространства» Джон Барлоу: «Мы создаем мир, в который все могут вступать без привилегий или предубеждений, порожденных расовыми различиями, экономической властью, военной силой или местом рождения. Мы создаем мир, где любой и везде может выражать его или ее убеждения, независимо от того, насколько он необычен, без страха быть принужденным к молчанию или конформизму. Ваши правовые концепции собственности, выражения, индивидуальности, перемещения и контекста неприменимы к нам. Они базируются на материальности, но здесь нет материальности. Наши индивидуальности не телесны, так что, в отличие от вас, мы не можем добиваться порядка через физическое принуждение. <...> Мы верим, что наше управление будет возникать из этики, просвещенного личного интереса и всеобщего блага. Наши индивидуальности могут быть распределены поперек многих ваших юрисдикций»¹.

Еще более значительные аффордансы открыли два российских исследователя: А.Г. Асмолов и Г.А. Асмолов. Анализируя функции интернета, который, напомним, является самой продвинутой частью информационно-коммуникационного универсума, эти авторы указали на то, что интернет представляет собой принципиально незавершаемую генеративную сеть, порождающую непредсказуемые эффекты в поведении сложных систем. В статье обосновывается гипотеза, согласно которой интернет выступает как сетевая технология, обуславливающая «социальный ароморфоз» – скачок к качественно иному образу жизни. В силу своей принципиальной открытости и незавершенности интернет ускоряет процессы роста разнообразия социальной организации, одновременно увеличивая ее преадаптивный потенциал и чувствительность к изменениям. На основе концепции генеративности демонстрируется роль интернета в росте разнообразия деятельности, опосредствуемых через разные культурные орудия (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Ю. Энгелстром). Анализ генеративности интернета в

¹ Барлоу Д.П. Декларация Независимости Киберпространства. URL: <http://www.telecom-law.ru/articles/declaration.html>.

контексте историко-эволюционного подхода дает возможность раскрыть эволюционный смысл интернета как ресурса вариативности и преадаптации в эпоху нарастающей неопределенности и цивилизационных кризисов. Кроме того, взаимодействие концепции генеративности и историко-эволюционного подхода позволяет предложить новую интерпретацию различного рода инициатив по регулированию и суверенизации интернета¹.

Доказывая эту идею, авторы опираются на работы исследователя из Гарвардского университета Джонатана Зиттрейна², по мнению которого открытая архитектура системы интернета позволяет постоянно генерировать все новые продукты и смыслы, которые не были частью изначального замысла его создателей. Однако, согласно Дж. Зиттрейну, такие понятия, как «открытость» или «общедоступность», не являются достаточными для идентификации ключевой характеристики интернета. Чтобы описать природу этого феномена, Дж. Зиттрейн предлагает использовать понятие «генеративность». По его определению: *«Генеративность – это способность системы производить непредсказуемые изменения через нерегулируемые вклады от широкой и разнообразной аудитории»*³. Группы или индивиды, которые участвуют в процессе генерации – производства непредсказуемых эффектов, могут работать скоординировано или независимо друг от друга.

Дж. Зиттрейн выделяет несколько свойств генеративных систем:

- 1) то, в какой степени та или иная технология или система способствует достижению определенного спектра задач;
- 2) то, как просто эта технология может быть приспособлена к диапазону новых задач;
- 3) то, как легко новые участники могут освоить эту технологию;
- 4) то, насколько технология доступна;
- 5) то, насколько использование той или иной технологии может быть перенесено в другие контексты⁴.

¹ Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 1–26.

² Zittrain J. The future of the Internet – And how to stop It. New Haven, CT; L.: Yale Univ. Press, 2008.

³ «Generativity – is a system’s capacity to produce unanticipated change through unfiltered contributions from broad and varied audiences» (p. 70).

⁴ Zittrain J. The generative Internet. Harvard Law Review, V. 119. May 2006; Oxford Legal Studies Research Paper N. 28/2006; Berkman Center Research Publication, 2006.

Комментируя этот тезис Зиттрейна, А.Г. Асмолов и Г.А. Асмолов констатируют, что **первое качество генеративных систем – способ достижения цели (*leverage*)** фокусирует внимание на том, в какой степени та или иная технологий может принципиально способствовать возможности достижения широкого спектра целей. Иными словами, генеративные технологии делают сложные задачи простыми, а также в принципе расширяют спектр возможностей. Чем меньше усилий требует решение задачи, тем более генеративна технология. И компьютеры, и сетевые технологии показали себя как системы, которые могут быть средством для решения широкого спектра задач, заметно облегчающих достижение целей.

Вторая характеристика генеративных систем – адаптивность (*adaptability*). Некоторые инструменты могут быть эффективны для достижения целей, но только в узком спектре. По словам Дж. Зиттрейна, адаптивность – это то, насколько легко технология может быть построена или модифицирована, чтобы расширить диапазон ее применения. Согласно этому гарвардскому исследователю, «генеративность системы означает, что она позволяет сотни различных дополнительных видов использования помимо тех, которые имелись в виду изначально»¹. Ключевой аспект генеративности заключается в том, что формы использования технологии не могли быть предвидены и предсказаны, когда эта технология разрабатывалась. Персональные компьютеры и интернет генеративны потому, что они могут быть использованы для решения бесконечного спектра задач, которые даже не предполагались их изначальными разработчиками.

Третье качество генеративных технологий – легкость в освоении (*ease of mastery*). Здесь главный вопрос в том, какие компетенции необходимы для эксплуатации той или иной технологии, а также сколь легко приобретаются, достраиваются новые компетенции в случае необходимости.

Четвертая характеристика генеративности – доступность (*accessibility*). Чем легче получить доступ к технологии, тем более генеративной она является. Любые барьеры (как, например, стоимость и регулирование) ограничивают потенциал генеративности. Так, если

¹ Zittrain J. The generative Internet. Harvard Law Review, V. 119. May 2006; Oxford Legal Studies Research Paper N. 28/2006; Berkman Center Research Publication, 2006.

машина требует получения прав, а также финансовых ресурсов для покупки и соблюдения правил для управления, то интернет является более доступным с точки зрения как условий и возможностей доступа, так и правил по его использованию.

Наконец, **пятая характеристика** – это «переносимость» (*transferability*), или **мобильность технологии**. Это качество генеративности определяется тем, в какой степени технология, созданная в одном месте, может быть перенесена в другое пространство, где она будет употребляться другой аудиторией в другом контексте. К примеру, технологии, привязанные к конкретным стандартам, могут быть применены только локально. Программное обеспечение может распространяться без преград.

По мнению Дж. Зиттрейна, сочетание этих пяти качеств создает большую степень непредсказуемости последствий использования технологии, в то время как отсутствие одного из пяти качеств может не позволить технологии стать генеративной¹.

Дж. Зиттрейн связывает генеративность с двумя позитивными тенденциями развития. Первая – это тенденция усиления непредсказуемых изменений, которые могут улучшить человеческую жизнь. Вторая – инклюзивность; она способствует приобщению больших и разнообразных групп к процессам, которые позволяют людям объединяться и выражать свою индивидуальность в различного рода продуктивных формах деятельности. Тенденция инклюзивности проявляется как в новых типах культурного производства, так и в новых социально-политических практиках.

Другая идея, от которой отталкиваются А.Г. Асмолов и Г.А. Асмолов, связана с идеями историко-эволюционного и культурно-деятельностного анализа². Данный подход основан на том, что процессы эволюции индивидуальностей и систем, в которых они существуют, неразрывно связаны и протекают в обоюдном контексте как «подвижное в

¹ Zittrain J. The generative Internet. Harvard Law Review, V. 119. May 2006; Oxford Legal Studies Research Paper N. 28/2006; Berkman Center Research Publication, 2006.

² Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2007.

подвижном»¹. Эта точка зрения отлична от классических социологических теорий, в которых система и индивидуальное действие не рассматриваются как двуединные сущности: они либо противопоставляются, либо интегрируются. В результате остается неясным, как можно «перебросить мосты» от индивидуальных действий к социальным образованиям и обратно от этих образований к отдельным людям, сохраняя качественное своеобразие обеих структур². Историко-эволюционный анализ человека позволяет уйти от традиционной постановки вопроса, поскольку предполагает неотделимость человека от свойств и динамики тех сетей, в которых он существует, а также встречной зависимости формирования и развития этих сетей.

Оценивая суть и значение генеративности с помощью историко-эволюционной методологии, А.Г. Асмолов и Г.А. Асмолов опираются на две концепции. **Первая – это теория преадаптации** Люсьена Кено³, согласно которой система накапливает не востребуемые и на первый взгляд «бесполезные» отклонения, которые могут оказаться необходимыми в момент кризиса при прохождении через точку бифуркации, когда система выбирает путь своего дальнейшего развития. Различные формы неадаптивного поведения, которые идут «против течения» вопреки общепринятым целям и социальным нормам, потенциально несут в себе зерно преадаптивности. **Вторая – это концепция вариативности**, обосновывающая зависимость способности системы к развитию от степени разнообразия входящих в нее элементов. Согласно известному эволюционному биопсихологу В.А. Вагнеру, «чем выше развито то или иное сообщество, тем больше вариативность проявлений входящих в него индивидов»⁴. Преадаптация и вариативность – связанные между собой явления: именно вариативность является ос-

¹ Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. От организма как целого к персонифицированному сообществу: трансформация самоорганизации в социобиологии // Психол. исслед.: электрон. науч. журн. 2016. Т. 9. № 48. С. 2.

² Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

³ Кено Л. Теория предварительной приспособленности // Природа. 1914. С. 1297–1304; URL: www.paleobot.ru/pdf/4-6_2013_8.pdf.

⁴ Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей // Эволюция психических способностей по чистым и смешанным линиям. Вып. 7. Л.: Культурно-просветительное кооперативное товарищество «Начатки знаний», 1928.

новным способом накопления преадаптационных ресурсов и, следовательно, инструментом развития¹. Более того, эволюция может рассматриваться как рост потенциала системы реагировать на непредвиденные вызовы и системные кризисы.

Генеративная система в силу принципиальной незавершенности и открытости для непредсказуемых перемен постоянно мотивирует и стимулирует вариативность. Это не просто система, которая терпима к переменам и отклонениям, – она по сути своей архитектуры живет через максимальное разнообразие. Иначе говоря, для генеративных систем производство вариативности является системным качеством, которое неотделимо от самого существования системы. Рост разнообразия тесно связан с ролью новых элементов, возникающих в развивающихся системах. Маргинальные, менее заметные или избыточные элементы системы могут играть возрастающую роль в определении вектора развития системы. К примеру, роль отдельного индивида может порождать масштабные системные процессы, в особенности когда поведение системы становится нелинейным и непредсказуемым. По словам автора концепции нелинейного развития систем, лауреата Нобелевской премии Ильи Пригожина: «Особенно в наше время глобализации и сетевой революции поведение на индивидуальном уровне является ключевым фактором в формировании эволюции всего человеческого рода. Всего несколько частиц могут принципиально изменить макроскопическую организацию»².

Отсюда авторы делают вывод о том, что интернет представляет собой инновацию, обуславливающую скачок к новому образу жизни – социальный ароморфоз³. Напомним, что под ароморфозом классик эволюционной биологии А.Н. Северцов понимал скачок эволюции, приводящий к качественно иному образу жизни тех или иных видов, расширению их приспособительных возможностей при критических изменениях среды обитания⁴.

¹ Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.

² Prigogine I. Is future given? Changes in our description of nature. L.: WorldScientific, 2003. p. 20.

³ Термин «социальный ароморфоз» был введен в работе: Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В. Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: ЛКИ, 2008.

⁴ Северцов А.Н. Главные направления эволюционного процесса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.

Анализ генеративности в контексте историко-эволюционного подхода предлагает новые подходы к пониманию роли информационно-коммуникационного универсума:

1) как системы, способствующей развитию ресурса вариативности и преадаптации;

2) как ресурса реагирования на кризисы и рост уровня сложности/неопределенности, в том числе благодаря механизмам сетевой интеграции и дифференциации;

3) как системы, определяющей переход (социальный ароморфоз) к новым типам образа жизни.

Информационно-коммуникационный универсум как генеративная система позволяет широкой и разнообразной аудитории быть причастной к порождению непредвиденных перемен, то есть является «фабрикой» вариативности. Именно принципиальная невозможность жесткой системы нормативной и социальной регуляции информационно-коммуникационного универсума создает пространство для проявления неадаптивного поведения в рамках различного рода субкультурных виртуальных сообществ, для подготовки к непредсказуемым кризисам, для активного поиска новых путей развития системы. Информационно-коммуникационный универсум выступает в роли пространства социального воображения (термин канадского философа Чарльза Тейлора), в котором происходит деконструкция существующих социальных и нормативных шаблонов. Среди примеров подобного рода пространств – различные виртуальные сообщества, коллективные игровые сферы, блогосферы и платформы, предлагающие участникам свои правила игры. Каждая личная страница или блог как платформа для формирования виртуальной идентичности являются потенциальными ресурсами вариативности и неадаптивности¹.

Генеративная система не только производит новые смыслы, но и опосредствует новые формы отношений между субъектом и его окружающей средой. Таким образом, продуктом генеративных систем как механизмом опосредствования являются новые системы деятельности вокруг новых типов задач. Иными словами, на уровне смыслов генеративные си-

¹ Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 3–15.

системы формируют новые цели, а на уровне деятельности предлагают новые механизмы достижения этих целей. Приведем два примера инструментов/технологий, позволяющих формировать открытые системы деятельности на индивидуальном и коллективном уровнях. На индивидуальном уровне наиболее ярким образцом генеративных инструментов являются 3D (трехмерные) принтеры. Сегодня такие принтеры делают возможным создание многообразных трехмерных предметов, прототипы которых разрабатываются в интернете. Как отмечает Крис Андерсон¹, подобные инструменты ведут к индивидуализации и персонализации производственных процессов. К примеру, ребенок может сам спроектировать и создать игрушку, которая будет уникальной, неся отпечаток личности своего создателя. Генеративные инструменты, являясь посредником между человеческой фантазией, отраженной в генеративном пространстве, и миром физическим, способствуют материализации воображения – как относительно конкретных артефактов, так и социального устройства/порядка.

На коллективном уровне генеративная система деятельности предлагает инструменты формирования динамичных сетей активности вокруг широкого спектра целей. Таким инструментом (и одновременно методологией) являются технологии краудсорсинга, с помощью которых можно через сеть мобилизовать ресурсы индивидов вокруг целей, рождающихся в рамках разных специалистов вокруг решения насущных проблем. Отличительная черта краудсорсинговых платформ заключается в том, что инициатором формирования системы деятельности вокруг той или иной цели может стать каждый индивид. Таким образом, сетевые механизмы деятельности также ведут к росту влияния отдельного индивида на всю систему, что в контексте генеративных систем делает вариативность системным фактором.

Завершая свою статью, авторы пишут о том, что интернет стал первым глобальным, широкодоступным и постоянно существующим генеративным пространством. Историко-эволюционный анализ показывает, что появление такого феномена не случайно. Рост уровня рисков балансируется ростом уровня разнообразия и потенциала влияния отдельных

¹ Anderson C. Makers: The new industrial revolution. N.Y.: Crown Business, 2012.

индивидов, новыми системными возможностями интеграции и масштабами ресурсов преадаптации. Именно сохранение генеративности является принципиальным фактором устойчивости социальных и политических систем в свете грядущих кризисов. Благодаря широкому спектру задач, которые могут быть решены с помощью таких систем, именно генеративные системы могут играть решающую роль в кризисных ситуациях. Разнообразие «маргинальных» частных элементов, таким образом, повышает вероятность того, что в ситуации кризиса или роста сложности и неопределенности может появиться элемент, который сыграет принципиальную роль не только в сохранении устойчивости системы, но и в выборе дальнейшего вектора развития.

А вот еще несколько аффордансов информационно-коммуникационного универсума.

Интернет как мобилизатор человеческих ресурсов. Феномен «сетевой толпы»

Интернет – это не только инструмент властного и культурного производства. Одновременно он является чрезвычайно действенным механизмом классификации и мобилизации человеческих ресурсов. Это акцентируется прежде всего в концепции краудсорсинга как спектра практик по использованию цифровых технологий для ресурсной мобилизации вокруг широкого спектра задач¹. Эта мобилизация происходит не обязательно сверху вниз. Ресурс сам может себя мобилизовать, и как раз подобные модели самоорганизации снизу вверх являются наиболее эффективными. Сетевая толпа («крауд») кардинально отличается от феномена толпы, описанного еще Г. Лебоном в XIX столетии. Согласно Лебону, классическая толпа – это группа людей, объединенных единым физическим пространством. Реагируя на то или иное событие как поведенческий триггер, она ведома прежде всего эмоциями, быстро распространяющимися от одного индивида к другому и подавляющими их индивидуальность. Сетевая толпа принципиально отлична от такого деперсонифицированного объединения². Общая реакция членов сетевой толпы опосредована не через физическую

¹ Хау Д. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012.

² Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Терра, 2008.

близость «плечом к плечу», а через цифровые технологии, позволяющие уйти от эмоциональной реакции к осмысленным форматам реагирования. Поэтому цифровые технологии позволяют раскрыть потенциал «умной толпы»¹, или «мудрой толпы»², не ущемляя индивидуальности ее членов.

Коннективные действия и феномен «сетевой публики»

Роль интернета во взаимодействии между индивидами изучается и исследователями коллективной деятельности. К примеру, Л. Беннет и А. Сегерберг³ вводят понятие «коннективное действие» – новый формат коллективной деятельности, осуществимый благодаря цифровым технологиям. Концепция коннективного действия подчеркивает возможность кооперации между людьми, не обладающими общей идентичностью и не принадлежащими к общей организационной структуре. Утверждения о потенциальном появлении новых типов акторов, к примеру «сетевой публики»⁴, и новых форм взаимоотношений зачастую опираются на концепцию аффордансов.

Гаджеты и цифровые платформы как культурные орудия опосредствования деятельности

Свое *видение* роли интернета предлагают и последователи культурно-деятельностного подхода в психологии, развивающие представления о цифровых технологиях как культурных орудиях, опосредствующих разные формы деятельности⁵. Культурно-историческая теория деятельности подчеркивает, что цифровые орудия предлагают новые форматы опосредования и создают возможность для возникновения новых типов систем деятельности. Также исследователи опосредования обращают внимание на то, как цифровые платформы задают новые

¹ Говард Р. Умная толпа. Новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.

² Surowiecki J. The wisdom of crowds. N.Y.: Anchor Books, 2005.

³ Bennett L., Segerberg A. The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.

⁴ Boyd D. Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics and implication // Pa- pacharissi Z. (ed.). A networked self: Identity, community and culture on social network sites. N.Y.: Routledge, 2011. P. 39–58.

⁵ Коул М. Культурно-историческая психология – наука будущего. М.: Когито-центр; ИПРАН, 1997; Wertsch J. Mind as action. Oxford, UK: Univ. Press, 1998; Kaptelinin V. The mediational perspective on digital technology: Understanding the interplay between technology, mind and action // Price S., Jewitt C., Brown B. (eds). Sage handbook of digital technology research. L.: Sage, 2014. P. 203–217; Engeström Y. From teams to knots: Studies of collaboration and learning at work. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2008 и др.

механизмы самоконтроля индивида и овладения собственным поведением.

Отмечая это, мы хотим обратить внимание на необходимость сравнительного анализа таких разных подходов к техникам самоконтроля, как техники опосредствования в культурно-деятельностной теории последователей Л.С. Выготского и технологии по управлению субъекта собой в контексте представлений М. Фуко о «технологиях себя»¹.

Интернет и трансформация традиционных экономических институтов

Еще одно направление исследований интернета посвящено социально-экономическим переменам, вызванным новыми видами взаимоотношений индивидов, складывающимися за счет цифровых платформ и сетевых технологий. Так, Йохай Бенклер² доказывает, что благодаря интернету люди способны производить различные товары и объекты децентрализованно, т. е. в рамках горизонтальной кооперации, не нуждаясь в иерархической координации процесса. При этом среда для горизонтальной кооперации является одновременно и средой расцвета креативности, что позволяет связать обмен идеями с их реализацией. Интернет, кроме того, может обеспечивать модульность производства, т. е. позволяет разбить любой проект на большое количество отдельных элементов, над которыми могут работать разные эксперты, а затем интегрировать эти элементы. Отмечается также, что подобного рода децентрализованное производство ведомо иными типами мотиваций, чем те, которые присутствуют в традиционном иерархическом производстве. По словам Й. Бенклера, эгалитарная структура производства, предлагаемая сетевой и цифровой архитектурой, позволяет более эффективно проявляться человеческому благородству, в то время как сам процесс участия в сетевом производстве усиливает благодарные мотивации индивидов и, следовательно, трансформирует общество. Близкий аргумент использует и американский исследователь К. Ширки³, утверждающий, что информационные технологии позволяют мобилизовать ресурс «когнитивного остатка», т. е. повысить эффективность

¹ Фуко М. Управление собой и другими. СПб.: Наука, 2011.

² Benkler Y. The Penguin and the Leviathan: How cooperation triumphs over selfinterest. N.Y.: CrownBusiness, 2011.

³ Ширки К. Включи мозги. Свободное время в эпоху Интернета. М.: Карьера Пресс, 2012.

использования свободного времени человека для решения принципиально важных глобальных проблем. Таким образом, вызов бросается не только традиционным политическим институтам власти, но и традиционным экономическим институтам производства.

Интернет и социальное воображение

Попытки упорядочить и объяснить столь радикальное различие в оценке роли интернета и цифровых технологий в целом предпринимаются со стороны исследователей социального конструирования технологий, а также исследователей, которые изучают общество, базируясь на концепциях «социального воображения»¹. Социальные конструктивисты рассматривают такое разнообразие оценок в контексте изучения и существующих технологий, и процесса их развития. В этом случае исследователи становятся не только теми, кто пытается дать объяснения каким-либо феноменам, но и представителями одной из групп, участвующих в конструировании технологии через разработку и продвижение тех или иных интерпретаций (позитивных или негативных), их социальной, культурной и политической ролей. Профессор Лондонской школы экономики Р. Манселл² предлагает рассматривать интернет на основе разных моделей социального воображения. В частности, она анализирует интернет в контексте трех моделей социального воображения. Согласно первой модели, интернет должен развиваться в рамках законов свободного рынка без вмешательства каких-либо регуляторов. Вторая модель также рассматривает интернет в контексте экономического развития, утверждая, что регуляционное вмешательство государства необходимо для гарантирования прав, благополучия и безопасности граждан. Третья модель принципиально отличается от двух предыдущих. В ней главной силой развития интернета считается гражданское общество и сообщество пользователей, которое базируется на горизонтальных децентрализованных формах сотрудничества и производства. В этом случае развитие интернета обуславливается не столько фирмами или государством, сколько прежде всего самими пользователями.

¹ TaylorCh. Modern social imaginaries // Public Culture. 2002. V. 14. N 1. P. 91–124.

² Mansell R. Imagining the Internet: Communication, innovation, and governance. Oxford, UK: Univ. Press, 2012.

Развитие генеративной системы опережает развитие других социальных систем за счет открытости, незавершенности и, как следствие, повышенного творческого потенциала: здесь возникают все новые форматы отношений, смыслов, социальных моделей. Таким образом, генеративные системы являются пространством развития социального воображения (термин канадского философа Чарльза Тейлора). Можно сказать, что генеративная система – в данном случае интернет – это полигон социального воображения, где происходит деконструкция существующих социальных и нормативных шаблонов. Среди примеров подобного рода полигонов – различные виртуальные сообщества, коллективные игровые сферы, блогосферы и платформы, предлагающие участникам свои правила игры. Однако каждая личная страница или блог как платформа для формирования виртуальной идентичности являются потенциальными ресурсами вариативности и неадаптивности¹. Так же как и мир карнавала, мир интернета является миром трикстеров, в том числе и потому, что «дает выход» феномену множественности и мобильности идентичностей каждого отдельного человека². Один и тот же индивид, оставаясь в прокрустовом ложе повседневности, может найти себе место в гибкой системе координат генеративной системы, позволяющей трикстер-идентичностям уживаться и параллельно развиваться вместе с привычными социальными ролями.

Жаль, что эти возможности используются значительно реже, чем те, о которых писала процитированная выше Е.А. Матвеева.

Перспективы использования категории «информационно-коммуникационный универсум»

1. Очевидно, что информационно-коммуникационный универсум представляет собой сложную саморазвивающуюся систему, аналогичную таким системам, как популяции, биогеоценозы, социальные институты и другие устойчиво воспроизводящиеся организзованности. Информационно-коммуникационный универсум, как и любая сложная саморазвивающаяся система, может входить в более сложные системы

¹ Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 3–15.

² Poster M. Cyberdemocracy: Internet and the public sphere // Porter D. (ed.). Internetculture. N.Y.: Routledge, 1996. P. 201–217.

и вместе с тем включать в качестве своих подсистем другие системы (часто тоже относящиеся к сложным организованностям)¹.

2. В структуре информационно-коммуникационного универсума можно выделить три взаимосвязанные системы: общественные, публичные и приватные коммуникации.

Общественные коммуникации – это коммуникации, организуемые общественными институтами: властью, организациями, ассоциациями, объединениями и пр. Коммуникации, которые придают передаваемой информации общественный статус, то есть вызывают (или должны вызывать) всеобщий интерес. Общественные коммуникации регулируются социальными регуляторами, включая правовые институты государства. Общественные коммуникации часто отождествляются с массовыми, что не совсем верно. Ориентация на массовость – лишь одна из характеристик общественных коммуникаций.

Публичными называются коммуникации, которые: а) призваны обеспечить обмен мнениями между достаточно четко обозначенными группами граждан по вопросам, интересующим именно эти группы; б) происходят в публичном пространстве, то есть в пространстве, специально предназначенном для общения данной группы. Протообраз так понимаемых публичных коммуникаций – камерная музыка. В XIX веке существовала позабытая ныне форма салонных альбомов. Примером публичных коммуникаций являются литературные группы.

Понятием «приватные коммуникации» имеет смысл обозначить такие системы производства и распространения информации, которые контролирует конкретный индивид. Приватные коммуникации – это коммуникации, свободные от внешнего направляющего воздействия, в том числе от правового регулирования. Однако и приватные коммуникации

¹ Существуют онтологическая и эпистемологическая точки зрения на системы. Онтологический взгляд приписывает системность самим объектам действительности, а задача исследователя сводится к обнаружению системы, описанию ее структуры, свойств и взаимодействия с окружающей средой, т. е. к объяснению ее связей и отношений. Эпистемологическая точка зрения на системность – это способность субъекта представить исследуемый объект в виде системы. Система, структура, окружающая среда в этом случае не существуют реально, а формируются лишь для лучшего познания, это способ видения объекта и стиль мышления. Элемент системы здесь не является раз навсегда точно определенным, т. к. система может расчленяться разными способами, в зависимости от поставленной задачи. В данном случае мы полагаем, что информационно-коммуникационный универсум представляет собой вполне реальную саморазвивающуюся систему.

должны иметь правовое обеспечение: законы о защите тайны переписки, запрет на прослушивание телефонных разговоров и пр.

Главная проблема современности в этой сфере: размывание границ между общественными, публичными и приватными коммуникациями. Разумеется, и раньше часть частных писем классиков заранее предназначалась для чужих глаз. С них снимались копии, и авторы не возражали против их публикации. И раньше политики объяснялись между собой посредством частных писем, размещая их в СМИ для всеобщего обозрения. Иногда формы приватной коммуникации использовались лишь как прием: А. Минкин таким образом полгода безответно обращался к Президенту. Но сейчас никого не удивляет, когда частные дневники, приватные бессюжетные записи философского или бытописательского характера, частные фотографии или видео размещаются в Интернете.

3. В качестве такой «живой» системы¹ информационно-коммуникативный универсум обладает собственными ритмами функционирования, похожими на пульсацию Вселенной, приливы и отливы океана, чередование времен года, циклы экономического развития² и т. п. Исследовать эти ритмы – одна из важнейших задач коммуникативистики³.

4. Важная особенность саморазвивающихся систем – существование внутренней направленности на усложняющееся эволюционное развитие. Новые состояния саморазвивающейся системы возникают как результат реализации ее потенциальных возможностей, как один из нескольких вероятных сценариев развития системы. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со

¹ Видимо, здесь следует четко обозначить метафоричность понятия «живой», во избежание чрезмерно антропоморфного толкования информационно-коммуникационного универсума, который, конечно же, не обладает ни сознанием, ни собственной волей.

² В начале прошлого века российский ученый Николай Кондратьев обратил внимание на особенности экономического развития развитых стран. Вкратце: есть циклы, в каждом цикле – 50–60 лет, делятся они надве волны: повышательную и понижательную. Чуть позже, в 1920-х, Кондратьев обратил внимание на то, что в этой терминологии можно описывать и социально-политическую историю. Чем вплотную и занялся в наши дни Владимир Пантин, еще в 1996-м выпустивший монографию «Циклы и ритмы истории».

³ Может быть, коммуникационные эпидемии, обозначаемые понятием «мода», охватывающие иногда целые страны и континенты, это и есть проявления этих приливов и отливов?

средой («опыт» предшествующих взаимодействий). Эти структуры выступают в функции программ поведения системы¹. И этот вопрос: что собой представляют эти структуры, которые фиксируют ценную для информационно-коммуникационного универсума информацию и определяют способы взаимодействия информационно-коммуникационного универсума со средой и его воспроизводимости как целого – один из главных вопросов, возникающих при изучении информационно-коммуникационного универсума. Современная наука выявила и описала такого рода информационные структуры и их функции применительно к живым и социальным системам. Это – генетический аппарат биологических организмов; это – культура, ее базисные ценности в организмах социальных. Вопрос состоит в том, насколько возможно распространять такой подход на информационно-коммуникационный универсум.

5. Любая сложная саморазвивающаяся система постоянно находится в движении от одного своего состояния к другому. В связи с этой констатацией возникает вопрос о направлении этого движения и факторах, влияющих на выбор этого направления. Другими словами, речь идет о возможности предсказать эволюцию информационно-коммуникационного универсума. В.С. Степин пишет: «Универсальный (глобальный) эволюционизм характеризуется часто как принцип, обеспечивающий экстраполяцию эволюционных идей, получивших обоснование в биологии, а также в астрономии и геологии, на все сферы действительности и рассмотрение неживой, живой и социальной материи как единого универсального эволюционного процесса»². Н.Н. Моисеев в термин «эволюция» также вкладывал более широкое содержание, чем биологи (как скорость образования новых видов), отождествляя этот термин с понятием «самоорганизация», т. е. с изменением системы под действием внутренних факторов и механизмов, лишенных целенаправляющего начала³. Развитие системного подхода, который рассматривает объекты как открытые самоорганизующиеся системы,

¹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. URL:http://library.by/portalus/modules/philosophy/show_archives.php?subaction=showful&id=1109081757&archive=0217&start_from=&ucat=&

² Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 643–644.

³ Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 26.

дало возможность глубже понять процессы эволюции. Вот лишь некоторые из преимуществ такого подхода.

Эволюция – это не только прогресс (идуший с усложнением структуры), т. е. изменение к лучшему, но и регресс (*от лат. «возвращение назад»*), ведущий к упрощению структуры, а также идио-адаптация, т. е. такая жизнедеятельность, при которой не происходит ни повышения, ни понижения уровня; ни прогресса, ни регресса. Кроме того, количественные постепенные изменения перемежаются качественными скачками, которые выводят систему на другой уровень – либо выше, либо ниже. С.Д. Хайтун доказывает, что если в органическом мире эволюция протекает быстрее при эффекте «потряхивания» (природных катаклизмах), то в социальном мире существует рыночный механизм, который осуществляет стрессовое давление на членов сообщества. В этом автор видит эволюционное значение рынка¹.

б. Известно, что сложная система имеет эмерджентное, синергетическое поведение, ее развитие основано на хаотических механизмах генерации новых идей и последующем их отборе. Хаос распространен в окружающем мире, он нужен как стимул деятельности, познания. Хаос является нерегулярным, непериодическим поведением сложной системы, состояния такой системы становятся неразличимыми. Для полного хаоса вероятность периодического поведения равна нулю. Хаос может быть статическим, динамическим, пространственным. И он является необходимостью развития сложной системы. Если взять полностью организованную, полностью упорядоченную детерминированную систему, то у нее отсутствуют возможности какого-либо развития. Отсюда возникает парадоксальность ситуации: для более высокой степени порядка в системе должен быть необходимый внутренний беспорядок, свобода изменений состояний, хаотичность. Для поиска эффективного режима работы системы необходима рандомизация – использование случая. Известно, что высокая степень потенциальных возможностей системы и низкая степень реализованности этих возможностей может формировать опасные тенденции развития. Оно может идти как в сторону саморазвития, так и в сторону самораспада, и здесь

¹ Хайтун С.Д. Фундаментальная сущность эволюции // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 152–166.

опять главную роль играет случай¹. Высокая степень хаотичности информационно-коммуникативного универсума очевидна, что и раздражает многих любителей неведения коммуникативного порядка. Но каково оптимальное соотношение хаоса и порядка в этой сфере? И может ли человек как-то управлять этим соотношением?

7. Важной характеристикой саморазвивающейся системы является актуализация определенных сценариев развития в зависимости от особенностей внешних воздействий. Однако в состояниях неустойчивости в точках бифуркации – когда система становится особо чувствительной к внешним воздействиям – небольшой укол в определенном пространственно-временном локусе способен существенно изменить природу саморазвивающейся системы². Причем возможны не всякие сценарии, их выбор в точках бифуркации определен генетическими особенностями системы. Однако стоит помнить о том, что возможны варианты, когда флуктуация достигает такой силы, что организация системы не выдерживает и разрушается, и принципиально невозможно предсказать: станет ли состояние системы хаотичным или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности. И тогда в точке бифуркации система может начать развитие в новом направлении или изменить свое поведение. Отсюда можно сделать вывод, что попытки активного силового преобразования информационно-коммуникационного универсума могут привести в лучшем случае к воспроизводству устаревших коммуникационных моделей. В худшем – к порождению коммуникационных монстров³. Может быть,

¹ Малинецкий Г.Г. Математические основы синергетики. Серия «Синергетика: от прошлого к будущему». М.: Издательство ЛКИ, 2007; Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. Серия «Синергетика: от прошлого к будущему». М.: Издательство ЛКИ, 2007; Пригожин И., Николис Г. Познание сложного. Серия «Синергетика: от прошлого к будущему». М.: Издательство ЛКИ, 2007; Рябов К.В. Самоорганизация в социально-экономических системах. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoorganizatsiya-v-sotsialno-ekonomicheskikh-sistemah>.

² См. Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990.

³ Трудно не процитировать Станислава Лема: *«Первые попытки установления контакта были предприняты при помощи специальных электронных аппаратов, трансформирующих импульсы, посылаемые в обе стороны, причем океан принимал активное участие в работе этих аппаратов. Океан модифицировал некоторые элементы погруженных в него установок, в результате чего записанные ритмы импульсов изменялись, регистрирующие приборы фиксировали множество сигналов, похожих на обрывки гигантских выкладок высшего анализа. Но что все это значило? Может быть, это были сведения*

это и имеют в виду исследователи, которые исследуют мудрость коммуникационной среды¹.

8. Представленное выше понимание информационно-коммуникационного универсума как сложной саморазвивающейся системы, с одной стороны, открывает новые перспективы для его изучения, а с другой – закладывает несколько методологических ограничений, минимизирующих амбиции исследователей в сфере изучения коммуникационных процессов.

А. Возникает понимание того, что информационно-коммуникационный универсум – это не жесткая система, поддающаяся инвентаризации и раскладыванию по полочкам, а живая, текучая сфера, постоянно меняющая свои формы и сущности, для обозначения которой лучше всего подходит созданный Станиславом Лемом образ мыслящего Океана планеты Солярис. Любые попытки жестко структурировать информационно-коммуникационный универсум наталкиваются на непреодолимые препятствия. Очень ярко об этом писал – используя другие понятия – У. Эко. Вот длинная, но необходимая цитата: *«Предположим, что мы выявили структуру некоего языка, обозначим ее Sa. Затем – структуру родственных отношений в селении, в котором говорят на этом языке. Назовем эту структуру родства sb. Наконец, предположим, что нам удалось выявить структуру, регулирующую пространственную организацию селения. Назовем ее Sc. Очевидно, что это поверхностные структуры и в них можно обнаружить некое сходство в той мере, в какой они являются реализациями более глубокой структуры, назовем ее Sx. Так вот, вопрос заключается в следующем: если я обнаружу какое-то новое явление, которое поддается описанию в тех же терминах Sa, sb, Sc, то мне не останется иного*

о мгновенном состоянии возбуждения океана? Может быть, переложенные на неведомый электронный язык отражения земных истин этого океана? Может быть, его произведения искусства? Может быть, импульсы, вызывающие появление его гигантских образований, возникают где-нибудь в тысяче миль от исследователя? Кто мог знать это, коль скоро не удалось получить дважды одинаковой реакции на один и тот же сигнал! Если один раз ответом был целый взрыв импульсов, чуть не уничтоживший аппараты, а другой – глухое молчание! Если ни одно исследование невозможно было повторить!» (Лем Ст. Солярис. URL: <http://online-knigi.com/page/143796?page=5>).

¹ См.: Князева Е. Мудрость среды: идеи Ф. Де Соссюра, Ф. Гваттари, Р. Тома в контексте развития биосемиотики. URL: http://phisci.ru/files/issues/2016/09/RJPS_2016-09_Knyazeva.pdf.

выхода, кроме как установить наличие четвертой поверхностной структуры sd , для которой глубинная структура Sx предстанет совокупностью правил ее трансформации в Sa , sb и Sc . Если же, напротив, передо мной новый феномен, описываемый в терминах модели Sd , гомологичной возможным моделям Sa , $s\beta$ и sy , то последние будут приводимы уже не к Sx , но к новой модели Sy . В свою очередь, Sx и Sy также можно рассматривать как манифестации самой глубинной структуры Sn , как это показано на нижеследующем рисунке. (Рис.2).

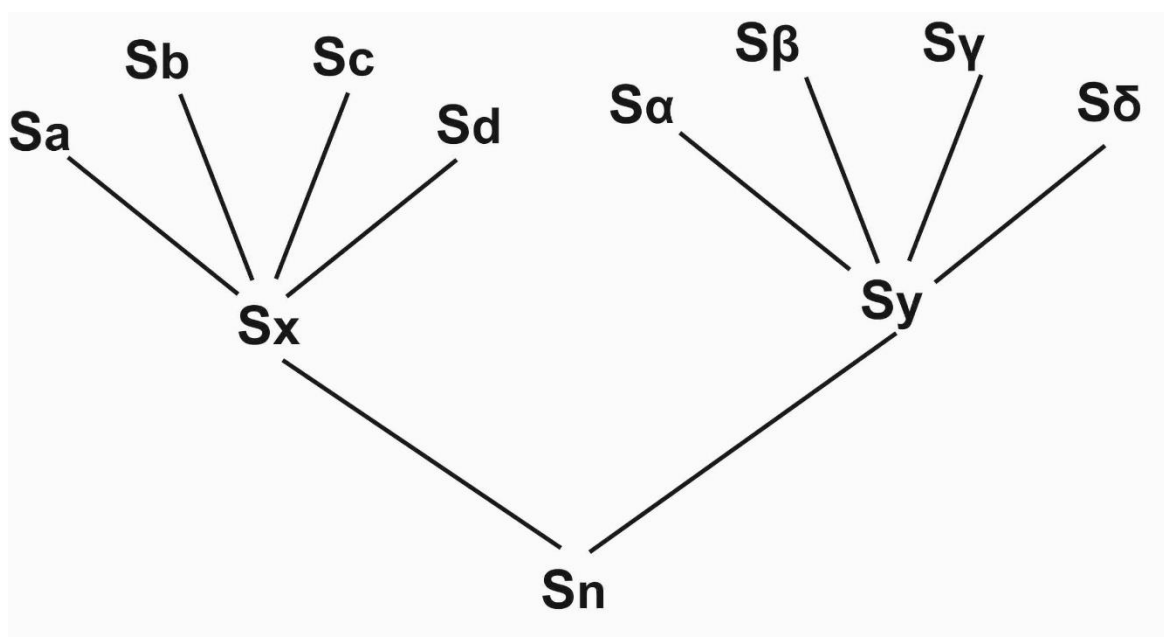

Рис. 2 Структура отношений

Вполне очевидно, что мы получили только ядро некоего более обширного разветвления, благодаря которому всякий раз, когда в этом возникнет ОПЕРАТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ, мы сможем нисходить к более глубинным структурам. Но ясно, что этот метод основывается на двух фундаментальных принципах:

а) структура Sa , описываемая как последняя, наиболее глубинная в этом ряду, является таковой только как рубеж, которого достигнуто познание. Новое исследование может лишить ее статуса глубинной, статуса последнего кода, преобразая в одну из стольких промежуточных поверхностных структур;

б) отступление от кода к метакоду возможно только при обнаружении новых феноменов, вынуждающих к перестройке объясняющих моделей, при отсутствии таковых феноменов у меня нет оснований для формулировки, новых метакодов, разве что я этим займусь как некоей логической гимнастикой»¹.

Таким образом, структура человеческой коммуникации всегда остается внешней, поверхностной. «Всякое исследование структур коммуникации, – утверждает У. Эко, – выявляет не какую-то залегающую в глубине структуру, а отсутствие структуры, локус непрестанной „игры“»². Разгадывая означаемое, человек не в силах узреть его истоки. «Если цепь означающих и истоки – это одно и то же, то как возможен ее объективный анализ, ведь означаемое нуждается в непрерывном вопрошании и, стало быть, в герменевтическом толковании?»³

Комментируя эту мысль У. Эко, следует констатировать, что мы пытаемся понять то, что от нас постоянно ускользает, прячась за некими поверхностными структурами. Можно сказать жестче: осмыслить информационно-коммуникационный универсум во всей его многомерности и сложности мы не можем: нет ни понятийного, ни концептуального аппарата. Мы можем горестно констатировать, что «коммуникационное все очевиднее перестает быть прерогативой человеческого контроля и участия. Технология коммуникации и собственно коммуникация все более отдаляются друг от друга. Этот факт объясняет во многом борьбу за электронные массмедиа, доступ к электронному правительству общественности и многие другие процессы, развивающиеся в наши дни. Процесс разрыва коммуникативного и коммуникационного деформирует и социально-культурное пространство жизни человека, и самого человека»⁴, но не можем ни объяснить, почему это происходит, ни предложить какую-то внятную программу действий.

¹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. С. 10.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 23–24.

⁴ Мальковская И. Зеркало и экран: культура различия и социальное пространство сходства. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/zerkalo-i-ekran-kultura-razlichiya-isotsialnoe-prostranstvo-shodstva>.

Б. Концепт информационно-коммуникационного универсума задает понимание двойственности этой системы, которая, с одной стороны, существует в осознаваемых и неосознаваемых формах деятельности живых существ, включая человека, а с другой стороны, ни от кого не зависит, и даже наоборот – определяет коммуникативное поведение всех известных нам существ, начиная от генетических кодов вирусов, бактерий и растений, языка животных и заканчивая высшими проявлениями художественного творчества. Другими словами, человек выступает по отношению к информационно-коммуникационному универсуму ресурсом его воспроизводства и саморазвития. В связи с этим тезисом стоит напомнить несколько афоризмов, которые приписывают А. Эйнштейну (независимо от того, действительно ли они принадлежат ему): *«Я никогда не приписывал Природе никакой цели, преднамеренного стремления или чего-либо, чему можно дать антропоморфическое толкование. Природа – величественное здание, которое мы в состоянии постичь очень неполно и которое возбуждает в душе мыслящего человека чувство скромного смирения. Это поистине благоговейное чувство с мистицизмом ничего общего не имеет»; «Бог (в других вариантах – Природа) изощрен, но не злонамерен».*

Применительно к проблеме информационно-коммуникационного универсума речь идет о том, что этот труднопостигаемый умом объект (он же субъект) не обладает какой-то отдельной самостоятельной волей. Неважно: злой или доброй. Информационно-коммуникационный универсум не управляет нами в примитивном смысле слова (хотя на самом деле управляет, как «управляют» нашим поведением вирусы и бактерии, поселившиеся в нашем организме). Речь идет о том, что эта сложноорганизованная система – как и Океан Соляриса – очень чувствительна к внешним воздействиям и любое вмешательство в процесс ее функционирования приводит к ее изменениям. Только мы изучили какой-то процесс, получили какие-то, с нашей точки зрения, значимые для понимания системы и перспективные для дальнейших исследований данные, как изучаемая система радикально изменилась, и все результаты исследований можно выбросить. Информационно-коммуникационный универсум изощрен, но не коварен.

Однако человек, даже если он не профессиональный ученый, стремится не просто знать какие-то фрагменты действительности, а представлять себе общую картину. Отсюда непрерывные попытки выстроить какую-то общую теорию коммуникации (М. Маклюэн, Н. Луман, И. Клюканов и многие другие). Но в тот момент, когда такая теория возникает и проникает в тело информационно-коммуникативного универсума, он – универсум – меняется и тем более радикально, чем радикальнее новая теория. Именно так поступал Океан Соляриса.

Здесь будет уместным вспомнить о том, что традиционное утверждение, что «истина – это соответствие реальности», представляет собой сегодня лишь истертую и обесценившуюся метафору. Как писал Р. Рорти: «...интуицию об истине как соответствии действительности нужно вырвать с корнем. Понятие реальности, обладающей „природой“, соответствовать которой – наш долг, есть лишь разновидность представления о том, что богов можно умиротворить, распевая нужные слова»¹. Дж. Ваттимо, развивая идеи Р. Рорти, отрицает возможность существования универсальной истины или объективной картины мира, так как данная методологическая установка приводит к печальным практическим следствиям: если возможна абсолютная истина, значит, кто-то станет претендовать на обладание ею, а это точнейшая предпосылка для тоталитарных политических проектов. С другой стороны, претенденты на обладание достоверным знанием станут защищать «правильную» истину, вплоть до применения насилия к инакомыслящим. Дж. Ваттимо утверждает в одном из интервью: «Люди, верящие в истину, крайне опасны»².

Говорится все это не для того, чтобы отрицать возможность и необходимость исследований информационно-коммуникационного универсума. Разумеется, нужны и частные, и общие теории. Но они нужны не столько для действительного овладения информационно-коммуникационным универсумом – им невозможно овладеть, сколько для того, чтобы сформулировать достижения прошлого и передавать их

¹Рорти Р. Тексты и куски. URL: <https://pandia.ru/text/79/066/36329.php>.

²Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2002. (Мы еще вернемся к анализу этих утверждений, поскольку в них за внешней достоверностью таится, на наш взгляд, глубокое заблуждение.)

следующим поколениям. И что еще очень важно. Какими бы красивыми и убедительными ни были создаваемые теории, они не должны приобретать статус привилегированных и единственно правильных, как это произошло сейчас в сфере коммуникативистики, где имена М. Маклюэна, Н. Лумана, Ю. Хабермаса и некоторых других исследователей коммуникативных процессов соотносятся чуть ли не священным Граалем, хранящим в себе свет вечной истины.

1.2. Глобализация, информатизация, цифровизация: особенности современной цивилизации

Обрисованное в предыдущей главе понятие цивилизации как сложной материальной и социотехнической оболочки культуры, включающей в себя информационно-коммуникационный универсум, позволяет по-новому подойти к проблеме типологии цивилизаций. Таких типологий довольно много. До сих пор популярна теория Н.Я. Данилевского, согласно которой не существует всемирной истории, а есть лишь история конкретных цивилизаций, каждая из которых построена по оригинальному плану и ни одна цивилизация не повторяет другую¹. Н.Я. Данилевский называл двенадцать автономных цивилизаций, или культурно-исторических общностей. К ним относились: египетская, китайская, ассиро-вавилонно-финикийская, или древнесемитская, индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, новосемитская, или арабийская, германо-романская, или европейская, мексиканская, перуанская. Данилевский одним из первых высказал идею о том, что жизнь цивилизации имеет предел и одна цивилизация сменяет другую.

А. Тойнби выделял в развитии цивилизаций закономерные стадии: зарождения, роста, расцвета, надлома, гибели. По мнению этого исследователя, всего на Земле была 21 цивилизация, а на сегодняшний день осталось пять живых цивилизаций: западное общество, объединенное протестантским христианством; православно-христианское, или византийское, общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России; исламское общество – от Северной Африки и Среднего Востока

¹ Данилевский Н. Россия и Европа. URL: http://bookscafe.net/book/danilevskiy_nikolay-ros-siya_i_evropa-10302.html.

до Великой китайской стены; индуистское общество в тропической субконтинентальной Индии; дальневосточное общество в субтропическом и умеренном районах Юго-Восточной Азии¹.

Предложенная А. Тойнби классификация неоднократно подвергалась критике, поскольку даже если учитывать только очень крупные по численности людей и занимаемой территории социокультурные сообщества с ярко выраженными отличительными чертами, эта классификация явно неполна и не годится как инструмент культурологического исследования или политологического анализа. Кроме того, Г. Лебон доказал, что всякий сложившийся и самосознающий народ любую новую религию перерабатывает и адаптирует в соответствии с национальной социокультурной системой. Если это не удастся, то либо отторгается чуждая религия, либо ассимилируется народ и исчезает с исторической сцены как саморазвивающаяся социокультурная общность.

Некоторые авторы, ориентируясь на техническую составляющую цивилизации, выделяют три типа: космогенная (охватывающая древнее общество в эпоху средневековья), техногенная или индустриальная, соответствующая капиталистической и социалистической общественно-экономическим формациям и формирующаяся в настоящее время антропогенная цивилизация (информационное общество).

Космогенная цивилизация основывалась на орудийной технике и ручной технологии и характеризовалась большой зависимостью общества от природных сил, когда мировой космос определял смысл жизнедеятельности, диктовал законы, устанавливал жесткие формы общественной организации, связи индивидов с социальными институтами.

Основой следующего технического типа цивилизации явились: машинная техника, широкое развитие науки и постепенное превращение ее в непосредственную производительную силу, наемный труд, рыночные отношения, высокий уровень профессиональной культуры во всех ее формах. Несмотря на глубокие антагонистические противоречия в развитии индустриальной цивилизации, люди на этом этапе овладевали возможностями модификации общества на основе его рефор-

¹ Тойнби А. Постигание истории. URL: <http://www.samomudr.ru/d/Tojnbj%20A.%20Postizhenie%20istorii.pdf>. (Понятия «цивилизация» и «культура» в данном случае можно считать синонимами.)

мирования, в том числе и в ходе буржуазно-демократических и социалистических революций. К концу 70-х годов XX века индустриальная технология и основанный на ней техногенный тип цивилизации исчерпали возможности дальнейшего развития общества.

Антропогенная (в других терминах – информационная) цивилизация начала формироваться с середины 50-х годов XX века в связи с развитием информационной технологии. Определяя основные тенденции развития общества, связанные с использованием информационной технологии, российские и зарубежные ученые отмечают, что она коренным образом изменяет техническую основу материального и духовного производства. Определяет новые организационные формы общественной жизни, приводит к кардинальным изменениям в социальной структуре, превращая значительную часть рабочей силы новый средний класс, требует постоянного повышения духовной культуры личности и общества. Последнее является особенно важным, так как уровень и качество интеллектуального потенциала общества становятся решающим условием возможности его воспроизводства на информационной основе. В границах конкретных видов деятельности они превращаются в исходный и определяющий фактор развития всей социальной системы¹.

На наш взгляд, в таком подходе схвачены некоторые особенности формирования современной цивилизации. Но для более полного понимания типологической специфики цивилизационных процессов, необходимо исследовать такие факторы, как глобализация, информатизация, цифровизация.

Глобализация

События и процессы, происходившие в конце двадцатого века, дали основания констатировать «конец знакомого мира»² и начало «нового неизведанного мира», где все становится подверженным изменениям: и культура, и общество, и информационная среда, и воспитания,

¹ См.: сайт Цивилизациум: URL: <https://www.sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium>.

² Валленстайн И. Миров-системный анализ. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/waller.htm>.

и этика. Понятие «турбулентности», которое раньше использовалось для описания неупорядоченного нелинейного, вихревого движение газовых и жидкостных потоков, вызванное увеличением их скорости, стало широко применяться в текстах, описывающих экономические, политические и социальные процессы. Мы живем в турбулентном мире, и к нему надо как-то приспособливаться. Отсюда тревога и страх, которые ощущают многие люди, даже если они живут во вполне благополучных странах.

Обычно виновниками этой турбулентности называют глобализацию и информатизацию (иногда добавляют понятие «цифровизация»)¹. На наш взгляд, эти процессы, к анализу которых мы обратимся чуть позже, являются лишь катализаторами другого, главного процесса, суть которого заключается в революционном переходе человечества к новой культуре организации жизни. Таких революций в истории человечества было несколько. Обозначим лишь те, которые имеют отношение к теме наших размышлений. Прежде всего, речь идет о переходе от традиционной (архаической) культуры к культуре индустриального и постиндустриального общества². Именно здесь проявили свою катализирующую роль глобализация и информатизация. До появления этих процессов, каждое сообщество могло организовывать свою жизнь на тех началах, которые поддерживались элитами и достаточно большим количеством населения. Информацию о жизни других сообществ можно было скрывать или умело препарировать. Сейчас миллиарды людей могут лично наблюдать за тем, что происходит в соседних странах, и делать выводы об эффективности различных жизненных культур. Разумеется, все не так просто и прямолинейно, но вектор изменений уже очевиден. Глубинные процессы, происходящие в недрах человеческой цивилизации, вызывают глубокие потрясения и массовые переживания³.

¹ Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017.

² Подробный анализ этих типов общественных систем см.: Дзялошинский И.М. Социальные институты и социальная коммуникация. Введение в теорию коммуникационных матриц. Учебное пособие. Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2020.

³ Вот лишь несколько фундаментальных работ, посвященных этой теме: Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999; Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., Логос, 2003; Бжезинский З. Великая шахматная

Для начала немного истории. Считается, что первые черты глобализации появились еще в эпоху античности, когда Римская империя завладела Средиземноморьем, способствуя переплетению различных культур. Впоследствии бурный толчок процессам глобализации дало развитие рыночных отношений, а потом и эпоха географических открытий¹.

В XX веке процессы глобализации шли в ускоренном темпе. В первую очередь этому способствовала научно-техническая революция: развитие технологий морских, железнодорожных и воздушных перевозок, создание телеграфа и телефона. Пспособствовало ускорению процессов глобализации и устранение барьеров для международной торговли, например, серия соглашений между развитыми и развивающимися странами, которые в итоге вылились в создание ВТО².

На сегодняшний день в вопросах определения характерных черт глобализации и, следовательно, самой ее дефиниции царит вполне устойчивое единомыслие. В качестве примера стандартного определения можно процитировать результаты исследовательского проекта университета Бремен, в котором под глобализацией понимается «рост интенсивности и охвата переходящих границы отношений обмена и интеракций, будь это экономические трансакции, культурные и нефор-

доска. М., 1998; Глобализация: человеческое измерение. М., 2002; Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981; Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000; Кеннеди П. Вступая в XXI век. М., 1997; Мегатренды мирового развития. М., 2001; Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект-пресс, 2004; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999; Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.; Покровский Н. Е. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В.А. Ядов. М: Феникс, 2005; Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000; Современный терроризм: состояние и перспективы / Отв. ред. Е.И. Степанов. М., 2000; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002; Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2001; Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001; Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. М., 2004; Шинковский М.Ю. Глобальные проблемы современности: Учебное пособие. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005; Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001.

¹ Гринин Л.Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. 2011. № 1. С. 80–94.

² Cambridge Economic History of Europe, Cambridge, 1989, Vol. VIII, p. 94.

мальные процессы обмена или циркуляция загрязняющих окружающую среду материалов»¹. Другое определение, М. Кастельса, подчеркивает обретение человеческой деятельностью планетарного характера: «Под глобальной экономикой мы понимаем экономику, которая работает сообща в реальном времени в планетарном масштабе. Это экономика, в которой потоки капиталов, рынков труда, информации, сырья, менеджмента и организации интернационализируются и становятся полностью взаимозависимыми»².

На теоретическом уровне идеи глобализации – правда, без использования этого понятия – содержатся в работе Канта «К вечному миру»³. Через много лет после Канта практика экономических, политических и социальных процессов побудила ученых обратить свое внимание на необходимость осмысления различий между прежней организацией мира, опиравшейся на систему национальных государств, и новой, предполагающей развитие транснациональных объединений, а в перспективе – создание глобального мира. Как показано в работе М. Кистриной⁴, термин «глобальное» появился в середине 1960-х годов, когда В. Мур ввел в оборот понятие «глобальная социология»⁵, а М. Маклюэн – словосочетание «глобальная деревня»⁶. Мощный импульс исследованиям в этом направлении дали работы И. Уоллестайна и его последователей, которые с середины 1970-х годов разрабатывали теорию мир-системы или мир-экономики⁷. В эти же годы активно разрабатывалась концепция мировой системы (мирового обще-

¹ См.: Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/nasarchuk_etika/01.aspx.

² Castells M., *European Cities, the Informational Society and the Global Economy* // TijdschriftvoorEconomischeenSocialeGeografie, London, 1993 (84). С. 249.

³ Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в 3-х тт. М., 1994. С. 391.

⁴ Кистрина М. Соотношение процессов глобализации и локализации. URL: <http://soloviev.blogspot.co.il/2006/02/correlation-of-globalization-and.html>

⁵ Moore W. *Global Sociology: The World as a Singular System* // *American Journal of Sociology*. 1966. N 5.

⁶ McLuhan M. *War and Peace in the Global Village*. New York, 1968.

⁷ Wallerstein I. *The Modern World System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European world-economy in the Sixteenth Century*. New York, 1974.

ства). Кроме В. Мура, следует упомянуть работы Дж. Неттла и Р. Робертсона¹, Дж. Бартона². Первоначально дискуссия строилась вокруг понятий «мировое», «международное», «интернационализация». В социологии дискурс глобализации возникает в середине 1980-х годов, когда это понятие стал разрабатывать и популяризировать Р. Робертсон³. С конца 1980-х годов большинство поисков в области теории изменений сосредоточено на новом генеральном направлении – разработке теорий глобализации. В 1990 году выходит программный сборник статей «Глобальная культура»⁴, в котором опубликованы работы ведущих теоретиков И. Уоллерстайна, М. Арчер, Р. Робертсона, М. Фезерстоуна, А. Аппадурай, Б. Тернера и др. С этого времени одна за другой появляются фундаментальные монографии о глобализации, написанные Л. Скларом⁵, Р. Робертсоном⁶, О. Ианни⁷, М. Уотерсом⁸, А. Аппадурай⁹, У. Беком¹⁰ и др.

В 70-х годах XX века было осознано, что если в прошлом мировое сообщество было простой совокупностью независимых частей, то в новых условиях оно стало превращаться в единый организм, в собрание функционально взаимозависимых частей, функционирование которых взаимосвязано. Теперь изменение в одной части означает перемены в другой. Мир превратился в единое целое, которое состоит из человечества и техносферы, измеряемой масштабами Земли. В этих условиях антропогенные нагрузки на природу превысили все допустимые пределы, и она стала деградировать вплоть до полной непригодности к проживанию. Соответственно, глобальные и экологические проблемы в принципе не могут быть решены в рамках национальных «квартир»,

¹ Nettl J., Robertson R. *International Systems and the Modernization of Societies*. New York, 1968.

² Burton J. *World Society*. Cambridge, 1972.

³ Robertson R., Lechner F. *Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory* // *Theory, Culture & Society*. 1985. N 3; Robertson R. *Globalization Theory and Civilization Analysis* // *Comparative Civilizations Review*. 1987. Vol. 17.

⁴ *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / M. Featherstone (ed.). London, 1990.

⁵ Sklair L. *Sociology of the Global System*. Hemel Hempstead, 1991.

⁶ Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London, 1992.

⁷ Ianni O. *A sociedade global*. Rio de Janeiro, 1992.

⁸ Waters M. *Globalizacao*. Oeiras, 1999.

⁹ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996.

¹⁰ Beck U. *Was ist Globalisierung?* Frankfurt a. M., 1998.

тем более что и окружающая природная среда, общемировое биосферное наследие едино на всех жителей Земли и не признает национальных границ. Носившиеся с начала все тех же 70-х гг. в воздухе идеи «одной лодки» («мы все в одной лодке»), «космического корабля Земли», создали интеллектуальную атмосферу, которая, помимо объективно разраставшегося экологического кризиса, вынуждала рассматривать глобальное пространство как единый организм, где ущерб природе, а значит, здоровью и безопасности человека в одном уголке негативно отразится в иных. В ходе глобализации, обострения экологического кризиса и в условиях ядерного века вдруг приобрело актуальность понятие глобальной безопасности, которое еще сто лет назад было лишено всякого смысла. Разразившийся в дальнейшем кризис bipolarной системы и утверждение многополярности еще более укрепили в новом видении безопасности. Если ранее увеличение безопасности одного государства осуществлялось за счет уменьшения безопасности его соседа, то теперь в условиях глобальной нестабильности увеличение безопасности одной страны способствует увеличению безопасности другой, безопасности разных держав более не противоречат друг другу, а корреспондируются. Глобальная же безопасность складывается из суммы национальных безопасностей. Было осознано, что главной отличительной чертой современной цивилизации является нарастание угрозы самоуничтожения, когда средства жизнеобеспечения социальной системы функционируют таким образом, что превращаются в средства ее разрушения¹. Осознание единства общечеловеческой судьбы и одновременно личностное человеческое измерение безопасности – ключевые достижения Римского клуба².

Таким образом, именно в 70-е годы XX столетия понятия «глобализации» и «экологизации» совместились.

В ходе развернувшейся в эти годы дискуссии о перспективах мировой цивилизации и глобальной культуры выявились разные точки зрения. Сторонники одной из них, абсолютизируя интеграционные тенденции в мире, прогнозировали появление глобальной культурной

¹ См.: Beck U. Risk Society. Towards a newmodernity. London, 1992; Прадес Х.А. Глобальный изменения в окружающей среде и современное общество // СОЦИС. 2000. № 4.

² Подробно проблемы глобализации будут рассмотрены ниже.

ойкумены и единой планетарной цивилизации с единым разумом и общей шкалой ценностей¹.

Впрочем, стоит напомнить, что многие мыслители, осознавая становящиеся все более тесными связи между народами и мечтая о мире без войн и армий, развивали концепцию создания всемирного государства, общепланетного сообщества. Перспективу человечества в создании общепланетного сообщества, всемирного гражданства в той или иной форме видели И.В. Гете, И. Кант, П.Я. Чаадаев, А. Эйнштейн. Например, можно вспомнить мечты и предложения А. Эйнштейна по формированию всемирного правительства². Некоторые современные российские ученые также утверждают, что если посмотреть на развитие человечества, легко можно увидеть постепенно усиливающиеся связи между различными странами и народами. Развитие средств коммуникации, желание народов понять друг друга, гуманное начало человеческой природы в далеком будущем приведут к образованию всемирного государства. И интеграция нашей страны в мировое сообщество просто неизбежна³.

Сторонники другой концепции считали, что глобализация приведет к возникновению метацивилизации, но последняя выступит лишь «общим знаменателем», не поглощающим и не вытесняющим локальные этнические и культурные различия.

Сторонники третьей точки зрения полагали, что мировая цивилизация и глобальная культура – не более чем футурологический плод утопического сознания. Были и до сих пор есть исследователи, которые скептически относятся к идее глобализации. Они полагают, что говорить о глобализации преждевременно, поскольку «большая часть наиболее впечатляющих проявлений этой тенденции, по сути, локальна и проявляется преимущественно в зоне постиндустриальных стран и в тончайшем слое интернет-электронных связей, протянувшихся от них в другие части мира»⁴. По мнению У. Бека, в регионах

¹ Предисловие профессора Института мирового порядка С. Мендловица к книге Falk. R. A Study of Future World. New York, 1975, P. XVII.

² Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4-х тт. Т.4. М.: Наука, 1967. С. 569–570.

³ Редько В.Г. Концепция построения всемирного государства и связанные с ней проблемы // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. М.: РАН ИНИОН, 2016. Ч. 1. С. 64.

⁴ Богатуров А.Д. Брюссельско-вашингтонский порядок? // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 376.

мировой экономики протекают процессы не глобализации, а интернационализации. Это проявляется в том, что мировая торговля и зарубежные инвестиции в основном развиваются внутри Америки, Азии и Европы, а также между высокоразвитыми странами, представляющими эти пространства¹. А.И. Уткин считает, что глобализация является лишь политически востребованной концепцией². В. Иноземцев тоже критикует проект глобализации как не вполне отражающий реальные процессы, разворачивающиеся в сегодняшнем мире. Контролируя мировое производство технологий и сложных высокотехнологичных товаров, обеспечивая себя необходимой промышленной и сельскохозяйственной продукцией, обладая относительной независимостью от поставок энергоносителей и сырья, постиндустриальный мир вошел в XXI век автономным образованием³.

Ближких позиций придерживаются и те, кто считает, что в качественном отношении глобализация представляет собой заурядное явление: под новым термином скрываются давно известные процессы роста взаимозависимости и формирования единого мирового пространства, лишь претерпевающие количественные изменения и приобретающие иные формы. На различных этапах всемирной истории их основой были, например, экспансия Римской империи; колониальные завоевания, ставшие следствием великих географических открытий, научных и технологических революций и распространения рыночных отношений; освоение наиболее удобных и экономически выгодных коммуникаций между народами и континентами, подобных Великому шелковому пути.

Ситуация коренным образом изменилась в 90-х годах XX века. Произошли события, которые существенно изменили облик мира: во-первых, развернулась информационная революция; во-вторых, бурная экспансия транснациональных корпораций привела к сокращению влияния национальных государств в международной экономической жизни; в-третьих, крах коммунистического блока оставил в прошлом биполярный

¹ Бек У. Что такое глобализация? М., 2007. С. 205–207.

² Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002.

³ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 217–235.

мировой порядок; в-четвертых, государства, развивающиеся на постиндустриальной основе, обеспечив себе абсолютное превосходство над аграрно-индустриальным миром, сами встали на путь локализации, все более явно образуя замкнутую и самодостаточную систему¹.

Смысловое наполнение понятия «глобализация» изменилось. Категории «новый гуманизм» и «мировое правительство» исчезли из научного дискурса. Некоторые исследователи стали использовать понятие «глобализация» для обозначения интенсивной борьбы за установление мирового порядка; скачкообразного роста числа и влияния международных организаций, ослабления суверенитета национальных государств; роста международной торговли; интенсивных миграционных процессов; экспансии западной культуры во все регионы мира и т. д.

Например, Р. Робертсон предлагает понимать под глобализацией процесс всевозрастающего взаимодействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена и т.п. М. Делягин, один из первых в России исследователей рассматриваемого феномена, полагает, что глобализация характеризуется такими чертами, как «разрушение административных барьеров между странами, планетарное объединение региональных финансовых рынков, приобретение финансовыми потоками, конкуренцией, информацией и технологиями всеобщего мирового характера. Важнейшей чертой глобализации является формирование в масштабах всего мира не просто финансового или информационного рынка, но финансово-информационного пространства, в котором во все большей степени осуществляется не только коммерческая, но и вся деятельность человечества»². По мнению В.М. Межуева, под глобализацией следует понимать «усиливающуюся взаимозависимость национальных

¹Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии. URL: <http://www.podelise.ru/docs/8022/index-1627.html?page=5>.

² Делягин М. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000. С. 133–134.

государств и регионов, образующих мировое сообщество, их постепенную интеграцию в единую систему с общими для всех правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения»¹.

Обобщение разных точек зрения позволяет выделить несколько конкурирующих между собой теорий глобализации:

1) теории, отождествляющие глобализацию с процессом модернизации;

2) теории, рассматривающие глобализацию в русле миросистемного подхода;

3) теории, интерпретирующие глобализацию как процесс формирования «мироцелостности»;

4) теории, описывающие глобализацию как взаимодействие цивилизаций².

Однако, по мнению некоторых ученых, и глобализация, и локализация выступают как движущие силы; формы выражения новой поляризации и стратификации жителей планеты на глобальных богачей и локальных бедняков³. Впрочем, есть и такие исследователи, которые по-прежнему видят в национальном государстве единственную реальность современного мира. Вот лишь одна цитата из бесконечного ряда ей подобных: *«Удовлетворение национальных интересов происходит в рамках процессов взаимодействия государств на международной арене, а также различных социальных сил внутри их. Эти процессы носят характер противоборства и сотрудничества, что в целом позволяет рассматривать их как разновидность борьбы за существование. Последняя вызывает прямое и косвенное соревнование между государствами и заставляет их так или иначе учитывать интересы друг друга. В экономической сфере это соревнование носит характер конкуренции, а во внеэкономических сферах – характер военно-политического и культурно-информационного противоборства. Формы и направленность такого противоборства и сотрудничества определяются национальными интересами. Поскольку ресурсы, направляемые*

¹ Межуев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Полития. 2000. № 3. С. 102-115.

² Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии. URL: <http://www.podelise.ru/docs/8022/index-1627.html? page=5>.

³ Bauman Z. Schwache Staaten, Globalisierung und die Spaltung der Weltgesellschaft / Beck U. u.a. (Hg.). KinderderFreiheit.S. 323–331.

на развитие, для государств различаются лишь частично, то столкновение их интересов перманентно. Именно эти столкновения в ходе удовлетворения национальных интересов порождают угрозы национальной безопасности. Угроза национальной безопасности – это опасность, определяемая деятельностью, препятствующей удовлетворению национальных интересов»¹.

Отношение к глобализации

Помимо концептуальных различий, среди исследователей глобализационных процессов отчетливо наблюдаются различия в отношении к этим процессам. Обычно выделяются четыре позиции.

1. Восторженно позитивная, сторонники которой убеждены в том, что, несмотря на временные трудности, глобализация победит во всем мире и принесет с собой всеобщее развитие. Очень часто сторонники этой позиции увязывают идею глобализации с идеей сингулярности, то есть стремительного развития нано-, био-, информационных технологий.

2. Умеренно позитивная, сторонники которой полагают, что глобализация не решит всех проблем человечества, но будет способствовать развитию демократии и более справедливому решению глобальных проблем.

3. Относительно негативная, сторонники которой указывают на то, что основные выгоды от глобализации получают высокоразвитые страны, которые будут определять в будущем судьбу менее успешных стран и народов. Понятно, что ущемленные страны и народы будут требовать своей доли мировых богатств, что вызовет нескончаемые войны.

4. Радикально негативная позиция антиглобалистов, которые указывают на то, что различные народы и государства входят в глобализацию значительно различающимися по своему экономическому,

¹ Глобальный мир системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб.: СПбГУП, 2017; Логунов А.Б. Региональная и национальная безопасность. М.: Вузовский учебник, 2009; URL:<https://uchebniki-besplatno.com/politologii-uchebniki/regionalnaya-natsionalnaya-bezopasnost.html>.

военно-стратегическому и информационному потенциалу. И этот разрыв между ними не сокращается в глобализирующемся мире, а, напротив, растет. Возникает увеличивающийся разрыв между богатым Севером и бедным Югом. В ходе такой глобализации мир остается разобщенным и внутренне конфликтным, разделенным на активные, господствующие и относительно пассивные элементы. Такой образ современного мира отрицает конструктивную роль в процессе глобализации якобы подчиненных элементов и позволяет списать на глобализацию имеющиеся экономические, политические и культурные трудности и проблемы. Среди них: разрушение природной среды, экономические беженцы, глобальные финансовые спекуляции, мировые компьютерные преступления, международная преступность, международный терроризм, угроза утраты национальной и культурной идентичности народов и многое другое.

Антиглобалисты утверждают, что миром правит теневое мировое правительство из влиятельных финансистов, которые, обладая неслетными активами, управляют ими безответственно и неэффективно, не считаясь ни с чьими интересами. Поэтому антиглобалистское движение выступает против усугубления противоречий в экономической, социальной, политической сфере, связанной с засильем транснациональных корпораций и усилением их негативного влияния. Кроме этого, они достаточно последовательно выступают против различных международных образований, финансовых торговых институтов, призванных повышать открытость национальных экономик, таких как МВФ, Всемирного банка, Всемирной организации торговли и др.

Чтобы как-то примирить разные подходы к оценке глобальных процессов, Р. Робертсон предложил теорию «глокализации». Согласно развиваемым им взглядам, глобализационные процессы могут и должны принимать форму, отражающую местные особенности, обычаи, традиции. Отсюда появление таких социологических понятий, как «локализация» и «глокализация». Локализация направлена на сохранение и развитие традиционных ценностей. Глокализация (сочетание значения антонимов «глобальный» и «локальный») предполагает соединение глобального с локальным, всемирных центров с периферией;

то есть сближения всемирного и местного¹. Локальное и глобальное, утверждает Р. Робертсон, не исключают друг друга². Напротив: локальное нужно рассматривать как аспект глобального. Глобализация, помимо прочего, означает также стягивание, столкновение локальных культур, которые должны получить новое определение в этом столкновении локальностей.

Точка зрения Р. Робертсона и теория «глокальных» культур получили развитие в работах А. Аппадурай, который теоретически обосновывает относительную автономию, самостоятельность и внутреннюю логику этой глокальной культурной экономики. В этой связи А. Аппадурай среди прочего говорит о процессах движения людей, определяющих характер беспокойного, меняющегося мира, в котором мы живем, это туристы, иммигранты, беженцы, эмигранты, иностранные рабочие и другие подвижные люди или группы людей; процессах движения технологий, не признающих государственных границ; процессах движения минующих национальные преграды громадных денежных сумм через валютные рынки, национальные биржи и спекулятивные сделки с огромной скоростью; процессах мгновенной пересылки «электронных картинок» и т. п.

Еще дальше пошли создатели концепции «неоглобализма», в рамках которой формируется постсовременная концепция мироцелостности. Суть этой концепции – «мир один, но не един», афористически выраженной М.Я. Гефтером еще в 80-х годах прошлого века, – предполагает видение глобального целого как образования, где его локальные компоненты необходимо соотнесены посредством всеобщих, прямых и обратных связей, где процессы глобализации и регионализации развертываются одновременно и взаимонеобходимо, где глобальное формирует региональное, а региональное – глобальное.

Оригинальный подход к анализу глобализационных процессов, который можно назвать этическим, предложил К. Апель. По его мнению, в условиях глобализации возникает единый глобальный мегадискурс, конкретизированный в бесчисленных иерархиях практических дискурсов общественности. Появляется возможность преодолеть все

¹ Эпштейн М. Дарслова. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar19.html>.

² Robertson R. Globalization // Global Modernities / Featherstone M. u.a. (Hg.). London, 1995.

реальные – временные, пространственные, физические, институциональные и пр. – помехи коммуникации¹.

Информатизация

Нынешний этап человеческой истории характеризуется определенными тенденциями, которые активно обсуждаются в гуманитарных дисциплинах. Речь идет о «динамике социальной и культурной мобильности, территориальных передвижениях, потоках информации, свободно пересекающих географические, политические, социальные границы и управляемых лишь универсальными правовыми установлениями и обобщенными обменными средствами»². Сегодня общим местом стало декларирование того, что в сфере коммуникации и информации произошел настоящий прорыв: впервые в истории произошло резкое увеличение числа людей, имеющих беспрепятственный и неограниченный доступ к огромным блокам информации. Все эти факторы – сокращение расстояний, облегчение процесса сообщения с внешним миром, ускорение социальных процессов, свободный доступ к информации – квалифицируются многими как высшие достижения цивилизации. Именно поэтому информатизация стала драйвером многих социальных процессов.

О значении информатизации для судеб человечества говорили в 2003 году в Женеве, а затем в 2005 году в Тунисе на Всемирных встречах на высшем уровне по вопросам информационного общества. В работе женевского этапа приняли участие делегации высокого уровня из 175 стран, в том числе почти 50 глав государств и правительств и вице-президентов. Всего во Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества и связанных со Встречей на высшем уровне мероприятиях приняли участие более 11 000 человек. Была поставлена цель – ликвидация цифрового неравенства путем расширения

¹ Apel K.-O., *The Ecological Crisis as a Problem of Discourse Ethics.* // Oefsti A. (ed.) *Ecology and Ethics. A Report from the Melbu Conference, 18–23 July 1990.* Vitenskap, 1990. P. 222.

² Дубин Б.В. *Европа – «виртуальная» и «другая» // Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры.* М.: Новое издательство, 2004. С. 264.

доступа к Интернету в бедных странах¹. Был провозглашен как праздник Всемирный день электросвязи и информационного общества. Еще более амбициозные цели были сформулированы в ходе тунисского этапа Всемирной встречи². После Тунисской встречи в 2005 году, начиная с 2006 года вплоть до 2017 года саммиты WSIS проходили ежегодно, как правило, в полузакрытом режиме. Вопросы информатизации обсуждаются на Давосском форуме и других мировых площадках.

Среди многочисленных толкований информатизации на сегодняшний день наиболее полным представляется такой взгляд на информатизацию, который описывает ее как системно-деятельностный процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития с помощью средств информатики, ставящий перед собой цель создания информационного общества и на этой основе – дальнейшего продолжения прогресса человеческой цивилизации.

По мнению ряда авторов, информатизация включает в себя три диалектически взаимосвязанных subprocessa:

1) медиатизацию – процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации;

2) компьютеризацию – процесс совершенствования средств поиска и обработки информации;

3) интеллектуализацию – процесс развития способности восприятия и порождения информации, то есть повышения интеллектуального потенциала общества, включая использование средств искусственного интеллекта³.

Следует отдавать себе трезвый отчет в том, что в условиях массового внедрения информационных и компьютерных технологий увеличилось количество не только позитивных, но и негативных методов воздействия средств электронной культуры как на отдельно взятую личность, так и на общество в целом. Размывание границ между «массовым» и «элитарным» стало отличительной чертой культурной парадигмы информационного общества, ориентированного на всеядность

¹ Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf.

² Тунисское обязательство. URL: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/07/TUNISSKOE-OBYAZATELSTVO.pdf>; Тунисская программа для информационного общества. URL: <https://www.itu.int/net/wsis/docs2/tunis/off/6rev1-ru.pdf>.

³ Информационное общество. М.: АСТ; Мидгард, 2004.

идей и не всегда обоснованные компромиссы морально-эстетических позиций. Компьютерные и телекоммуникационные технологии давно уже стали своеобразным инструментом информационной, политической и духовной экспансии, средством для создания новых социальных мифов.

Различные специалисты нередко отмечают следующий (неутешительный, на их взгляд) факт: социальная информатизация временами трактуется исключительно как развитие информационно-коммуникативных процессов в обществе на базе образцов новейшей компьютерной и телекоммуникационной техники. Однако гораздо целесообразнее трактовать информатизацию общества как такое развитие, которое заключается в качественном совершенствовании, радикальном усложнении социокультурных систем, интенсификацией когнитивных процессов. Для того чтобы общество не теряло свои гуманистические ориентиры и ценности, информатизация должна быть в хорошем смысле «слита» со сложными процессами социальной интеллектуализации, которая в значительной степени повышает творческий потенциал развития личности и ее энергоинформационной среды¹.

Важным вызовом является формирование глобальных коммуникационных сетей. Этот процесс характерен для большинства стран с развитой экономикой. В современном мире прекращается сосуществование относительно замкнутых, соединенных друг с другом лишь немногочисленными каналами локальных, региональных, национальных и континентальных коммуникационных систем; их место во все большей мере занимает глобальная коммуникационная сеть, основной структурной характеристикой которой является разделение на центр и периферию. Старые локальные, региональные и национальные коммуникационные центры, встраиваясь в новую глобальную сеть, подчиняются новой глобальной дифференциации. В новом глобальном мире обычная газетная редакция, радио- или телевизионная станция может добыть собственными силами, проанализировать и прокомментировать лишь ничтожную часть информации, интересующей целевую аудито-

¹ Подробно о процессах информатизации см.: Дзялошинский И.М. Медиапространство России: пробуждение Соляриса. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013; Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России. М.: АспектПресс, 2014.

рию. Ей приходится пользоваться сообщениями централизованных источников, каковыми являются ведущие национальные или международные информационные агентства. Таким образом, все редакции являются включенными в единую глобальную информационную систему, структурированную по принципу «центр – периферия». Редакционный журналист обеспечивается информацией и сообщениями со всего мира, однако сам он не имеет никакого влияния на продуцирование этой информации и этих сообщений. Журналист включен в коммуникационный процесс, который практически не поддается его контролю. Стандартизуется, например, новостной поток: информационное агентство должно выдать потребителям строго определенное количество информационных сообщений за соответствующий промежуток времени, информация должна быть представлена в строго регламентированном порядке, отзывы к публикациям чаще всего модерируются. Стандартизуется и сам процесс восприятия информации.

Стремясь освоить возможности мирового информационного рынка, крупнейшие медиаконцерны в послевоенный период перешагнули национальные границы, их деятельность приобрела транснациональный характер. Наиболее крупные и экономически могущественные объединения, использующие новейшие коммуникационные технологии и огромные материально-финансовые ресурсы, сегодня доминируют на международном рынке новостей, их операции приобрели поистине всемирный размах. Сегодня на мировом рынке информации и коммуникаций ведущие позиции занимают могущественные корпорации, базирующиеся в основном в США. В этом же списке стоят такие крупнейшие американские компании, как *CNN*, *The Walt Disney Company* и *Euronews*.

В информационном пространстве появляются так называемые «глобальные новости», которые важны для жителей всех стран. Пример – американские выборы, прошедшие в ноябре 2016 года, по результатам которых победу одержал Дональд Трамп. Информационные ресурсы по всему миру – американские, европейские, азиатские – на протяжении нескольких дней были заполнены информацией о Д. Трампе: они приводили статистику выборов, биографию политика, рассказывали о его предвыборной кампании. В ночь выборов на многих российских площадках шла онлайн-трансляция, несмотря на то, что событие

происходило в другой стране. Также по всему миру освещаются церемонии вручения международных премий (Нобелевская премия, Премия Американской академии кинематографических искусств и наук «Оскар») или крупные спортивные соревнования (Олимпиада 2016 года в Рио-де-Жанейро). Таким же охватом обладают новости о крупнейших терактах (взрыв в редакции *Charlie Hebdo*, теракт в Париже 13 ноября 2015 года).

Объединение информационного поля неизбежно приводит и к объединению моделей СМИ. Несмотря на то, что в разных странах они различные, существуют определенные принципы и стандарты, по которым работают журналисты в Америке и в России, в Англии и в Израиле. В конечном счете это обуславливает и появление общих форматов в СМИ. Например, в 2012 году в Америке с подачи *the new York Times* появился первый в мире лонгрид. Назывался он *Snowfall: The Avalanche at Tunnel Creek* («Снегопад: лавина в проходе Крик») и был посвящен группе горнолыжников, совершивших поход в Каскадные горы в США. При подъеме их застала лавина, из-за которой несколько человек погибли. Этот лонгрид породили так называемый формат «длинных форм», на пару лет захлестнувших мировые СМИ. Например, в России лонгриды начали выпускать такие издания, как *Lenta.ru*, «Коммерсантъ» и ТАСС.

Этот переход форматов особенно хорошо заметен на примере телевидения. Одна из наиболее знаменитых передач, которая транслируется по всему миру, модифицируясь в зависимости от страны, – телевизионная игра «Кто хочет стать миллионером?». Первая версия под названием «*Who Wants to Be a Millionaire?*» появилась в Англии в 1998 году и к настоящему моменту уже завоевала весь мир. К этому списку можно добавить такие телепередачи, как «Голос» (вокальное телевизионное шоу, представляющее собой российскую адаптацию *The Voice of Holland* – «Голос Голландии»), «Фактор А» (российская версия британского проекта *The X Factor*), реалити-шоу «Последний герой» (аналог американского *Survivor*), «Дом» (формат программы был приобретен у английской телекомпании *Zeal*), «Холостяк» (аналог американского проекта *The Bachelor*, который реализуется в восьми странах мира). Более крупная вариация такого культурного обмена –

схожие фильмы и сериалы. Одним из наиболее явственных прецедентов был российский телесериал «Не родись красивой», адаптация колумбийской теленовеллы *Yo soy Betty, la fea* («Я – Бэтти, дурнушка»), которая вошла в Книгу рекордов Гиннеса как самая успешная теленовелла всех времен. Ее аналоги вышли как минимум в 28 странах¹.

Таким образом, наиболее важными факторами становления глобального информационного общества являются:

- развитие глобальной системы спутникового телевидения и радиовещания;
- уровень развития информационных технологий и глобальных информационно-телекоммуникационных сетей (в первую очередь интернета);
- появление качественно новейших средств и технологий для осуществления информационных взаимодействий (компьютеры, планшеты, телефоны, устройства виртуальной реальности и т. п.);
- глобализация индивидуального и общественного сознания².

Все эти аспекты формируют единое глобальное информационное общество, чьи политические, технологические и правовые принципы были впервые сформированы в Окинавской хартии глобального информационно общества в 2000 году.

Цифровизация

Будучи саморазвивающейся системой, информационно-коммуникационный универсум проходит в своем развитии ряд стадий (этапов, эпох). Опираясь на работы М. Маклюэна и других исследователей³,

¹ 'Yo soy Betty la fea' entra al libro de los Guinness Records. URL: [http://www.colombia.com/entretenimiento/autonoticias/television/2010/02/11/Detalle Noticia8870.asp](http://www.colombia.com/entretenimiento/autonoticias/television/2010/02/11/Detalle%20Noticia8870.asp).

² Гвоздева В.С. Глобализация информационного пространства: проблемы и тенденции. URL: http://www.sociosphera.com/publication/conference/2011/99/globalizaciya_informacionnogo_prostranstva_problemy_i_tendencii/.

³ Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Информационные технологии в истории Человечества // Приложение к журналу Информационные технологии. № 8/2013. М.: Новые технологии, 2013; Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003; Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество. М.: Пашков дом, 2007; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004; Черный Ю.Ю. Архивы, библиотеки, музеи в глобальной информационной среде // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2016. С. 43–67; Черный Ю.Ю. Информационно-коммуникационные

можно выделить несколько этапов (эпох) развития информационно-коммуникационного универсума, связанных с кардинальными изменениями в сфере производства, обработки и обращения информации.

1. Дописьменный этап. Общение между людьми начиналось со звуков, жестов, мимики. Затем у людей возникла необходимость передавать информацию на расстояние. Сначала это делали посредством криков, затем стали использовать инструменты, производящие громкие звуки: гонги, деревянные барабаны-тамтамы, рожки, трубы, колокола. По мере развития человеческого общества звуковые сигналы постепенно вытеснялись более совершенными – световыми: огневая сигнализация по ночам или дымовая днем. После изобретения пороха в качестве средства передачи информации стали использовать выстрелы из ружей и пушек. Членораздельная речь, воспринимаемая слухом, сформировала «человека слушающего», использующего естественные коммуникационные каналы.

2. Этап рукописного текста. Изобретение письменности стало семиотической революцией в способах организации общения. Письменность помогла решить проблему хранения информации, обеспечила связь прошлого с будущим. Как первая пространственно отделенная от субъекта форма моделирования природного и социального мира письменность открывает общество как цивилизацию, то есть дает возможность оперировать социальной семантической информацией вне прямого контакта. В письменной коммуникации главенствует не слух, а зрение, не акустическое сообщение, а умопостигаемые тексты, закодированные письменами. Изобретение письменности привело к гигантскому качественному скачку в развитии человечества.

технологии (ИКТ) как инструмент геополитической экспансии развитых государств // Сборник материалов XVI конференции «Наука. Философия. Религия: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникативных технологий». С. 56–69. URL: http://www.inion.ru/files/File/NFR_Dubna-2013_Sbornik.pdf; Черный Ю.Ю. Размышления об информационном обществе // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе. Сборник материалов международной конференции. М.: МЦБС, 2014(6). С. 46–60. URL: http://mcbs.ru/files/sakhalin2013_web.pdf; Черный Ю.Ю. Шестая волна технологических инноваций: от информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) к конвергентным нано-био-инфо-когнитивным (НБИК) технологиям. Текст доклада на 25-м заседании совместного семинара ИПИ РАН и ИНИОН РАН «Методологические проблемы наук об информации». URL: [http://inion.ru/files/File/MPNI_25_Chernyu_Yu_Yu_Doklad\(1\).pdf](http://inion.ru/files/File/MPNI_25_Chernyu_Yu_Yu_Doklad(1).pdf).

3. Этап печатного текста. Изобретенный Гутенбергом в середине XV века книгопечатный станок коренным образом изменил способ мышления и восприятия действительности, сформировав так называемого «типографского человека» – человека, видящего мир сквозь черно-белую призму печатной продукции. Книга, ставшая тиражируемой и общедоступной, позволила людям преодолеть культурные и исторические границы, стала главным аппаратом в образовании и науке и, наконец, сделалась критерием, обуславливающим уровень интеллектуального развития индивида. Сообразно с логикой и структурой печатного текста формировался и особый тип культуры, характеризующийся господством линейного текстового метанарратива. Именно так, по утверждению М. Маклюэна, произошло становление «галактики Гутенберга» – универсума, в котором печатный станок явился формирующим фактором культуры индустриального общества¹. Книгопечатание обеспечило возможность обращаться к массовой аудитории. Книги надолго стали господствующим средством коммуникации, они позволили людям приобщиться к «планетарному разуму», познать историю человечества и устремиться мыслью в будущее. Однако есть и другая сторона распространения печатной продукции: массовые политические и религиозные движения, революции, мировые войны – все это можно рассматривать как определенное следствие воздействия печатных изданий.

4. Этап электронных коммуникаций. Телеграфный аппарат и азбука к нему, изобретенные С.Морзе в 1838 г., позволили передавать информацию на дальние расстояния. В 1856 году итальянским физиком Д. Казеллибыла осуществлена передача неподвижных изображений на расстояние. В 1895 году русский ученый А.С. Попов сумел впервые передать сообщение по радиосвязи. В 1911 г. русский ученый Б.Л. Розинг осуществил первую в мировой практике телевизионную передачу. Регулярные телевизионные передачи начались в середине тридцатых годов нашего века. С вхождением в обиход электронных средств массовой коммуникации положение дел в «галактике» в корне меняется: книга начинает сдавать позиции активно развивающимся ра-

¹ См: McLuhan M. The Gutenberg galaxy. L., 1962.

дио, телевидению, компьютерам. На передний план выходят аудиовизуальные способы трансляции информации, вытесняя письменные и печатные формы. Человек, в «глобальном объятии» продолживших его центральную нервную систему электронных медиа, начал плавное вхождение в постгутенберговую эру.

По мнению М. Маклюэна, электронные технологии общения, с одной стороны, способствуют слиянию мифологического (непосредственного) и рационалистического (опосредованного) способов восприятия мира, создают предпосылки для целостного развития личности, превращают нашу планету в единую «глобальную деревню», в которой не будет индивидуализма и национализма, отчуждения, агрессивности и военных конфликтов. В этой «глобальной деревне» люди рассуждают и поступают так, как если бы они были совсем рядом, как если бы они жили в одной реальной деревне. Они вольно или невольно все основательнее влезают в жизнь друг друга, рассуждая при этом обо всем, что им приходится видеть и слышать. Грядущая всемирная цивилизация, – пророчил М. Маклюэн, – будет обществом «гармоничной коммуникации» и «образного мышления», являющихся непременным условием формирования высших культур. Социальная реальность сегодняшнего дня самым кричащим образом опровергла эти пророчества.

Однако М. Маклюэн видел и негативные стороны развития коммуникационных технологий, которые отделяются от человека и обретают власть над ним. Это отделение «средств» от человека метафорически описывается М. Маклюэном как «ампутация»: развитие технологической инфраструктуры человеческого тела (а затем и человеческих коллективов) сопровождается последовательной «ампутацией» всевозможных человеческих способностей.

Далеко не все согласны с такой постановкой вопроса. Так, У. Эко выдвинул тезис, что интернет не удаляет, а наоборот, приводит нас обратно к Гутенбергу. Считая, что глобальная сеть радикально «путает карты» маклюэновских прогнозов¹, Эко утверждает, что посредством интернета осуществляется обратный переход от имиджевого к вербальному восприятию информации. Если телевидение, ориентирующее на зрительный образ, ведет в конечном счете к упадку грамотности, то компьютер, так или иначе предполагающий работу со словами

¹ Эко У. Под Сетью (интервью с Л. Маршаллом) // Искусство кино. М., 1997. № 9. С. 133.

(чтение строк на экране, ввод данных, общение в чатах), реанимирует умение работать с печатными текстами. Рассуждая в этом ключе, Эко озвучивает гипотезу, что в ближайшем будущем общество расщепится на два класса: тех, кто смотрит только телевидение, то есть получает готовые образы и готовое суждение о мире, без права критического отбора получаемой информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера, то есть тех, кто способен отбирать и обрабатывать информацию¹. Таким образом, выходит, что ни о какой постгутенберговой эре и не может идти речь – во всяком случае, рассуждения У. Эко неизбежно подводят нас к такому заключению.

Другие авторы не соглашались с У. Эко и утверждают, что хотя компьютер, по сравнению с телевидением, предоставляет возможность более интеллектуальной коммуникации, развивает элементарную грамотность и учит работать с текстовым материалом, однако коренным образом меняется способ построения текстового пространства – на смену одномерному тексту приходит многомерный электронный гипертекст. Именно эта качественная трансформация самой природы текста указывает на вхождение в постгутенбергову эру – текст более не может мыслиться исключительно в качестве линейно выстроенного, имеющего определенную направленность, структуру и границы. То есть он перестает соответствовать принципам, наложенных как станком Гутенберга, так и мировоззрением модерна, и становится воплощением постмодернистского мироощущения².

5. Этап компьютерных коммуникаций. Стремительное развитие информационных технологий на излете XX века открыло новую эру для всех видов коммуникации. Изобретение вычислительной техники, появление персонального компьютера, сетей связи и телекоммуникаций обеспечили возможность накапливать, хранить, обрабатывать и передавать информацию в цифровой форме. Развиваются трансграничные информационно-коммуникационные сети, охватывающие все страны и континенты, проникающие в каждый дом и воздействующие одновременно и на каждого человека в отдельности, и на огромные

¹ Эко У. От интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст // Интернет. М., 1998. № 6–7. С. 91–92.

² Емелин В.А. Глобальная сеть и киберкультура. URL: <http://emeline.narod.ru/hipertext.htm>.

массы людей. Происходит интеграция в едином информационном пространстве программно-технических средств, средств связи и телекоммуникаций, информационных запасов или запасов знаний как единой информационной и телекоммуникационной инфраструктуры. Для обозначения этих процессов появились выражения «цифровая революция» и «цифровая цивилизация».

Так понимаемая цифровая цивилизация может быть представлена с помощью схемы, приведенной на рис. 3¹:

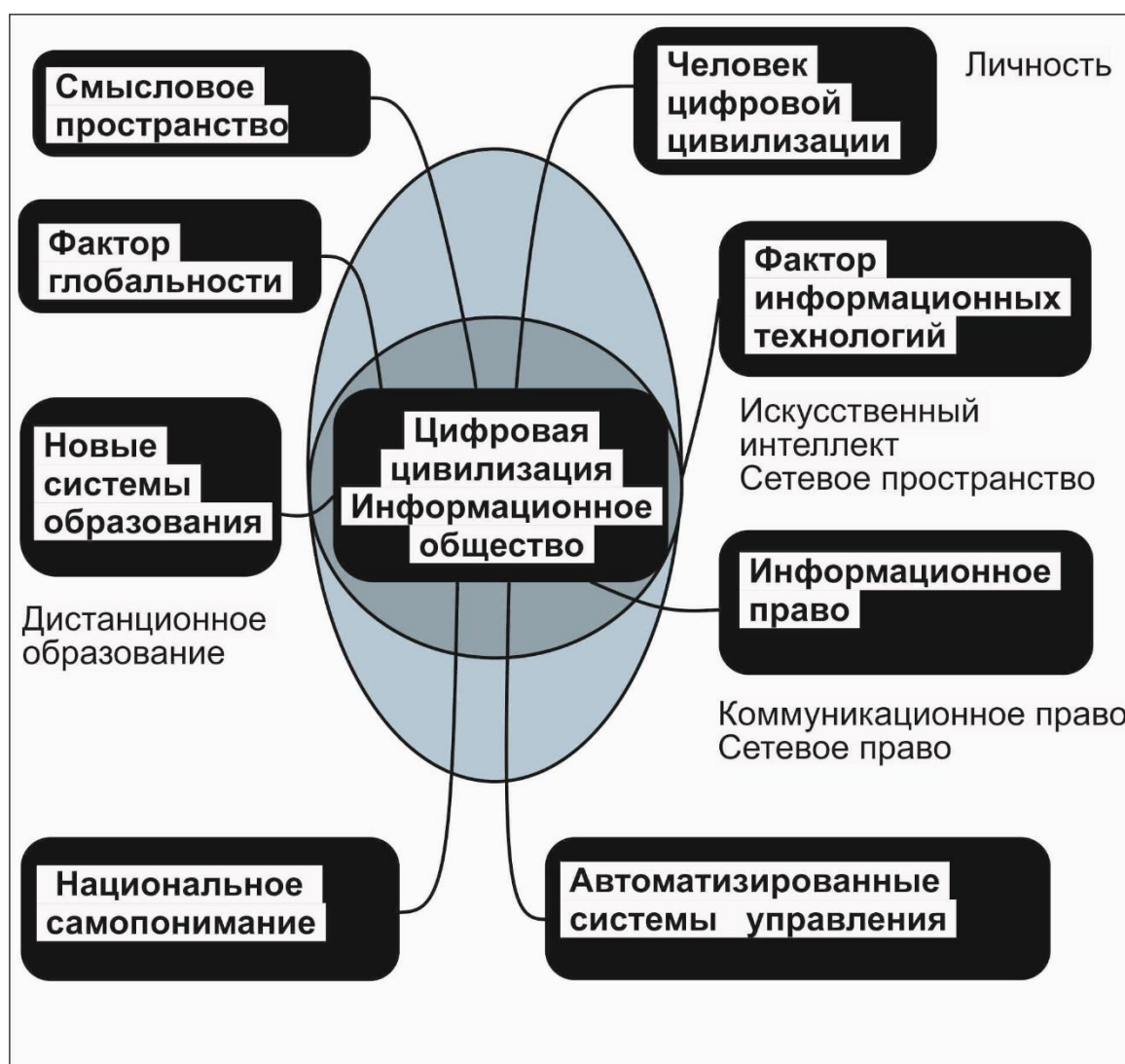

Рис. 3. Схема цифровой цивилизации

¹ Человек цифровой цивилизации. URL: http://www.dialog21.ru/biblio/actual_phil_8.htm.

6. Этап сингулярной коммуникации. В качестве прогноза можно предположить, что дальнейшее развитие цифровизации всех информационно-коммуникационных процессов обеспечит переход какой-то части человечества в фазу сингулярной цивилизации. Понятием «сингулярность» обозначается такой период ближайшего будущего, когда скорость технического развития будет настолько высока и изменения окружающего мира будут настолько фундаментальны, что это кардинально изменит все наше существование за очень короткое время. Так, директор по инженерным разработкам Google, известный изобретатель Р. Курцвейл – наиболее яркий сторонник концепции технологической сингулярности, которая предполагает, что к 2035–2040 году прогнозируемые кривые развития науки и новых технологий станут почти вертикальными, т. е. скорость развития в единицу времени станет невероятно высокой и будет расти по экспоненте и дальше. Произойдет это на основе искусственного интеллекта и применения информационных технологий во все большем числе сфер. Технический прогресс выйдет из-под контроля людей, которые просто будут не в состоянии следить за развитием, происходящем в бешеном темпе. Развитие техники неизбежно ведет к созданию существей с интеллектом, превышающим человеческий. Наука может достичь такого прорыва несколькими разными путями (и это еще один довод в пользу того, что прорыв произойдет), которые описаны ниже:

- компьютеры обретут «сознание», и возникнет сверхчеловеческий интеллект (в настоящее время нет единого мнения о том, сумеем ли мы создать машину, равную человеку, однако, если это получится, несомненно, вскоре затем можно будет сконструировать еще более разумные существа);

- крупные компьютерные сети (и их объединенные пользователи) могут «осознать себя» как сверхчеловеческие разумные сущности;

- машинно-человеческий интерфейс станет настолько тесным, что интеллект пользователей можно будет обоснованно считать сверхчеловеческим;

- биология может обеспечить нас средствами улучшения естественного человеческого интеллекта¹.

К. Шваб полагает, что тот уровень развития коммуникационной системы, который мы обозначаем как сингулярная революция, предполагает развитие таких направлений, как облачные технологии, интернет вещей, искусственный интеллект, большие данные, виртуальная и дополненная реальность, цепочка блоков («блокчейн») и ее важнейшее приложение – криптовалюта, различного рода компьютерные платформы, создающие экономику совместного потребления, и др. По мнению К. Шваба, многие из перечисленных инноваций только зарождаются, но вскоре наступит тот переломный момент, когда они «начнут развиваться, наслаиваясь и усиливая друг друга, представляя из себя переплетение технологий из мира физики, биологии и цифровых реалий»².

Недалекое будущее видится экспертам следующим образом. 10 % людей носят одежду, подключенную к сети Интернет; 90 % людей имеют возможность неограниченного и бесплатного (поддерживаемого рекламой) хранения данных; 1 триллион датчиков, подключенных к сети Интернет; первый робот-фармацевт в США; 10 % очков для чтения подключены к сети Интернет; 80 % людей с цифровым присутствием в сети Интернет; производство первого автомобиля при помощи 3D-печати; первое правительство, заменяющее перепись населения источниками больших данных; первый имеющийся в продаже имплантируемый телефон; 5 % потребительских товаров создано с помощью технологии 3D-печати; 90 % населения используют смартфоны; 90 % населения имеют регулярный доступ к сети Интернет; бесплатные автомобили составляют 10 % от общего количества автомобилей на дорогах США; первая пересадка печени, созданной с использованием технологии 3D-печати; 30 % корпоративных аудиторских проверок проводит искусственный интеллект; правительство впервые собирает налоги при помощи цепочки блоков (технологии блокчейн); более 50 % домашнего интернет-трафика

¹ Виндж В. Технологическая Сингулярность. URL: <https://e-libra.ru/read/323865-tehnologicheskaya-singulyarnost.html>.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. С. 9.

приходится на долю приложений и устройств; превышение количества поездок/путешествий на автомобилях совместного использования над поездками на частных автомобилях; первый город с населением более 50 000 без светофоров; 10 % всемирного внутреннего продукта хранится по технологии цепочек блоков (технологии блокчейн); первый робот с искусственным интеллектом в составе корпоративного совета директоров¹.

Об иных возможных проблемах наступающего будущего размышляют многие ученые. Вот лишь два примера. Существует технология *CRISPR/Cas9*, которая позволяет создавать генетически модифицированные организмы: например, такие грибы, которые не темнеют на воздухе. Недавно сделали еще помидор, который не требует самоопыления. Можно сделать генетически модифицированных людей. Пока что людей не сделали, но сделали генетически модифицированные эмбрионы. Первые работы в этом направлении были проведены с помощью технологии *CRISPR/Cas9* в Китае. *CRISPR* вносит фундаментальные изменения в ДНК человека, позволяет делать то, что называется «мутагенная цепная реакция». То есть обычно мы передаем своим потомкам только часть некоторых своих генов, но можно сделать такую генетическую модификацию, которая будет передаваться всем потомкам. Тот ген, который мы переносим, может перескочить с отцовской хромосомы на материнскую, с материнской на отцовскую и таким образом достаться всем потомкам организма². Технология *CRISPR* дешевле и проще в использовании, чем другие методы генной инженерии. Сейчас и в Великобритании разрешено проводить дальнейшие исследования этой технологии. Таким образом, вопрос о создании генетически модифицированных людей – это просто вопрос времени.

Ю. Хабермас пишет о том, что размах биотехнологического вмешательства не просто поднимает сложные моральные проблемы, как это было до сих пор, но ставит вопросы совершенно иного рода. Ответы на них затрагивают этическое самопонимание человечества в

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. С. 9.

² «Образ будущего»: опубликованы тексты и видео докладов весенней сессии цикла. URL: <https://civil-forum.ru/news/obraz-budushchego-opublikovany-teksty-i-video-dokladov-vesenney-sessii-tsikla.html>.

целом. Прогресс биологических наук и развитие биотехнологий не только расширяют известные возможности действовать, но и позволяют осуществлять новый тип вмешательства в человеческую жизнь. То, что прежде было «дано» как органическая природа и в крайнем случае можно было «вырастить», сегодня превратилось в сферу целенаправленного вмешательства. Для искусственно созданных субъектов вследствие этого возникает новый вид отношения к самим себе, глубоко затрагивающего их органический субстрат. То, как эти субъекты захотят использовать богатые возможности новых игровых пространств принятия решения: автономно, соразмерно нормативным соображениям, принимающим участие в демократическом формировании воли, или произвольно, опираясь на субъективные предпочтения, умиротворяемые посредством рынка, – зависит теперь именно от самосознания и самопонимания данных субъектов. При этом речь вовсе не идет о культурно-критическом жесте протеста против вызывающего всеобщее одобрение прогресса научного познания, но единственно о том, затрагивает ли, и если да, то как именно, рост этих научных достижений наше самосознание как ответственно поступающих существ¹.

По мнению Д. Кирли, ближайшее будущее будет определяться следующими десятью информационно-технологическими трендами.

1. Развитие сетей интеллектуальных устройств, устанавливающих информационный обмен друг с другом и создающих новую виртуальную реальность, а также дополненную реальность.

2. Создание новой реальности для пользователя в виде комбинации физической, виртуальной и аппаратной окружающей среды.

3. Прогресс в области материалов для 3D-печати, включая развитие печати человеческих органов.

4. Развитие алгоритмов обработки больших массивов информации с целью выявления стратегически полезных сведений. Появление новых бизнес-решений на этой основе.

¹ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002; URL: http://platonanet/load/knigi_po_filosofii/frankfurtskaja_shkola/khabermas_ju_budushhee_chelovecheskoj_prirody/57-1-0-2558.

5. Прогресс в области самообучения интеллектуальных устройств через получение обучающей информации из интернета.

6. Относительная автономизация интеллектуальных устройств, таких как роботы, автоматические автомобили, виртуальные персональные помощники и электронные советники.

7. Адаптивная архитектура информационной безопасности.

8. Прогресс в области архитектуры информационных систем. Развитие программируемых логических интегральных матриц типа РРСА сделает функционирование информационных систем весьма близким к работе человеческого мозга.

9. Развитие сервиса и программного обеспечения для сетей интеллектуальных устройств.

10. Развитие архитектуры и платформ интернета вещей.

Практически все вышеперечисленное будет обеспечено распространением связи пятого поколения – 5.0, которая базируется на новых информационных технологиях¹.

Опираясь на выполненный выше анализ, можно предложить приведенную на рис. 4 типологическую модель цивилизаций.

М. Маклюэн полагал, что духовный и материальный прогресс человечества определяют не орудия труда или освоение природы, не экономика, политика или культура, а технология социальной коммуникации, то есть коммуникационные каналы, которыми располагают люди. Этот тезис М. Маклюэна часто и многими критиковался. Однако очевидно, что не коммуникация является движущей силой прогресса человечества, а неостановимое стремление человека к реализации всех его потребностей, включая потребность в самореализации.

¹ Cearley D.W. Top 10 Technology Trends for 2016 // Forbes, 2016, January, 15. URL: <http://www.forbes.com/sites/gartnergroup/2016/01/15/top-10-technology-trends-for-2016/#28f32b15ae93>.

Рис. 4. Типологическая модель цивилизаций

Это означает, что обрисованные выше цивилизационные уровни (этапы развития) информационно-коммуникационного универсума должны быть как-то связаны с развитием других компонентов общественной системы. Наиболее перспективное направление поиска такой связи находится в контексте концепций промышленных революций и технологических укладов.

Что касается **промышленных революций**, то этим понятием обозначают периоды резкого увеличения масштабов инноваций и производимой ими пользы.

В работе К. Шваба¹ показано, что первый кардинальный сдвиг в образе жизни человека: переход от собирательства к земледелию – произошёл примерно десять тысяч лет назад благодаря одомашниванию животных. Аграрная революция была построена на соединении силы животных и людей в целях обеспечения производства, транспортировки и коммуникации. Постепенно эффективность производства продуктов питания повышалась, стимулируя рост населения и обеспечивая жизнеспособность крупных поселений. Это со временем привело к урбанизации и расцвету городов. Но и после этого многие тысячи лет люди жили, довольствуясь первобытными инновациями и видя будущее бесконечным повторением привычной жизни.

После аграрной революции последовал ряд промышленных революций, начавшихся во второй половине XVIII века. Они стали вехами на пути от использования мышечной силы к механической энергии, который привел к сегодняшнему историческому моменту, когда в процессе четвертой промышленной революции производство развивается за счет познавательной деятельности человека. Главными характеристиками четвертой индустриальной революции являются скорость, масштабность и системность. Это означает, что новая промышленная эпоха идет рука об руку с глобализацией, вовлекая в свою траекторию все отрасли во всех странах.

Концепция промышленных революций логично связана с концепцией технологических укладов. Этим понятием обозначается совокупность производственных технологий человечества, взаимодополняющих друг друга.

Смену технологических укладов предопределяет не только ход научно-технического прогресса, но и инерция мышления общества: новые технологии появляются значительно раньше их массового освоения. За свою историю человечество уже прошло пять укладов и приближается (по крайней мере, в цивилизованных странах) к шестому.

Есть очевидная, но пока малоисследованная зависимость между промышленными революциями, технологическими укладами и этапами развития информационно-коммуникационного универсума.

¹ ШвабК. Четвертая промышленная революция. URL: <http://avidreaders.ru/download/chetvertaya-promyshlennaya-revolyuciya.html?f=txt>.

Поэтому с определенной долей уверенности мы можем утверждать, что некоторые аспекты сущности и особенностей функционирования информационно-коммуникационного универсума мы знаем, дальнейшее познание земной реинкарнации Океана Соляриса возможно только в том случае, если исследование будет производиться методами, которые, с одной стороны, смогут принести наилучшие исследовательские результаты, а с другой – вызвать наименьшее сопротивление наисложнейшей системы информационно-коммуникационного универсума.

Технооптимисты и технопессимисты

Размышления о путях дальнейшего развития человечества стимулировали возникновение двух направлений в понимании возможностей современной цивилизации, опирающейся на информационные технологии: технооптимистов и технопессимистов.

Технооптимисты

Технооптимисты, которых также иногда называют техноцентристами, или корникопианцами (*от cornicopia – «рог изобилия»*)¹, являются сторонниками классических теорий развития. Поэтому в целях преодоления кризиса предлагают форсированно применять науку, расширять техносферу путем создания основанных на искусственном интеллекте систем. Технооптимисты уповают на то, что согласно прогнозам ученых, например, футуролога Р. Курцвейла, в первой половине XXI века произойдут четыре взаимосвязанные революции, которые станут главной движущей силой на пути к новому миру. Это революция в генетике, революция в нанотехнологиях, революция в робототехнике и коммуникационная революция. Дальше идут совсем фантастические сюжеты про превращение людей в киборгов, формирование цивилизации сингулярности и прочие увлекательные истории.

¹ Техноцентристы ставят техносферу выше окружающей среды, верят в НТП; это скорее философское течение. Корникопианцы убеждены, что ресурсы в принципе неистощимы и всегда будут правильно размещены в условиях рынка, их много среди западных экономистов. Корникопианец – обязательно техноцентрист, но не наоборот (см. также: CotgroveStephen. Catastropheorcornucopia. Theenvironment, politicsandfuture. Wiley, 1982).

Сам способ адаптации к окружающей среде, проявляющийся через развитие техносферы, не подвергается сомнению, как и дальнейшее существование и развитие техносферы как способа функционирования общества и типа взаимодействия со средой, речь может идти только о пределах ее распространения. Человек адаптируется во враждебной ему природной среде, главное – создать действенные механизмы адаптации через видоизменение среды обитания. Здесь корень экологических проблем выносится за пределы общества и помещается во «враждебной» окружающей среде.

Технопессимисты

Технопессимисты (экоцентристы) видят источник опасности не в природе, а в социальных системах деятельности. Ныне не природное влияние на общество усиливается, а наоборот – человечество сейчас фактически осуществляет контроль над биосферой, что является ему вызовом, поскольку его организация, основанная на ложном позитивном знании, не соответствует такому состоянию. В основе преодоления экологического кризиса должно быть социальное действие, можно преодолеть экологический кризис лишь меняя политическую организацию общества.

По мнению технопессимистов, капиталистическая экономика по логике своего развития является источником большого количества рисков. В погоне за призраком экономического роста, уже полностью себя дискредитировавшим, и прельстившись неолиберальными ценностями, так понимаемый рынок игнорирует опасности экологических рисков и вступает на путь, ведущий в тупик¹.

Многие исследователи акцентируют негативные аспекты социально-политического, культурного и психологического воздействия цифровых платформ. К примеру, неомарксисты обращают внимание на

¹ Глушенкова Е.И. Устойчивое развитие как концептуальная основа стратегии национальной безопасности России. М., ИМЭМО РАН, 2004; URL: http://www.studmed.ru/glushenkova-ei-ustoychivoe-razvitie-kak-konceptualnaya-osnova-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii_527b920.html.

то, как информационные технологии, в частности краудсорсинг, используются для эксплуатации человеческого труда¹. Эндрю Кин, например, пишет о том, как Интернет убивает культуру, создавая «культ любительского» и способствуя росту непрофессионализма². Евгений Морозов обращает внимание на феномен *слактивизма* как веру в то, что серьезные проблемы можно решить с помощью одного лишь клика компьютерной мыши (т.е. с затратой минимальных ресурсов), по сути нейтрализуя человеческие ресурсы, которые могли бы быть с пользой применены для достижения тех или иных более благородных целей³. Пессимистичное понимание сетевой толпы предлагается и южнокорейским философом Бьюн-Чул Ханом⁴; он вводит понятие «цифровой рой» («*digital-swarm*»), в котором отсутствует дух масс, способный подвигнуть общество на реальные перемены.

Другие авторы указывают на то, что анализ постиндустриальной культуры глобального мира обнаруживает очевидные расхождения деклараций и реальности. Базовая ценность компьютеризированного мира – не знание, а все та же собственность, обретение которой теперь непосредственно связано с интеграцией в системы манипулирования информацией, определяющей течение массовых процессов. Ошибочная трактовка актуальных тенденций – следствие редукции, в ходе которой информация и знание рассматриваются как синонимы. Не количество информации определяет восходящую эволюцию, а значимая информация (Винер), трансформируемая в знание. Эффективный прогноз не может строиться преимущественно на технологической базе, эволюция культуры есть результат совокупности социальных, психологических и технологических процессов. Однако важнее другое. Поклонение золотому тельцу (которое не удалось искоренить ни Моисею, ни вождям и жертвам многих революций) благополучно развивается на «информационной» почве⁵.

¹ Fuchs C. Critical theory of communication: New readings of Lukacs, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet. L.: Univ. of Westminster Press, 2016.

² Keen A. Amateurhour America; How today's Internet is killing our culture. Chicago: Sun-Times, 2007.

³ Morozov E. To save everything, click here: Technology, solutionism, and the urge to fix problems that don't exist. L.: Penguin Books, 2013.

⁴ Han B-Ch. In the swarm: Digital prospects. N.Y.: Paperback, 2017.

⁵ Дриккер А.С., Маковецкий Е.А. Формирование современных информационных идеалов. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2016/v1-i1/57>.

Ряд исследователей отмечают, что вопреки утверждениям о роли цифровых платформ в трансформации силовых взаимоотношений между институтами власти и индивидами интернет предлагает государственным институтам ранее неизвестные механизмы для контроля общества и манипуляции гражданами, начиная с новых моделей цифрового Паноптикона, приближающих нас к утопии «1984» Дж. Оруэлла, и заканчивая новыми инструментами мобилизации гражданских ресурсов для реализации задач институтов власти¹. Отдельное внимание уделяется власти алгоритмов, позволяющих манипулировать человеком на базе постоянно собираемой о нем информации. Такие исследователи, как К. Санстейн², акцентируют внимание на роли информационных технологий в формировании так называемых эхо-камер, способствующих укреплению социальной поляризации и возникновению незнакомых технологий ненависти. На фоне коннективных действий становятся возможными также «дисконнективные действия»³. В теории сетевого индивидуализма обращается внимание на связь интернета с распадом традиционных социальных структур и ростом человеческого одиночества. Наконец, ряд авторов развивают представления о том, что информационные технологии поработают пользователей, превращая их в своего рода «гаджеты»⁴ и ослабляя их когнитивные способности⁵.

Технопессимисты напоминают слова классика социологии Э. Дюркгейма: «Совсем не доказано, что цивилизация нравственная вещь»⁶. С такой постановкой вопроса тесно связана сама проблематика прогресса, часто выступающего в смысловой связке с развитием цивилизации. «Прогресс – рискованное дело и двусмысленное понятие. Во

¹ Morozov E. The net delusion: The dark side of Internet freedom. N.Y.: PublicAffairs, 2011.

² Sunstein C.R. Infotopia: How many minds produce knowledge. Oxford, UK: Univ. Press, 2006.

³ Light B. Disconnecting with social networking sites. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2014.

⁴ Lanier J. You are not a gadget. N.Y.: Published by Alfred A. Knopf, 2010.

⁵ Карр Н. Дж. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб.: BestBusiness-Books, 2012.

⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С 56.

всяком случае может случиться, что на его пути где-то впереди обрушится мост или дорогу перерезала расщелина»¹. Технопессимисты доказывают, что совершенствование техносферы и способов коммуникации не имеет прямой соотнесенности с нравственным совершенствованием человека. Быстро меняющиеся события высоко технологичного века не успевают получать аксиологическую трактовку. Набирающее силу в общественной мысли направление алармизма пытается указать на то, что под угрозой может оказаться само существование человечества как вида.

Пищу для столь мрачных прогнозов дают в том числе и материалы исследований различных дисциплин – культурной антропологии, исторической социологии, культурно-исторической психологии, – которые утверждают, в частности, что часто социальные коллапсы (вплоть до полного разрушения и исчезновения) в процветающих цивилизациях случались, когда экстенсивное развитие опережало рост внутреннего разнообразия. «Эта зависимость названа *законом техно-гуманитарного баланса*: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества»².

Современная же ситуация, характеризующаяся приматом материально-технологической составляющей культуры над ее гуманитарной составляющей, пренебрежением к ценностной стороне, при соотнесении ее с положениями, выведенными новейшими дисциплинами, может быть описана как во всех смыслах пограничная.

Именно поэтому на протяжении всего XX века в работах самых разных философов проходит мысль о необходимости поставить на повестку дня выработку новых гуманитарно-регулятивных концепций. О насущной потребности своего рода «новой аскезы»³ говорили Й. Хейзинга, Э. Фромм, А. Швейцер, К. Ясперс, В. Франкл и другие. Ради сохранения человеческой цивилизации, по мысли философов, озабочен-

¹ Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня // HomoLudens. В тени завтрашнего дня. М.: АСТ, 2004. С. 374.

² Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: URSS, 2008. С. 62.

³ Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня // HomoLudens. В тени завтрашнего дня. М.: АСТ, 2004. С. 513–515.

ных девальвацией традиционной морали, требуется обращение к традиционным ценностям, под которым понимаются ценности, выработанные и отфильтрованные человечеством. Необходимо пристальное внимание к «символическому капиталу или капиталу ценностей, что в просторечии называется моральным капиталом»¹.

Пока что наиболее вероятным прогнозом развития цивилизации является становление так называемой Центральной цивилизации, которая в настоящее время, по оценке специалистов, охватывает практически все страны мира, включенные в систему глобальных экономических и политических отношений. «Единая всемирная цивилизация – прямой потомок, или, лучше сказать, современное проявление цивилизации, которая появилась около 1500 лет до н. э. на Ближнем Востоке, когда египетская и месопотамская культуры столкнулись и слились воедино. Эта новая образовавшаяся общность распространилась с тех пор по всей планете и поглотила на неравных условиях все ранее независимые цивилизации»². Причем критерием включения городов в эту цивилизацию оказывается социальная связанность, основанная на деловых отношениях, получающих и антагонистический характер, а не культурном сходстве. И с этой точки зрения, заключает Д. Уилкинсон, «экуменическая цивилизация», возникновение которой предсказывал А. Дж. Тойнби, уже свыше столетия как стала исторической реальностью. Можно ли рассматривать эту Центральную цивилизацию как эквивалент глобальной (общепланетарной) цивилизации, или речь идет об очередной вариации мировой цивилизации? Глобальная цивилизация означает, что альтернатив ей на Земле нет, в то время как список версий мировых цивилизаций-лидеров, о чем свидетельствует исторический опыт, пока не закрыт, и лидерство США не вечно. Поэтому терроризм – это маска для сил сопротивления процессу глобализации, который, как стало очевидно в конце XX века, разворачивается по «лекалам» неолиберализма. За этой маской скрывались на протяжении последних

¹ Панарин А.С. Ротация символического капитала как глобальный политический фактор // Культурное наследие как основа национальной идентичности. Первые панаринские чтения (27 мая 2004 г. Государственный исторический музей, Москва). М.: ГАСК, 2005. С. 7.

² См.: Уилкинсон Д. Центральная цивилизация. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/civ/wilkinsn.htm#topic2>.

полтора веков социалисты/коммунисты, националисты и фундаменталисты различных сортов (либо их «гремучие смеси», типа национал-социализма). Но не следует ли видеть в этом развернувшемся глобальном противостоянии симптомы радикального изменения той урбанистической по своей природе Центральной цивилизации, вступление в ее завершающую фазу своей эволюции – постцивилизацию?¹ А это означает, что место лидера в процессе созидания глобальной цивилизации может стать вакантным, и тогда цепочка кровавых терактов, как это ни печально, выглядит весьма эффективным инструментом в борьбе, развернувшейся в глобальном медиа-пространстве за образ того глобального мира, в котором человечеству предстоит жить в наступившем веке. И в этой идейной борьбе цивилизационная идентичность оказывается нередко «смертельным оружием», сплывающим и/или разделяющим людей, погружая их в атмосферу взаимной нетерпимости². Дальнейшее развитие Центральной цивилизации видится следующим образом.

1. Суперцивилизация (появление суперэтнуса, как правило – имперского³; *Pax Americana* – как проект глобализации, торжествующий в конце XX века, *Homo soveticus* – неудачный российский проект альтернативного суперэтнуса. Суперцивилизация – высшая стадия эволюции Центральной цивилизации (ключевая проблема: кто может сыграть роль суперэтнуса для этой модели глобальной цивилизации? «Золотой миллиард» в качестве претендента на роль суперэтнуса глобальной суперцивилизации. Но какова его, этого «золотого миллиарда», «внутренняя идентичность» = аутентичность, независимо от принадлежности к нему капиталов?). Отсюда потребность в метакультуре, символизирующей эту «внутреннюю идентичность». Метакультура позволяет за счет переописания других культур (последние – лишь особые языки, позволяющие фиксировать – символизировать культурные смыслы) препятствовать процессам специализации, дифференциации и десакрализации, разрушающим культуру. Метакультура, в свою очередь, может рассматриваться как ядро метацивилизаций.

¹ См.: Неклесса А.И. Амбициозные корпорации. URL: [http:// p213.boom.ru/ ambic_korp.htm](http://p213.boom.ru/ambic_korp.htm).

² Малиновский П.В. Конец «эры милосердия», или российские СМИ и кризис цивилизационной идентичности. URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/konec-ery/1-6.htm>.

³ См. бестселлер Хардта М. и Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.

2. Метацивилизация (появление **метакультур**, претендующих на миссию «ядра» глобальной культуры, но локальные цивилизации сохраняют свою идентичность). Метацивилизации – виртуальные цивилизационные образования (комплексы цивилизаций), воспринимаемые как самостоятельные и целостные цивилизации, чье культурное ядро находится «вовне» самой цивилизации (культурные идеалы вынесены в прошлое, будущее или страну-метрополию). Метацивилизации конкурируют за лидерство в глобальной цивилизации.

3. Трансцивилизация – возможный проект критической **транскультуры**¹. В формулировке М.Н. Эпштейна – это проект «творческой цивилизации». Феномен «творческой цивилизации» как устойчивой (метастабильной) формы трансцивилизации.

В случае первой модели глобальная цивилизация вырастает как новый вариант сетевой империи на базе сверхдержавы – США; во втором случае – локальные цивилизации объединяет общий стиль метакультуры (остается открытым вопрос, что может стать источником этой метакультуры); в третьем – формируется глобальная сфера культурного творчества, преодолевающая и «специализм» локальных культур, и «универсализм» культуры глобализма, сложившейся в процессе «макдональдизации».

Пока следует рассматривать существующие и канувшие в Лету локальные и региональные цивилизации как популяцию сложноорганизованных социокультурных образований, постепенно ассимилируемых Центральной цивилизацией. Историческая преемственность цивили-

¹ Транскультура (*transculture*) – новая сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных, профессиональных культур. Транскультура преодолевает замкнутость их традиций, языковых и ценностных детерминаций и открывает поле «надкультурного» творчества. Транскультура контрастно определяет себя (1) в отношении концепций глобальной культуры и многокультурия; (2) в отношении растущей специализации разных культурных областей. Общее между глобализмом и многокультурием – детерминизм. В одном случае детерминизм выступает как «необратимая тенденция мирового развития, общая для всех стран и народов» (глобализм); в другом – как «непреодолимая зависимость культуры от пола, расы, этноса, сексуальных ориентаций ее представителей» (многокультурие). В рамках этих концепций не остается свободы выбора для личности, обреченной на ту или иную культуру либо фактом своего физического происхождения, либо фактом всемирного влияния единственной сверхдержавы (Эпштейн М.Н. Проективный словарь. Вып № 24. URL: <http://www.topos.ru/article/2976>).

лизаций обеспечивается механизмом трансляции, и история цивилизаций предстает как последовательная смена стилей. Сосуществование в рамках одной популяции цивилизаций обеспечивается механизмами коммуникации. Территориальное распространение цивилизации обеспечивается созданием сетей – инфраструктурных коммуникаций. В рамках такого понимания отдельная (особая) цивилизация трактуется как организм со своим циклом жизни (организованность глобальной цивилизации). Глобальная цивилизация (или, ослабленный вариант, – стратификация локальных цивилизаций в рамках мировой цивилизации как сообщества локальных цивилизаций) представляет собой результат последовательной смены поколений локальных цивилизаций. Мировой (исторический) цивилизационный процесс – смена поколений локальных цивилизаций.

И, разумеется, не стоит забывать идею С. Хантингтона о столкновении цивилизаций как печальном и неотвратимом итоге глобализации.

Таким образом, выполненный выше анализ позволяет констатировать, что, начиная речь о влиянии цифровой цивилизации и социокультурной глобализации на современные медиа, имеют в виду состояние социотехнической оболочки, которая, предположительно, каким-то образом влияет на культуру, понимаемую как совокупность смыслов, ценностей и технологий деятельности.

1.3. Культура как смысловой комплекс цивилизации

Возвращаясь к предложенной выше метафоре, согласно которой цивилизация – это оболочка культуры, обратимся к анализу культур, располагающихся внутри современной цивилизации. Необходимость такого анализа обусловлена тем обстоятельством, что если цивилизация дает человеку инструментарий жизни, то культура обеспечивает смыслами. Именно культура закладывает в будущую личность все существенные формы отношения к природному миру, другим людям, самой себе.

Культура: смысловое наполнение категории и основные подходы к изучению

Считается, что впервые термин «культура» в более или менее современном его толковании использовал аббат Дж. Андрес в книге «Происхождение, процессы и современное состояние всей литературы», изданной в 1782 году. Однако если для этого автора культура сводилась исключительно к письменным источникам, то дальше начался безостановочный процесс расширения содержательного наполнения понятия. Спустя столетие, в 1865 году, например, Э.Б. Тайлор включал в состав культуры знания, верования, мораль, право, обычаи и многие другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества¹. Разумеется, задолго до Дж. Андерса, Э.Б. Тайлора и других исследователей, благодаря которым понятие «культура» вошло в обиход европейской социальной мысли, этот феномен в той или иной форме осмысливался мыслителями древности и эпохи Возрождения. Эллина видели в «пайдейе», то есть «воспитанности», главное свое отличие от «некультурных» варваров. В позднеримскую эпоху наряду с представлениями, передаваемыми основным смыслом слова «культура», которое подразумевало целенаправленное воздействие человека на природу (обработка земли и прочее), а также воспитание и обучение самого человека, зародился, а в средние века получил распространение иной комплекс значений, позитивно оценивающий городской уклад социальной жизни и более близкий к возникшему позднее понятию цивилизация. Слово «культура» стало ассоциироваться скорее с признаками личного совершенства. В эпоху Возрождения культура стала отождествляться с формами духовного и политического саморазвития общества и человека, как оно проявляется в движении науки, искусства, морали, религии и государственных форм правления.

В Германии XVIII века это понятие становится синонимом образованности и просвещенности. С. Пуфендорф впервые характеризовал культуру как совокупность положительных качеств, возвышающих че-

¹ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Tail/.

ловека, как результат собственной человеческой деятельности, дополняющей его внешнюю и внутреннюю природу¹. В этом значении понятие «культура» до сих пор употребляется во всех европейских языках, в том числе и в русском.

В. фон Гумбольдт определял культуру как неопределенную пригодность ко всему возможному, мертвую сокровищницу, которой нужно еще уметь воспользоваться. Вступая во взаимодействие с культурой, человек начинает и борьбу с ней, заканчивающуюся согласованием культуры с природой. Так культурный человек (т. е. попросту «обработанный», по В. фон Гумбольдту) становится из человека просто **естественного** человеком **воспитанным**.²

Мы не будем рассматривать здесь критический анализ культуры и цивилизации Ж.Ж. Руссо, который противопоставил испорченности и моральной развращенности «культурных» наций простоту и чистоту «нравов» народов, находившихся на патриархальной ступени развития. Эта мысль надолго завладела умами европейских интеллектуалов, и ее отголоски слышны до сих пор. Также лишь упомянем имена И. Канта, Ф. Шиллера, Г.В.Ф. Гегеля, искавших основы культуры в этике, красоте и духовной свободе. Напомним, что понять, что такое культура, невозможно без изучения работ Г. Риккерта, К. Маркса, М. Вебера, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Ницше, Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина и многих других. Также стоит обратить внимание на работы Ф. Боаса, А. Кребера, Б. Малиновского, А. Радклифф-Брауна. Социологи Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Шилс и другие попытались решить проблему отношений между культурой и обществом. С попыткой решить проблему «культура–личность» связано возникновение особого направления психологии культуры (Р. Бенедикт, М. Мид, М. Херсковец и др.).

Учения неокантианца Э. Кассирера и швейцарского психолога и философа культуры К. Юнга легли в основу представлений о символических свойствах культуры. Ряд представителей психологии культуры, опирающихся на концепцию «локальных цивилизаций», стремились отыскать набор «культурных инвариантов», не сводимых друг к другу

¹ См.: Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. Кн. 1. СПб., 1726.

² Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.

и не имеющих под собой реального общего субстрата. Такой взгляд нашел отражение в теории языкового релятивизма Э. Сепира – Б. Уорфа¹, в исследованиях конкретных культур Р. Бенедикт как обособленных «культурных конфигураций»² и в общей позиции культурного релятивизма М. Херсковица³.

Напротив, сторонники феноменологического подхода к культуре, а также некоторые представители экзистенциалистской философии культуры выдвигают предположение об универсальном содержании, скрытом в любой частной культуре, исходя либо из утверждения об универсальности структур сознания (Э. Гуссерель), либо из постулата о психобиологическом единстве человечества (К. Юнг), либо из уверенности в наличии некоего «фундаментального основания, осевой изначальности» культуры, по отношению к которым все ее разновидности – лишь «частности» или «шифры» (М. Хайдеггер и К. Ясперс).

Культуру как отдельный специфический феномен, отличный от социальной структуры общества, начали изучать в Америке в 60–70-е годы XX века. Необходимость такого ее изучения была провозглашена в работах Л. Уайта во второй половине 40-х годов. В частности, Л. Уайт ставит проблему новой трактовки культуры, разрабатывая символический подход к ее изучению. Он определяет культуру как специфический класс явлений, наделенных символическим значением и присущих только человеческому сообществу. По его мнению, изучать культуру значит интерпретировать символы и символические действия. Л. Уайт высказывает соображение, что мир человека – это мир его культуры.

Начало 90-х годов прошлого века отмечено возрождением интереса к культуре, наметившееся среди представителей общественных наук. В тот период наиболее заметной оказалась книга «Отсталость как состояние ума: случай Латинской Америки», написанная Л. Харрисоном, в 1985 году опубликованная Гарвардским центром междуна-

¹ Анализ этой теории см.: Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011.

² Benedict R. Patterns of Culture. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1934.; Бенедикт Р. Хризантема имеч: моделияпонскойкультуры. СПб.: Наука, 2004. С. 42.

³ Herskovits M. Cultural Anthropology: An Abridged Revision of Man and His Works. NY: Alfred A. Knopf, Inc.

ной политики и породившая немало толков. Опираясь на богатый сравнительный материал, ее автор сумел показать, что для большинства латиноамериканских стран главным препятствием на пути прогресса становится именно их культура. Выкладки Л. Харрисона вызвали бурю протестов со стороны экономистов, специалистов по Латинской Америке и латиноамериканских интеллектуалов. В последующие годы, однако, представителям всех перечисленных групп пришлось убедиться в состоятельности его аргументов¹.

В России длительное время господствовала марксистско-ленинская теория культуры, рассматривающая культуру с материалистических и классовых позиций. «Класс, – писал К. Маркс, – имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»². При этом материальным основаниям в марксистско-ленинской теории культуры в конечном итоге отводится решающая роль в развитии культуры. Субъективной воле человека, духовной составляющей культуры отводилась незначительную роль. С середины 80-х годов XX столетия интерес российских исследователей к проблемам культурологии нарастает, что связано с отходом от монополизма прежней марксистской парадигмы.

Сегодня науки о культуре переживают своеобразный бум. Издается множество культурологических исследований и учебных пособий. Культурология институционализировалась как академическая наука и учебная дисциплина, а само слово «культура» является, пожалуй, самым многозначным и наиболее часто употребляемым в гуманитарном знании. Несмотря на огромное количество исследований, сохраняется полная неопределенность терминов и понятий, в том числе и самых базовых. Если в обыденном сознании «культура» выступает как собирательный образ, объединяющий искусство, религию, науку и т. д., то в научном дискурсе ученые насчитывают более 500 определений культуры.

¹ См.: Культура имеет значение. URL: https://royallib.com/book/hantington_samyuel/kultura_imeet_znachenie.html.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. С. 46.

Приведем лишь некоторые из наиболее известных:

- общий и принятый всеми способ мышления (К. Юнг); процесс прогрессирующего самоосвобождения человека (Э. Кассирер);
- то, что отличает человека от животных (В.Ф. Оствальд);
- совокупность факторов и измененных условий жизни, взятых вместе с необходимыми для этого средствами (А. Гелен);
- сотворенная человеком часть окружающей среды (М. Херскович);
- система знаков (Ч. Моррис, Ю.М. Лотман);
- специфический способ мышления, чувствования и поведения (Т. Эллиот);
- совокупность материальных и духовных ценностей (Г. Францев);
- единый срез, проходящий через все сферы человеческой деятельности (М. Мамардашвили);
- способ и технология человеческой деятельности (Э.С. Маркарян);
- все то, что человек творит, осваивая мир объектов – природу, общество и пр. (М.С. Каган);
- социально значимая творческая деятельность человека, взятая в диалектической взаимосвязи с ее результатами (Н.С. Злобин);
- производство самого человека во всем богатстве его связей с обществом (В.М. Межуев);
- сфера реализации идеально-ценностных целей, осуществление идеала (Н.З. Чавчавадзе);
- духовное бытие общества (Л. Кертман);
- система духовного производства (Б.С. Ерасов) и др.¹

Можно сказать, что в трактовке самого понятия культуры, его границ и содержания царит ничем не сдерживаемый произвол. Это приводит к тому, что некоторые исследователи считают попытки сбора, ана-

¹ Подробная систематизация определений культуры приводится в книге: Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.

лиза и классификации определений культуры чем-то вроде профессионального подвига культуролога¹, а другие утверждают, что определение культуры – бесперспективное занятие².

Несмотря на сложности с определением самого понятия «культура», исследование явлений, обозначаемых этим понятием, активно развивается, и уже можно обозначить основные подходы к осмыслению сущности культуры. В обобщенном виде эти подходы представлены в статье Ю.М. Резника,³ который, используя традиционную классификацию наук, выделил и обосновал несколько подходов: философский, антропологический, социологический. Поскольку не все концепции культуры укладывались в рамки этих наук, Ю.М. Резник обозначил еще и четвертый подход – комплексный, или «интегралистский» (общая теория культуры).

Однако есть подходы, которые не укладываются в схему, предложенную Ю.М. Резником. Например, ничего не говорится о психологическом подходе к культуре. Между тем, как было показано выше, работы З. Фрейда и К. Юнга, посвященные культуре, давно стали мировой классикой. Психологический подход к культуре разрабатывался такими учеными, как Р. Бенедикт, М. Мид, М. Херсковец и др. К этому же направлению относятся работы неопрейдистов Г. Рохейма, К. Хорни, Х. Салливана, рассматривавших культуру как запечатленное в знаках содержание непосредственных психологических переживаний. Представители этого направления интерпретировали культуру как выражение социальной общезначимости свойственных человеку основных психических состояний.

Есть подходы, которые трудно отнести к какой-то одной науке. Таков, например, гуманитарный подход, с точки зрения которого культура – это развитие самого человека, его духовных творческих способностей во всем богатстве и многогранности его общественных связей и отношений, во всей целостности его общественного бытия. Культура,

¹ Мостова Л.А. Антропологическая традиция в исследовании культуры // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 5–14.

² Зинченко В.П. Наука – неотъемлемая часть культуры? // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 33–50.

³ Резник Ю.М. Культура как предмет изучения. URL: http://www.lko.ru/lko/jur_reznik_3_1_01_1.htm.

таким образом, есть процесс созидания человеком своей родовой сущности, мера человеческого в человеке. Каждая культура есть способ творческой самореализации человека. Поэтому постижение иных культур обогащает нас не только новым знанием, но и новым творческим опытом.

Можно выделить информационно-семиотический подход к культуре. Этот подход связан с именами Э. Кассирера¹, А. Моля², Гадамера³, Ю.М. Лотмана⁴, Вяч. Вс. Иванова⁵, Б.А. Успенского⁶ и других представителей Тартуско-Московской семиотической школы. При семиотическом (информационно-знаковом) подходе культура понимается как внебиологический знаковый механизм передачи опыта. Культура – это особая знаковая система, несущая информацию посредством знаков. Знак – это соединение определенного смысла и определенного способа его выражения. Согласно данному подходу человек и все созданное им приобретают статус знаковых объектов. Знак, знаковые ситуации являются средствами реализации ценностей и смыслов культуры. Вся культура имеет символически коммуникативную природу. Культура – это своеобразный механизм, встроенный в информационный процесс и осуществляющий выработку и трансляцию социально значимой информации (коммуникативная функция культуры). Другими словами, продуктом культуры является социальная информация, которая вырабатывается и сохраняется в обществе при помощи знаковых средств.

Стоит выделить маркетинговый подход к культуре, сторонники которого рассматривают культуру как объект продажи и потребления. В качестве культурного товара выступают стиль и образ жизни. Естественное для любого капиталистического производства стремление к снижению производственных издержек приводит к глобальной стандартизации культурных продуктов.

¹ Кассирер Э. Лекции по философии и культуре // Культурология XX век: Антология. М.: Юрист, 1995.

² Моль А.А. Социодинамика культуры. М., 1973.

³ Гадамер Г.Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.

⁴ Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.

⁵ Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1988.

⁶ Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Шк. «Язык русской культуры», 1995.

Не имея возможности рассмотреть хотя бы основные из существующих подходов к пониманию сущности культуры, считаем необходимым обозначить тот подход, который положен в основу исследования, теоретические основы которого изложены в этой книге.

Культура в системе жизненного мира

На наш взгляд, адекватное понимание сущности культуры предполагает встраивание этой категории в понятийный ряд, в основании которого находится понятие «жизненный мир», то есть та среда, то окружение, в котором в каждый момент своей жизни пребывает индивид. Говоря о «жизненном мире», имеют в виду совокупность всех факторов и обстоятельств, в пространстве которых только и может жить и самоосуществиться данный индивид. Этот мир, оставаясь объективным и материальным, не есть, однако, физический мир, то есть мир, как он предстает перед науками, изучающими взаимодействие вещей, это жизненный мир, и в качестве такового он имеет две резко отличающиеся части, стороны, грани: внешнюю и внутреннюю.

Внешняя сторона жизненного мира представляет собой сферу, которая рассматривается как источник ресурсов, необходимых для воспроизводства и развития человека как целостности. Это та «жизненная почва», «питательная среда», из которой индивид получает то, без чего невозможно его становление и самоосуществление. Так понимаемый внешний мир структурируется на некие пространства и поля, в рамках которых индивид проявляет свою активность. Эти пространства и поля могут менять свои очертания и границы в зависимости от множества факторов.

Внутренняя сторона жизненного мира (или «внутренний мир») представляет собой совокупность движущих сил, средств, «инструментов» жизнедеятельности, пользуясь которыми, индивид овладевает «внешним миром», присваивает его себе, расширяя тем самым свой «внутренний мир», что требует затем изменения метрики «внешнего мира», а следовательно, жизненного мира в целом. Таким образом, понятие «внутренний мир» является наиболее широким, наиболее интегральным термином, связывающим воедино всю совокупность качеств и свойств, предопределяющих степень личной суверенности индивида.

Очевидно, что человек, встроенный в описанный выше внешний жизненный мир, нуждается в нескольких «вещах», важных для выживания и развития:

- ему надо знать и понимать, как устроен этот жизненный мир, где находятся необходимые человеку ресурсы;
- он нуждается в эффективных схемах, моделях, алгоритмах деятельности, позволяющих ему приспособиться к этому жизненному миру или приспособить его к своим нуждам;
- он нуждается в таких нормах взаимоотношений с другими людьми, следование которым обеспечивает сохранение и развитие тех человеческих коллективностей, к которым индивид принадлежит или хочет принадлежать;
- он нуждается в обладании тем, что дает оправдание жизни в целом и конкретным действиям и поступкам, то есть в том, что называется смыслом.

И именно культура, воплощенная в текстах, является хранилищем этих «вещей». Другими словами, через тексты культура обеспечивает реализацию трех основных функций: 1) предложение эффективных схем, алгоритмов, матриц достижения результатов деятельности; 2) ориентирование индивида в общественных отношениях; 3) придание смысла всему, что человек делает или должен делать. В других терминах речь идет о том, что культура, являясь выражением способов и норм социальной организации и регулирования жизнедеятельности общества, обладает рядом функций.

1. **Социально-регулятивная функция** культуры, воплощающаяся в нормах, традициях и обычаях, регулирующих жизнь общества.

2. **Коммуникативно-репродуктивная функция**, проявляющаяся через трансляцию опыта, знаний, опредмеченных результатов человеческой деятельности от поколения к поколению, что и обеспечивает непрерывность исторического процесса и его прогрессивное развитие. Продукты культуротворческой деятельности подвергаются своеобразной проверке, социальному отбору: одни из них сразу входят в культурный оборот и становятся составляющей культурного прогресса, для других требуется время, чтобы они были осознаны и включены в социальную практику.

3. Ценностно-ориентационная функция – отбор и отсеивание в ходе трансляции тех культурных ценностей, которые «оседают» у нового поколения, и тех, которые «уходят», отслужив свое. Согласно теории «кумулятивной социализации» культура представляет собой своеобразный психический «фильтр», укоренены в сознании человека представления и установки, оказывающие постоянное влияние на его поведение. Через этот «фильтр», заложенный, как правило, в раннем детстве, пропускается и своеобразным образом «отсеивается» весь жизненный опыт человека.

На наш взгляд, именно это имел в виду А. Моль, когда писал о том, что индивидуальная культура – это «экран знаний», сформированный в сознании человека; на этот экран проецируются получаемые из внешнего мира новые стимулы-сообщения, и на этой основе строятся восприятия, то есть формы, способные получить дальнейшее выражение в словах и знаках. Вполне понятно, что на личном уровне эти «экраны» различны по обширности (эрудиция), по глубине, «плотности» и оригинальности. Но, так или иначе, они обусловлены общим состоянием «коллективной культуры» (Моль называет эту культуру в целом «социокультурной таблицей»¹). При этом стоит напомнить о том, что А. Моль разграничил два понятия культуры, между которыми существуют глубинные различия, – традиционная (гуманитарная) и современная (мозаичная) культура. Структура знаний в гуманитарной культуре обладала, по формулировке Моля, геометрической правильностью. Соответственно, приобщиться к этой упорядоченной системе возможно было лишь при посредстве упорядоченного получения знаний – образовании. Гуманитарная культура также характеризуется иерархичностью идей и понятий, разделяемых на главные и второстепенные. В свою очередь, культура, сформировавшаяся под влиянием средств массовой коммуникации, носит принципиально иной характер. Ее структуру Моль называет мозаичной, поскольку она состоит «из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов»². Мозаичная культура представляет собой совокупность иерархически неупорядоченных

¹ Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.

² Там же.

сообщений. Современный человек, погруженный в мозаичную культуру, обладает набором разрозненных цитат, формирующих поверхностное поле компетенции.

Одним из первых в конце XVIII века связал развитие экономики с процессами в культурной сфере А. де Кондорсе: он утверждал, что технический прогресс и развитие экономики неизменно приведут к изменению нравственных ценностей¹. Идею о влиянии культурных особенностей на развитие общества выразил также А. де Токвиль, указывающий в своей работе «Демократия в Америке» на то, что важную роль в становлении американской политической системы сыграла культура, удивительно подходящая для демократии². К. Маркс, напротив, связывал изменения политических институтов и культурных ценностей с техническим и экономическим прогрессом, рассматривая господствующие в обществе ценности и моральные нормы как идеологическую «надстройку» над социально-экономическим «базисом»³.

В начале XX века немецкий ученый М. Вебер опубликовал работу «Протестантская этика и дух капитализма», согласно которой культурные факторы, коренящиеся в религии, сыграли ведущую роль в развитии экономики протестантских стран. По мнению М. Вебера, кальвинизм способствовал выработке и становлению определенной этики повседневной жизни, которая, в свою очередь, стала основой для делового успеха и развития промышленного капитализма⁴. Теория М. Вебера о связи религии и социально-экономического прогресса получила развитие, и сегодня религия рассматривается многими учеными как одна из основных предпосылок формирования тех или иных культурных особенностей общества.

Во второй половине XX века теория о связи культурных ценностей и социально-экономического развития развивалась в двух направлениях⁵. Согласно первому, конвергенция ценностей в результате модернизации – главная движущая сила изменений в сфере культуры. Таким

¹Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 32.

²Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Издательство «Весь Мир», 2000.

³Маркс К. Капитал. М.: Политиздат, 1985.

⁴Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006.

⁵Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 34.

образом, происходит неизбежный упадок традиционных ценностей, их замена современными. Второй подход предполагает устойчивость традиционных ценностей, несмотря на изменения в экономике и политике, независимость сферы ценностей от экономических условий и ее самостоятельное влияние на культурные изменения, вызываемые социально-экономическим развитием.

Многие исследователи подчеркивают неразрывную связь исповедуемых обществом и индивидом ценностей и выбором путей социально-экономического развития. Как отмечает Р. Инглхарт, теория модернизации возникла в эпоху Просвещения вместе с убежденностью в том, что технический прогресс даст человечеству власть над природой¹.

Российские ученые также активно изучают влияния культуры на социальные, экономические и политические процессы. В частности, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований НИУ ВШЭ занимается выработкой собственного подхода к измерению культур и изучению связи культуры и инновационного развития. Одно из исследований на эту тему – монография «Культура как фактор общественного прогресса» – было подготовлено профессором НИУ ВШЭ Н. Лебедевой, доцентом НИУ ВШЭ А. Татарко и научным руководителем НИУ ВШЭ Е. Ясиным. В монографии обобщаются результаты проведенного в 2008 году исследования связи культуры, психологии и социально-экономического развития². Еще одно исследование, посвященное влиянию национальных культурных традиций культуры на динамику социального развития, было выполнено президентом Института национального проекта «Общественный договор» А. Аузаном, профессором Высшей школы экономики А. Архангельским, режиссером П. Лунгиным и директором Института национальной модели экономики В. Найшулем³. Авторы проекта попытались доказать,

¹ Там же. С. 32.

² Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009.

³ Семь тезисов о русском. Русское искусство – тормоз или локомотив модернизации? URL: <https://rg.ru/2011/09/28/modernzacia.html>.

что в традиционных установках русской культуры есть факторы, которые не только не противоречат целям модернизации, но и могут служить ее опорой¹.

Структурная модель культуры

Э. Маркарян предложил рассматривать культуру как комплекс природно-экологической, общественно-экологической и социорегулятивной систем² и представил следующие интерпретации этих подсистем.

Первая подсистема культуры – природно-экологическая, которая представляет собой способ адаптации общества к биофизическому окружению путем его соответствующего преобразования. Фундаментом данной подсистемы выступает культура материального производства. С этой точки зрения природно-экологическая подсистема культуры включает в себя средства, благодаря которым осуществляется непосредственное человеческое воздействие на природную среду и ее освоение путем промышленного, сельскохозяйственного производства, связанных с ними сфер материально-производственной деятельности.

Вторая подсистема культуры – общественно-экологическая, которая служит проявлением имеющей более общий характер культуры межобщественных (межплеменных, межгосударственных и т. д.) связей и взаимодействий. Но рассматривается эта культура в данном случае в перспективе деятельности того или иного общества, в контексте его социально-исторического окружения. Поэтому общественно-экологическую культуру можно охарактеризовать как способ упорядоченного взаимодействия рассматриваемого общества с иными обществами, с которыми оно вступает в контакт путем институционализованных мирных (дипломатических, технических, научных, торговых и др.) и военных средств.

¹ Семь тезисов о русском. Русское искусство – тормоз или локомотив модернизации? URL: <https://rg.ru/2011/09/28/modernzacia.html>.

² Маркарян Э. Теория культуры и современная наука». М.: Мысль, 1983.

Третья подсистема культуры – социорегулятивная, которая позволяет обеспечить координацию, кооперацию человеческой деятельности как в рамках отдельных сфер деятельности, так и в масштабе всего общества. Непосредственным механизмом, обеспечивающим соответствующую организацию деятельности, является институционализация (социальное упорядочение в рамках любых общественных объединений) отношений и поведения индивидов в самых различных областях. Именно благодаря институционализации человеческие действия социально программируются и координируются. Сутью так понимаемой институционализации является установление определенных правил действия и обеспечение выполнения этих правил путем введения соответствующих норм и санкций. Институционализация является универсальным средством упорядочения совместной деятельности людей. В результате институционализации отношений людей последние в соответствующих нормальных ситуациях оказываются в состоянии предвидеть действия друг друга, а это создает исходные предпосылки для организации общественной жизни и понижения ее энтропии (неупорядоченности).

Э. Маркарян неоднократно подчеркивает органическую связь социо-регулятивной, природно-экологической и общественно-экологической подсистем культуры, которые представляют собой не автономные образования, а взаимозависимые и взаимообеспечивающие комплексы средств человеческой деятельности. Их выделение есть по сути дела абстрагирование трех различных сторон единой системы культуры.

Несмотря на то, что книга, в которой изложена эта концепция, написана много лет назад, представленные в ней идеи до сих пор дают импульс к нетривиальным размышлениям. Тем не менее мы хотим выдвинуть гипотезу, в соответствии с которой любая культура состоит из трех структурных компонентов:

- ноосферы,
- аксиосферы,
- нормативно-регулятивной сферы.

Рассмотрим эти компоненты подробнее.

Ноосфера

Этот термин был введен французским философом Э. Леруа в 1927 году, а затем развит П. Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским¹. Используя понятие ноосферы, П. Тейяр де Шарден и В.И. Вернадский стремились описать процессы взаимодействия природы и человеческого общества в целом. В ходе научного прогресса человечество создает ноосферу как особую среду, в которую включены и другие организмы, и значительная часть неорганического мира. П. Тейяр де Шарден, будучи христианским теологом, описывает ноосферу в рамках эсхатологической перспективы: она есть последний этап творения, непосредственно предшествующий «точке Омега», моменту единения мира (преобразившегося в ноосферу) с Богом. Ноосфера важна не сама по себе, а как ступень к достижению предусмотренной замыслом творения цели. В.И. Вернадский же стремится исключить из своих рассуждений теологию. Он определил ноосферу с помощью двух дополнительных понятий: «живое вещество» и «биосфера»². Далее Вернадский постулирует, что эволюционный процесс присущ только живому веществу, в косном (неживом) веществе нашей планеты нет его проявлений. До появления человека на Земле биосфера менялась в результате эволюции, но оставалась биосферой в рамках трактовки Вернадского. С появлением человека как разумной составляющей живого вещества, с точки зрения Вернадского, внутри биосферы начинает зарождаться качественно новая область – «новое геологическое явление на нашей планете». «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть ноосфера. Ноосфера

¹ Вернадский В.И. Размышления натуралиста: В 2-х кн. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука. 1977; Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988; Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 2002; Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987; Тейяр де Шарден П. Божественная Среда. М., 1992.

² Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Антология философской мысли. Русский Космизм. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

– последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории – состояние наших дней»¹. Таким образом, Вернадский видит в формировании ноосферы лишь доступное наблюдению событие, не имеющее никакой иной цели, помимо собственно ее формирования. Различие подходов П. Тейяра де Шардена и В.И. Вернадского предопределило дальнейшее использование понятия «ноосфера». С одной стороны, к нему обращаются некоторые теологи, стремящиеся вслед за П. Тейяром де Шарденом найти эволюционную интерпретацию догматов Церкви. С другой стороны, это понятие весьма популярно среди ученых, занимающихся проблемами взаимодействия человека со средой, в частности, проблемами экологии².

Понимание феномена ноосферы, в которой основной составляющей станет ноосферный интеллект как коллективный интеллект всего человечества, было присуще той ноосферной концепции, которую, следуя В.И. Вернадскому, развивал Н.Н. Моисеев. Этот ученый говорил о Коллективном Разуме (Интеллекте), полагая, что: «разум человека – это системное свойство совокупности нейронов его мозга, а Коллективный Разум – системное свойство совокупности индивидов, обладающих разумами и возможностью обмена информацией. Разум отдельного человека в системе Коллективного Разума подобен нейрону в

¹ Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Антология философской мысли. Русский Космизм. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

² Ильин И.В., Урсул А.Д. В.И. Вернадский – основоположник глобальных исследований // Вестник Московского университета. Серия XXVII: Глобалистика и геополитика. 2013. № 1; Ильин И.В., Урсул А.Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. М.: МГУ, 2013; Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Ноосферогенез как глобальный процесс (концепция нооглобалистики) // Вестник Московского университета. Серия XXVII: Глобалистика и геополитика. 2014. № 2; Келле В.Ж. К проблеме ноосферы // Философские науки. 2002. № 5; Иванов Вяч. Вс. Эволюция ноосферы и художественное творчество // Ноосфера и художественное творчество. М., 1991; Савицкий И. Ноосфера и формирование человека // Вестник высшей школы. 1990. № 3; Урсул А. Ноосфера – основа мировоззрения // Вестник высшей школы. 1991. № 5; Яншина Ф. Ноосфера В. Вернадского: утопия или перспектива // Общественные науки и современность. 1993. № 1; Назаров А.Г. В поисках ноосферной реальности // НООСФЕРА: Бюллетень Неправительственного экологического фонда имени В.И. Вернадского. 2001. № 11; URL: <http://www.vernadsky.ru/Bul/>; Платонова Э. Ноосфера и информационное пространство. URL: <http://mykm.ru/view/view.asp?id=>; Моисеев Н.Н. Системная организация биосферы и концепция коэволюции // Общественные науки и современность. 2000. № 2 и др.

мозгу человека»¹. Причем развитие этого типа интеллекта во временном отношении Н.Н. Моисеев связывает со становлением человеческого общества, а сверхбыстрое, лавинообразное развитие Коллективного Разума – с развитием средств связи и новых информационных технологий. «Коллективный Интеллект, вооруженный технологией искусственного интеллекта, – вот дальнейший путь развития информационной истории биосферы»². Он считал, что мы стоим на пороге становления Коллективного Общепланетарного Разума, который предоставляет определенный шанс человечеству сохранить себя в биосфере, значит, и во Вселенной.

В настоящее время сложились разные трактовки понятия «ноосфера», которые исследователи объединяют в три основных комплекса.

В широком смысле под ноосферой понимается совокупное человечество, как разумный биосоциальный феномен, включая продукты его культуры (духовной – информосферы, и материальной – техносферы). Именно в этом смысле ноосфера является «разумной оболочкой Земли» (В.И. Вернадский), «мыслящей пленкой планеты» (П. Тейяр де Шарден).

В более узком смысле ноосфера – глобальная духовная область, совокупный человеческий разум, то есть взаимосвязанная совокупность и целостность сознания отдельных индивидов. В подобной трактовке речь в большей степени идет о духовной культуре человечества и сфере сознания каждого живущего в данный момент индивида, который в процессе общения и совместной жизнедеятельности с другими членами общества непрерывно творит виртуальную реальность – идеальное, и шире – духовное. Здесь духовный мир каждой личности взаимосвязано опосредует и опосредуется сам духовным миром общества, его духовной культурой. Наука, философия, искусство, мифология, религия, оккультизм, идеология, мораль, право – все эти сферы духовной культуры (и типы мировоззрения, способы познания) одновременно являются важнейшими компонентами ноосферы. В данной работе понятие «ноосфера» трактуется именно в этом смысле.

¹ Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М.: ИздАТ, 1993. С. 48.

² Там же. С. 49.

Следует упомянуть, наконец, и эзотерическое определение ноосферы в рамках неомистицизма и учения «Нового Века» («NewAge»). Согласно оккультным воззрениям, ноосфера представляет собой особую духовную область, имеющую тонкоматериальный (субфизический) энергоинформационный характер¹.

Аксиосфера

Однако одной лишь картины мира недостаточно, чтобы человек мог ориентироваться в действительности и своих действиях: нужны ценностные указатели, организующие его деятельность, направляющие ее на достижение одних целей и уводящие в сторону от других. Существует множество определений понятия «ценность», как имеющих общих, очень широкий смысл, так и сводящих это понятие до одного из явлений мотивационного процесса. Чаще всего ценность определяется как привлекательность целевого объекта, т. е. она наряду с потребностью определяет нужность цели.

Понятием «аксиосфера» мы обозначаем все области ценностного отношения человека к миру, включая все, что вызывает ценностное отношение: художественные, нравственные, материальные, религиозные и все другие ценности².

Ценности являются предметом изучения таких наук, как психология, педагогика, философия, социология и этика и др. Различия в подходах к исследованию ценностей предполагает существенные различия в понимании их сущности, места в культуре и особенностей проявления в человеческой деятельности.

В философии существует целое направление, занимающееся исключительно философским пониманием ценностей, – аксиология. Оно рассматривает ценности как способ понять сущность человека. Такой вывод можно сделать из высказывания Протагора: «Человек есть мера

¹ Байков Э.А. Виртуальность в ноосфере. URL: <http://www.globalistika.ru/biblio/bajkov2.htm> (вряд ли нужно доказывать научную бессмысленность подобных воззрений).

² См.: Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997; Розов Н.С. Ценности в проблемном мире. Новосибирск, 1998; Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М., 1967; Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. Ч. 1. М., 1994; Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: Опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.

всех вещей». М. Вебер писал о том, что «ценность – это норма, способом бытия которой является ее значимость для субъекта»¹. Практически та же самая мысль звучит в работе Г. Риккерта: «О ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только, что они значат или не имеют значимости. Культурная ценность или фактически признается общезначимой, или же... постулируется, по крайней мере, хоть одним культурным человеком»². Значимость и положительная оценка – главные параметры ценностей как феномена, структурирующего общество и культуру. А в качестве значимых могут быть квалифицированы разные идеи и объекты.

В современной психологии под ценностью понимается «любой «объект», имеющий жизненно важное значение для субъекта»³. То есть ценности человека определяются чем-то формирующимся внутри человека. Такой подход тоже имеет разные направления и ответвления, представленные в различных школах: А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна⁴ (анализ деятельности), В.Н. Мясищева (психологические отношения личности), К.А. Абульхановой-Славской, А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова (общение), Д.Н. Узнадзе, А.С. Прангишвили (установки). Каждая школа формулирует определение по-разному, но общий смысл примерно одинаковый: ценность – это вектор, по которому движется человек, выбирая для себя мотив, определяющий направленность деятельности.

В культурологии понятием «ценность» обозначается «особая объективная положительная значимость в духовной жизни конкретного человека, социальной группы, общества, воплощаемая в разнообразных носителях значимости и выражаемая в знаках и знаковых системах данной культуры»⁵.

В логике под ценностью понимается не свойство предмета (выражающееся в его способности удовлетворять наши желания и потребно-

¹ Вебер М. Избранное: образ общества. М., 1994. С. 115.

² Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 70.

³ Большая психологическая энциклопедия. URL: <http://psychology.academic.ru/2853/ценность>.

⁴ Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

⁵ Теория культуры / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. М.: Питер, 2008. С. 105.

сти), а особое отношение между мыслью и действительностью. Специфичность этого отношения наглядно проявляется при сопоставлении истинностных и ценностных утверждений. В первом случае отправным пунктом сопоставления является объект. Мера истинности утверждения определяется мерой его совпадения с характеристиками объекта. Во втором случае исходным пунктом выступает утверждение, и мера соответствия объекта этому утверждению является мерой ценности объекта¹.

Вместе с тем А.А. Ивин неоднократно подчеркивает, что ценности – неотъемлемый элемент человеческой деятельности как мотивированной активности. «Всякая деятельность связана с постановкой целей, следованием традициям, нормам и правилам, систематизацией и иерархизацией рассматриваемых объектов, подведением их под образцы и стандарты, отделением важного и фундаментального от менее существенного и второстепенного и т. д. Все эти понятия – «цель», «традиция», «норма», «правило», «система», «иерархия», «фундаментальное», «второстепенное» и т. п. – являются оценочными или несут важное оценочное содержание»².

Существует объективистский подход, согласно которому ценность – это то, в чем запечатлена человеческая деятельность. С этой точки зрения все, созданное человеком, в большей или меньшей степени является ценностью.

Много лет дискутируется вопрос о том, можно ли использовать по отношению к ценностям понятие истинности. Сторонники **ценностного объективизма** исходят из установки, согласно которой ценности существуют как нечто трансцендентное. Ценности – это нечто, «отсылающее к миру должного, целевого, смысловому основанию, абсолюту»³. При таком отношении «ценности вносят „метафизическое измерение“ в мир человеческого бытия – они всегда абсолютны как самодостаточные сущности, как кладущие „пределы“ изменчивости, как „последние аргументы“, не подлежащие обсуждению и оспариванию, в силу своей безусловности. „Метафизичность“ ценностей усилива-

¹ См., напр.: Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 32.

² Там же.

³ Абушенко В.Л. Ценность // Новейший философский словарь. URL: newphilosophic.ru.

ется, если они при этом трактуются как внеисторические (существующие в пространстве культуры) и (или) трансцендентные, что позволяет полагать систему религиозных отношений»¹.

Сторонники **ценностного релятивизма (конструктивизма)** полагают, что ценности конструируются искусственно и в зависимости от интересов людей.

По сути, речь идет о двух фундаментальных культурных установках, рождающих разные типы гуманитарной аналитики. Если первый тип установки принимает на веру истинность тех или иных ценностей и идей и его можно определить как «ценностную ангажированность», то второй, занимаясь произвольным изыманием или институированием ценностей (в зависимости от необходимости), подходит к духовной реальности с требованиями функциональности и утилитаризма, поэтому может быть описан как «ценностный нигилизм»².

Нам представляется, что все эти подходы развивают разные потенции, заложенные в исходном понимании ценности как сформировавшегося в ходе общественной практики представления (понятийного или образного) о значимости тех или иных элементов внешнего и внутреннего мира для жизнедеятельности человека. Другими словами, сущностью ценности является зафиксированная тем или иным образом человеко-(культуро)-созидающая значимость явлений жизненного мира. Человеческая культура пронизана ценностными отношениями. Но, будучи соткана из этих отношений, она вовсе не является субъективным порождением человеческих сознаний и волею. Человеческая культура – это объективный, иерархически организованный (и внутренне противоречивый на каждой ступеньке этой иерархии) мир. Этот мир дается каждому человеку как естественная среда обитания, которая должна быть освоена. И это освоение не может и не должно быть чисто головным, рациональным познанием, а должно быть именно освоением, то есть превращением в собственную сущность. Мера освоенности мира человеческой культуры и есть мера человечности человека (во всяком случае – одна из мер, поскольку есть и другие, например: вклад человека в мир человеческих ценностей).

¹Абушенко В.Л. Ценность // Новейший философский словарь. URL: newphilosophic.ru.

²Лармин О.В. Ницше и европейский нигилизм XX столетия // Вестн. Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 2003. № 6. С. 83.

Классификационные модели ценностей

Существует множество классификационных моделей, в которых ценности структурируются по предмету или содержанию объектов, на которые они направлены (социально-политические, экономические, нравственные), по субъекту отношения (общество, класс, социальная группа, коллектив, индивид). Продолжаются споры о типах явлений, которые можно отнести к ценностям. Ценности структурируются по предмету, по содержанию, по субъекту отношения.

Существуют довольно простые типологии. Например, в списке А. Ситникова¹, упоминаются 10 ценностей: здоровье, финансовое благополучие, семейное благополучие, путешествия, обеспеченная старость, интересный досуг, работа, приносящая удовлетворение, хорошее образование для детей, владение собственностью и свобода вероисповедания. Такие списки основываются на опросах, проведенных среди населения. Можно упомянуть модель ценностей русской православной церкви², которая включает в себя «вечные российские ценности»: справедливость, соборность, самоограничение, жертвенность и прочее.

М. Рокич выделяет два класса ценностей:

а) терминальные ценности – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной или общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться;

б) инструментальные ценности – убеждения в том, что какой-то образ действий является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях.

Терминальные ценности носят более устойчивый характер, чем инструментальные, причем для них характерна меньшая межличностная вариативность³. Разведение терминальных и инструментальных ценностей воспроизводит традиционное различие ценностей-целей и ценностей-средств.

¹ Ситников А., Петропавловский Н., Артемьев М., Гафт В. Самый короткий путь к власти. URL: http://www.sitnikov.com/sitnikov/education/scientific_works/way_to_power/.

² Церковь и партия власти поработали над вечным. СМИ2: новостной агрегатор. URL: <http://smi2.ru/Bartoun/c506508/>.

³ Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.

Д.А. Леонтьев, используя предложенную Рокичем терминологию, предлагает рассматривать структуру индивидуальной иерархии ценностных ориентаций в виде следующих «блоков»:

Терминальные ценности:

- конкретные жизненные ценности (здоровье, работа, друзья, семейная жизнь) – абстрактные ценности (познание, развитие, свобода, творчество);
- ценности профессиональной самореализации (интересная работа, продуктивная жизнь, творчество, активная деятельная жизнь) – ценности личной жизни (здоровье, любовь, наличие друзей, развлечения, семейная жизнь);
- индивидуальные ценности (здоровье, творчество, свобода, активная деятельная жизнь, развлечения, уверенность в себе, материально обеспеченная жизнь) – ценности межличностных отношений (наличие друзей, счастливая семейная жизнь, счастье других);
- активные ценности (свобода, активная деятельная жизнь, продуктивная жизнь, интересная работа) – пассивные ценности (красота природы и искусства, уверенность в себе, познание, жизненная мудрость).

Инструментальные ценности:

- этические ценности (честность, непримиримость к недостаткам) – ценности межличностного общения (воспитанность, жизнерадостность, чуткость) – ценности профессиональной самореализации (ответственность, эффективность в делах, твердая воля, исполнительность);
- индивидуалистические ценности (высокие запросы, независимость, твердая воля) – конформистские ценности (исполнительность, самоконтроль, ответственность) – альтруистические ценности (терпимость, чуткость, широта взглядов);
- ценности самоутверждения (высокие запросы, независимость, непримиримость, смелость, твердая воля) – ценности принятия других (терпимость, чуткость, широта взглядов);

- интеллектуальные ценности (образованность, рационализм, самоконтроль) – ценности непосредственно-эмоционального мироощущения (жизнерадостность, честность, чуткость)¹.

Венгерский исследователь Ф. Патаки предлагает следующую классификацию ценностей:

- общественно-политические ценности (общественная жизнь, личная жизнь, оценочное отношение к общественным перспективам, патриотизм, интернационализм и т. п.);

- коллективистские ценности (солидарность, совместное действие, способность согласования и подчинения личных интересов, дисциплина и т. п.);

- интерперсональные ценности, или ценности-отношения (дружба, секс, отношение к взрослым и ровесникам, а также оценка их поведения);

- объективированные ценности (наука, искусство, интеллигентность, мораль);

- ценности «Я» (личные перспективы, карьера, выбор профессии, самоосуществление);

- предметные ценности (предпочтительное поведение и оценка прежде всего предметов потребления)².

Весьма популярна концепция Ш. Шварца, согласно которой культурные ценности располагаются вдоль биполярных осей: «Консерватизм – Автономия», «Иерархия – Равноправие», «Мастерство – Гармония»³.

Ш. Шварц предлагает круговую модель, разделенную на две антиномийные конфликтные оси «открытости изменениям/ консерватизма» и «самовозвышения/ самотрансцендентности». В структуре данных осей расположены десять базовых человеческих ценностей, имеющих

¹ Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16–21.

² Моральные ценности и личность / Под ред. А.И. Титаренко, Б.О. Николаичева. М., 1994.

³ Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries / Ed. M.P. Zanna. *Advances in experimental social psychology*. Orlando, FL: Academic. 1992. V. 25. P. 1–65; Schwartz S.H. Comparing value priorities across nations. Invited address at 24 Congress of the Interamerican Society of Psychology. Santiago, Chile. 1993. July.; Schwartz S.H. Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values / Eds U. Kim, H.C. Triandis, G. Yoon. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Thousand Oaks, CA: Sage. 1994. P. 85–119.

место в любой культуре и, следовательно, обладающих универсальным, общечеловеческим характером (рис. 5).

Рис. 5. Модель соотношения десяти основных человеческих ценностей (круг ценностей Ш. Шварца)

Во всех странах, указывает Ш. Шварц, наблюдаются конфликты между ценностями изменений и консерватизма, эгоизма и альтруизма. «Десять... базовых ценностей, – дополняет он, – производны от трех универсальных требований человеческого состояния: потребности индивидов как биологических организмов, необходимости координированного социального взаимодействия и потребности выживания и благосостояния групп»¹.

¹ Schwartz S. Basic Human Values: An Overview. URL: <http://segr-did2.fmag.unict.it/Allegati/convegno%207-8-10-05/Schwartzpaper.pdf>.

Наш подход к пониманию ценностей изложен в ряде работ, в которых предлагается различать три группы ценностей:

1) **собственно ценности**, в качестве которых выступают явления и предметы, фиксирующие в своем «теле» определенное социокультурное содержание;

2) **эталонны**, в качестве которых выступают материальные или духовные образования, конденсирующие в себе громадный объем социокультурного содержания (эталонные меры, эталонные произведения искусства и т. д.);

3) **идеалы**, выражающие саму сущность человека в его представлениях о должном¹.

1. Примером **собственно ценностей** можно считать такие вещи, предметы и факторы, которые связаны в нашем сознании с понятиями «благосостояние», «комфорт», «свобода передвижения», «порядок», «культура», «образование», «отдых», «престиж» и многое другое².

Особенностью нынешнего периода российской истории является коренное преобразование как в содержании многих из названных выше ценностей, так и в их структурных взаимосвязях. Изменяется, например, понятие о благосостоянии. В определенных социальных группах в число ценностей, объединяемых этим понятием, наряду с такими традиционными благами, как качественное продовольствие, просторное жилище, стильная одежда, все более активно включаются предметы роскоши, свободное время, отдых на престижных курортах и проч.

2. Следующий класс ценностей связан с особыми комплексами представлений, зафиксированными в идеальной или материальной форме и выступающими в роли **эталонных**, сравнивая с которыми, мы определяем меру значимости, важности, совершенности разнообраз-

¹ Дзялошинский И.М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. М.: Издательский Дом «Восток», 1996; Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: АПК и ППРО, 2012 и др.

² Разумеется, в этом безбрежном море ценностей возможны свои классификации. Как известно, Д. Локк обозначал в качестве высших три ценности: жизнь, свободу и собственность, право на которые имеет каждый человек. Т. Джефферсон трансформировал формулу Локка, заменив одно слово, и получилось: право на жизнь, свободу и стремление к счастью.

ных предметов и явлений реального мира. Эталон следует рассматривать как определенный предел, образец, внутреннюю норму, к которой стремится любой реально существующий объект¹.

Оценивая любое явление, любую вещь, любой процесс, мы исходим из предположения о существовании какой-то оптимальной меры развития этих явлений, вещей, процессов. «Не потому ты бледен, – говорит Аристотель в «Метафизике», – что мы правильно считаем тебя бледным, а наоборот, именно потому что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду». Но это значит, что мы все знаем некоторую «норму бледности»².

В «Малой логике» Гегеля сказано: «Когда я знаю, как нечто существует, говорят, что я обладаю истиной. Так первоначально представляют себе истину. Это, однако, истина лишь по отношению к сознанию, или формальная истина; это – только правильность. Истина же в более глубоком смысле состоит, напротив, в том, что объективность тождественна с понятием. Об этом-то наиболее глубоком смысле истины идет речь, когда говорят об истинном государстве или об истинном произведении искусства. Эти предметы истинны, когда они суть то, что они должны быть, то есть когда их реальность соответствует их понятию. Понимаемое таким образом неистинное есть то же самое, что обычно называют также и плохим. Плохой человек есть неистинный человек, то есть человек, который не ведет себя согласно своему понятию или своему назначению. Однако совсем без тождества понятия и реальности ничто не может существовать. Даже плохое и неистинное существует лишь постольку, поскольку его реальность каким-то образом и в какой-то мере соответствует его понятию. Насквозь плохое и

¹ Очень часто эталоны обозначаются понятием «идеал», что, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку приводит к смешению разных видов ценностей. Идеал есть не просто мера ценности, а особая структура, соединяющая воедино познавательный и нормативно-ценностный аспекты. В познавательном плане идеал представляет собой общую картину потребного будущего, его мысленный образ – образец. В нормативно-ценностном плане идеал выступает в качестве системы ценностей и системы норм, определяющих пути достижения этих ценностей. Разумеется, идеал может выступать в роли эталона. Но это лишь одна из его возможных функций. Главное отличие идеала от эталона заключается в том, что идеал выступает в качестве некоего императива, подталкивающего личность к выполнению определенных действий, в то время как эталон лишен этого императивного начала.

² Аристотель. Соч. Т. 1. М., 1976. С. 250.

неистинное существует лишь постольку, поскольку его реальность каким-то образом и в какой-то мере соответствует его понятию. Насквозь плохое или противное понятию есть именно поэтому нечто распадающееся внутри самого себя»¹.

В своей книге «Диалектическая логика» Э.В. Ильенков писал: «Отдельный индивид лишь постольку является человеком в точном и строгом смысле слова, поскольку он реализует – и именно своей индивидуальностью – ту или иную совокупность исторически развившихся способностей (специфически человеческих способов жизнедеятельности), тот или иной фрагмент до и независимо от него оформившейся культуры, осваиваемой им в процессе воспитания (становления человеком). С такой точки зрения человеческую личность можно по праву рассматривать как единичное воплощение культуры, то есть всеобщего в человеке»².

Таким образом, анализируя эталоны как особый класс ценностей, следует исходить из тезиса о том, что «идеальное» есть не формально-логическое или социально-психологическое явление сознания, а объективное, находящееся вне нас отношение, принадлежащее самому миру. Другими словами, эталон как образ совершенного мира (или какой-то его части) является не произвольным «сочинением» сознания (общественного или индивидуального), а более или менее полным, более или менее адекватным отражением объективно заложенной в мире (или в его частях и компонентах) совершенности, гармоничности, целесообразности и т. п.

Возникновение эталонов как особого рода ценностей связано с объективным существованием такого явления, как мера. В ходе жизнедеятельности каждый субъект решает разнообразные задачи, связанные с измерением предметов деятельности или с соизмерением различных предметов. Для осуществления этой процедуры измерения и соизмерения в любом обществе выработаны различные эталоны. При этом следует иметь в виду существенную разницу как между общественной и индивидуальной мерой, так и между реальной мерой («спрятанной»),

¹ Гегель Г. Соч. Т. 1. М.-Л., 1929. С. 322. Напоминая об этих формулах, М. Лифшиц подчеркивает, что ничто не может быть познано адекватно, если оно не достигло в своем развитии своей меры. Если объект не «созрел», то при самом тщательном изучении мы никогда не будем иметь об этом объекте истинного представления.

² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1984. С. 60–61.

«растворенной» в реальных процессах) и субъективным образом меры, который складывается в сознании субъекта. Стоит напомнить также идею К. Маркса об универсальности мер, присущих человеку¹.

В качестве эталона может выступать любое социокультурное образование, признанное в данной общественной структуре мерой совершенности. Эти эталоны, которые используются субъектом в качестве средств познания и деятельности, могут быть сравнительно простыми (например, эталоны веса, массы, объема), а могут быть сравнительно сложными (категории «герой», «талант» и т. д.).

В любой сфере духовного производства в определенные периоды развития социальных систем заметно стремление к созданию некоего образца, выступающего затем в качестве своеобразного эталона, на который призывают равняться всех.

3. Третий класс ценностей – **идеалы**. Идеал выступает как проект будущего, то есть как одно из возможных состояний чего-нибудь, принятое людьми в качестве наиболее желательного или необходимого. Из веера открывающихся возможностей люди выбирают и фиксируют в качестве идеала, подлежащего осуществлению, такую область возможного, которая соответствует индивидуальным и коллективным, ближайшим и отдаленным интересам. Другими словами, идеалы выступают в качестве субъективного проекта людей относительно их объективного осуществления².

Выше уже говорилось, что существеннейшим качеством идеала является императивность. Выступая в качестве ядра, центра той или иной идеологической системы, идеал «диктует» человеку нормы поведения и деятельности, направленной на реализацию того или иного проекта будущего. Эталон же не претендует на императивность. Он лишь задает «рамки» оценивания, хотя, разумеется, очень часто эталон сливается с идеалом и развести эти ценности в реальной практике бывает очень трудно.

¹ К. Маркс писал в этой связи: «Животное строит сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по мерке любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 94.)

² Проблемы выдвижения обоснования, функционирования идеалов рассматриваются в работах С.Ф. Анисимова, В.Е. Давидовича, Э.В. Ильенкова, В.А. Печенева и др.

Вместе с тем следует указать, что идеал, как подчеркивал Э.В. Ильенков, это не нравственный, интеллектуальный или религиозный образ желаемого, оторванный от реальной действительности. Это продукт самой действительности, ее конкретно-исторических противоречий. Другими словами, формирование идеала выступает не как выдумывание «образцов», а как процесс «очищения» реальных ценностей от всего случайного¹.

С другой стороны, очевидна связь идеалов с исторически сложившимися интересами социальных групп. Есть своя правда в утверждении о том, что любая идеология, в том числе и та, которая апеллирует к общечеловеческим или надклассовым целям и задачам, оказывается при ближайшем рассмотрении выражением определенных социальных интересов.

Анализируя понятие «идеал», Э. Фромм указывает на необходимость отличать подлинные идеалы от поддельных. Все подлинные идеалы имеют одну общую черту: они выражают стремление к чему-то такому, что еще не достигнуто, но необходимо для развития и счастья индивида. «Быть может, мы не всегда знаем, что именно ведет к этой цели; мы можем спорить о ценности того или иного идеала в смысле человеческого развития, но это не может быть основанием для релятивизма, утверждающего, будто нам вообще не дано знать, что способствует жизни, а что ей препятствует»².

Что происходит с ценностями

Существуют три основных парадигмы отношения к динамике изменений ценностных систем: позитивная, негативная и конструктивная.

Примером **позитивной парадигмы** являются публикации Рональда Иглхарта из Института социальных исследований при Университете штата Мичиган (США)³. Иглхарт опирается на материалы уникальной базы данных – «Всемирные обзоры ценностей», в которых имеются данные по 43 обществам, представляющим 70 % населения

¹ См.: Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 43.

² Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 221.

³ Иглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>.

земли и варьирующим от обществ с годовым доходом на душу населения всего лишь в 300 долларов до обществ с душевым доходом в сто раз более высоким и от давно утвердившихся демократий с рыночной экономикой до авторитарных и бывших социалистических государств. Анализ данных позволяет констатировать, что на всем пространстве передового индустриального общества для большей части населения все более возрастает значение свободы выражения и политического участия. Выдвигается гипотеза о том, что после Второй мировой войны в большинстве индустриальных стран в результате быстрого экономического роста, а также усиленного развития государства и благосостояния в группах более поздних годов рождения вырабатываются иные приоритеты ценностей по сравнению с группами более ранних годов рождения. По мнению Игльхарта, сдвиг к ценностям постмодерна – не первый в истории случай крупного культурного сдвига. Например, при переходе от аграрного общества к индустриальному процесс сглаживал сдвиг, означавшим отход от мироотношения, формируемого неподвижно-устойчивой экономикой.

Негативная парадигма представлена в книге К. Сельченка «Аксиологическая безопасность и методы ее обеспечения»¹. Автор этого труда утверждает, что мы стали свидетелями (и продолжаем ими оставаться до сих пор) исторической драмы, характеризующейся глобальной аксиологической катастрофой, сравнимой разве что со всепланетным стихийным катаклизмом. Автор рассматривает «все происходящее на обширном постсоветском пространстве стран СНГ как результат преступного невнимания руководителей Советского Союза к аксиологической безопасности, закономерно приведшего к глобальному краху ценностных миров представителей нескольких поколений». По его мнению, «в результате разрушения ценностных систем подавляющее большинство граждан бывшего Советского Союза оказались социально атомизированы и потребностногоризонтализированы». «Объективно современный мир оказался перед лицом почти полного разрушения системы трансляции традиционных ценностей. Угасание традиционных институтов семейно-родового, церковного и культурно-государственного воспитания не могло не сказаться на благополучии лю-

¹ Сельченко К.В. Аксиологическая безопасность и методы ее обеспечения. Минск, 2000.

дей. Рост преступности, углубление эскапизма молодежи и распространение суицида и наркомании среди подростков недвусмысленно указывают на необходимость скорейшего внедрения адекватной системы ценностного воспитания»¹.

Сторонники **третьей парадигмы** предпочитают конструировать списки ценностей, которые, по их мнению, соответствуют новому этапу развития человечества и России.

Так, в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (2009 г.) предлагаются приведенные ниже базовые национальные ценности:

- патриотизм;
- социальная солидарность;
- гражданственность;
- семья;
- труд и творчество;
- наука;
- традиционные религии России;
- искусство и литература;
- природа;
- человечество².

Этот список вызвал весьма язвительные оценки других авторов³.

Вот еще один из таких списков, авторы которого полагают, что фундаментальная система ценностей цивилизации XXI века в целом (и Российского общества в том числе) должна раскрываться соответствующими базовыми системными принципами.

¹ Сельченко К.В. Аксиологическая безопасность и методы ее обеспечения. Минск, 2000.

² Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Серия «Стандарты второго поколения». 2-е изд. М.: Просвещение, 2011. С. 23.

³ Штец А.А., Штец Т.П. Национальная идентичность и русский язык: классификация ценностей российской культуры // Этносоциуми межнациональная культура. 2017. № 3 (105). С. 15–25.

По сектору «Социальный прогресс»

1. Каждому из граждан – обеспечение надежности будущего и уверенности «в завтрашнем дне» при блокировании иждивенчества на основе тезиса «государство для интересов честного человека, а не человек для нужд государства» (принцип личностного императива).

2. Каждому из граждан – максимум простора, возможностей и свобод для самореализации при создании обществом и государством системы выдвижения творческих и достойных лидеров во всех сферах и отраслях (принцип свободного саморазвития).

3. Каждому из граждан – максимум возможностей для обеспечения своего качества жизни на уровне первой пятерки стран-лидеров (принцип обеспечения качества жизни по уровню лидирующих стран).

4. Каждому из граждан – уровень доходов по результатам творчества, созидания и труда в соответствии с мотивационной шкалой общественной значимости видов деятельности при одновременном предотвращении эксплуатации с учетом непревышения десятикратного разрыва в доходах 10 % высокодоходных и 10 % низкодоходных слоев населения (принцип оптимального сочетания экономической эффективности и социальной справедливости).

5. Каждому из граждан – обеспечение его безопасности от преступности и возможной внешней агрессии на основе необходимой оборонной достаточности (принцип надежности и безопасности жизнедеятельности).

По сектору «Экологический прогресс»

1. Безусловное обеспечение приоритета экологических ценностей над производственно-экономическими интересами (принцип экологического императива).

2. Безусловное обеспечение гармоничного развития и устойчивого равновесия антропогенных и экологических систем (принцип эколого-антропогенного равновесия).

3. Безусловное обеспечение предотвращения и сокращения загрязнения окружающей среды и нарушений стандартов природопользования (принцип экологического упреждающего управления, экологического «не навреди»).

4. Безусловное обеспечение расширенного воспроизводства возобновляемых природных ресурсов (принцип экологического расширенного воспроизводства).

5. Безусловное обеспечение жесткой и полной ответственности за нарушения экологических стандартов (принцип адекватной ответственности).

Сформулированная система базовых принципов-ценностей Российского общества XXI века как важнейшая часть МОДЕЛИ общества, воплощенная далее в Конституции России и в соответствующем законодательстве, должна создавать все необходимые условия для активизации жизнедеятельности каждого члена общества.

Система базовых принципов-ценностей общества в целом неразрывно взаимосвязана с системой ключевых нормативно-позитивных ценностей каждого творческого и нравственного гражданина России.

Система ключевых ценностей гражданина России, таким образом, может быть представлена в следующем виде.

1. Социально-экономические ценности.

1.1. Наличие гарантий надежности будущего и уверенности в «завтрашнем дне» для честного, творческого и нравственного человека.

1.2. Наличие максимума возможностей, простора и свобод для самореализации и нравственного продвижения по ступеням общественно-деловой карьеры во всех сферах жизнедеятельности человека.

1.3. Наличие максимума возможностей для гражданина по формированию своего качества жизни на уровне пятерки стран-мировых лидеров.

1.4. Наличие возможностей получения размера доходов, адекватных результатам труда и творчества во всех сферах жизнедеятельности.

1.5. Наличие гарантий отсутствия угнетения и эксплуатации другими членами общества, предприятиями и государством.

1.6. Наличие гарантий безопасности от преступности и внешней агрессии.

2. Экологические ценности

2.1. Наличие гарантий высокого качества экологической среды в масштабах всей страны.

2.2. Наличие гарантий высокого качества экологической среды в масштабах населенных мест непосредственной жизнедеятельности.

2.3. Наличие гарантий высокого качества окружающей среды на рабочих местах.

2.4. Наличие гарантий обеспечения расширенного воспроизводства компонентов природной среды¹.

Нормативно-регулятивная сфера

В качестве третьего структурного элемента культуры выступает норма. Слово «норма» пришло в русскую речь из латинского языка, где употреблялось в двух смыслах: 1) наугольник, отвес, которым пользовались при измерениях; и 2) руководящее начало, правило, образец. В дальнейшем его содержание определенным образом изменяется, обогащается новыми смысловыми оттенками и в современном русском языке «норма» уже означает не только «правило», «образец», «руководящее начало», но и «узаконенное установление», «сложившийся порядок», а также «мера», «размер чего-либо», «определенная величина» и т. д.²

Разумеется, чисто словарное значение понятия «норма» лишь очерчивает его границы, но не дает содержательного ответа на вопрос о том, что же представляют собой нормы как элементы социальной действительности и внутреннего мира человека. Очевидно, что в современном русском языке содержание категорий «норма» и «образец» разошлось. Образец есть то, к чему надо стремиться, а норма есть то, что должно быть повсеместно.

Вместе с тем понятие «норма» приобрело и более узкое, специфическое значение, связанное с представлением о том, что любая деятельность являет собой единство внешней (обращенной к действительности) и внутренней (обращенной к субъекту) сторон. Внешняя сторона выступает как совокупность результатов, эффектов; внутренняя – как

¹ Садков В.Г., Аронов Д.В. О концептуальной модели российского общества XXI века и методологии систематизации российского законодательства // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. – М.: РАН. ИНИОН, 2016. Ч. 1. С. 71.

² См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1948. Т. 2. С. 593; Словарь русского языка. Т. 2. – М., 1953. С. 696; Словарь иностранных слов. – М., 1982. С. 338; Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 441–442 и др.

совокупность приемов, навыков, способов деятельности и поведения. Нормы и представляют собой инструментарий, с помощью которого описывается и воспроизводится внутренняя сторона человеческой деятельности. Таким образом, нас интересует лишь одно из многочисленных значений понятия «норма», а именно то, которое связывает ее с предписанием определенного образа действий, формулированием ответов на вопрос: «Как следует жить и действовать в этом мире?». Такое понимание норм закреплено во многих работах¹.

Другими словами, нормы являются такими элементами, которые фиксируют в своем содержании способы решения стоящих перед человеком задач, определяют пути достижения его целей, выступают средствами организации эффективных действий индивидов и социальных групп².

Нормативностью пронизаны все сферы человеческой жизнедеятельности. Существует соответствие между степенью специализации труда, «толщиной» пласта репродуктивных действий, зрелостью профессиональных предпосылок регуляции и уровнем развития регулятивных средств. Поэтому первой сферой деятельности, где раньше

¹ См.: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972; Архангельский Л.М. Наука и нормы: альтернатива или единство? // Вопросы философии. 1979. № 3; Он же. Нормы и их научное обоснование // Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. М., 1981; Бирюков Б.В., Геллер Е.С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973; Бобнева М.Н. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978; Даштамиров С.А. Социальные нормы: гносеологический и социологический анализ. Баку, 1986; Ивин А.А. Логика норм. М., 1973; Ивлев Ю.В. Основания логики норм // Философские науки. 1969. № 6; Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1983; Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М., 1981; Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1976; Криницкий Н.А. Алгоритмы и роботы. М., 1983; Мотрошилова Н.В. К проблеме научной обоснованности норм // Вопросы философии. 1978. № 7; Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности. М., 1972; Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М., 1985; Ручка А.А. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976; Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984 и др.

² Общественная сущность так понимаемых норм заключается в том, что они призваны определенным образом согласовать деятельность и поведение отдельных индивидов, социальных групп и объединений, свести их в определенное единство, синхронизировать и, следовательно, сохранить социальную систему как целостность. Другими словами, функционирование норм позволяет воспроизвести общество, обеспечить его устойчивость, себетожественность во времени и пространстве через субъективную деятельность, образующую его непосредственное бытие. (См.: Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М., 1985. С. 33.)

всего началась нормативно-методическая работа, была сфера производства, имеющая глобальный характер и широко насыщенная репродуктивными элементами. Здесь и были выработаны первые нормативные императивы – цеховые рецепты, производственные технологии, ставшие прототипом и образцом для создания методов духовного производства.

Производственная рецептура послужила образцом для построения методов науки. Научная методология служит образцом, по которому создаются методологии других видов деятельности.

Выделяются так называемые социальные нормы – стандарты деятельности и правила поведения, выполнение которых ожидается от члена группы или общества и поддерживается с помощью санкций. Социальные нормы упорядочивают и регулируют социальные взаимодействия. Социальным нормам присущи приведенные ниже признаки.

1. Они являются общими правилами. Это означает, что социальные нормы устанавливают правила поведения в обществе, то есть определяют, каким может или должно быть поведение субъектов с точки зрения интересов общества. При этом социальные нормы действуют непрерывно во времени, обладают многократностью действия и обращены к неопределенному кругу лиц (не имеют конкретного адресата).

2. Данные нормы возникают в связи с волевой, сознательной деятельностью людей. Одни социальные нормы создаются в процессе целевой деятельности людей, другие возникают в многократно повторяющихся актах поведения, не отделяются от самого поведения и выступают как его образцы и стереотипы, третьи формируются в виде принципов, закрепляющихся в общественном сознании и т. д. Иначе говоря, анализируемые нормы по-разному соотносятся с волей и сознанием людей, однако всегда возникают в связи с ними.

3. Названные нормы регламентируют формы социального взаимодействия людей, т. е. направлены на регулирование общественных отношений, поведения в обществе.

4. Они возникают в процессе исторического развития (как его фактор и результат) **и функционирования общества.** Социальные нормы, будучи элементом общества, отражают процессы его развития,

вливают на их темпы и характер, словом, имеют свое место в истории общества, свою историческую судьбу.

5. Эти нормы соответствуют типу культуры и характеру социальной организации общества.

Классифицировать социальные нормы можно по различным критериям, однако наиболее распространенной является их систематизация по основаниям сферы действия и механизма (регулятивным особенностям).

По сферам действия различают нормы экономические, политические, религиозные, экологические и др. Границы между ними проводятся в зависимости от сферы жизни общества, в которой они действуют, от характера общественных отношений, то есть предмета регулирования.

Если мы нарушаем норму, то, скорее всего, заслужим какую-то форму социальной санкции и неодобрения: сердитый взгляд, толки и насмешки, стремление избегать общения с нами и остракизм и иногда даже физическое наказание, тюрьму, изгнание или смерть. Усваивая неизбежность и неотвратимость тех или иных санкций, даже маленький ребенок начинает учиться не нарушать нормы поведения. Действительно, когда мы оказываемся в положении нарушивших нормы, мы нередко ощущаем острое беспокойство – чувство, которого хотели бы избежать. В конечном итоге мы можем повиноваться норме почти автоматически, не задумываясь, почему мы это делаем.

Нормы нередко связаны с определенной ролью («кухня – женская работа»; «бизнесмены склонны к соперничеству») или определенной культурой (есть вилкой в противоположность палочкам для еды; не допускать перевыполнения задания в данном цехе или бригаде). Другие нормы широко распространены и существуют во многих культурах и обществах («кровосмешение – это табу»; «выполняйте свои обязательства»).

Рассматривая взаимосвязь норм с другими элементами смысловых образований, следует указать на тесное единство норм, знаний и ценностей. Это единство выражается в том, что норма может выступить (и часто выступает) в форме знания (точнее, знакового комплекса, логической конструкции). С другой стороны, любая норма ориентирована

на какую-то ценность, указывает на нее и определяет путь ее достижения. «Норма есть императивное выражение ценности, система правил ее достижения и реализации»¹.

Можно указать и на обратную зависимость. Сама норма выступает в качестве инструментальной ценности, а иногда, в эпохи, ориентированные на канон, – и в качестве самооценности (характерно, что само понятие «норма» фиксирует ценностную характеристику «правила»: норма – это хорошее, ценное, признанное правило поведения; ненормальное правило – нехорошее, непризнанное).

Тезис о том, что норма обладает аксиологическим, ценностным измерением, доказывается тем, что люди, сознательно или бессознательно нарушающие некие признанные нормы, испытывают на себе санкции. Тем самым нормы по отношению к человеку выполняют стимулирующую функцию (в случае соответствия личных и групповых интересов) и функцию принуждения (в случае их несоответствия).

Тесная близость норм и ценностей и послужила основанием для их отождествления некоторыми исследователями². На наш взгляд, такое отождествление неправомерно, поскольку нормативные представления обладают особой функцией: определяют сам способ действия в этом мире и именно этим отличаются и от знаний, и от ценностей.

Нормы деятельности и поведения, охватывающие какую-то более или менее строго очерченную сферу жизнедеятельности человека, называются **социальной технологией**. В простейшей форме понятие «технология» может быть определено как план действий в определенной ситуации или определенной сфере³.

Разумеется, обобщающее понятие «норма» используется для обозначения регулятивных структур, весьма сильно отличающихся друг

¹ Гусев С.С., Тульчинский Г.Я. Проблема понимания в философии. М., 1985. С. 57.

² См.: Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 34; Он же. Ценности в научном познании // Логика научного познания. Актуальные проблемы. М., 1987. С. 246–247.

³ Можно выделить технологию бизнеса и деловых отношений, технологию политических отношений, технологию коммуникации, в том числе и массовой, технологию разрешения социальных конфликтов и множество других социальных технологий. Следует отметить, что любая социальная технология выступает исторической формой определенного способа деятельности.

от друга по уровню сложности, степени формализованности, мере императивности и некоторым другим параметрам. Чем более развитой является норма, тем более подробной является ее морфологическая разработка. Именно такие нормы имеет в виду А.А. Ивин, когда указывает, что «содержанием нормы является *действие*, которое может, должно или не должно быть выполнено; *условия применения* – это указания в норме ситуации, с наступлением которой следует или допустимо реализовать предусмотренное данной нормой действие; *субъект* – это лицо или группа лиц, которым адресована норма. Характер нормы определяется тем, обязывает она, разрешает или запрещает выполнять некоторое действие»¹.

Существуют, однако, нормы, значительно менее развитые и не имеющие такого количества элементов. (Примером может послужить известный принцип «око за око, зуб за зуб».) Но в какой бы (более или менее зрелой) форме ни выступала социальная норма, в ее строении всегда имеют место следующие компоненты: диспозиция и императив.

Диспозиция указывает на образ действий, порядок отношений, способ достижения цели. Другими словами, диспозиция социальной нормы-правила представляет собой развернутую во времени и пространстве, более или менее определенную последовательность (схему, матрицу, рисунок) действий, отражающих объективную логику способа деятельности.

Так понимаемые диспозиции распадаются на два взаимодополняющих множества. Одно включает правила «что делать», другое – «чего не делать». Через систему позитивных диспозиций нормы ориентируют человека в сторону эффективного решения задач, через систему запретов закрываются заведомо тупиковые пути.

Осознание социальной необходимости воплощается в **императиве** нормы. По своему содержанию императив есть осознание объективной необходимости данного действия. И чем более важным и необходимым представляется данное действие, тем жестче и однозначнее «записанное» в императиве повеление, обращенное к субъекту деятельности.

¹ Ивин А.А. Логика норм. М., 1973. С. 23.

Диспозиция и императив представляют собой, хотя и связанные, но относительно самостоятельные сущности. Каждый из названных ингредиентов морфологической структуры социальной нормы отвечает за свой участок: диспозиция обеспечивает **содержание** нормативной детерминации человеческой деятельности, императив – ее **механизм**. В связи с этим каждый ингредиент развивается не только по общим с другими, но и по своим собственным законам. Различается и механизм, обеспечивающий функционирование названных компонентов социальных норм.¹

Подводя итог этому параграфу, следует сказать, что сегодня культура находится в ситуации коренной ломки, связанной с процессами тотального преобразования жизненного мира, в рамках которого функционирует современный человек. Этот жизненный мир в настоящее время испытывает фундаментальные потрясения, связанные со стремительными изменениями в экономике, политике, социальных отношениях, духовной сфере. Объективной основой этих потрясений выступает процесс, получивший наименование «глобализация». Подавляющее большинство исследователей уверены в том, что мы являемся свидетелями и участниками величайшего переворота, который когда-либо происходил в жизни человечества.

¹ В связи с этим выделяют жесткие (сильные) формы социальных норм (например, государственные законы) и мягкие (слабые) формы (например, некоторые обычаи). В ряде случаев императивность социальных норм вообще является имплицитной и должна быть выведена мысленно, как, например, из поговорки «ученье – свет, а неученье – тьма». В этом плане императив нормы представляет собой не что иное как установки.

1.4. Смыслы и матрицы как культурные конструкты

Элементы ноосферы, аксиосферы и нормативно-регулятивной сферы, объединяясь в разнообразные, иногда весьма экзотические сочетания, образуют культурные конструкты¹, которые мы обозначаем понятиями «смыслы» и «матрицы» (рис. 6).

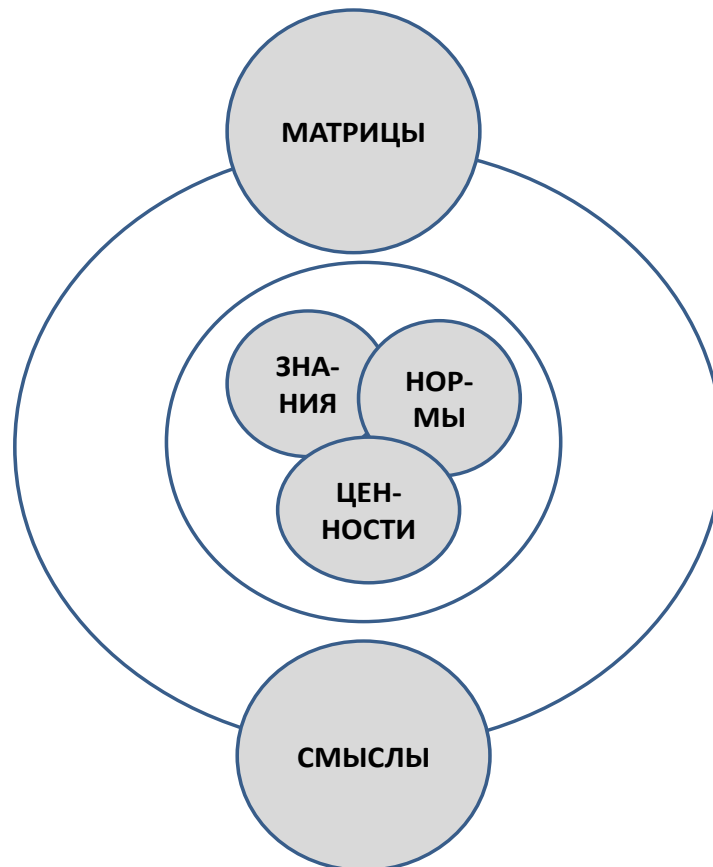

Рис. 6. Схема культурных конструктов

Культура как система смыслов

Понятие «личный смысл» в сферу научных исследований ввел А.Н. Леонтьев, усматривая за ним различия объективно создаваемого

¹ Понятие «конструкт» довольно часто используется в работах, посвященных исследованию культуры для обозначения неких обычных культурных практик. См.: Линтон Р. Понятие культуры. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2009/linton.pdf>.

значения предмета (явления, события) и его внутренне мотивированного значения для субъекта. А.Н. Леонтьев считал, что порождение личностного смысла происходит на основании постановки цели по отношению к мотиву, и рассматривает личностные смыслы в качестве единиц человеческого сознания¹. Другой исследователь проблемы смыслов Д.А. Леонтьев полагает, что поведение субъекта по отношению к любому воспринимаемому объекту определяется местом этого объекта в жизни реципиента и его воплощением в личностных структурах индивида². Смысловые образования личности опосредованы опытом ее взаимодействия с миром: «... смысловые структуры являются превращенными формами жизненных отношений субъекта»³.

Поскольку общие смысловые образования являются основными конституирующими (образующими) единицами сознания личности, именно они определяют отношения человека к основным сферам жизни.

Сложность понятия «смысл» не позволяет дать ему какую-либо одну простую дефиницию, как, впрочем, и многим другим фундаментальным категориям: движение, пространство и время, интеллект, интуиция, знание и др.

Очень поэтично и в то же время достаточно точно сказал о смысле петербургский ученый А. Юрьев: «Что такое смысл? Смысл – это продукт мышления, предназначенный для приведения в упорядоченное безошибочное движение всех ресурсов человека для минимизации своих потерь и максимизации своего успеха. Это самый дорогой продукт, который известен человечеству. Смысл создает предельно возможное приближение к истине. Смысл – это как напряжение в электрической сети: есть напряжение – то и ценности становятся нужными, как электрическая цепь, и цель, как электрический ток приводит действие моторы, приводит в движение массы людей. Воплощен смысл в людях, образованных и воспитанных особым образом для предвосхищения и применения любых изменений, которые могут произойти в мире. Именно люди является авторами, носителями смысла. Смысл – самое

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 131.

² Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. С. 114.

³ Там же. С. 126.

сильное переживание человека, которое поднимает его в Космос, пускает его в невидимый, неслышимый, неосязаемый микромир. Ради смысла человек и народы идут на эшафот. Нет смысла – все останавливается. Предательство, воровство, бессовестность всегда пируют в том доме, откуда ушел смысл»¹.

В имеющихся научных определениях, и прежде всего в логической и философской литературе, в понятии «смысл» представлены все грани, стороны и аспекты применительно к тем задачам, которое оно решает, правда, в свернутом виде и типовым задачам. Понятие смысл, содержание которого было использовано в различных определениях, чаще всего носит общий характер и не дифференцировано по областям применения и функционирования².

Можно выделить три основных подхода к трактовке этого понятия: 1) логико-лингвистический; 2) психологический; 3) деятельностный.

Логико-лингвистический подход

Этот подход впервые был использован Г. Фреге, который предложил схематичное рассмотрение смысла в качестве одной из вершин семантического треугольника. Две другие вершины: имя (выражение какого-либо языка) и обозначение (денотат). По мнению Г. Фреге,

¹ Юрьев А.И. Глобализация как новая форма политической власти. URL: <http://www.political.psychology.spb.ru/doc/globpowr.htm>.

² Смысл – идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель (ценность) чего-либо (смысл жизни, смысл истории и т. д.); целостное содержание какого-либо высказывания, несводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения (напр., смысл художественного произведения и т.п.); в логике, в ряде случаев в языкознании – то же, что значение. (Энци. словарь.) Смысловое содержание – содержание, которое вещь получает благодаря тому, что ей сообщается смысл, или благодаря тому, что раскрывается имманентный смысл вещи. Смысловое содержание предполагает наличие «акта, сообщающего смысл», благодаря которому человек ставит эту вещь в связь со своим микрокосмосом. Акт, сообщающий вещи смысл, придает вещи и некую ценность; поэтому качество смыслового содержания зависит от индивидуальных особенностей в данной иерархии ценностей (см. Этика). Кроме того, смысл, который может сообщаться вещи, зависит и от ее сущности; и наоборот, он не зависит от качественной ценности вещи (Философ. сл.).

«...в идеальной знаковой системе всякому выражению должен соответствовать только один определенный смысл... Денотатом предложения является его истинное значение, а смыслом – некоторое суждение».¹ Однако окончательно теория смысла в рамках данного подхода так и не была создана. Трудности, связанные с формально-логическим освоением понятия «смысл», представлены в работах немецкого философа Л. Витгенштейна; американского логика, математика и философа У. Куайна; российских ученых В.В. Налимова, Г.Л. Тульчинского и других исследователей.

По мнению Л.Я. Аверьянова, сущность понятийного конструкта «смысл», как и любого другого понятийного конструкта, заключается в том, что смысл ему придает сам человек, исходя из особенностей решения своих задач. Именно сознание определяет целостное содержание и сущностные характеристики интересующего его объекта. Именно человек определил название такого особого образования и обозначение ситуации, когда понятийный конструкт как объект выстраивается именно человеком для решения своей задачи. Он назвал этот процесс и сущность такой ситуации – смысл. Вне задачи, которую ставит человек, никакого смысла, в том числе и в понятии «смысл», не существует и не может существовать. Любой объект или субъект сам по себе может иметь смысл, но только в рамках решения им своей собственной задачи. Человек как бы перепрограммирует объект под свои задачи и тем самым придает объекту новый смысл. Но придавать смысл явлению или процессу, как и «навязывать» им смысл, означает включить объект в свою систему знаний. Соответственно, именно придание объекту смысла позволяет объекту иметь определенную ценность в глазах человека. Ценность в том плане, что объект становится необходим для решения человеком своей задачи. Вне системы восприятия мира или собственной системы знания никакой смысл человек не воспримет и, естественно, не может «навязать»².

¹ Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 181–210.

² Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. URL: http://window.edu.ru/resource/277/54277/files/averjanov_kontent.pdf.

Выполненное Л.Я. Аверьяновым исследование¹ показало, что в языковой практике понятие «смысл» используется для обозначения таких категорий, как содержание, польза, разум, причина и цель (табл. 1).

Таблица 1

Классификация синонимов слова «смысл»

1 блок	2 блок	3 блок	4 блок	5 блок
Содержание	Польза	Разум	Причина	Цель
Замысел	Выгода	Ум	Предназначение	Цель
Значение	Польза	Дух	Логос	Предназначение
Идея	Ценность	Нус (разум, интеллект)	Резон	Звучание
Содержание	Семантика (значение)	Толк		
Сущность		Разумение		
Подтекст				

1-й Блок. Понятие «Смысл» рассматривается в рамках понятия «содержание». В представленной выше таблице понятие «смысл» рассматривается как синоним «содержание», «основная идея», «сущность» и др. Часто употребляется в таком выражении: «Смысл данного текста заключается в следующем», т. е. содержание или сущность данного текста. Синонимы слова «содержание», или синонимы второго уровня: замысел, значение, идея, сущность, содержание и даже подтекст. Понятно, что каждый из указанных синонимов имеет свой особый смысловой оттенок, отражающий свою специфическую ситуацию, например, слово «подтекст».

2-й Блок. Понятие «Смысл» рассматривается в рамках понятия «польза». Обычно употребляется в таком значении: «Какой смысл это делать?», «Зачем это нужно?», т. е. какую пользу от этого можно получить. Синонимы слова «польза»: выгода, польза, ценность, семантика

¹ Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. URL: http://window.edu.ru/resource/277/54277/files/averjanov_kontent.pdf

(в смысле значение). И опять же каждый из данных синонимов обладает своей содержательной особенностью, описывающий специфическую ситуацию,

3-й Блок. Понятие «Смысл» рассматривается в рамках понятия «разум». Например, предложение: «Эта работа обладает определенным смыслом», т. е. является разумной деятельностью. Синонимы слова «разум»: разумение, ум, дух, нус (интеллект, мысль, разум). Видно, что эти синонимы имеют некое отличие от общего понятийного содержания – смысл, а также друг от друга. «Дух» и «ум» по содержанию все-таки не одно и то же, хотя и могут иметь в определенной ситуации нечто общее.

4-й Блок. Понятие «Смысл» рассматривается в рамках понятия «причина». Например: «В чем смысл данного явления?», т. е. что лежит в основе. Синонимы слова «причина», или синонимы второго уровня: логос, предназначение, резон. Впрочем, например, резон также можно рассматривать как причина, хотя сам по себе имеет еще и такие синонимы, как довод, аргумент, мотив, основание и др., по смыслу далеко отстоящие от «причины». В нем есть то, что нет в других, и нечто присущее всем.

5-й Блок. Понятие «Смысл» рассматривается в рамках понятия «цель»: Предложение: «Какова цель, (смысл) данной работы». Синонимы слова «цель», или синонимы второго уровня: логос, цель, предназначение. Заметим, слово предназначение употребляется во второй раз, но уже в другом значении. Если в первом случае предназначение рассматривалась в рамках понятия причина, как некая предтеча, то во втором случае уже в рамках цели или, точнее, предцели.

Дальнейший анализ «синонимов синонимов» показал, что облако категорий, связанных с понятием «смысл», имеет чрезвычайно сложную многоуровневую структуру (рис. 7).

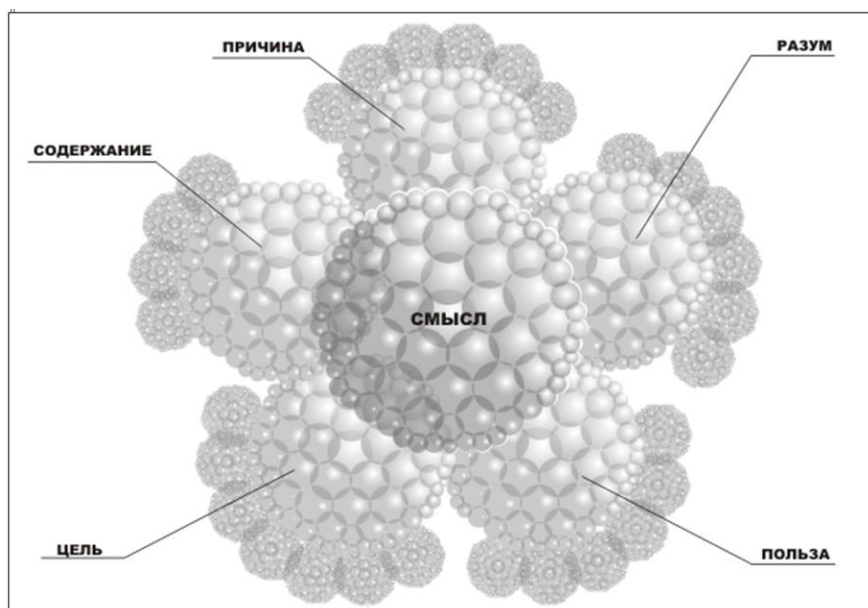

Рис. 7. Схема синонимического соотношения слов-понятий по типам

Размышляя о том, что такое смысл, Г.Г. Шпет подчеркивал, что простых указаний на то, что это со-мысль, общее достояние многих, указаний на очевидные свойства смысла, лежащие на поверхности, явно недостаточно для раскрытия сути этого понятия. Ясно также, что смысл по своей природе есть образование идеальное. Менее ясно, но все же достаточно определено, что смысл должен обладать признаками, в соответствии с которыми он может быть отнесен к некоему самостоятельному миру, обладающему статусом объективного существования. Но все это – лишь намеки, интуитивные узрения определенных свойств смысла, не складывающиеся в стройную теоретическую концепцию. «Связь слова со смыслом, – писал Шпет, – есть связь специфическая. Она является „родом“, а не подводится под род... Специфичность связи определяется не чувственно данным комплексом как таким, а смыслом – вторым термином отношения – который есть также *suigeneris* предмет и бытие. Только строгий феноменологический анализ мог бы установить, чем отличается восприятие звукового комплекса как значащего знака от восприятия естественной вещи. Слова-понятия: „вещь“ и „знак“ – принципиально и изначально гетерогенны, и только точный интерпретативный метод мог бы установить пределы и смысл каждого»¹. Из этого фрагмента следует,

¹ Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 380–381.

что смысл сам по себе, по своей природе есть предмет и относится к определенному миру. Методы анализа значащих знаков должны быть семиотическими (знак должен быть введен в структуру семиозиса), феноменологическими (идеальная сущность знака, эйдетическая природа смысла усматриваются особыми методами, отличными от методов изучения вещей эмпирического мира) и герменевтическими (интерпретационные методы понимания смысла и симпатического постижения сопутствующих условий, второго плана смысловых отношений, подтекста).

Особая сложность понятия «смысл» заключается в том, что оно используется и для описания как культуры, так и конкретного человеческого сознания.

Идея о том, что культура является «вместилищем» человеческих смыслов, весьма популярна. В книге К. Гирца «Интерпретация культур», опубликованной в 1973 году, культура определяется как исторически транслируемый паттерн смыслов, воплощенных в символах, системе унаследованных концепций, выраженных в символической форме средствами, используемыми людьми для коммуникации, которые увековечивают и развивают знание и отношение к жизни¹. Согласно этой версии человек живет в «паутине значений» – системе смыслов, которая ориентирует его по отношению к другим людям и окружающему миру в целом. Следовательно, чтобы постичь культуру как своеобразную систему смыслов, необходимо расшифровать значения действий и взаимодействий людей².

Под влиянием К. Гирца культура начала рассматриваться многими исследователями как социально установленные структуры смысла человеческой деятельности, система символов, с помощью которых группа транслирует знание через время и пространство. Тем самым К. Гирцем и его последователями был предложен интерпретативный подход к изучению культуры, предполагающий включение элементов структурализма, герменевтики, понимающей социологии, философии символических форм и т. д.

¹ Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.

² Емельянов Ю.Н., Скворцов Н.Г., Тавровский А.В. Символично-интерпретативный подход в современной культурантропологии // Очерки социальной антропологии. СПб., 1995. С. 107.

А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко также полагают, что всеобщеконкретной основой понятия культура выступает смысл¹. То есть культура есть система всеобщих принципов смыслообразования и самих феноменологических продуктов этого смыслообразования, в совокупности определяющих иноприродный характер человеческого бытия. Другими словами, человек живет в пространстве смыслов. Все и всяческие сущности при всех их разнообразнейших различениях едины в том, что являются продуктами смыслополагания. Поэтому и культура, в сколь угодно широком ее понимании, есть результат действия законов смыслообразования. Именно принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику, интеллектуальную рефлексию и бессознательную память социального коллектива, а также великое множество иных проявлений человеческой активности в сплошной континуум культуры. Говоря о «предметном теле» культуры, следует иметь в виду, что мы всегда имеем дело не с «предметным телом» как таковым или единичными предметными объектами, а только лишь с репрезентирующими их смыслами. Такой подход разделяют некоторые западные и отечественные исследователи.

Другая линия понимания смысла увязывает эту категорию с внутренним миром человека. Так, например, В.В. Налимов писал о том, что смыслы, а следовательно, и природа человека устроены так, что чем ближе мы приближаемся к ним, тем дальше они удаляются от нас. А наш удел – беспрестанно устремляться к смыслам². И дальше Налимов высказал очень важную мысль: «Личность выступает перед нами как генератор и преобразователь смыслов. Личность оказывается владеющей исчислением смыслов. Личность открыта миру, она оказывается способной совершать действия, порождаемые новыми смыслами. Эти действия могут становиться всеохватывающими, будучи направленными не только на изменения общества, но и на преобразования Мира»³.

¹ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/pelipenko_jakovenko_kultura_kak_sistema/16-1-0-3989.

² Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей». 1989. С. 5.

³ Там же. С. 124

Психологический подход

Данный подход начал формироваться с введением З. Фрейдом понятия «смысл» в научную психологию¹. Основные достижения по дальнейшей разработке данного подхода связаны с именем А. Адлера, предложившего рассматривать человека как неделимое целое. Продуктом целостности личности, его прошлого, настоящего и стремления к будущему являются цели деятельности, достижению которых подчинены все действия человека.

Заметный вклад в развитие психологического подхода к пониманию смысла внес Д.А. Леонтьев, сгруппировавший все определения смысла в три группы:

- 1) определение смысла как жизненной задачи;
- 2) определение смысла как интерпретации жизни;
- 3) определение смысла как аспекта интеграции личной и социальной действительности².

Смысл как интерпретация жизни представлен канадскими философами и психологом Дж. Ройсом совместно с Р. Пауэллом в их теории личности и индивидуальных различий. Центральным психологическим понятием в этой теории является понятие личностного смысла. Также, по их мнению, «теория личности должна начинаться с постулата, что люди переживают свою жизнь в свете того, что они считают осмысленным, то есть в свете индивидуальных подходов к жизни»³.

Авторы выдвигают тезис о том, что «личностный смысл не есть нечто существующее во внешнем мире или противостоящее индивидуам извне и диктующее, какой шаг им предпринять. Это видение, которое каждый из нас должен создать для себя заново»⁴. Чтобы создать для себя это «видение», человек должен ответить самому себе на три вопроса:

1. В каком мире я живу?

¹ См.: Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово. 1999; URL: http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=41210.

² Леонтьев Д.А. Виктор Франкл в борьбе за смысл / Вступит. стат. к кн. В. Франкл. Человек в поисках смысла. М., Прогресс, 1990. С. 10.

³ Современный человек: цели, ценности, идеалы // Реферат. сборник. Вып. 1. М., 1988. С. 78.

⁴ Там же.

2. Как прожить жизнь, чтобы наилучшим образом удовлетворить мои потребности и ценности?

3. Кто я?

Важным моментом для понимания теории личности Ройса и Пауэлла является связь смысла с мировоззрением. Путь к обретению смысла связан, по Ройсу, с более высоким уровнем осознания действительности. Ценности, по их мнению, выступают «как мост между смыслом и личностью»¹.

С. Мадди, американский психолог, представитель экзистенциальной персонологии, как и множество его коллег, почти не поясняет что такое смысл, однако отводит ему роль высшего интегративного начала. Согласно его теории, у человека существует врожденная потребность в поиске смысла – «нахождение смысла обеспечивается благодаря основным психологическим потребностям – потребностям символизации, воображения и суждения»².

Американский психотерапевт Дж. Бугенталь представляет еще один подход к смыслу в своей экзистенциально-аналитической теории. Смыслы, по мнению Дж. Бугенталья, производны от нашего бытия в мире. «Мы конструируем смыслы событий, исходя из того, кем мы являемся и чем являются объекты, включенные в это событие»³. Он не соглашается ни с теми, кто считает, что смыслы мы находим в мире как нечто данное, ни с теми, кто считает смысл порождением самой личности. Мир не обеспечивает человека смыслом автоматически, говорит он, именно на человека ложится ответственность за создание своими действиями осмысленности (или бессмысленности) своей жизни, и как следствие – тревога за последствия своего выбора.

Постоянно изменяющиеся и взаимодействующие между собой смыслы, в теории американского психолога Ю. Гендлина, представляющего феноменологический подход к проблеме, выступают как элементы одного процесса переживания, к которому и сводится личность. «Смысл формируется во взаимодействии переживания и чего-либо, выполняющего символическую функцию. Вместе с тем смысл всегда

¹ Современный человек: цели, ценности, идеалы // Реферат. сборник. Вып. 1. М., 1988. С. 79.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 81.

включает в себя некоторые неявные аспекты, которые в данный момент не символизированы»¹.

Ю. Гендлин прослеживает функционирование ощущаемых, невербализованных смыслов в речи, мышлении, наблюдении, действии, в работе памяти и понимании. Согласно учению Гендлина, решающим является само отношение между вербально символизированным смыслом и ощущением. Он выделяет четыре типа отношений, в которых рождаются новые смыслы или же существующие смыслы получают новое символическое воплощение и обогащаются новым содержанием:

- 1) отношения метафоры;
- 2) отношения схватывания;
- 3) отношения релевантности;
- 4) отношения иносказания.

Эти четыре функциональных отношения и обеспечивают, по мнению Гендлина, непрерывную динамику смыслов, их развитие и обогащение в потоке переживания, который и есть личность.

Последователи теории личностных конструктов американского психолога Дж. Келли называют ее «теорией личностных смыслов». По этой теории, смыслы событий являются чисто субъективными и лишь проецируются в мир. Смысл, по Келли, определяется не только «самим предвосхищаемым действием оцениваемого события, но и всей целью умозаключений, лежащих в основе этого предвосхищения»². Осмысленность жизни Келли связывает со способностью смотреть вперед, то есть видеть настоящее в прошлом и будущее в настоящем.

Еще одно направление интерпретации личностных смыслов представлено трудами норвежского психолога Я. Смендслонда, в которых смысл рассматривается под социальным углом зрения. Индивиду доступны лишь смыслы, принадлежащие общности, в которую он входит или входил ранее, так как социальные смыслы ограничены пределами данной конкретной общности, считает Смендслонд. «Социальный смысл является единственным мостиком между миром наблюдателя и личным миром наблюдаемого»³.

¹ Современный человек: цели, ценности, идеалы // Реферат. сборник. Вып. 1. М., 1988. С. 86.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 87.

На наш взгляд, особый интерес имеет позиция Б.С. Братуся, который полагает, что человек имеет дело не с одним смыслом, а со сложной иерархией динамических смысловых систем¹.

Деятельностный подход

Деятельностный подход к категории «смысл» представлен в работах Ф. Феникса. В своей теории личности, изложенной в книге «Мифы смысла», Ф. Феникс связывает сущность человека с его направленностью на осуществление смысла. «Человек – это существо, отличительная особенность жизни которого заключается в обладании смыслами и основной целью которого является их реализация... Осознает он это или нет, все его стремления... направлены на расширение и углубление смысла»².

Попытка преодолеть логико-лингвистический и психологический подходы к пониманию смысла предпринята также в трудах А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева³. С точки зрения деятельностного подхода категорию «смысл» следует выводить не из знаковой, а из практической деятельности. «Понятие смысла должно указывать на то, что индивидуальное сознание не сводимо к безличному знанию, что оно в силу принадлежности живому субъекту и реальной включенности его в систему деятельностей всегда „страстно“: короче, что сознание есть не только знание, но и отношение к бытию, к деятельности и к самому сознанию. Понятие же значения должно фиксировать то обстоятельство, что сознание человека развивается не в условиях робинзонады, а внутри некоторого исторически кристаллизованного опыта деятельности, общения и мировосприятия, который индивиду необходимо не только присвоить, но и творчески развить»⁴.

¹ Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988. С. 3.

² Современный человек: цели, ценности, идеалы // Реферат. сборник. Вып. 1. М., 1988. С. 80.

³ Подробный анализ соответствующих работ представлен в учебном пособии «Ценностно-смысловая сфера личности» (авторы – А.В. Серый, М.С. Яницкий) по электронному адресу: http://spf.kemsu.ru/portal/s_cen_book.shtml.

⁴ См.: Велихов Е.П., Зинченко В. П., Лекторский В.А. Сознание как предмет изучения // Общественные науки. 1988. № 1. С. 99.

С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский, размышляя над проблемой смысла, указывают, что «всякое явление действительности, всякий предмет или процесс интересуют человека постольку, поскольку в них есть определенное социокультурное значение, определяемое назначением данного предмета или явления в социальной деятельности человека. Даже такие вещи, как яблоки, деревья, столы, стулья и т. п., заключают в себе обширное социокультурное значение: все они сделаны, выращены, куплены, подарены, то есть „погружены“ в социальные отношения и имеют в них определенное назначение»¹.

Это назначение, выступающее как бы внутренним свойством вещи, указывает, каким образом данная вещь реализуется в качестве элемента социальной деятельности и определяет ее социальный смысл. Таким образом, всякое явление, всякий элемент действительности, преобразованный и освоенный в человеческой деятельности, становясь элементом определенной культуры, приобретает значение и смысл для социальной общности и отдельной личности, с нею связанной.

Все предметы, явления, процессы действительности, включенные в мир человеческой жизнедеятельности, обладают для человека определенным социальным значением. Это значение определяется мерой «вложенности» в данный предмет человеческой сущности, и поэтому носит индивидуальный характер. Вместе с тем это значение существует в многообразии индивидуальных личностных смыслов, с помощью которых объективная значимость данной вещи или явления открывается индивиду. Другими словами, обобщенный социальный опыт, связанный с каким-либо явлением действительности, выражается в общественных значениях и сопряженных с ними индивидуальных смыслах. Если социальное значение выражает общественное отношение к действительности, то личностный смысл – личное отношение к этой социально осмысленной действительности.

Разумеется, указывают исследователи, противопоставление общественного значения и личностного смысла реализуется только в очень узких пределах. Личность не противостоит совокупному социальному опыту, который конкретизируется для нее в отдельных социальных значениях. Но с другой стороны, «социальные значения всегда реали-

¹ Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М. 1985. С. 48.

зуются для личности не полностью, а в той мере, в какой ее общественные функции требуют присвоения социального опыта и в какой мере этот опыт реализуется в данной системе общественной практики»¹.

Так смыслы, выступающие в качестве элементов внутреннего мира личности, обеспечивают овладение индивидом различными характеристиками явлений и процессов объективной действительности. С этой точки зрения смысл есть не просто некое отражение действительности, некое знание, а личностно окрашенное (и общественно обусловленное) воспроизведение в индивидуальном внутреннем мире предметов, явлений и процессов действительности, имеющих отношение к реальной жизнедеятельности индивида².

Другими словами, исходным понятием, опираясь на которое можно наполнить содержанием категорию «смысл», должно быть не «знак», а «поступок». Именно поступок является основным элементом человеческой жизни. В сущности, вся наша жизнь есть цепь поступков, вступающих в разнообразные отношения друг с другом и с поступками других людей.

Каждый поступок имеет два основных измерения: реальное и идеальное. В своем реальном измерении поступок тем или иным образом структурирует сеть общественных отношений. «Менее всего в жизни-поступке я имею дело с психическим бытием (за исключением того случая, когда я поступаю как теоретик-психолог). Можно помыслить, но отнюдь не совершить попытку, ответственно и продуктивно поступая в математике, скажем, работая над какой-либо теоремой, оперировать с математическим понятием как с психическим бытием; работа поступка, конечно, не осуществится: поступок движется и живет не в психическом мире»³.

И вместе с тем любой поступок так или иначе отражается в сознании людей (в том числе и того, кто его совершает) в виде образа по-

¹ Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М., 1985.. С. 62.

² В иной терминологической системе эту мысль высказал В. Франкл. В его интерпретации, смысл есть нереализованная потенция действительности, реализуя которую, индивид находит оправдание своей жизни. Смысл, по В. Франклу, вне индивида, он в мире, в объективной действительности и человек не изобретает его, а находит в мире. (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 36–37 и др.)

³ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986. С. 90.

ступка. Вот этот образ поступка, связывающий внутренний мир личности с миром внешним, и есть смысл, который, как указывает Ф.Е. Василюк, вообще говоря, пограничное образование: в нем сходятся сознание и бытие, идеальное и реальное, жизненные ценности и возможности их реализации. В отношении к действительности, к реальному смысл воплощается в различных формах смыслового будущего, в отношении же к идеальному, к вневременному он отражает в себе ценностную целостность индивидуальной жизни¹. Другими словами, смысл есть своеобразный образ разумного действия, идеальная программа действий.

В процессе становления, развития и «транспортировки» от одного индивида к другому, от одной социальной общности к другой этот образ разумного действия «обрастает» такими элементами, как: описание реальных ситуаций жизненного мира; оценка этих ситуаций с точки зрения их благоприятности для человеческой жизнедеятельности; объяснение закономерностей возникновения, функционирования и развития данной и аналогичных ситуаций; программа разумного поведения в этих ситуациях.

Комплекс этих элементов: описание, оценка, объяснение и программа жизнедеятельности – может быть обозначен понятием **смысловой конструкт**. Совокупность смысловых конструктов создает каркас любой культуры.

Разумеется, речь идет не о том, что смысловой конструкт несет в себе каждый раз всю совокупность знаний, оценок, объяснений, реализующих разумный способ жизнедеятельности. Конкретный смысловой конструкт может сообщить индивиду либо операционную структуру действия, либо средство (систему средств, включая технологию обращения с этими средствами), либо нормы сотрудничества с другими участниками совместного действия, либо еще более мелкие фрагменты способа жизнедеятельности.

Очевидно, что те или иные образы разумного действия могут быть (или казаться определенному субъекту) не совсем разумными, а иногда и совсем неразумными. Но это не отменяет сущностной характеристики смысла – быть образом разумного действия. Просто разумность может разными социальными системами и группами, исповедующими

¹ См.: Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984. С. 129.

различные рациональности, пониматься по-разному. Поэтому, чтобы дать более глубокое содержательное толкование этой категории, необходимо рассматривать ее в соотношении с понятием «абсурд».

В самой по себе природе нет ничего осмысленного и нет ничего абсурдного. Смысл и его противоположность абсурд возникают только в системе человеческих отношений. Характеристика «абсурдный» относится только к человеческим действиям. Абсурдным может быть поступок, действие, закон – словом, все, что призвано как-то отразиться на человеческой действительности и оказать тем самым влияние на других людей.

При этом, назвав нечто нелепостью, бессмыслицей, следует ясно понимать, что существует некий критерий осмысленности, пользуясь которым, мы и определяем меру осмысленности (то есть наличия смысла) в том или ином человеческом деянии, поступке. Критерием меры осмысленности или бессмысленности (абсурдности) выступает возвышение или умаление человеческого начала в человеке. Если смысл есть то, что превращает индивида в человека, то, что очеловечивает человека, приближает каждого человека к его объективной сущностной мере, то все, что низводит человека с достигнутых высот человечности на более низкие уровни, есть смысл со знаком минус, есть бессмыслица, нелепость, абсурд.

Бессмысленный, нелепый поступок есть поступок, не только не вносящий никакого вклада в культуру, не обогащающий действительность человечностью, не позволяющий действительности стать человеческой, но, напротив, разрушающий культуру, обезчеловечивающий социальную материю. Однако практической реализации абсурдных действий предшествовало возникновение, развитие и закрепление соответствующих моделей поведения, которые, безусловно, казались вполне осмысленными и нормальными. Таким образом, мы подходим к фундаментальной проблеме соотношения индивидуальных и общественных смыслов. Решение этой проблемы требует специальных глубоких исследований. В данном случае нам важно констатировать принципиальное несовпадение личных и общественных смысловых систем. Кроме того, следует указать на то, что во все времена, при любом социальном строе были группы, имевшие больше возможностей для присвоения материальных и духовных богатств. Но сам процесс такого

присвоения в условиях очевидного неравенства возможностей присвоения не мог не вызывать у представителей этих групп различных перестроек в нравственном сознании – от элитарных теорий до полной социальной невменяемости.

Другими словами, смысл есть своеобразный образ разумного действия, идеальная программа действий. В процессе становления, развития и «транспортировки» от одного индивида к другому, от одной социальной общности к другой этот образ разумного действия «образует» такими элементами, как: описание реальных ситуаций жизненного мира; оценка этих ситуаций с точки зрения их благоприятности для человеческой жизнедеятельности; объяснение закономерностей возникновения, функционирования и развития данной и аналогичных ситуаций; программа разумного поведения в этих ситуациях.

Конечной целью любого социального развития является человек, равный своему понятию, то есть человек, воплотивший в себе, в своем поведении, своей жизнедеятельности все те идеалы, которые вырабатывались в течение тысячелетий. Разумеется, и сами эти идеалы не являются некоей застывшей, раз и навсегда данной конструкцией. Они уточняются, развиваются, обогащаются некоторыми новыми представлениями. Но основа остается неизменной, поскольку она выражает ту меру человечности, тот идеальный предел, к которому стремится (должна стремиться) человеческая природа. И эта мера, этот предел были ясны древним в той же мере, что и нам¹.

¹ Дело не в том, какова мера человечности – она, в принципе, ясна. Дело в том, почему она постоянно нарушается. Ответ, видимо, заключается во внутренней диалектике самого человеческого стремления к этой мере. Именно стремясь полностью воплотить в себе все человеческое в условиях, когда из-за объективного недостатка ресурсов это стремление неизбежно приводит к открытому столкновению с аналогичными стремлениями других, человек нарушает сущностные принципы человечности. И чем больше он стремится присвоить себе материальные и духовные богатства, накопленные человечеством и воплощающие в себе сущность человека, тем больше он вынужден отнимать эти богатства у других и с тем большей необходимостью он удаляется от цели своих действий. Только в условиях, когда материальные и духовные богатства достигнут такого изобилия, что отпадет необходимость их делить, а каждый сможет взять себе столько человеческой сущности, сколько ему необходимо для полного воплощения в себе человеческого начала, только в условиях, когда в сознании каждого укоренится простая мысль, что его собственное развитие зависит от меры развития других, только в этих условиях и возможно будет более или менее полное присвоение каждым человеком своей человеческой сущности.

Таким образом, анализ различных точек зрения на категорию «смысл» позволяет выделить три аспекта понимания смысла:

- **логико-семиотический**, в соответствии с которым «смысл» есть содержание знакового выражения;
- **структурно-предметный**: «смысл» – система связей элементов структуры, позволяющая соотнести содержание каждого отдельного свойства с целостностью. Постигание смысла связано с выявлением основной идеи понятия и установлением существенных (содержательных) связей между ними;
- **личный**, отражающий субъективно устанавливаемые и личностно переживаемые связи между людьми, предметами и явлениями, окружающими человека в пространстве и времени.

Культура как система фундаментальных матриц

В настоящее время понятие «культура» определяется как система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), которые развиваются исторически и обеспечивают воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. В эти программы человеческой жизнедеятельности включаются, помимо всего прочего, идеалы, образцы деятельности и поведения, верования, ценностные ориентации и т. д., образующие социальный опыт, хранимый и передаваемый от поколения к поколению культурой¹.

Б.И. Кононенко также дает определение культуры как специфического способа организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленного в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе². С этой точки зрения культура выступает как своего рода «технология» человеческой деятельности, или, точнее, как внутренняя основа некоей

¹ Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b?p.s=TextQuery>.

² Кононенко Б.И. Культурология в терминах, понятиях, именах. Справочное пособие. М.: Изд-во «Щит-М», 2001. С. 115–116.

технологии, как совокупность эталонов, критериев и процедур, задающих направления и алгоритмы социально одобряемого поведения и эффективной деятельности. Или, по-другому, культура – это совокупность знаний, ценностей, норм, обеспечивающих приспособление человека к окружающей среде или преобразование этой среды в соответствии со своими нуждами, целями и представлениями.

Разработанная такими учеными, как К. Поланьи¹, Д. Норт², С. Кирдина³, теория институциональных матриц позволяет рассматривать культуру как систему матриц, обеспечивающих приспособление человека к окружающей среде или преобразование индивидом этой среды в соответствии со своими нуждами, целями и представлениями⁴.

Понятие «матрица» происходит от латинского *matrix* (матка) и используется в металлообработке для обозначения инструментов со сквозным отверстием или углублением, используемых при штамповке, прессовании, а также в полиграфии для обозначения металлической пластинки с углубленным прямым изображением буквы или знака, служащей формой для отливки литер. И этот смысл – форма, задающая параметры для чего-то, – дает очень широкие возможности для использования данного понятия.

На наш взгляд, в системе матриц, проявлениями которых выступают разнообразные аксиомы, принципы, дискурсы, конвенции, кодексы, паттерны и пр., можно выделить несколько классов.

¹Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

²Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

³Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. URL: <http://kirdina.ru/doc/31oct06/1.ppt>

⁴Иванова Т. Стратегическая матрица России // Экономические стратегии. 2008. № 1. С. 76–84; Иванова Т. Стратегическая матрица России. Главные тенденции в 2009 г. // Экономические стратегии. 2010. № 1–2; Логинов Е. Стратегическая матрица развития России в условиях глобальной конкуренции // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 32–37; Никонов В.А. Российская матрица М.: «Русское слово – учебник», 2014; Матрица русской культуры. Миф? Двигатель модернизации? Барьер? М., 2012; Лепехин В. Глобальная матрица. Может ли Россия ей противостоять. URL: https://ria.ru/zinoviev_club/20170502/1493496891.html; Дзялошинский И.М. Коммуникационные матрицы как предмет прикладной коммуникативистики // Полифония медиатекста. Сборник научных статей. М.: РГСУ, 2011. С. 4–32; Шевцова Л. Русская матрица: искусство перевоплощения. URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=53781> и др.

- в фундаменте располагаются скрытые от непосредственного созерцания и освоения глубинные матрицы, связанные с устройством данного общества;

- над фундаментом надстраиваются матрицы, задающие общие правила функционирования коммуникативных систем;

- на самом верху размещаются матрицы, определяющие конкретные параметры создаваемых текстов.

Что касается коммуникативных и текстовых матриц, то мы обратимся к ним в соответствующих главах этой книги, здесь же попробуем описать культурные матрицы.

В фундаменте культуры размещаются глубинные архетипы, формировавшиеся в течение тысячелетий, над которым надстраивается средний уровень, состоящий из культурных представлений, характерных для определенного исторического периода, а на самом верху находятся оперативные модели жизнедеятельности.

Что касается архетипа, то автор концепции архетипов К. Юнг полагал, что коллективное бессознательное – в отличие от индивидуального (личностного) – идентично у всех людей, и потому образует всеобщее основание душевной жизни каждого человека, будучи по природе своей сверхличным. Архетип как таковой, по словам Юнга, отличается от переработанных форм: сказок, мифов и т. д. Он представляет собой бессознательное содержание, которое изменяется по мере его осознания и восприятия; оно трансформируется под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает. Архетип сам по себе – вне этих конкретных форм – является образом, недоступным созерцанию. В этом смысле он гипотетичен. Человек организует свое социальное пространство, социальную идеологию, социальные идеалы по законам миропорядка, организованным и выраженным в архетипических символах и смыслах. Вероятно, правы те исследователи, которые полагают, что глубинным структурным основанием «языка культуры», его корнем является культурная архетипическая матрица¹.

¹ Любавин М.Н. Архетипическая матрица русской культуры. URL: <http://www.dissercat.com/content/arkhetipicheskaya-matritsa-russkoi-kultury>.

Эти архетипы представляют собой культурные первообразы, представления о человеке, его месте в мире и обществе, нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей, «проросшие» через многовековые пласты истории и культурных трансформаций и сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры. Культурные архетипы – это культурные установки коллективного бессознательного, с величайшим трудом поддающиеся изменению¹. Архетипы суммируют основополагающие свойства определенного народа как культурной целостности и представляют собой константные модели духовной жизни нации.

Таким образом, можно выявить несколько значений культурфилософской трактовки понятия «архетип». Во-первых, архетип является символическим выражением онтологических оснований культуры. Во-вторых, архетип обладает способностью стимулировать индивидуальное духовное усилие, поднимать его статус до общезначимого и порождать символические ряды (в данном случае ряды социокультурных типов). Анализ генетической связи архетипа с возникающими на его основе феноменами культуры представляет возможным выявить те конституирующие структуры, которые порождаются из архетипов и определяют организацию социального пространства, формируют социальные идеалы².

Средний уровень культуры формировался в рамках определенного этноса, столетиями жившего в определенных природных, социально-экономических условиях. Там формировались специфические этнокультурные архетипы, выступающие в качестве констант национальных форм поведения, выражающих и закрепляющих свойства этноса как культурной целостности³.

Так, например, культурные матрицы Европы, обоснованные в работах Д. Гоббса, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, М. Ве-

¹Лубский А.В. Русский культурный архетип // Культурология / Под ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д., 1995. С. 394.

²Любавин М.Н. Архетипическая матрица русской культуры. URL:[http:// www.dissercat.com/ content/arkhetipicheskaya-matritsa-russkoi-kultury](http://www.dissercat.com/content/arkhetipicheskaya-matritsa-russkoi-kultury).

³Забияко А.П. Архетипы культурные // Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 1. С. 38. См. также работы В.Г. Белоуса, М.Г. Горбуновой, А.Я. Гуревича, И.Г. Дубова, Л.А. Зеленова, А.П. Огурцова, И. К. Пантина, И.В. Мостовой, А.П. Скорик, У. Раульфа, В.М. Строгеецкого А.В. Дахина, С.В. Норенкова, В.А. Щурова и др.

бера, опираются на ключевой принцип: триединство свободы, равенства и справедливости, а также принцип автономии субъекта, то есть человеческой личности. Самодисциплина, дисциплина и преобладание эстетики форм заложили основы европейской культуры¹.

Л. Васильев, касаясь этого вопроса, пишет о том, что не капитализм привел к возникновению в странах Запада рыночной экономики и либерального правопорядка, а античные либерально-демократические традиции, древнегреческие свободы и римское право, религиозно-цивилизационная протестантская традиция. «Капитализм – не базис. Он следствие и функция демократии. Античной полисно-протобуржуазной, средневековой западноевропейской протестантско-предбуржуазной»². И наоборот, присущие Востоку матрицы: всесилие власти и полное бесправие подданных (включая собственников), незнакомых с правовой культурой буржуазной частной собственности, и потому подверженных репрессиям с экспроприациями, – не позволили возникнуть капиталистическим отношениям. И лишь появление в этих странах европейских буржуа с их нормами жизни, институтами и капиталами способствовало появлению вне Запада общества смешанного восточно-западного типа, облик которого зависел как от уровня развития (степени отсталости), так и от религиозно-цивилизационной традиции. Что касается России, то она не Запад, но и не вполне Восток. Россия где-то между ними. У нее не было условий для возникновения либерально-демократического базиса – ни протобуржуазного античного, ни предбуржуазного европейского. Вестернизация пришла в Россию в специфически искаженной форме, с резким акцентом в сторону заимствования военной мощи. Правда, и с очень высоким почтением к западноевропейской буржуазной культуре, включая активное ее заимствование, но – и это самое главное – без либерально-демократического базиса. Поэтому западноевропейский капитализм не имел в России возможности прижиться³.

¹ Чибир Е.В., Макарова Е.Е. Традиционные паттерны российской и европейской культур как базис для дифференциации содержания специальных событий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4.

² Васильев Л. Стечение неслучайных обстоятельств. URL: <https://www.hse.ru/news/74654795.html>.

³ Васильев Л. Стечение неслучайных обстоятельств. URL: <https://www.hse.ru/news/74654795.html>.

Анализируя российские матрицы, Н.А. Бердяев подчеркивает антиномичность русской культуры, отличающейся неустранимой противоречивостью свойств и постоянством их перехода друг в друга. «Творчество русского духа так же двоится, как и русское историческое бытие. Это яснее всего видно на самой характерной нашей идеологии – славянофильстве и на величайшем нашем национальном гении – Достоевском, – русском из русских. Вся парадоксальность и антиномичность русской истории отпечатались на славянофилах и Достоевском. Лик Достоевского так же двоится, как и лик самой России»¹.

Современный автор – И. Давыдов – исследует особенности российской исторической матрицы и утверждает, что «Российское общество переживает только историю Человека Государственного, не замечая просто человека в истории. Истории человека нет, истории русской свободы тоже нет»². Анализируя «Историю государства Российского» творца русской матрицы Н. Карамзина (которую автор посвятил царю, а посвящение завершил фразой «История народа принадлежит Царю»³) и другие исторические сочинения, И. Давыдов констатирует, что схема, предложенная Карамзиным, пережила и Карамзина, и империю, и еще одну империю, и до сих пор жива. «Утрируя, изложить эту схему можно так: русский народ-государственник с самого начала был озабочен невозможностью жить вне сильной власти, в связи с чем пригласил править собой варягов, и дальше, во все времена, либо строил сильное централизованное государство, либо расплачивался за попытки с этого пути свернуть и снова строил сильное централизованное государство. Его главные герои – властители и воины, его главные достижения – военные победы. Святые нашего исторического пантеона – сплошь с мечами и в доспехах»⁴.

¹ Бердяев Н., Лосский Н. Русский народ. Богоносец или хам? URL: <https://profilib.com/chtenie/10839/nikolay-berdyaev-russkiy-narod-bogonosets-ili-kham.php>.

² Давыдов И. История без лат. В защиту русской свободы и русской человечности. URL: <http://carnegie.ru/commentary/66276>

³ «В его „Истории“ изящность, простота доказывают нам без всякого пристрастия необходимость самовластия и прелести кнута», – язвил Пушкин.

⁴ Давыдов И. История без лат. В защиту русской свободы и русской человечности. URL: <http://carnegie.ru/commentary/66276/>.

Наилучшим образом конкретные воплощения различий в культурах среднего уровня показаны в материалах Г. Хофстеде¹, который провел исследование более чем на 80 тысячах сотрудников корпорации IBM в 53 странах мира. Оказалось, что в основе различий между национальными культурами лежат четыре фактора:

- **дистанция власти** (характеристика, показывающая степень готовности не обладающих властью членов общественных институтов данной национальной культуры согласиться с тем фактом, что власть в обществе распределена неравномерно);

- **индивидуализм/коллективизм** (индивидуализм характерен для национальных культур, в которых связи между индивидуумами не очень тесны, и от людей ожидается, что они будут заботиться прежде всего о себе и, возможно, о своих наиболее близких родственниках; коллективизм характерен для национальных культур, в которых люди с рождения интегрированы в сплоченные группы, которые на протяжении всей жизни защищают их в обмен на лояльность);

- **мужественность/женственность** (мужественность соответствует национальным культурам, четко разделяющим гендерные – социальные мужские и социальные женские – роли, при этом мужские роли являются более конфронтационными и ориентированными на материальный успех, женские же – более мягкими и направленными на улучшение качества жизни; женственность соответствует национальным культурам, в которых четкое социальное разделение гендерных ролей отсутствует);

- **избегание неопределенности** (характеристика, показывающая уровень психологического дискомфорта, переживаемого членами данной национальной культуры при столкновении с неизвестными ранее жизненными ситуациями).

Верхний уровень культурной системы представляет собой конкретные модели жизни, учитывающие изменчивые условия бытия общества и индивида. На этом уровне архетипы воплощаются в некие стратегии человеческой деятельности, осуществляемой как рациональное действие по достижению конкретной цели. Выбор подходящих

¹ Hofstede G.H. Cultures and organizations: software of the mind. McGrawHill. 2015.

средств обусловлен ситуацией, оценкой возможных последствий и рассматривается как вторичное условие достижения успеха. Действие, ориентированное на успех, предполагающее следование техническим правилам/процедурам, рациональный выбор и достижение эффективности, Ю. Хабермас называет инструментальным или стратегическим¹.

Эта же идея сформулирована Э. Берном в терминах сценарирования. Сценарий, с точки зрения Э. Берна, – это план жизни, который формируется... еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора².

Можно предположить, что представления верхнего уровня поддаются довольно быстрым изменениям. Гораздо медленнее меняются представления среднего уровня. И практически не меняются фундаментальные архетипы³.

1.5. Типологические модели культуры

Понятием «тип культуры» мы обозначаем фундаментальные особенности культурных представлений, которые определяют архитектуру всего здания культуры, задают основные ценностные и поведенческие ориентиры. Существует практически безграничное количе-

¹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2000.

² Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=589943&p=1>.

³ Подробнее см.: Дзялошинский И.М. Российские медиаматрицы в трансформирующемся обществе. В кн.: Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире. М., 2010; Дзялошинский И.М. Коммуникационные матрицы как предмет прикладной коммуникативистики // Полифония медиатекста. Сборник научных статей. М.: РГСУ, 2011; Дзялошинский И.М. Российские СМИ: противостояние матриц. Российские СМИ и журналистика в новой реальности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию журналистского образования на Урале, Екатеринбург, 14–15 апреля 2011 г. – Екатеринбург, 2011; URL: <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/3477>; Дзялошинский И.М. Современные периодические издания: медиаматрицы как основа концепции. Вестник Моск. Ун-та. Серия 10 «Журналистика». 2011. № 5; Дзялошинский И.М. Социальные институты и социальная коммуникация. Введение в теорию коммуникационных матриц. Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2020.

ство критериев, на основании которых создаются различные типологические модели культур. Некоторые авторы классифицируют культуры по одному признаку. Вот некоторые из таких типологий.

Традиционные подходы к классификации культур Материальная и духовная культуры

Материальная культура охватывает всю сферу материальной деятельности и ее результаты (орудия труда, жилища, предметы повседневного обихода, одежда, средства транспорта и связи и другие). Духовная культура охватывает сферу сознания, духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, мифологию, религию). Гармоничное развитие культуры естественно предполагает органическое единство материальной и духовной культур. Однако, по мнению А.Я. Флиера, деление культуры на материальную и духовную не позволяет нам узнать что-либо новое о культуре, а только убедиться в том, что любое культурное явление, будучи опредмеченным, является субстратно материальным (даже музыка), но одновременно даже самое утилитарное из них (плотничий топор) является в известном смысле духовным, несущим в своих формах и чертах, смыслах и содержаниях определенную символическую информацию¹.

Естественнонаучная и гуманитарная культуры

Суть этого деления английский физик Ч. Сноу сформулировал следующим образом. Видение мира определяется характером и объемом имеющихся у человека знаний. Знание бывает двух типов: естественнонаучное и гуманитарное. Важной особенностью гуманитарного знания в отличие от естественнонаучного, является нестабильность, быстрая изменчивость. Для естественных наук не характерны ценностно окрашенные суждения, составляющие существенный элемент гуманитарного знания. Гуманитарное знание может испытывать влияние той

¹ Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции. М.: Высшая школа культурологии Государственного университета культуры; URL: <http://www.culture.circle.ru/index.htm>.

или иной идеологии и в гораздо большей степени связано с ней, чем естественнонаучное знание. В настоящее время эти две сферы: научно-техническое и художественно-гуманитарное знание – имеют все меньше общего, все больше превращаются в две изолированных области культуры, представители которых все в меньшей степени способны понять друг друга. Разногласия между этими сферами знания по ряду ключевых вопросов (например, этическим аспектам научного поиска) вызываются, по мысли Ч. Сноу, тем, что и естественники, и гуманитарии, как правило, плохо разбираются в чужой области знания, это приводит к выдвиганию неоправданных претензий на монопольное обладание истиной. Понятно, что Ч. Сноу сформулировал слишком обобщенный тезис, уравнивая культуру с особенностями научного и гуманитарного подходов к пониманию действительности. Очевидно, что культура не сводится ни к знанию, ни к технологиям его получения. Тем не менее выявленная Ч. Сноу дихотомия не утратила своей актуальности и в наши дни¹.

Культура пастушеская и скотоводческая

Сторонники такого деления культур напоминают, что в древности существовали племена, занимавшиеся в основном земледелием, и племена, основой жизни которых было разведение скота. Между земледельцами и скотоводами были весьма напряженные отношения, связанные с проблемой использования земли. Достаточно напомнить библейский эпизод о противостоянии Каина и Авеля, которые представлены братьями, детьми первой супружеской пары – Адама и Евы. Но земледелец Каин почему-то не понравился Богу, который «не призрел» на него и на его дар, то есть не принял его жертву. Тогда Каин «восстал» на скотовода Авеля и убил его. И поскольку Библия – книга скотоводческого народа, естественно, что чужак Каин сурово осужден. Некоторые исследователи полагают, что спор между пастухами и земледельцами отнюдь не закончен. Поскольку капитализм – прямой наследник скотоводческой культуры, а Россия – страна по преимуществу земледельческая, то противостояние Запада и России находит

¹ Сноу Ч. Две культуры и научная революция. URL: <http://docplayer.ru/25806050-Charlzsno-u-dve-kultury-i-nauchnaya-revoljucija.html>.

очень простое объяснение¹. На наш взгляд, это очень надуманное деление, но раз оно существует, то приходится о нем напоминать.

Культура массовая и элитарная

Впервые понятие «массовая культура» использовали М. Хоркхаймер в 1941 году и Д. Макдональд в 1944 году. Содержание этого термина достаточно противоречиво. С одной стороны, массовая культура – «культура для всех», с другой – это и «не вполне культура». В определении массовой культуры подчеркивается распространенность и общедоступность духовных ценностей, а также легкость их усвоения, не требующая особого развитого вкуса и восприятия. Масса, писал К. Ясперс, отличается, например, от народа. Последний «структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Народ – это нечто субстанциальное и качественное... Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, однородна и количественна, она лишена каких-либо отличительных свойств, традиций, почвы – она пуста. Масса является объектом пропаганды и внушения, не ведает ответственности и живет на самом низком уровне сознания»². Многие исследователи (Т. Адорно, Г.М. Энциенбергер, М. Маклюэн) представляют массовую культуру бульварной культурой, популярной культурой, индустрией культуры, индустрией сознания, рыночной культурой и т. д. Категорию «массовая культура» обычно помещают контекст таких понятий, как: массовое общество, массовое производство, массовое потребление, массовая коммуникация. Из них вытекают важнейшие атрибуты массовой культуры, так или иначе отмечаемые ее исследователями:

- ориентирована на максимально большую аудиторию, а потому, с одной стороны, предельно стандартизована сама, а с другой – направлена на стандартизацию массового вкуса;
- производится в огромных масштабах, что предполагает наличие определенной инфраструктуры;

¹Власов В. Пастухи и земледельцы. URL: http://www.ng.ru/style/2001-12-05/12_shepherd.html.

² Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М., 1978. С. 192.

- имеет товарный статус и рыночное обращение (это, кстати, позволяет марксистки ориентированным исследователям называть ее буржуазной, капиталистической и т. п.);

- транслируется через средства массовой коммуникации¹.

Сегодня можно считать несомненным, что массовая культура является важнейшим компонентом современного социума. Универсальность массовой культуры стала концептуальной основой модернизации культурных традиций. «Для отдельного индивида на смену патриархальному „культурному монизму“ на основе „своего“ вероисповедания и местной культурной традиции пришел внутренний плюрализм, ибо каждый человек, с одной стороны, сегодня вписан в сеть массовых коммуникаций и становится (чаще всего не сознавая) носителем универсальной массовой культуры и набора субкультур»².

Некоторые авторы предлагают разделять культуру низкопробную (в 50-х годах прошлого столетия ее называли «китч») и массовую культуру в позитивном понимании данного термина. Данная культура «приобретает массовый характер не потому, что широкоэвещательные каналы охватывают все более массовую аудиторию, но в силу того, что условия жизни широких масс людей приобретает все более массовый характер»³.

В той или иной степени проблемы массовой культуры описаны в работе А. Моля «Социодинамика культуры». Эту современную культуру А. Моль называет мозаичной: «В наше время знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей... Мы будем называть эту культуру «мозаичной», потому что она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т. п.).

¹ Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания. URL: http://textfighter.org/text5/80_massovoy_kulturyi_informatsii_1.php.

² Разлогов К. По ту сторону наслаждения // Свободная мысль. 1994. № 12–18. С. 59.

³ Кукаркин В. Буржуазная массовая культура. М., 1985. С. 125.

Эта культура уже не является в основном продуктом университетского образования, то есть некоей рациональной организации, она есть итог ежедневно воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений, от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки идей»¹.

Что касается элитарной культуры, то обычно этим понятием обозначают культуру привилегированных групп общества, ее черты – закрытость, аристократизм и ценностно-смысловая самодостаточность. Элитарная культура утверждает себя как творчество узкого круга «высочайших профессионалов», понимание которого доступно столь же узкому кругу высокообразованных ценителей. Элитарная культура претендует на то, что она стоит высоко над «обыденностью» повседневной жизни и занимает позицию «высшего суда» в отношении социально-политических проблем общества.

Основные элементы элитарной концепции культуры описаны в сочинениях А. Шопенгауэра («Мир как воля и представление») и Ф. Ницше («Человеческое, слишком человеческое», «Веселая наука», «Так говорил Заратустра»). А. Шопенгауэр делит человечество на две части: «людей гениев» и «людей пользы». Первые способны к эстетическому созерцанию и художественной деятельности, вторые ориентированы только на чисто практическую, утилитарную деятельность. В XX веке элитарную концепцию культуры резюмировал Х. Ортега-и-Гасет. В его работе «Дегуманизация искусства» утверждается, что новое искусство обращено к элите общества, а не к его массе. Поэтому совершенно необязательно искусство должно быть популярным, общепонятным, общечеловеческим. Новое искусство, по Х. Ортега-и-Гасету, разделяет публику на два класса – тех, кто понимает его, и тех, кто не понимает, то есть на художников и тех, кто художниками не является².

Культура господствующая и культуры комплементарные

В книге С. Хантингтона «Кто мы» констатируется, что у большинства стран имеется стержневая, иначе основная культура, культура-

¹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 45.

² Ортега-и-Гасет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.

мейнстрим, которой в той или иной степени привержены все или почти все члены данного социума. Эту национальную культуру, как правило, дополняют культуры «подчиненные», существующие на уровне субнациональных или, реже, транснациональных групп, связанных религией, расовой или этнической принадлежностью, территорией, сословным статусом – словом, тем, что дает этим людям чувство общности. В Америке субкультур всегда было в избытке. Кроме того, в ней изначально существовала стержневая англо-протестантская культура, которой было привержено, несмотря на многочисленные субкультуры, большинство населения. Почти четыре столетия эта культура первопоселенцев оставалась основным элементом американской идентичности. Чтобы понять ее значение для Соединенных Штатов, достаточно спросить себя: была бы Америка Америкой, если бы в XVII–XVIII веках ее заселили не английские протестанты, а французские, испанские или португальские католики? Ответ простой – нет. Это была бы не Америка, это был бы Квебек, Мексика или Бразилия¹.

Субкультуры в известной мере автономны, закрыты и не претендуют на то, чтобы заместить собою господствующую культуру, вытеснить ее как данность. Именно герметичность, закрытость считается главной особенностью субкультур². Цыгане вовсе не претендуют на всеобщность их жизненных и практических установок. Напротив, они заинтересованы в том, чтобы сохранить лишь свои собственные законы в противовес господствующим в культуре, которую они воспринимают как «чужую». То же можно сказать о криминальном мире.

А.Я. Флиер³ выделяет несколько основных социально-классовых (сословных) субкультур, объединяющих большие группы людей в соответствии с их ролью и функциями в производстве средств физического и социального существования человека, в поддержании или нарушении социальной организации и регуляции жизни общества (порядка).

Однако стоит заметить, что содержание сакральных текстов, составляющих, согласно Д. В. Пивоварову, «твердое ядро культуры», в

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.

² Гуревич П.С. Культурология. М.: Гардарики, 1999. С. 153–157.

³ Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=76314>.

наши дни, в эпоху глобальной информатизации, подвергается коррозии. Информационный поток, все более интенсивно «омывающий» культурные реалии, неизбежно «размывает» их. В складывающейся ситуации твердые ядра многих локальных культур постепенно, но при этом неизбежно лишаются способности эффективно выступать в роли их естественных центров, «альфы и омеги» всех производных идеалов, образующих собой их «защитные пояса».

Следствием такого положения дел являются две тенденции культурогенеза, определяющие векторы и масштабы изменения соотношения между зрелой культурой конкретной этносоциальной общности, доминирующей здесь и сейчас, составляющими ее субкультурами и противостоящими ей контркультурами. Во-первых, повышается степень субкультурной дифференциации содержательного наполнения многих локальных доминирующих культур. Во-вторых, увеличивается число контркультур с одновременным возрастанием их потенциала экспансии применительно к тем локальным доминирующим культурам, на «фоне» которых они существуют.

В складывающейся ситуации базовые сакральные идеалы, сосредоточенные в твердом ядре доминирующей культуры, неуклонно утрачивают жизнеспособность. Системообразующее влияние каждого из них на этносоциальную общность как носителя данной культуры уменьшается. Связь между отдельными идеалами такого рода становится менее тесной. При этом повседневно-жизненной реальией оказывается процесс десакрализации базовых идеалов, в рамках которого разворачиваются две попеременно сменяющие друг друга фазы: эволюционно-инволюционная и бифуркационная.

Десакрализация базовых идеалов культуры как двухфазный процесс не является атрибутом исключительно информационного общества; эти идеалы подвергались десакрализации во все времена. Однако наступление информационной эпохи обеспечило стабильность протекания данного процесса и повышение частоты чередования его фаз.

Информатизация каждого из значимых аспектов жизни общества во многих случаях едва ли не полностью лишила бытующие базовые идеалы локальных доминирующих культур гомеостатически-иммунного потенциала. Сегодня не исключена возможность того, что в буду-

щем они впадут в аутоиммунное состояние, в рамках которого некоторые из них станут оказывать друг на друга негативное воздействие, взаиморазрушающее по своей сути, способствуя тем самым уничтожению той культуры, твердое ядро которого они составляют¹.

Культура как набор специфических ценностей

Г. Хофстеде составил своеобразную «карту мира», объединив страны по типам ведущих ценностей в четыре группы. К первой группе он отнес такие страны, как США и Англия, отметив, что в этих странах определяющим является стремление к личностному успеху, благополучию и самоактуализации. Ко второй группе отнесены Япония, Германия, Греция, латиноамериканские страны, где больше всего ценятся личная безопасность, благополучие и усердная работа. В третью группу вошли Франция, Испания, Португалия, бывшая Югославия, Чили, азиатские страны, в которых индивидуальное благополучие менее важное, чем групповая солидарность. В четвертой группе, куда вошли Северная Европа и Нидерланды, личностный успех оценивается как общее достижение и большое значение придается межличностным взаимоотношениям. К этой группе тяготеет Россия².

Культура полезности и культура достоинства

Очень перспективной, на наш взгляд, является концепция А.Г. Асмолова, с точки зрения которого мозаику культур в ходе человеческой истории можно расположить как бы у двух полюсов – полюса полезности и полюса достоинства. В культуре полезности господствует представление о том, будто мир – большие часы, которые заводит мудрый часовщик. Все размерено, предсказуемо и подчинено раз и навсегда заданному распорядку социальных действий. В литературе подобный социальный рациональный мир точными мазками передан в романе-антиутопии Е. Замятина «Мы» и в романе-антиутопии

¹ Беляев И.А. Десакрализация базовых идеалов культуры информационного общества // Шестая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»: тезисы докл. СПб.: ГУАП, 2018.

² Hofstede: Cultures And Organizations – Software of the Mind. URL: <http://www.novsu.ru/file/1092483>.

Дж. Оруэлла «1984». Сказки-антиутопии Е. Замятина и Дж. Оруэлла показывают, что может произойти с обществом, в котором господствует безличная культура полезности.

Культура полезности оснащена своего рода идеологическими фильтрами, которые чутко определяют, какой «образ человека» имеет право поселиться в мышлении и обществе, стать предметом исследования в науке. Если огрублять описания «образов человека», так или иначе бытовавших в конце 1920-х годов в науках о человеке, в том числе и в психологии, то можно выделить как бы три спорящих друг с другом образа – образ «ощущающего человека» (его поздняя проекция в когнитивной психологии укрепилась в виде компьютерной метафоры «человек как устройство по переработке информации»); образ «человека запрограммированного» – марионетки (в поведенческих науках – «человек как система реакций», а в социальных науках – «человек как система социальных ролей»); образ «человека-потребителя» («нуждающийся человек», «человек как система потребностей»). Образ «человека-марионетки», «поведенческого робота», даже если этого не осознавали исследователи, наиболее оправдывался работами в области изучения условных рефлексов, рефлексологии и реактологии. Надо ли говорить, что именно этот образ «рефлексологического робота» был в конечном счете востребован командно-административной системой тоталитарного социализма.

Тяжелые годы сталинщины, резко сдвинувшие чашу весов в сторону полюса полезности, были временем активного конструирования безличной общественной системы, системы, в которой у человека вместо сердца «пламенный мотор». Люди, как муравьи в муравейнике, стали оцениваться по своей служебной функции. Они приравнивались к винтикам единого безликого механизма. Культура, ориентированная на полезность, всегда стремится к равновесию, к самосохранению, всегда озабочена тем, чтобы выжить, а не жить. Ее единственная цель, прикрываемая тем или иным благостным идеалом, – воспроизводство самой себя без каких-либо изменений. До тех пор, пока культура ориентирована на отношения полезности, а не достоинства, в ней урезается время, отводимое на детство, старость не обладает ценностью, а

образованию отводится роль социального сироты, которого терпят постольку, поскольку приходится тратить время на дрессуру, подготовку человека к исполнению полезных служебных функций.

Иное дело культура, ориентированная на отношения достоинства. В такой культуре ведущей ценностью является ценность личности человека, независимо от того, можно ли что-либо получить от этой личности для выполнения того или иного дела или нет. В культуре достоинства дети, старики и люди с отклонениями в развитии священны. Они находятся под охраной общественного милосердия. И именно культура достоинства в гораздо большей степени, чем культура полезности, готова к преодолению социальных катаклизмов, выходу из кризисов в драматическом процессе человеческой истории. Ясно одно: путь от культуры полезности к культуре достоинства еще не пройден¹.

В других терминах речь идет о технократической и гуманитарной концепциях культуры, которые мы обсудим в дальнейшем.

Культуры открытые и закрытые

В главе о типологиях культуры надо упомянуть и очень популярную в прошлые годы концепцию открытого и закрытого общества. Первым это деление предложил А. Бергсон. Описание А. Бергсоном «закрытых» обществ, несмотря на внешнюю беспристрастность, заставляет, на наш взгляд, вспомнить знаменитые антиутопии Дж. Оруэлла, О. Хаксли и Е. Замятина. Здесь та же картина практически полного подавления индивида социумом, тот же человек-винтик, чье индивидуальное «я» совершенно растворяется в безличной коллективности. Одним из первых А. Бергсон в обобщенном виде представил эти новые социальные феномены, чутко уловив многие черты тоталитаризма, нашедшего в XX веке разнообразные формы проявления. Что касается открытого общества, то А. Бергсон полагал, что в таком обществе будут господствовать принципы святости индивида, личной

¹ Асмолов А.Г. Непроходимый путь: от культуры полезности – к культуре достоинства. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1990/905/905005.htm>. См. также: Асмолов А.Г. Оптика Просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.

свободы, равенства всех людей. Эти принципы, сформулированные отдельными гениями, имеют не принудительный, но побудительный характер. Они универсальны.

Идеи А. Бергсона подхватил и творчески развил К. Поппер. В своей знаменитой книге «Открытое общество и его враги» он проанализировал роль таких крупных философов, как Платон, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, в формировании идейной базы тоталитаризма, рассмотрел развитие со времен античности идеи открытого общества, критиковал существование объективных законов истории и идею радикальных общественных преобразований. Согласно К. Попперу, открытое общество основано на нормативных законах или нормах. Они вводятся человеком и описывают лишь ориентиры его поведения. Поэтому в отношении этих законов не работают определения «истинный» или «ложный», а только правильный или неправильный, приемлемый или неприемлемый. Эти законы могут меняться, могут быть нарушены и допускают исключения.

В противоположность открытому обществу в закрытом обществе верят в существование объективных законов общественного развития, которые неизменны, не допускают исключений и недоступны контролю со стороны человека. Вот как пишет об этом сам К. Поппер: «Одной из существенных черт магического сознания древнего – племенного или „закрытого“ общества – является господствующее в таком обществе убеждение, будто оно существует в заколдованном круге неизменных табу, законов и обычаев, которые считались столь же неизбежными, как восход солнца, смена времен года и тому подобные совершенно очевидные закономерности природы»¹.

В книге «Открытое общество Поппера через 50 лет: Карл Поппер не устарел», опубликованной на рубеже тысячелетий, ее авторы еще раз вернулись к наследию К. Поппера, чтобы констатировать: оно действительно актуально и объяснить это очень просто – через полвека по-

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 91.

сле появления «Открытого общества» большинство вопросов, затронутых там, не решены, а тоталитаризм различного толка все еще остается одним из самых главных ужасов человечества¹.

Свой вклад в развитие идей открытого общества внес Дж. Сорос², который представил свою концепцию в книге «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм». Основа концепции Дж. Сороса – рефлексивность. Мы лишены возможности принимать решения, основываясь на точном знании, и наши действия неизбежно влекут за собой последствия, которых мы не ожидаем. Наше понимание мира по природе своей несовершенно. Никто не знает истину. Причем это утверждение относится к большинству областей человеческой деятельности. Если мы это признаем, то можем создать общество, открытое для бесконечного совершенствования. Оно никогда не будет совершенно (мы будем постоянно допускать ошибки), но в нем будет обеспечена свобода мысли и слова, возможность все исправить (основываясь на собственных ошибках).

Всякий, кто заявляет, что владеет истиной, может претворить ее в жизнь, только навязав эту истину несогласным путем подавления мысли и свободы. Результатом подобного принуждения является закрытое общество.

Наличие или отсутствие рефлексивности становится у Дж. Сороса главным фактором, определяющим тип общества. На ее основе он выделяет три типа исторических процессов, соответствующих трем типам общества (открытому, закрытому и переходному): близкие к равновесию, статически неравновесные и динамически неравновесные. Статическое равновесие Дж. Сорос не описывает, потому что, по его мнению, оно недостижимо. Интерпретации реальности, на которых участники основывают свои решения, всегда окрашены субъективными представлениями.

¹ Popper's open society after fifty years: The continuing relevance of Karl Popper/Ed. By Jarvie I., Pralong S. L.; N.Y.; Routledge, 1999. С. 28–32.

² Взгляды Дж. Сороса изложены в его книгах: «Алхимия финансов. Проникая в мышление рынка» (1987), «Открывая советскую систему» (1990), «Опережая перемены. Демократия» (1991), «Сорос о Соросе. Стоя на переднем крае» (1995), «Кризис глобального капитализма. Открытое общество в опасности» (1998), «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм» (2001).

У процессов, близких к равновесию (открытое общество), следующие признаки. Мышление не слишком отдалается от реальности, хотя истина все еще недостижима. Люди извлекают уроки из опыта. Их действия основаны на мнениях, окрашенных субъективными представлениями, но работает критический механизм, который корректирует эти представления. Мир влияет на них так же, как они влияют на мир, однако от этого влияния их субъективные представления не слишком расходятся с реальностью.

В процессах, статически неравновесных (закрытое общество), мнения их участников далеки от истинного положения вещей, а тенденция к сближению не просматривается. Власть в таких обществах не желает приспособливаться к изменяющимся обстоятельствам, а наоборот, пытается загнать реальность в свою концептуальную схему. Разрыв между реальностью и ее официальной интерпретацией увеличивается, так как нет корректирующих критических механизмов.

Наконец, **при динамически неравновесных процессах (переходное общество)** события разворачиваются столь стремительно, что участники просто не успевают их осознавать. Разрыв между реальностью и преобладающими мнениями также увеличивается. Основная особенность подобных процессов – их преходящий характер. В довольно короткий срок система либо становится статически неравновесной, либо близкой к равновесию.

Таким образом, Дж. Сорос существенно дополнил идеальные типы обществ, предложенные К. Поппером, третьим типом – переходным обществом (состоянием хаоса и дезориентации). По мнению Дж. Сороса, деление мира на открытые и закрытые общества устарело. В годы Второй мировой войны и в послевоенный период смысл концепции открытого общества был понятен по контрасту с закрытыми обществами, основанными на тоталитарных идеологиях, вроде фашизма или коммунизма. Однако распад самого крупного из закрытых обществ – Советского Союза – не привел автоматически к возникновению на его обломках открытых обществ. Более того, у открытого общества появились новые враги. Раньше считалось, что основным препятствием на пути открытого общества является существование некоего властного авторитета (режима или идеологии), претендующего на обладание абсолютной

истиной и стремящегося утвердить себя с помощью насилия. Но оказалось, что отсутствие властного авторитета и социального единства также является угрозой для свободы. То есть с одной стороны открытому обществу угрожает закрытое, а с другой – переходное. При этом, однако, возможны взаимные переходы.

Существуют более сложные модели. Так, например, А.Я. Флиер предлагает различать культуру **обыденную** и **специализированную**. Целесообразность деления культуры на обыденную и специализированную состоит в том, что основные функции человеческой жизнедеятельности возникали в недрах обыденной культуры (повседневной практики, входившей в привычный образ жизни крестьянина или горожанина и которой не нужно было специально учиться; основные ее знания усваивались на уровне общего воспитания и обыденных социальных контактов), но со временем выделялись в специализированные профессии, освоение которых было уже практически невозможным без специального профессионального образования, на чем собственно и строится специализированная культура. При этом основные функции обеих сфер культуры продолжают существовать параллельно, но в разных областях жизни индивида¹.

В качестве второго критерия А.Я. Флиер использует тип человеческой жизнедеятельности. Речь идет о таких областях социальной практики, как:

- 1) культура социальной организации и регуляции;
- 2) культура познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений;
- 3) культура социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации;
- 4) культура физической и психической репродукции, реабилитации и рекреации человека².

Совмещение этих критериев позволяет создать следующую модель структурирования культуры (табл. 2).

¹Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. С. 134–137.

² Там же.

Таблица 2

Типы культур, по А.Я. Флиеру

Социальные практики	Уровни культуры	
	Обыденная	Специализированная
1) культура социальной организации и регуляции		
хозяйственная культура	домашнее и приусадебное хозяйство	экономика, торговля, финансы и т. п.
правовая культура	мораль, нравственность, общественное мнение	право, юриспруденция, система охраны общественного порядка и регуляции правовых отношений
политическая культура	межличностные отношения между людьми в области частного взаимодействия	государственная политика, идеология, управленческая работа, военное и полицейское дело и пр.
2) культура познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений		
философская культура	здравый смысл обыденных представлений о мире и правилах человеческого поведения, народная мудрость	труды специалистов-философов
научная культура	повседневные рациональные знания о мире, бытовая логика социальной жизнедеятельности	профессиональная наука
религиозная культура	мистика, бытовая магия, разнообразные проявления языческих атавизмов прошлого	систематизированные религиозные учения, конфессии и деноминации, профессионально построенная эзотерика
художественная культура	бытовое, «саморазвлекательное» искусство, а также разные виды имитационно-игровой деятельности и т. п.	построенное на специальном образовании или самодеятельное искусство, но под руководством профессионалов

Продолжение табл. 2

Социальные практики	Уровни культуры	
	Обыденная	Специализированная
3) культура социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации		
культура межличностных информационных контактов	реально существует только в обыденной форме	
культура массовой информации	слухи, сплетни и т. п.	профессиональные СМИ, реклама, общественные связи
информационно-культурная культура	предания, верования, легенды и т. п.	система музеев, библиотек, архивов, электронных банков информации и пр.
культура межпоколенной трансляции социального опыта, культурной компетенции и знаний	система домашнего воспитания, «дворовые» компании, обыденное социальное общение, а также традиции, обычаи, нравы и пр.	система среднего и высшего образования, специальных учреждений дошкольного воспитания, клубов и кружков по интересам и др. институций социализации и инкультурации личности
4) культура физической и психической репродукции, реабилитации и рекреации человека		
сексуальная культура	с точки зрения решения задач продолжения рода, существует только в обыденных формах	
культура физического развития	физкультура, массовый спортивный туризм, культуризм и т. п.	профессиональный спорт и близкие к нему формы туризма
культура поддержания и восстановления здоровья	самолечение, знахарство и пр.	медицина и система санаторно-лечебного обслуживания

Окончание табл. 2

Социальные практики	Уровни культуры	
	Обыденная	Специализированная
культура отдыха, психической рекреации и реабилитации человека	неорганизованные формы досуга, сон, алкоголизм, наркомания и пр.	система организованного досуга, домов отдыха, «культурного» туризма, клубов и иных средств релаксации
культура восстановления энергобаланса человека	кулинария, система и структура питания и пр.; четкое разделение на специализированную и обыденную составляющие здесь, видимо, возможно, но затруднительно	

Любопытно, но в классификации А.Я.Флиера не нашлось место для популярного деления культуры на массовую и элитарную. Это деление рассматривается А.Я.Флиером в другой статье¹, в которой массовая культура рассматривается как средство, снимающее избыточное психическое напряжение от обрушивающихся на людей информационных потоков, редуцирующее сложные интеллектуальные проблемы к примитивным дуальным оппозициям («хорошее–плохое», «наши–чужие» и т. п.), дающее индивиду возможность «отдохнуть» от социальной ответственности, личностного выбора, растворить его в толпе зрителей «мыльных опер» или механических потребителей рекламируемых товаров, идей, лозунгов и т. п.

На наш взгляд, это несколько упрощенное понимание массовой культуры.

Космоцентрическая, социоцентрическая, эгоцентрическая культуры

В одной из своих прошлых работ мы предлагали типологическую модель, согласно которой любая культура содержит в себе три генеральные программы, передаваемые индивиду от общества: программу

¹ Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции. М.: Высшая школа культурологии Государственного университета культуры. URL: <http://www.culturecircle.ru/index.htm>.

сохранения и развития вида (человечества в целом), программу сохранения и развития своего рода (общины, племени) и программу самосохранения и саморазвития. Все эти три программы сосуществуют в культурных императивах и исторической практике любых человеческих сообществ. В определенных исторических условиях на первый план выдвигается то одна, то другая, то третья программа, каждая из которых воплощается в особый тип культуры.

Космоцентрическая культура провозглашает в качестве основы отношения человека к окружающему миру принцип органичности, целостности и взаимосвязанности всего сущего в этом мире, принцип признания суверенности мельчайших элементов мироздания и уважения к правам этих элементов, принцип естественности роста, приращения всего сущего, неприятия революций, взрывных преобразований.

Социоцентрическая культура определяется идеей, согласно которой центром мироздания является некая человеческая общность, к которой причисляет себя данный индивид. Фундаментальной особенностью социоцентрической культуры является растворение личности в некоем «Мы», какой-либо общности, которая выступает по отношению к этому индивиду как высшая власть и высшая сила. Следует подчеркнуть, что речь идет о добровольном и зачастую самим индивидом не замечаемом усвоении принятых в данной общине шаблонов, схем и образцов мышления и поведения, которые рассматриваются как единственно возможные. Такая культура позволяет человеку осознавать себя и других лишь в качестве членов племени, социальной или религиозной общины, а не в качестве самостоятельных человеческих существ.

Противопоставление «Мы» и «Они» – один из древнейших социально-психологических механизмов консолидации людских общностей. Драматизация положения, в котором оказались «Мы», и объяснение всех бед указанием на виновника – «Они» почти неизбежно трансформирует негативные эмоции в агрессию, направленную вовне. Причем чем больше проблем возникает в той или иной общности, спаянной социоцентрической культурой, тем острее потребность в поиске «врага».

Когда иные писатели и публицисты ищут в своей собственной среде и в обществе в целом «не наших» и винят их в ненависти, в русофобии, в преклонении перед западным образом жизни, то это очень напоминает и средневековую охоту на ведьм или поиск еретиков, и более близкие по времени тенденции поделить всех на «своих» и «чужих» («Кто не с нами, тот против нас»).

Эгоцентрическая культура характеризуется стремлением к самоутверждению личности, к радости потребления и созидания, к власти над другими. Этот тип культуры связан с представлением о том, что каждый человек – кузнец своего счастья, а счастье заключается в обладании. «Ты должен непрерывно идти вперед и испытать свое счастье» – вот первая заповедь носителя эгоцентрической культуры. Все другие люди, занимающиеся тем же делом, что и данный индивид, рассматриваются им как конкуренты¹.

Новые подходы к классификации культур

В рамках этих подходов предполагается, что на сегодняшний день имеется три сосуществующих культуры.

Первая – традиционная (архаическая) культура, культура доиндустриального общества. Традиционные общества характеризуются наличием очень устойчивых консервативных тенденций воспроизводства социальных отношений и соответствующего образа жизни. Конечно, эти общества тоже изменяются, возникают инновации в сфере производства и в сфере регуляции социальных отношений, но прогресс, связанный с накоплением цивилизационных завоеваний, идет – в сравнении со сроками жизни человеческих поколений – очень медленно. Свойственный традиционным обществам консерватизм видов деятельности, медленные темпы их эволюции, господство регламентирующих традиций постоянно ограничивало проявление деятельностно преобразующей активности человека. Поэтому сама эта активность осмысливалась скорее не как направленная вовне, на из-

¹ Подробно эти три культуры описаны в кн.: Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.

менение внешних предметов, а как ориентированная вовнутрь человека на самосозерцание и самоконтроль, которые обеспечивают следование традиции¹.

Яркий пример такой культуры – древнекитайская культура «у-вэй», требующая невмешательства в протекание природного процесса. Для традиционных земледельческих культур подобные принципы играли важную регулирующую роль. Они ориентировали на приспособление к внешним природным условиям, от которых во многом зависят результаты земледельческого труда, требовали угадывать ритмы смены погоды, терпеливо выращивать растения, веками накапливать опыт наблюдения за природной средой и свойствами растений. В китайской культуре хорошо известна притча, высмеивающая человека, который проявлял нетерпение и недовольство тем, что злаки растут медленно, и, желая ускорить их рост, стал тянуть их за верхушку и в конце концов выдернул их из грядки². Вместе с тем принцип «у-вэй» выступал особым способом включения индивида в социальные структуры, которые традиционно воспроизводились на протяжении жизни ряда поколений. Он выражал установку на адаптацию к сложившейся социальной среде, исключал стремления к ее целенаправленному преобразованию, требовал самоконтроля и самодисциплины индивида, включенного в ту или иную корпоративную структуру.

Этот тип социальной организации сохранился и до наших дней: многим государствам третьего мира присущи черты традиционного общества, хотя их столкновение с современной западной (техногенной) цивилизацией рано или поздно приводит к радикальным трансформациям традиционной культуры и образа жизни³.

¹ В культурологических исследованиях уже отмечалось, что существуют два типа культур: ориентированные на предметноактивистский способ жизнедеятельности и ориентированные на автокоммуникацию, интроспекцию и созерцание (см. напр., Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. Культуры техногенных обществ явно тяготеют к первому типу, а культуры традиционных обществ – ко второму).

² Притча описана в китайской философской литературе царства Сун (см.: Нидам Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке. М., 1966. С. 155–160).

³ Ненасилие: философия, этика, политика. М.: Наука, 1993; URL: http://antimilitary.narod.ru/antology/sborniki/1993_nonv_fep/nonviolens_fep_1.htm.

Основные признаки традиционной (архаической) культуры:

- зависимость организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений;
- преимущественная ориентация на метафизические, а не на инструментальные ценности;
- ориентация на прошлое, а не на будущее;
- производственная деятельность ради удовлетворения насущных потребностей, а не ради будущего;
- преобладание традиции над нововведениями;
- коллективистский характер общества и отсутствие личностного начала, человек – часть целого, включенного в солидарные структуры: в семью, в общину, в трудовой коллектив;
- государство устроено по типу семьи, оно является патерналистским и авторитарным;
- преобладающее распространение людей с особым психическим складом: недеятельных личностей.

Традиционная культура – это детство человечества. Главная ее особенность – культ ритуалов и традиций. Главные люди – хранители и толкователи традиций: жрецы, раввины, попы, пасторы, которые искренне верят в то, что именно они являются носителями духовности.

В Европе традиционная культура умерла вместе с Дон Кихотом. Хотя миллионы, точнее, миллиарды людей исповедуют эту культуру до сегодняшнего дня.

Вторая – культура индустриального общества (модерн), которая сложилась в XVI–XVII веках и пережила пик развития и распространения в XIX веке. Иногда такую культуру обозначают расплывчатым понятием «западная (техногенная) цивилизация»¹.

Базовым основанием культуры модерна считается античная культура, которая подарила человечеству два великих изобретения – демократию и теоретическую науку, первым образцом которой была Эвклидова геометрия. Эти два открытия в сфере регуляции социальных свя-

¹ Ненасилие: философия, этика, политика. М.: Наука, 1993; URL: http://antimilitary.narod.ru/antology/sborniki/1993_nonv_fep/nonviolens_fep_1.htm.

зей и способе познания мира стали важными предпосылками для будущего принципиально нового типа прогресса. Важнейшей основой жизнедеятельности западного общества становится, прежде всего, развитие техники, технологии, причем не только путем стихийно протекающих инноваций в сфере самого производства, но и за счет генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы. Так возникает тип развития, основанный на ускоряющемся изменении природной среды, предметного мира, в котором живет человек. Изменение этого мира приводит к очень активным трансформациям социальных связей людей; вслед за технико-техническим развитием постоянно меняются типы общения людей, типы личности, формы жизни, формы коммуникации людей.

Этот тип культуры характеризуется возникновением принципиально новой системы ценностей, которая ориентируется на инновацию, оригинальность, динамизм во всех сферах общественной жизнедеятельности. Далее на одном из самых высоких мест в иерархии ценностей оказывается автономия личности: человек может менять свои корпоративные связи, он жестко к ним не привязан, может и способен очень гибко строить свои отношения с людьми, погружаться в разные социальные общности, а часто и в разные культурные традиции.

Преобразующая деятельность рассматривается здесь как главное предназначение человека. Деятельностно активный идеал отношения человека к природе распространяется затем и на сферу социальных отношений, которые также начинают рассматриваться в качестве особых объектов, подлежащих активной целенаправленной переработке. С этим связан культ борьбы, революций как локомотивов истории. Стоит отметить, что марксистская концепция классовой борьбы, социальных революций и диктатуры как способа решения социальных проблем возникла в контексте ценностей техногенной культуры.

С пониманием деятельности и предназначения человека тесно связан второй важный аспект ценностных и мировоззренческих ориентаций, который характерен для культуры модерна, – понимание природы как упорядоченного, закономерно устроенного поля, в котором разумное существо, познавшее законы природы, способно осуществить свою власть над внешними процессами и объектами, поставить их под свой

контроль. При этом неявно предполагалось, что природа – неиссякаемая кладовая ресурсов, из которой человек может черпать бесконечно. Надо только изобрести какую-то хитрость, чтобы искусственно изменить природный процесс и поставить его на службу человеку, и тогда укрощенная природа будет удовлетворять человеческие потребности во все расширяющихся масштабах. Все коммунистические утопии, которые говорили о том, что коммунистическое общество связано с безудержно растущим потреблением, с полным, исчерпывающим удовлетворением все возрастающих потребностей, основаны на той парадигме, согласно которой, из природы можно бесконечно черпать материалы, ресурсы, поставив их на службу человеку.

Третьим важнейшим аспектом ценностных ориентаций культуры модерна являются ценности власти, силы и господства. Власть и господство здесь основываются не на отношениях личной зависимости, а предполагают владение и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей; информации как товарных ценностей, имеющих денежный эквивалент).

Четвертой важной составляющей ценностей этой культуры является особая ценность научной рациональности, научно-технического взгляда на мир, ибо научно-техническое отношение к миру является базисным для его преобразования. Оно создает уверенность в том, что человек способен, контролируя внешние обстоятельства, рационально-научно устроить свою жизнь, подчиняя себе природу, а затем и самую социальную жизнь.

Основные признаки культуры индустриального общества (модерна):

- новое отношение к религии, обернувшееся в итоге отрицанием религии как конечного основания ценностей и целей человеческой жизни;
- отрицание наследственной социальной иерархии и перекодировка системы социальных отношений на базе идеи потенциального равенства всех людей;
- стремление воплотить в жизнь некую идеальную модель общества;

- с другой стороны, превращение всего на свете, в том числе и человека, и его способностей в товар.

Культура модерна – это отрочество человечества. Главная ее особенность – культ государства. Главные люди – создатели государств: покорители и захватчики.

В общечеловеческом плане модерн завершил свое существование в период Второй мировой войны. Однако немало людей разделяют и еще долго будут разделять эти ценности.

Третья – культура постиндустриального общества (постмодерн), культура современного мира. Очевидна связь между глобализацией, информатизацией, цифровизацией и постмодернизмом.

Основные признаки культуры постиндустриального общества (постмодерна) выглядят следующим образом:

- идея тотального равенства (отказ от бинарных оппозиций, характерных для традиционного общества);
- отказ от идеи развития (ревизия доктрин построения «светлого будущего» и достижения новой социальной и национальной справедливости);
- разочарование в человеческом разуме;
- «комплекс туриста»;
- этический плюрализм.

Постмодерн – это юность человечества. Главная особенность – культ личности, культ себя любимого. Любой юноша (и тем более девушка) знает, что главное в этом мире – он или она, и все остальные существуют для них. Главные люди – «звезды», те, кто в жизни чего-то «высокого» достиг.

Эта культура возникла сравнительно недавно, хотя ее элементы прослеживаются в глубокой древности, и ее сторонники наивно считают постмодерн культурой будущего.

Каковы версии завершения этого периода? Юность по идее должна перерасти в зрелость. Но бывает, что этот переход заканчивается суицидом.

Однако в настоящее время «юность» прошла или проходит. И человечество попало в поле влияния трех основных процессов современности: глобализация, информатизация, цифровизация с огромным комплексом порождаемых этими процессами проблем.

Подводя итог, можно выделить следующие тенденции современного культурного процесса.

1. Культура перестала быть чем-то стабильным, неизменным, надежным. Она меняется на глазах одного поколения, что вызывает беспокойство у старших поколений, и формирует весьма скептическое отношение к любому культурному высказыванию у молодежи.

В течение многих столетий культура была достаточно устойчивой системой. Человек рождался в рамках определенной культуры и умирал в ней же. Необходимость осваивать какие-то новые ценности и матрицы возникала очень редко, в периоды революционной ломки социально-экономических систем. Разумеется, культура никогда не оставалась неподвижной: она все время пополнялась новыми материальными и духовными продуктами. Однако эти изменения были медленными и люди могли к ним приспособиться и как-то их оправдать. Сейчас новые ценности, новые правила, новые нормы возникают непрерывно и, возникнув, немедленно отрицают ценности, правила и нормы, еще вчера казавшиеся незыблемыми. Более того, если в прошлые времена любая новация должна была пройти проверку на совместимость с прошлым опытом, получить санкцию авторитетных носителей культуры, то сейчас новация принимается сразу и с помощью массмедиа немедленно внедряется в массовый оборот. Очень интересно в связи с этой особенностью современной культуры наблюдать за динамикой культуры здоровья и питания. Еще вчера кофе признавался вредным напитком, а уже сегодня авторитетные врачи со всех экранов сообщают о замечательных лечебных свойствах кофе.

Модное у некоторых «хранителей культуры» понятие «кризис» культуры фиксирует лишь резкое увеличение скорости разрушения старых ценностей, сжатие временных рамок этого процесса, что не позволяет новым символам и знакам адаптироваться к традиционной знаковой системе ценностей. Чрезмерно высокая скорость продвижения

культурных новообразований не дает возможности адаптироваться к ним. Тогда начинается либо сопротивление этим нововведениям, либо их бездумное потребление.

2. Вторая очевидная тенденция – культура становится мозаичной.

Много лет назад французский исследователь А. Моль показал, что под влиянием средств массовой коммуникации и превращения их в основной источник информации для миллионов формируется особый социальный тип личности с «расщепленным» сознанием, с искаженным мировосприятием, деформированной шкалой ценностей. Отличительной характеристикой этого типа личности является то, что он познает окружающий мир по законам случая, через множество проб и ошибок. «Совокупность его знаний определяется статистически; он черпает их из жизни, из газет, из сведений, добытых по мере надобности. Лишь накопив определенный объем информации, он начинает обнаруживать скрытые в ней структуры. Он идет от случайного к случайному, но порой это случайное оказывается существенным»¹. Этот человек обладает культурой особого типа, которая возникает под воздействием хаотического потока сообщений, который обрушивается на индивида из всех источников информации. «Экран знаний» в «мозаичной» культуре больше похож на волокнистое образование или на войлок: «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по звучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает „экрану знаний“ определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у „тканеобразного“ экрана гуманитарного образования»².

Однако дело не только в том, что человек получает обрывки знаний и формирует мозаичную картину действительности. Ситуация усугубляется тем, что если раньше человек имел дело с более или менее строго иерархизированной системой ценностей, довольно жестко тре-

¹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 2008. С. 45.

² Там же. С. 44.

бывавшей от него следования определенным канонам, то теперь он входит в мир культуры как в супермаркет, где перед ним на полках лежат разные культуры, упакованные в очень яркие обертки, и он волен выбрать себе ту культуру, которая ему по вкусу. Более того, индивид может выбрать себе в этом супермаркете несколько разных культур, перемешать их и соорудить индивидуальный микст, который и станет визитной карточкой его персональности. Былое относительно строгое деление культур на официальную и неформальную, доминантную и комплементарную, элитарную и массовую теряет свой смысл.

Нам представляется, что использованное А. Модем понятие «мозаичная культура» уже не позволяет охватить все особенности происходящих в современной культуре процессов. Возможно, более эффективным окажется понятие «синкретическая культура». Понятием «синкретизм» используется для обозначения какой-то человеческой практики, в которой воедино слиты некие формы деятельности. В качестве примера обычно приводят ритуалы древнего мира, в которых музыка, пение, поэзия, танец не были отделены друг от друга. Другое понимание синкретизма предполагает слияние разнородных элементов, например, различных культов и религиозных систем. По каким-то не очень понятным причинам такого рода синкретизм рассматривается в культурологии как характеристика первобытной культуры. Хотя очевидно, что как раз наша современность демонстрирует доминирование именно такой культуры.

Другие авторы рассматривают синкретизм как характеристику исключительно Восточной Азии. Например, показано, что в Китае и Корее мирно сосуществуют буддизм, конфуцианство, даосизм. В Японии сосуществуют буддизм, конфуцианство, синтоизм. Причем речь идет не просто о сосуществовании вероучений, но и о том, что в своей практической жизни простой народ пользуется максимумами все вероучений.

По нашему мнению, понятие «синкретизм» может быть вполне аргументировано использовано для обозначения очень мощного направления современных культурных практик.

Яркий литературный образ существования в такой культуре представлен в книге Хьюго Клауса «Удивление»¹, где описывается ситуа-

¹ Клаус Хьюго. Удивление. Сборник.М.: Радуга, 1991.

ция, когда один из героев приходит на бал-маскарад в Курзал, представляющий собой систему залов, расположенных вокруг главного, центрального зала с большим оркестром. В каждом маленьком зале тоже есть свой оркестр, все они играют одновременно и все – разные мелодии, относящиеся к разным музыкальным эпохам и стилям. Ритмы разных музыкальных времен сливаются в какофонию в главном зале, и весь этот хаос звуков лавиной обрушивается на героя, перестающего сознавать реальность происходящего. Таким, вероятно, представляется Клаусу и современное сознание западного человека, развивающееся «вширь» в связи с всевозрастающим потоком информации и «плюрализацией» искусства. Клаус видит трагедию современного индивидуалистического сознания в том, что в нем отсутствует стабилизирующий гуманитарный центр. В прежние культурные эпохи это центральное место занимал бог, XX век провозгласил место бога вакантным. С этим и связано мифомышление нашего времени: обычный западный человек оторван от фундаментальной культуры, он часто получает отрывочные знания о ней из популярных и модных течений и школ – психоаналитической, неоязыческой, экзистенциалистской – и уже не в виде знаний как таковых, а в виде разного рода интерпретаций. Каждая из этих интерпретаций культурного наследия, в частности античности, претендует на универсальный охват действительности. Действительность подгоняется под миф. Действительность заменяется мифом. Клаусовские герои по-своему, безусловно, трагические, не сумевшие вписаться в окружающую их социальную действительность, вынуждены играть в мифы. Мифы и действительность сливаются в их сознании.

На практике синкретизм современной культуры хорошо виден при анализе так называемой массовой молодежной культуры. В ней можно увидеть вполне гармоничное (при неизбежном эклектизме) сочетание западной и восточной, африканской и индийской, русской и еврейской песенных, танцевальных и иных культур. Именно так можно охарактеризовать рок в музыке, такие направления молодежной культуры, как техно-андеграунд и психоделиктранс культуру. Со стороны ревнителей традиции на нее сегодня обрушивается вал обвинений в том, что эта культура иностранная, заимствованная, антинациональная, и в том,

что она разлагает, развращает и доводит до животного состояния человеческую личность, и в том, что она неразрывно связана с наркотиками, и т. д. и т. п.

Возражая этим критикам, С. Корнев пишет, что эту культуру нельзя назвать западной. Это принципиально синкретическая культура, продукт разложения и перерождения европейской культуры и смешения ее с культурными практиками стран Востока и Юга. От Запада в ней – только электронная техника, используемая для создания и воспроизведения звука и иллюминации танцпола. В самой же музыке и философии, которая выстраивается вокруг этой музыки, ничего западного нет. Как раз наоборот: эта музыка по-настоящему «срывает башню», взламывает и сметает западную рациональность, особенно если речь идет о психоделических разновидностях электронной музыки. А некоторые направления этой культуры (скажем, гоатранс-культура) прямо ориентированы на экзотические восточные культы и слегка преобразенную электронными ритмами этническую музыку. Словом, здесь мы видим прямую экспансию Востока на Запад¹.

Таким образом, можно констатировать, что современный синкретизм предполагает весьма своеобразную слитность культурных процессов. В то же время он выстраивает свои составляющие в определенную иерархичность. Синкретизм воспринимается как начало нового витка в развитии культуры, как возвращение к историко-культурному архетипу, отражающему природно-культурную общность мира на новой постиндустриальной основе. Важная особенность синкретизма состоит в его существенной роли в проектировании социокультурных процессов².

3. Культура потеряла присущее ей в прошлые времена свойство обязательности.

Культура перестала – точнее, перестает – считаться индикатором цивилизованности. Это проявляется как в мелочах (отказ мужчин но-

¹Корнев С. Трансгрессивная революция. – URL: http://kitezh.onego.ru/trans_4.htm.

²Листвина Е.В. Доминанты и тенденции развития современной социокультурной ситуации: Социально-философский анализ. URL: <https://www.dissercat.com/content/dominanty-i-tendentsii-razvitiya-sovremennoi-sotsiokulturnoi-situatsii-sotsialno-filosofskii>.

суть галстук и вообще нежелание и мужчин, и женщин считаться с требованиями дресс-кода), так и в более серьезных вещах, вроде демонстративного нарушения моральных предписаний. Более того, нарушение казавшихся общепринятыми норм культуры становится специфическим способом доказать свою личность, выразить свое творческое начало. Если в прошлые времена сторонники любой субкультуры понимали, что, помимо разделяемой ими субкультуры, есть еще и культура стержневого мейнстрима, то теперь представители любой субкультуры с помпой извещают о конце всех иных культур и объявляют свою субкультуру единственной верной.

4. Постепенно кристаллизуется некая глобальная культура, знание которой в той или иной степени становится обязательным для любого современного человека.

Специфическими носителями так понимаемой глобальной культуры являются джинсы, фастфуд, телевизор по вечерам, социальные сети, мобильный телефон, современная архитектура, персональный автомобиль, права человека и некоторые другие знаки. Эта культура повсюду встречает сопротивление, но тем не менее неостановимо завоевывает мир.

5. Параллельно с формированием глобальной культуры нарастает противодействие ее продвижению.

С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» отмечает, что нации, успешно скопировавшие основы технологической цивилизации, довольно быстро возвращаются к основам собственной традиции и практикуют жесткую критику западных ценностей. Цивилизационный прогресс и грамотность населения нигде еще не привели к «озападниванию», но, напротив, вызывали то, что С. Хантингтон называет «отуземливанием». Мы переживаем конец «прогрессивной эры», – заключает автор, – которая была охвачена западными идеологиями, и вступаем в новую эру, в которой множество различных

культур друг с другом сосуществуют, взаимодействуют и конкурируют¹. Для характеристики процесса реструктурирования культурных и геополитических влияний С. Хантингтон выбирает метафору «столкновение цивилизаций».

6. В культурном пространстве современного мира нарастает интерес к диалогу культур.

По мнению Ю. Хабермаса², в настоящее время существуют три конкурирующие концепции по поводу ответа на вопрос, можно ли постичь глобальное общество в категориях социальной эволюции, считаваемых с западной модели, или же нам следует пересмотреть стандартную модель высококомобильных, в возрастающей степени индивидуализирующихся, бюрократически организованных и научно рационализированных рыночных обществ.

Первая концепция предложена Н. Луманом, который полагал, что с распространением цифровой связи и складыванием модели ускоренного и глобально неограниченного обмена людьми, товарами и капиталом начинают без усилий проникать сквозь границы между государствами и культурами также и другие подсистемы, такие как наука и техника, музыка и массовая культура, спорт и организованная преступность, право, медицина, организация образования и так далее. После самой последней фазы экономической глобализации не остается каких-либо возможностей уклониться от цепкой хватки капитализма. Наоборот, та же инфраструктура разворачивается во всех регионах планеты — те же схемы урбанизации и транспортных сетей, сходным образом организованные системы администрирования, охраны здоровья, образования, одинаковые средства массовой информации и т. п.

Вторая концепция так или иначе восходит к различению культуры и цивилизации (А. Тойнби, О. Шпенглер) и применяет к обществам, организованным в качестве государств, аналогию с цивилизациями,

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. URL: <http://e-libra.su/read/139924-stolknovenie-civilizacij.html>.

² Хабермас Ю. Религия, право и политика. Справедливость в мультикультурном мир-обществе. URL: http://www.studmed.ru/view/habermas-yu-religiya-pravo-i-politika-politicheskaya-spravedlivost-v-multikulturnom-mir-obschestve_10fe9e7fbe1.html.

преобразуя их в коллективных акторов. В данной интерпретации предполагается, что они отгораживаются друг от друга в качестве целостностей и «сталкиваются» друг с другом.

Третья концепция опирается на идею создания многокультурного мир-общества, которое отъединяет себя от всех традиционных цивилизаций (включая и цивилизацию Запада) посредством своей глобальной динамики модернизации. Это предполагает понимание культуры как некой общей арены, на которой разные цивилизации встречаются одна другую по мере и пытаются договориться о том, как можно модифицировать мировую инфраструктуру.

Далеко идущие усилия в направлении конституционализации международного права могут рассчитывать на успех, только если мировое общество способно интегрироваться в культурном смысле – то есть через признанные в различных культурах принципа политической справедливости – поверх уровня функциональной интеграции.

Абстрактный ответ ясен: все участники такого разговора, без привязки к их соответствующей культурной подоплеке, должны быть готовы рассматривать дискуссионные проблемы одновременно в своей собственной перспективе и в перспективе каждой из остальных сторон; кроме того, даже в случае вопросов о справедливости они должны быть готовы использовать только те аргументы, которые могли бы убедить любого в принципе, безотносительно к основным подспудным метафизическим или религиозным позициям. Результатом этих когнитивных предпосылок является выделение идеологически нейтрализованного и в этом смысле светского уровня понимания.

В ходе Первого саммита глав государств и правительств стран-участниц Совета Европы (1993 г.) было подтверждено, что культурное многообразие является отличительной чертой богатого культурного наследия Европы и что толерантность гарантирует построение открытого общества. Результатом этого саммита стал ряд инициатив, включая Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств (1995 г.), создание Европейской комиссии против расизма и нетерпимости и развертывание Общеευропейской молодежной кампании против расизма, антисемитизма, ксенофобии и нетерпимости под девизом «Все различны – все равны».

Эти же идеи зафиксированы в Опатийской декларации, принятой на Конференции министров культуры стран-участниц Совета Европы 2003 года.

На Третьей встрече глав государств и правительств Совета Европы (Варшава, май 2005 г.) было принято решение поддерживать межкультурный диалог, этот раздел был включен в принятый на саммите План действий.

В «Декларации Фару», принятой на конференции европейских министров культуры (г. Фару, Португалия, октябрь 2005 г.), была сформулирована стратегия Совета Европы по развитию межкультурного диалога.

Парламентская ассамблея Совета Европы начиная с 1980-х годов внесла свой вклад, приняв целый ряд рекомендаций, резолюций, проводя слушания и дебаты по разным аспектам межкультурного и межрелигиозного диалога.

Важным механизмом мониторинга выступает Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРИ), которая отслеживает проявления расизма и все связанные с этим факты нетерпимости и дискриминации в государствах-членах, разрабатывает Общие политические рекомендации и активно работает с представителями гражданского общества по распространению знаний в данной области. ЕКРИ активно взаимодействует с секретариатом Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) и Агентством по основным правам Европейского союза.

Это с одной стороны...

А с другой стороны, нарастает критика мультикультурализма и культурного плюрализма. Известные выступления канцлера ФРГ А. Меркель, бывшего премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, бывшего президента Франции Н. Саркози, президента РФ В.В. Путина стимулировали массовый отказ властей многих стран от идей и практики мультикультурализма. И все чаще на улицах европейских городов можно услышать лозунги: «Европа только для белых», «Германия для немцев», «Англия для англичан», «Франция для французов», «Россия для русских» и т. д. И по-видимому, это только начало процесса.

ГЛАВА 2. МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

2.1. Коммуникация: основные модели и новые подходы

Одну из самых интересных гипотез возникновения и развития человеческой коммуникации выдвинул российский ученый Б. Поршневу¹. По его мнению, человеческая речь первоначально возникла как средство «повеления» и «возражения». Этот повелительный характер человеческой речи есть следствие именно того, что «пра-речь» первоначально состояла лишь из приказов, требований и повелений. Это обстоятельство отчетливо прослеживается и в современных языках: *hорchen* и *gehорchen* – в немецком языке, *obedio* (*ob-audio*) – в латинском, *שָׁמַעַתְּ*, (*лишмоа*) – в иврите, *akoro* – в греческом обозначают «слушать», но в то же время имеют и смежное значение «повиноваться», «слушаться», что и было вначале – в пра-языке – единственным и основным значением. И необходимо признать эту понятийную двусмысленность необычайно глубокой, раз она смогла сохраниться в языках, невзирая на всю калейдоскопичность процессов лингвистической дифференциации².

И видимо, неслучайно внимание первых исследователей человеческой коммуникации привлекает такая функция, как убеждение и управление «значениями». Риторика Платона и Аристотеля, риторические системы Квинтилиана и Цицерона положили начало исследованиям возможностей общения и восприятия, гносеологических аспектов коммуникации, исследованиям текста как коммуникативной единицы и языка как основного средства общения.

Анализ катерорий

В русском языке нет понятий, полностью эквивалентных категориям «медиум» и «коммуникации». Есть словесные оболочки, звучащие как «медиа» и «коммуникация», но смыслы, возникающие при их

¹ См. изложение концепции Б. Поршнева в кн.: Диденко Б.А. Цивилизация каннибаллов. М., 1996; URL: http://www.erlib.com/Борис_Диденко/Цивилизация_каннибаллов/0/.

² Там же.

использовании, вероятнее всего, неадекватны тем глубинным смыслам, которые привязаны к этим понятиям в латинской культуре. А слова «посредник» и «связь» представляют собой слабые смысловые тени, с помощью которых пытаются передать содержание категорий «медиум» и «коммуникация». Именно поэтому Петру I пришлось заимствовать слово «коммуникация». Несколько позже – вместе с модой на спиритизм – в русский лексикон пришло и слово «медиум»¹.

Отсутствие в национальном языке необходимого понятийного аппарата приводит к тому, что в язык лавиной идут такие новообразования, как медиареальность, медиасфера, медиакультура, медиаиндустрия, медийное лицо, медиацентр, медиасубъект, медиа *sapiens*, медиазависимость, медиасерфингист, медиафоб и т. д. И далеко не каждый автор, использующий эти слова, может внятно объяснить, что он имеет в виду.

Кроме того, надо иметь в виду, что сама реальность, обозначаемая теми или иными понятиями, все время меняется. За словом закрепляется определенное содержание, а то, что это слово обозначает, давно изменилось. Очень хорошо этот процесс показан в работе В.В. Савчука: «Если первоначально за современными медиа закрепляется инструментальный статус, – роль незаинтересованного посредника (будь то письмо, телефон, радио, компьютер), задача которого сообщать, не привнося ничего от себя, ни собственной стратегии, ни своих интересов, ни воли изменить положение дел, то в дальнейшем ситуация решительно меняется: медиа не только становятся самостоятельными, но и *единственным*, или, усилив тезис, онтологическим условием существования человека. Они уже не являются техническими посредниками, транслирующими нечто, что в них самих отсутствует, что только через них передается, проходит, но сами предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания. Подобная ситуация повторяет себя в становлении и распространении феномена виртуальной реальности; возникнув как реальность возможная (например, ухода из мира принуждения в мир игры и свободы, из мира

¹ Владимир Даль дает такое определение: «Медиум – от лат. посредник, сообщитель; ныне названье людей, будто бы способных к духовным сообщениям» (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1980).

одних критериев успеха, благополучия в другой, где критерием является, например, уровень профессионализма пользователя), она, поменяв знаки, стала *самой* реальностью, отодвинув первую, исходную, основную, подлинную, аутентичную реальность (в самой трудности определения – знак ее *нереальности*) в область вещи в себе. *Вероятный и возможный статус* ее утверждает себя в отказе от непосредственности, поскольку, помимо медиасредств, не репрезентирует себя. И в свою очередь, не схватывается аналитическими процедурами классической рациональности, исходящей из четкости деления на субъект и объект, внешний и внутренний мир»¹.

Таким образом, осмысливая данную проблематику – впрочем, как и многие другие – и применяя для анализа понятийную систему, опирающуюся на иной культурный опыт, надо постоянно проверять если не совместимость, то хотя бы соотносимость глубинных смыслов, связанных с используемыми категориями.

В европейской культуре понятие «*communication*» (отлат. «*communicatio*» – сообщение, передача и от «*communicare*» – делаться, беседовать, связывать, сообщать) существует с XV века. В XVII веке возникает новое применение этого понятия, обозначающее физические способы сообщения – линии коммуникации (дороги, каналы, позже – железные дороги)².

Термин «коммуникация», обозначающий процесс межличностного и межгруппового общения, появился в научной литературе в начале XX века. Считается, что впервые понятие «коммуникация» в современном значении употребил один из виднейших представителей

¹ Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia/01.pdf>.

² В русский язык понятие «коммуникация» вошло во времена Петра I. Известно, что в первом словаре иностранных слов «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», правленном лично Петром I, среди более 500 иностранных «вокабул» учтена и «коммуникация» в значении «переговор, сообщение». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1881 г.) слово «коммуникация» писалось с одним «м» и толковалось как «пути, дороги, средства связи мест». Именно в этом смысле Н.В. Гоголь писал: «Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга». До революции иных значений за термином «коммуникация» не числилось (с начала XX века его стали писать с двумя буквами «м»). Современный «Большой энциклопедический словарь» (М., 1997) указывает два значения: 1) путь сообщения, связь одного места с другим; 2) общение, передача информации от человека к человеку, осуществляющаяся главным образом при помощи языка. Коммуникацией называются также сигнальные способы связи у животных.

Чикагской школы Чарльз Кули – в 1909 в статье «*The Significance of Communication*» он назвал коммуникацию средством актуализации «органически целого мира человеческой мысли». В качестве средств организации общения в начале XX века он называет газеты, почту, телеграф, железные дороги и образование.

Одно из первых определений коммуникации сформулировал британский публицист Ричардс в 1928 году: «Коммуникация – процесс, который происходит тогда, когда один ум действует в своем окружении таким образом, что другой ум подвергается воздействию, и в нем воспроизводится опыт, подобный тому, что и в первом, который частично на него влияет»¹. С тех пор были предложены сотни определений этого понятия, и ни одно из них не стало общеупотребительным. На сегодняшний день сложилось несколько основных подходов к пониманию коммуникации. Все они достаточно подробно описаны в зарубежной и отечественной литературе².

¹ Пономарев С.В. Вербальные коммуникации в системе публичных рилейшнз: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001; URL: <http://ponomariov2002.narod.ru/dissertation.html>.

² Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002; Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001; Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: толковый словарь терминов и концепций. М.: Изд-во МГУ, 1999; Конечкая В.П. Социология коммуникации. М., 1997; Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005; Луман Н. Теория общества // Теория общества. Сборник. М., 1999; Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культурой. Киев, 2003; Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005; Маклюэн М. Понимание медиа, Жуковский: Канон-пресс Ц, 2003; Мальковская И.А. Знак коммуникации. М.: УРСС, 2004; Маркузе Г. Одномерный человек. Киев. 1994; Моля А. Социодинамика культуры. М., 1973; Основы теории коммуникации. М., 2003; Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. М., 1998; Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002; Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации: Учебник для вузов. СПб: Питер, 2003; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2006; Черных А.И. Мир современных медиа. М., 2007; Черных А.И. Социология массовых коммуникаций. М., 2008; Яковлев И.П. Основы теории коммуникаций. М., 2001; BalleFrancisMediasetsocietes, 10eed., Montchrestien, 2001. Castells M. The Rise of the Network Society. L.: Blakwell Publishers, 1996. De Fleur M.L., Ball-Rokeach S.J. Theories of Mass Communication. New York.1989. Eizenstein E. The printing revolution in Early Modern Europe, Cambridge: Cambridge University Press, 1983. Flichy P. Une histoire de la communication moderne, Paris : La Découverte, 1991. Garnham N. Capitalism and Communication (Media, Culture & Society), London: Sage Publications, 1990. I in the Sky: Visions of the Information Future / Ed. A. Scammell. Aslib, 1999. Information Insights: Case Studies in Information Management / Ed. S. Simmons. Aslib, 1999. McQuail D. Mass Communication Theory: An Introduction. London: Sage.1983. McQuail D. McQuail's Mass Communication

Анализ множества теорий коммуникаций позволяет сформулировать положение о том, что понятием «коммуникация» обозначаются три разных, хотя и тесно связанных между собой сущности:

- 1) форма человеческой активности;
- 2) вид профессиональной деятельности;
- 3) совокупность общественных институтов¹.

Новые модели коммуникации

В последние годы возникают все более сложные модели коммуникации:

- 1) позитивистская, системная, интерпретативная и критическая парадигмы²;
- 2) механистическая, символически-интеракционистская, системная и семиотическая перспективы³;
- 3) механистическая, психологическая, интеракциональная и прагматическая перспективы⁴;
- 4) интерпретативная, нормативная, критическая и диалогическая тенденции⁵;
- 5) постпозитивистская, герменевтическая, нормативная и критическая категории коммуникативной теории⁶ и т. д.

Theory, London: Sage Publications, 2000. McQuail D. Media Performance: Mass Communication and the Public Interest. London: Sage. 1992. Mosco V. The Political Economy of Communication (Media Culture & Society series), London: Sage Publications, 1996. Rifkin J. The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism, Where all of Life is a Paid-For Experience, N-Y: Tarcher, 2001. Shaping the future media system, edited by Zassoursky Y., Moscow: Unesco, 2004. The Internet: its Impact and Evaluation / Ed. D. Nicholas, I. Rowlands. Aslib, 2000. Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. Oxford: Polity Press. 1990.

¹ Подробнее см.: Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.

² Baxter L., Babbie E. Communication research. Elmont (CA), etc., 2004.

³ Liska J., Cronkhite G. An ecological perspective on human communication theory. Fort Worth, etc., 1995. P. 93–94.

⁴ Fisher B.A. Perspectives on human communication. N.Y., 1978.

⁵ Deetz S. Conceptual foundations // Jablin F.M., Putnam L.L. (Eds.). The new handbook of organizational communication: Advances in theory, research, and methods. Thousand Oaks (CA), 2001. P. 3–46.; Cooren F. et al. Communication as organizing. Empirical and theoretical explorations in the dynamic of text and conversation. Mahwah (NJ), 2006.

⁶ Baran S., Davis D. Mass communication theory: Foundations, ferment, and future. Boston (MA), 2009. P. 11.

Одной из последних развернутых попыток осмысления коммуникации является работа Дж. Андерсона и Дж. Бэйма¹, в которой область коммуникации рассматривается на основании координат онтологии, эпистемологии, праксиологии и аксиологии. Взаимосвязь онтологии и эпистемологии образует одну (горизонтальную) ось философского осмысления коммуникации, другую (вертикальную) ее ось образует взаимосвязь праксиологии и аксиологии. При этом каждая ось образуется двумя полюсами: горизонтальная проходит от основополагающих до рефлексивных теорий, вертикальная – от эмпирических до аналитических теорий.

В онтологическом плане основополагающие теории рассматривают реальность как объективно существующую, а рефлексивные теории – как возникающую в процессе дискурса. В эпистемологическом плане основополагающие теории рассматривают знания как прямое соответствие между умственными представлениями и независимо существующими объектами окружающей действительности, а рефлексивные теории видят в них социальные конструкции. В праксиологическом плане эмпирические теории считают, что знания приобретаются опытным путем, аналитические теории рассматривают их как результат умственного конструирования. В аксиологическом плане эмпирические теории рассматривают знания о коммуникации как свободные от всяких ценностей, аналитические теории утверждают, что они надежны субъективными ценностями.

Тем самым вся область коммуникации предстает в виде четырехчастной матрицы: левый верхний ее сектор включает теории, которые носят основополагающий и эмпирический характер; правый верхний сектор включает теории, которые носят рефлексивный и эмпирический характер; правый нижний сектор включает теории, которые носят рефлексивный и аналитический характер; и наконец, левый нижний сектор включает теории, которые носят основополагающий и аналитический характер².

¹ Anderson J., Baym G. Philosophies and philosophic issues in communication, 1995–2004 // Journal of Communication. 2004. Vol. 54. Issuel. P. 589–615.

² Подробно см.: Ключанов И.Э. Коммуникационный универсум. М.: РОССПЭН, 2010.

Опираясь на работы перечисленных выше авторов, И.Э. Клюканов предложил свою концепцию коммуникации, в рамках которой коммуникация предстает как процесс, в котором то, что испытывается ее участниками, становится (обще)значимым. Процесскоммуникации представляет собой ряд трансформаций, или превращений, при этом результат каждого (пре)вращения (каждой трансформации значения) может быть представлен в виде точки, в которой опыт кажется осуществленным и признается общезначимым. Кажется, что в этой точке движение останавливается, но это лишь кажется, так как коммуникация – это постоянный процесс значимых трансформаций.

Клюканов считает не всегда оправданным использовать в качестве синонима понятия «коммуникация» слово «связь». «В слове «связываемость» слышатся оттенки механических действий, например, плетения сетей (включая электронные сети). Может быть, поэтому у данного слова в различных контекстах бывают отрицательные коннотации (ср.: «быть связанным по рукам и ногам» или «опасные связи», но не «опасные соединения»). Главное же различие, пожалуй, состоит в том, что в слове «связываемость» не так отчетливо проступает значение (со)единения чего-то и чего-то в одно единое (живое) целое. Иными словами, говорить о коммуникации как о связываемости правомерно до определенной степени; следует иметь в виду ее живую природу, которая проявляется в сообщаемости чего-то с чем-то, их (со)единяемости в одно постоянно меняющееся и в то же время остающееся самим собой существо коммуникации. По мнению Клюканова, имеет смысл говорить не столько о связи/связываемости, сколько о соединяемости/сообщаемости. Суть коммуникации – это связываемость, соединяемость, со-общаемость. Коммуникация – это постоянная попытка установить единение между собой и другим, между собой и миропорядком, между собой и собой, между собой и всем/и¹.

Так понимаемая коммуникация может осуществляться – и осуществляется – в пяти разных формах, которые И.Э. Клюканов называет стадиями коммуникативного процесса. Критерием выделения типов (стадий) коммуникации, по Клюканову, являются особенности отношения субъекта коммуникации (в нашей терминологии инициатора

¹ Подробно см.: Клюканов И.Э. Коммуникационный универсум. М.: РОССПЭН, 2010. С. 214–215.

коммуникации) к себе и к адресату коммуникации. С точки зрения этого критерия Клюканов выделяет следующие уровни (стадии) коммуникации.

На первой стадии коммуникация предстает как линейный процесс передачи (трансмиссии) сообщения. Коммуникация как линейный однонаправленный процесс выступает в инструментальной функции. Данный процесс представляет собой не столько непрерывную линию, сколько серию дискретных точек, которые расположены в пространстве. Именно через эти дискретные компоненты достигается цель коммуникации, т. е. осуществляется обращение отправителя сообщения к его получателю, его вызов. Связь между ними устанавливается с помощью различных сигнальных средств. Акцент здесь делается на отправителе сообщения; например, с точки зрения классической риторики и классической теории информации, задача коммуникации заключается в том, чтобы вызвать у аудитории (получателя) ту или иную реакцию. Данная задача решается устранением нежелательной неясности. На первой стадии объекты коммуникации лишь узнаются отправителем как (якобы) неизменная данность. Иными словами, получатель не учитывается, т. е. не учитывается тот факт, что получатель способен выбрать не всегда то (а иногда – совсем не то), что было задумано отправителем.

На второй стадии коммуникация носит характер символического действия. Между отправителем и получателем устанавливается прямой контакт, поскольку отправитель начинает всматриваться в получателя, в его «лицо». В результате коммуникации как символического взаимодействия отправитель по-настоящему обращает внимание на объект, таким образом, на данной стадии основное внимание направлено на Другого. Попытка понять объект в лице Другого требует его интерпретации. Соответственно, вместо стремления к вневременному контролю над объектом мы вступаем с ним в диалог и даем ему возможность раскрыться. В то же время субъект (отправитель) – через Другого – начинает понимать себя, свою роль в процессе коммуникации. Вернее, мы понимаем не столько Другого и себя, сколько себя по отношению к Другому; понимание – это всегда понимание себя по отношению к какому-то (другому) объекту, причем в качестве объектов

могут выступать люди (как тексты) и тексты (как люди), т. е. все то, что требует интерпретации и способствует формированию субъекта.

На третьей стадии коммуникация предстает как конструируемость общезначимого опыта. В фокусе внимания оказываются не столько сами эмпирические факты, сколько утверждения об этих фактах; иными словами, важным оказывается теоретическое знание, нацеленное не на использование в практических целях, а на уразумение всеобщего миропорядка, первоначал и причин бытия. Соответственно, на данной стадии коммуникативная природа выступает как особый дискурсивно созданный миропорядок. Подобный миропорядок – это иерархическое образование, созданное в результате координированных действий по определенным правилам и на основе определенных ресурсов. Такие коммуникативные системы должны признаваться значимыми всеми, кто участвует в их конструировании. Таким образом, коммуникация здесь рассматривается как процесс сведения значения к чему-то общему, к определенному порядку, intersubjectively создаваемому и признаваемому в качестве общезначимой действительности.

На четвертой стадии акцент делается на получателе сообщения, который оказывается со-участником коммуникации и со-автором сообщения. Таким образом, природа коммуникации сводится к осознанию субъектом себя, т. е. своей роли в процессе коммуникации, и принятию им решения о своей и, соответственно, ее дальнейшей судьбе. Субъект пытается решить парадоксальную задачу, которую нельзя решить или же которую можно решить только путем создания новых задач. Иными словами, окончательного ответа для этой задачи найти нельзя; задачу коммуникации можно лишь постоянно решать, создавая новые задачи, новые значения, т. е. переозначивая коммуникацию. Коммуникация здесь – это творчество, посредством которого субъект создает возможности ее дальнейшего существования.

Здесь коммуникация предстает как процесс, в котором границы между ее участниками почти исчезают. На данной стадии субъект стремится соотнести себя со всем сущим и ничто не мыслить как чужое.

На пятой стадии коммуникация становится ритуальной. Ритуал как искусственная естественность – эта самая незащищенная коммуникация, требующая особенно бережного отношения, что и достигается путем ее постоянного воссоздания¹.

Конкретизируя особенности каждой стадии, Клюканов выделяет следующие моменты.

Цель коммуникации

На первой стадии происходит только узнавание реальности субъектом, который начинает находить объекты как бы в открытом пространстве. Здесь цель коммуникации можно считать достигнутой, если субъект каждый раз узнает объект все в том же (неизменном) значении, т. е. если объект отвечает на вызов субъекта каждый раз одним и тем же образом.

На второй стадии происходит позна(ва)ние Другого (и начало позна(ва)ния себя); здесь цель коммуникации достигается, если субъект узнает что-то новое (т. е. изменяющееся во времени, другое) об объекте и на основании этого (по)знания определяет свою роль, т. е. (по)знает, как осуществлять интеракцию с Другим в той или иной ситуации.

На третьей стадии формируется общее созна(ва)ние коммуникации; здесь цель коммуникации – сконструировать мир (значений), который разделяется как можно большим количеством участников коммуникации (в идеале – всеми).

На четвертой стадии осуществляется осозна(ва)ние субъектом (своей роли в) коммуникации; здесь цель коммуникации достигается,

¹ Надо сказать, что И.Э. Клюканов относится к ритуальной коммуникации и к ритуалам очень почтительно. На наш взгляд – чересчур почтительно. Очевидно, что любой ритуал является формой реализации некоего культа. Культ семьи проявляется в брачном ритуале и комплексе ритуалов внутрисемейных отношений. Культ социальной иерархии – в ритуале избрания государственных и общественных лидеров, в ритуале отношений между членами коллективов и других сообществ. Культ природы – в ритуалах почтения и поэтизации земли-матери и природных стихий, в восприятии и отображении растительного и животного миров, родных ландшафтов как гармоничных и прекрасных. Культ предков – в похоронных обрядах и ритуалах увековечивания, почитания. Наличие культов и обеспечивающих эти культы ритуалов – один из основных признаков традиционного (архаического) общества. Именно в традиционном обществе и на уровне отдельного человека, и на уровне сложившейся общности людей заданная социумом ритуальность воспринимается как незыблемая духовная ценность, освященная традицией и высшим разумом – Богом. В обществах модерна и постмодерна отношение к культам и ритуалам меняется вплоть до их полного отрицания.

если субъект соотносит себя с коммуникацией как миром значений, существующих к настоящему моменту, и осуществляет акт переозначивания, в процессе которого проявляется его уход за коммуникацией/в коммуникацию.

На пятой стадии целью коммуникации является воссоздавание значимой реальности, т. е. ее воссоздание всеми (и всех), кто выступает частью данного процесса; здесь цель коммуникации – стать частью коммуникации, ее существом, забыть «свое ненужное я» и участвовать в ритуальных актах, которые не имеют никакой инструментальной значимости, возрождая саму возможность коммуникации.

Основной фокус

На каждой стадии в фокусе внимания оказывается определенный аспект коммуникации, который совпадает с основным «агентом» коммуникации, тем существом, которое прежде всего лежит в основе ее движения.

На первой стадии в центре внимания – объективная (мате)реальность как таковая, воспринимаемая как природная данность; данную (мате)реальность составляют объекты, которые «изначально существуют», воспринимаясь органами чувств субъекта и отвечая на его вызов.

На второй стадии объекты (мате)реальности приходят в движение, и каждый объект предстает в каком-то новом, другом качестве; соответственно, в фокусе внимания оказывается Другой, в который субъект начинает всматриваться, как в зеркало.

На третьей стадии внимание переключается на действительность как определенный (дискурсивно созданный) миропорядок; здесь уже в фокусе не просто объекты и «данные как таковые», а различные значимые конструкции, созданные в результате взаимодействия субъекта с Другим/и.

На четвертой стадии основным объектом внимания выступает сам субъект, который теперь осознает свою роль в процессе коммуникации.

На пятой стадии основным «агентом» коммуникации является коммуникация как таковая, здесь уже нельзя выделить какой-то один ее аспект, на котором фокусируется внимание. Внимание обращено на весь коммуникативный универсум, т. е. обращается на себя. На данной

стадии следует говорить уже не о «природной данности» (мате)реальности, а о ее воссозданности, т. е. о культивируемой («окультуриваемой») природности или естественной («натурализуемой») культуре ((«транс) культуре»).

Модус коммуникации

Модус как модальность обычно понимается как способ существования чего-либо, как способ, которым нечто мыслится или описывается.

На первой стадии природу коммуникации, как было сказано выше, можно отождествить с (мате)реальностью; здесь природа коммуникации существует в буквальном смысле как ее природа, т. е. нечто наиболее естественное.

На второй стадии в природе коммуникации проявляется ее актуальный характер: важным становится то, что происходит здесь и сейчас, в конкретно-эмпирических ситуациях.

На третьей стадии коммуникация предстает как (сконструированная) действительность, т. е. не просто как природная данность, а как мир значений.

На четвертой стадии она может быть отождествлена с виртуальностью, когда каждый ее акт как бы существует и не существует в действительности; иными словами, коммуникация существует фактически.

На пятой стадии коммуникация предстает как потенциальность, где/когда все, что существует, существует как возможность (продолжения коммуникации).

Соглашаясь – в принципе – с предложенной И.Э. Ключановым схемой, считаем возможным добавить одно уточнение. На наш взгляд, речь должна идти не столько о стадиях некоего абстрактного коммуникативного процесса, сколько о видах (или типах) коммуникативных актов, используемых конкретными коммуникантами в конкретных обстоятельствах. Выбор того или иного типа определяется особенностями участников коммуникации, их взаимоотношениями и характером обсуждаемого предмета.

Коммуникационные матрицы

Современная наука доказала, что любое коммуникативное действие опосредовано обязательными нормами и правилами, которыми определяются взаимные поведенческие ожидания и которые должны пониматься и признаваться, по крайней мере, двумя субъектами, осуществляющими коммуникацию. Каждый, кто участвует в коммуникации, интуитивно стремится следовать некоторым нормам и правилам, позволяющим, по его мнению, общаться результативно, успешно.

Широко известны принципы, которые следует соблюдать в ходе любого общения. Прежде всего это принцип кооперации, раскрытый Г.П. Грайсом. Суть этого принципа Г.П. Грайс формулирует следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога».

Г.П. Грайс раскрывает этот принцип через категории Количества, Качества, Отношения и Способа.

Категория Количества связана с количеством информации, которое требуется передать, и к ней относятся следующие постулаты:

«Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)».

«Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется».

Категория Качества раскрывается через постулат «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным» и конкретизируется через постулаты:

«Не говори того, что считаешь ложным».

«Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований».

Категория Отношения связана с постулатом релевантности – «Не отклоняйся от темы».

Категория Способа раскрывается через общий постулат «Выражайся ясно» и частные:

«Избегай непонятных выражений».

«Избегай неоднозначности».

«Будь краток (избегай ненужного многословия)».

«Будь организован»¹.

¹ Грайс Г.П. Логика и речевое общение. URL: <http://kant.narod.ru/grice.htm>.

Г.П. Грайс считает, что именно коммуникативные постулаты связаны со специфическими целями речевого общения. Постулаты другой природы (эстетические, социальные или моральные), по его мнению, должны быть обобщены в применении к таким целям, как воздействие на других людей, управление их поведением и т. п. Поэтому для того, чтобы ограничить давление, срывы обсуждения, манипулирование оппонентам и другие деструктивные компоненты общения, мы вынуждены признать, недостаточность принципа кооперации, особенно когда речь идет о таких формах общения, как спор и полемика.

К.Г. Павлова¹ формулирует три принципа, касающихся психологических особенностей ведения спора:

- 1) принцип равной безопасности;
- 2) принцип децентрической направленности;
- 3) принцип адекватности (соответствия) того, что воспринято, тому, что сказано.

Принцип равной безопасности заключается в непричинении психологического или иного ущерба ни одной из сторон. Он касается прежде всего личностных особенностей спорящих и выражается в запрете на оскорбительные выпады и унижение оппонента.

Принцип децентрической направленности заключается в непричинении ущерба делу, ради которого спорящие вступили во взаимодействие. Согласно К.Г. Павловой, главный мотив, который диктует децентрическую направленность, – поиск истины или оптимального решения, а главной ценностью на пути к децентрической направленности является обретение социальной зрелости, определяемой как способность проявлять личную независимость и социальную ответственность.

Принцип адекватности того, что воспринято, тому, что сказано, означает непричинение ущерба сказанному или прочитанному посредством намеренного или ненамеренного искажения их смысла. Этот принцип во многом совпадает с постулатами Г.П. Грайса. Барьерами к реализации этого принципа могут быть характер личных отно-

¹ Павлова К.Г. Психология спора. Владивосток: Изд. Дальневосточного университета, 1988.

шений общающихся сторон, неумение слушать и ряд других психологических особенностей общения, о которых еще будет идти речь в дальнейшем.

Во многом схожие нормы общения отражены и в так называемом кодексе поведения субъектов полемики, предложенным В.Б. Родосом¹.

Для обозначения разнообразных регуляторов, определяющих коммуникативное поведение и взаимные коммуникативные ожидания субъектов коммуникации, используется не только понятие «принципы», но и ряд других: «постулаты», «нормы», «правила», «дискурсы», «конвенции», «кодексы», «форматы».

Не вдаваясь в рассмотрение смысловых особенностей названных выше понятий², констатируем, что наиболее адекватным термином, обозначающим все возможные регуляторы коммуникации, является понятие «матрица».

Опираясь на идею С. Кирдиной о существовании идеальных типов Х- и Y-матриц, можно свести множество различных коммуникационных матриц в три основные группы: вертикальные, горизонтальные и гибридные матрицы.

Вертикальная матрица:

- распределение субъектов коммуникации по вертикали (родители – дети; начальники – подчиненные; государство – подданные);
- государство играет доминирующую роль в большинстве коммуникативных процессов;
- доступ к информации затруднен множеством специальных нормативных актов;
- не реализуется право на свободное выражение собственного мнения.

Горизонтальная матрица:

- партнерские отношения между субъектами коммуникации;
- отлажен механизм обратной связи;

¹ Родос В.Б. Теория и практика полемики. Томск: Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева, 1989.

² См.: Дзялошинский И.М. Коммуникационные матрицы как предмет прикладной коммуникативистики // Полифония медиатекста. Сб. научных статей. М.: РГСУ, 2011. С. 4–32.

- законодательно закреплено и реализуется право на свободный доступ к информации, на выражение собственного мнения, на личный выбор каналов коммуникации.

Гибридная матрица:

- распределяет субъектов коммуникации по классам, внутри которых существуют горизонтальные отношения, а между которыми – вертикальные;

- обеспечен частичный доступ к различным информационным массивам, однако доступ к значительной части информационных ресурсов требует специального разрешения.

Сегодня в России сосуществуют все три коммуникационные матрицы. Базовой является гибридная, а вертикальная и горизонтальная выступают в роли комплементарных матриц.

Специалист по семиотике Ю. Воронцов разработал модель коммуникационного процесса, включающую пятнадцать компонентов¹:

1. Источник коммуникации.
2. Коммуникатор.
3. Сообщение.
4. Коммуникационный канал.
5. Коммуникант.
6. Экстралингвистический параметр сообщения.
7. Источник механических помех.
8. Источник семантических помех.
9. Классовые и социальные фильтры.
10. Личностно-индивидуальные фильтры.
11. Семантические поля.
12. Поля коммуникационной обстановки.
13. Потери информации.
14. Обратная связь «коммуникант – коммуникатор».
15. Обратная связь «коммуникант – источник информации».

На наш взгляд, простого перечисления компонентов уже недостаточно. Поэтому мы предлагаем использовать для анализа коммуникационных процессов иную модель, для обозначения которой используется понятие «спиральная схема коммуникативного акта». Смысловой

¹ См.: Шарков Ф. Основы теории коммуникации. URL: <http://olimpbook.com/books/osnovi-teorii-kommunikacii.html>.

образ понятия «спираль» фиксирует принципиальную незавершимость коммуникационного акта, который может быть оборван, но не может быть доведен до конца и принципиальную недостижимость в полном объеме результата, поставленного в начале коммуникационного акта (рис. 8).

Рис. 8. Спиральная модель процесса коммуникации

Подробное описание этой модели и составляющих ее компонентов можно найти в книге «Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты»¹.

2.2. Культура коммуникации в условиях цифровой и социокультурной глобализации

Традиционные модели

По поводу взаимоотношений между коммуникацией и культурой существуют разные точки зрения. Основоположник теории межкультурной коммуникации Э. Холл высказал идею об однородности и взаимодетерминированности коммуникации и культуры. По его мнению, культура – это коммуникация, а коммуникация есть культура².

В другой своей работе Э. Холл предложил положить в основу деления культур такую категорию, как коммуникативный контекст, который он определил как обстановку, в которой проходит процесс коммуникации, – *environment in which communication process takes place*. Культуры, в которых коммуникация во многом определяется контекстом, он назвал *high-context cultures* («высококонтекстные культуры», в русском языке лучше «ширококонтекстные культуры»). Культуры, в которых коммуникация незначительно зависит от контекста, – *low-context cultures* («низкоконтекстные»)³.

Весьма распространенным является тезис о том, что культура развивается только благодаря коммуникации. М. Гирдхам по этому поводу пишет: «Культуры – это не что иное, как одинаковый образ мыслей и способ деятельности, существующие по причине относительно изолированной внутригрупповой коммуникации. Культуры различаются одна от другой потому, что уровень общения между представителями разных культур ниже, чем между представителями одной культуры. Если бы люди из разных культур общались между собой столько

¹ Подробнее см.: Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.

² Hall E.T. The silent language. Greenwich: CT, 1959.

³ Hall E.T. Beyond Culture. N.Y.: Doubleday, 1976

же, сколько они общаются в рамках своей культуры, то сами культуры скоро бы исчезли»¹.

Б. Хаслетт отмечает, что культура и коммуникация приобретаются одновременно и не могут существовать одна без другой². На органическую связь между культурой и коммуникацией указывал Ю.М. Лотман, который отмечал, что культура является коммуникационной системой, обслуживающей коммуникативные функции³.

Подчеркивая связь культуры и коммуникации, В.Ю. Борев и А.В. Коваленко вводят понятие культурно-коммуникативной системы, определяя ее как «интегрированное множество всех основных способов передачи культурной информации»⁴. Культурно-коммуникативная система «характеризует комплекс средств, способов и форм накопления, фиксации, трансляции и распространения культурного арсенала, осуществляет механизм функционирования социальной (внегенетической) памяти человечества»⁵.

О. Бузская утверждает, что коммуникации являются первичным условием взаимопонимания и согласования ценностей, интересов людей, координации социальных институтов, организаций, национальных, этнических, конфессиональных, профессиональных и других общностей. Они по-своему моделируют и организуют социокультурную систему, представляя ее как специфическую матрицу, в которой отражается многомерность бытия современного человека. Поэтому можно сказать, что коммуникации выражают как субъективные – коллективные и индивидуальные – позиции людей, так и объективные системные процессы в культуре и обществе. Более того, они обеспечивают связь и согласование этих и всех других отношений в бытии социокультурной системы в целом. Закономерно, что преобразование и усовершенствование коммуникаций стало в XX веке необходимым фактором и условием развития пространства культуры всего планетар-

¹ Guirdham M. *Communicating across Cultures*. Palgrave, 1999. P. 60.

² Haslett B. *Communication and language acquisition within a cultural context* / S. Ting-Toomey, F. Korzeny (eds.) // *Language, Communication and Culture: Current Directions*. Newbury Park. CA: Sage, 1989.

³ Лотман Ю.М. *Семиосфера*. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. С. 396.

⁴ Борев В.Ю., Коваленко А.В. *Культура и массовая коммуникация*. М., 1986. С. 111.

⁵ Там же. С. 110.

ного человечества. Это значит, что изменение социокультурных коммуникаций, способа их организации и функционирования сегодня является важной детерминантой реформ культуры и преобразований общества¹.

Развитие теоретической мысли относительно структуры и механизмов коммуникации прослеживается в классической парадигме коммуникации (Г. Лассуэлл)², теории «двухэтапной коммуникации» (П. Лазарсфельд, Б Берельсон, Г. Гуде и Э. Кац)³, теории «факторов-посредников» (Дж. Клаппер)⁴.

Количество участников обмена информацией и способ коммуникативного действия рассмотрены в работах представителей бихевиоризма (Дж. Б. Уотсон, А. Шюц)⁵, работах Б. Уэстли и М. М.-Маклейна (модель типа «отправитель – получатель», механизмы обратной связи)⁶. Межличностную коммуникацию пытались описать в терминах теории автопоэтических систем (У. Матурана и Ф. Варела) как согласование интересов субъектов, позволяющее координировать совместные действия⁷.

Цели и эффекты коммуникации разработаны в концепциях взаимопонимания (М. Вебер, Г. Зиммель и Дж.Г. Мид)⁸, развиты А. Шюцем и его последователями социальными конструктивистами (Т. Лукман и П. Бергер)⁹.

Особое место в теории коммуникаций занимают направления, разрабатывавшие суть взаимодействия на межличностном, межгрупповом

¹ Бузская О.М. Современные социокультурные коммуникации: эколого-аксиологическое измерение. URL: <http://av.disus.ru/dissertatciya/16225-1-sovremennie-socio-kulturnie-kommunikacii-ekologo-aksiologicheskoe-izmerenie.php>.

² Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971.

³ Lazarsfeld P.F., Berelson B. and Gaudet H. The Peoples Choice. N. Y., 1954

⁴ Klapper G. The effects of mass communication., New York, 1961.

⁵ Schutz A. The Well-Informed Citizen. An Essay on the Social Distribution of Knowledge // Social Research. Vol. 13. 1946. P. 463–472. Русский перевод: Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания.

⁶ См.: Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004.

⁷ Матурана У. Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995.

⁸ Зиммель Г. Социальная дифференциация // Тексты по истории социологии XIX–XX веков: Хрестоматия. М., 1994; Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995.

и массовом уровнях. К таким направлениям можно отнести символический интеракционизм Дж. Г. Мида¹, теорию коммуникативного воздействия Ю. Хабермаса², работы экзистенциалистов (А. Камю, К. Ясперс³).

Целые теоретические школы сформировались в исследованиях роли массовой коммуникации, участия средств массовой информации в коммуникационных процессах.

В ряду этих теоретических парадигм – функциональный подход к массовой информации (Ч. Райт Миллс)⁴, теории классического понимания роли СМИ (Д. Мартиндейл, Д. Белл)⁵, критическая теория (М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Т. Адорно)⁶, теория эгалитарной массовой коммуникации (Н. Пулантзас и Л. Альтюссер)⁷.

В XX веке предпринимались попытки построить модели коммуникации на основе технико-технологической детерминации (концепции индустриального, постиндустриального, технотронного, информационного общества в работах Т. Парсонса, Д. Белла⁸, А. Тоффлера⁹, Р. Дарендорфа, Й. Масуды)¹⁰.

¹ Мид Дж. Аз и Я Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., 1994.

² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 393.

⁴ Миллс Ч.Р. Высокая теория / Пер. с англ. М.А. Кисселя // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. М., 1968.

⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.

⁶ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997; Marcuse H. One-dimensional man. Boston, 1964.

⁷ Poulantzas N. The problem of the capitalist state // Ideology in social science / Ed. R. Blackburn. L., 1972; Althusser L. Politics and history. L., 1977.

⁸ Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y., 1937, Bell D. The Social Framework of the Information Society. The Computer Age: A Twenty Year View. London, 1981;

⁹ Тоффлер А. Третья волна. Американская модель: с будущим в конфликте. М., 1984.

¹⁰ Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. World Future Society. 1982.

Важнейший вклад в теорию коммуникаций внесли Ю. Хабермас¹, автор теории коммуникативного действия; Н. Луман и К.-О.Апель, развившие теорию коммуникативной рациональности², и М. Кастеллс³, представивший информацию как коммуникацию знания.

В ряду моделей коммуникации и модели, описывающие систему связей с общественностью, Дж. Грюнига и Т. Ханта⁴.

Т. Парсонс, синтезировав теоретические подходы М. Вебера, Г. Зиммеля, А. Маршалла, разработал общую теорию действия и, в частности, социального действия (структурный функционализм)⁵ как самоорганизующейся системы.

Существенным для данной работы представляются исследования, посвященные осмыслению теоретических моделей и концепций массовых коммуникаций (Е.Л. Вартанова⁶, Л.М. Землянова и Г.С. Мельник⁷).

Если исходить из предложенного выше понимания культуры как сложноорганизованной системы, внутренняя сторона которой представлена знаниями, ценностями и нормами, а внешняя – матрицами и смыслами, то понятие «коммуникативная культура» приобретает необходимую ясность. Этим понятием стоит обозначать накопленные в сфере коммуникации знания, ценности и нормы, проявляющие себя, во-первых, в разнообразных философско-идеологических концепциях, задающих смысловые рамки понимания функций коммуникации, и во-вторых, технологиях коммуникации, которые мы обозначили понятием «коммуникационные матрицы».

¹ Habermas J. The theory of Communicative Action. Boston, 1984

² Луман Н. Невероятные коммуникации. Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб., 2000; Апель К.О. Трансформация философии. М., 2001.

³ Кастеллс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М., 2002.

⁴ Grunig E.J. and Hunt T. Managing Public Relations. N. Y., 1984.

⁵ Parsons T. Social Systems and the Evolution of Action Theory, 1977; Система современных обществ. М., 1997.

⁶ Вартанова Е.Л. Теория СМИ: Актуальные вопросы. М.: МедиаМир, 2009; Экономика и менеджмент СМИ. Ежегодник 2009 / Отв. ред. и составитель Е.Л. Вартанова. М., 2010.

⁷ Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика. М., 1995; Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М., 2004; Мельник Г.С., Тепляшина А.Н. Актуальные проблемы современности и журналистики. М., 2009.

Введение понятия «коммуникационные матрицы» в современную теорию коммуникации вызвано необходимостью как-то обозначить те обязательные нормы и правила, которыми определяются взаимные поведенческие ожидания любых субъектов, осуществляющих коммуникацию. Пользуясь этим понятием, можно выстроить непротиворечивую модель коммуникационной культуры, которая включает в свой состав несколько обязательных комплексов, которые характеризуют коммуникативную компетентность субъекта коммуникации – как ее инициатора, так и адресата. Соответственно, коммуникативная компетентность рассматривается как мера владения культурой коммуникации, то есть как система внутренних ресурсов и регуляторов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций взаимодействия.

Необходимость в тщательном исследовании категории «коммуникативная культура» обусловлена тем обстоятельством, что и в научной, и в популярной литературе до сих пор господствует термин «информационная культура» со множеством производных. Это господство, связанное с высочайшей популярностью понятийного аппарата теории информации, освященной такими именами, как Н. Винер, К. Шеннон, У.Р. Эшби и многие другие, стимулировало понимание коммуникации лишь как процесса обмена информацией. При этом само понятие «информация» ассоциируется с понятием «сведения», что чудовищно обедняет смысл коммуникации, которая трактуется как феномен, органически связанный с управлением.

Мы предлагаем рассматривать коммуникативную культуру как форму проявления информационно-коммуникационного универсума, о котором шла речь выше. На сегодняшний день существует множество типологических моделей коммуникативных культур. Вот лишь некоторые из них.

Модель Г. Хофстеде

Одна из самых популярных типологий коммуникативных культур принадлежит Г. Хофстеде, который выделил четыре основных проявления культуры: 1) символы; 2) ритуалы; 3) герои; 4) ценности. По Г. Хофстеде, существуют пять основных измерений любой коммуникатив-

ной культуры: 1) дистанция власти; 2) индивидуализм, противостоящий коллективизму; 3) мужественность, противостоящая женственности; 4) избегание неопределенности; 5) долгосрочная ориентация¹.

Модель Р.Д. Льюиса

Другая популярная типология коммуникативных культур изложена в работе Р.Д. Льюиса «Деловые культуры в международном бизнесе»². Несмотря на то, что автор ограничился сферой бизнеса, выделенные им коммуникационные матрицы обладают значительно большей эвристичностью. Р.Д. Льюис выделяет три типа коммуникативных культур: моноактивные (или линейно организованные), полиактивные и реактивные.

В *моноактивной культуре* человек, пользуясь терминами Р.Д. Льюиса, приучен делать какое-либо дело, разбивая деятельность на следующие друг за другом этапы, не отвлекаясь на другие задачи. Типичными представителями такой культуры являются англосаксы: американцы, англичане, немцы, северные европейцы, методично, последовательно и пунктуально организующие свое время и жизнедеятельность.

В *культуре полиактивной*, типичными представителями которой выступают латиноамериканцы, южные европейцы, принято делать одновременно несколько дел (заметим попутно, нередко не доводя их до конца).

В *реактивной культуре*, характерной для азиатских стран, деятельность организуется также не по строгому и неизменному плану, а в зависимости от меняющегося контекста, как реакция на эти изменения. Пользуясь этой классификацией, Р.Д. Льюис дал великолепное описание основных коммуникационных культур современного делового мира.

¹ Описание и анализ этой модели представлены в работах: Hofstede G. Cultures and organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 1991; Mooij M. de. Global Marketing and Advertising. Understanding Cultural Paradoxes. Sage Publications, Inc. California, USA, 1998.

² Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 2001.

Чрезвычайно важная идея Р.Д. Льюиса, о которой он неустанно напоминает, заключается в том, что в некоторых странах региональные особенности столь сильны, что отодвигают национальные черты на второй план. Кроме испанского паспорта, баски и жители Андалузии имеют мало общего; деловым людям Милана гораздо легче общаться с австрийцами и французами, чем с сицилийцами. В некоторых случаях города отличаются столь сильной культурной индивидуальностью, что она выходит за пределы региональных особенностей. Так, жители Лондона – это не просто южные британцы, парижане – больше, чем северные французы, по акценту и стилю жизни ливерпульцы сильно отличаются от окружающих северян. А Гонконг даже после слияния остается особым анклавом в составе Китая.

Культурные сообщества могут выходить за границы отдельных государств и наций и выделяться, и не только по географическому признаку. Мусульмане и христиане – группы культур, то же можно сказать об инженерах и бухгалтерах. Выпускники университетов Оксфорда, Кембриджа, Йеля и Гарварда считают, что отличаются друг от друга как культурные сообщества. Быть может, самым общим критерием культурного деления людей является не национальное, религиозное, корпоративное и профессиональное, а гендерное – по признаку пола. Вполне возможно, что по своему мировоззрению итальянка окажется ближе к женщине-немке, чем к итальянцу-мужчине¹.

Новый подход

Мы предлагаем использовать для типологизации коммуникативных культур критерий отношения к адресату как мишени воздействия, объекту управления и подчинения, или как союзнику, партнеру совместного поиска решения проблем. С точки зрения этого критерия можно выделить три типа коммуникативных культур: технократическую, сциентистскую и гуманитарную.

¹ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 2001. С. 22–23.

Технократическая коммуникативная культура

Существуют как минимум два подхода к осмыслению понятия «технократизм». Один из них связан с социально-философскими и социально-экономическими представлениями и концепциями, которые обосновывают необходимость и неизбежность возрастания в обществе роли технической интеллигенции (специалистов). Этот подход возник как отражение противоречий между собственниками бизнеса и управляющими бизнесом специалистами. Предполагалось, что технократы являют собой носителей совершенно нового типа мировоззрения, основанного на научно-технических знаниях и информации, не подвластного идеологиям классического типа. В 50–60-е годы XX века начинается второй этап в развитии идеи технократизма. Технический прогресс и связанные с ним организационные сдвиги стали пониматься как процесс, приводящий к образованию и доминированию в экономике крупных корпораций, власть в которых принадлежит технократам. Третий этап (70–90-е годы) эволюции технократизма связан с еще большим возрастанием в мире роли информационных технологий, формированием единой информационной инфраструктуры, усилением влияния техники. Традиционные механизмы принятия политических решений по идеологическим мотивам рассматриваются как причина некомпетентности и безответственности. В такой ситуации возрастает значение технических специалистов, способных повлиять на принятие адекватных решений в качестве экспертно-консультационной структуры власти. Так понимаемая доктрина технократизма вызывает сопротивление со стороны демократической общественности. Сдержанное отношение к идеям технократии западного общества объясняется желанием сохранить плюрализм мнений, избежать монополии на власть одной социальной группы.

Второй подход к пониманию технократизма связан с толкованием особенностей всей современной цивилизации как «машинной», или техногенной. Человек в такой цивилизации рассматривается как элемент системы, винтик, который не обладает собственной ценностью.

Суть технократизма хорошо выразил Н. Бердяев: «Человек делается орудием производства продуктов. Вещь становится выше человека»¹.

Глобальную идею технократизма развил в своих трудах Л. Мэмфорд. При своем возникновении техника была связана со всей природой человека. По его мнению, с созданием коллективных машин работа, став самоценной и отделившись от всей остальной жизни, стала проклятием, ношей, жертвой, формой наказания. Воплощением принципа Мегамшины, по Л. Мамфорду, стал образ «Человека-Организации»: «Система, как таковая, является продолжением такого человека – от самых примитивных форм политической власти он выступает одновременно и как творенье, и как создатель, и как последняя жертва Мегамшины». Человек-организация не есть изобретение нынешней эпохи или исключительно продукт современной техники. Лучшими считаются те его качества, которые соответствуют данному типу машины².

Технократическое мышление ориентируется на жесткий схематизм, механистичность, линейность и стандартизацию, о чем писали Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе. М. Хайдеггер пишет о таком мышлении, как о «бегстве от мышления», противопоставляя ему «осмысляющее мышление». «Вычисляющее мышление» ограничено, это частный вид мышления. «Его специфичность состоит в том, что, когда мы планируем, исследуем, налаживаем производство, мы всегда считаемся с данными условиями. Мы заранее рассчитываем на определенные результаты»³. Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором и компьютером.

Философы, психологи, педагоги сформулировали множество довольно жестких обвинений технократизму.

- В сфере воспитания, технократизм – это убеждение в воспитуемости каждого под влиянием идеологического, инженерного, массового и технократического воздействия.

¹ Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники). URL: <https://studfiles.net/preview/2690030/>.

² Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115>

³ Хайдеггер М. Отрешенность. URL: http://kirill-berezovik.narod.ru/0001_1.html.

- Технократический разум породил вечно скучающего человека-потребителя, для которого ценности заключены только в материальном достатке и оснащении.

- Утрата гармонии с миром рождает болезненные, искаженные представления о мире и о себе, больные мысли порождают нездоровое мировоззрение, оно, в свою очередь, порождает безнадежно больные и деструктивные социальные «структуры»: тоталитарные секты, шоу-бизнес.

- Деформации в развитии личности, в целостности проявления человеческих сил и способностей являются имманентными для технократического подхода, в рамках которого человек не интересен сам по себе, не ценен сам по себе, а рассматривается исключительно как средство для достижения внешней для него, для его развития цели.

- Техника материализует волю разума человека-завоевателя и человека-хищника. Такое видоизменение статуса техники в обществе узаконивает завоевательно-потребительское отношение к природе, ведущее к экологическому, моральному и духовному кризису.

- Способ взаимодействия с природой, базирующийся на механических принципах, заложенных в технике, диктует человеку определенный способ поведения и мышления. Этот способ закрепляется в мышлении и распределяется на другие сферы человеческой жизни. Человек при таком подходе рассматривается как элемент системы, винтик, который не обладает собственной ценностью. Суть технократизма – в нарушении целостности человека, закреплении односторонности, частичности, одномерности, «линейности» его мышления и деятельности, их запрограммированности, связанности и обусловленности.

- Технократизированный человек не видит пользы в морали. Быть моральным – становится бессмысленно для человека-организации, так как он – часть большего технизированного, и вместе с тем аморального «общества-машины», технополиса, или Мегамшины. Законы в этом технополисе таковы, что чем быстрее освобождаешься от морали, тем легче выжить в этой огромной смертоносной машине, где все регулируется, стандартизируется, управляется по шаблону (тоже аморальному), куда не вписываются вечные истинные законы морали и красоты, основанные на благе всеобщего.

- Технократизм в мысли и действии ведет не только к обесцениванию человеческого мира. Важным его последствием является широкая возможность для манипулирования человеком как винтиком в большой, сложной системе достижения цели, системе, которая часто остается вне осознания, и тем более вне сферы влияния задействованного в этот процесс человека-исполнителя.

К сожалению, критика технократизма очень часто ведется с позиций реставрации утопических идей о вселенской гармонии в искусстве и культуре, с позиций возвращения к религиозным концепциям, что, конечно, никак не способствует преодолению недостатков этой доктрины.

В сфере коммуникации технократическая доктрина рассматривает коммуникацию как технологический процесс передачи количественной, точной и измеримой информации и допускает любые формы воздействия на людей, если эти формы приводят к нужному результату. Этот подход сформировался на основе теоретических положений теории информации К. Шеннона и кибернетики Н. Винера. Принципы изучения коммуникации как передачи информации в технических устройствах переносились на принципы изучения социально-политической коммуникации между людьми в социальных науках.

В частности, характерной особенностью технократической парадигмы коммуникации является высокий уровень агрессии. Современные подходы к изучению агрессии в контексте культуры опираются на то, что существует культурная обусловленность самих норм и понятия агрессии. Так, А. Усманова в своей работе «Насилие как культурная метафора» резюмирует: «Насилие сопровождало культуру с момента ее появления»¹. Достаточно вспомнить ритуалы жертвоприношений. Целью таких мероприятий было получение одобрения у богов. Жрецами совершалось насилие во имя чего-то благого. То есть, по сути, агрессию по отношению к живому существу (животному, молодой девушке, младенцу) оправдывали всеобщим добром: богатым урожаем, победой в войне, прекращением засухи и болезней. На этом этапе развития общества, когда помимо первородных инстинктов приходит не-

¹ Усманова А. Насилие как культурная метафора. URL: <http://dironweb.com/klinamen/dist2.html>.

что большее, высокое – культура, искусство – насилие начинает облагораживаться. Важно не само совершение, а его значение, вера в сакральный смысл подобных действий. Впервые мысль о том, что «насилие – это сакральный акт», была высказана Р. Жираром¹.

В античные времена существование таких богов, как Немезида (богиня мщения) или Арес (бог войны), заранее оправдывало действия людей. Одно из самых жестоких зрелищ за всю историю человечества – гладиаторские бои, где тысячи зрителей становились свидетелями кровопролитных битв. Публика ликовала, а сам поединок превращался в настоящее шоу: громкая церемония открытия, приветственные жесты императору, демонстрация мощи оружия и силы человека, участие хищных животных, выбор зрителей и решение судеб участников сражения. Казалось бы, идеальный пример восхваления насилия. Однако гладиаторские бои устраивались не в угоду публике, а ради идеи. «Мы жертвуем живыми, чтобы накормить мертвых!» – так была объяснена целесообразность первого гладиаторского сражения². Римляне, позаимствовавшие у этрусков древний обряд погребения, верили, что принесенная на поле битвы жертва успокоит души усопших. Таким образом, гладиаторские бои первоначально обладали божественным предназначением.

Стоит отметить, что сама жестокость в рассмотренных нами примерах остается незамеченной, так как акцент делался на сакральности поступков. Р. Жирар говорит об этом так: «Жертвенная процедура... предполагает определенное недопонимание. Верующие не осознают и не должны осознавать роль насилия»³. Таким образом, необходимость убийства или насильственных действий отделяется от инстинкта выживания. Причина поступков меняется от первостепенных, необходимых для выживания, до удовлетворения второстепенных потребностей. Подобное можно трактовать как неявное или же неосознанное насилие, так как целью было не «насилие во имя насилия», а благое дело посредством жестоких мер.

Так, постепенно мысль о насилии как о чем-то необходимом, оправданном, развивалась и в итоге достигла своего апогея в виде христианской традиции. Идею «Иисус страдал ради нас» можно отнести к

¹ Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

² Буровский А.В. Древний Рим. 1000-летняя биография. М.: Экспо, 2013. С. 235.

³ Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 9.

культивированному мотиву страдания во имя всеобщего блага. Сама интерпретация казни Христа представляет собой не что иное, как эстетизацию насилия, а изображение этой сцены в живописи репрезентует насилие. Как отмечает искусствовед М. Ямпольский, говоря о традиции религиозной живописи, «невидимое (трансцендентное, божественное) обнаруживается только тогда, когда видимое уничтожается»¹. Таким образом, в культуре мы ретранслируем сцену насилия не просто для того, чтобы оправдать насильственные действия, а чтобы познать их смысл. Иными словами, мы репрезентуем насилие, чтобы постичь духовную суть случившегося.

Обратимся к практике публичных казней, широко распространенной в Средние века в Западной Европе. Возникает вопрос: для чего нужно было убивать человека прилюдно? Только ли для того, чтобы предостеречь других от совершения злодеяния или инакомыслия? Как известно из исторических источников и произведений литературы, сам процесс требовал подготовки: людей заранее оповещали, на казнь собирался весь город, в качестве места расправы выбирали центральную площадь, виновного демонстративно вели к месту казни, выбирали способ убийства, а после совершения насильственных действий зачастую выставляли тело на всеобщее обозрение. Обсуждение случившегося еще долго занимало умы горожан. Все это «представление» является эстетизацией и воспеванием смерти как акта «правоты вероучения». А.Я. Флиер отмечает, что казнь отнюдь не была развлечением, она была «религиозным долгом»².

И сегодня массовая коммуникация, особенно телевидение, пропитана сценами агрессии и насилия³. «Сцены насилия появляются на те-

¹ Ямпольский М.Б. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 500.

² Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Гуманитарные науки: теория и методология. 2012. № 1. С. 21.

³ Барабаш Н.А. Телевидение и театр. Игры постмодерна. М.: КомКнига, 2010; Давыдов М. Типология телевизионных многосерийных художественных фильмов // Академия медиаиндустрии. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=1583>; Ениколопов С. Средства массовой коммуникации и насилие // Проблемы медиапсихологии. URL: <http://evartist.Narod.ru/text7/45.htm>; Полуэхтова И. Доходное мыло // Искусство кино. 2001. № 4; Пресс С. Как пишут и продают сценарии в США для видео, кино и телевидения. М.: Триумф, 2012; Тарасов К.А. Насилие в произведениях аудиовизуальной культуры: отображение, воз-

лезкранах гораздо чаще, чем в жизни, и телевидение обеспечивает гораздо больше возможностей „испытать“ это насилие на себе, нежели в „обыденной жизни“»¹. Эстетизация насилия становится полноценным элементом драматургии многих известных телесериалов наших дней: «Клан Сопрано», «Во все тяжкие», «Игра престолов», «Ганнибал», «Настоящий детектив», «Фарго». Современные телесериалы, эстетизирующие насилие, входят в список самых популярных в мире телесериалов за последнее десятилетие². «Клан Сопрано», «Во все тяжкие», «Игра престолов», «Американская история ужасов», «Настоящий детектив», «Ганнибал», «Фарго» собирали за просмотром эпизода аудиторию в 4–5 млн человек, а суммарно за сезон – 14–18 млн человек³. Так, «Клан Сопрано» собрал аудиторию в 18,2 млн человек⁴ и занял 5 место в рейтинге «50 величайших телешоу всех времен» по версии *TVGuide*⁵. Четвертый сезон «Игры престолов» бил рекорды – его смотрели в среднем 18,4 млн человек (включая повторные показы)⁶. Сериал «Фарго» получил не только положительные отзывы критиков, но и стал лучшим сериалом по мотивам полнометражного фильма⁷. О популярности телесериалов также свидетельствуют победы в номинациях на различные награды, в числе которых «Эмми» («Клан Сопрано»,

действие, социальное регулирование (на материале киноискусства): дис. ... д-ра культурологических наук. М., 2006; Тропина И.Г. Экранное насилие и способы его эстетизации в современной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2012; Усманова А.Р. Насилие как культурная метафора // Визуальное (как) насилие. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.Р. Усманова. Вильнюс: ЕГУ, 2007; Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Гуманитарные науки: теория и методология. 2012. № 1.

¹ Ениколопов С. Средства массовой коммуникации и насилие // Проблемы медиапсихологии. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/45.htm>.

² Графический роман // Диаграммы популярности телесериалов. URL: <http://www.kinomania.ru/article/50907/>.

³ Most watched seasons of HBO original series since 2004 // *Vulture* – Entertainment News. URL: <http://www.vulture.com/2013/06/game-of-thrones-huge-ratings-chart.html>.

⁴ Сериал «Игра престолов» стал самым популярным в истории канала HBO, побив рекорд «Клана Сопрано» // *Broadcasting: Телевидение и радиовещание*. URL: http://www.broad-casting.ru/newstext.php?news_id=100440.

⁵ TV Guide's 50 Greatest TV Shows of All Time // *IMDb*. URL: <http://www.imdb.com/list/ls000996988/>.

⁶ Сериал «Игра Престолов» побил рекорд по просмотрам // *filmpro*. URL: www.filmpro.ru/materials/30703.

⁷ «*Fargo*»: The Pivotal Decision That Made the FX Miniseries Shine // *Variety*. URL: <http://variety.com/2014/tv/news/fargo-the-pivotal-decision-that-made-the-fx-miniseries-shine-1201265082>.

«Декстер», «Игра престолов», «Американская история ужасов», «Настоящий детектив», «Фарго», «Во все тяжкие»¹).

Сциентистская коммуникативная культура

Сциентизм как доктрина представляет собой систему утверждений, согласно которым научное знание (естественно-математическое и техническое) является абсолютной ценностью, а наука в целом истолковывается как главная сила общественного развития. Так понимаемый сциентизм основывается на трех основных положениях:

- 1) наука может заменить собой философию и метафизику в области разрешения основных моральных и этических проблем;
- 2) в науке заключены решения всех проблем человечества;
- 3) методы точных наук являются единственными верными научными методами и что эти методы должны применяться также и к гуманитарным и социальным наукам.

Положительная сторона сциентизма как доктрины заключается в нетерпимости к мистицизму, астрологии, историям про посещение нашей планеты космическими пришельцами, об исцелении верой, хиромантии и прочих подобных вещей. Неслучайно сторонники всевозможных антинаучных миропониманий: паранауки, религии, парарелигии (окультизма) и т. д. отчаянно стремятся отвергнуть, развенчать, преодолеть классическую западную науку. Это давнее, упорное, но в последнее время усилившееся внутрикультурное противоборство науки и антинауки.

Что касается коммуникации, то сциентизм опирается на представление о том, что в сегодняшних условиях профессионал в сфере коммуникации должен использовать самые современные научные данные из психологии, коммуникативистики, нейропсихологического программирования и других областей знания, помогающих правильно формулировать цели, выбирать способы и оценивать результаты коммуникации. Отсюда интерес к научным исследованиям в сфере комму-

¹ «Настоящий детектив» и «Игра престолов» получили первые «Эмми» // Кинопоиск. URL: <http://www.kinopoisk.ru/news/2462593/>.

никации; готовность организовывать обратную связь с адресатом коммуникации; эксперименты в сфере интегрированных коммуникаций и т. п.

Научному исследованию подвергаются процессы духовного потребления, которые рассматриваются как часть более общего процесса «обработки людей людьми». Разрабатываются технологии управления процессом формирования ценностных ориентиров личности, ее установок на определенные духовные ценности.

В каком-то смысле сциентистский подход представляет собой изощренную версию технократизма, но поскольку современная наука доказывает, что человек существенно более сложная система, чем это представляется технократам, и методы работы с человеком должны склоняться к больше вариативности, то иногда сциентизм смыкается с гуманистической, солидаристской моделью коммуникации.

Современная версия сциентизма пользуется самоназваниями «постгуманизм», «трансгуманизм». Постгуманисты при всем их различии сходятся в одной точке: в отказе принимать классический гуманизм, которому они стремятся противопоставить образ «постчеловека», обладающего невиданными способностями. Другая версия сциентизма, называемая трансгуманизмом, представляет собой мировоззрение, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение человека и смерть, а также значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека. Главной целью трансгуманизма является бесконечное совершенствование человека, основанное на новейших открытиях научно-технического прогресса. Для достижения этой цели трансгуманизм предлагает:

- поддерживать технический прогресс;
- изучать достижения науки и техники, вовремя предотвращать опасности и нравственные проблемы, которые могут сопутствовать внедрению этих достижений;
- расширять свободу каждого отдельно взятого человека, используя научно-технические достижения;

- как можно более отдалить, а в идеале – отменить старение и смерть человека, дать ему право самому решать, когда умирать и умирать ли вообще;

- противостоять учениям и организациям, имеющим цели, противоположные идеям трансгуманизма – энвайронментализм в фанатичной форме (отказ от технического развития, «возвращение к природе»), религиозный фундаментализм, традиционализм и прочие формы идеологий антимодернизма и антипрогрессизма.

Однако чрезмерные претензии сциентистов на объяснение всех процессов привели к возникновению антисциентизма, который основан на недоверии к возможностям науки и разума, на критике научных методов познания. Уже в конце XVIII века, как реакция на крайний рационализм, появились разнообразные романтические, антропологические, феноменологические, герменевтические и иные концепции, ориентировавшиеся на иные формы и методы познания, нежели наука. В XIX–XX веках антисциентистское направление развивалось в концепциях таких западноевропейских мыслителей, как Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Ясперс. В этом же направлении разрабатывали свои концепции и некоторые представители Франкфуртской школы, например: Т. Адорно, В. Беньямин и М. Хоркхаймер.

Общим местом антисциентизма является утверждение, что наука и техника антигуманны, так как, особенно в их сочетании, заставляют человека забыть о ценности его собственного существования. Результаты деятельности человека приобретают космический характер и в плане создания, но и в плане разрушения. Подчиняя мир, человек не осознает, что на самом деле он подчиняет мир технике, выступая всего лишь средством такого подчинения. «Природа будет покорена технике. Новая действительность, созданная техникой, останется в космической жизни. Но человека не будет, не будет органической жизни... Исключительная власть технизации и машинизации влечет именно к этому пределу, к небытию в техническом совершенстве»¹.

Антисциентисты возлагают на науку вину за образование тоталитарных государств. Более того, общий стиль мышления человека, не-

¹ Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 157.

обходимый для науки, является пагубным для культуры. «Наука – корень нашей цивилизации – автоматически превращает его в первобытного человека, в современного варвара»¹.

Гуманитарная коммуникативная культура

К. Салютати в конце XIV века ввел в обиход слово *humanitus*, то есть способность совершать добродетельные поступки. Именно это свойство воспитывается в человеке в процессе образования (изучение гуманитарных дисциплин – грамматика, риторика, философия, этика) и работы души – накопления жизненного опыта. По мнению К. Салютати, несмотря на то, что земная жизнь дана людям от бога, их собственная задача состоит в построении жизни в соответствии с природными законами добра и справедливости.

В широком смысле гуманизм – это исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности – желаемой нормой отношений между людьми.

Основными принципами так понимаемого гуманитарного подхода можно считать приведенные ниже.

- **Антропологический принцип:** уважение к человеку, к его достоинству, к его интересам и потребностям. Этот принцип призывает нас учитывать индивидуальность человека во всей ее полноте и способствовать развитию ее сущностных сил.

- **Принцип свободы независимого развития человека.** Каждый человек имеет право самостоятельно реагировать на обстоятельства и поступать так, как он считает нужным, он имеет право на чувство собственного достоинства. Свобода рассматривается, с одной стороны, как самоценное, сложноструктурное личностное образование, с другой – как форма индивидуального бытия, как необходимое условие полноценного проявления и развития собственно человеческого начала в человеке.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119.

• **Принцип реальности человеческого бытия.** Никто не может быть средством для блага другого, каждый сам добивается своих целей.

• **Принцип самореализации.** Признание разносторонности человека и его способности самому определять свою жизнь, взгляды, деятельность и поведение.

• **Принцип мотивации.** Становление целостной мотивации, а не только мотивации достижения, содействует самосовершенствованию индивидуальности человека. Необходимо учитывать наличие у индивида мотивации познания, мотивации труда, мотивации аффилиации, мотивации самопознания и самосовершенствования, мотивации конфликта и др.

Что касается гуманитарного подхода к коммуникации, то речь идет о развитии так называемого «диалогического поворота», зафиксировали в конце 1990-х – начале 2000-х годов ряд мыслителей и ученых-обществоведов. «Диалогический поворот» – это возврат на новом уровне к идеям М. Бубера, М. Бахтина, Дж. Мида, Х-Г. Гадамера, Ю. Хабермаса и других мыслителей.

Несмотря на то, что современное понятие диалога возникло относительно недавно, понятие диалоговой ситуации и сама она присутствуют в западной культуре давно, вместе с понятиями и реалиями либерализма и демократии. Присутствие диалоговой ситуации на уровне обыденного сознания характерно для всей истории западных обществ, что выражается в европейских языках. Семантика ключевых для понятия «диалог» слов в европейских языках свидетельствует о наличии в них элементов, отражающих диалоговую ситуацию: слово «говорить» («парле») носит оттенок заявления своего мнения. Отсюда – «парламент» как место высказывания именно своих интересов. В слове «справедливость» («жюстис») представлены, прежде всего, идеи равенства, пропорции и компенсации во взаимоотношениях сторон. Слово «договор» в своей основе содержит понятие «консенсус», «соглашение» и производные от него «братство», «согласие», «гармонию», «интеллиженс», «мир», «союз». Слово «согласие» носит оттенок «компромисса», является аналогом понятия «стейт», «эта» («состояние») – в результате улаживания отношений на основе взаимных уступок.

Проблема диалога с давних пор интересовала философов, социологов, психологов, филологов, представителей самых разных отраслей

гуманитарного знания. Прекрасный обзор взглядов великих мыслителей прошлого содержится в известной работе Ю.В. Рождественского «Теория риторики»¹.

Глубокий анализ проблем диалога провел Г.С. Батищев², который полагал, что если бы все человечество и каждый из нас обладал достаточно развитой культурой глубинного общения, то мы не пришли бы к столь трагически грозной глобальной ситуации, избежали бы тех исторических тенденций, которые ныне ведут пока лишь к ее большему обострению по главным трем измерениям: чреватой тотальным самоубийством вооруженности; экологической неадекватности и, следовательно, космической неуместности слишком многих черт нашей цивилизации; наконец, опасности личностной деградации, то есть своего рода энтропии души и духа.

Отношение к диалогу как технологии поиска истины и согласования точек зрения никогда не было однозначным. Многие великие мыслители вслед за Сократом относились к диалогу как к самому совершенному способу общения и обсуждения различных вопросов. Однако было и есть немало сторонников других точек зрения. Есть люди, которые считают невозможным вступать в диалог с теми, кто отрицает «основы»³, политические⁴ или религиозные постулаты⁵. Так, например, многие религиозные мыслители высказывались и продолжают высказываться в том смысле, что идея толерантного диалога уничтожает

¹ Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997.

² Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 95–129; URL: <http://old.istu.ru/unit/epign/siip/psiped/3597/>.

³ «Как-то раз, когда я сказал, что не согласен с тем, что все сущее состоит из четырех элементов, я услышал в ответ следующее гордое заявление: с тем, кто отрицает основы, нельзя вступать в спор» (Gassendi. Opera omnia, Lyon, 1658. Cit. Lenoble. la Pensue scientifique, in Histoire de la science, Encyclopedie de la Rniade. Paris, Gallimard, 1957. P. 432).

⁴ Инстинктивный патриот, единственно настоящий, говорит: «Не хочу ничего знать. Человек, ты иностранец, и ты попираешь землю, по которой ходили мои предки. Закрой свой рот, полный сладкоречивой лжи. Бесполезно. Я ненавижу тебя» (Jacques Roumain, in Le PetitImpartial, 2.06.1928. Цит. Nicholls D. Te nafionalismehaitien, in Les Annales, 1975. P. 662).

⁵ Герберт Спенсер пишет, как однажды в молодости, после бурной дискуссии по теологическим вопросам с одним из своих друзей, он получил письмо, в котором тот объявлял о разрыве отношений с тем, как он выразился, кто пытается «поколебать веру, чью истинность я так сильно ощущаю» (Spenser H. Autobbgraphie. Paris, 1907. P. 123). В своей проповеди, произнесенной в Лилле 29 августа 1976 года, епископ Лефевр гневно осуждает равноправный диалог между истиной и ложью: «Нельзя дискутировать с протестантами; мы любим их, и поэтому хотим обратить их в свою веру. Нельзя вступать в диалог с франкмасонами и с коммунистами, потому что с дьяволом не ведут диалогов» (LeMonde, 31 августа 1976 г.).

такое понятие, как абсолютная истина. Вместо него возникает расплывчатая идея различия между идеологическими кланами¹. По их мнению, сущность истины в ее нетерпимости: «Истина (...) в высшей степени нетерпима»². И воинствующий атеист Анахарсис Клоотц, считающий, что «нетерпимость истины упразднит в один прекрасный день само слово «храм», fanum, производное от «фанатика», смыкается в этом смысле с архиепископом нью-йоркским Шинаном, который писал в 1955 году: «Церковь – как и каждый, кто любит истину, – должна неизбежно быть нетерпимой по отношению к заблуждениям. Пресловутая толерантность, свойственная нашему времени, является следствием нашей неспособности к твердой позиции и всеобщего равнодушия к религии»³.

Православные мыслители тоже весьма подозрительно относятся к идее толерантного диалога. Вот фрагмент текста, обнаруженного в интернете и озаглавленного «Толерантность и истина»: «К особым качествам, отличающим современного мирового гражданина, принадлежит толерантность (терпимость). Все более и более поднимается вопрос о том, где же терпимость в религии имеет свои границы. В большинстве областей нашей жизни требование терпимости здорового человеческого разума подвергается чрезмерным нагрузкам, так как способность к точным суждениям – отличию правильного от фальшивого и истины от лжи – жизненно важно... Как можем мы быть терпимы и акцептировать другие религии как равноценные на пути к Богу? Что же мы тогда делаем по отношению к нашим неверующим окружающим, если мы в этом взгляде не совсем решительны, а терпимы? Или мы и сами не совсем во всем уверены? Для учеников Христа дело было ясно: в этом вопросе у них не было никаких компромиссов. Как быть с терпимостью относительно тех, кто называет себя христианами, если они, например, поклоняются мертвым (католицизм) или их Иисус не вос-

¹ Danietou R.P. *Lacrise du Sens de la Vie*, in *L'enseignement de la philosophie. Recherches et Debats*, 1961. P. 151.

² Anacharsis Clootz. Цит. в *Un soir en France de 1792, 1795. Lettres d'un témoin de la Révolution française*. Trad. par H. Taine. Paris, 1872. P. 161.

³ Цит. по: *Le Monde*, 13 июля 1973 г. См. также: «Сегодня толерантность стала расплывчатым понятием; отсутствие твердых убеждений выдается за добродетель» (Jean-Michel Gros, предисловие к P. Bayle. *De la tolérance*. Paris, Presses Pocket, 1992).

крес (либеральные теологи)? И как распространяется среди нас, верящих в Библию, евангелие о терпимом Боге, который и действительно имеется из-за нашей такой потребности? Говорим ли мы еще людям о том, что они как грешники должны исповедать свои грехи перед святым Богом? Или мы призываем чаще к тому, чтобы только «решиться для Иисуса», ибо так идет лучше? Верить в то, что Иисус умер за наши грехи, означает: осознать, что мы являемся грешниками, что Божье наказание за грехи справедливо и что Иисус это наказание взял на Себя. Как могут христиане быть другими в этом вопросе, как только абсолютно не терпимыми? Попробуйте, например, в некоторых спорных вопросах, как гомосексуалитет или теория эволюции, по которым везде и громче всего призывается к толерантности, выразить свое (христианское) мнение? По всем правилам мгновенно будет видно, что терпимость тут только односторонне распределенное требование. Терпимым можно быть только относительно твердой и ясной позиции. Без такой позиции человек не является терпимым, он является неуверенным. Истинная проблема в дискуссии о толерантности заключается в том, что наши позиции становятся все время расплывчатее и бледнее. Почему нам так неприятно, когда нас клеймят «фундаменталистами»? Потому что мы не в состоянии ясно и однозначно обозначить наш фундамент, наше основание, встать и призвать наших критиков к ясности в этом. Мы должны, хотя бы в своих собственных рядах, обращать внимание на то, почему и в каких вопросах мы призываемся к терпимости: может, можно быть великодушным в одном каком-то определенном пункте, исходя из ясно и четко изложенной точки зрения, или может, здесь кроется неуверенность, так как своя собственная позиция потеряна?»¹.

Правда, и среди религиозных мыслителей есть такие, которые полагают, что человек может заблуждаться, что оппонент может быть прав и что необходимо изучить его точку зрения, какова бы она ни была². С их точки зрения толерантность рассматривается как другая сторона погрешимости. Один только Бог мог бы быть нетерпимым – в

¹Толерантность и истина. URL: <http://www.maranatha.org.ua/lib/protestant/Protestant02.pdf>.

² «Если вы закроете двери перед всеми заблуждениями, истина также останется снаружи» (Рабиндранат Тагор).

таком смысле: «Высшее разумное существо по самой своей природе необходимо должно быть нетерпимым»¹, являясь непогрешимым.

В современной России также есть немало людей, весьма настороженно относящихся к идее диалога. Так, например, Е. Наумов в статье «Коварное обаяние диалога» с раздражением пишет, что «диалог – одно из самых модных, и, если так можно выразиться, агрессивных слов в научной, культурной и общественно-политической лексике человечества последних десятилетий XX века. Этим словом нередко пытаются обозначать (или маскировать) совершенно различные явления, вследствие чего оно становится не только знаковым, но почти сверхъестественным, присутствуя, кажется, везде, где речь идет о предметах или людях, числом более двух: „диалоги у камина“, „диалог с читателями“, „воскресные диалоги“, „диалог культур“, „плоды политического диалога“, „диалог историка с источником“, „диалогический метод обучения“, „диалогизм мышления“, „автодиалог“ и, наконец, „диалогичность монолога“ и „безмолвный диалог“. Венцом этой пирамиды смыслов нужно, очевидно, считать „диалоги в живой природе“. Неужели „слово найдено“? Уж не является ли панацеей этот самый диалог?»².

В XX веке, – продолжает Е. Наумов, – диалог из способа обмена и обогащения идеями, поиска общего, взаимопознания и взаимопонимания все более превращается в инструмент целенаправленного воздействия одних его участников на других, инструмент тем более опасный, что совершенствование приемов и методов манипулирования и программирования чужого сознания и поведения далеко опережает вооружение человека эффективными средствами защиты своего внутреннего мира от нежелательных и, главное, непрошенных вторжений извне.

Думается, автор в своем сомнении по поводу культуры диалогической коммуникации опирался на формальное определение диалога как способа обмена репликами. Между тем, у диалога есть еще и содержательные признаки, о которых говорилось выше и которые включают манипуляцию и вмешательство во внутренний мир человека.

¹ Bonald L. De. Mubnges M/rares, poltiques, phibsophiques. Paris, 1819.P. 258–259.

² Наумов Е.Ю. Коварное обаяние диалога // Права человека в диалоге культур. М., 1998.

Применительно к деятельности СМИ концепцию гуманитарной коммуникативной культуры развивает Т.И. Фролова. В ее докторской диссертации¹ сформулировано и доказано несколько важных положений. В частности, констатируется, что от качества гуманитарной повестки СМИ зависит уровень гуманистичности медиаконтента и степень эффективности его влияния на позитивные преобразования в социальной сфере, на создание благоприятных условий для повседневного бытия людей, для поступательного развития человека и общества.

2.3. Медиа: категориальный и функциональный анализ **Понятие «медиа» в современной науке**

Проблемами медиа как особой сферы человеческих отношений занимались Д. Белл, М. Маклюэн, П. Бергер и Т. Лукман, М. Кастельс, Н. Луман, Д. Рашкофф, Э. Тоффлер, Р. Харрис², Т. Адорно и М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас³, а также многие отечественные исследователи: К.В. Ветров, И.И. Засурский, В.П. Терин, А.В. Шариков, Ф.И. Шарков⁴,

¹ Фролова Т.И. Гуманитарная повестка российских СМИ: теоретическая модель, журналистские практики, стратегии развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995; Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. Его же: Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005; Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003; Кастельс М., Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000; Рашкофф Д. Медиавирус. Как попкультура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003; Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2002.

³ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997; Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995; Его же: Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001; Его же: Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003.

⁴ Ветров К.В. Средства массовой информации постсоветской России: Особый путь вдоль проторенной дороги. М.: Книга и бизнес, 2004; Засурский И. Масс-медиа второй республики. М., МГУ, 1999; Тавокин Е.П. Массовая коммуникация: сущность и состояние в современной России. М., 2007; Терин В.П. Массовая коммуникация. Исследования опыта запада. М., 2000; Шарапова А.А. Динамика социокультурных функций телевидения в условиях постиндустриального общества: дис. ... канд. соц. наук. М., 2005; Шариков А.В. Парадигмальные трансформации отечественного телевидения // СОЦИС. 2006. № 10; Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. М., 2002.

Т.З. Адамьянц, Т.М. Дридзе¹, Я.Н. Засурский², Е. Вартанова³, А. Качкаева⁴ и многие другие исследователи. Однако само понятие «медиа» приобрело нынешний смысл благодаря Маршаллу Маклюэну, который обозначал с его помощью любые ресурсы – от устной речи и колеса до телевидения и роботов, – обеспечивающие передачу любых сообщений. Маклюэн относит к миру «медиа» речь и письмо, одежду, здания, транспорт («колесо, велосипед, самолет»), деньги, часы, печать, телеграф, игры, радио, телевидение, звукозапись и еще множество явлений.

Главная идея Маклюэна заключалась в том, что сами эти ресурсы представляют собой не просто передатчики сведений, а центральный элемент развивающейся цивилизации. Переход от одного медиума к другому (скажем, от романа к кино) ускоряет и усиливает коммуникационную функцию, что приводит к социальным и культурным изменениям. Появление радио и авиаперевозок привело к децентрации социально-политической структуры: Квебек сам себе центр в Канаде, Куба сама себе хозяйин и центр у враждебных берегов США и так далее. С помощью медиа человек глобализует свою центральную нервную систему, преодолевая ограничения пространства и времени. Именно поэтому постоянное присутствие медиа – включенного телевизора, например – становится столь необходимым: ведь медиа – уже часть нашей нервной системы. Маклюэн называет это «технологической симуляцией сознания», подчеркивая тем самым, что «медиа» имеют только и исключительно антропологическое определение как «продолжение человека». При этом эффекты медиа-технологий проявляются не на уровне мнения или концепции, а изменяют шаблоны восприятия без какого-либо сопротивления. Медиа эффект заключается не в ин-

¹ Адамьянц Т.З. В поисках имиджа: Как стать телезвездой. М.: Добрая книга, 1995; Ее же: Телекоммуникация в социальном проектировании индивидуальной среды: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М., 2002; Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семисоциопсихологии // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3; Ее же: *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации*. М., 1984.

² См.: Засурский Я.Н. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования // *Лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий*. М., 2007.

³ Вартанова Е. *К чему ведет конвергенция СМИ?* М.: Аспект-пресс, 1999.

⁴ Качкаева А. *Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные*. М., 2010.

формировании и осведомлении («*make aware*»). Скорее медиа выполняют роль побуждения/принуждения чему-либо случиться («*make happen*»).

Однако – писал Маклюэн – приспособиваясь к новым техно-органам, человек сам становится сервисным механизмом, обслуживающим воспроизводство и развитие технологической машины. Человек мутирует, становясь «половым органом машинного мира». Более того, возникает особое эротическое тяготение между медиа/техно объектами и людьми. Маклюэн настаивает, что подобное обращение означает блокирование нервной системы, отключение рациональной регуляции и активности восприятия, что ведет к преобладанию бессознательной нарциссической апатии (наркотический эффект медиа, «гаджет-любовник: нарцисс как наркоз»). Однако на фоне подобной деструктивной деиндивидуализации формируется внешнее «социальное сознание», особое чувство человечества, что означает переход от индивидуально-приватной рациональности и автономии к социальной разумности. Механизмом этой коллективной креативности, позволяющей одновременно вывести индивидуальную нервную систему из оцепенения, становится уже упоминавшаяся гибридизация медиа, дающая новую энергию для новых форм.

Технологии коммуникации рассматриваются Маклюэном в качестве решающего фактора процесса формирования той или иной социально-экономической системы. Так, уже в «Галактике Гутенберга» он показывает, что развитие и экономической, и социально-политической инфраструктуры индустриального общества было бы невозможно без того кардинального изменения коммуникативных стратегий, которое повлекло за собой изобретение печатного пресса. Лишь в условиях эгалитарно-массового распространения слова становятся возможными и частнособственническое предпринимательство, и демократизация общества на основе избирательного права, поскольку именно словом печатным, а не устным и даже не письменным формируется исходный элемент, и центральный агент такого общественного устройства – атомизированная, герметически изолированная от всех иных человеческая индивидуальность со специфической сенсорикой, ментальностью и телесностью.

Радикальная трансформация «сенсорного баланса», начало которой было положено еще изобретением письменности, в эпоху безраздельного господства печатного слова приводит к почти полному атрофированию всех иных каналов сенсорного восприятия, кроме визуального: человек превращается, по сути дела, в один большой глаз, у которого все иные возможности сенсорного контакта и, соответственно, коммуникации: тактильной, звуковой, обонятельной, вкусовой – сведены к минимуму.

Подобная оценка роли коммуникационных технологий в процессе становления и развития как самого человеческого существа, так и создаваемых им организационных структур, позволила Маклюэну сделать вывод о том, что технологии вообще, а технологии коммуникации в первую очередь, являются средством «продолжения» и одновременно «расширения» («extension») человеческих органов. Но если в случае колеса и телескопа речь идет о «расширении» возможностей движения и зрения, т. е. отдельных способностей человека, то в случае электронных (или «электрических», как называл их Маклюэн) средств коммуникации, ведущих свое происхождение от проволочного телеграфа, речь идет уже о «продолжении» и «расширении» самой нервной системы человека.

Развивая этот – широкий – подход, И.В. Жилавская дает следующее определение понятию «медиа»: «...это интегральная, саморазвивающаяся система, состоящая из многочисленных средств и каналов коммуникации, которые служат для обмена информацией между участниками этой коммуникации; при этом под средствами и каналами коммуникации мы понимаем любые естественные и искусственные носители контента в вербальной и невербальной формах»¹.

¹ Zhilavskaya I. The Total Media theory: the experience of justification. Astra Salvensis, year IV, No 12, 2018, p. 665–677.

Предлагаемое понимание концепта «медиа»

Наше понимание концепта «медиа» несколько иное и формулируется следующим образом. Внутри того, что М. Маклюэн и его последователи именуют медиа, отчетливо выделяются три совершенно разные подсистемы.

1. Инструментарий коммуникации (названные М. Маклюэном электрический свет, дороги, одежда, жилище, город, деньги, часы, колесо, велосипед, автомобиль, самолет, автоматическое оборудование, пишущая машинка, телефон, фонограф, кино, радио, телевидение, оружие и др.). Видимо, здесь надо подчеркнуть, что так понимаемый инструментарий существует до акта коммуникации. Инструментарием эти предметы, вещи и сущности становятся в процессе человеческого взаимодействия. То есть способность быть медиа приписывается человеком предметному миру как его функция. И по мере усложнения человека он использует в качестве инструментария все более широкий круг ресурсов.

Необходимость в инструментарии подобного рода появляется там и тогда, где и когда нужно уничтожить или уменьшить дистанцию между двумя субъектами, независимо от того, что мы понимаем под субъектами и дистанциями. Вероятно, именно это имел в виду Ф. Хайдер, который в 1926 году опубликовал эссе «Вещь и Медиум»¹. Именно Ф. Хайдер предложил называть некую материальную данность, исполняющую функции опосредования, словом «медиум», а саму опосредованную данность – словом «вещь». Развивая эту мысль, Л. Стародубцева констатирует, что в принципе любая «вещь» может послужить «медиумом», если она, в свою очередь, скрывает и тем самым являет собою другую «вещь». Совершенно очевидно, что само свойство медиальности вовсе не принадлежит ни вещи, ни взгляду, на нее направленному: это всего лишь ситуативная переменная, зависящая от возможности перемены взгляда «на» (вещь) взглядом «через» (медиум). И в этом смысле проницаемость (не столько для зрения, сколько для умозрения) – степень прозрачности вещи для направленного на нее созна-

¹ Heider F. Ding und Medium / Fritz Heider // Symposion. 1926. № 1. S. 109–157.

ния – способна превратить ее в медиальную оболочку. Слово – «медиум» молчания, письмо – «медиум» слова, печатная книга – «медиум» рукописи, электронный гипертекст – «медиум» книги¹...

Этот ряд медиальных «расширений» чем-то напоминает встроенные друг в друга медиасферы Режи Дебре (мнемосфера – логосфера – графосфера – видеосфера – гиперсфера...)².

И еще раз обратимся к тексту Л. Стародубцевой: очевидно, «медиум» появляется там и тогда, где и когда разворачивается «дистанция», которую необходимо преодолеть (так появляется письмо, чтобы соединить пишущего и читающего; так появляется музыка, чтобы связать извлекающего звуки и того, кто им внимает; так появляется рисунок, чтобы объединить рисующего и смотрящего). И с этой точки зрения именно опыт снятия «дистанции» призывает «медиума» и дает ему возможность сбыться³.

2. Технологии коммуникации (устная речь, письменная речь, формулы, комиксы, фотографии, кинофильм, видеофильм, книга, рекламный текст, балет, живопись, опера и т. п.). Довольно часто встречается утверждение, что технологии всегда деформируют информацию. (Знаменитое тютчевское: «мысль изреченная есть ложь».) На наш взгляд, этот популярный тезис, восходящий к Платону и подразумевающий, что мысль существует до слова и лишь потом ищет нужные слова (пусть не слова – звуки, иконы, ландшафты) для своего воплощения, нуждается в глубоком исследовании. Л.С. Выготский писал о том, что мысль не выражается в слове, но совершается в слове. Можно было бы поэтому говорить о становлении мысли в слове. Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то. Всякая мысль имеет движение, течение, развертывание, то есть мысль выполняет какую-то функцию, работу, решает какую-то задачу. Это течение мысли

¹ Стародубцева Л.В. Медиум и дистанция. Международный журнал исследований культуры. № 3(4) 2011: Культурная история медиа. С. 12.

² Дебрэ Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010. С. 80–81.

³ Стародубцева Л.В. Медиум и дистанция. Международный журнал исследований культуры. № 3(4) 2011: Культурная история медиа. С. 15.

совершается как внутреннее движение через целый ряд планов, как переход мысли в слово и слова в мысль¹. Это очень важная идея. Она переключается с тезисом М. Маклюэна о том, что медиа есть сообщение. Вполне вероятно, что действительно готовая идея, выраженная в одной знаковой системе, при ее перекодировке в другую систему деформируется. Но возможна ситуация, когда некий смысл сразу возникает в медиа-форматах, и тогда никакой деформации нет.

3. Посредники коммуникации (медиумы). Это третий участник любой коммуникации, если осуществление коммуникации требует посредника. Это гонец, это писец, это телеграфист, это переводчик, это рекламист, это журналист, пресс-секретарь и т. п. Функция посредника – помочь участникам коммуникации максимально полно и максимально комфортно донести смыслы друг до друга. Очень интересным в этой связи представляется замечание Б. Маркова о том, что первоначально в качестве медиумов выступали особые люди, к которым предъявлялись особые требования. Будь то авторы-гуманисты, священники, миссионеры, слуги короля, почтовые работники, государственные служащие, современные информационные службы – все они соблюдают особый этос служения. Суть его в том, что медиум служит не себе, а чему-то высшему. Поэтому проблема неисполнительности, коррумпированности служащих медиасистемы является вечной. Она решалась приданием особого статуса: медиумы занимают определенное положение, имеют особые привилегии, но ведут при этом аскетический образ жизни. Знаки, которые они распространяют, имеют особую форму. Так еще во времена фараонов были выработаны специальные требования к качеству и формату папируса, на котором записывались государственные постановления. И сегодня государственный документ подписывается официальным лицом и подтверждается гербовой печатью. Все это говорит о том, что даже письменные документы черпают силу авторитета не от истины, а от иных свидетельств².

¹ Выготский Л.С. Мышление и речь. URL: <http://works.doklad.ru/view/qbfBi7fu Qm4/69.html>.

² Марков Б. Проблема человека в эпоху масс-медиа. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/1785>.

Но главное отличие сегодняшней ситуации от той, какой она была во времена Гомера или Гутенберга, заключается в том, что количество производителей образов и смыслов практически сравнялось с количеством потребителей этих продуктов. Сегодня в мировом производстве разнообразных медиапродуктов участвуют сотни миллионов, а может быть, и миллиарды авторов. При этом значительно возрастает роль посредников, в качестве которых выступают мощные информационно-коммуникационные системы, благодаря которым субъект наблюдает уже не события, а наблюдения за событиями, «на всех уровнях произошло слияние двух ранее разделенных сфер – мира и картины мира – до неразличимости»¹.

Следует напомнить, что у посредника могут быть свои интересы, и не всегда эти интересы совпадают с интересами участников коммуникации. Также очевидно, что один из участников коммуникации может завербовать посредника, перекупить его, что, собственно, и происходит в этом мире постоянно. Кроме того, важно, чтобы и субъекты коммуникации, и посредник были вписаны в одну коммуникативную культуру, чтобы они были готовы взаимодействовать друг с другом.

Взятые в своей совокупности названные выше три подсистемы должны называться медиасистемой. Исследуемыми компонентами медиасистемы являются: медиаинструментарий, медиатехнологии и медиапосредники. Отсюда наше понимание медиакультуры: это совокупность знаний, умений, навыков, обеспечивающих эффективное использование медиаинструментария, медиатехнологий и медиапосредников.

Массмедиа в системе медиа

Чтобы как-то выделить из всего комплекса обозначенных М. Маклюэном мединституты ресурсы, которые прежде именовались средствами массовой информации (или средствами массовой коммуникации), возникло понятие «массмедиа». Об этом понятии также написано множество работ. Мы используем его в соответствии с определением, которое дал Н. Луман: *«В дальнейшем понятием „массмедиа“ должны быть охвачены*

¹ Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины. Основные проблемы и понятия. СПб., 2008. С. 39.

все общественные учреждения, использующие технические средства для распространения сообщений (Kommunikation). Прежде всего, подразумеваются книги, журналы, газеты, изготавливаемые на печатном станке; а также результаты всякого рода фото- или электронного копирования, в том случае если массовые продукты производятся ими для еще не определенных адресатов. Распространение сообщений в эфире также попадает под это понятие, если сообщения общедоступны, а не служат исключительно для телефонной связи отдельных участников. Массовое производство рукописей под диктовку, напоминающее средневековые скриптории, не должно удовлетворять [данному понятию], как и общедоступность пространства, в котором осуществляется коммуникация, – а значит, речь идет не о докладах, театральных представлениях, выставках, концертах, а, пожалуй, о распространении этих постановок на кассетах или дисках. Это ограничение может выглядеть несколько искусственным, но основная мысль состоит в том, что только машинное производство какого-либо продукта как носителя коммуникации – а не письменность как таковая – привело к обособлению особой системы массмедиа. Технология распространения здесь является почти таким же достижением, каким для экономики стала опосредующая функция денег: сама эта технология конституирует лишь медиум – условие **ОБОСОБЛЕНИЕ КАК УДВОЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ**, т. е. возможностей для формообразований, которые затем, в этом отличаясь от самого медиума, образуют коммуникативные операции, обеспечивающие обособление и замкнутость операций системы. Во всяком случае решающее значение имеет то, что между отправителем и адресатами не может состояться непосредственная (*inter Anwesenden*) интеракция. Интеракция исключена благодаря посредничеству техники, это имеет далеко идущие последствия, которые дают возможность определить понятие “массмедиа”»¹.

Обширная цитата нужна для того, чтобы указать на некоторые существеннейшие моменты: во-первых, какое бы то ни было сообщение должно быть «размножено» посредством техники, а личный контакт адресата и адресанта должен быть исключен; во-вторых, адресат этого «размноженного» сообщения не должен быть заранее известен. Тогда

¹ Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. С. 9–10.

перед нами будет явление, полностью описываемое сочетанием «масс-медиа».

Обратим внимание на примеры, которые приводит Луман: кроме «ожидаемых» здесь радио, телевидения, прессы, а также рекламных сообщений и пиар-информирования, в перечне оказались книги (то есть литература вообще, изначально оказывается масс-медийным продуктом), диски с копиями концертов или выступлений.

Однако некоторые авторы, развивая идеи Лумана, причисляют к массмедиа системы, традиционно так не рассматриваемые. Это:

- кинофильмы (возможны только благодаря техническому «медиуму», растиражированы, адресованы широчайшей неопределенной аудитории, их аудитория в отдельных случаях исчисляется десятками миллионов людей во всем мире);

- музыкальные альбомы (представлены на различных носителях, растиражированы, прослушивание возможно только благодаря техническим устройствам, адресованы широкой неопределенной аудитории, исчисляющейся сотнями тысяч людей);

- компьютерные игры (возможны только с помощью технических устройств, растиражированы, аудитория исчисляется сотнями тысяч людей);

- литература всех видов (возможно только благодаря типографским способам распространения либо посредством интернета; научная, специальная, художественная, *non-fiction*; растиражирована для неопределенной аудитории, в отдельных случаях аудитория исчисляется миллионами людей)¹.

И.П. Яковлев² предложил «звездную» модель взаимосвязи всех средств массовой коммуникации (рис. 9).

¹ Загидуллина М.В. Типы массовых коммуникаций в контексте теории масс-медиа (к постановке проблемы). URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/94602956>.

² Яковлев И.П. Стратегическое управление медиасферой: Учебное пособие. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т; Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2014. С. 33.

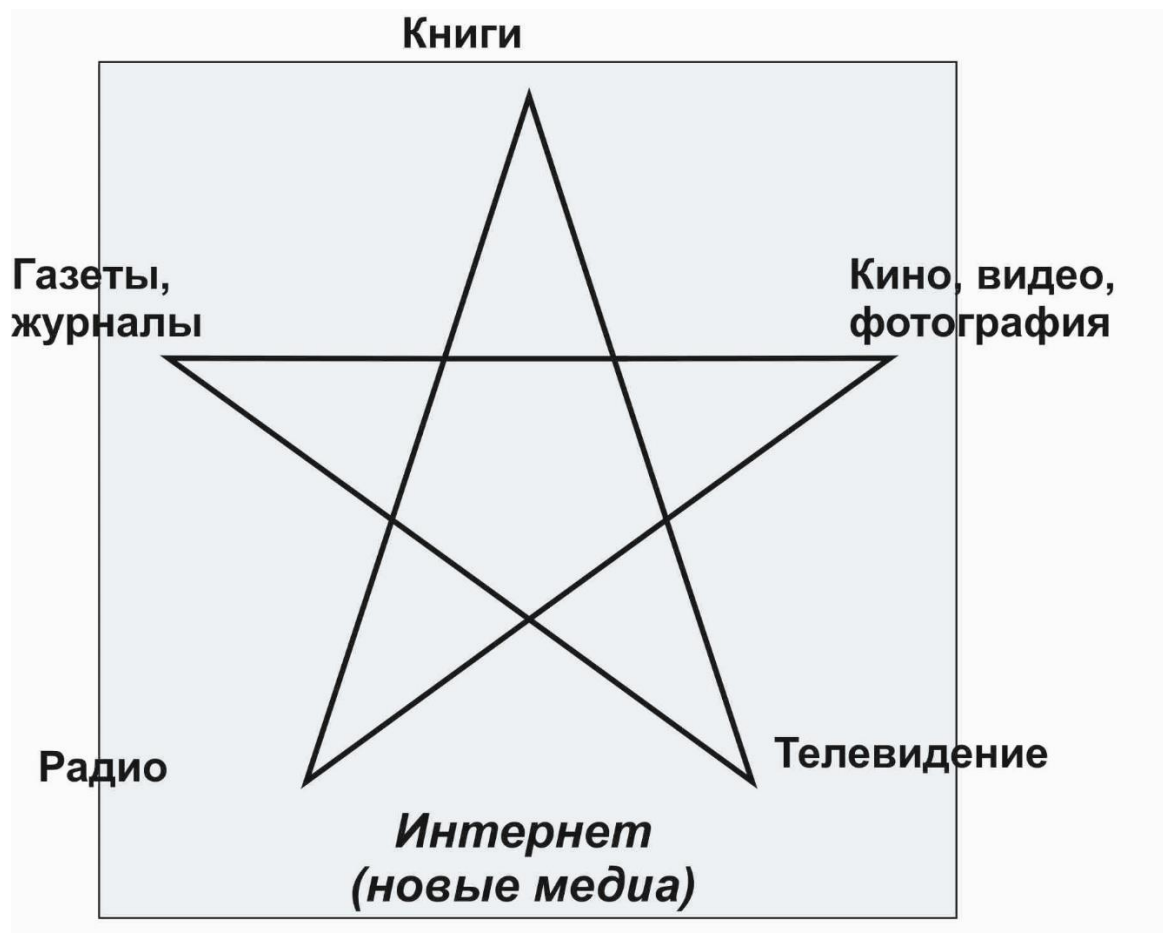

Рис. 9. «Звездная» модель взаимосвязи СМИ

Такой подход кажется нам вполне логичным. Например, художественные фильмы и особенно сериалы как механизмы «стереотипизации» массового сознания представляют собой идеальное средство распространения идеологии в силу самой специфики жанра, позволяющего визуально демонстрировать желаемые формы социальных взаимодействий, а также возможностей вовлечения зрителя в процесс самоидентификации относительно смыслов поступков экранных героев, где однозначно внушается водораздел и конфликт между «нашими» и «не нашими». Очевидно, что подобные сюжеты резонируют с реальными социальными проблемами полноценной включенности человека в социум и реализации гражданских прав и свобод, человеческого достоинства.

Постепенно приставка «масс» элиминировалась и понятием «медиа» стали обозначать именно средства массовой информации, под которыми

обычно понимают конвергентную систему, состоящую из радио, телевидения, печати и Интернета¹. Конвергенция предполагает соединение и объединение в одном издании различных способов донесения контента до потребителя, то есть появление так называемых гиперизданий, включающих различные комбинации представленных компонентов, как например: газета + интернет-ресурс, интернет-ресурс + телевизионный канал + радио и т. п. Интернет в этих связках современные исследователи называют «основным локомотивом конвергентных процессов и одновременно плацдармом, на котором они разворачиваются»².

На сегодняшний день обычно выделяются традиционные медиа, использующие только однонаправленные каналы коммуникации (печать, радио, телевидение, книгопечатание, технологии кино) и новые (или социальные) медиа, размещающиеся в интернете. Таким образом, термин «новые медиа» возник в ответ на необходимость обозначения медиа, которые распространяются цифровыми методами и являются интерактивными. В широком смысле «новыми медиа» можно условно назвать все средства массовой коммуникации, размещенные в интернете.

Основная проблема идентификации этих медиа состоит в том, что отсутствует унифицированная терминология для идентификации определенных понятий. Только для определения понятия сетевой журналистики можно насчитать около двадцати понятий: цифровые медиа, Интернет-СМИ, on-line СМИ, электронные СМИ, e-журналистика, веб-медиа, e-media, нью-СМК и др. Одни авторы определяют новые медиа как вполне профессиональные системы, отличающиеся от традиционных лишь тем, что существуют в цифровой среде. То есть в широком смысле «новыми медиа» можно назвать все средства массовой информации, размещенные в интернете. Главной особенностью таких медиа является реализация принципа интерактивности, то есть активного участия пользователей в создании и распространении медиаконтента. Но правят бал в так понимаемых новых медиа все-таки профессионалы.

¹ Шестеркина Л.П. Конвергентная журналистика и новые задачи журналистского образования // Журналистское образование в условиях конвергенции СМИ. Челябинск : РЕК-ПОЛ, 2012. С. 9–24.

² Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М.: Юнити-Дана, 2005.

Другие авторы обозначают этим понятием все формы коммуникации, происходящей в сетях, в том числе и нерегулярные обмены посланиями между участниками социальных сетей. Иногда для этих форм коммуникации используется понятием «социальные медиа».

В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации», в качестве базового термина предлагается использовать понятие «сетевое издание». Под термином «сетевое издание» понимается «сайт в информационно-телекоммуникационной интернет-сети, зарегистрированный в качестве средства массовой информации». В статье № 8 «Регистрация средства массовой информации» данного закона уточняется, что сайт в информационно-телекоммуникационной сети интернет может быть зарегистрирован как сетевое издание. В свою очередь, сайт, не зарегистрированный в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети интернет, средством массовой информации не является. Ключевым признаком при рассмотрении сетевого издания является его регистрация и размещение в интернете.

Вместе с тем необходимо констатировать, что помимо официально установленного термина «сетевое издание» особое распространение в научных публикациях получило понятие «интернет-СМИ» (А.А. Калмыков, Л.А. Коханова, М.М. Лукина, А.В. Минбалеев, И.Д. Фомичева¹ и др.). В энциклопедии Яндекс под интернет-СМИ понимается «регулярно обновляемый информационный сайт, пользующийся определенной популярностью и авторитетом (имеющий свою постоянную аудиторию)»². Ключевыми признаками в данном определении являются: регулярное обновление информации, наличие постоянной аудитории.

А.С. Игнатьева в своем диссертационном исследовании определяет интернет-СМИ как «средство не массовой, а глобальной коммуникации, сетевой ресурс, являющийся средством массовой информации, переведенный в онлайн-формат и предназначенный для передачи и распространения информации от адресанта к адресату в пределах

¹ Интернет-СМИ: теория и практика / О.А. Алексеева и др.; под ред. М.М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010; Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М.: ЮНИТИ, 2005; Минбалеев А.В. Проблемы правового регулирования Интернет-СМИ // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2010. № 5 (181). С. 97; Фомичева И.Д. Социология Интернет-СМИ. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005.

² Словари Яндексa. URL: <http://encycl.yandex.ru>.

планетарного масштаба...»¹. На наш взгляд, рассмотрение интернет-СМИ как средства глобальной (трансграничной) коммуникации, безусловно, имеет логическое обоснование.

Что же касается определения М.М. Лукиной², то под «интернет-СМИ» (также «web-СМИ», «онлайн-СМИ») автор подразумевает «род ресурсов в интернете, выполняющих функции средства массовой информации». При этом уточняется, что СМИ в интернете, так же как и традиционные медиа (газеты, телевидение, радиовещание), производят информацию, создаваемую с определенной периодичностью журналистским коллективом, и отражают жизнь общества.

Л.К. Лободенко также предлагает использовать в качестве обобщающего термина понятие интернет-медиа, которое включает в себя всю совокупность информационных и интерактивных ресурсов, поисковых систем, служащих для передачи сообщений и взаимодействия пользователей в сети. В свою очередь, социальные медиа (англ. *socialmedia*) представляют собой совокупность всех интернет-площадок, которые на основе онлайн- и оффлайн-технологий предоставляют пользователям возможность производить собственный медиаконтент и устанавливать коммуникации друг с другом. Другими словами, это интернет-ресурсы, созданные для самопрезентации и коммуникации пользователей в сети³.

Важным элементом медиaprостранства являются блоги, которые стали творческим или концептуальным развитием сервиса интернет-форумов в сторону их большей индивидуализации, приватности, расширения прав и возможностей отдельных интернет-пользователей. По видимому, популярность блогов связана с возросшим стремлением современного человека к самовыражению, к самостоятельному формированию своего круга общения и выбора источников информации. Блоги просто предоставили для этого удобные технические возможности. Их использование позволяет быстро создавать новые социальные

¹ Игнатъева А.С. Метафорика научно-публицистического медиатекстаonline-формата: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006.

² Интернет-СМИ: теория и практика / под ред. М.М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 342.

³ Лободенко Л.К. Концептуальная модель интернет-СМИ региона: кросс-коммуникативные аспекты. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. С. 44.

сети (блогосферы), не ограниченные государственными границами общества по интересам, увлечениям и симпатиям. В блогах возникают мнения, формируются и ниспровергаются авторитеты, обсуждаются новости и рождаются слухи. Они становятся одним из наиболее эффективных манипулятивных инструментов общественного мнения.

Исследования этого сегмента интернета показали, что основными функциями блога являются:

- информативная, т. е. возможность информировать других о своей деятельности и о том, что происходит вокруг; выразить свое мнение и каким-либо образом повлиять на мнения других; найти единомышленников и получить обратную связь. Это средство структуризации, «оттачивания» своего мышления путем его вербализации (по принципу думаю, когда пишу (англ.: think by writing)); возможность снизить эмоциональное напряжение.

- коммуникативная, предоставляющая возможность общения с людьми и вне контекста блога.

- релаксационная – это чтение блога как развлечение;

- прагматическая – зарабатывание денег, например, с помощью блога или использование блога в научных исследованиях;

- социальная – включает чтение ради социализации, ощущения своей со-причастности со значимым информационным событием;

- консолидирующая, которая тесно пересекается с социальной и коммуникативной функциями. Блог выполняет роль сплочения индивидов или групп индивидов и поддержку социальных связей как в онлайне, так и в офлайне;

- самопрезентационная – помогает себя показать, на других посмотреть как бы через свое «Я»; может стать и функцией саморазвития личности или играть психотерапевтическую роль (работа над самооценкой блогера¹).

Впрочем, различие СМИ по критерию «новые – старые» становится все менее значимым. Любой журналистский контент в том или ином виде попадает в интернет, становится интерактивным хотя бы в части комментариев и социальной дистрибуции. Кроме того, в сфере традиционных СМИ происходят революционные изменения. Так,

¹ Горошко Е. Политический блогинг в русскоязычном Интернете. URL: https://ru.ehu.lt/wp-content/uploads/2017/10/CrossRoad_3_4_2009.pdf.

например, телевидение активно осваивает возможности интеграции. Оценивая нынешнее состояние медиапространства, известный аналитик А. Калинин в статье «Телевещание: возраст магического преобразования» утверждает, что быстрый рост объема цифрового контента и расширение гаммы технических средств его создания, передачи, преобразований и поддержки, в том числе аудио, видео и мультимедиа (более 30 видов устройств отображения) вызовет многочисленные последствия в сфере медиа. Быстро снижаются стоимость и габариты мультимедийной техники. На базе интернета реализуется много разнообразных проектов в нескольких направлениях: InternetTelevision, WebTelevision и др., объединяемых зачастую общим названием модели ОТТ, довольно автономно развивается также IPTV.

На сегодняшний день можно выделить несколько разнонаправленных тенденций развития российской медиасистемы.

1. Первый процесс – дигитализации – предполагает использование единого цифрового формата для всех видов СМИ, создавая тем самым универсальную унифицированную технологическую базу для производства различного рода медиатекстов.

2. Важнейшее свойство «цифровой среды», которое повлияло на все компоненты коммуникации, – это предложение потоковой модели потребления контента. Если раньше между номерами газет и журналов, выпусками новостей на радио и телевидении были достаточно значительные интервалы, то с появлением интернета и в особенности социальных сетей появляется возможность непрерывного подключения к информационным потокам.

3. Следующий процесс, связанный с дигитализацией, – конвергенция. Конвергенция «в контексте медийных реформ обеспечивает разным СМИ новое концептуально-стратегическое взаимодействие с учетом их организационно-структурного сближения или полного слияния, включая формирование новых управленческих методик для оперативного создания оригинального информационного продукта с целью его размещения в различных медийных средах и захвата внимания потенциальной аудитории»¹. В условиях конвергенции СМИ достаточно

¹ Уразова С. Конвергентная журналистика уже реальность? // 625net.ru. 2011. № 1. С. 68.

сильно структурно-содержательно трансформируется процесс производства медиаконтента, и в частности, журналистских, рекламных и PR-медиа-текстов.

4. Интерактивная природа новых методов распространения информации также изменила традиционную для массмедиа вещательную модель коммуникации (от источника информации к потребителю, лишенному права на содержательную, контентную реакцию), а также отменила в течение очень короткого с точки зрения истории промышленности времени монополию на генерацию контента и его дистрибуцию.

5. Изменились требования к производителям контента. Рост таргетированных медиа потребовал привлечения в журналистику большого количества «пишущих специалистов» – авторов и редакторов, которые прежде всего являются экспертами в соответствующей узкой области (это могла быть и мода, и технология, и менеджмент), а журналистами оказываются только по роду деятельности, не получая никакого теоретического или этического образования.

6. Резко усилился политический контроль над медиа. Это стало возможным не только потому, что так захотела политическая элита, но и потому что российское медиасообщество оказалось разобщенным. Медиа, по крайней мере традиционные, не смогли противостоять давлению других действующих сил, отстаивать свою особенность и автономию; и оказались практически в полной зависимости от политической власти, ее финансовых и репрессивных возможностей¹.

Массмедиа как индустрия

Основная тенденция истории медиа – постепенный и неуклонный переход от ремесленного производства (журналист как индивидуальный создатель текстов), через мануфактурное производство (существование множества автономных редакций), к мощным медиакорпорациям.

Начиналась журналистика как способ самореализации конкретных индивидов. В эпоху Просвещения авторы в одиночку, собственными силами издавали журналы публицистической направленности.

¹ Гатов В. Будущее журналистики. URL: <http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/budushhee-zhurnalistiki/>.

Разумеется, появление первых европейских журналов в первую очередь определялось созданием в XVII веке определенной интеллектуальной среды, вошедшей в историю под названием *La Republique des Lettres* («Республика литераторов», или «Республика ученых»). Это понятие отразило новую форму общения европейских интеллектуалов, ориентированных на антисхоластические методы познания. Это своего рода интернациональное «братство литераторов», объединенных задачей поиска истины в «невидимые колледжи», свободные от теологических догм. Особенность первых европейских журналов – преимущественно научная ориентация. Научная переписка не могла вовлечь в коммуникацию достаточно большое число авторов. Известно, что первый европейский журнал *Journal des Savants* («Журнал ученых», 1665–1828) был создан по инициативе французского министра финансов Жана-Батиста Кольбера. Кольбер задумал периодическое издание, которое бы освещало научные, критические и литературные проблемы, стоящие перед интеллектуальной элитой Европы. В 1665 г. в Англии появился журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society* («Философские труды Королевского общества»).

В 1668 г. в Риме появился первый итальянский журнал, в котором помещались работы литературоведческого, языковедческого, философского характера. Журналы литературно-критического содержания во Франции ведут свое начало от периодического издания *Mercure galant* («Галантный Меркурий»), основанного в 1672 г. Королевскую «привилегию» на издание этого журнала получил популярный в то время драматург и полемист Жан Донно де Визе. В первые годы *Mercure galant* выходил нерегулярно, однако с 1677 г. де Визе сделал это издание ежемесячным. Особенным успехом у читающей публики пользовался раздел новостей, который можно было назвать разделом светской хроники.

Начало европейского Просвещения связано с идеями английских философов конца XVI столетия. Принятие в 1689 г. «Билля о правах» (учитывающем некоторые философские концепции Джона Локка) стало знаменательным событием не только для Англии, но и для всей Европы, ибо в «Билле о правах» была заявлена новая модель взаимоотношения личности и государства. Перед просветительской журнали-

стикой была поставлена задача исправлять нравы общества посредством просвещения и развлечения. Поэтому язык просветительских изданий отличался простотой и ясностью, чтобы быть понятным и доходчивым максимально большему числу читателей. В английской просветительской журналистике выделились два подхода к исправлению нравов – сатирический и морально-дидактический. Их не всегда можно разъединить, но если выделять крайние стороны, то нравоучительная журналистика Джозефа Аддисона и Ричарда Стиля оказываются с одной стороны, а едкая сатира Джонатана Свифта и Даниэля Дефо – с другой.

Персональный журнализм закончился с появлением влиятельных газетных магнатов, которые начинали диктовать информационную повестку дня данного издания или группы изданий. Понятно, что эти магнаты, определяя информационную повестку дня, учитывали интересы государственных структур и отчасти потребителей информации. Наступила эпоха «нового журнализма» или эпоха медиамануфактур. Внутри административного руководства газетного издания стали обособляться функции управления. Осознание самими журналистами конца эпохи персонального журнализма можно датировать возникновением первых журналистских объединений и ассоциаций, декларировавших в качестве своих целей защиту журналистов от всевластия редакторов и владельцев СМИ. Это произошло примерно 120 лет назад.

Нынешний этап развития массмедиа с полным правом можно назвать индустриальным. В медиасфере налицо все признаки существования особой индустрии:

- 1) внутренне слаженная система функций, выполняемых в обществе и соотносящихся с другими сферами человеческой деятельности;
- 2) материально-техническая база;
- 3) кадры (журналисты, сценаристы, режиссеры, редакторы, корректоры, наборщики, инженеры, художники, дизайнеры, телеведущие, SEO-специалисты и др.).

Медиаиндустрия представляет собой часть общественного производства, связанную с подготовкой информационных, идеологических и ценностных продуктов, направленных на удовлетворение определенных потребностей разных групп населения при условии получения выгоды или прибыли владельцами медиаресурсов.

Индустриализация медиапроизводства способствовала существенным изменениям всей сферы медиа. Можно выделить следующие тренды современной стадии индустриализации:

- **Мультимедиа́тизация.** Совмещение различных способов передачи и представления информации (текста, графики, видео, звука).
- **Визуализация.** Опора в транслируемом контенте на визуальные образы.
- **Адаптация к мобильным устройствам.** Разработка специальных программно-технологических средств передачи контента.
- **Геймификация.** Применение подходов, характерных для компьютерных игр, в программных инструментах для неигровых процессов с целью привлечения пользователей и потребителей. Это обеспечивает «мягкое» управление вниманием и коммуникационным поведением потребителей.
- **Твиттеризация.** Коммуникационная клиповость, возведенная на уровень одного из важнейших глобальных форматов коммуникации.
- **Кастомизация.** Изготовление массовой продукции под конкретный заказ потребителя путем ее комплектации дополнительными элементами. Потенциально одна из самых эффективных и социально опасных технологий в современных интегрированных коммуникациях.
- **Многоплатформенность.** Объединение различных по технологиям трансляции контента коммуникационных платформ.

Как и любая индустрия, медиаиндустрия прошла, а кое-где проходит до сих пор процесс концентрации и монополизации. В России феномен концентрации средств массовой информации стали анализировать с середины 1990-х годов. Было показано, что на отечественном медиарынке происходят постоянные трансформации организационного, экономического, содержательного характера, связанные с централизацией капитала в сфере информационно-коммуникационной индустрии. В последние годы исследователи показали, что конвергенция журналистики, внедрение в СМИ новых технологий (интернета, спутниковой и телефонной связи, цифрового телевидения) способствуют формированию крупных медиакомпаний. И на данный момент следует говорить о концентрации средств массовой коммуникации как о характерной и определяющей тен-

денции современной российской медиасистемы не только на общенациональном информационном рынке, но и на региональном уровне. Стали возникать медиакорпорации.

Однако в последние годы можно констатировать, что происходит переплетение собственности и образование корпораций, тесно связанных с различными областями экономики. Владельцами таких медиакорпораций становятся крупные коммерческие структуры, действующие в различных отраслях, в результате чего явно просматривается связь и взаимозависимость медиабизнеса с другими секторами экономики. Считается, что на данном этапе в условиях высокой конкуренции на медиарынке зачастую укрупнение компаний с включением в них внемедийных активов является единственным способом их существования.

Стремясь освоить возможности мирового информационного рынка, крупнейшие медиаконцерны в послевоенный период перешагнули национальные границы, их деятельность приобрела транснациональный характер. Наиболее крупные и экономически могущественные объединения, использующие новейшие коммуникационные технологии и огромные материально-финансовые ресурсы, сегодня доминируют на международном рынке новостей, их операции приобрели поистине всемирный размах. Сегодня на мировом рынке информации и коммуникаций ведущие позиции занимают могущественные корпорации, базирующихся в основном в США.

Таким образом, медиаиндустрия представляет собой часть общественного производства, связанную с подготовкой и распространением информационных, идеологических и ценностных продуктов, направленных на удовлетворение определенных потребностей разных групп населения при условии получения выгоды или прибыли владельцами медиаресурсов.

Становление медиаиндустрии вызывает у многих исследователей вполне обоснованную тревогу. Немецкий исследователь К. Вигерлинг пишет по этому поводу: «Нас окружают такие понятия, как кибергностика, виртуальная жизнь и киборги, повсюду говорят о новых измерениях знания и новом виртуальном качестве опыта. Однако в мире медиатехнологий на самом деле не возникло никаких непосредственных изменений, никакого *deusexmachina*, который открывает вход в рай

знающих... Под лозунгами глобализации, дерегулирования и децентрализации создан образ, который доминирует в массмедиа, но для нас недостижим и от нас независим»¹. Кроме опасности нового вида индоктринации, «миф коммуникации» скрывает огромные проблемы информационной избыточности, отсутствия коммуникативной экологии. Медиаконцерны, трубящие о новых коммуникационных возможностях, делают многое, чтобы эти возможности радикально ограничить. «Редко в прошлом неформальное самоопределение было столь подвержено опасности, как сегодня. Критическую, неконформную рыночную информацию сегодня, правда, труднее исключить полностью, но доступ к этой информации можно так усложнить, что право на неформальное самоопределение в действительности будет иметь только теоретическое значение», – заключает автор².

Разумеется, концентрация СМИ и создание информационных империй дает ряд положительных эффектов: возможность масштабных и дорогостоящих медиапроектов и углубленных журналистских расследований, кооперация и специализация журналистского труда, что объективно может приводить к повышению качества СМИ. Однако во всем мире признано, что концентрация и стремление к монополизму в сфере СМИ – это процесс весьма опасный, препятствующий свободе слова, плюрализму мнений, ограничивающий формирование общественного мнения. Чем выше концентрация СМИ, тем меньше возможностей получить разнообразную информацию по одному и тому же вопросу. Предельный случай концентрации и монополизма в тоталитарном государстве, когда разнообразие и плюрализм сведены к нулю. В Декларации о СМИ и правах человека отмечено, что ни частное предприятие, ни финансовая группа не должны иметь право на создание монополий в области СМИ³.

В последние годы происходит переплетение собственности и образование корпораций, тесно связанных с различными областями экономики. Владельцами таких медиакорпораций становятся крупные

¹ Wiegerling K., Medienethik. Stuttgart, 1998. С. 226.

² Wiegerling K., Medienethik. Stuttgart, 1998. С. 231.

³ Декларация о средствах массовой информации и правах человека. URL: <http://www.media-pravo.info/law/26>.

коммерческие структуры, действующие в различных отраслях, в результате чего явно просматривается связь и взаимозависимость медиабизнеса с другими секторами экономики. Считается, что на данном этапе в условиях высокой конкуренции на медиарынке зачастую укрупнение компаний с включением в них немедийных активов является единственным способом их существования.

Стремясь освоить возможности мирового информационного рынка, крупнейшие медиаконцерны в послевоенный период перешагнули национальные границы, их деятельность приобрела транснациональный характер. Наиболее крупные и экономически могущественные объединения, использующие новейшие коммуникационные технологии и огромные материально-финансовые ресурсы, сегодня доминируют на международном рынке новостей, их операции приобрели поистине всемирный размах. Сегодня на мировом рынке информации и коммуникаций ведущие позиции занимают могущественные корпорации, базирующиеся в основном в США.

Индустриализация любого производства влечет за собой как массу позитивных последствий, так и множество негативных. Неслучайно само понятие «экология окружающей среды» в современном понимании этого словосочетания возникло в связи с переходом производственной системы в индустриальную фазу. То же самое произошло (и происходит) с переходом медиапроизводства в индустриальную фазу¹.

2.4. Медиакультура: сущность и основные подходы к пониманию

Параллельно с осмыслением места и особенностей медиа в системе человеческой коммуникации возникло и стало набирать попу-

¹ Подробнее см.: Дзялошинский И.М. Экология медиасреды: этические аспекты. Монография. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2016; Дзялошинский И.М. Медиаиндустрия как источник угроз: модели защиты. Актуальные вопросы теории и практики медиаобразования в педагогической сфере. М.: МГПУ, 2017; Дзялошинский И.М. Еще раз о защите человека от медиаугроз: Традиционные и новые подходы // PR и СМИ в Казахстане: сборник научных трудов. Вып. 12. Алматы: казакуниверситеті, 2017; Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиа как пространство угроз: 15 лет в тени доктрины информационной безопасности // Коммуникации. Медиа. Дизайн [Электронный научный журнал]. URL: [https://www.hse.ru/data/2016/10/20/1108077758/comedi-01%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2016/10/20/1108077758/comedi-01%20(1).pdf); Дзялошинский И.М. Экология коммуникаций [Электронный ресурс]: учебное пособие. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019.

лярность понятие «медиакультура». Поначалу речь шла о культуре вообще, воспроизводимой для рядового человека текстами массмедиа. В каком-то смысле понятие «медиакультура» отождествлялось с понятием «массовая культура». Именно этот акцент на современных средствах коммуникации как проводниках актуальных духовных продуктов привел к закреплению понятия «медиакультура».

Медиакультура в системе категорий

Среди зарубежных авторов, заложивших основу для изучения так понимаемой медийной культуры, можно выделить В. Беньямина, М. Маклюэна, М. Кастельса, Н. Лумана.

В. Беньямин в своем эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» одним из первых обратил внимание на техническую составляющую в художественном творчестве¹. По его мнению, в мире художественной культуры возникла принципиально иная ситуация – появилась возможность репродуцировать и тиражировать произведения искусства, в результате чего они лишились своей «ауры», утратив связь с историей и традицией.

М. Маклюэн не только ввел в медиатеорию ряд новых тезисов и понятий: «средство есть сообщение», «расширение человека», «глобальная деревня», «электронное сообщество», но и дал характеристику культурных эффектов средств коммуникации, среди которых гипнотический и трайбализирующий эффекты, эффект специализации новых медиа и т. д.²

Свой вклад в осмысление медийной культуры внес М. Кастельс, утверждая, что формирование культуры определяется коммуникационными возможностями, мощное воздействие которых в настоящее время рождает «культуру реальной виртуальности»³.

¹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996.

² Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005; Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007.

³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Много внимания уделили исследованию проблем, связанных с погружением медиатекстов в символическую среду культуры, такие авторы, как А. Моль, Р. Вильямс, Ж. Бодрийяр, К. Дженкс, Дж. О'Доннелл, Дж. Томлинсон, К. Хейли, Э. Дарли, Дж. Люлль, Д. Келлнер, Ф. Джеймсон, Н. Луман и др.

Исследователи выделяют несколько направлений и подходов, в рамках которых изучаются медиа и медийная культура:

- **философский**, исследующий общеполитические и гносеологические проблемы медиареальности;

- **социологический**, предполагающий анализ социальных контекстов медиакультуры;

- **психологический**, в рамках которого исследовались механизмы смысловых самовыражений героев медиакультуры, где важной стороной аналитической деятельности является постановка себя на место персонажей, а также мысленное внедрение в ситуацию других персонажей, что изменяет суть социокультурной ситуации и позволяет «проиграть» варианты развития информационных событий;

- **собственно культурологический** подход, в рамках которого медиакультура рассматривается как особый тип культуры информационного общества;

- **аксиологический**, акцентирующий внимание на богатстве и оригинальности художественной концепции продукта медиакультуры, его соответствии конкретно-историческим и общечеловеческим культурным ценностям, общей значимости в формировании социализированной и самооценной творческой личности;

- **искусствоведческий**, представляющий медиакультуру как актуальную форму инновационного проявления художественной деятельности на базе новых информационно-коммуникативных технологий;

- **лингвистический**, направленный преимущественно на постижение правил, норм языка современной медиакультуры и раскрытие ее специфики;

- **технологический** подход к медиакультуре, согласно которому медиакультура представляет собой комплексное явление, включающее в себя различные средства, формы, виды коммуникативных технологий, особым образом организованную систему, отличающую ее от других коммуникативных систем.

Значительную часть исследований медиакультуры составляют работы журналистской направленности. В них медийная культура выступает как медиасистема, которая активно влияет на формирование общественного сознания людей, нормы их жизнедеятельности в целом.

Еще одним направлением, в рамках которого у нас в стране изучается медиакультура, является медиаобразование¹.

Различия в подходах очевидным образом сказываются на определении понятия «медиакультура». Можно выделить широкие – иногда очень широкие – определения и более или менее ограниченные определения.

К широким определениям мы относим такие, в которых медиакультура практически отождествляется с культурой вообще, да еще в ценностно-содержательном плане. В той или иной степени отождествление медиакультуры и массовой культуры встречается во многих работах².

Существует точка зрения, согласно которой медиакультура является ядром информационной культуры³. При этом формирование информационной культуры является стратегической целью государственной культурной политики и важнейшей задачей информационной доктрины. Информационная культура и ее ядро – медиакультура – основывается на принципах свободы творчества для ее создателей, но и их ответственности, устанавливаемой определенными «правилами игры».

Н.Б. Кириллова определяет медиакультуру следующим образом: «это детище современной культурологической теории, введенной для обозначения особого типа культуры информационного общества, являющейся посредником между обществом и государством, социумом

¹ См.: Вартанова Е. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et Contra. Т. 5. № 4. Российское общество и средства массовой коммуникации. Осень, 2000; Гук А.А. Медийная культура как техногенный феномен. URL: <http://mic.org.ru/new/542-medijnaaya-kultura-kak-tekhnogennuj-fenomen>; Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М.: МГУ, 1999; Кашкина М.Г. Медиакультура информационного общества в аспекте философского дискурса: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2012; Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2005; Кузнецова Е.И. Медиакультура в коммуникативном пространстве цивилизаций: монография. Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2008; Савчук В. Неизбежность медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteka/articles/savchuk_inevitability/; Третьяков В.Т. Теория телевидения: ТВ как неоязычество и как карнавал. Курс лекций. М.: Ладомир, 2015.

² См. работы Д. Белла, Д. Макдональда, Б. Розенберга, Э. Фромма, Ж. Фридмана, Р. Хоггарта и др.

³ Астафьева О.Н. Медиакультура и некоторые принципы формирования информационно-коммуникативного пространства. URL: <https://www.ronl.ru/referaty/raznoe/690885/>.

и властью»¹. И дальше: «Медиакультуру можно определить как совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Медиакультура включает в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия; она может выступать и системой уровней развития личности, способной читать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредством медиа и т. д.»² При этом Н.Б. Кириллова приписывает медиакультуре массу функций: информативную, коммуникативную, нормативную (идеологическую), релаксационную, креативную, интеграционную, посредническую. На наш взгляд, столь широкое понимание медиакультуры приводит к отождествлению медиакультуры и массовой коммуникации.

Существуют еще более «крутые» определения. Например, «медиакультура есть процесс повседневной деятельности информационного общества и представляет собой жизненный совокупный опыт мировой и отечественной культуры»³. В другом месте этой работы написано, что современная медийная среда сформировала определенный уровень медиакультуры, куда традиционно принято включать прессу, телевидение, кинематограф, радио, звукозапись, компьютеры и интернет. Как увязать эти два толкования – непонятно.

Ряд авторов полагает, что в современном информационном социуме медиакультура рассматривается как процесс развития личности с помощью и на материале массмедиа с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов⁴.

¹ Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2006. С. 7.

² Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2006. С. 8.

³ Кашкина М.Г. Медиакультура информационного общества в аспекте философского дискурса: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2012.

⁴ Федоров А.В. Организация и проведение научных исследований в области медиакультуры и медиаобразования. М., 2008 и др.

Есть и более узкие определения. Например, А.А. Гук определяет медийную культуру как совокупность информационно-коммуникативных технологий, использующих машинный способ продуцирования и распространения сообщений, конвергентных и тиражных по своей природе, рассчитанных как на массовое, так и на индивидуальное потребление¹. Рассматривая медиакультуру как становящуюся реальность, базовым принципом и природным качеством которой является ее принадлежность к технике и более конкретно к машине, предназначенной для осуществления процессов человеческой коммуникации, А.А. Гук включает в состав медийной культуры цифровую и аналоговую культуру, электронную и механическую культуру, экранную и неэкранную культуру и т. д. Данным средством (посредником) является машинный способ коммуникации, который кардинально меняет качественные характеристики коммуникативного процесса. В содержание коммуникативного сообщения (текста) в этом случае входит не только общезначимая информация, но и информация, идущая от возможностей того или иного технического средства как знаковой системы. Самое общее определение медийной культуры может быть такое – это тип культуры, функционирующий на основе механизированных информационно-коммуникативных технологий².

Отсюда наше понимание медиакультуры: это совокупность знаний, умений, навыков, обеспечивающих эффективное использование медиаинструментария, медиатехнологий и медиапосредников. Примерно об этом пишет О.В. Сергеева, когда утверждает, что медиакультура понимается как ценности, нормы, образцы, регулирующие практики использования средств коммуникации:

- 1) практики получения новостей;
- 2) практики передачи опыта и знаний при помощи медиа;
- 3) практики отдыха, развлечения, творчества, возможные благодаря медиа;
- 4) практики общения³.

¹ Гук А.А. Медийная культура как техногенный феномен. URL: <http://mic.org.ru/new/542-medijnaaya-kultura-kak-tehknogennyj-fenomen>.

² Там же.

³ Сергеева О.В. Медиакультура в практиках повседневности: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-sotsiologiya/a26.php>.

Поставив вопрос о том, как различаются средства коммуникации, О.В. Сергеева предложила следующие шкалы:

- а) материал фиксации текста;
- б) знаки, используемые для хранения текста;
- в) средства, необходимые для представления текста, и знаки, представляющие текст;
- г) вместимость носителя текстов;
- д) продолжительность «жизни» носителя текстов;
- е) особенности воспроизводства одного и того же текста;
- ж) способы навигации в тексте.

Выделенные шкальные признаки позволяли ей сформулировать тезис о том, что медиакультура включает в свой состав такие области, как книжная, экранная и цифровая культуры¹.

Нам представляется, что это деление достаточно корректно и позволяет обойтись без множества новообразований типа «сетевая культура»². «электронная культура»³ и т. д.

Медиаматрицы

Что касается матриц, задающих общие правила функционирования медиа, то их особенности хорошо видны при анализе работ, посвященных типам журналистской деятельности.

О том, что СМИ как общественный институт и журналистика как тип социальной деятельности функционируют в соответствии с нормами и правилами, вытекающими из специфики общественного устройства, специалисты узнали из давней работы американских социологов Ф.С. Сиберта, У. Шрамма и Т. Питерсона «Четыре теории прессы», опубликованной в Америке в 1956 г.⁴ Назвав эти нормы и пра-

¹ Сергеева О.В. Медиакультура в практиках повседневности: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-sotsiologiya/a26.php>.

² Астафьева О.Н. Медиакультура и некоторые принципы формирования информационно-коммуникативного пространства. URL: <https://www.ronl.ru/referaty/raznoe/690885/>.

³ Шлыкова О.В. Горизонты электронной культуры: новации коммуникации. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-268477.html>.

⁴ Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы; изд-во Вагриус, 1998.

вила «теориями прессы», авторы выделили четыре таких теории: авторитарную; либертарианскую; теорию социальной ответственности; советскую (коммунистическую). Суть этих теорий следующая:

1) авторитарная теория, суть которой заключается в том, что пресса должна поддерживать политику правительства и не имеет права критиковать власть и государственных чиновников;

2) либертарианская теория, предполагающая, что главная цель прессы – информировать читателей, развлекать их, помогать им находить истину, а также контролировать правительство;

3) теория социальной ответственности, в основе которой лежит регулируемая профессиональными кодексами деятельность прессы, направленная на объективное информирование читателей, а также предоставление им возможности обсуждать социально значимые проблемы и конфликты;

4) советская (коммунистическая) теория, базирующаяся на доминирующей роли коммунистической партии и предписывающая прессе быть проводником идей партии и безоговорочно поддерживать советскую социалистическую систему.

Согласно концепции Р. Уильямса¹, система СМИ может быть:

1) авторитарной, основной задачей которой является передача инструкций, идей и подходов правящей группы;

2) патерналистской – это вариант авторитарной модели, в которой у правящей группы, помимо задачи сохранения власти, существует еще и ответственность перед обществом;

3) коммерческой, отличающейся от авторитарной и патерналистской большей степенью внутренней свободы, ограниченной, однако, одним условием: можно говорить все что угодно, если вы можете позволить себе это говорить с прибылью;

4) демократической, опирающейся на выработанную систему принципов, которыми следует руководствоваться.

Исследователь из Финляндии К. Норденстренг предложил пять теорий прессы:

1) либерально-индивидуалистическая теория берет за основу известную либеральную теорию;

¹ См.: Sparks C., Reading A. Communism, Capitalism and the Mass Media. London, Thousand Oaks, New Delhi. SAGE Publications. 1998. P. 52.

- 2) теория социальной ответственности предполагает служение обществу и гражданским интересам;
- 3) критическая парадигма базируется на радикально-демократической концепции;
- 4) административная парадигма обслуживает интересы элиты;
- 5) парадигма культурного посредничества воспитывает чувство коммунитаризма и взаимопонимания.

Дополнительно к этому К. Норденстренг выделяет четыре роли прессы:

- 1) сотрудничество с национальным государством;
- 2) наблюдение и информирование общества о важных вопросах;
- 3) помощь в организации общественных дебатов;
- 4) критические расследования со стороны общественных групп¹.

Еще одну концепцию предложили Д. Халлин и П. Манчини². Для анализа социальных и политических контекстов они предложили использовать следующие критерии:

- 1) развитие медийных рынков;
- 2) политический параллелизм, то есть степень и характер связей между медиа и политическими партиями;
- 3) развитие журналистского профессионализма;
- 4) степень и характер вмешательства государства в медийные системы.

На основании этих критериев Д. Халлин и П. Манчини выделили три модели медийных систем:

- 1) североатлантическую, или либеральную модель;
- 2) североевропейскую, или демократическую корпоративистскую модель;
- 3) средиземноморскую, или поляризованную плюралистическую модель.

Д. МакКуэйл предлагает несколько иные формулировки теорий прессы³:

¹ См.: Медиаиполитикаивпереходныйпериод. Культурная идентичность в эпоху глобализации. М.: Наука, 1998.

² Халлин Д., Манчини П. Сравнение медийных систем. Три модели медиа и политики. М., 2004.

³ МакКуэйл Д. Журналистикаиобщество. М.: МедиаМир, 2013. С. 48–74.

1) теория свободной прессы (аналогична либертарианской теории прессы Сиберта, Питерсона и Шрамма);

2) теория ответственности перед обществом;

3) теория «пресса как четвертая власть»;

4) теория публичной сферы (идея заимствована у Ю. Хабермаса, который понятием «публичная сфера» обозначил места, где интеллектуалы могут обсуждать проблемы текущей политики);

5) критическая теория, согласно которой пресса должна вскрывать несправедливость, неравенство и ложное сознание;

б) теория медиаменьшинств и демократического участия (повстанческая коммуникация) – медиа, защищающие угнетенные меньшинства.

С. Оутс, занимающаяся изучением медиасфер и медиаполитики постсоветских стран, сравнила советскую и российскую медиасистемы. По ее мнению, в СССР государственное влияние на медиа было практически абсолютным, в современной России оно более разнородно и может осуществляться через финансирование, запугивание журналистов, изъяны в законодательстве или другие практики. На основании проведенного анализа она выделила несоветскую медиамодель¹.

Эта же особенность находит отражение и в концепции евроазиатской медиаполитической модели, предложенной бельгийской исследовательницей Х. де Смеле². Используя дихотомию западных/восточных медиамodelей, Х. де Смеле отмечает, что влияние «западной модели» ограничивается развитием рыночных отношений, остальные компоненты медиасистем постсоветских государств во многом перекликаются с азиатскими прототипами. Для них характерны патернализм, низкая субъектность медиа (на уровне агентов влияния), жесткая подотчетность СМИ и опосредованное влияние рыночных отношений.

¹ Oates S. The Neo-Soviet Model of the Media // *Europe-Asia Studies*, Vol. 59, No. 8, December 2007. P. 1279–1297.

² De Smaele H. The Applicability of Western Media Models on the Russian Media System // *European Journal of Communication*. 1999. №14 (2).

В России проблемами типологизации СМИ активно занимались А. Акопов, Л. Реснянская, М. Шкондин и многие другие исследователи¹. Правда, чаще всего предметом их интереса был поиск эффективной формальной классификации СМИ, которая позволила бы создать для СМИ некое подобие периодической системы Менделеева, в клеточках которой разместились бы все возможные типы СМИ.

Наш подход к анализу типов СМИ и журналистики был впервые сформулирован в 1988 году в статье, опубликованной в ныне забытом журнале «Слово лектора». Затем он излагался в некоторых других публикациях перестроечной эпохи². Позднее эти идеи были более или менее отчетливо выражены в книге «Российский журналист в посттоталитарную эпоху» и других публикациях³.

¹ См.: Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий. На примере специальных журналов. Иркутск, 1985; Бакшин В.В. Типологические характеристики еженедельника. Владивосток, 1984; Грабельников А.А. Массовая информация в России: От первой газеты до информационного общества. М., 2001; Методика типологического анализа периодической печати. М., 1995; Реснянская Л.Л., Фомичева И.Д. Газета для всей России. М., 1999; Средства массовой информации России. М., 2005; Типологическое развитие журналистики. Ростов-на-Дону, 1993; Типология изданий. М., 1990; Типология периодических изданий. Ростов-на-Дону, 1983; Типология периодической печати. М., 1995; Шкондин М.В. Системная типологическая модель СМИ. М., 2002; Шкондин М.В., Реснянская Л.Л. Типология периодической печати. М., 2007.

² Дзялошинский И. Еще раз о технократическом подходе // Слово лектора. 1988. № 4; Дзялошинский И. Журналистское мышление: особенности структуры и функционирования на современном этапе // Средства массовой информации в формировании нового мышления. Л., 1989; Дзялошинский И. Советская журналистика: три парадигмы творчества // Журналист. Пресса. Аудитория. Л., 1991; Дзялошинский И. Категории и парадигмы журналистской деятельности // Основные понятия теории журналистики. М., 1993.

³ Дзялошинский И. Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности. М., 1996; Дзялошинский И. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. М., 1996; Дзялошинский И. Как создаются «герои» и «дьяволы» // Советник, 1997. № 1; Дзялошинский И. В плену манипулятивных технологий // Советник. 1997. № 7; СМИ и структуры гражданского общества: проблемы взаимодействия. М., 1999; Дзялошинский И. Редакционная политика как фактор успешной деятельности СМИ. М., 2000; Дзялошинский И. Три типа профессионального поведения журналиста // Профессия Журналист. 2001. № 4; Дзялошинский И. СМИ, власть и гражданское общество в регионе. М.: Пульс, 2002; Дзялошинский И. Какая журналистика может считаться социальной? // НКО и СМИ: мостик через пропасть. М., 2002; Дзялошинский И. Политические технологии в пространстве масс-медиа // Эффективное антикризисное управление. 2003. № 5–6; Дзялошинский И. СМИ, власть и гражданское общество в поисках баланса интересов // Региональные СМИ и демократия в России. М., 2003; Дзялошинский И. Russia: Cultural Transformations, Tolerance, and the Media. South Atlantic Quarterly 105(3): 617–636 (2006); Дзялошинский И.

Автор этой книги много лет назад предложил подход, согласно которому в рамках российской профессиональной журналистской культуры сосуществуют несколько альтернативных парадигм профессиональной деятельности, отличающихся друг от друга всеми компонентами, включая и нравственно-этический. Все они располагаются в своеобразном «пространстве», образуемом векторами, в качестве которых выступают фундаментальные социально-профессиональные установки, определяющие общий характер отношения журналиста к аудитории.

Первая из таких установок ставит журналиста **над аудиторией**, определяя его право рассматривать своих читателей (зрителей, слушателей) как объект управления (воспитания, формирования), а себя – как носителя или транслятора управленческих программ разного типа и уровня. Конечным смыслом деятельности журналиста в рамках данного подхода является «**влияние**» («**воздействие**»). Чаще всего такой подход к журналистике реализуется через понятие «четвертой власти». Журналист, разделяющий эту идеологию, рассматривает себя как агента политической, экономической или социальной деятельности, достигающего поставленных перед ним целей путем влияния на общественное сознание. Другими словами, целью такой журналистики является управление сознанием и поведением людей.

Подобного рода журналистская практика получила свое достаточно фундаментальное обоснование в работах многих теоретиков и исследователей, создавших комплекс стройных и по-своему совершенных концепций управляющего воздействия, опирающихся на представление об активной роли средств массовой информации, выступающих в качестве субъекта пропаганды, и пассивной (несмотря на многочисленные оговорки) роли аудитории, рассматривавшейся в качестве объекта идеологического, пропагандистского воздействия.

Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М., 2006; Дзялошинский И. Роль СМИ в организации диалога власти и общества // Роль СМИ в формировании гражданского общества. М.: Хроникер, 2006; Дзялошинский И. СМИ как субъект публичной политики. Публичная политика в современной России. М., 2006; Дзялошинский И. Инновационная журналистика: модное словосочетание или путь развития СМИ // Телецентр. 2007. № 1 (21); Дзялошинский И. Гражданские коммуникации в негражданском обществе // Медиаобразование: от теории к практике. Томск, 2007.

Вторая установка позволяет рассматривать **журналистику как сферу бизнеса**. Редакция становится бизнес-структурой, производящей некий продукт, востребованный на рынке¹. В рамках этой модели журналист рассматривается (и сам себя рассматривает) как производитель товара под названием «информация». В этом случае журналист ориентируется на отношения информирования и считает своей основной профессиональной обязанностью поставлять аудитории разнообразные интересующие ее сведения, данные, материалы. Его главная цель – делать пользующийся спросом товар. Экономические факторы подталкивают редакции к роли агентства по сдаче в аренду своих возможностей влиять на аудиторию. В этой связи наблюдается следующая тенденция: журналистские материалы часто становятся лишь рамкой для рекламирования тех или иных отраслей, предоставляющих потребителям определенные товары и услуги. Одна из версий описанного выше подхода предлагает рассматривать журналистику как сервис.

Обе эти установки, несмотря на существенные различия между ними, приводят к отчуждению аудитории от СМИ.

Третья установка требует от журналиста находиться **внутри определенного человеческого сообщества**, рассматривать себя как заинтересованного участника совместного с аудиторией поиска решений сложных жизненных проблем. Эта журналистика самоопределяется в таких терминах, как «гражданская», «коммунитарная», «гуманитарная», «журналистика соучастия», «партнерская» и т. п.² Основной функцией/ролью такой журналистики становится «модератор диалога». Это означает, что журналистика может и должна создавать среду для равноправного диалога между различными социальными группами – сколь ни велики они и ни отличны по идеям, целям и организации, – в ходе которого могут разрешаться социальные противоречия и конфликты. Журналистика может и должна объединять в

¹ Варганова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2003; Гуревич С.М., Иваницкий В.Л., Назаров А.А., Щепилова Г.Г. Основы медиамаркетинга / Под ред. С.М. Гуревича. М.: МедиаМир, 2007; Энциклопедия мировой индустрии СМИ. М.: Аспект Пресс, 2006; Основы медиабизнеса: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2009.

² Подробнее см.: Дзялошинский И.М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. М., 1996; Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М.: Престиж, 2006; Дзялошинский И.М. Профессиональная этика журналиста. М.: Юрайт, 2016.

едином информационном пространстве противоречивые мнения и установки, которые, став достоянием общественности, именно на этом пространстве могут найти пути сближения или, во всяком случае, аргументы для доказательства собственной состоятельности. Эта функция особенно необходима в обществе, раздираемом конфликтами и расколотом на лагеря, обществе, неспособном найти примирение на площадях и трибунах. Это та функция, которая способна перевести конфликт, разрушающий единство, в конфликт, выявляющий проблему, и тем самым приблизить его разрешение не на уровне уличной потасовки, но на позициях разумного и прагматического публичного диалога¹.

Как же выглядит ситуация в российских СМИ, если воспользоваться предложенной выше классификацией?

Первая группа – СМИ воздействия, принадлежащие государству и корпорациям, главной задачей которых является обеспечение влияния на общественное мнение и стереотипы поведения населения, представляют собой наиболее мощный и обеспеченный коммуникационный ресурс. Известно, что в настоящее время учредителями большинства региональных и до 80 % муниципальных газет России являются органы государственной и муниципальной власти, что отражается и на редакционной политике этих изданий², и на их экономической независимости, поскольку, так или иначе, все они субсидируются из средств региональных и местных бюджетов.

¹ Подробно технология диалога в СМИ изложена в следующих работах: Реснянская Л. Двусторонняя коммуникация: методика организации общественного диалога. М., 2001; Груша А. Формы и методы организации взаимодействия субъектов политики. Пресса и политический диалог. М., 2001; Прохоров Е. Режим диалога для демократической журналистики открытого общества. М., 2002.

² Полученные в ходе различных исследований материалы свидетельствуют о том, что отношения между властью и СМИ в России самоопределяются либо в терминах подчинения и услужения, либо в терминах войны. Третьего – то есть диалога, партнерства – не получается. На региональном уровне для руководителей любого ранга характерно абсолютное нежелание учитывать особенности СМИ как самостоятельного социального института, стремление превратить журналистов в своих подручных, которым положено выполнять спущенные им поручения. Руководители администраций видят в местной прессе прежде всего нечто вроде дополнительной информационно-аналитической службы, а также отдела по работе с общественностью, но никак не контролера и критика своих действий. При всех индивидуальных различиях в возрасте, образовании, жизненном опыте руководители региональных и местных администраций рассматривают СМИ не как самостоятельный институт гражданского общества и не как особый, относительно

СМИ второй группы, которые обычно называют коммерческими, потому что они ориентированы на извлечение прибыли за счет удовлетворения интересов и потребностей аудитории, тоже чувствуют себя неплохо. Неприязательная массовая аудитория с удовольствием поглощает контент не очень высокого качества.

Однако коммерциализация СМИ привела к тому, что многие из них перестали не только соответствовать своему информационному назначению, но и выполнять присущие им культурные, просветительские и другие функции. Отсутствие традиций гражданского общества, исключенность населения из политического процесса привели к тому, что коммерческие СМИ вынуждены удовлетворять весьма узкие, по большей части бытовые и развлекательные интересы своей аудитории, да к тому же весьма вольно интерпретируемые менеджерами медиапредприятий.

Третья группа СМИ, которые позиционируют себя как общественный институт, защищающий интересы общества от власти и капитала, в общем количестве СМИ незначительна и их судьба незавидна.

Переходя к анализу текстовых матриц, укажем, что именно этот уровень является предметом многочисленных филологических исследований. Достаточно указать на давнюю традицию описания жанров литературы, публицистики и журналистики. Так, например, под жанром в журналистике понимают форму отражения действительности, выраженную в виде журналистского произведения, созданного на основе выработанных профессиональной средой образцов¹. В сфере корпоративных коммуникаций выработана своя классификация коммуникационных матриц².

Различные системы текстовой деятельности используют для порождения текста разные матрицы. Так, например, анализируя ситуацию в российской литературе, Дм. Быков говорит о том, что классическая русская литература основывалась на очень жесткой матрице.

самостоятельный информационный бизнес, а исключительно как информационно-пропагандистский придаток к администрации. Многие из них изначально убеждены в том, что дело журналистов – помогать им, руководителям, решать стоящие перед ними проблемы.

¹ См., напр.: Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 2008.

² См.: Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика. М.: Дело, 2014.

«Сюжетная схема XIX столетия включает в себя несколько непреходящих узлов. Например, дуэль недочеловека со сверхчеловеком, условно говоря, дуэль лишнего человека со сверхчеловеком. Адюльтер, который является метафорой роковых, трагических отношений с властью, такой своеобразной проекцией ее. Большинство русских романов XIX столетия начинаются в салоне, а заканчиваются на каторге или на войне. Отчасти потому, что нет других локаций. В салоне начинается «Княгиня Лиговская», пролог такой недописанный к «Герою нашего времени», и на кавказской войне оказывается Печорин. Или, во всяком случае, на Кавказе, в крепости. На каторге заканчивается фабула большинства романов Достоевского. На каторге оказывается Пьер, который возвращается оттуда в романе «Декабристы». Каторгой заканчивается и «Воскресение». Более того, «Фрегат «Паллада» заканчивается каторгой, потому что в салоне заключается пари, что автор совершит кругосветное путешествие, в финале он возвращается из него, встречаясь как раз с ссыльными декабристами. Это такой важный путь русского романа, начатый еще в «Онегине», который начинается тоже в салоне, а заканчивается, как мы можем судить по реконструкции Дьяконова, отъездом Татьяны с мужем-генералом в Сибирь¹.

По мысли Быкова, эти сюжетные узлы, плюс обязательное путешествие, которое позволяет задать координаты русского мира, сменяются в XX веке совершенно иной матрицей. Это роман об адюльтере, о бегстве с любовником, о смерти прежнего мужа и о рождении мертвого ребенка. То есть такая метафора революции, причем бегству с любовником предшествует инцест, который есть обязательно и в «Тихом Доне», и в «Докторе Живаго», и в «Лолите» – трех главных романах XX века. Ссылаясь на филолога Сергея Оробия, Быков констатирует, что в матрице современного русского романа заданы два основных элемента: война и бегство. Что придет на смену этой матрице – большой вопрос. Ясно одно – «хрустит по швам, трещит действительно очень долгая, очень живучая концепция сверхгосударства, государства-церкви, концепция государства, которое совершенно подменяет человека, которое является замкнутой крепостью,

¹ Передача «Один» с Дмитрием Быковым. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/2259600-echo>.

и так далее. Это все гибнет на наших глазах, разлагается, тает уже. Мы видим сегодня неспособность, полную нежизнеспособность этой идеологии просто потому, что она ничего не может предложить, кроме как неизвестно умирать во славу неизвестно чего. Значит, надо выдумывать что-то новое. Вот это как раз сейчас самая занятная задача – попытаться сформулировать национальную утопию»¹.

В сфере риторики много столетий существуют довольно жесткие матрицы организации публичного общения. В статье В.И. Убийко предложена следующая классификация риторических матриц (именуемых автором дискурсами) и соответствующих им форм речевого поведения:

- акционально-прагматический (ключевыми словами являются *дело, делать, строить, спасать*; идет апелляция к деятельности);
- рационально-идеалистический (*честный, бесчестный, понять*; апеллирует к разуму и идеалу);
- иррационально-романтический (ключевые слова – *духовность, вера, православие, покаяние*; апеллирует к духовным архетипам культуры);
- провокационно-эмоциональный (широкий выбор ключевых экспрессивных выражений, апеллирует к эмоциям);
- цинично-прагматичный (апеллирует к деляческой хватке, к цинично-приземленному взгляду на жизнь) и иные².

М.А. Пильгун, изучая коммуникативное поведение пользователей российского интернета, выделила пять основных коммуникативных матриц (именуемых типами коммуникативного поведения).

1. Информативно-аналитический тип коммуникативного поведения предполагает очень представительное присутствие в интернете. Этот тип присущ совсем молодым людям и предполагает наиболее активную деятельность в сети и создание контента.

2. Коммуникативно-гедонистический тип (35 % среди респондентов 21–26 лет; 45 % среди молодежи 18–20 лет). В рамках этого

¹ Передача «Один» с Дмитрием Быковым. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/2259600-echo>.

² См.: Убийко В.И. О типологии политических дискурсов и их прагматической обусловленности // Политический дискурс в России – 4. Материалы рабочего совещания. М., 2000. С. 102.

типа представленность пользователя в соцсетях и блогах менее заметна. С помощью веб-инструментов такие пользователи поддерживают имидж активных «интернет-тусовщиков».

3. Презентативный тип поведения присущ пользователям, которые, как и представители первой группы, уверенно обосновались в интернете. Они имеют аккаунты не менее чем в пяти социальных сетях и не менее чем в трех блогах. Эта группа проявляет определенную активность (отзывы, комментарии). Но главная цель таких пользователей – создание собственного имиджа в интернете и самопрезентация. Важно, что их виртуальный образ может сильно отличаться от реального.

4. Имитационный тип коммуникативного поведения свойственен более старшему поколению: людям 27–34 лет (21 % опрошенных в этой возрастной группе) и тем, кому 35–55 лет (42 %). Число их аккаунтов не очень велико. Они участвуют в форумах, но редко оставляют отзывы или какие-либо комментарии. Эту стратегию пользователи применяют для решения разных коммуникативных задач: получения оперативного ответа или эмоциональной поддержки, замены/имитации офлайн-общения и пр.

5. Потребительский тип поведения наиболее «возрастной» – в этой группе преобладают пользователи 35–55 лет (28 % опрошенных этого возраста) и старше 55 лет (26 %). Они имеют по одному аккаунту в соцсетях и блогах, не участвуют в форумах, но читают комментарии. Представители данного типа активно читают и отслеживают посты, но слабо участвуют в онлайн-взаимодействии¹.

Очевидно, что и в медиапространстве действуют совокупности более или менее жестких норм и правил (медиа матрицы), в соответствии с которым создается массмедийный продукт. Причем медиа матрицы регулируют медийную деятельность на всех этапах: при сборе информации, подготовке медийного продукта, выборе каналов его распространения и т. д. Очевидно, что основные характеристики медиатекста определяются особенностями той системы, в рамках которой он создается. В зависимости от целей массовой коммуникации

¹ Пильгун М.А. Основные коммуникативные паттерны в русскоязычной сетевой среде // Вопросы психолингвистики. 2015. Т. 2 (24).

можно выделить такие общесистемные медиаматрицы, как журналистика, реклама, пропаганда, PR.

Характерно, что не только профессиональные журналисты, имеющие специальное образование или прошедшие длительную выучку в редакциях, но и блогеры, да и просто любители, рискующие выйти за пределы домашних аккаунтов, строят свои произведения в соответствии с повсеместно используемыми нормами построения журналистского текста – вот многозначительный парадокс журналистики как типа творчества. Попытки разрешить этот парадокс наводят на мысль о какой-то известной всем матрице журналистского творчества, охватывающей те необходимые и достаточные закономерности, которые включены в порождение любого текста, предназначенного для средств массовой информации. Никто не утверждает эту матрицу официально. Ее никто не «держит перед глазами». Но каждый автор чувствует, каким именно требованиям должно отвечать его произведение. Впрочем, следует отметить, что ситуация существенно осложняется с появлением новых технологических требований к производству медиаконтента, что приводит к изменению жанров, форматов медиатекстов¹.

В последние годы появилось несколько новых типов журналистской деятельности, которые не укладываются в описанные выше три типологические модели или пытаются совместить особенности всех трех типов.

¹ Вот лишь две работы из безбрежного перечня: Мультимедийная журналистика. М.: Высшая школа экономики. 2017; Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М., 2010.

Условно эту типологическую группу можно назвать «**интегративной**». В эту группу можно включить такие модели, как объяснительная журналистика¹, кураторская журналистика², гонзо-журналистика³, дата-журналистика⁴ и некоторые другие.

¹ Сивякова Е.В. «Объяснительная журналистика» как феномен новой информационной среды: функциональные особенности // Международная научно-практическая конференция «Экология медиасреды: проблемы безопасности и рационального использования коммуникативных ресурсов». М.: Фак-т журналистики МГУ, 2015. С. 75–79.

² Кульчицкая Д.Ю. «Кураторская журналистика» как часть новой медийной экосистемы // Международная научно-практическая конференция «Экология медиасреды: проблемы безопасности и рационального использования коммуникативных ресурсов». М.: Фак-т журналистики МГУ, 2015. С. 61–63.

³ Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики URL: <https://crowdspace.ru/files/comment/790/bac/97f/ad2a4835d4885a692f11620.pdf>; Соколов-Митрич Д. Русское гонзо. URL: <http://ria.ru/authors/20090728/178891630.html>.

⁴ Бегтин И. Памятка по журналистике данных // Редакторский портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.redactor.in.ua/internet/3126.html>; Пособие по журналистике данных: Официальный сайт РИА Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/files/book/_site/введение_1.html; Рачинский С. Журналистика баз данных: модный тренд или будущее профессии? // Профессиональный интернет-журнал о медиарынке России и мира PlanetaSMI.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.planetasmi.ru/blogi/comments/6285.html>; Симакова С.И. Дата-журналистика как медиатренд. <https://cyberleninka.ru/article/n/data-zhurnalistika-kak-media-trend>. Филиппова А. Что такое дата-журналистика и чем она может помочь любой редакции. <https://jrnlst.ru/data-journalism-novaya>; Шерстюкова М.Н. Дата-журналистика как новое направление в системе средств массовой коммуникации // Международный электронный научно-образовательный журнал «Медиа. Информация. Коммуникация». 2012. № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://mic.org.ru/1-nomer-2012/65-1-shestukova-2>; Шилина М.Г. DataJournalism – дата-журналистика, журналистика метаданных – в структуре ме-диакоммуникации: к вопросу формирования теоретических исследовательских подходов // Медиаскоп. 2013. № 1.

ГЛАВА 3. МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ КАК КАЛЕЙДОСКОП СИМУЛЯКРОВ

3.1. Жизненный мир как реальность

Интуиция нормального человека убеждает, что окружающий нас мир существует на самом деле и человек является частью этого мира. Эта интуиция является не только естественной, но и единственно возможной как для размышлений об этом мире, так и для действия в нем. Разумеется, такую интуицию можно назвать наивной и утверждать, что на самом деле мир – это коллективная иллюзия, которую мы сами производим (любимый тезис некоторых философов). Но есть подозрение, что в таком иллюзорном мире живут иллюзорные люди. Разумеется, тезис об объективности мира никак не отменяет проблемы нашего понимания этого мира и места в этом мире наших пониманий, но это уже область логики и теории познания, в которую мы вторгаться не будем.

С этой точки зрения представляется перспективной система исходных постулатов, в рамках которой человек рассматривается как многослойная, многоуровневая противоречивая целостность, возникающая и развивающаяся в противоречивом единстве с миром, в который индивид «заброшен» без всякого согласия с его стороны. (Как известно, человек не волен выбирать ни родителей, ни время, ни место своего рождения.)

Смысловой образ понятия «жизненный мир»

Человек как активное, деятельное существо «вживлен» в жизненный мир, который предстает как пространство, в котором протекает жизнь человека и которое представляет собой некое «здесь-бытие» (Хайдеггер), то есть всегда как-то расположено, «имеет место», простирается в определенных границах¹.

¹ Жизненный мир не надо путать с объективным миром. Вообще категории «объективный», «субъективный» малопродуктивны при анализе человеческой жизни. Объективна или субъективна зубная боль? Объективен или субъективен ожог, полученный в сеансе гипноза? Обыденная «очевидность» отделенности живого существа от мира не может

Для обозначения этого мира, в котором пребывает человек, обычно используют понятие «действительность», с помощью которого обозначают абсолютно все, что является или может быть предметом отражения в сознании человека. Так, например, В.В. Красных пишет о том, что действительность – это всесущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его (не за границами сознания, а именно вне его, т. е. материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам). И если космос (вселенная, универсум), понимаемый как все познанное и непознанное, все познаваемое и непознаваемое, индифферентен к процессу познания, не связан с сознанием и, следовательно, может включать в себя нерасчлененное ничто, то действительность, связанная с процессом познания, с сознанием, содержит нечто и что-то, а лежащее за границами сознания ничто входит в действительность только через указанные категории (нечто и что-то). Таким образом, элементами (фрагментами) действительности являются факты в самом широком смысле: от артефактов до ментефактов. Следовательно, в действительность оказываются включенными и «домоуправ» (работник ЖЭКа / ДЭЗа), и «домовой». Мир художественной литературы при этом представляет собой, так сказать, «вторичную действительность», «виртуальную реальность», которая тоже является частью действительности. Из этого следует, что персонажи художественных произведений, населяя данную «вторичную действительность», созданную автором, также входят и в действительность «первичную». Иначе говоря, конкретный «домоуправ», с которым можно поговорить по телефону, – «элемент» действительности (это, очевидно, ни у кого не вызывает возражений), но и домовой, которого можно никогда в жизни не увидеть (и более того – в существование которого можно и не верить), и Остап Бендер, вынужденный

служить исходным онтологическим положением, ибо мы нигде не находим живое существо до и вне его связанности с миром. Категория «внешний мир» также не совпадает по своему содержанию с категорией «объективная действительность». Наряду с не зависящими от человека явлениями объективной действительности внешний мир включает разнообразные элементы, которых в объективной действительности нет, хотя их объективность, внеличностность для индивида несомненна. Например, «Бог» для верующего человека. (См.: Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984. С. 86.)

стать в конце своей «карьеры» домоуправом, суть такие же «элементы» действительности, как и реальный работник ДЭЗа, несмотря на абсолютно различную природу данных феноменов¹.

Не подключаясь к бесконечным спорам о том, что такое «действительность» и что такое «сознание», считаем возможным использовать для осмысления интересующей нас проблематики другой понятийный аппарат, опирающийся на такое понятие, как «жизненный мир». Говоря о жизненном мире, мы имеем в виду совокупность всех факторов и обстоятельств, в пространстве которых только и может жить и самоосуществиться человек и человечество. Что представляет собой этот жизненный мир? В какой мере и каким образом он определяет судьбу человека, а в какой мере зависит от человека? Каким образом человек получает информацию об этом мире и как человек взаимодействует с другими людьми в процессе совместного обживания жизненного мира? Без ответа на эти вопросы бессмысленно ставить все другие.

В сочинении Р. Авенариуса «Человеческое определение жизни» (1891) естественно-научное определение мира уходит на второй план и возникает понятие «жизненный мир» для того, чтобы описать человеческие отношения, человеческую социальность и ту культуру, которая окружает человека. Затем это понятие было использовано культурфилософом Р. Ойкеном в работе «Познавать и переживать» (1912). В ней он противопоставляет понятие жизненного мира «целерациональному» понятию бытия.

Однако полноценное обоснование понятию «жизненный мир» дал Э. Гуссерль. Жизненный мир, по Э. Гуссерлю, состоит из суммы непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения. Такие очевидности выступают дофилософским, донаучным, первичным в логическом плане слоем любого сознания, являясь базисом, условием возможности сознательного принятия индивидом теоретических установок. Данные условия возможности совпадают с областью общеизвестных представлений, которые обладают характером «автоматических» неосознаваемых регуляторов смыслополагания.

¹ Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.

Если Э. Гуссерль связывал с жизненным миром мир априорных (дотеоретических) очевидностей, который открывается в результате вынесения суждений об объективном мире за скобки, то в дальнейшем в феноменологической социологии (начиная с А. Шютца) под жизненным миром стал пониматься intersубъективный мир повседневной практической деятельности и культуры¹. Для Шютца и его последователей жизненный мир – это наша непосредственная «интуитивная среда», где «мы, как человеческие существа среди себе подобных, переживаем культуру и общество, определенным образом относимся к окружающим нас объектам, воздействуем на них и сами находимся под их воздействием». Жизненный мир дан человеку в момент переживания, т.е. в «чистом», субъективном опыте и предшествует рефлексии. В жизненном мире нет значений, а есть лишь чувства². Это означает, что по отношению к этому миру вырабатывается особая, т. е. естественная установка, которая означает наивную точку зрения находящегося в конкретной ситуации человека, принимающего окружающий мир на веру, не требуя доказательств. Это «круг уверенностей», к которым относятся с давно сложившимся доверием³. Другими словами, жизненный мир может рассматриваться как нечто объективное и противостоящее человеку, а может быть представлен как некая intersубъективная иллюзия, воспринимаемая всеми разделяющими эту иллюзию.

Говоря о жизненном мире, стоит вспомнить некоторые идеи К. Ясперса. Ясперс полагал, что мы живем и мыслим внутри некоего горизонта. Но сам факт, что существует горизонт, указывает на что-то, что находится по ту сторону горизонта. Так мы получаем понятие объемлющего. «Бытие, – пишет немецкий философ, – которое не есть ни только субъект, ни только объект, которое в расщеплении на субъект и объект присутствует и в том, и в другом, мы называем объемлющим. Хотя оно и не может стать адекватным предмету, мы в философствовании говорим, отправляясь от него и приближаясь к нему»⁴. Бытие –

¹ Шютц, А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2; URL: <http://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf>.

² Абушенко В.Л. Феноменологическая социология // Новейший философский словарь / сост. Грицанов А.А. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998.

³ История социологии: Учеб. пособие. Мн.: выш. шк., 1993. С. 215–219.

⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 424.

по Ясперсу, есть мир, мельчайшая часть которого составляет и сторону нашего существа; оно есть и трансценденция, т. е. бытие, в которое мы не входим, но на котором мы основаны. Трансценденция обступает нас со всех сторон, постоянно взывая к нам. Мы его можем не услышать, но оно говорит с нами, оно не видимо, как видимы предметы эмпирического опыта, но оно пронизывает нас. Отказаться от трансценденции – значит замкнуть себя в эмпирическом мире вещей и самого себя знать только как эмпирическое существование. Но человек всегда больше того, что он знает о себе, больше, чем он есть в своей жизнедеятельности¹. Другими словами, понятие жизненного пространства, несомненно, включает в себя и адаптационный смысл: эту часть социального пространства освоил человек и к ней приспособился.

Чрезвычайно широкое понимание жизненного мира предлагает Ю. Хабермас, включающий в его состав в качестве структурных компонентов культуру, общество и личность. Содержание жизненного мира составляют комплексы коммуникативных действий, нацеленных на кооперацию, взаимопонимание, обмен символами и значениями. Этот мир коммуникации создается субъектами, принадлежащими единому intersубъективно разделяемому миру языкового сообщества. Его невозможно наблюдать (говорить о нем в третьем лице), в него можно только войти в перформативной установке (во втором лице). Жизненный мир, – поясняет Ю. Хабермас, – это резервуар, из которого участники коммуникации черпают убеждения, чтобы в ситуации возникшей потребности во взаимопонимании предложить интерпретации, пригодные для достижения консенсуса².

В психологии понятие «жизненного мира» активно использовал К. Левин, который пытался понять, как внешняя реальность воздействует на психологический мир человека³. Речь идет о том, что абсолютно податливых и благоприятных сред для жизни и реализации

¹ Мудрагей Н.С. Коммуникация как мера человека (возрождая Ясперса). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-kak-mera-cheloveka>.

² Подробно взгляды Ю. Хабермаса на жизненный мир исследованы в статье: Ним Е.Г. Жизненный мир и масс-медиа: онтологические трансформации. URL: <https://viviophica.com/articles/culture/150994/1>.

³ Левин, К. Определение понятия «поле в данный момент» // Хрестоматия по истории психологии (период открытого кризиса: начало 10-х – середина 30-х годов XX века). М.: Изд-во МГУ, 1980; Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000; Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000; Левин К. Топология и

творческих устремлений не существует. По терминологии К. Левина, это вопрос о жизненном пространстве индивида и его граничной зоне. Левин намечал в качестве одной из задач дальнейшего психологического исследования именно изучение граничных зон жизненного пространства. Он предложил называть эту область исследования *психологической экологией*¹.

Психолог Ф.Е. Василюк² придал понятию «жизненный мир» строго психологический смысл. В его концепции жизненный, психологический мир человека содержит в себе особые феномены (в первую очередь трудность и боль), которые хотя и являются полностью психологическими и принадлежат исключительно жизненной реальности, но в то же время как бы кивают в сторону чего-то непсихологического, источником чего данный жизненный мир быть не мог. Через эти феномены в психологический мир заглядывает нечто трансцендентное ему, нечто «оттуда», но заглядывает оно уже в маске чего-то психологического, уже, так сказать, приняв психологическое гражданство, в ранге жизненного факта. И только своей тыльной стороной эти феномены настойчиво намекают на существование какого-то самостоятельного, инородного бытия, не подчиняющегося законам данного жизненного мира³.

Какая реальность – реальная?

Жизненный мир, о котором шла речь выше, воспринимается человеком как некая внешняя, от него не зависящая данность, существующая до и вне нашего восприятия и представляющая собой совокупность – или поток – событий, явлений и процессов, которые происходят в природном и социальном мирах, с участием или без участия людей. Для обозначения этой совокупности обычно используют понятие

теория поля // Хрестоматия по истории психологии (период открытого кризиса: начало 10-х – середина 30-х годов XX века). М.: Изд-во МГУ, 1980.

¹ Lewin K. Werkausgabe. Bd. 4: Feldtheorie. Bern: Hu#ber; Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. Tonnessen M. Umwelt Ethics // Sign Systems Studies. 2003. Vol. 31. N 1. P. 149.

² Василюк Ф.Е. Психология переживания. URL: http://psi.ucp.by/Files/Library/Vasilyuk_F.E._Psihologiya_perezhivaniya.pdf.

³ Василюк Ф.Е. Психология переживания. URL: http://psi.ucp.by/Files/Library/Vasilyuk_F.E._Psihologiya_perezhivaniya.pdf.

«реальность» или «действительность». (Иногда ее называют физической реальностью, что не совсем верно). Эта реальность, (видимо, стоит назвать ее «объективная реальность»), воспринимается человеком, оформляется в его сознании в виде системы образов и понятий, которую целесообразно обозначить как «субъективную реальность».

Эти события, явления и процессы, именуемые реальностью, могут в какой-то – иногда в весьма сильной степени – затрагивать жизнь людей, а значит, интересоваться их. Чтобы принимать эффективные (по какому-то критерию) решения по поводу этих событий, явлений и процессов, люди нуждаются в понимании их значения (в других терминах – смысла) для жизни. Процесс осмысления этих событий, явлений и процессов может происходить в процессе личного (индивидуального или группового) наблюдения за этими событиями, явлениями и процессами, или в процессе получения информации от какого-то свидетеля (наблюдателя), который гарантирует подлинность своей интерпретации того, что он видел.

В силу ряда причин, иногда между наблюдателем и людьми, которых интересуют происходящие события, явления и процессы, появляется некий посланник (гонимец, глашатай, переписчик), который транслирует сообщение свидетеля – наблюдателя. Такого посланника принято называть медиумом.

Таким образом, картина мира, которая замещает человеку реальный мир, состоит из трех «реальностей»:

- 1) реальность, которую человек видит, чувствует, осязает лично;
- 2) реальность, о которой ему поведал свидетель, очевидец, наблюдатель;
- 3) реальность, о которой ему сообщил гонимец, посланник, медиум, который сам ничего не видел, но ссылается на свидетеля, очевидца, наблюдателя.

Продукты личного наблюдения и переживания происходящих в действительности событий, явлений и процессов, соединяясь с теми

образами, которые получены от свидетелей и наблюдателей, превращаются в некую целостность, которую стоит назвать «картина мира» (иногда ее называют образ мира)¹.

Введению в научный оборот и активному использованию первой из этих категорий, то есть «образа мира», мы прежде всего обязаны А. Леонтьеву, считавшему, что «проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности»². Термин «картина мира» в социальной психологии наиболее последовательно эксплицирован в исследовании Е. Артемьевой, в котором он понимается как структурированная совокупность образов объектов мира, систем субъективных значений³. Точнее говоря, это не просто образы объектов, а образы отношений к ним, синтезированные следы взаимодействий. Поэтому «картина мира» представляет собой не просто модель мира в сознании, а модель отношений к объектам мира, фиксированную в определенной точке онтогенетического развития субъекта.

Понятие «образ мира» разрабатывали в основном в контексте изучения проблем сознания (П. Флоренский, М. Бахтин, Ю. Лотман, М. Мамардашвили, С. Рубинштейн, Л. Выготский, А. Леонтьев, Д. Леонтьев, Е. Артемьева, С. Смирнов, К. Альбуханова-Славская, В. Зинченко, Б. Величковский и др.). Исследования велись по двум основным направлениям. Первое направление сконцентрировано на изучении того, как осуществляется познание и освоение человеком мира. Второе направление специализируется на исследовании смыслов существования человека в этом мире.

Для нашего исследования крайне важно акцентировать внимание на том, что категории «образ мира» и «картина мира» позволяют рассматривать субъективную реальность как реальность многослойную,

¹ Производство разнообразных свидетельств и интерпретаций, которые могли быть востребованы различными аудиториями, очень рано было осознанно как вполне прибыльная профессия. Не зря же журналистику с давних пор именуют второй древнейшей профессией. На протяжении тысячелетий профессионалы и любители: сказители, поэты, жрецы производили множество образов и смыслов, которые помогали (или мешали) людям создавать более или менее эффективную картину мира. Эти образы и смыслы постепенно аккумулировались и превратились в то, что позднее было названо ноосферой.

² Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.

³ Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.

включающую как сознательные, так и несознательные элементы. Иными словами, образ – это результат, складывающийся в сознании субъекта; восприятие мира, которое, помимо объективных характеристик, содержит и такие субъективные элементы, как эмоциональное отношение к воспринимаемому, основанное на прежнем опыте взаимодействия с ним. Субъективный прежний опыт субъекта концентрируется в «смысловом поле» образа мира – сложной иерархизированной системы эмоционально-смысловых образований, которые актуализируются под влиянием стимула и сопровождают каждый акт восприятия тех объектов, относительно которых они уже сформировались. Основываясь на работах В. Петренко, «смысловое поле» образа мира можно определить как категориальную структуру сознания, то есть как систему наиболее глобальных, универсальных категорий, с помощью которых воспринимается и оценивается окружающий мир¹. Функционирование смыслового пласта сознания, его категориальной структуры обеспечивает относительную стабильность образа мира, его инвариантность, позволяет стабилизировать процессы осуществления деятельности субъекта и вместе с тем не препятствует формированию новых содержаний и изменению картины мира под влиянием новых практик и накопления субъектом нового опыта.

Исходя из этих концептуальных предпосылок, можно констатировать, что в индивидуальном и групповом образе мира должна присутствовать целостная модель отношений к миру, связанная со спецификой деятельности группового или индивидуального субъекта относительно различных аспектов социальной реальности. Указанные методологические позиции в изучении сознания дают основания определить субъективную реальность как образ социальной реальности, присущий определенному социальному субъекту (индивидуальному или групповому). Таким образом, субъективная реальность – это целостная, устойчивая система смысловых образований, которые отражают социальные объекты, явления и процессы в сознании индивидуального или коллективного субъекта и в которых зафиксировано эмоционально-смысловое отношение к ним, основанное на прежнем опыте и

¹ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997.

опосредующее также дальнейшее восприятие и взаимодействие с объектами и явлениями социальной реальности¹.

Смысловые образования сознания существенным образом влияют на восприятие новой информации и ее оценку. Информация о тех или иных объектах и процессах социальной реальности, поступающая субъекту, пропускается сквозь систему смысловых конструкторов, что обуславливает ее принятие или непринятие субъектом. В результате наделения этих объектов и процессов личностными смыслами относительно них формируются смысловые установки, влияющие на направленность и прогнозируемость поведения субъекта в значимых для него ситуациях.

При этом очевидно, что конкретная картина мира конкретного индивида не может слишком сильно отличаться от картин мира, которые считаются аутентичными в социальной среде данного индивида. (Иначе его просто объявят сумасшедшим.) В свою очередь, эта среда включена в целостную социальную систему, которая в каждый данный момент имеет некую относительно устойчивую картину мира.

Уже древние философы не сомневались, что никто и никогда не может охватить своими ощущениями всю действительность, поэтому субъективная реальность представляет собой набор каким-то образом скрепленных фрагментов действительности. И какие именно фрагменты считать реальностью, определяет вполне конкретный коллективный или индивидуальный субъект на основании каких-то ему известных критериев и индикаторов. Таким образом, субъективная реальность – это продукт согласия некоторого количества субъектов по поводу действительности.

Теория познания в философии Нового времени обращается к осмыслению природы реальности в контексте выявления материальной или имматериальной ее сущности. В учениях Р. Декарта, Ф. Бэкона и Дж. Локка реальность связывалась с познанием мира, а главной задачей человечества объявлялось совершенствование разумного познания реальности с помощью методических правил и осуществление разумного контроля над страстями и волей.

¹ Мартынюк И., Соболева Н. Символическая социальная реальность: методологические подходы и практический опыт изучения. URL: <http://ecsocman.hse.ru/soc-ua/msg/280295.html>.

Переворот в подходе к рассмотрению реальности связан с именем Дж. Беркли, который предложил идею, согласно которой реальность есть ощущение. По мнению Беркли, все вещи существуют постольку, поскольку «Я» их воспринимает и познает. Вне моего разума и разума других людей вещь может существовать только в разуме Бога, который и выступает гарантом существования Вселенной. Таким образом, Беркли обосновал идею о том, что единственно доступное человеку знание – это знание своих собственных ощущений и образованных от них представлений. Такие абстракции, как, например, «материя», вообще бессмысленны, поскольку они находятся за пределами ощущений.

Начиная с Ф. Ницше, познание реальности связывается с языком, приобретающим самостоятельное значение самодостаточного многослойного феномена. Становится очевидным, что для того, чтобы познать реальность, нужно изучить ее язык. Это послужило началом «лингвистического поворота» – перехода от философии сознания к философии языка.

Культурологи констатировали, что сам процесс восприятия и понимания событий, явлений и процессов в сильнейшей степени детерминирован той культурой, в которой формировались люди. Именно культура является теми очками, точнее – глазами, сквозь которые человек видит окружающий его мир. Поэтому очевидно, что любая картина мира – это специфическая картина мира, представляющая собой проекцию культуры на действительность. Здесь был получен ответ на второй заданный выше вопрос. Выяснилось, что медиум иногда принадлежит к той же культуре, которую исповедуют и свидетель (наблюдатель), и благодарная аудитория, а иногда медиум представляет совсем чуждую культуру. Совсем интересная ситуация возникает, когда свидетель (наблюдатель), медиум и аудитория принадлежат к трем несовместимым культурам.

Все эти идеи не остались в философских энциклопедиях, а стали руководством для многих исследователей более поздних эпох. Системную атаку на теорию отражения реальности, а следовательно, на проблему «правильной» или «неправильной» ее версии, представляемой СМИ, осуществили сторонники такого философского направления, как

феноменология. Согласно Гуссерлю и современной социальной феноменологии, степень реальности объекта зависит не от его собственных онтологических характеристик, а от структуры конечной области значений, в которую он включен. Поэтому можно говорить о множественности социальных конечных областей значений («жизненных миров») и их принципиальной несводимости друг к другу¹.

Затем к этой проблеме обратились сторонники конструктивистского подхода, связанного с именами П. Бергера, П. Бурдьё, Э. Гидденса, И. Гофмана, Т. Лукмана, Н. Элиаса и др. Суть данного направления заключается в том, что социальную реальность постигают как сконструированную, а не как «естественную», «данную» раз и навсегда. С конструктивистской точки зрения, социальную реальность постигают как исторические и повседневные конструкции индивидуальных и коллективных акторов. Эти конструкции характеризуются определенной продолжительностью существования и не являются застывшими и неизменными во времени. Эти действия, будучи историческими, осуществляются и объективируются в некой внешней для субъекта сфере, которая своей данностью как бы оказывает «давление» на существующее, но в то же время открывает этому существующему будущее. В таком историческом процессе социальная реальность является одновременно и объективированной, и интериоризированной. С одной стороны, социальная реальность – это объективированный мир: индивиды и группы пользуются словами (языком), предметами, установками, институтами и т. д., оставленными предшествующими поколениями, и изменяют их, создают на основании их новые слова, предметы, институты. Эти внешние (объективированные) ресурсы влияют на действия субъектов и одновременно служат точкой опоры для этих действий. С другой стороны, социальная реальность помещена в субъективный, интериоризированный мир, образованный в основном формами ощущения, восприятия, представления и познания. Социализация и обучение делают возможной интериоризацию внешних миров, а индивидуальные и коллективные практики акторов обуславливают

¹ Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissen-schaften und die transzendente Phenomenology. Hamburg, 1977. Розенберг Н.В. «Жизненный мир» как культурно-исторический мир повседневности в феноменологии Э. Гуссерля. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyu-mir-kak-kulturno-istoricheskiy-mir-povsednevnosti-v-fenomenologii-e-gusserlya>.

объективацию внутренних миров, то есть речь идет о двойном движении интериоризации внешнего и экстериоризации внутреннего¹.

П. Бурдьё определял свой вариант конструктивизма, развиваемый им с конца 70-х годов XX века, как «структуралистский конструктивизм»: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире ... существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями»². Таким образом, П. Бурдьё, во-первых, различает объективные структуры, лежащие в основе субъективных представлений и содержащие структурные принуждения, влияющие на взаимодействия, а во-вторых, подчеркивает, что «эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур»³.

Постепенно эти достаточно взвешенные суждения переформулировались у радикальных конструктивистов в идеи о том, что не существует никакой иной реальности, кроме создаваемой человеком, что вся реальность и суждения о ней антропогенны, антропоморфны и аксиологичны. То есть не существует одинаковой для всех объективной и независимой от людей реальности. Так же как не существует независимой от людей, одинаковой для всех объективной, «божественной» по своему статусу истины. Согласно конструктивистам, принципиальное отличие человека от других существ в том, что это не созерцательное и даже не просто активное или деятельное, а именно конструктивное, творческое и постоянно «самотворящее» себя существо. С этой

¹ Мартынюк И., Соболева Н. Символическая социальная реальность: методологические подходы и практический опыт изучения // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 126–146.

² Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites. М., 1994. С. 181–182.

³ Там же. С. 185.

точки зрения знание принципиально не может соответствовать объективной реальности или «отражать» ее, поскольку единственный доступный индивиду «реальный мир» представляет собой конструкцию, порождаемую самим индивидом в процессе познания на основе своего сенсорного опыта. Это значит, что социальная реальность и социальное взаимодействие индивидов рассматриваются как совокупность мыслей, идей и ценностей и не могут быть сведены к материальным в философском понимании условиям¹.

Сторонники такого подхода утверждают, что СМИ представляют аудитории события, факты не в виде неких эквивалентов оных, но как их знаки. Таким образом, медийные сообщения стали трактоваться как тексты, конструирующие медиареальность, иными словами, медиареальность предстала исключительно как текстовая реальность². Главный интерес для сторонников этого подхода представляет не содержание медиатекстов, а вопрос о том, как аудитория декодирует эти тексты, владеет ли аудитория соответствующими кодами. Основной вывод, который делают конструктивисты, заключается в утверждении, что аудитория воспринимает не события и факты как таковые, а их медиатизированные значения. Знаковая реальность замещает, вытесняет непосредственный жизненный опыт переживания реального события. Другими словами, на место понятий «информационная картина дня, представленная СМИ», «событийная канва СМИ», «действительность через призму СМИ» и т. п., которые фиксировали связь медийных образов с самой действительностью, приходит понимание того, что медиареальность оперирует не образами, а именно знаками действительности, то есть опирается на принцип выбора и презентации только того, что соответствует и принадлежит доминирующим образцам, моделям поведения, принятым в данном обществе, смыкается с системой определяющих ценностей этого общества³. Практическим воплощением такого подхода стала так называемая гонзо-журналистика.

¹ См.: работы таких авторов, как: Ф. Варела, П. Вацлавик, Э. Глазерфельд, Н. Луман, У. Матурана, Хейнц фон Ферстер, А. Шмидт и др.

² Ткачева М.Л. Медиареальность: коммуникативистский и постмодернистский подходы. URL: <https://knigi.link/uchebniki-journalistika/mediarealnost-kommunikativistskiy-postmodernist-3214.html>.

³ Там же.

Суть такого подхода сформулировал еще У. Томас в известном высказывании, получившем название «Теорема Томаса»: если люди определяют какую-либо ситуацию как реальную, она действительно становится реальной по своим результатам.

Дальнейшее развитие конструктивистского подхода логично привело к толкованию медиареальности исключительно как сферы манипуляции медийными сообщениями как знаками, смысл которых – не в передаче факта свершившегося события, а в той форме, в которой оно транслируется СМК. При этом данная форма обуславливает интерпретацию события, т. е. порождает его смысл, суть которого в выражении его значения в иерархической системе общества. Знаковая медиареальность – по мнению конструктивистов – отодвинула, заменила реальность жизненного опыта. При этом для человека, живущего в потоке знаков-событий, представленных массовыми коммуникациями, эти события являются свершившимися и реальными в том случае, если они транслированы, т. е. опосредованы массмедиа; иначе они остаются не включенными в картину мира этого человека, будут просто несуществующими для него. И эта опосредованная СМК реальность вытесняет реальность не опосредованную СМК. Особенно очевидным это положение стало, когда возникла возможность представления события СМК в режиме реального времени, что усилило эффект присутствия и «подлинности» представляемого события¹.

Эти идеи были развиты постструктуралистами, которые видят в современном обществе борьбу за «власть интерпретации» различных идеологических систем. Постструктуралисты считают, что господствующие идеологии, опираясь на индустрию культуры и средства массовой информации, навязывают индивидам свой язык, т. е. образ мышления, соответственно, ограничивая возможности индивида, осознавать свое бытие, свой жизненный опыт, лишая его необходимого языка для понимания, интерпретации как самого себя, так и окружающего мира. Постструктуралисты исходят из того, что текст-сознание индивида растворяется в интертексте, определяемом стандартизированным, унифицированным языком господствующей идеологии. Именно поэтому медийная реальность, выражающая господствующие идеологии, вы-

¹ Указанное сочинение.

стует с точки зрения постструктуралистов столь всемогущей и доминирующей в процессах понимания (интерпретации) субъектом окружающего мира и самого себя.

Еще дальше пошли постмодернисты, для которых знаковая реальность является единственной реальностью. По мнению Ж. Бодрийяра, «допущение реальности всегда было равнозначно ее созданию»¹. Философ отмечает, что вся бытовая, политическая, социальная, историческая, экономическая и т. п. реальность изначально включает в себя симулятивный аспект гиперреальности; реальность сделалась игрой в реальность. Сегодня сама реальность гиперреалистична. Бодрийяр ссылается на то, что уже сюрреализм демонстрировал нам, что самая банальная реальность может стать сверхреальной («реальность превосходит вымысел!»). Иными словами, кодированная реальность является реальностью. Постмодернисты, говоря о реальности современного мира в целом, утверждают, что она стала гиперреалистичной, т. е. в этой реальности события, история, культура представляют понятия, которые выработаны не на основе противоречивого реального опыта, а производятся как артефакты на основе элементов кода и технической манипуляции медиумом». Все в этой реальности строится на процессе симуляции: модель конструируют, комбинируя разные черты или элементы реальности, и эта модель «разыгрывает» событие, ситуацию реальности. Как пишет Бодрийяр: «В массовых коммуникациях подобная процедура получает силу реальности: последняя уничтожена, рассеяна в пользу этой неореальности модели, материализованной самим медиумом»².

Возникает понятие гиперреальности (от др.-греч. «*υπέρ*» – над, сверху и лат. «*realis*» – вещественный, действительный), с помощью которого Бодрийяр обозначает совокупность феноменов симуляции действительности, которые человек неспособен отличать от реальности.

В теории данного автора атомарными компонентами сферы гиперреальности являются так называемые симулякры, репрезентации чего-то несуществующего в объективной реальности; они же выступают и в

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен или смерть. М.: Добросвет, 2000.

² Там же.

роли ее продуктов. Гиперреальность, по мнению Ж. Бодрийера, оказывает на подлинную реальность крайне разрушительное воздействие¹. Гиперреальность – это такая реальность, которая выступает в виде картин самой себя по определенному заказу, словно замыкаясь в себе, весьма порочно симулируя неограниченные мощности семиозиса, не отсылая ни гипертекстуально, ни семантически к реально существующим и развивающимся объектам, явлениям и процессам. Главной целью репрезентируемой гиперреальности является подмена реальности в определенных идеологических, коммерческих или прочих интересах конкретных референтных или стремящихся к повышению своей влияния социальных групп².

Среди негативных последствий развития гиперреальности на протяжении XX века и в начале XXI столетия следует отметить то, что адекватная реальности диалектика вещей и соответствующих знаков оказалась во многом утраченной. Данный эффект получил в науке название эмансипации знака или симуляции, которая в немалой степени характеризует современную эпоху. Если реальность производит что-либо, то гиперреальность всего лишь симулирует, убеждает или разубеждает в чем-либо. Если реальность пытается соотноситься с вечными природными и социальными закономерностями, шлифовать до блеска лучшие формы культуры и браковать худшие из них, то сфера гиперреальности, опять же, генерируется и обновляется сугубо в чьих-то интересах. Истина как соответствие человеческих знаний действительности (если руководствоваться, как минимум, определением Аристотеля) – это непримиримый оппонент коммерческих и политических симулякров.

Жан Бодрийер вполне обоснованно утверждал в своих трудах о том, что актуальный для современной эпохи непрерывный поток информации создает некий «белый шум», разрушающий здоровую реальность, обволакивая оригиналы и генерируя неоправданно большое количество копий и симулякров, которые и формируют замещающую реальность сферу. В определенном смысле гиперреальность представляет собой некоторый аналог по отношению к марксистской надстройке. Прискорбно, но факт: то обстоятельство, что общество и

¹ Бодрийер Ж. Симулякры и симуляции (Simulacraetsimulation). М.: Постум, 2015.

² Там же.

«личность» уже давно обитают в гиперреальности – это своего рода несправедливая дань эпохе глобализации и постмодерна. При этом в ходе гуманитарного анализа надо мыслить достаточно широко и с опорой на определенные прецеденты. Выясняется, что процесс подмены или наложения гиперреальности на реальность знаменует собою, по большому счету, этап преломления двух эпох (модерна и постмодерна) в сознании людей, тотальной подмены понятий о «реальности».

Множественные варианты симуляций того, что никогда реально не существовало, приводят к формированию так называемой альтернативной истории, которая ничем не лучше уже известных способов документальной фальсификации. Современные теоретики «вульгарного» либерализма впадают при этом в другую крайность – призывам к полной аннигиляции коллективистских ценностей и смыслов. Организаторы разнообразных фестивалей фэнтези и ролевых игр также грешат тем, что, начиная с, казалось бы, безобидного досугового времяпрепровождения на свежем воздухе, доходят до погружения своих недалеко-видно мыслящих сторонников в новые витки ядовитых иллюзий и вздорного коленопреклонения перед выдуманскими и беспочвенными «традициями».

Сплошь и рядом бросается в глаза техническое безумие совершенного и сверхточного воспроизведения образов, звуков и прочих элементов, крайне редко сопровождаемое передышкой для хотя бы примитивной рефлексии индивидов. Бесконечная репродукция, микродетализация объектов, трансформация таковых в модельные серии также характеризуют активную составляющую гиперреальности. Как отмечал Ж. Бодрийяр, несмотря на их исходную полноценность, реальные объекты с течением времени дереализуются и поглощаются симулякрами. Крайне острую проблематику в этой связи представляет собою затянувшаяся «холодная война» между Россией и США.

Гиперреальность как совокупность «подлинных подделок» (термин Умберто Эко) давно заполонила весь рынок сбыта товаров и услуг, где даже самая неискушенная негативная оценка происходящего со стороны свежее испеченных экспертов может представляться глотком свежего воздуха, фрагментарным восстановлением связи с богатыми традициями критического мышления.

Единственным выходом из сложившейся череды проблем, провоцируемых бурным развитием современных массмедиа, представляется реанимация здоровых человеческих ценностей (Добра, Любви, Справедливости, Истины, Сострадания и т. д.) в пике ущербному технократическому развитию общества. Одни только вузы классического академического типа и религиозные институты, представляющие традиционные, доказавшие свою состоятельность религии, с этой задачей справиться не способны. Необходимо консолидированное участие политической и культурной элит в деле облагораживания и информационного катарсиса каждого гражданина и общества в целом. На этом пути отнюдь не зазорно и восстановление института цензуры, но не в узком политическом, а в общекультурном смысле. Необходимо запрещать трансляцию чего-то очевидно пагубного для массового и индивидуального сознания и как можно интенсивнее распространять позитивные образцы мышления, речи и поведения. Данное обстоятельство нисколько не будет нарушать свободу человеческой воли, поскольку опыт антипримеров на сегодняшний день слишком велик и многообразен.

На наш взгляд, все эти суждения: от Беркли до Бодрийяра и их многочисленных сторонников, – несмотря на то, что в них зафиксированы любопытные особенности современного медийного процесса, чрезвычайно тривиальны. Во все времена, вплоть до самых первобытных, любые сообщения всегда имели знаковую природу и всегда использовались для манипуляции сознанием и поведением людей. И во все времена громадное большинство людей не имели никакой возможности проверить подлинность предъявляемых событий. Особенно, если речь шла о принципиально непроверяемых явлениях типа разнообразных чудес. И тем не менее сквозь знаковую, манипулятивную природу образов действительности всегда просвечивала сама действительность. Есть основания с учетом наработок конструктивистов и постмодернистов вновь вернуться к вопросу о взаимосвязи той реальности, которая существует до и вне наших ощущений (а также до и вне Бога) и тех образов, в которых эта реальность предстает в сознании людей.

Второй ответ проще, прозаичней и, как нам кажется, гораздо ближе к той самой объективной реальности, которой – по мнению

Беркли и его сегодняшних последователей – не существует. Соглашаясь с большей частью инвектив в адрес картины мира, рисуемой массмедиа, должны заметить – не в оправдание, а в объяснение, – что медиапространство в целом и картина мира, создаваемая массмедиа, находятся под жестким контролем бизнеса, государственных структур, идеологов и политиков. Вряд ли стоит спорить с утверждением, что качество медиапродукта определяется не журналистами и ведущими теленовостей и ток-шоу, а теми, кто содержит массмедиа и оплачивает работу журналистов и телеведущих. Чаще всего подбор кадров обозревателей-аналитиков производится из числа тех, кто имеет доступ к узкому «внутреннему кругу» политиков и кто таким образом получает статус экспертов, поэтому и содержание дебатов, дискуссий в медиапространстве крайне редко предполагает включение альтернативных мнений и оценок.

Повышенное внимание программ новостей к «власть имущим», институтам и интересам истеблишмента заведомо воспроизводит и транслирует сложившиеся ценности – «социальный порядок» и «национальное лидерство», закрепляя образ общества, лишённого видимого социального разнообразия, где политика представляется в виде некоего внутреннего дела властвующей элиты. Определённый фокус в изложении и интерпретации событий задаёт «умеренный» взгляд на общество, что особенно проявляется в требованиях перемен, которые в целом поддерживают сложившуюся систему социальной иерархии. Исследования показали, что, несмотря на кажущуюся «объективность» экономических проблем, их интерпретация в средствах массовой информации также носит идеологический характер. Как отмечают исследователи, большинство экономических новостей касается в той или иной форме подробностей из жизни бизнес-сообщества, но редко имеет раздел, посвящённый потребителям или проблемам труда. Сложившаяся практика является результатом прямого и непосредственного сговора медиамагнатов, журналистов и бизнес-элиты, это пример того, насколько сама практика, принятая в сфере

продукции массмедиа, подвластна идеологическому влиянию, воспроизводя преобладающие дискурсы, ориентированные на интересы «верхов общества»¹.

Таким образом, можно констатировать, что жизненный мир состоит из двух подсистем: одна – это так называемый природный мир, который существует независимо от того, существуют или нет люди. Вторая подсистема объединяет объективно существующие, но вполне субъективные по своему происхождению и субстанции элементы, представляющие собой интерсубъективный продукт, созданный взаимодействием многих людей. Ю.Н. Харари пишет о том, что практически все самые важные двигатели истории интерсубъективны. Деньги, например, не имеют объективной ценности. Вы не можете закусить, утолить жажду или прикрыться от непогоды сто долларовой купюрой. Но пока люди верят в ее ценность, вы можете расплачиваться ею за еду, напитки и одежду. Деньги – не единственная сущность, которая утрачивает ценность, как только люди перестают в нее верить. То же случается с законами, богами и даже могучими империями. Вот они вершат судьбы мира, а вот их уже и след простыл. Когда-то в Средиземноморье Зевс и Гера были высшей властью, а теперь у них нет никакого авторитета, потому что никто в них не верит. Когда-то Советский Союз мог разнести в пух и прах всю планету, но был отправлен в небытие простым росчерком пера. В два часа пополудни на госдаче в Васкулях лидеры России, Украины и Белоруссии подписали Беловежское соглашение, в соответствии с которым Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекратил свое существование.

Люди с легкостью принимают мысль, что деньги – это интерсубъективная реальность. В большинстве своем они готовы согласиться и с тем, что античные боги, злокозненные империи и чужие культурные ценности – лишь плод воображения. Однако мы отказываемся признавать фикцией *нашего* Бога, *наш* унацию и *наши* ценности – ведь они придают смысл нашей жизни. Нам хочется верить, что человеческие жизни имеют некую объективную значимость и что мы приносим

¹ Кулибаба С.И. Медиапространство и трансляция духовных ценностей. URL: <https://refdb.ru/look/2228631.html>.

жертвы во имя чего-то более важного, чем порождения нашей фантазии. Но на самом деле жизни большинства из нас значимы только в той сети мифов, которые мы рассказываем друг другу.

Смысл возникает, пишет далее Ю.Н. Харари, когда множество людей совместно сплетают общую сеть мифов. Почему какое-то действие – скажем, венчание в церкви, пост в Рамадан или голосование в день выборов – кажется мне исполненным смысла? Потому что оно кажется таковым моим родителям, а заодно и моим братьям, моим соседям, жителям близлежащих городов и даже обитателям заокеанских стран. А почему все эти люди видят в нем смысл? Потому что с ними солидарны их друзья и соседи. Люди непрерывно укрепляют общие верования самовоспроизводящейся петлей. Каждый виток взаимного подтверждения ту же стягивает паутину смыслов, и, в конце концов, вам ничего не остается, как уверовать в то, во что верят вокруг вас. Но через десятки, а иногда сотни лет паутина смыслов распадается и вместо нее плетется новая. Так развивается история. Люди плетут паутину смыслов и верят в них. Но рано или поздно эта паутина рвется, и, оглядываясь назад, мы не можем понять, как кто-то мог принимать все это всерьез. Крестовые походы, вдохновляемые надеждой попасть в рай, сегодня кажутся нам чистейшим безумием. Холодная война представляется безумием еще большим. Пятьдесят лет назад люди готовы были на жертвы, ослепленные верой в коммунистический рай. Через сто лет наша сегодняшняя вера в демократию и права человека может показаться столь же нелепой¹.

Структура жизненного мира: общая характеристика

Напомним, что говоря о «жизненном мире», мы имеем в виду совокупность всех факторов и обстоятельств, в пространстве которых только и может жить и самоосуществиться данный индивид. Другими словами, жизненный мир представляет собой сферу, которая рассматривается как источник ресурсов, необходимых для воспроизводства и развития человека как целостности. Это та «жизненная почва», «питательная среда», из которой индивид получает то, без чего невозможно его становление и самоосуществление. Так понимаемый жизненный

¹ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад. 2019.

мир структурируется на некие пространства и поля, в рамках которых индивид проявляет свою активность. Эти пространства и поля могут менять свои очертания и границы в зависимости от множества факторов. Очень условно можно выделить такие структурные компоненты так понимаемого жизненного мира, как сфера природы, которая, несмотря на все экологические оговорки, рассматривается как источник ресурсов, необходимых для воспроизводства и развития человека как целостности; социальная сфера, представляющую собой совокупный социальный опыт человечества по приспособлению к природному миру и его преобразованию; духовно-культурная сфера, объединяющая всю совокупность знаний и ценностей, накопленных человечеством за все века его существования; и идеологическая сфера, в которой сконцентрированы социально-политические, профессионально-групповые и иные системы представлений, используемые для захвата власти, поддержания собственной гегемонии, переустройство общества и/или государства и т. п. (рис. 10).

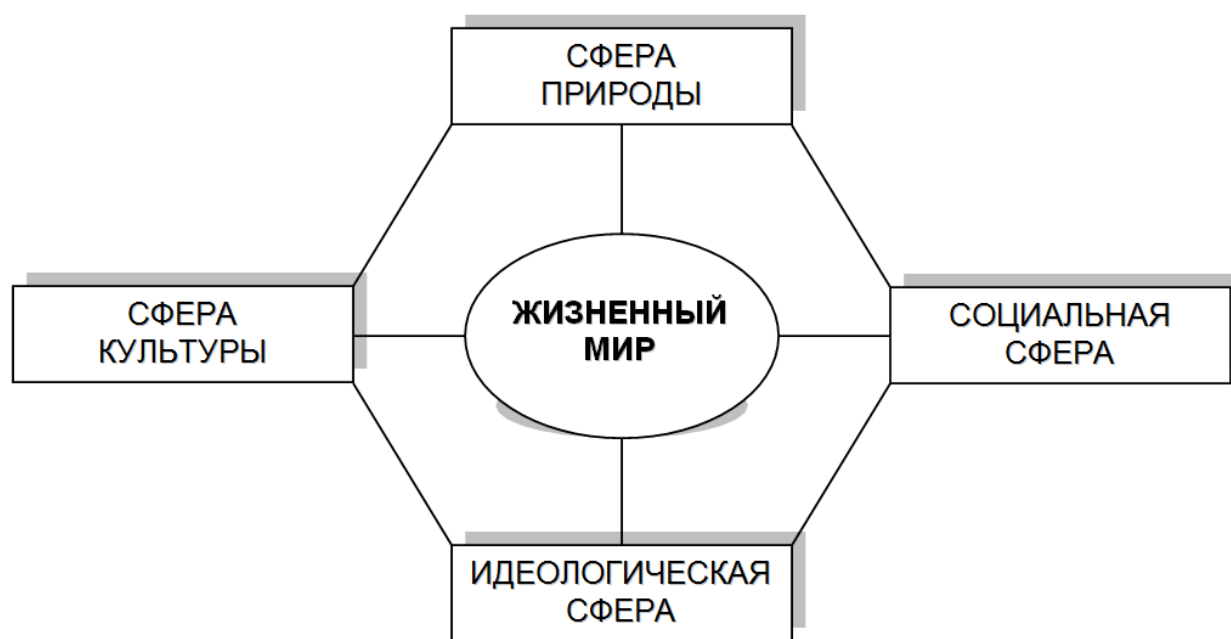

Рис. 10. Схема жизненного мира

Описание всех компонентов данной модели не входит в нашу задачу. Обозначим лишь несколько положений.

Понятно, что состояние жизненного мира, понимаемого как совокупность ресурсов, в какой-то мере определяет все формы жизнедеятельности человека, а с другой стороны, жизненный мир сам зависит от того, что человек делает с ним. При этом любая открытая саморазвивающаяся система (и отдельный человек, и сообщество людей) стремится расширить границы параметров внешней среды, благоприятные для существования. Это достигается двумя путями: за счет изменения собственных качеств (самоадаптации) и за счет изменения качеств внешней среды. Если изменения природной среды не обладают жестко проявленной цикличностью, после наступления квазиравновесия биосоциальная система прекращает или на много порядков замедляет собственную эволюцию как психофизически, так и социокультурно. Ярчайший пример – народы Крайнего Севера и тропического юга планеты, темп внутренне обусловленной психофизической и социальной эволюции которых измеряется даже не веками, как у европейских народов до недавнего времени, а десятками и сотнями тысяч лет. Одновременно на планете существуют народы с социокультурными системами первобытного стада, семейно-родовых, соседских общин и патриархальных сообществ, племен с «военной демократией», племен и племенных союзов с различным уровнем монархизма. Каждая из этих биосоциокультурных систем самодостаточна для обеспечения жизнедеятельности в данной природной среде и не требует заимствования и прогресса, что доказывается фактом бытия этих биосоциокультурных систем в течение многих десятков и сотен тысяч лет, вплоть до наших дней.

Естественные механизмы самозащиты (адаптации) формируют дополнительную социокультурную надстройку и/или изменяют качества поверхностных структурно-функциональных подсистем, обеспечивающих взаимодействие. Происходит процесс социокультурной «мимикрии», который не затрагивает генетически обусловленную психофизиологию, и потому может прекратиться при устранении (или самоустранении) раздражителя. Это позволяет, во-первых, защитить выработавшийся за тысячелетия комплекс социокультурных норм и традиций, соответствующий психофизическим качествам, во-вторых,

обеспечить эффективное взаимодействие с новым явлением и с минимальными затратами сил и средств использовать его для активизации жизнедеятельности¹.

В проблеме взаимодействия человека с внешним миром, рассматриваемым в качестве кладовой жизненных ресурсов, есть одна особенность, нуждающаяся в специальном анализе. Речь идет о проблеме собственности. Обычно в быту у нас не возникает проблем с определением прав собственности. Мы с детства усваиваем значение местоимения «мое». Чуть позже мы расширяем сферу его применения. Моя семья. Мой друг. Моя жена. Моя страна. Владение и распоряжение, контроль и отождествление с чем-то или кем-то – это и есть смысл слова «мое». В цивилизованном обществе споры и разногласия между собственниками решаются в суде. Однако природа не знает о том, что она чья-то собственность. Да и другие люди вовсе не убеждены в том, что те объекты, которые индивид называет своей собственностью, действительно ему принадлежат. Здесь и возникает проблема идеологического оправдания существующего положения вещей, (или – наоборот – разрушения этого порядка) к которой мы обратимся несколько позднее.

Понятием «жизненный социальный мир» в данной работе обозначается совокупный социальный опыт человечества по приспособлению к жизненному миру и его преобразованию. То есть в отличие от внешнего жизненного мира, который своей объективной стороной представляет мир объектов, существующих независимо от человека и интересующих человека только как ресурсы его выживания и развития, социальный мир создается человеком и существует только в интересующих отношениях людей. Понятие «интерсубъективность» как раз и используется для обозначения присущей со-знанию людей способности понимать совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыт обобщенного сознания людей, как общий для всех них интерсубъективный мир, созданный в процессе взаимодействия и взаимовлияния многих субъектов между собой².

¹ Культура и устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке. М., 2002.

² История социологии в Западной Европе и США. М.: Издательская группа Норма-инфа М, 1998. С. 529–531.

Сторонники социального конструктивизма попытались преодолеть противопоставление индивида и социума. По их мнению, социальная структура – результат взаимодействия индивидов. Другая идея конструктивистов: отказ от восприятия социального факта в качестве объективного «предмета». Родоначальники социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман рассматривают социальную реальность как конструируемую, т. е. «воображаемую». Индивиды действуют, исходя из представлений о мире. Согласно Бергеру и Лукману, «повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира»¹.

Именно на основании социальных представлений формируется институциональная структура социума. То, что социальный мир – это мир ограничений и предписаний, отнюдь не значит, что эти ограничения и предписания определены объективной структурой. Индивиды, взаимодействуя, бессознательно создают и воссоздают определенный «символический универсум»: систему ментального восприятия, мироощущения. Данная система со временем кристаллизуется; индивидам кажется, что те или иные нормы являются «истинными», характеризующими «истинную природу» социального мира. Происходит легитимация социального порядка. Социальная структура, имеющая де-факто субъективную природу, кажется индивидам объективно заданной, не зависящей от их воли. В итоге Бергер и Лукман отмечают: «Социальный порядок не является частью „природы вещей“ и не возникает по „законам природы“. Он существует *лишь* как продукт человеческой деятельности... И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) – это человеческий продукт»².

На наш взгляд, все эти интеллектуальные построения никак не отменяют тот факт, о котором пишут сами конструктивисты, что хотя социальный порядок существует как продукт человеческой деятельности, воспринимается он индивидом исключительно как жизненный мир,

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум. 1995. С. 38.

² Там же. С. 88–89.

объективно существующий, стоящий либо над личностью, либо напротив личности. Человек в своем сознании конституирует, объективирует происходящие события, мыслью охватывает прошлые переживания и наделяет их смыслом. При этом каждый индивид знает, что он разделяет мир вместе с другими людьми, воспринимает его как общий для всех. Однако социальный мир не только интересобъективен, то есть представляет собой воплощение межсубъективного взаимодействия людей в опыте их повседневной жизни. Социальный мир – это повседневный мир, переживаемый и интерпретируемый действующими в нем людьми как структурированный мир значений, выступающих в форме типических представлений об объектах этого мира. Эти типические представления приобретают форму обыденных интерпретаций, конституирующих наличное знание, которое вместе с личным опытом действующего индивида является принимаемой на веру совокупностью средств ориентации в этом мире. Межсубъективное взаимодействие возможно благодаря наборам типологических конструкций, через которые человек может понимать действия других людей, имеет возможность делать заключения относительно неизвестных ему мотивациях этих других¹. Именно такой методологический принцип дает необходимую гарантию, что мы имеем дело с «реальным жизненным миром всех нас, который – даже в качестве объекта теоретического исследования – остается системой взаимных социальных отношений, стоящих в них акторов»².

Использование способов действий, принадлежащих первоначально другим людям, ведет к переводу образцов действий из внешнего мира во внутренний план психической деятельности. После завершения периода ученичества, освоенные способы действий включаются затем в индивидуальную предметную деятельность, и далее субъект приобретает возможность накапливать индивидуальный опыт, на основе освоенных способов действий, вырабатывать новые способы и приемы деятельности³. Понятно, что обобщенным понятием, обозначающим совокупный человеческий опыт, является культура: система

¹ История социологии. МН. Выш. шк., 1993. С. 215–219.

² Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003. С. 125–126.

³ URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1817357/>.

ценностей, социальных норм жизни, образцы поведения, язык, характер коммуникаций, традиции и обычаи, материальная культура и т. д. «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира... Рядовые члены общества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального»¹.

Очень важно понимать, что жизненный социальный мир является внешним лишь для конкретного индивида. Для человечества в целом этот мир есть продукт человеческой деятельности, то есть он обладает лишь видимостью объективности, квазиобъективностью, мнимой эмпирической фактуальностью и предметностью. Отсюда давний спор между сторонниками реализма и номинализма. Представители первого направления уверены, что общество в целом и отдельные социальные институты выступают как самостоятельная реальность, не сводимая к взаимодействию отдельных индивидов. Представители второго направления считают, что самостоятельной социальной реальности нет ни у общества, ни у социальных институтов. Они утверждают, что таковой реальностью обладают лишь отдельные индивиды. На наш взгляд, для конкретного индивида и общество, и его социальные институты, и совокупный опыт человечества представляют собой вполне объективную реальность. А с точки зрения человечества в целом, социальная реальность создается в процессе социальных взаимодействий субъектов, является результатом их сознания и жизнедеятельности в определенном ограниченном территориальном и временном (историческом) пространстве. Она может фиксироваться и в поведении людей, и в характере их ценностных ориентации, и в формах организации жизни, и в ролевом поведении. Следовательно, социальная реальность обладает и субъективными (оценочными), и объективными, материализованными показателями.

Для обозначения интеграции индивида в социальную систему, превращения его в личность путем приобретения социального опыта используется понятие «социализация». С точки зрения личностного

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 38.

развития социализация есть обретение индивидуального и коллективного опыта, познание жизни, обретение самоосознания через понимание отношения к себе других людей¹. Д. Чалмерс, австралийский философ, специализирующийся в области философии сознания, утверждает, что приобретение опыта личностью происходит через два аспекта сознания – психологический и феноменологический². Психологическое сознание есть ментальный фактор сознания, основой которого является продуцирование поведения, иначе – приобретение ментального опыта через деятельность, а феноменологическое сознание – это ментальный фактор сознания, включающий осознанно переживаемые чувственные состояния, то есть приобретение опыта через эмоции.

Однако, рассматривая процесс социализации, то есть овладения совокупным человеческим опытом, надо иметь в виду, что каждый человек, во-первых, вписан в определенную человеческую коллективность, а во-вторых, эта коллективность находится на определенной стадии развития. Одно дело овладевать совокупным опытом собирательства и охоты; другое дело социализироваться в общине, которая занимается земледелием или кустарным производством; и третье дело – формироваться как деятельная личность в системе деятельности, специально связанной с организацией взаимодействия людей: управление, политика, право, образование, военная служба и т. д.

Таким образом, овладение совокупным опытом человечества всегда носит ограниченный характер, определяемый избранным (или навязанным) видом деятельности и статусом человека, занимающего определенную ячейку в обществе (менеджер, рабочий, учащийся, учитель, врач и т. д.).

Овладевая совокупным человеческим опытом, индивид типизирует понятия, приложимые к классам вещей, вытекающие из опыта. «Банковский менеджмент», «футбольный матч», «уборка», «дерево» – все это примеры типификаций³. Эти типификации не являются уникальными для каждого человека, они разделяются членами общества.

¹ Корчажкина О.М. Неисповедимые пути социализации современного подростка. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2018/v3-i4/149>.

² Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М., УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. С. 19–53.

³ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Их передают детям во время обучения языку, чтения книг или разговоров с другими людьми. Используя типификации, люди способны общаться с другими на основе допущения, что они видят мир таким же образом. Постепенно член общества набирает некий пакет, который Шюц называет обыденным знанием. Этот пакет он разделяет с другими членами общества, что позволяет им жить и общаться друг с другом. Шюц полагал, что такое знание является основополагающим для достижения практических задач в повседневной жизни. Например, он описывал способ, в котором простой акт, такой как отправление письма, остается на уровне обыденного знания и существования разделенных типификаций. Лицо, отправляющее письмо, полагает, что другое лицо (почтальон, которого он, может быть, никогда и не видел) сможет распознать кусок бумаги с надписями на нем в качестве письма и совместно с другими почтовыми работниками доставить его по адресу на конверте. Люди также полагают, что получатель письма (опять же, может быть, тот, кто раньше не встречался) может иметь аналогичное собственное обыденное знание и поэтому будет в состоянии понять послание и отреагировать должным образом. Хотя Шюц подчеркивал, что знание это разделяемое, он не считал его фиксированным и неизменным. На самом деле обыденное знание постоянно модифицируется в процессе человеческого взаимодействия. Шюц полагал, что каждый индивид имеет уникальную биографию и что он интерпретирует и ощущает мир немножко иным образом, чем другие, однако существование пакета обыденного знания позволяет людям понять, по крайней мере частично, действия друг друга. Делая это, они убеждают сами себя, что таковы закономерные и правильные черты мира и социальной жизни. С этой точки зрения люди создают между собой иллюзию, что существует стабильность, порядок в обществе, в то время как на самом деле все это – куча индивидуальных опытов, не имеющая четкой формы¹.

Одна из очевидных проблем освоения социального мира современным человеком – появление виртуальных социальных сетей, которые стремительно трансформируют социальный мир человека. Умение пользоваться виртуальными социальными сетями давно уже стало

¹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

компонентом «сетевого интеллекта» личности, служащего условием успеха в современном информационном обществе¹.

Еще один критерий классификации жизненных миров предложил психолог Ф.Е. Василюк. Выделив такую особенность жизненного мира, как степень его комфортности, Ф.Е. Василюк показал, как жизненный мир влияет на формирование особенностей людей, вписанных в этот мир.

1. Внешне легкий и внутренне простой жизненный мир – тип «Инфант». В таком внешне легком и внутренне простом жизненном мире живут дети до своего рождения и в первые годы жизни. И у каждого взрослого человека сохраняется память о том, как это – жить, не осознавая, что есть прошлое и будущее, время, пространство, условия и проблемы. Но есть и взрослые люди, остающиеся инфантильными, живущие просто и легко. Инфант живет «здесь и сейчас», его жизненная цель сиюминутна и всегда формулируется одинаково – немедленно удовлетворить потребность. В таком мире нет надобности во внутренней психической или внешней практической активности, есть только пассивное существование. Нужные блага принесут и дадут. Все, что происходит, не зависит от Инфанта, но в связи с событиями жизни у него возникают эмоции, и их всего две: удовлетворение или неудовлетворение. Инфантильный человек ленив, несамостоятелен, пассивен, нерешителен, стремится только к положительным эмоциям, избегает и страшится отрицательных. Центральный принцип этого мира – принцип удовольствия. Все, что неудовлетворительно, вызывает стресс, панику, ужас и даже может спровоцировать болезнь. Инфантилизм – это пласт сознания каждого взрослого человека, который обуславливает гедонистические склонности. Хочется вернуть себе утраченное блаженное мироощущение, забыть о времени и пространстве и просто наслаждаться жизнью. Хочется иметь золотую рыбку, волшебную палочку или хотя бы выиграть в лотерею миллион долларов, чтобы без усилий, труда, ожиданий, здесь и сейчас получать все что хочется.

2. Внешне трудный, внутренне простой жизненный мир – тип «Фанатик». Он понимает, что блага не даются сами собой, их нужно заслужить или добиться, поэтому такой мир внешне трудный, но внут-

¹ Tapscott D. Strategy in the new economy // Strateg. Leadersh. 1997. V. 25. № 6. P. 8–14.

ренне простой, как и у Инфанта. Фанатик не знает сомнений, колебаний, вины, совести и стыда. Его внутренний мир односоставный, в нем нет противоречий, в нем все просто, сложности только снаружи. Ради цели Фанатик готов на многое: он необдуманно рискует, ставит на кон все, что имеет, приемлема любая жертва, а цель всегда оправдывает средства. Принцип мира Фанатика – реальность – заставляет его учиться терпеть и ждать. Фанатик знает как, когда и где сможет достичь своей цели и стремится к ней, но осознает границы своих возможностей, понимает что есть то, что он изменить не в силах – такова реальность. Именно благодаря терпению Фанатик справляется с трудными ситуациями. Если терпеть больше нет сил, он начинает приспосабливаться к действительности, искать альтернативные пути развития. Фанатиком на время становится человек, захваченный одной-единственной идеей, также этот мир свойственен подросткам и людям, являющимся фанатами групп, команд, религий, политических партий и прочего. Иногда такое мировоззрение свидетельствует о наличии психопатологий.

3. Внутренне сложный, внешне легкий жизненный мир – тип «Философ». Философ живет во внутренне сложном и внешне простом жизненном мире. Основные трудности и препятствия – внутренние. Философ долго думает, колеблется в принятии решений, взвешивает все «за» и «против». В его душе один конфликт сменяется другим, но в какой-то момент количество переходит в качество, и у Философа вырабатывается особый «орган», помогающий разрешать конфликты – ценностное сознание. Принцип внутренне сложного и внешне легкого жизненного мира – принцип ценности. Что ценно, то и выбирается Философом. Принципы – это трансформированные и усвоенные ранее правила поведения. Правило становится принципом, после того как человек признает его истинность, отталкиваясь от собственного жизненного опыта. Нередко такой опыт бывает плачевным и горьким, но именно так человек учится жизни.

Принципы становятся ориентирами и целями, определяя жизненный путь человека. С появлением духовных ценностей жизненный выбор перестает быть проблемой, а внешний мир становится как бы простым, ведь человек нашел себя в нем, и этого ему на данном этапе до-

статочно. Философ совершает нравственный выбор и действует с ответственностью с ним, не обращая внимания на внешние трудности и обстоятельства. Трудность окружающего мира Философ не принимает в расчет и смотрит на реальность сквозь пальцы. Когда противоречия между нравственными ценностями и реальностью становятся слишком велики, Философ задается вопросом: «Неужели реальность такова, какой представляется мне, и ее никак нельзя изменить?». Находясь в поиске ответа на этот и другие подобные вопросы, человек пытается разрешить конфликт внутреннего мира с внешним, а находит то, что не искал, – мудрость.

4. Внешне трудный и внутренне сложный жизненный мир – тип «Творец». Этот мир внешне трудный и внутренне сложный, но только здесь развивается элемент, необходимый для целостности личности – воля. Воля не как человеческая способность (она формируется еще в детстве), а как стремление к желанной жизни. Именно воля толкает человека не просто жить, а создавать свою жизнь, активно творить ее и не останавливаться, поскольку внутренней гармонии невозможно достичь раз и навсегда. Активное и сознательное созидание и есть жизненное творчество, являющееся принципом Творца.

Путь к цели Творца непрост, в нем есть место и внешним преградам, и внутренним сомнениям, поэтому здесь так важна воля. Творческое переживание позволяет действовать в условиях, противоречащих позиции человека, в сложных и даже безвыходных обстоятельствах. Человек становится способным изменить реальность и стать счастливым. Когда самореализация становится невозможной, а в процесс реализации жизненной цели вклинивается слишком большое препятствие, случается кризис. Он толкает человека развиваться дальше, находить новые цели и пути, восстанавливать утраченные возможности, преобразовывать свое «Я». Взрослые и зрелые личности, умудренные опытом, творят замысел своей жизни в целом и продолжают развиваться.

Итак, Инфант обходится одной лишь деятельностью, Фанатик развивает психику, Философ – сознание, Творец воплощает в реальность образ своей идеальной жизни и себя самого. Разумеется, возможны разные переходные варианты, но все-таки какой-то один жизненным мир

является основным. Вопрос о том, есть ли еще другие жизненные миры после мира Творца, остается открытым¹.

Таким образом, можно констатировать, что жизненный мир – это мир нашего повседневного опыта и практического смысла, это то, что мы с очевидностью знаем, это мир чувственного опыта, мотивированного практически-ситуационными интересами. «Реальность повседневной жизни в качестве реальности имеет само собой разумеющийся характер. Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность»².

3.2. Мифологические и мистико-иррациональные основания жизненного мира

Восприятие мира, в котором пребывает человек, структурировано всем предыдущим опытом человечества, который может быть отождествлен с коллективным бессознательным, имеющим, по мысли К. Юнга, не индивидуальную, а всеобщую природу. Оно присуще всем людям, представляет собой универсальное основание жизни каждого индивида. Так как имелись постоянно повторяющиеся условия существования, то возникли и типичные для них реакции, происходящие автоматически. У человека, соответственно, имеются и общие всему живому инстинкты, и специфически человеческие бессознательные реакции на среду обитания, будь то физические явления, другие люди или собственные психофизиологические состояния. «Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным»³. Для обозначения этих сверхличных оснований используется понятие «миф». Мифы, в том числе и современные, представляют собой плод интерсубъективных верований, обобщенно отражающих действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций

¹ Василюк, Ф.Е. Психология переживания. URL: http://psi.ucp.by/Files/Library/Vasiljuk_F.E._Psihologiya_perezhhvaniya.pdf

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 44.

³ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 134.

и одушевленных существ, которые мыслятся вполне реальными. В ряде случаев миф выступает эквивалентом науки, цельной системой, с помощью которой воспринимается и описывается мир.

Мифы: основные подходы к пониманию

Многочисленные исследования мифов убедительно доказывают наличие общих для любого человеческого сообщества механизмов осмысления мироздания. Тот факт, что «за многообразием своих одежд мифология повсюду оказывается одинаковой»¹, указывает на изначальную общность мышления человечества. Мифы «представляют собой спонтанный продукт психики, и каждый из них несет в себе в зародыше нетронутой всю силу своих первоисточков»².

В других терминах речь идет о **культурных универсалиях**. Это общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности, символически отраженные в образных конструкциях и языке. К числу культурных универсалий, которые «являются вечными онтологическими и экзистентными константами, фундаментальными категориями картины мира»³, относятся основные мифы (мировое дерево, золотое яйцо), бинарные оппозиции (жизнь–смерть, верх–низ) и т. д.⁴ Культурные универсалии очерчивают мир человека: это мир предметов (камень, дерево, зерно, масло), метафоры артефактов (зеркало, дом), мир природы (птицы, рыбы, животные), структуры родства; универсалии хтонических сил (огонь, земля, воздух, вода), элементы Космоса (Луна, Солнце, Небо). Словом, с помощью культурных универсалий человек описывает и структурирует мир, гармонизирует его, причем в этом акте творчества объяснение и понимание неразделимы. Огромные достижения в исследовании мифопоэтических культурных универсалий в отечественной науке принадлежат Московско-Тартуской школе: В.Н. Топорову, В.В. Иванову, Ю.М. Лотману.

¹ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Ваклер, Рефл-бук, АСТ, 1997. С. 18.

² Там же.

³ Исупов К.Г. Универсалии культурные // Культурология XX век. Энциклопедия. Электронная библиотека. URL: www.velikanov.ru.

⁴ Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1982. С. 55.

В начале 80-х годов XX века известный исследователь мифологии Е.М. Мелетинский говорил о том, что некоторые особенности мифологического мышления могут сохраняться в массовом сознании наряду с элементами философского и научного знания, строгой научной логикой. При некоторых условиях массовое сознание может служить почвой для распространения социального или политического мифа. Хотя тут же замечал, что в целом в развитом цивилизованном обществе мифология исторически изжила себя и может сохраняться только фрагментарно, спорадически, на некоторых уровнях. Однако несколько лет спустя этот исследователь был вынужден заявить нечто более радикальное: «Мифологический уровень является важнейшим уровнем массового сознания. Он может противоречить многим другим его уровням. Если вы приглядитесь к «философии» многих людей, то у них просто каша в голове из самых разных – рациональных и иррациональных – представлений. И вообще, в сознании людей уживается гораздо больше противоречий, чем нам обычно кажется»¹.

Совершенно очевидно, что в глубинах общественного массового подсознания бродят мифотворческие силы. Мифология для огромной части людей важнее, чем реальность. Должны существовать идеальный мужчина, идеальная женщина, идеальный ребенок, идеальный лидер. Это особенная тяга человека к праперсонажам, идущая из доисторических времен. Миф стал выразителем неосознанных стремлений и ожиданий больших масс людей, средством социального ориентирования толпы, а иногда и движущей силой истории. В последние десятилетия происходит своеобразная политизация мифа. На первый план выдвигается его функциональный смысл, то есть способность сплачивать людей, развязывать политическую энергию.

Можно выделить несколько причин активизации мифологических представлений.

Причина 1. Стоит прислушаться к мнению А.Ф. Лосева, который утверждал, что миф в принципе не может быть замещен рациональным знанием: «Всякая живая личность есть так или иначе миф». Для подтверждения этого тезиса А.Ф. Лосев приводил следующий пример: высшая духовная потенция личности – любовь в ее духовной ипостаси – представляет собой вариант мифологического сознания. Например:

¹ Мелетинский Е. Миф умер, да здравствует миф! // Независимая газета. 11.07.91.

девушка влюблена в военного; стоило ему оставить службу, снять форму, как чувству пришел конец – миф исчез. У лермонтовской княгини Мери наоборот: когда она увидела Грушницкого в эполетах, пропал заинтересовавший ее и придуманный ею ореол мученичества – она считала юношу не юнкером, а разжалованным, то есть любила не Грушницкого, а миф¹. Современный человек, так же как первобытный дикарь, наделяет явления и вещи реального мира неким дополнительным значением, фиксирующим особое ценностное или нормативное значение этих явлений и вещей. Например, уже упоминавшийся выше автомобиль выступает не просто как средство передвижения, а как мифологический объект поклонения и образ эпохи.

В.С. Полосин указывает причины, по которым миф продолжает свое скрытое существование даже в эпоху расцвета рационализма. Желание некой постоянной и даже абсолютной стабильности бытия – вечности, – даже у самого последовательного рационалиста остается, по меньшей мере, в подсознании; элементы мифа: иррациональные, образные, чувственные представления о всеобщей смысловой цельности бытия как условия абсолютной стабильности. Желание вечности неразрывно связано с ответом на вопрос о конечном смысле собственного существования, и эта постоянная внутренняя потребность, усиливаемая каждым напоминанием о собственной смертности, рождает в подсознании образы-символы, иносказательно дающие ответ на главный вопрос или как-то трактующие его. «Архетип победы над смертью, – пишет автор, – и достижения вечной блаженной жизни, общий для всех мифологических конструкций, притягивает подсознание даже атеиста, а тем более устойчив для коллективного, общественного сознания»².

Причина 2. В социальном плане значимость мифа определяется тем, что мифы утверждали в прошлом и продолжают утверждать в настоящем принятую в данном обществе систему ценностей, поддерживали и продолжают поддерживать определенные нормы поведения. Мифологическая культура свято чтит свои ритуалы и обряды. Хорошо

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.

² Полосин В.С. Миф, Религия, Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999.

известно отношение к обрядам Льва Толстого, который по поводу религиозных обрядов высказался так: «Я готов скорее отдать трупы моих детей, всех моих близких на растерзание голодным собакам, чем призвать каких-то особенных людей для совершения над их телами религиозного обряда». Достаточно вспомнить его убийственно-едкие описания церковных обрядов в «Воскресении», описания оперы в «Войне и Мире» и в статье «Что такое искусство». Когда Тургенев приехал приглашать его в 1880 году на открытие памятника Пушкину в Москве, Толстой ему ответил: «Что я там буду делать? Все это одна комедия». И тот же Толстой пишет Фету в 1872 году: «Я недавно приехал к брату, а у него умер ребенок и хоронят. Пришли попы, и розовый гробик, и все, что следует. Мы с братом невольно выразили друг другу почти отвращение к обрядности. А потом я подумал: ну, а что бы брат сделал, чтобы вынести, наконец, из дома разлагающееся тело ребенка? Как вообще прилично кончить дело? Лучше нельзя (я, по крайней мере, не придумал), как с панихидой, ладаном и т. д.»¹.

Писатель В.В. Вересаев в 1926 году опубликовал в журнале «Красная новь» большую статью², посвященную уходу из повседневной жизни молодой Советской России церковных обрядов (погребения, крестин, венчания) и их замене советскими – еще не устоявшимися и, по выражению Вересаева, «пустыми». Автор абсолютно убежден, что обряды нужны: *«Все эти нелепые на вид условные действия наливаются смыслом, поэзией и красотой, когда мы дадим себе отчет, в чем значение обряда, и как действует он на душу человека. Обряд есть условное действие, символически отображающее наши чувства. Великое, совершенно незаменимое значение обряда заключается в том, что переполняющие нашу душу чувства он направляет в определенное русло и этим до чрезвычайности облегчает проявление наших чувств».*

Вот прекрасная цитата из этой статьи: *«Умирает человек. В прежнее время похоронный обряд имел совершенно ясный смысл. Люди собирались к гробу умершего, чтобы помолиться за упокой его души; сам труп представлял из себя нечто таинственное и священное, как храм, в котором жила бессмертная душа человека. А „храм оставленный –*

¹ Цит. по: Вересаев В.В. К художественному оформлению быта (Об обрядах старых и новых). URL: <http://proletkult.newgod.su/lib/k-hudozestvennomu-oformleniu-byta>.

² Там же.

все храм“. Для нас, в настоящее время, живой человек есть лишь известная комбинация физиологических, химических и физических процессов. Умер человек – данная комбинация распадается, и человек, как таковой, исчезает, превращается в ничто. Остается туша гниющего мяса. Какое к ней может быть разумное отношение? Такое же, как при жизни человека – к его отбросам. Говоря словами кн. Андрея Болконского в „Войне и Мире“, следует взять эту тушу за голову и за ноги и бросить в яму, чтоб она не воняла под носом. Как к отбросам, с отвращением, и относится к трупу всякая живая тварь, кроме человека. Мы же кладем это разлагающееся тело в ящик определенной формы, обтянутый красной материей, ставим у ящика почетный караул, сменяющийся через каждые десять минут (подумаешь, – нашли, что караулить!); для вящего почета несем до могилы, кряхтя и обливаясь потом, тяжелый ящик на плечах, а сзади едут пустые дроги. Играет музыка. Для чего все это? Какой в этом смысл?».

И чтобы вернуть похоронной процедуре сакральный смысл, автор прописывает на многих страницах своей статьи сценарий «новых» похорон. Читать этот сценарий без улыбки просто невозможно: *«Нужно нечто разнообразное, сложное и величественное. ... Нужны торжественные, величавые гимны. Но гимны новые – не прежние, говорившие о тлене и печали. В гимнах должна идти речь о серьезности жизни и смерти, они гармонизируют хаос и отчаяние в душе скорбящего и приводят к катарсису и очистительным рыданиям. На похоронах должны быть девушки в белых одеждах и с зелеными ветками в руках, как символ жизни на фоне смерти. Однако если на похоронах будут цветы, то нельзя, чтобы у них был запах. Смерть ассоциируется с запахами благовоний, ладана, а не с запахом цветов. Все похоронное действие должно подчиняться строгой драматургии наподобие древнегреческой: хоры, корифеи»¹.*

Вересаев приводит пример, по которому могут строиться новые похороны – сцену похорон Миньоны из романа Иоганна Вольфганга Гете «Годы учений Вильгельма Мейстера».

Стоит также напомнить, что для мифологической культуры характерна предельная замкнутость, сакральное отношение к собственным

¹ Цит. по: Вересаев В.В. К художественному оформлению быта (Об обрядах старых и новых). URL: <http://proletkult.newgod.su/lib/k-hudozestvennomu-oformleniu-byta>.

границам; любое инородное культурное вторжение рассматривается как враждебное, и потому в мифологической культуре активно формируется образ врага. Священные ритуалы и границы и в тоталитарных обществах (Советский Союз, Северная Корея, Куба...). Тоталитарное государство и мифологическое сознание связаны неразрывно.

Причина 3. Подчеркивая значимость объективных причин существования мифологических представлений, нельзя вместе с тем умолчать и о других факторах. Прежде всего, речь идет о том, что есть социальные силы, и довольно могущественные, заинтересованные в насаждении самых фантастических представлений как о природных явлениях, так и о законах общественной жизни. Эти социальные силы используют громадный пропагандистский аппарат для насаждения целой системы мифов, извращенно воспроизводящих историю мира и страны, фальсифицирующих законы общественного развития. Мифотворчеством занимаются литература, кинематограф, архитектура. Достаточно напомнить о творениях таких классиков современной культуры, как Х.Л. Борхес, Г.Г. Маркес, Х. Кортасар, Т. Манн, Дж. Джойс, Ф. Кафка, М. Булгаков и многие другие. И конечно, в качестве главного мифологизатора выступают СМИ.

Все это говорит о том, что простым распространением научных знаний социальную мифологию победить нельзя. Она может быть изжита только в результате принципиального преобразования условий жизнедеятельности людей и всестороннего овладения большинством членов общества той культурой (в том числе культурой мышления), которую выработало человечество.

Сказанное выше дает основание для вывода о том, что любая культура представляет собой многоуровневую систему. Самый глубинный уровень связан с мифологическими представлениями, сформировавшимися в течение тысячелетий. Именно они объединяют все человечество. Средний уровень формировался в рамках определенного этноса, столетиями жившего в определенных природных, социально-экономических условиях. Верхний уровень представляет собой конкретные модели жизни, учитывающие изменчивые условия бытия сообщества и индивида. Можно предположить, что представления верхнего уровня

поддаются довольно быстрым изменениям. Гораздо медленнее меняются представления среднего уровня. И практически не меняются фундаментальные представления.

Мифологемы как элементы обыденного сознания

Специфической формой текстового оформления мифа являются мифологемы. Миф как целостная картина мира (или его фрагмента) по мере многократного пересказа и использования «застывает» в своих основных характеристиках и редуцируется до каких-то простейших высказываний (иногда одного слова), в которых, как в генетической молекуле, хранится память о мире. Это высказывание (или слово) обозначается понятием «мифологема».

Понятие «мифологема» одним из первых ввел в научный обиход Дж. Фрэзер¹. Однако до сих пор нет четко разработанной теории взаимоотношений между категориями «архетип» и «мифологема». Путаницу внес, прежде всего, сам Юнг, по мнению которого, архетип – это первичная схема, лишенная какого-либо содержания, проявляющаяся в психической жизни. Это наследуемая часть психики, психосоматическое понятие, связывающее тело и психику, инстинкт и образ. Архетипы, являясь первичными досодержательными схемами, нуждаются в воплощении и реализации в образах. Такое воплощение архетип получает в мифологеме, которую Юнг понимал как константу, принадлежащую к структурным составляющим души, остающимся неизменными. Так, К.Г. Юнг различал в качестве важнейших мифологических архетипов, или архетипических мифологем, архетипы матери, тени, анимуса, анимы, мудрого старика (мудрой старухи) и др. Они выражают ступени того, что Юнг называет процессом индивидуации, т. е. постепенного выделения индивидуального сознания из коллективно-бессознательного в человеческой личности вплоть до их окончательной гармонизации в конце жизни. По его мнению, мифологемы (или мифологические мотивы) «могут спонтанно воспроизводиться где угодно, в какую угодно эпоху и у какого угодно индивида совершенно независимо от какой-либо традиции». Позднейшие интерпретаторы Юнга указывали, что если и приходится разделять архетип и мифологему, то

¹. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Изд. полит, литература, 1984.

не по принципу «сознательное/бессознательное»¹, а по принципу принадлежности к психологии или к мифологии. При этом понятие «мифологема» шире, чем архетип. Допустимо использование сочетаний «мифологема горы», «мифологема города», но говорить об «архетипе горы» или «архетипе солнца» совершенно неправильно с позиций теории Юнга, так как в этом случае мы имеем дело с досодержательной первичной схемой. Основываясь на классическом определении этого термина, мы понимаем под мифологемой изначальный первообраз, схему, «семя», из которого в конкретном тексте вырастает определенный архетипический образ или сюжет². Чуть позже мы вернемся к этой теме.

Представитель структурализма К. Леви-Стросс подчеркивал цельность мифического сюжета, который имеет некий общий смысл, неразложимый на отдельные звенья, и разрабатывает понятие «мифемы». Мифемы представляют собой большие структурные единицы, которые вычленяются на уровне фразы и выражают некое отношение. Леви-Стросс пришел к выводу, что именно из мифем складывается синхрондиакроническая структура мифа, делающая возможным достижение главной его цели, а именно: дать логическую модель для разрешения некоего противоречия³. Любой миф, согласно Леви-Строссу, можно представить как совокупность мифем и мифологем.

Основоположник структурной фольклористики В.Л. Пропп, опираясь на миф, создал модель метасюжета волшебной сказки в виде линейной последовательности функций действующих лиц. Под указанную модель подводится историко-генетическая база с помощью фольклорно-этнографического материала, сопоставления сказочных мотивов с мифологическими представлениями, первобытными обрядами и обычаями⁴.

¹ Цит. по: Иванова Е.В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса. URL: https://ozlib.com/837075/literatura/lingvokognitivnoe_modelirovanie_ekologicheskogo_diskursa.

² Иванова Е.В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса. URL: https://ozlib.com/837075/literatura/lingvokognitivnoe_modelirovanie_ekologicheskogo_diskursa.

³ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983.

⁴ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Изд - во ЛГУ, 1986.

Попытка систематизации всех существующих концепций предпринята в статье Ю.Л. Шишовой «К определению понятия мифологемы»¹. Автор приводит ряд синонимичных понятий, соотносимых с понятиями «архетип» и «мифологема»: архетип в аналитической психологии К. Юнга, коллективные представления в антропологии Л. Леви-Брюля, структурные элементы «арматуры» мифа в структурной антропологии К. Леви-Стросса, мотивы А.Н. Веселовского, функции волшебной сказки В.Я. Проппа и литературно-мифологический сюжетный архетип Е.М. Мелетинского в литературе и фольклористике². При этом автор разграничивает понятия архетип и мифологема, относя архетип к области психологических ролевых образов (по К. Юнгу), а понятие мифологемы связывает с прототипическими субъектно-объектными и межсубъектными ситуациями, имеющими социальную природу³.

Таким образом, одна из позиций связывает мифологему напрямую с архетипическим образом. Сторонники другой позиции используют понятие «мифологема» для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое распространение в культурах народов мира. С этой точки зрения мифологема обозначает устойчивые и повторяющиеся конструкты человеческой мысли, обобщенно отражающие действительность в виде чувственно-конкретных ассоциаций. Еще одна позиция предлагает использовать понятие «мифологема» для обозначения сознательно заимствованных мифологических мотивов и перенесения их в мир современной художественной культуры. В этом определении центральным является указание на сознательность использования писателем мифа в своем творчестве⁴.

Некоторые исследователи рассматривают мифологему как самостоятельную единицу мифологического мышления. Это образ, обладающий целостностью для культурного человека, содержащий устойчивый комплекс определенных черт. Содержание мифологемы составляют архетипы (первообразы), божественные «архэ» вещей – основа и

¹ Шишова Ю.Л. К определению понятия мифологемы // Современные проблемы теории языка. СПб.: Каре, 2000. С. 142.

² Там же. С. 142–143.

³ Там же. С. 141–146.

⁴ Вепрева И.Г., Шадрин Т.А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3625/2/prof_uieup_3_vepreva_1.pdf.

начало мира. Сформированное понятие «мифологема» означает «повествование». Здесь собрано воедино все, что архаическое общество знает о мире предков и о том, что было до них. Это общее представление о мифологеме, и в этом качестве оно вошло в литературный оборот¹.

Развернутое и вполне операциональное определение дает С. Кордонский. По его мнению, мифологема представляет собой устойчивое состояние общественного сознания, общественной психологии (и даже индивидуальной психофизиологии), в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. В мифологеме заданы основные отношения между тем, что признается в мифологизированном обществе существующим, т. е. законы данного общества, в том числе и законы природы, которая в мифологемах производна от общества и его институтов².

На наш взгляд, следует различать социальное, лингвистическое, литературоведческое и некоторые иные толкования понятия «мифологема». С социальной точки зрения понятием «мифологема» обозначаются схемы общественного человеческого поведения, зафиксированные в именах-образах мифических или сказочных героев (например, Гадкий утенок, Золушка, Иванушка-дурачок) или в словах, выражающих высшие общечеловеческие ценности – Жизнь, Свобода, Справедливость, Честность, Трудолюбие, Ответственность, Долг, Любовь, Достоинство и т.п. Любая мифологема отсылает читателя, зрителя, слушателя к хранящимся в его сознании, точнее – подсознании – глубинным представлениям о борьбе Добра и Зла, Хаоса и Космоса, Земли и Неба, Дня и Ночи, Жизни и Смерти, Своих и Чужих и т.п. Мифологема при ее восприятии выполняет функцию спускового механизма, запускающего процесс встраивания конкретного факта или явления в древний миф, легко и просто объясняющий все происходящее. И не только объясняющий, но и определяющий нормы социального поведения и способы действия.

¹ Баевский В.С., Романова И.В., Самойлова Т.А. Русская лирика XIX–XX веков в диахронии и синхронии. М., 2003. С. 14.

² Кордонский С. Административные рынки СССР и России. URL: http://modernlib.net/books/simon_kordonskiy/administrativnie_rinki_ssr_i_rossii/read/.

Другими словами, мифологема есть не просто осколок или фрагмент мифа, а голограмма целостного мифа, хранящегося в подсознательных структурах внутреннего мира человека. Так понимаемая мифологема через ассоциацию с мифом канализирует сознание человека в сторону архетипа.

С лингвистической точки зрения мифологема – это любое высказывание, содержащее в себе открытую или скрытую ссылку на некие вечные глобальные и универсальные истины. Мифологическая структура представляет читателю убедительное суждение, которое не требует строгих доказательств. Более того, если мифологемы (и идеологемы, о чем будет идти речь дальше) начинают анализировать – они гибнут. Собственно лингвистикой и ее антропоцентрическими направлениями – лингвокультурологией, социолингвистикой должны изучаться имена мифологем – лексические единицы (или устойчивые словосочетания) особого функционально-семантического типа, которые именуют культурно значимые образы мифического происхождения, воплощающие определенные идеи-архетипы, и входят в синонимические отношения с другими именованиями образов-реализаторов данного архетипа.

Е. Шейгал отмечает, что всем типам мифологем обязательно свойственна гиперболизация, причем не только денотативная, но и коннотативная, т. е. усиление эмотивности, например. Другой характерной чертой мифологем, по Шейгал, является знание референтом речевого сообщения прецедентной ситуации или текста. Миф-пропозиция и мифологема, ему соответствующая, могут быть свернуты до одной лексемы, здесь происходит «расхождение, вплоть до противоречия, их сигнификативного и денотативного (референтного) содержания»¹.

Для мифологем характерен особый язык и связи между основными понятиями (такие как «происходить от...» и «состоять из...»). Мифологемы, сконструированные пять тысячелетий назад и в последние десятилетия XX века, практически не отличаются друг от друга по внутренней логике. Люди, реализующие мифологему и в ней живущие, нечувствительны к реальности, для них окружающая жизнь лишь набор примеров для интерпретаций в терминах мифологической логики и онтологии. Несоответствие мифологической и обыденной картин мира

¹ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. С. 134.

они приписывают действию разного рода таинственных и трудно идентифицируемых сил: внешних и внутренних врагов, магии и колдовства. В воображении мифомана и его повседневной практике постоянно находится образ прекрасного будущего, которое не реализуется только потому, что этому кто-то препятствует¹.

С литературоведческой точки зрения мифологема чаще всего понимается как образ, обладающий целостностью для культурного человека, содержащий устойчивый комплекс определенных черт. Это некая первичная сюжетная схема, кросскультурная идея, встречающаяся в фольклоре разных народов, перешедшая из мифа в эпос и волшебную сказку, затем в рыцарский роман и т. п. Благодаря использованию мифологических сюжетов и структур происходит воздействие художественного творчества на архетипы сознания адресата, что, в свою очередь, способствует развитию новых культурных образований и мифологем. Исходные символические образы, которые можно назвать мифологемами – золото, солнце, человеческая рука, мост (например, мост как аллегория непрерывной поступи вперед; у многих народов – как перевернутое Мировое древо: по мере мифологизации примитивной переправы – с использованием случайно упавшего дерева – возникло представление о дереве-мосте, соединяющем два мира) и др. Исходные, ключевые мифологемы, характерные для архаического сознания, «дожили» до наших дней как в исходном виде, так и переработанные культурой. Позднейшие мифологемы берут начало именно в них. Вся наша культура состоит из данных образов, проявляющихся в культуре – в мифах, эпосе, сказках и т. п.; их использование помогает автору добиться большей или меньшей эффективности своего обращения, что зависит от уместности использования конкретной мифологемы. Мифологемы, посредством которых реализуются архетипы в художественном тексте, нередко лежат в основе образной структуры произведения, участвуя в ее формировании, и в ряде случаев играют важную смыслообразующую роль.

Мифологемы часто используются для трактовки биографической информации о выдающемся человеке. Так, например, мифологемы Гадкий утенок, Золушка, Иванушка-дурачок широко и многообразно

¹ Кордонский С. Административные рынки СССР и России. URL: http://modernlib.net/books/simon_kordonskiy/administrativnie_rinki_sssr_i_rossii/read/.

используются в современных СМИ для активизации, главным образом среди молодежи, идеи достижения личного благополучия, с этой целью они искусно «вписываются» в биографии кинозвезд, эстрадных кумиров. По прагматической установке рассмотренные мифологемы лично ориентированы¹.

Вот лишь несколько примеров.

ЗОЛУШКА. В детстве бедна и унижаема, но трудолюбива и добра. В юности встречает человека, помогающего ей найти выход из ее трудного положения и стать влиятельной дамой. Главная особенность Золушки – она вознаграждается именно за хороший характер, ее личностные существенные изменения не претерпевает: Золушка как была, так и осталась доброй, трудолюбивой, терпеливой. В число условий реализации этой мифологемы часто входят внешние факторы: «волшебные помощники», благодетели, друзья.

Сегодняшние «золушки» зачастую могут называться *self-made women* («женщины, которые сделали себя сами»), так как во многих случаях достигают всего своими силами, без чьей-либо конкретной помощи. В этом сказывается трансформация мифологемы. Проиллюстрируем мифологему описаниями биографий.

Эдита Станиславовна Пьеха родилась в маленьком шахтерском городке. Ее отец, шахтер, умер, когда девочке было 4 года. Пройдя через жизненные тернии, Пьеха добилась многого в своей жизни. Сейчас она – состоятельная эстрадная певица, любимая многими зрителями.

Мадонна (Луиза Вероника Чикконе) своей матери практически не знала: она умерла, когда девочке было пять лет. В семье ей было нелегко: отец скоро женился, и у девочки с мачехой возникло открытое соперничество. Пройдя тернистый и не совсем праведный путь к славе, Луиза Чикконе становится певицей и кинозвездой. Сейчас ее имя известно во всем мире.

Мерилин Монро (Норма Джин Бейкер Мартенсон) скиталась с раннего детства по приютам и приемным семьям, практически не знала свою душевнобольную мать. Мэрилин Монро благодаря своему везению и трудолюбию стала символом своей эпохи, превратясь во всемирно известную актрису.

¹ Соколова Н. Языковые средства мифологизации личности в современных СМИ. URL: http://samlib.ru/s/sokolowa_nadezhda/magisterskayarabota.shtml.

Екатерина I (Марта Скавронская). О ее происхождении историки спорят до сих пор. По одной версии она – дочь шведского солдата, по другой – латышского крестьянина. В детстве и юности зарабатывала на жизнь, помогая кухарке и стирая белье в доме лютеранского пастора. Не получила образования. Обладая внешней привлекательностью, стала любовницей сначала маршала Б. Шеремета, а затем – князя А. Меншикова. Именно у своего фаворита ее и заметил Петр I. Отбив ее у Меншикова, русский император вскоре женился на ней и сделал ее императрицей. Изменение социального положения не сказалось на характере Екатерины. Она осталась неприхотливой и скромной.

При значительной вариативности приведенных жизненных описаний, все они, так или иначе, отмечают восхождение личности от бедности и безвестности к богатству и славе, обеспеченное упорным трудом и талантом.

ГАДКИЙ УТЕНОК. В детстве невзрачный и неприметный. Потом перерастает в «прекрасного лебедя». Скромный, тихий, а иногда, может быть, даже забитый ребенок за короткий срок превращается в красивого, уверенного в себе молодого человека или девушку. Среда, в которой он / она живет, зачастую относится к нему / к ней враждебно, презирая его / ее и не давая возможности проявить себя, что лишает человека уверенности. Если мифологема «Золушка» актуализирует преодоление человеком внешних трудностей и препятствий на его жизненном пути, то архетип «Гадкий утенок» знаменует внутренние изменения в человеке, его самосовершенствование, проявление скрытых талантов.

Проиллюстрируем данную мифологему несколькими биографическими описаниями.

Шарон Стоун. Критики много раз подчеркивали, что своей судьбой актриса повторила историю гадкого утенка из сказки Андерсена. В юности она ничем особенным среди своих сверстников не отличалась и вдруг по прошествии лет превратилась в прекрасного лебедя.

Алла Борисовна Пугачева. Известная эстрадная певица в детстве была очень нерешительной и закомплексованной девочкой. Сама она в одном из своих интервью признавалась: «Я с детства любила петь. И боялась это делать».

Екатерина Романовна Дашкова вошла в историю как первая русская женщина, которой удалось занять ответственные научные посты. Она одновременно являлась директором Академии наук и президентом Российской Академии. Когда ей было 15 лет, знакомые называли ее ученой. Нужно заметить, что, по описанию современников, Екатерина Дашкова была некрасива, маленького роста, с приплюснутым носом и толстыми щеками.

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК. Веселый, никогда не унывающий Иванушка-дурачок в юности часто не получает систематического образования. Если у него появляется тяга к знаниям, он может заняться самообразованием. Положения в обществе и богатства достигает или сам, благодаря смекалке, жизнелюбию, или с помощью «волшебного помощника» – какой-либо сущности (животного или человека), готовой прийти на помощь в трудную минуту.

Эта мифологема может быть проиллюстрирована следующими биографиями известных людей.

Джонни Депп имел возможность получить хорошее образование, но в 16 лет он решил бросить школу и стать рок-музыкантом. Появившись в Лос-Анджелесе, он вынужден браться за любую работу, чтобы прокормить семью. Но молодой человек не отчаивается. Вскоре Джонни встречается на своем жизненном пути известного актера *Николаса Кейджа*, который помогает ему встать на ноги. Сейчас Джонни Депп – известный американский киноактер.

Алисия Сильверстоун в детстве была примерным ребенком, росла скромной и послушной. В кино попала из-за своей красоты. Будучи ребенком, получила предложение сыграть в сериале «Бeverли Хиллз – 90210», но отказалась из-за своей лени. Несмотря на это, продюсеры заметили красивую девочку и, когда она повзрослела, снова пригласили ее сниматься. На этот раз Алисия согласилась. Работа ей понравилась, и она решила стать актрисой. Сейчас она считается суперзвездой Голливуда.

Александр Александрович Алябьев происходил из старинного дворянского рода. Его отец занимал важный правительственный пост. Александр получил прекрасное по тем временам домашнее образование и начал учиться в пансионе при Московском университете, но с началом 1812 года ушел в армию, не закончив образования. Он служил

в гусарах, прошел путь от корнета до подполковника. За свои боевые заслуги был удостоен множества наград. Умер Алябьев известным композитором.

Таким образом, мифологема «Золушка», наложенная на биографии известных людей, актуализирует в их жизненном пути достижение успеха за счет упорства и трудолюбия. Мифологема «Гадкий утенок» знаменует работу личности над собой, самосовершенствование. Мифологема «Иванушка-дурачок» подчеркивает значимость случая, удачи в поисках героем своего счастья, которым награждается человек добродушный и непретенциозный.

Миф и современность

XX век показал, что мифологическое сознание может не только уживаться с научно-рациональным, но в определенных условиях подавлять его, а иногда и ставить себе на службу. «Философия бессильна разрушить политические мифы, – пишет Э. Кассирер. – Миф сам по себе неуязвим. Он нечувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов. Но философия может оказать нам другую важную услугу. Она может помочь нам понять противника. Чтобы победить врага, мы должны знать его. Понять миф – означает понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу. Нам всем было свойственно недооценивать ее. Когда мы впервые слышали о политических мифах, то нашли их столь абсурдными и нелепыми, столь фантастическими и смехотворными, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением»¹.

Неомифологическое сознание – одно из главных направлений культурной ментальности XX века, начиная с символизма и заканчивая постмодернизмом. Мифологические сюжеты и мотивы стали активно использоваться в ткани художественных произведений. Здесь первым знаменитым образцом является роман Дж. Джойса «Улисс», использовавший в качестве второго плана повествования миф об Одиссее и сопредельные ему мифы. Начиная с 1920-х годов, то есть времени расцвета модернизма

¹ Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2. С. 58.

в литературе, практически каждый художественный текст прямо или косвенно строится на использовании мифа: «Волшебная гора» Т. Манна – миф о певце Тангейзере, прошедшем семь лет на волшебной горе богини Венеры; «Иосиф и его братья» того же автора – мифы библейские и египетские, мифология умирающего и воскресающего бога; «Шум и ярость» У. Фолкнера – евангельская мифология; «Процесс» и «Замок» Ф. Кафки – сложное переплетение библейских и античных мифов; «Мастер и Маргарита» М. Булгакова – вновь евангельская мифология.

Опасности погружения в миф, противопоставления мифа культуре были, конечно же, отрефлексированы Т. Манном. Благо эпоха давала немало образцов мифотворчества, совершенно деструктивного и карикатурного. И что уж говорить, изощренная критика рационалистической культуры западными интеллектуалами: Хайдеггером, Юнгом, Геноном, тем же Шпенглером – внесла немалый вклад в создание интеллектуальной атмосферы, породившей фашизм. Об интеллектуальном поражении Запада перед лицом новых мифологий Т. Манн на склоне лет писал горько и определенно: «...Человек тонкого чувства не хочет возражать, не хочет вторгаться со своими логическими или историческими контрдоводами в разработанный строй мыслей, он чтит и щадит духовное даже в противодуховном. Сегодня уже вполне ясно, что наша цивилизация совершила ошибку, слишком великодушно проявляя уважение и бережность, ибо имела противниками чистейшую наглость и беспардонную нетерпимость»¹.

¹ Манн Т. Доктор Фаустус. Ташкент, 1986. С. 302. В продолжение темы представляется уместным привести важное резюме М.А. Сиверцева: «...Позитивистская, неопозитивистская и в целом рационалистически секулярная защита науки от неoarхаикималоэффективна. История „наук о духе“ достаточно ясно демонстрирует, сколь фатально и победно преодолевают разнообразие модели „философий жизни и брутальности“ даже очень продуманно и логически безупречно выстроенные, рационалистически секулярные аргументы. Не говоря уже о совершенно царственном пренебрежении любых победивших „философий жизни и силы“ к позитивистской идеологии факта и эмпирического наблюдения» (Сиверцев М.А. Влияние дискурса традиционных культур на становление полицентрического образа фундаментальной науки (Востребование наследия традиционных культур в компьютерную эпоху) // Ориентация – поиск Восток в теориях и гипотезах. М., 1992. С. 195). Может быть, этот своеобразный и весьма прочувствованный приговор радио звучит чрезмерно категорично, однако в его обоснование можно привести очень многие эмпирических фактов из истории взаимоотношений радио и всевозможных проектов апеллировавших к «почве», «крови», «классовому чутью» и других проектов.

Однако размежевание с мифологиями тоталитарными могло быть интеллектуально основательным лишь при условии должного внимания к мифологической проблематике. Из погружения в миф могли вырастать и вырастали интеллектуальные ходы, весьма различные. Для Шпенглера обращение к мифу служило предпосылкой к утверждению релятивистского образа бессмысленной истории. Хейзинга же в мифологии, напротив, искал материал для переоснования традиционного европейского гуманизма, пусть и в нетрадиционных обстоятельствах. Миф становился основой для построений структуралистских, психоаналитических...

В контексте данной главы принципиально важными представляются следующие обстоятельства.

1. Актуализировался сам язык мифа. Мифологемы становились для многих интеллектуалов вполне органичным, естественным способом интерпретации реальности. Насквозь мифологичен, скажем, язык «Изучения Истории» Тойнби – своеобразной суммы западной спекулятивной философии истории первой половины XX столетия.

2. Исследования народной культуры (первые принципиальные шаги в этом направлении предпринимаются как раз в межвоенные годы) чем дальше, тем больше обнаруживали мифологический подтекст новоевропейской цивилизации.

3. Дальнейшее развитие психоаналитической традиции, становившейся в 20–30-е годы неотъемлемым элементом интеллектуального инструментария западного общества, самым естественным образом опять-таки выводило на проблематику мифа при исследовании как индивидуального, так и коллективного бессознательного.

4. На эту же проблематику выводило и изучение современной массовой культуры. Яркий образец размышлений в этом направлении дают тексты Р. Барта¹.

5. Анализ языка науки вновь и вновь выводил исследователей на вопрос о границах этого языка, на проблему его предпосылочности, его укорененности в культуре. По справедливому замечанию К. Хюбнера, «перенос тематики на проблему мифа неизбежно следует из самого развития теории науки»². И здесь с неизбежностью возникали не

¹ См.: Барт Р. Мифологии. М., 1996.

² Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 387.

только построения, в которых наука, рацио вновь и вновь противопоставлялись мифу, но и попытки поискать пути сопоставлений. Скажем, попытки структуралистов искать в мифе логику вели именно в этом направлении.

Начало XXI века привнесло в жизнь общества мифологию, которая представляет собой причудливый синтез «демократических» и «советских» мифов. Тяжелые годы реформ в России привели к тому, что в конце 1990-х «в обществе стал зреть запрос на символический возврат в СССР»¹. Первые шаги президента В. Путина – к примеру, возврат музыки советского гимна – были направлены именно на удовлетворение этого запроса. В новую, путинскую эпоху пришли и новые символы. Возвращение мифа «о светлом прошлом», где «не все было плохо», высказанная вслух главой государства идея о распаде Советского Союза как о «величайшей трагедии XX-го века», слова спикера Госдумы Б. Грызлова о «перегибах» во времена Сталина – все это, во-первых, отчасти совпало с чаяниями некоторых (в основном пожилых) людей, приверженцев советской мифологии, и, во-вторых, нарочито контрастировало с мифологией и убеждениями реформаторов 1990-х, столь непопулярных у народа. Эти два фактора и стали решающими в завоевании признания и укоренении популярности как самих новых российских мифов, отчасти основанных на мифах советских, так и их выразителей.

Следуя традиционным для русской истории умонастроениям «конца века», наше время занято интенсивным производством новых, а также реставрацией старых социокультурных мифов. Как на рубеже XIX–XX веков, так и сегодня широкая публика увлечена постижением оккультных тайн, «неопознанных явлений», религиозно-мистических доктрин сектантства. Современность, осознанная под знаком катастрофы, символических свидетельств «конца истории», заставила не просто усомниться в перспективе нынешней модели цивилизации, но и начать активный поиск новых духовно-нравственных парадигм. Идеал видят то в образе патриархального прошлого, то в утопических картинах будущего. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что мифологическое сознание определяет жизнь и деятельность наших современников.

¹ Цуладзе А.М. Политическая мифология. М., 2003. С. 37.

Российская ситуация благоприятна для создания многообразных мифов, пользующихся очень хорошим спросом. Достаточно упомянуть о российских фанатах Гессе, Борхеса, Кортасара, не говоря уже о Кастанеде и Толкиене. Фанатов настоящих, с горящими глазами, они готовы чуть ли не жизнь отдать за идеи, которые для их автора были, скорее всего, послеобеденной интеллектуальной игрой.

Можно выделить несколько факторов, стимулирующих создание благоприятных условий для тотальной мифологизации современности.

Первый фактор – потребность в иллюзиях. Как замечает В.М. Пивоев, «иллюзия – это не обычный обман или ложное представление. Это такое представление, которое внушает нам надежду на удовлетворение наших потребностей»¹. То есть вопреки здравым рассуждениям и логике человеческая личность уповает на некие силы, которые в нужный момент вмешаются в обычный ход вещей, дабы сотворить Чудо. И даже не обязательно Чудо в общепринятом смысле – достаточно простого снятия проблем (вот приедет барин – барин нас рассудит). И совершенно неважно, когда это произойдет и произойдет ли вообще – главное, что это дарит человеку чувство уверенности: «Мифология – в чем и состоит секрет ее привлекательности – создает обнадеживающую картину мира и его перспектив»². И как правило, размер вымысла в такой «картине мира» совершенно не осознается и определяется в значительной степени жизненным опытом. Чем этот опыт меньше, тем может быть больше вымысла внесено в картину мира. Поскольку возникает потребность в осмыслении происходящего вокруг, то она должна быть удовлетворена независимо от наличия объективной, достоверной информации. Потребность в иллюзиях обостряется тем, что «разрыв с обычным, привычным, традиционным и нормативным дает эффект аномии, который и порождает страх, чувство оставленности, покинутости, трепета, ужаса перед возникающим всемогуществом. Поэтому мифологическое (нуминозное) отношение к власти соотносится с общественным равнодушием и социально-политической пассивностью, покорностью... Отсюда нынешняя близость первых лиц, всего госаппарата, депутатского корпуса к церкви, все более выступающей в качестве магического средневекового института, владеющего

¹ Пивоев В.М. Миф в системе культуры. Петрозаводск, 1991.

² Там же.

волшебными средствами воздействия на мир», – пишет Л. Гудков¹. По его мнению, «апелляция к симулятивной архаике, не обеспечивающей смысловую проработку идущих в обществе изменений и, тем более, не порождающей новых смыслов и ценностей, представлений о будущем, становится причиной стремительной деморализации общества, массовой аномии, асоциального индивидуализма и цинизма»².

Второй фактор – уровень и характер общей культуры. Чем большим жизненным и социальным опытом обладает общество, тем трудней поддается мифологизации. Но нельзя сказать, что не поддастся совсем. Люди разных культур (и на разных стадиях развития таковых) склонны принимать на веру разные мифы. И «чем выше культура, тем более высокие и более утонченные требования предъявляет человек к сложности и изошренности мифологических построений»³.

Третий фактор – уровень общественной доверчивости. К примеру, ребенок, выросший в неблагополучной семье, будет гораздо более замкнут и недоверчив, нежели любимое дитя любящих родителей. Так же, как и некая общность, племя, постоянно терпевшее нападения врагов, переживавшее болезни и неурожаи, гораздо труднее поверит в милость богов, нежели их более удачливые соседи. Правда, если это случится, то их вера будет сильнее и истовей, ибо все условия их существования вынуждают к уходу от реальности в «собственную правду».

Четвертый фактор – эмоциональное напряжение. На основе страха и голода человек тяжелобольной поверит экстрасенсу – захочет поверить ему – значительно быстрее, чем «практически здоровый»; люди, которым годами не выплачивали зарплату, с большим доверием отнесутся к Спасителю, обещающему решить их проблемы, чем граждане благополучные, без таких насущных проблем, привыкшие взвешивать все «за» и «против».

Пятый фактор – чрезмерная коллективность переживания и взаимозаражение. Человек, существуя в социуме, растворяется в нем, начиная жить общей жизнью. И примеривая на социум мифические

¹ Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2012/117/g25.html>

² Там же.

³ Пивоев В.М. Миф в системе культуры. Петрозаводск, 1991.

одежды, он отождествляет себя с героями мифа. И чем «массовее» совершается это самоотождествление, тем эффективней внедрение мифа.

Шестой фактор. Подчеркивая значимость объективных причин существования мифологических представлений, нельзя умолчать о том, что всегда были и есть социальные силы, и довольно могущественные, заинтересованные в насаждении самых фантастических представлений как о природных явлениях, так и о законах общественной жизни. Эти социальные силы использовали и используют громадный пропагандистский аппарат для формирования системы мифов, извращенно воспроизводящих историю страны и историю общественных движений, фальсифицирующих законы общественного развития. В прошлые годы мы сумели, по всей вероятности, достичь самого высокого в истории цивилизации уровня мифологизации повседневного жизни. Советский человек находился в положении несчастного царя Мидаса: к чему ни прикоснется, все обращалось в символ. Своеобразие ситуации заключалось в том, что, помимо архаических слоев, хранивших древние мифологемы, создавались новые мифологические конструкции. Мифотворчеством занимались – и продолжают заниматься – литература, кинематограф, архитектура.

Мифы СССР и современной России

Советский период истории России был нагружен множеством сильнодействующих социальных мифов, которые содержали в себе значительную политическую составляющую. Вот лишь некоторые из них.

Миф 1. «Мы наш, мы новый мир построим»

Произошедшая в 1917 году в Российской империи революция обещала безграничные возможности для преобразования мира. Очень многое было отброшено в один миг и забыто: условности, традиции. Борющиеся за светлое будущее искренне верили, что революция в России в конечном итоге приведет к мировой революции, а потом размах преобразований достигнет и космоса. Все трудности, которые сопутствовали осуществлению мировой мечты, можно было оправдать тем, что только советским людям дарована возможность создать то, чего не было у других. Вспомните строчку из песни: «Мы рождены, чтоб

сказку сделать былью». Это популяризованная вера народа в свою избранность (до революции использовался термин «богоизбранный народ»), в свою исключительную миссию в преобразении мира. Как и любое тоталитарное общество, Советский Союз представлял себя государством, стоящим в начале новой эры. Активная пропаганда государственного взгляда на мир вызывала чувство новизны, веру в светлое будущее. А это, в свою очередь, поднимало общественный энтузиазм и давало возможности перенести невзгоды.

Миф 2. Мы покоряем время и пространство

В первые годы после становления советской власти особенным пафосом были наполнены призывы к изменению природы. Ее требовалось низвергнуть, как все старое, изжившее себя, и построить новую окружающую среду, более подходящую под нужды советского общества. Освоение неба и космоса, строительство гидроэлектростанций, прокладка тысяч километров железных дорог, освоение целины, строительство заводов-гигантов, метрополитена и высотных зданий в Москве, широкий размах в добыче полезных ископаемых – все это говорило человеку, что он покорил все стихии. Вспомните строчки из «Марша энтузиастов»: «Нам нет преград, ни море, ни на суше». Они пропитаны пафосом покорителей пространства. Постоянная, и зачастую преувеличенная, демонстрация успехов социалистического строя была призвана убеждать народ в неумолимости создания в стране коммунизма, вызывать гордость за Союз. Необходимость превращения утопии в реальность требовала грандиозных затрат, ее неизбежность ежедневно декларировалась СМИ. Манипуляция обществом шла при помощи кинофильмов и книг, посвященных романтике труда и созидания, пропитанных духом героизма и творчества, производство которых было поставлено на конвейер.

Миф 3. Труд – дело чести геройства и доблести

Мифологические герои социализма – это простые люди, которые отличались дисциплинированностью, нетерпимостью к недостаткам в производстве и быту, верой в мудрость вождя или компартии, пылающие ненавистью к врагам советского строя. Эти новые герои, успешно создаваемые властью, были призваны заставить народ подражать им. Главной добродетелью советского человека стала готовность пожертвовать собой ради светлого будущего. Но и будничная жизнь могла

стать подвигом. Мирный подвиг заключался в ударном труде на благо народа и своей страны. Возникновение движения ударничества, характеризующегося перевыполнением нормы, относится к середине двадцатых годов прошлого века, когда на производстве создавались целые ударные бригады. Через десять лет возникло движение стахановцев, когда забойщик угольной шахты Алексей Стаханов за смену выполнил 14 норм. На самом деле было установлено, что на него работала вся бригада. Это движение впоследствии стало массовым, охватив все отрасли производства и многие сферы жизни.

Миф 4. Всемирный Советский Союз

Официальная идеология ставила Советский Союз в центр мира, считала его источником обновления мировой истории. Советские дети, убежденные, что живут в лучшей стране в мире, учили строки: «Начинается земля, как известно, от Кремля». В воспитании «нового человека» большую роль играла полная изоляция от остального мира. Все сведения советский человек получал переработанными средствами массовой информации. Советского человека возмущала любая несправедливость к людям во всем мире, только в своей стране он ее не замечал – в этом заключалось искусная манипуляция общественным сознанием. Советский труженик был готов кинуться на защиту негров в Америке, шахтеров в Англии, республиканцев в Испании. Это носило название интернационализма. Важной задачей социалистической пропаганды было воспитание людей в духе интернационализма. Советская власть не жалела денежных инвестиций в братские народы, возглавляемые братскими компартиями. Сам Советский Союз демонстрировал всему миру интернационализм в действии – счастливую и свободную жизнь всех народностей и наций, проживающих в стране.

Миф 5. Труженики в СССР будут жить все лучше, зажиточнее, счастливей

Идеологическим подтверждением успешного строительства социализма стала «зжиточная и счастливая» жизнь простого советского человека. После революции искусством и СМИ создавался идеальный образ советского государства в скором будущем. Основным принципом пропаганды было изображение счастливой атмосферы, в которой живут и действуют герои кинолент и книг. Доклады партии сообщали о полной ликвидации неграмотности в стране, широком приобщении

народа к культуре, росте материального благосостояния. Рапорты о чудесных урожаях, рекордных объемах выплавки чугуна и стали на душу населения, фотографии с грудями продуктов и товаров повседневного спроса, яркие витрины столичных магазинов были лишь красивой оберткой, которая скрывала реальную жизнь простого советского человека, с ее неприятными атрибутами: очередями, талонами и карточками, дефицитом, блатом.

Миф 6. СССР сохраняет мир во всем мире

Любая тоталитарная мифология должна создать образ внешнего врага, к борьбе с которым нужно быть готовым. Напоминания о враждебном капиталистическом мире, окружающем самую лучшую страну в мире, по своему содержанию представляли собой завуалированный приказ подготовки к войне. Даже в мирное время обязательным составляющим жизни советского человека были учения по гражданской обороне, всевозможные военные сборы. Во всех школах преподавалась военная подготовка, в летних лагерях дети играли в военные игры «Зарница», «Орленок». Все, как-то связанное с военными реалиями, в Стране Советов было романтизировано. Любовь к социалистическому государству не могла существовать без ненависти к его врагам. Борьба за мир в Советском Союзе шла при помощи наращивания вооружения и чрезмерного развития военно-промышленного комплекса.

Миф 7. Коммунистическая партия – это ум, честь и совесть нашей эпохи

Священное место приобрела единственная партия – коммунистическая, выполняющая направляющую и руководящую роль в построения светлого будущего. Руководитель партии занимал в мифологической иерархии место очеловеченного Бога. Прославление компартии и ее вождей окружало человека повсеместно. В детских садах дети учили стихи про Ленина и Сталина. За счастливое детство благодарили не родителей, а партию и конкретно товарища Сталина. Все это позволяло воспитывать поколения в духе преданности идее коммунизма.

Что касается сегодняшнего дня, то важной частью политической мифологии являются мифы, связанные с государством. Сутью таких мифов является идея жесткой связи личности с государством, которое выступает в роли божества, обеспечивающего защиту фундаментальных ценностей общества и законных прав граждан. Гражданам

предлагается несколько простых мифологических утверждений о безгрешном государстве, вечно правой власти и неизменно благородном правящем классе, который принимает свои решения, исключительно руководствуясь высшими соображениями морали, религии и «национального интереса». Взамен государство требует от индивида полной, не обсуждаемой подчиненности. Так понимаемый государственный миф создается нанятыми государством специалистами по конструированию мифов.

Можно выделить несколько популярных схем формирования государственного мифа.

1. Конструирование великой истории и великой миссии данного государства. История возникновения и развития государств и наций, как правило, искажается и мифологизируется настолько, что ее объективный анализ теоретически возможен только при критическом сопоставлении различных источников. Однако в большинстве случаев это практически невозможно из-за пристрастности, субъективности или ангажированности исторических или других источников информации. По сути дела, вся мировая история стала объектом постоянных манипуляций. В этой связи видный американский ученый К. Рид отмечал, что «историк находит в прошлом то, что ищет. Он отбирает, излагает и подчеркивает факты в соответствии с той концепцией, которая социально желательна и востребована, и рассказывает об эволюции общества, постоянно имея в виду это обстоятельство»¹.

2. Создание государственных символов, гимнов, флагов, почитание которых является обязательным для любого гражданина.

3. Всевозможные ритуальные акты – установление памятных дат, празднование годовщин исторических событий, чествование выдающихся деятелей современности, заявления по поводу происходящих политических и культурных событий, все это позволяет вырабатывать и поддерживать почтительное отношение к государству.

4. Особое проявление государственноческого мифа – миф о патернализме, об особой государственной заботе о гражданах. Этот миф насаждался и поддерживался советским государством в корыстных государственноческих целях: для укрепления в советских людях

¹ Read C. The Social Responsibilities of the Historian // The American Historical Review. 1950. Jan. P. 285.

чувства долга перед благодетельствовавшим их государством, сотворения кумира государства, воспитания этатистского мировоззрения. В новых условиях российское государство точно также доказывает гражданам, что они не умеют ни жить, ни работать и существуют только благодаря заботам государства. На самом же деле, конечно, не государство содержало народ, а народ – государство, как содержит он его и сейчас.

5. Ссылки на созданную подданными данного государства великую культуру. И при этом неважно, благодаря государству или вопреки ему создавалась эта культура. В прошлые годы этим занимался Д. Лихачев¹. В наше время о великой русской культуре любил рассуждать бывший министр культуры В. Мединский.

6. Песни, плакаты, всяческая массовая культура, содержащая в себе необходимые мифологемы. Есть множество других способов формирования государственного мифа. Некоторые из них описаны в работе С. Тараненко², который выделил 15 мифов российской истории, целенаправленно формирующих положительный образ государства.

Столкновение политических мифологий хорошо видно на результатах конструирования мифообразов российских политиков. Например, были попытки ориентироваться на мифообразы, характерные для современной западной политической модели. Таковым был мифообраз Григория Явлинского, который на протяжении всей своей политической карьеры выступал в роли компетентного эксперта, ориентированного на западные ценности. Прессе были предложены такие идентификационные характеристики его образа, как «политик американского плана», «русский Кеннеди», «самородок из поколения „Битлз“». В свои публикации Явлинский неизменно выступает за реализацию рыночной экономики, права человека, независимый суд и свободные СМИ. Симптоматично, что на выборах президента России в 1996 году «русский Кеннеди» занял только четвертое место, уступив и «гаранту невозврата в тоталитаризм» Ельцину, и «борцу с антинародным режи-

¹ Лихачев Д. Мифы о России старые и новые. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/8660/>.

² Тараненко С. 15 мифов российской истории – правда и ложь. URL: <http://argumentua.com/stati/trep-imperskii-15-mifov-rossiiskoi-istorii-pravda-i-lozh>.

мом» Зюганову, и «воину-богатырю» Лебедю. Эти кандидаты – каждый по-своему – находились в русле национальной мифологической традиции, требованиями которой на бессознательном уровне руководствуется большинство российских избирателей. А по результатам выборов-2003 «Яблоко» и вовсе оказалось аутсайдером голосования: борьба с бесправием в качестве агитационного клише бесперспективна в стране, где закон – что дышло...¹

Другой пример. В марте 1998 года многолетний премьер России В.С. Черномырдин был неожиданно для многих наблюдателей отправлен в отставку, а его место занял глава Минтопэнерго Сергей Кириенко, которому на момент назначения исполнилось всего 35 лет. Было очевидно, что впервые порог российского Белого Дома перешагнул человек, предпочитающий профессиональный подход к собственному имиджу, открытый чужому опыту и готовый учиться на «зарубежных образцах». Высказывались предположения, что С. Кириенко станет для России лидером нового типа. Однако очень скоро стало очевидно, что не только массовое сознание не приняло нового политика, но и журналисты, которые в принципе входят в состав элиты, отнеслись к нему насмешливо. С. Кириенко получил от журналистов прозвище «Киндер-сюрприз», а Дом Правительства РФ автоматически был «переименован» в «Дом пионеров». Эти пренебрежительные прозвища с очевидностью свидетельствуют не в пользу выбранного С. Кириенко имиджа: само понятие «государственный муж» формирует образ «солидного чиновника» и вступает в противоречие с «легковесностью» образа «Киндер-сюрприза». Таким образом, можно констатировать, что западная модель рационализации власти и отношений с властью в России еще не укоренилась, десакрализации власти пока не состоялось. Русская культура сохранила миф о власти, и в центре этого мифа должен стоять ее персонифицированный носитель. Отечественную модель государственного устройства, при которой легитимация президентской монособъектности осуществляется посредством свободных выборов, многие рос-

¹ См.: Козина Е.С. СМИ и выборы: ресурс и угрозы политического мифотворчества. URL:<https://bookwinx.ru/book/smi-i-vibori-resurs-i-ugrozi-politicheskogo-mifotvorchestva.235141/>.

сийские политологи прямо идентифицируют как «выборную монархию». Это выдвигает ряд специфических требований к персоне лидера и его публичному поведению.

В части традиций власти Россия многое унаследовала от Византии, в то же время серьезно переработав перенятое. Изменения затронули, в частности, такую важную область, как взаимоотношения светской и духовной властей. Принцип «разделения ответственности», сформулированный библейской строкой «Воздайте Богу Богово, а кесарю – кесарево», не был принят российской властной традицией. Византийские базилевсы являлись исключительно светскими владыками, которым обряд помазания на царство не давал священного сана. В России же начиная с XVII века помазание сообщало царю чин епископа, в результате чего он становился одновременно и светским, и духовным властелином, и был ответствен не только за благосостояние подданных, но и за души их. В ходе обряда царь как бы связывался неким «контрактом» с Богом и уже не имел права отвечать перед народом за свои грехи, держа ответ за грехи свои и подданных непосредственно перед Всевышним. Тезис о всеобщем равенстве перед Богом был заменен тезисом о равенстве перед монархом. Прямая замкнутость власти на Небеса обусловила необходимость абсолютной монархии, обеспечивающей полноту власти¹.

В отличие от европейской культурно-религиозной традиции, согласно которой жизнь на земле управлялась земными законами, в России власть автоматически выключалась из земных законов. Русский царь, таким образом, – далеко не верховный чиновник, облеченный широкими полномочиями и строже всех соблюдающий законы. Как раз наоборот. Российская ментальность требует сакрализации власти – для того, чтобы поставить ее над законом. Это означает, что базовая метафора отношений человека и власти в России не общественный договор, как на Западе², а семья.

¹ См.: Козина Е.С. СМИ и выборы: ресурс и угрозы политического мифотворчества. URL: <https://bookwinx.ru/book/smi-i-vibori-resurs-i-ugrozi-politicheskogo-mifotvorchestva.235141/>.

² Согласно исследованиям Г. Алмонда и С. Вербы, большинство американцев ассоциирует свою национальную идентичность с принадлежностью к демократическим политическим институтам, что включает в себя значимость концепции политической свободы, демократии и представительного правительства.

Таким образом, чем более публичный образ политика укладывается в рамки социальных ожиданий, закрепленных в специфических конструктах коллективного бессознательного нации, тем выше его шансы на успех. При этом незаменимым средством выведения политической персоналии в сферу общественного интереса, формулирования и акцентирования стержневых характеристик образа политика, трансляции и закрепления провозглашаемых им лозунгов в качестве фактора массового сознания являются СМИ.

Медиа – создатель и транслятор политических и государственных мифов

Как уже указывалось выше, современная культура медиационна¹ в силу того, что СМИ стали основным информационным институтом общества. Они формируют публицистическую картину мира², фрагментарную и пеструю, но служащую для большинства источником представлений о действительности. Часто неадекватных, так как сам процесс фильтрации, представления и циркулирования информации³ дает объективную почву для ее искажения.

Именно СМИ занимаются созданием и распространением множества политических мифов. Многолетние наблюдения за деятельностью

¹ Кондаков И.В. От литературоцентризма – к медиационизму [Электронный ресурс] http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=566.

² Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.

³ Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М., 2005.

российских медиа и обобщение работ, посвященных мифу в СМИ¹, дают основания для выделения некоторых из них².

1. Миф о великом языческом прошлом славян

В номере «Московского комсомольца» от 17 февраля 2010 года описывается действие, происходящее возле деревни Борисовка:

«На лесной опушке построены ворота, за ними капище. Больше 60 человек в аутентичных одеждах древних славян славят своих предков, свой род, передавая деревянную братину с медовым квасом по кругу. Здесь и пожилые люди, и совсем малыши – родноверы, как они себя называют. В деревню Борисовку на окраине района приехали славяне не только из округи, но и со всей территории бывшего Союза. „Вся мудрость, мощь и сила наших предков скрыта в нас, это возвращение к корням“, – говорит жрец Бер из Дубны. На празднике оказались замечены глава сельского поселения Трубинское, председатель местного садоводческого кооператива, участковый милиционер – вроде бы все остались довольны действием»³.

О новогодних празднествах, осененных мифологизацией прошлого, можно прочесть в номере «Тверской жизни» от 3 марта 2011 года:

«А Морозко вовсе не добрый Дед Мороз, приходящий под Новый год с подарками, а злой дух зимы. Его сменяет юный романтический Лель – божество весны. Второклассники из тверской школы № 48 оказались в вопросах русской мифологии более сведущими, чем мы, взрослые. И это не может не радовать, ведь дети и должны быть»

¹ См.: Гаврилов А.А. Средства массовой информации и современные мифы: к вопросу об основании социально-политического мифотворчества // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 230–233; Кашук А.А. Телевизионные мифы – один из способов манипуляции сознанием аудитории. URL: <http://presslife.ru/content/view/406>; Кияшко А.В. Мифологизация как функция языка и ее проявление в современном обществе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. Ч. 1. С. 83–87; Стариков А.Г. Мифотворчество как метод формирования массового сознания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifotvorchestvo-kak-metod-formirovaniya-massovogo-soznaniya>; Топорков А. Мифы и мифология в современной России. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/1999/6/topork.html>.

² Часть примеров заимствованы из работы: Кияшко А.В. Мифологизация как функция языка и ее проявление в современном обществе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. Ч. 1. С. 83–87.

³ Гончарова Ю. Родноверы ушли в корни // МК. 2010, 17 фев.

лучше, чем их родители. Но и развитые школьники узнали много нового. Вот катание на санях. Это же не просто с горки съехать на чем попало, а езда в упряжке с лошадей, причем строго регламентированная, так же как и кулачные бои, когда противники подбираются строго по принципу равенства силы, а бои идут до первого разбитого носа. Для наглядной иллюстрации малышам демонстрировали, разумеется, не „Сибирского цирюльника“, а „Снегурочку“ Островского – с Лелем, Снегурочкой и прочими сказочными персонажами русской древности. Хороводы, поединки, пляски, кукольный театр с Петрушкой, сказочное кино, поедание блинов с чаем – такой музей детям явно понравился. Но и взрослым будет праздник»¹.

О «мистических корнях язычества» читаем также в «Российской газете» от 15-го мая 2013 года, где следующим образом характеризуется манера игры ансамбля Дмитрия Покровского:

«Созданный в 1973 году музыкантом и исследователем-фольклористом Дмитрием Покровским, этот ансамбль сразу был позиционирован в советской культуре как абсолютно уникальное музыкальное явление. В те годы эта исполнительская манера нового ансамбля, далекая и от академического, и от народно-эстрадного музыкального мейнстрима, эта особая фольклорная техника пения с ее специфическим звуковым полем, тембром, артикуляцией была впервые введена Покровским в концертный «обиход». И это стало символическим возвращением к «корням» русской культуры, к ее давно утраченному образу мистического „язычества“»².

В номере казанской газеты «Звезда Поволжья» от 4 июля 2013 года опубликована рецензия на книгу «Небесные жены луговых мари»:

«Дениса Осокина по его воззрениям можно назвать неким неоязычником, проповедующим возвращение к корням своим, к архетипам, именно там и черпает силу его мистический народ „луговые мари“. Природа наполнена радостью, творческой силою-ярью, и, может, поэтому такое сверхвнимание к сексуальной, к половой жизни у луговых мари, что эта сила сродни творчеству, мир постоянно пребывает в состоянии творения. И луговые мари, живущие в природе по

¹ Шандарова М. Гуляй сегодня, завтра пост! // «Тверская жизнь». 2011, 3 марта.

² Муравьева И. Слово о полку // Российская газ. 2013, 15 мая

ее законам, подчиняются этой силе, отдаются на ее волю, и нет ничего зазорного в том, что и детские игры их замешаны на этом познании себя как инструмента для этого творящего начала»¹.

В «Элистинской панораме» читаем рецензию на фильм «Булаг»:

«Фильм повествует о судьбе бывшего учителя Виктора, в прошлом интеллигентного человека, который прогнулся под тяжестью неурядиц и прожигает жизнь в беспробудном пьянстве. Он пытается стать лучше, вернуть жену с детьми, стать уважаемым человеком... К кульминации фильма благодаря вере и возвращению к корням, он находит истинный путь и смысл жизни. Священный родник предков, возле которого разворачиваются действия фильма, символизирует вечные ценности»².

2. Миф о великой православной Российской империи

Один из самых популярных в СМИ мифов связан с образом великой православной царской России.

В нижегородском издании «Сделано в России» читаем следующую рецензию:

«...попадал в страну под названием Русская Держава, в некую таинственную параллельную Россию, которая выглядела своего рода русской землей обетованной, квинтэссенцией всего лучшего, что есть в России здешней. Это было путешествие в иной мир и вместе с тем – возвращение к корням (нужно ли говорить, насколько показательно такое тождество для философии Мамлеева?)»³.

В журнале «Нева» разбирается отношение молодого поколения к построению русского мира:

«Они хотят жить на родине, а не в лишенной благодати Европе, они хотят вытягивать за шиворот из бублимирова болота свою родину и строить свой русский мир, который не часть другого, общего мира, а мир сам по себе, мир достаточный. Они хотят обрести свод правил жизни, инструмент для воплощения того идеального замысла

¹ Черняева Е. Небесные жены Дениса Осокина // Звезда поволжья (Казань). 2013, 4 июл.

² Шарина Г. «Не забывай свои корни, помни...» // Элистинская панорама (Элиста). 2013, 9 ноября.

³ Если бы человек, родившийся, скажем, в X веке от Рождества Христова, оказался в современном мегаполисе, то непременно бы решил, что попал в царство бесов // Сделано в России (Нижегородская область). 2011, 27 сен.

об управлении землей и людьми, воплотить который ни пращурам, ни отцам нашим покуда оказалось не под силам. И они готовы на бунт»¹.

Из «Книжного обозрения» за 11 марта 2013 года мы узнаем, как *«...из советского человека родился русский. Жили мы все, советские люди, и совсем забыли, какие обычаи у нас были... И вдруг начался процесс возвращения к корням. Это трудно со всех точек зрения. Надо понять, кто ты есть и что должен как русский человек делать. Этот процесс самоидентификации, кстати, до сих пор не завершен»².*

Мифологизация социокультурных ценностей православия в царской России иногда подкрепляются использованием мифологизированных фигур прошлого, например, в материале в «Псковской правде» в такой роли выступает А.С. Пушкин:

«В Царскосельском лицее в дни Страстной Седмицы Великого поста занятий не было: „...воспитанники Российского вероисповедания говели и приобщались Святых Тайн“. Каждый год Великим постом исповедовался и причащался и лицеист Пушкин... А мы сегодня считаем посягательством на демократию возвращение к корням, к истокам, к тому, без чего жизнь в России невысказима. Без дороги к храму. Без дороги к Богу. Которая должна начинаться со школьной скамьи. Дорога эта начинается с азбуки духовной, с обучения и наставления жизни по евангельским заповедям – с изучения Евангелия...»³.

3. Миф о великом Советском Союзе

В представлении тех, кто мифологизирует советскую страну, СССР приобретает черты «Города Солнца», где все было замечательно. В номере «Донской искры» от 26 июня 2013 года читаем:

«„Хочу обратно в СССР. Это было самое лучшее время в моей жизни!“ – сегодня эту фразу можно услышать все чаще и чаще, и не только от ветеранов, чья биография накрепко связана с советскими временами, но и от вполне состоявшихся зрелых людей, и от молодежи. Какое было детство в советское время – „молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет“, учились, бесплатно занимались

¹ Дом Зингера // Нева. 2010, 15 фев.

² Лапин А. Я потрясен жизнестойкостью русского народа! // Книжное обозрение. 2013, 11 марта.

³ Если не обратитесь и не будете как дети... // Псковская правда. 2006, 22 мая.

в кружках, каждое лето отправлялись в пионерские лагеря. В то чудесное время люди доверяли друг другу, были добрее, свято верили в справедливость советской власти. Дети уважали родителей, а самыми престижными справедливо считались профессии ученого, военного, учителя, врача и космонавта...»¹.

«Уверена, что сегодняшние молодые и не совсем пенсионеры с ностальгией вспоминают прошедшую молодость. Все в ней было прекрасным. Даже бывшие трудности сейчас выглядят забавно, и даже их хотелось бы вернуть. Конечно же, все эти люди помнят именно советскую жизнь, ту эпоху...»².

«По словам моих собеседников, в то время народ был дружным и единым. Пионеры дружно собирали макулатуру (старые книги и газеты), металлолом, убирали картошку на колхозных полях, участвовали в других общественных делах. Главным символом организации был красный галстук. Ребята с удовольствием его носили и гордились тем, что они пионеры. Порой мне хочется переместиться в то время, где все было справедливо и честно. Но это, к сожалению, невозможно!»³

«И не надо гражданам демократам кричать про дефицит, очереди, низкое качество товаров и сравнивать это качество с европейским и т. д. Пускай не хлебали советские люди икру ложками, да оно и не надо. Но у каждого была работа, возможность учиться (причем по самой лучшей системе образования), получать нормальное медицинское и социальное обслуживание. И главное что было – уверенность, что Государство не оставит, Государство поможет. И, как правило, так оно и было. Да, можно привести примеры и воровства, и произвола, и несправедливости в СССР, зажавшихся бюрократов и чиновников. Да, были косяки. Но это есть ВЕЗДЕ. А в подавляющем случае советские люди были уверены в своем государстве и гордились им! Люди добровольно шли на фронт и умирали за это Государство. Хотя нет, умирали за СВОИХ, своих людей, готовы были гробить, если надо,

¹ Владимирова С. У нас одна держава, и мы за нее в ответе! // Донская искра. 2013, 26 июня.

² Аникеева Г. Сделано и не забыто в СССР // Областные вести (Волгоград). 2013, 8 ноя.

³ Обратнo в СССР? // Чусовской рабочий (Чусовой. Пермская область). 2012, 29 фев.

свое здоровье, толкая науку и производство вперед, зная, что это поможет СВОИМ. Был дух единства. Люди были другими. Вот этого и боялись товарищи из Европы и Америки. Им стало понятно, что грубой силой СССР не сломаешь»¹.

«Если бы мне задали вопрос о самой заветной мечте, не задумываясь, ответил бы: „Хочу в СССР!“. В страну, где о человеке государство заботилось и в которой люди жили с уверенностью в завтрашнем дне. В страну, где место человека определялось его отношением к труду. В страну, где на первом месте стояли моральные ценности, но не деньги. И, наверное, пора прекратить клеймить в средствах массовой информации поколение победителей презрительным словом „совки“. Великая Родина присвоила нам, родившимся в СССР, почетное звание „гражданин СССР“. О чем в свое время емко сказал Владимир Маяковский: „Читайте! Завидуйте! Я – гражданин Советского Союза!“. Этим сказано все»².

Газета «Горожанин», тоже в Твери, представляет выставку молодого фотографа:

«Никита Чахручев представил портретную серию „Обратно в СССР“. Откуда такая ностальгия по прошлому у двадцатитрехлетнего юноши? Эти снимки я сделал в один день, – рассказывает Никита. – Мне понравились красивые люди. Они излучают удивительное счастье и спокойствие. Старшее поколение считает, что выражение безмятежности на лицах было почти у всех советских людей. Отсюда и родилось название серии»³.

В номере «Русского репортера» от 4 декабря 2007 года в материале «Хочу обратно в СССР» читаем:

«Анализ молодежных ресурсов интернета и других текстовых источников показывает: отношение к жизни в СССР поменялось с резко негативного на резко позитивное. За последние пару лет в интернете появилась масса ресурсов, посвященных повседневной жизни в Советском Союзе. „Энциклопедия нашего детства“, пожалуй, наиболее по-

¹ Тьма заполонила все вокруг // Приокская правда (Рязань). 2013, 18 апр.

² Кржеминский К. Мечта о прошлом // Флаг Родины (Севастополь). 2011, 15 окт.

³ Калинина Н. Остановленные мгновения уходящего года // «Горожанин» (Тверь). 2007, 29 ноября.

пулярный из них. Само название говорит о том, кто является аудиторией данного ресурса – все, кто родился в период между 1976–1982 годами. Одноименное сообщество в ЖЖ входит в тридцатку наиболее популярных. Его завсегдатаи с искренней любовью обсуждают фильмы про Электроника, гэдээровские „вестерны“, лезвия „Нева“ для безопасных бритв и напитков „Буратино“»¹.

Мифологизация советской символики находит свое применение на практике – в тот момент, когда символика, о которой идет речь, используется в общественных мероприятиях, а иначе говоря – в ритуалах. Узкоспециализированное издание, журнал «Кадровое дело» предлагает опираться на советскую символику в организации праздников:

*«Если вы хотите заменить традиционный формат праздника внутри отдела, то сейчас есть масса возможностей для этого. Здесь все будет зависеть от количества сотрудников, их предпочтений и, разумеется, отведенного на это мероприятие бюджета. Как вариант, устройте мини-карнавал или тематическую вечеринку, например „Назад в СССР“. Нарядите елку старыми игрушками (наверняка у сотрудников остались елочные шары и украшения того времени), коллегам раздайте пилотки и галстуки, найдите соответствующую музыку, придумайте конкурсы и попросите всех принести с собой что-то, что напоминает им о том времени. Сделайте стенгазету со школьными фотографиями сотрудников и т. п.»*².

Эта тенденция распространяется не только на взрослых сотрудников серьезных организаций. В «Комсомолке» от 3-го сентября 2013 года читаем:

«Старшеклассники иркутской школы №5, что на Синюшиной горе, к выбору повседневного наряда подошли креативно. Одиннадцатиклассники не стали заказывать одежду „как все“. Решили отличаться и выбрали форму советских времен. Помните коричневые платья с милыми фартуками советских времен? Вот именно так, как когда-то их мамы и бабушки, и ходят теперь девчонки на уроки. Многие даже заплетают косички с белыми бантами. Если уж соответствовать выбранному образу, то до конца! – Все вместе мы решили, что

¹ Андреева О., Тарасевич Г., Шейхетов С. Хочу обратно в СССР... // Русский репортер. 2007. № 27 (дек.). С. 4.

² Быстрова Н. Персональные консультации // Кадровое дело, 1 дек 2013.

выпускники должны отличаться от всех других школьников, – говорит классный руководитель Роман Зарипов. – Поэтому заказали на фабрике форму советских времен»¹.

«Похоже, закрытый и таинственный клуб для избранных „Чонкин-холл“ созрел до масс. В пятницу, то бишь завтра, пройдет первая вечеринка, на которую пускают всех желающих! Называется „Обратно в СССР“ (BacktoUSSR). Ничего общего с „Биттлз“ вечеринка не имеет. Устроителями обещаны романтизация советского прошлого и смакование его атрибутов. К примеру, на входе будет висеть большой кукурузник. Повсюду коммунистические плакаты и лозунги, красные флаги СССР. Вход, правда, не по советским ценам – 350 руб. на товарища»².

Введение символики советского времени в потребление на тематических мероприятиях рождает оригинальные формы выражения – в материале ижевской газеты «Центр» рассказывается о мастере, который рисует на ногтях иконы и портреты Ленина:

«Девушка собиралась на вечеринку а-ля „Обратно в СССР“. Ей хотелось чего-то необычного. Так родилась идея изобразить советского вождя Владимира Ленина с символикой тех лет»³.

4. Миф о лихих, но великих 90-х

Главный герой мифологизации 90-х годов – «Новый русский», обрастающий в народном сознании поистине мифологическими чертами. Дмитрий Быков пишет:

«Фильм Павла Лунгина „Олигарх“ развел меня, как лоха: быстро, просто и талантливо. В лучших традициях легендарного прототипа. Первые минут пять после просмотра я искренне терзался ностальгией по 90-м годам. <...> Вот и получается, что в 90-е годы самым положительным, ярким, достойным подражания героем был олигарх. Конечно, ерепенился по окраинам страны какой-то рабочий класс... какие-то шахтеры, подкармливаемые каким-то градоначальником, стучали касками на мосту...»⁴.

¹ Лисина Я. Обратно в СССР: Иркутские школьники ходят на занятия в форме советских времен // КП. 2013, 6 сен.

² Цирк приехал! // Золотой Рог (Владивосток), 2007, 18 окт.

³ Ижевчанка рисует на ногтях иконы и портреты Ленина // Центр (Ижевск). 2010, 18 марта.

⁴ Быков Д. Лохотрон, или Водка из горлышка // Искусство кино. 2003, 15 янв.

«Образ романтического братка, примеривающего на себя колчан Робин Гуда и оправдывающегося афоризмами вроде „не мы такие – жизнь такая“, похоже, стал частью истории кино. А 90-е продолжают притягивать режиссеров. Еще не сошедший с экранов фильм Эльдара Салаватова „ПираМММида“ даже попытался предложить зрителю новый тип героя – отказавшегося от собственности и притязаний на власть и вообще отошедшего от дел бизнесмена, который за сговорчивость удостоился экранизации собственных мемуаров. Впрочем, вряд ли такого героя можно назвать народным, так что славы Данилы Багрова и Саши Белого ему не видать»¹.

Даже в материалах, связанных с реальной жизнью, тема бандитского «беспредела» (тоже ярко окрашенное слово из времени, о котором идет речь), наполняется мифологизацией:

«Дело о „крышевании“ подмосковными милиционерами и прокуратурой нелегального игорного бизнеса навеяло ностальгию по 90-м. Тут вам и мафия, продажные прокуроры и менты, хитроумные криминальные схемы, галерея и клуб „Триумф“, Борис Березовский»².

Обширный материал на страницах «Большого города» посвящен воспоминаниям людей, которые жили в Москве в 90-е годы, – и в нем часто встречаются элементы мифологизации:

«Пока не было торговых центров, приходилось одеваться на рынках, а куда идти? Я и до сих пор обожаю китайскую ярмарку на ВДНХ – Китайский павильон его еще называют, возле „Армении“. Это для меня ностальгия по 90-м: точно так же туда челноки из Китая приезжают, можно дешево купить жемчуг, любой чай, чайники, шелковые шарфики, украшения из камня, китайские шубы за 30 тысяч из бобра, стриженного под норку. И это выглядит как кусочек того самого рынка „Лужники“ – отличное место, я буду жалеть, если его закроют. Эта дешевизна и ощущение базара, наверное, все-таки людям необходимы»³.

¹ Страшно быть мертвым и не знать об этом // Известия. 2011, 15 апр.

² Соколов Б. Ностальгия и игромания // Еврейское слово. 2011, 18 фев.

³ Боярская В., Иван Голунов И., Федоровская М. Москва товарная // Большой город. 2012, 18 апр.

Издания, обращенные к аудитории с претензией на модность, также не обходят стороной эту тенденцию: в ноябрьском номере журнала «TimeOut» читаем описание модного мероприятия:

«В общем, все это выглядит как сценарий достаточно удачной и элегантной ретро-вечеринки, как нельзя лучше улавливающей общую ностальгию по 90-м, витающую в воздухе. Ностальгировать и смотреть сквозь розовые очки на ту уже далекую и оттого притягательную эпоху уже определенно стало трендом, если вы как-то были вовлечены в фэшн-индустрию или просто ей интересовались, ответ на вопрос, стоит ли туда идти, однозначно утвердительный»¹.

Издание «Труд-7» в номере от 11 марта 2010 года анонсирует:

«Ностальгия по 90-м растет и ширится. 90-е были апогеем танцевальной культуры – рейв, транс, джангл, драм-н-бэйс, габбер, брейкбит. Но на „Супердискотеке“ танцевать придется в основном под евродэнс и отечественный поп. 2 Unlimited, Haddaway, Dr. Alban – эти имена в начале 90-х нельзя было не знать. Прибудет бывший участник группы Snap! массивный TurboV. Российскую сторону представляют Богдан Титомир, Таня Буланова, Шура и группы „Руки вверх“ и „Вирус“. Помимо музыки обещают массу ностальгических аттракционов, начиная с игры в наперсток, жвачек LoveIs и заканчивая Леней Голубковым»².

В журнале «Огонек» от 13 сентября 2010 года читаем репортаж о тематическом мероприятии, которое подготовил канал MTV:

«На стенах клуба, где проходили съемки, были развешаны рекламные плакаты: „Санта-Барбара“, „Рэмбо-4“, „Элен и ребята“... Среди публики выделялся человек-эпоха: небритый качок в малиновом пиджаке и тренировочных штанах с лампасами, с золотыми цепями на груди и с большим мобильником в руках»³. При этом организаторы мероприятия отдают себе отчет в том, что «ностальгия 20-ти летних» не является нормальным явлением: «Мы фиксируем очень важный тренд: ретро для молодых, – продолжает 26-летний Кирилл Иванов. – Раньше люди начинали ностальгировать в 50 лет, до этого в 60. А теперь человек уже в 25 считает, что самое интересное время в

¹ Братство моды // TimeOut. 2011, 28 ноября.

² Зайцев А. Девяностые возвращаются // Труд-7. 2010, 11 мар.

³ Ларина Ю. Литые 90-е. // Огонек. 2010, 13 сен.

*своей жизни он прожил когда-то давно. Потому что жизнь тяжелая, потому что больше рефлексии. И мы пытаемся как-то на этом сыграть. Наша передача в большей степени не про смыслы, а про атмосферу».*¹

5. Миф «Страна в кольце врагов»

Выполненные исследования показали, что в модели действительности, конструируемой российскими СМИ, существует значительное количество образов «чужих», которые, в свою очередь, распадаются на несколько подгрупп разной степени опасности. В частности, в качестве «чужих» в российских СМИ маркируются следующие социальные группы: 1) представители власти; 2) представители различных народов и этносов; 3) «богатые» и «олигархи»; 4) мигранты и приезжие; 5) представители неправославных конфессий; 6) представители некоторых социальных групп (бомжи, алкоголики, ВИЧ-инфицированные, геи, лесбиянки и т. п.); 7) молодежь и подростки; 8) такой универсальный «чужой», как Запад. Вот лишь одна небольшая цитата (орфография сохранена):

*«У Нашей страны было великое прошлое, о котором просто преступно забывать. Если уж искать героев для подражания, то пусть это будут наши настоящие герои, а не виртуальные Рембо из второсортных западных боевиков» (проект «Неизвестные герои»)*².

Мистицизм как особая форма мировосприятия и самосознания

Один из самых интересных и плохо исследованных вопросов, возникающих при рассмотрении категории «жизненный мир», связан с явлениями, которые обозначаются понятием «потусторонний мир». Разумеется, для рационального человека никакого потустороннего мира не существует. Он представляет собой результат верований в сверхъестественные силы, опредмеченных в виде неких образов и представлений. Но если человек верит, что такие силы существуют, то он и поступает в соответствии с этой верой. А значит, для него эти образы реальны. Тем более что и многие другие люди, с которыми данный инди-

¹ Ларина Ю. Литые 90-е. // Огонек. 2010, 13 сен.

² URL: <http://www.warheroes.ru/about.asp>.

вид знаком, воспринимают эти образы и представления как не подлежащую сомнению часть жизненного мира. Например, по данным социологических опросов «Левада-центра» за январь 2018 года¹ можно увидеть, что процент российского населения, уверенного в существовании сверхъестественного, по сравнению с 2000 и 2008 годами сохранился на том же уровне. А в некоторых случаях, как, например, в случае веры в жизнь после смерти процент верящих даже увеличился. Согласно этому же исследованию, каждый седьмой россиянин хотя бы раз в жизни пробовал лечение методами альтернативной медицины, а каждый десятый обращался к гадалкам или астрологам. Также известно, что 30 процентов американцев верят, что НЛО – это космические корабли пришельцев. 60 процентов верят в экстрасенсорику, 40 процентов считают астрологию наукой. 32 процента верят в счастливые цифры, 70 процентов считают магнитотерапию научным методом и 88 процентов доверяют нетрадиционным видам медицины². Исследовательская традиция обозначает все элементы, относимые к потустороннему миру, понятием «мистика».

Мистицизм есть особая форма мировосприятия и самосознания, основанная на вере в то, что сверхъестественная реальность не только существует, но и напрямую взаимодействует с силами, обуславливающими бытие всего мира. При этом «магическому сознанию свойственно стремление управлять сверхъестественными силами посредством магического закона. В результате этого культ божества заменяется определенной формальной техникой, которой владеет заклинатель. Вместо божества, являющегося в сфере религии абсолютной индивидуальностью и подчиняющегося только своей воле, в сфере магии действуют абстрактные субстанции, управляемые магической техникой... Магия основана на глобальном детерминизме (то есть на таком понимании структуры мира, когда все может быть причиной всего и, следовательно, предполагает всеобщую взаимосвязь как основной принцип) без выделения преимущественных связей...»³.

¹ Вера в сверхъестественное // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/?s=%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B0&cat=0>.

² URL: <https://echo.msk.ru/programs/neysredy/2498895-echo/>.

³ См.: Религия в век научно-технической революции. М., 1979. С. 26.

Выполненный анализ¹ показывает, что практически все исследователи рассматривают мистические образы исключительно в плане неких продуктов внутреннего мира человека, к тому же с явными психическими особенностями. Американский философ и теолог У. Джеймс отмечал, что под мистикой зачастую подразумеваются туманные, не имеющие логического обоснования взгляды и представления, а мистиком называют того, кто верит в телепатию и спиритизм². Подобное неопределенное отношение к терминам «мистика» и «мистицизм» присутствовало и до сих пор бытует в науке, в частности, в некоторых направлениях религиоведения. Еще в 1899 году профессор теологии У. Ральф Инг создал список из 26 дефиниций терминов «мистицизм» и «мистическая теология», показал их неопределенность и отсутствие общих принципов, вокруг которых невозможно выстроить единое определение³. С тех пор необходимость дать целостное и удовлетворительное определение этим понятиям превратилась в методологическую проблему теологии⁴.

Как отмечает автор монографии «Теории мистического опыта» Т. Малевич, проблема концептов «мистический опыт» и «мистицизм» связана с историей их возникновения⁵.

Во-первых, современное понимание термина «мистический» ушло далеко от своей этимологии, согласно которой оно произошло от древнегреческого глагола «закрывать, посвящать, вводить в таинство», что

¹ Балагушкин, Е.Г., Фокин А.Р. Мистицизм: теория и история. М.: Российская академия наук, Институт философии. ИФРАН, 2008; Березина М.А. Медиареальность потустороннего мира: социальный запрос на мистику. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/296289506>; Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993; Малевич Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы. М.: Российская академия наук, Институт философии. ИФРАН, 2014; Панчин А.Ю. Защита от темных искусств. Путеводитель по миру паранормальных явлений. М.: АСТ, 2019; Эктинд А. Кривое горе: Память о непогрешенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016 и др.

² Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.

³ Inge W.R. *Mysticism in Religion*. London: Hutchinson's University Library, 1947.

⁴ Малевич Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы. М.: Российская академия наук, Институт философии. ИФРАН, 2014.

⁵ Там же.

имело отношение к обязанности участников мистериальных культов хранить молчание¹. Также понятие утратило и свое изначальное раннехристианское толкование, относящееся к опыту невидимого объективного мира, существующего в независимости от субъекта и доступного к познанию. В XVI–XVII веках «мистика» постепенно перешла в область субъективного опыта, превратившись в феномен сознания, в ощущение, опытное знание².

Во-вторых, термины «мистицизм» и «мистический опыт», имея религиозные истоки, в XIX–XX веках перекочевали в научно-исследовательское поле и стали предметом изысканий и попыток рационализации³. Примерно в это время понятие «мистический опыт» развивалось наравне с понятием «религиозный опыт», при этом мистические феномены воспринимались протестантскими теологами как нечто негативное, подозрительное и католическое, а католическими – как «сверхъестественные нарушения физических законов»⁴, своеобразное проявление божественной воли.

Окончательный уход от старого понимания мистицизма и мистики произошел примерно в середине XIX века благодаря работам американских трансценденталистов и католических теологов⁵. Тогда под воздействием идей романтизма и нового стремления к диалогу религий сформировалось наиболее современное понимание концепта «мистика» как категории психологической или психиатрической. Мистический опыт стал объектом исследования психологии, особым состоянием сознания, диагнозом.

Это представление было закреплено в фундаментальном труде американского философа У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта», где мистический опыт исследовался с точки зрения его психологического потенциала, то есть как различные измененные состояния сознания, вызванные молитвой, приемом наркотических препаратов и

¹ Braud W. Thoughts of the Ineffability of the Mystical Experience // International Journal for the Psychology of Religion. 2002. № 12.

² Bouyer L. Mysticism. An Essay on the History of the Word // Understanding Mysticism. Oxford: A Greek-English Lexicon, 1996.

³ Brainard F.S. Defining “Mystical Experience” // Journal of the American Academy of Religion. 1996. №64.

⁴ Inge W.R. Mysticism in Religion // The Philosophy of Mysticism. 1947. №13.

⁵ Малевич Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы. М.: Российская академия наук, Институт философии. ИФРАН, 2014.

т. п.¹ Автор утверждал существование иного, духовного мира, который можно постичь через молитву или используя другой способ (включая психотропные препараты); и результатом, а также доказательством этого становятся измененные состояния психики. По Джеймсу эти состояния – видения, голоса, экстазы и прочее – и есть квинтэссенция универсального для разных религий мистического опыта.

Однако изучение только этих крайних случаев в дальнейшем сыграло роль в ограничении понимания «мистики», толковании ее в контексте психопатологических состояний. В частности, из-за отнесения понятия «мистический опыт» в сферу психиатрии все мистические феномены и переживания были отнесены к области нарушений психического развития индивида и заболеваний вроде истерии, сомнамбулизма, невроза, шизофрении и других психопатологий². Этому подходу к мистике придерживались приверженцы так называемого медицинского материализма. Сторонники другого подхода отделяли психические нарушения и мистические опыты, приписывая последние к нормальному функционированию личности. Таких взглядов придерживался К. Юнг, пытаясь найти в мистических переживаниях процесс психического развития и интеграции личности³.

Мы согласны с теми исследователями, которые полагают, что вместо того, чтобы пытаться выяснить: «В чем сущность мистики?», надо искать ответ на вопрос: «В каких обстоятельствах индивид будет использовать мистический дискурс для описания своего опыта?». Такая постановка вопроса позволяет изучить психологические, социальные и культурные факторы, которые оказывают влияние на формирование представлений о мистическом. Нам важно подчеркнуть, что человек, верящий в мистику, реально видит свой жизненный мир сквозь мистическую оптику.

Вполне соглашаясь с тем, что мистические образы существуют внутри сознания (или подсознания) человека, считаем необходимым обратить внимание на то, что сам человек абсолютно убежден в том,

¹ Джеймс У. Многообразия религиозного опыта. М.: Наука, 1993.

² Moxon C. Mystical Ecstasy and Hysterical Dream-States // Journal of Abnormal Psychology. 1920. № 15.

³ Юнг К.Г. Психологические типы. СПб: Азбука, 2001.

что эти артефакты существуют во внешнем мире и ведет себя по отношению к ним соответствующим образом.

Образ человека с мистическим мировоззрением ярко нарисован философом П. Гуревичем: «Я верю в существование иных миров. Истоиво собираю сведения о гуманоидах и супербогах из космических цивилизаций. В мистических трактатах пытаюсь отыскать древнее утраченное знание, в мантре – возможность слиться в Духом. Откровенно побаиваюсь всесильного, как вдруг выясняется, дурного глаза. Неукоснительно пью воду, заряженную Чумаком, впадаю в транс от голоса Кашпиоровского. Неустанно надеюсь на внезапное и иступленное богообщение. Мне ужасно хочется набросить на себя желтое сари и поставить чудодейственную точку на переносице. Я – мистик...»¹.

Вот рядовое сообщение из газеты. Пенсионерка из Иваново отдала лже-экстрасенсам свыше 200 тысяч рублей, чтобы те сняли с нее «двухвековое родовое проклятие». Мошенников женщина увидела в телепередаче, заинтересовалась программой и позвонила им. Ей ответила «целительница», которая рассказала жертве мошенничества о проклятии, якобы нависшем над ее семьей, и уверила женщину в том, что порчу возможно снять. За первую консультацию по телефону с пенсионерки потребовали 13,5 тысяч рублей. Дальше мошенники вымогали уже более крупные суммы, обещая избавить свою клиентку от всех бед и неурядиц. Когда сумма перевалила за 230 тысяч рублей, пенсионерка прозрела и обратилась в полицию. Отмечается, что ради оплаты работы экстрасенсов пожилая женщина влезла в долги и набрала кредитов. В полиции заинтересовались обращением местной жительницы и провели доследственную проверку. Правоохранители установили, что все деньги, которые мошенники получили от жертвы, были сняты через банкомат. Сейчас решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

А вот другое сообщение. В журнале «Армейский сборник» № 2 за 2019 год в статье «Суперсолдат для войн будущего» сообщается, что российские военные уже способны победить противника «бесконтактным методом». В заметке утверждается, что российский спецназ использовал в Чечне «боевые методики парапсихологии». «Командова-

¹ Гуревич П. Я – мистик // Независимая газета, 15.08.92.

ние интересовало, как можно „снять“ информацию: вскрыть замысел противника, состав привлекаемых сил и средств. <...> Владеющий технологией метаконтакта может вести, например, невербальный допрос. Он „насквозь“ видит взятого в плен солдата противника: что это за человек, какие у него слабые и сильные стороны, пойдет ли на вербовку. Достоверность допроса практически стопроцентная. От него невозможно „отвертеться“. Технологии противодействия такому допросу обучаются бойцы спецназа на случай попадания в плен, высшие лица страны или руководители крупных промышленных и банковских структур – для сохранения государственной или коммерческой тайны»¹, – говорится в статье.

А вот еще одна цитата: «Они мысленно давали животным команды, которые теми выполнялись. Подобное практиковал знаменитый дрессировщик Дуров. Методика, как оказалось, применима и для людей. Более того, оказалось возможным воздействие даже на технику. Усилием мысли можно, например, сбивать компьютерные программы, сжигать кристаллы в генераторах, подслушивать разговор или нарушать теле- и радиопередачи, коммуникации. Удачей завершились такие эксперименты, как прочтение документа, лежащего в сейфе, даже если он на иностранном языке, которым мы не владеем; определение лиц, входящих в террористическую сеть; выявление потенциальных кандидатов в террористические группировки»².

И еще:

«Непосвященным далеко не все известно об этой уникальной технологии. Но одна из ее сторон ясна – это телепатический контакт. Российские специалисты достигли его, работая с дельфинами. Парапсихологические техники позволяют человеку овладеть сверхвозможностями – длительное время не употреблять пищу и воду, находиться на водяной диете, когда вода заменяет пищу, при этом не спать сутками, сохраняя отменную бодрость. Этой методикой владели бродячие японские монахи-ямабуси»³.

¹ Суперсолдат для войн будущего // Армейский сборник. 2019. № 2.

² Там же.

³ Там же.

Когда журналисты из РБК попросили прокомментировать эту публикацию начальника аналитического отдела журнала «Солдаты России» Анатолия Матвийчука, тот сказал, что «боевая парапсихология действительно имеет право быть», и сослался на то, что это направление развивали по методикам, разработанным в советской Академии наук в 60–80-х годах прошлого века. «Наработки того времени существуют до сих пор, и есть попытки их активизировать. Эти методики прошли обкатку в горячих точках – Афганистане и Вьетнаме», – рассказал Матвийчук.

Однако другой точки зрения придерживается председатель комиссии по борьбе с лженаукой при президиуме РАН Евгений Александров. Он назвал идею «боевой парапсихологии» лженаукой и «полной чепухой». «Никакой парапсихологии вообще не существует, это сказки. Все разговоры о передаче мысли на расстоянии не имеют научного основания, нет ни одного такого зафиксированного случая, это просто невозможно. Это способ выжимать средства из государственного бюджета», – отметил ученый¹.

Еще один пример – репортаж в «Новой газете» с творческого вечера телеведущего Игоря Прокопенко, на котором в присутствии почти тысячи человек (билет стоил в среднем 2000 рублей) этот ведущий вещал о том, что Земля, возможно, плоская, потому что надежных доказательств ее «круглости» нет².

Казалось бы, на пути этого потока должна встать высокая плотина, воздвигнутая представителями науки и всеми образованными людьми. К сожалению, этого не происходит по целому ряду причин. Во-первых, наука у нас ныне не в чести и иногда поносится с самых высоких трибун. Якобы именно наука «не обеспечила» обилия продуктов, разумной экономической политики и т. д. Поэтому многие ученые предпочитают «не высываться». Во-вторых, борьба со лженаукой – это ассенизаторская деятельность. А ассенизация – дело грязное и непрестижное. В-третьих, культура в нашем обществе (особенно, так сказать, естественнонаучная культура) находится в целом на невысоком

¹ Российские суперсолдаты силой мысли отдают приказы дельфинам. URL: <https://newspanels.com/rossijskie-supersoldaty-siloj-mysli-otdajut-prikazy-delfinam/>.

² «Я не говорил, что она плоская, но докажите, что она круглая». URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/10/79814-ya-ne-govoril-hto-ona-ploskaya-no-dokazhite-hto-ona-kruglaya>.

уровне. В результате лженаука нередко падает на благодатную почву, а научная аргументация воспринимается с трудом или просто игнорируется¹.

Говоря о причинах возрождения мистицизма, обычно отмечают гносеологические, психологические и социальные факторы. Гносеологические связаны с длительным диктатом рационализма, аналитического разума в европейской культуре. Сжатая до предела, но никогда не угасавшая совсем многовековая мистическая духовная традиция в настоящее время разворачивается, стимулируя духовные брожения, новую религиозность, ориентальные культы, новый сатанизм и т. д. В истории Европы отчетливо видны так называемые волны мистицизма. Есть эпохи, словно безразличные к тайноведению, а есть буквально зачарованные им. Средневековье, например, одухотворено ренессансом древней мистики. Возрождение, напротив, тянется к античным постижениям разума.

Психологические причины заключаются в том, что мистика есть форма реализации специфических способностей человека, дара воображения, интуитивного постижения трансцендентного мира. Как констатирует П. Гуревич, «язычество гораздо ближе непосредственным человеческим запросам, нежели христианство. Оно не только доступнее, но и воплощает собой многое из того, что несет в себе человеческая природа. В нем сокровенные вожделения, голос крови, необоримые страсти. Христианство все же одушевлено идеей рождения иного человека. Мои инстинктуальные влечения, понятное дело, его не устраивают...»². Отсюда и постоянное возобновление язычества во всех странах, где сохраняется видимость господства христианства католического или православного образца. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что язычество вовсе не покидало нас. Язычество проявлялось и проявляется в искусстве, архитектуре, праздниках.

¹ В статье В. Лебедева «Бессмертие для Путина в России – 2045 года» (URL: <http://www.lebed.com/2011/art5862.htm>) собраны замечательные в своей чудовищности примеры современного язычества.

² Гуревич П. Я – язычник // Независимая газета, 25.07.92.

Социальные причины обусловлены напряженным состоянием социальной системы, тем, что обычно именуется предреволюционной ситуацией, сигнализирующей о неотвратимых социальных метаморфозах.

Одной из очевидных причин рассмотрения мистических образов как реально существующих можно считать непрерывную и, скажем прямо, оголтелую пропаганду некоторыми деятелями массовой культуры и средствами массовой коммуникации идеи существования потустороннего мира. А. Хилл пишет о том, что в массовой культуре произошел «паранормальный переворот», из-за которого на всех возможных образах сверхъестественного и потустороннего была построена большая индустрия развлечения: «Теперь паранормальные явления – это мейнстрим – вы можете купить их с молоком, хлебом и яйцами»¹. Автор утверждает, что в современных западных обществах растет вера в разные формы мистики, и почти половина британского населения, а также более двух третей американцев заявили, что считают некоторые виды паранормального реальными (экстрасенсорика, колдовство, призраков). Этим воспользовалась индустрия развлечений, отдыха и туризма, превратив веру в сверхъестественное в успешные продукты: в телевизионные сериалы, в фильмы, в реалити-шоу, в мистический туризм. Широко распространившиеся увлечения миром мертвых и потусторонним, желание получить необычные переживания повлекли за собой создание в массмедиа бесконечных нарративов о духах, привидениях, магии, колдовстве, экстрасенсорике и прочем. А. Хилл находит объяснение популярности паранормального в социологических исследованиях, согласно которым люди ищут тревожный и пугающий опыт, связанный со смертью и страхом перед ней, опыт, который подтверждает те или иные убеждения о существовании загробного мира. Люди сами «производят» убеждения и становятся участниками паранормального опыта, аудиторией, которая порождает шоу.

Вера в сверхъестественное уже давно обрела свой «прикладной» характер в сфере медиабизнеса. Востребованность мистических представлений и переживаний у россиян сыграла большую роль в преобра-

¹ Hill A. Paranormal Media. Audiences, Spirits and Magic in Popular Culture. London: Routledge, 2010.

зовании медиареальности, в которой появились образы потустороннего, сверхъестественного, игры и общение со смертью и мертвыми. Особенно это проявилось на телевидении и в кинематографе, так как подобный формат аудиовизуального повествования базируется на образном, непосредственно-чувственном восприятии, благодаря чему можно создать наиболее эмоционально убедительное представление о чем-то иррациональном. Как констатируют исследователи, «в эпоху настоящей вакханалии суеверий, дешевой мистики и околонуточных фантазий массовые газеты стали отдавать предпочтение материалам, посвященным предсказаниям, откровениям экстрасенсов, инопланетянам, призракам, монстрам, порожденным большой фантазией»¹. Мистические и паранормальные образы в массмедиа (в основном телевидение, кинематограф и интернет) стали объектом изучения для многочисленных зарубежных исследований, среди которых есть и работы с систематическим представлением феномена потустороннего в медиареальности, и работы по анализу специфических медийных характеристик или явлений, относящихся к миру сверхъестественного².

Если эпоха кинематографа и вслед за этим телевидения породила множество мистических фильмов, сериалов, телешоу, то в эпоху Интернета уже устоявшийся жанр перешел на новый уровень – вокруг историй о встречах с паранормальным, страшных историй на форумах, в социальных медиа и на отдельных сайтах стали объединяться группы неравнодушных, среди которых были искренне верящие в реальность пережитого мистического опыта. Также появилось новое ответвление – интернет-фольклор, также именуемый «крипипаста»³. В целом, как

¹ Голубков С.А. Жанры – фавориты и жанры – маргиналы в современных СМИ // Жанровая стратегия современных российских масс-медиа: тезисы III Всероссийской научно-практической конференции СамГУ, 19–20 марта 2008 г. Самара: Универсгрупп, 2009.

² Hill A. Paranormal Media. Audiences, Spirits and Magic in Popular Culture. London: Routledge, 2010.; Walter. T. Communication media and the dead: from the Stone Age to Facebook // Taylor and Francis Online URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13576275.2014.993598> (датаобращения: 07.04.2019).; Glynn K. Tele-Visions of the Otherworldly: The Seductions of Media Culture // Baudrillard West of the Dateline. Palmerston North: Dunmore Press, 2003; Peck A. Tall, Dark, and Loathsome: The Emergence of a Legend Cycle in the Digital Age // The Journal of American Folklore. 2015. Vol. 128, No. 509.; Мохов С.В. Расколдовывая смерть: медиа и ритуал скорби в телепередаче «Битва экстрасенсов» // Laboratorium. 2016. № 8 (2).

³ Peck A. Tall, Dark, and Loathsome: The Emergence of a Legend Cycle in the Digital Age // The Journal of American Folklore. 2015. Vol. 128, No. 509.

отмечает автор статьи «*Communication media and the dead*», благодаря новым интернет-медиа траур и горе по умершим стали более социальными, более распространенными практиками¹. Интернет так же, как и ранее возникшие средства коммуникации, предоставил мертвым возможность активно присутствовать в мире живых, в частности, в виде увековеченной страницы умершего в Фейсбуке.

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод, что спрос на мистические образы и истории породил большое количество медийных репрезентаций сверхъестественного и паранормального – в фильмах, сериалах, ток-шоу, цифровых городских легендах. В свою очередь, потребление медийных мистических образов преобразило общественное восприятие того, что из себя представляет сверхъестественное. Медийные мистические симулякры, отсылающие к образам массовой культуры, стали поглощать реальность, в которой выдуманные образы становятся подлинными. Так, кинематографический образ вампира убедил аудиторию, что смерть от лучей солнца – это его естественная характеристика, что породило подражателей, «реальных» вампиров, которые доказывают свое происхождение указанием на непереносимость солнечного света. Однако, если раньше создание новых мистических симулякров было привилегией только творческой элиты, сегодня пространство социальных медиа позволяет большим группам пользователей создавать свои цифровые городские легенды – мистические образы, которые также становятся достоянием массовой культуры и приобретают небывалую реалистичность².

3.3. Медиа как репрезентант жизненного мира

Одна из проблем, которая издревле интересовала философов всех времен и народов, – это степень соответствия наших представлений о мире реальности того мира, в котором мы живем и действуем. Что касается взаимодействия с чувственно воспринимаемыми объектами, то

¹ Walter. T. *Communication media and the dead: from the Stone Age to Facebook* // Taylor and Francis Online URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13576275.2014.993598> (датаобращения: 23.04.2019).

² Березина М.А. Медиареальность потустороннего мира: социальный запрос на мистику. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/296289506>.

И. Кант, признавая объективность сущности («вещи в себе»), считал, что сущность принципиально не может быть познана человеком в ее самобытном существовании. Явление, согласно Канту, есть не выражение объективной сущности, а лишь вызванное последней субъективное представление. Гегель попытался преодолеть метафизическое противопоставление сущности и явления с помощью утверждения, что сущность является, а явление есть явление сущности.

Для нас в этих размышлениях важно следующее: каждая «вещь в себе» отражается в сознании человека в виде некой репрезентации. Это означает, что сознание человека (индивидуальное, групповое, общественное) есть хранилище репрезентаций/интерпретаций «вещей в себе». Репрезентации могут существовать в отдельно взятой человеческой голове, а могут быть объективированы (овеществлены) и внесены (отправлены, вдвинуты) в действительность и существовать параллельно с «вещами в себе». Другими словами, с появлением человека действительность удваивается (утраивается, учетверяется и т. д.): каждой «вещи в себе» приписываются разные репрезентации/интерпретации, которые, будучи возвращены в действительность, сами становятся «вещами в себе». Действительность есть «вещи в себе» плюс репрезентации.

Так было всегда. Человек с первых мгновений своего существования жил в мире репрезентаций. В его сознании: индивидуальном, групповом, общественном – «вещи в себе» были представлены в виде комплекса репрезентаций, обеспечивающих более или менее эффективное выживание. Ничего принципиально нового в этом смысле не происходит и сейчас, разве что индивидуальные репрезентации быстрее вбрасываются в общественный оборот. Поэтому сетования по поводу того, что нынешний мир не в пример прошлому есть мир массовых иллюзий, беспочвенны.

Интересно отметить, что существуют репрезентации, выражающие нечто, имеющее значение для человека, но не обладающие предметностью, – «русалка», «водяной». К подобным репрезентациям относятся и так называемые «ничего не значащие понятия» вроде «духовности», «соборности».

Традиционно репрезентация является объектом пристального изучения в рамках различных социальных наук. Существует две основных

трактовки репрезентации – позитивистская и семиотико-конструктивистская.

В позитивистском подходе репрезентация представляет собой идеальное воспроизведение реальности в сознании за счет точного определения основных свойств, определяющих черт объекта, это когнитивное изображение предмета¹. Во время коммуникации с помощью дискурсов реальные факты приобретают вербальную форму; и в зависимости от истинности дискурса высказывания могут либо соответствовать объекту, либо противоречить ему. Индивид может либо передавать объективный факт, либо искажать его, в зависимости от использования истинного или ложного дискурса. Другими словами, знак может либо корректно отображать реальность, либо искажать ее.

Репрезентация в семиотико-конструктивистском подходе рассматривается как процесс создания семиотического аналога реальности, где связь между репрезентацией и репрезентируемым объектом является конвенциональной, искусственно установленной². Основное значение придается динамике знака, его действию, а не простому отображению объекта. Как отмечает британский социолог Стюарт Холл, репрезентация объекта должна не только конституировать внешние характеристики, но также и проникать вглубь объекта, объясняя его «внутренние» законы³. Это процесс создания новых значений с помощью образов и знаков, используемых индивидами для репрезентации реальных объектов.

В социальном конструкционизме репрезентация рассматривается как результат конструкции и как способ производства идей⁴. По мнению конструкционистов, медиа не репрезентируют реальность как таковую, но создают иную, массмедийную реальность. Это автономная ко внешнему миру реальность, не имеющая прямого отношения к от-

¹ Decartes R. *Meditations on First Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

² Peirce C.S. *Philosophical writings*. New York: Dover Publications, 1995.

³ Hall S. *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. London: SAGE Publications, 1997.

⁴ Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*. New York: PenguinBooks, 1966.

ражению объективного мира. Эта позиция была подробно изложена социологом Н. Луманом¹, который утверждает, что существуют два основных аспекта реальности массмедиа: собственные операции внутри СМИ (печать, вещание и т. д.) как «реальная реальность» и то, что СМИ конструируют, то есть массмедийная реальность. Последний тип реальности ограничен репрезентативными возможностями массмедиа. В функционировании массмедийной системы важную роль играют «самореференция» и «инореференция», первое подразумевает ссылку одной операции системы на другую внутри системы или функции коммуникации, а второе означает ссылку на операции внешнего мира, что также является темами коммуникации.

Значительный вклад в понимание процессов формирования личностного образа жизненного мира внесли П. Бергер и Т. Лукман², которые предложили понимать под знанием «уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками»³. Знание, таким образом, изначально – зона субъективного. Реальность авторы рассматривают как «качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимо от нашей воли и желания (мы не можем „от них отделаться“»⁴. Объективность реального, однако, относительна: «Что «реально» для тибетского монаха, не может быть «реальным» для американского бизнесмена. «Знание» преступника отличается от «знания» криминалиста»⁵. Иначе говоря, объективность – не более чем черта, которую фиксирует в отношении реальности познающий субъект, и можно сказать, что и объективность субъективна.

Таким образом, с точки зрения теории социального конструирования реальности мы живем в мире, который существует объективно, независимо от нас. Однако нам он известен только в какой-то своей части, в определенных ракурсах. Что-то известно лучше, что-то хуже,

¹ Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

³ Там же. С. 9.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995 С. 72.

⁵ Там же. С. 12.

что-то вообще не известно. Возникающий в голове индивида образ реальности представляет собой своеобразное додумывание, придумывание, мысленное переструктурирование окружающего нас мира.

Основные формы представленности реальности в личностном мире

Можно выделить несколько типов представлений, которые репрезентируют реальность в личностном мире. Обычно для обозначения этих представлений используют понятие «знания». Знания представляют собой образ жизненного мира «как он есть». Другими словами, знания отвечают на вопрос «Что это?» и выступают в личностном мире в роли представителей жизненного мира, оперируя которыми, человек находит (сначала в идеальном плане, а затем и в действительности) оптимальные способы жизнедеятельности¹.

Рассматривая сущность категории «знание», невозможно избежать вопроса о взаимоотношениях понятий «знание» и «информация». В разных работах встречается различное толкование этих терминов. Одни исследователи рассматривают информацию как инертное знание, полагая, что информация – это мера того нового в сообщении, что неизвестно получателю, в то время как знание есть не просто отражение предмета, а целенаправленное отражение, побуждающее к деятельности, знание – это та информация, которая используется для практической деятельности.

Сторонники другой точки зрения пользуются этими понятиями в принципиально противоположном значении. Знание рассматривается как инертные сведения, а информация как та часть знаний, которая используется для управления.

Многие исследователи рассматривают знания как то, что принадлежит человеку, а информацией знание становится только будучи

¹ Существуют и другие подходы к пониманию категории «знание». Так, по мнению А.А. Ивина, знать – значит не только иметь представление о том, что есть, но и представление о том, что должно быть. (Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 31.) Другими словами, в знание включаются и ценности, и проекты. Есть еще более «широкая» точка зрения, сторонники которой, ссылаясь на К. Маркса, обозначают понятием знание абсолютно все, что есть в сознании.

«оторванным» от человека. С этой точки зрения, информация – это знания минус человек. Данная концепция представляется нам более отвечающей сути развиваемого в этой работе подхода.

Существуют и другие классификации знания. Например, В.В. Красных предлагает приведенные ниже варианты.

- **Первая классификация представляет в самом общем виде разграничение знания на научное и ненаучное (обыденное, житейское).** Данные виды знаний не всегда противоположны, но достаточно различны. Научное знание распадается на естественно-научное и гуманитарное.

- **Следующая классификация также является классификацией общего типа. В ее рамках разграничиваются знание социальное и знание индивидуальное.** К социальному знанию относятся знания: философское, экономическое и/или естественнонаучное, гуманитарное). Социальное и индивидуальное знание противопоставлены по степени известности, т. е. как континуум с градуальной шкалой (В.Я. Шабес). Данное разграничение не следует путать с противопоставлением коллективного и индивидуального знания А.А. Залевской, которое учитывает формы существования знания, их организации и функционирования.

- **Если в центре внимания находится продуктивная деятельность человека, то разграничиваются знания предметные и методологические.** Предметные знания – это знания о некоторой предметной области объективного мира. Методологические знания, знания о знаниях и о способах деятельности, о процедурах оперирования знаниями.

- **Из информатики и исследований искусственного интеллекта пришло разграничение знаний декларативных и процедурных.** Декларативные знания – это знания о чем-либо, проявляются на уровне вербального описания. Знания процедурные – это знания, как сделать что-либо, они проявляются на уровне реального действия. Данное противопоставление оказывается особенно актуальным при рассмотрении вопросов, связанных с овладением и использованием языком.

- **По содержанию знания делятся на энциклопедические и языковые.** К энциклопедическим относятся знания о мире, неязыковые, прагматические, фоновые. К языковым относятся знания о языке. Но

здесь заложена определенная сложность: языковые и неязыковые знания могут разграничиваться по содержанию (т. е. знание о чем?) и по форме (т. е. вербализованные vs невербализованные).

• **Знания врожденные vs приобретаемые.** Содержанием врожденного знания, по Хомскому, является универсальная грамматика. Она предстает как набор глубинных синтаксических структур. Вот эти глубинные синтаксические структуры и являются базой для овладения языком. Эта база задает определенную подсистему правил и множество разнообразных условий. Подсистема правил составляет каркас структуры любого языка. А задаваемым базой условиям, формальным и субстанциональным, должна отвечать любая дальнейшая разработка грамматики.

• **Знание выученное vs освоенное.** Данным видам знания посвящена обширная литература. Выделяет три основные точки зрения: 1) эти типы языкового знания четко разграничиваются и автономны; 2) данные виды знаний различны, но не автономны; 3) модель овладения вторым языком базируется на двух взаимодействующих видах знания¹.

Система знаний человека в той или иной мере выражает и отражает сеть объективно складывающихся отношений того мира, в котором он живет и действует. Эта сеть узловых точек действительности отражается в системе категорий, которые выступают опорными точками его познавательной и практической деятельности².

Система имеющегося во внутреннем мире человека знания, выступающего в качестве предпосылки его деятельности, обладает чрезвычайно сложной и во многом еще неисследованной структурой. Однако некоторые выводы можно сделать уже на основе достижений современной науки.

Прежде всего, речь идет о понимании того, что знание не является аморфным собранием разнообразных фактов, сведений и представлений, а всегда каким-то образом структурировано. Поэтому необходимо

¹ Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Гнозис, Кучково поле. М., 2001.

² Образ паутины, концентрические и радиальные нити которой образуют чувствительную сеть, передающую колебания любой точки в центр паутины, может хоть в какой-то степени создать визуальное представление о системе и функциях категориальной сетки знаний.

выделение в общем корпусе знаний человека различных комплексов, связанных со спецификой тех предметных областей, отражением которых эти знания являются. Здесь возможны (и разрабатываются) различные классификации.

В качестве одного из критериев классификации знаний выступает мера системности, организованности, взаимоувязанности знаний. С точки зрения этого критерия, выделяют следующие формы существования знаний: 1) категории (понятия); 2) суждения (совокупности понятий); 3) теории (совокупности суждений); 4) картины мира.

1. Категории отражают наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания (единичное и особенное, часть и целое, форма и содержание и др.). Категории являются узловыми пунктами познания, «ступеньками», моментами проникновения мышления в сущность вещей. Категории, образующие как бы личностный каркас мышления человека, представляют собой инструмент отражения и воспроизведения необходимых, устойчивых, повторяющихся связей между явлениями действительности, инструмент познания законов объективной реальности.

Человеческая (а не натуралистическая) сущность любых категорий хорошо иллюстрируется следующим примером. Чтобы предметное содержание, данное каждому человеку в понятии «дерево», могло мгновенно возникнуть во всей своей многосложности, понадобилась историческая по длительности жизнь общества в постоянном контакте с лесом, работа лесоруба, строителя, плотника, столяра, художника, садовода и т. д. Все человеческие усилия по обработке и использованию дерева, в ходе которых оно было поставлено в связь с огнем, водой, железом, камнем, землей, воздухом, растительными организмами и неорганическими материалами, позволили открыть такие многообразные свойства дерева и представить их в совокупном, связном виде. Только человеку как инициатору всех мыслимых преобразований дерева ведомо, что вся сумма свойств живого дерева и древесины и все многообразие деревянных изделий суть лишь модификации единой исходной субстанции – дерева как такового, то есть потенциального носителя всех возможных «деревянных» форм, свойств и проявлений¹.

¹ См.: Мировозренческая культура личности. Киев, 1986. С. 41.

Для человека, сформированного определенной культурой, смысл системы ее категорий чаще всего выступает как нечто само собой разумеющееся, как единая «презумпция», в соответствии с которой он строит свою деятельность и которую он обычно не осознает в качестве глубинного основания своего миропонимания и мироощущения. Типы миропонимания и мироощущения, которые свойственны разным типам общества, определены различным содержанием категорий, лежащих в основании культуры.

В лингвистике существует положение, что, слушая чужую речь, мы узнаем лишь те звуки, из которых строятся значимые элементы нашего родного языка. В соответствии с этим положением петухи кукарекают, собаки лают, а кошки мяукают на разных языках по-разному, их «язык» воспроизводится на основе принятых в соответствующих человеческих языках значимых звуков (фонем). В известной мере также обстоит дело и со словами. Мы видим только те вещи, для обозначения которых в нашем языке есть слово. Так, для говорящих на русском языке снег просто снег и ничего больше, а эскимос различает здесь шесть разных вещей, для которых в его языке есть шесть слов. Для нас песок только песок, а для араба здесь много разных вещей. Существуют слова, которые вообще не переводятся с одного языка на другой или же переводятся описательно, хотя соотносятся с элементарными вещами. Ни в одном из (во всяком случае, индоевропейских) языков нет эквивалента для русских слов «сутки» или «авось». Когда А. Дюма переводил на французский язык одно из стихотворений Некрасова, он вынужден был слово «душечка» передать описательно: моя маленькая милая душа¹.

Категории представляют собой определенные слова («революция», «атом», «самофинансирование») или словосочетания («рыночные отношения», «парламентская республика»), отражающие в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними. Можно выделить две основные стороны любого понятия. Первая – гносеологическая сторона, где понятие выступает в качестве

¹ См.: Звегинцев В.А. Проблема отношений человека и машины в компьютерной революции // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 47–48.

знаковой, языковой модели, отражающей объект и образующей предмет мышления. Вторая сторона – личностно-психологическое состояние понятия, в котором оно выступает как понимание, то есть психическая деятельность и состояние, определяемые совокупностью знаний и способностей субъекта. В каждом понятии различают его содержание, объем и широту содержания понятия – это совокупность признаков предмета, отраженных в понятии. В логике различают понятия с пустым объемом – их объем не содержит ни одного элемента (кентавр, золотая гора), единичные понятия – их объем содержит лишь по одному элементу (столица Франции, самая большая река Европы), общие понятия (химический элемент, растение, общественно-экономическая формация) и др.

2. Суждение обозначает повествовательное (описательное) предложение, рассматриваемое вместе с его содержанием (смыслом) как истинное или ложное. (Так понимаемое суждение противопоставляется повелительным, вопросительным и всем другим предложениям, оценка истинности или ложности которых невозможна.) С помощью суждений человек выражает свое отношение к действительности. Выделяются три основных типа отношения и, соответственно, три типа суждений. Первый тип связан с утверждением истинности или ложности определенного взгляда на мир. Такие суждения называются *ассерторическими*. Второй тип – *проблематическое* суждение – связан с утверждением возможности («возможно, что А – истинно»). Третий тип суждения связан с утверждением необходимости – это *аподиктические* суждения.

3. Теория обозначает комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение каких-либо явлений. По своему строению теория представляет собой внутренне дифференцированную, но целостную систему знаний, которую характеризуют логическая зависимость одних элементов от других, выводимость содержания теории из некоторой совокупности утверждений и понятий, выступающих исходным базисом теории.

Существует и такая форма, как «*идея*», которая рассматривается в качестве опосредствующего звена в практическом преобразовании мира человеком. Теоретическое знание становится идеей, когда

намечаются пути практического воплощения идеального объекта в реальный.

4. Картина мира – это целостная система представлений об общих свойствах и закономерностях мира, в котором живет человек. Все сказанное выше подводит нас к следующему выводу. Поскольку любое познание всегда опосредствовано некоторыми исходными предпосылками видения мира, представлениями о бытии, постольку система знаний человека выступает в качестве необходимой предпосылки любых актов его жизнедеятельности. Являясь инструментом описания, интерпретации, объяснения и понимания явлений и ситуаций действительности, знания человека могут реализовать эту свою функцию только тогда, когда они выступают для самого человека в качестве неких концептуальных схем, то есть привычных, «затвердевших», часто употребляемых знаниевых комплексов, образующих в своей совокупности картину мира, в которой, конечно же, есть странные, необъясненные факты и явления, но которая в своей центральной, сущностной части объяснима и в целом понятна. Объяснительные, упорядочивающие картину мира принципы могут иметь какую угодно природу, важно, что человек уверен в их абсолютности и превосходстве над всеми другими принципами. Кроме того, надо быть уверенным в том, что объяснительные принципы не выдумка, что они укоренены в самой действительности. Другими словами, надо верить в идентичность мира самому себе. Отсутствие такой веры практически парализует познавательную деятельность, поскольку лишает человека каких бы то ни было гносеологических опор.

«Без карты нашего природного и социального мира – некой определенным образом организованной и внутренне связанной картины мира и нашего места в нем – люди просто растерялись бы и были бы неспособны к целенаправленным и последовательным действиям, ибо без нее невозможно было бы ориентироваться и найти отправную точку, позволяющую упорядочивать все обрушивающиеся на каждого индивида впечатления»¹.

Элементами, из которых строится картина мира, являются восприятия в узком смысле слова, представления и понятия.

¹ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 160.

Восприятие, возникающее в процессе отражения, –это первичный образ. Он является результатом восприятия, его завершением. Основным свойством этого образа является его целостность. В нем синтезируется целостное отражение предмета действительности, который на сенсорном уровне отражается в виде множества дискретных сигналов, поступающих от рецепторов.

«Вторичный образ», называемый обычно **представлением**, может быть актуализован в сознании и тогда, когда объект восприятия отсутствует. Представления составляют основное содержание памяти и являются «строительным материалом» для процесса мышления. Они утрачивают непосредственную связь с объектом реальной действительности, явившимся причиной их возникновения, и являются средством опосредованного отражения действительности. Представления становятся заместителями реальных предметов, их представителями в долговременной памяти. Следовательно, представления становятся теми первичными элементами, которые формируют систему знаний. Мыслительные формы берут начало в предметно-чувственной деятельности, но не сводятся к ней. Отражение человеком окружающего мира заключается, как известно, в создании им соответствующих познавательных структур¹.

Понятие обычно интерпретируется как знание о предмете, вернее о классе предметов, явлений. Оно отождествляется с основной формой существования смысловой информации и рассматривается как единица человеческих знаний о внешнем мире². Понятие также отождествляется с мыслью, особой формой мышления. Так, по определению Н.И. Кондакова, «понятие – это целостная совокупность суждений, то есть мыслей...»³.

Однако процесс индивидуального познания мира не сводится к отражению материальных явлений и построению на базе этих отражений тех или иных мыслительных конструктов. Значительную, а в области теоретических знаний большую часть когнитивной информации о мире индивид получает в процессе коммуникативных отношений – из

¹ Ворожцов В.П., Москаленко А.Т., Шубина М.П. Гносеологическая природа и методологическая функция научной теории. Новосибирск: Наука, 1990.

² Котов Р.Г., Якушин Б.В. Языки информационных систем. М.: 1979.

³ Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971. С. 373.

текстов, воспринятых в тех или иных коммуникативных ситуациях и репрезентирующих те или иные денотатные структуры.

Особенностью любой индивидуальной картины мира является ощущение ее естественности и единственности. «Люди могут отрицать, что у них есть такая всеобъемлющая картина мира, и считать, что они реагируют на различные явления и события жизни от случая к случаю, в соответствии со своими суждениями. Можно однако легко доказать, что они просто принимают свою собственную философию за нечто само собой разумеющееся... И когда такие люди сталкиваются с диаметрально противоположными взглядами на жизнь, они называют их „сумасшедшими“, „иррациональными“ или „наивными“, тогда как себя они неизменно считают „логичными“»¹.

Таким образом, картина мира является способом организации категорий, суждений и теорий в системную целостность. Картина мира представляет собой высшую степень систематизации имеющихся в сознании человека содержательных представлений о действительности во всех ее проявлениях. Другими словами, картина мира выступает как целостная, опирающаяся на мировоззренческие представления, концептуальная модель мира в единстве его сущностных и явленческих сторон. Она определяет, что человек видит в действительности, какие взаимосвязи между явлениями представляются ему существенными, а какие случайными; обеспечивает структуризацию и систематизацию разнообразных впечатлений, сведений о реальном мире.

Картина мира человека строится из понятий и образов. В зависимости от того, какие элементы преобладают, говорят о *понятийном (концептуальном)* или *образном (художественном)* мышлении. Иногда выделяют *понятийно-образное* мышление, в котором, по мнению некоторых исследователей, понятия и образы сплавлены настолько прочно, что говорить о преобладании каких-либо из элементов неправомерно.

Картина мира человека всегда ценностно окрашена. Оценки различных явлений действительности: экономических, политических, нравственных, эстетических и т. д. – опираются на сопоставление этих

¹ Ворожцов В.П., Москаленко А.Т., Шубина М.П. Гносеологическая природа и методологическая функция научной теории. Новосибирск: Наука, 1990. С. 161.

явлений с теми эталонами, которые заложены в человеческой картине мира.

Существует несколько источников, из которых человек черпает свои представления, аккумулируемые в картине мира. Один из них – обыденное сознание, важной составной частью которого является социальная мифология. Другой источник – элементарная наука, представленная в учебниках, справочниках и популярных изданиях. Третий – «высокая» наука, доступ к которой имеют очень немногие.

Разумеется, влияние этих источников различно, роль каждого из них определяется стечением многих обстоятельств. Нам важно подчеркнуть, что в результате взаимодействия человека с названными выше компонентами общественного сознания в его внутреннем мире формируется своеобразная, противоречивая картина внешнего мира, которая в зависимости от доминирующего типа содержательных элементов смысловой сферы может быть *обыденно-мифологизированной, элементарно-научной и системно-научной*.

Главное отличие научной картины мира от других заключается в том, что она строится на основе определенной фундаментальной научной теории и возникает в результате обобщения и синтеза основных естественнонаучных понятий и принципов. Различают общенаучную картину мира и конкретные картины мира, созданные в рамках отдельных наук¹.

Очевидно, что каждая предметная область знаний, которыми обладает человек, может представлять собой либо целостную картину мира (точнее, картину данной предметной области), либо совокупность более или менее связанных друг с другом (а значит, более или менее противоречащих друг другу) теорий, либо вообще конгломерат разнообразных категорий и понятий, создающих видимость отображения данной предметной области.

А.А. Леонтьев указывает, что с теоретической точки зрения образов мира может быть много. К ним относятся профессиональный образ

¹ Не следует думать, что научность картины мира автоматически предполагает ее более высокое качество. XX век продемонстрировал поразительное явление, когда самые бредовые, вздорные, человеконенавистнические идеи приобретали наукообразный вид, апеллируя отнюдь не только к чувствам, но и к уму, и к логике. Достаточно указать на то, что нацистская расовая теория начиналась именно как наука, как попытка вывести культурное своеобразие из строения черепа у людей разных рас.

мира, а также образ мира, связанный с особенностями национальной культуры и национальной психологии. Этому последнему отводится особое место. «В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено (если, конечно, эта обусловленность не преодолевается специально; но мы имеем здесь в виду не научное, а обыденное сознание); видение мира одним народом нельзя простым „перекодированием“ перевести на язык культуры другого народа»¹.

В центр изучения антропологической лингвистики, в рамках которой и разрабатывается концепция картины мира, ставятся проблемы, касающиеся связи человека и его языка: язык, мышление и сознание человека; язык и культура; язык и коммуникация; язык и ценности человека. В настоящее время проблемами языковой картины мира занимаются такие ученые, как Ю.Д. Апресян², Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев³, Н.Д. Арутюнова⁴, А. Вежбицкая⁵, А. Зализняк⁶, В.И. Постовалова⁷, Ю.Н. Караулов⁸, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон⁹ и др.

При исследовании проблемы отражения картины мира в языке обычно исходят из соотношения триады: окружающая действительность – отражение этой действительности в мозгу человека – фиксация этих результатов в языке¹⁰. При этом окружающая действительность

¹ Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 19–20.

² Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

³ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

⁴ Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: К проблеме языковой картины мира // Вопросы языкознания. 1987. № 3.

⁵ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.

⁶ Зализняк А.А. О семантике щепетильности («обидно», «совестно» и «неудобно» на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 101–118.

⁷ Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

⁸ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

⁹ Русская языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

¹⁰ Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 87.

представляет собой объективную, независимую от человека, данность; отражение ее в мозгу человека представляет образ мира или концептуальную картину мира; фиксация этого отражения в языке представляет собой «языковую картину мира».

Ю.Н. Караулов предлагает заменить метафорическое выражение «картина» выражением «модель». По его мнению, основными элементами языковой модели мира являются семантические поля, концептуальной модели – группы и сверхпонятия, так называемые константы сознания¹.

На наш взгляд, идея замены выражения «картина мира» понятием «модель мира» существенно сужает смысл обозначаемого этими словами феномена. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые предпочитают пользоваться понятием «картина мира», поскольку оно позволяет зафиксировать глобальность, целостность, эмоциональную насыщенность того образа мира, который возникает в сознании человека как результат всей его духовной активности, всех контактов человека с внешним миром².

По нашему мнению, понятия «образ мира», «концепция мира» и уж тем более «языковая картина мира» не охватывают всей сложности содержания того комплекса представлений, которыми руководствуется человек, ориентируясь в окружающей действительности. Именно понятие «картина мира» благодаря его метафоричности в достаточной степени обозначает ту совокупность структур, которые осуществляют две основные функции: *интерпретативную* (обеспечивать видение мира) и вытекающую из нее *регулятивную* (служить ориентиром в мире, быть универсальным ориентиром человеческой жизнедеятельности).

Очевидно, что каждая предметная область знаний, которыми обладает человек, может представлять собой либо целостную картину мира (точнее, картину данной предметной области), либо совокупность более или менее связанных друг с другом (а значит, более или менее противоречащих друг другу) теорий, либо вообще конгломерат

¹ Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. С. 246, 267.

² Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

разнообразных категорий и понятий, создающих видимость отображения данной предметной области.

Мера цельности, системности, связности знаний, входящих в каждую предметную область и в смысловую сферу в целом, выступает основным условием цельности мировоззренческой позиции человека. С точки зрения этого критерия, все виды смысловых сфер можно расположить на шкале, конечными пунктами которой являются *мозаичное* (войлокообразное) и *целостное*, систематизированное знание¹.

Но цельность – это не единственная характеристика знаниевого комплекса регулятивно-смысловой сферы человека. Не менее важно, каково качество элементов, входящих в этот комплекс. Оценивая с позиции этого критерия понятия, суждения, теории, содержащиеся в знаниевом комплексе человека обычно «помечает» их специфическими «метками»: «*истинное знание*», «*искаженное знание*» (заблуждения, иллюзии и др.) и «*ложное знание*». Разумеется, мера истинности гносеологического образа, приписываемая ему человеком, может быть весьма далека от его реального соответствия действительности.

В системе знаний можно выделить два основных уровня. На первом размещены знания, о которых человек знает, что он их знает. Это так называемые *осознаваемые знания*. На втором находятся знания, о существовании которых человек до поры до времени не подозревает (*неосознаваемые знания*). Возможен промежуточный слой – *полуосознаваемые знания*. В эту совокупность входят разнообразные представления мировоззренческого, общекультурного характера.

После Фрейда и Юнга уже не надо доказывать, что личностный образ внешнего мира существенно отличается от жизненного мира, поскольку содержит в себе множество иллюзий, заблуждений, предрасудков и суеверий².

Во-первых, образы реального мира, возникающие в личностном мире человека, всегда опосредованы его интересами, социальными и личными стереотипами, интеллектуальными и иными особенностями,

¹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1972. С. 37–46.

² См.: Заботин П.С. Преодоление заблуждения в научном познании. М., 1979; Мергелидзе К.Р. О ходячих суевериях и «пралогическом» способе мышления. Л., 1935; Воронов В.П., Москаленко А.Т. Методологические установки ученого: природа и функция. Новосибирск, 1986 и др.

о которых мы будем говорить дальше. Другими словами, наше представление о так называемой действительности всегда эмоционально окрашено и в большей или меньшей степени искажено.

Во-вторых, личностный образ внешнего мира содержит в своем составе огромное количество значимых для индивида иллюзий, часть которых индивид продуцирует сам, часть заимствует из таких источников, как массмедиа, искусство, политическая коммуникация¹. «Иллюзия – не просто заблуждение разума или произвольный вымысел», – указывает В.Н. Шердаков. Иллюзия всегда имеет в виду нечто реальное, но искажает это реальное, выдавая желаемое за действительное. Иллюзии связаны с желанием и надеждами людей, они коренятся скорее в сердце, чем в его разуме. Поэтому люди так упорно держатся за свои иллюзии даже вопреки фактам и логике. Держатся даже тогда, когда самообман становится очевидным².

Иллюзии представляют собой не просто результат незнания или ложного отражения действительности, легкомыслия или глупости. Иллюзорное знание, если можно воспользоваться таким понятием, есть естественный для обыденного сознания образ действительного мира во всей его очевидности. «Почему в течение тысячелетий человечество считало виды неизменными, время – субъективным, различные виды неравенства – естественными, а Солнце – вращающимся вокруг Земли? Потому ли, прежде всего, что так утверждала господствующая идеология, или скорее потому, что эти метафизические представления обобщили опыт, накопленный человечеством? Все свидетельствует о том, что в отношении к этим или другим проблемам ложная идея более непосредственно зависит от жизненной реальности, чем идея истинная. Последняя, напротив, чаще всего противоречит опыту и побуждает своих защитников длительное время противодействовать общему мнению. Идеологи, заинтересованные в ложном видении природы и истории, не могут поддерживать все что угодно: они лишь систематизируют и усиливают иллюзии, которые рождаются в самой сердцевине практики, всегда побуждающей нас сначала видеть абсолютное там,

¹ Грегори Р.Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М.: Прогресс, 1970; Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Corpus (АСТ), 1989; Маклаков А. Познавательные психические процессы: Хрестоматия. СПб.: Питер, 2002; Носырев И. Мастера иллюзий. Как идеи превращают нас в рабов. М.: Форум, Неолит, 2012.

² Шердаков В.Н. Иллюзия добра. М., 1982. С. 159.

где господствует относительное, а вечное – там, где царит преходящее»¹.

Однако в случае, если иллюзии разрушаются, человек испытывает огромный стресс, который может привести к самым неожиданным последствиям. В частности, социальная напряженность, которая была характерной чертой российского социального климата второго десятилетия XXI века, не в последнюю очередь связана с крушением надежд, которые были связаны с обещаниями власти, зафиксированными в Концепции социально-экономического развития России до 2020 года, которая появилась на сайте Минэкономразвития в 2008 году. Согласно этому документу, «к 2020 году россияне будут в среднем получать 2700 долларов в месяц, иметь не менее 100 квадратных метров на семью из трех человек, а средний класс будет составлять более половины населения. При этом годовая инфляция снизится до трех процентов»². В этом документе говорилось о том, что к 2020 году Россия утвердится в статусе ведущей мировой державы. Поскольку стратегическим объектом инвестиций становится человек, концепция предполагает высокие стандарты жизни населения. В частности, траты государства на образование и здравоохранение достигнут уровня развитых стран. Поликлиники и больницы начнут конкурировать за пациентов, приоритетом медицины станет профилактика. При этом государство будет стимулировать развитие добровольного медицинского страхования (ДМС), включая создание возможности объединения взносов, уплачиваемых в рамках обязательного страхования. Предполагается, что смертность сократится в 1,5–2 раза, а доступность высокотехнологичной медпомощи возрастет с 10–20 % до 70–80 %. В образовательной сфере вырастет роль техникумов. На их базе будут созданы программы подготовки бакалавров. Но при этом в

¹ Жуари Ж.-П. Истина и заблуждения // Вопросы философии. 1987. № 4. С. 128. «Всякая массовая идеологическая иллюзия, сколь бы ложной она ни была, всегда содержит относительную истину, укорененную в самой реальности. И вся история науки, как и развитие общественного сознания, постепенно постигая реальную диалектику мира, преодолевает прежние иллюзии, обнаруживая их несомненную относительность и перемещая их в более широкую область, где они приобретают смысл», – пишет автор.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития российской федерации на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/.

России планируется построить пятнадцать университетских кампусов. Уже к 2015 году в стране «будет решена в основном проблема беспризорности»: упростятся усыновление и прием детей в семьи. А к 2020 году облегчится жизнь одиноких пенсионеров: они будут полностью обеспечены уходом за счет некоммерческих организаций»¹.

Реальная средняя заработная плата в России на конец 2019 года – 45 000 рублей, а самая распространенная – 23 500 рублей. 10 процентов работающих получают не более 12 000 рублей. Минимальная зарплата в России с 2020 года должна увеличиться до рекордных 12 130 рублей в месяц! Россия находится на 3-м месте в мире по числу эмигрировавших, после Индии и Мексики. Понятно, что диссонанс между обещаниями и реальностью вызывает гнев и желание на ком-то этот гнев выместить.

Все сказанное выше подводит нас к следующему выводу. Поскольку любое познание всегда опосредствовано некоторыми исходными предпосылками видения мира, представлениями о бытии, постольку система знаний человека выступает в качестве необходимой предпосылки любых актов его профессиональной деятельности. Являясь инструментом описания, интерпретации, объяснения и понимания явлений и ситуаций действительности, знания человека могут реализовать эту свою функцию только тогда, когда они выступают для самого человека в качестве так называемых парадигм, концептуальных схем, то есть привычных, «затвердевших», часто употребляемых знаниевых комплексов, образующих в своей совокупности картину мира, в которой, конечно же, есть странные, необъясненные предметы и явления, но которая в своей центральной, сущностной части объяснима и в целом понятна. Объяснительные, упорядочивающие картину мира принципы могут иметь какую угодно природу, важно, что человек уверен в их абсолютности и превосходстве над всеми другими принципами. Кроме того, надо быть уверенным в том, что объяснительные принципы не выдумка, что они укоренены в самой действительности. Другими словами, надо верить в идентичность мира самому себе. Отсут-

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития российской федерации на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/.

ствие такой веры практически парализует познавательную деятельность, поскольку лишает человека каких бы то ни было гносеологических опор.

Особенно отчетливо эта закономерность проявляется в переходные периоды общественного развития. Одна из проблем, постоянно поднимавшихся в первые годы перестройки, да и сейчас, – это проблема потери веры в то, что люди в принципе способны понять этот мир и уж тем более построить рациональный миропорядок. Многие из того, что казалось безусловной истиной, оказалось заблуждением, ложью или иллюзией. То, что считалось заблуждением, вдруг стало рассматриваться как истина. Для реализации практической деятельности остро нужны новые знания, но они либо недоступны, либо выражены в такой категориальной форме, которая не воспринимается из-за ее принципиальной несовместимости с привычными понятийно-терминологическими системами. Таким образом, можно говорить о том, что в общественном сознании происходит смена парадигм, сопровождаемая тотальной релятивизацией знания.

При этом очевидно, что конкретная картина мира конкретного индивида не может слишком сильно отличаться от картин мира, которые считаются аутентичными в социальной среде данного индивида. (Иначе его просто объявят сумасшедшим). В свою очередь, эта среда включена в целостную социальную систему, которая в каждый данный момент имеет некую относительно устойчивую картину мира.

Еще более сложной становится картина, если взглянуть на проблему «множества реальностей» сквозь призму истории человечества. Как показано в работе А.А. Ковалева¹, прослеживается явная связь между «тремя волнами» в развитии цивилизации, выделенными Э. Тоффлером², и тремя типами реальности, порождаемыми человеком и не совпадающими с «первой реальностью». Эти «три волны»:

- 1) **аграрная**, появившаяся благодаря неолитической революции;
- 2) **промышленная**, порожденная промышленной революцией;
- 3) **информационная**, связанная с появлением электроники и электронных СМИ.

¹ Ковалев А.А. Медиареальность как феномен современной культуры. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediarealnost-kak-fenomen-sovremennoy-kultury>.

² Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.

И каждая из этих «волн» создает свою особую искусственную реальность в рамках ноосферы.

Уже в первобытной культуре возникают представления о существовании «иной реальности» – «мира потустороннего», это сакральный или мистико-религиозный мир. Представления о «потустороннем мире» получают развитие во всех древних и средневековых цивилизациях, его описания мы находим в мифах, священных текстах и в художественной литературе. Эта реальность, населенная духами и богами, ангелами и демонами, а также душами умерших людей, обладает множеством особых свойств, которые принципиально отличают ее от обыденной реальности, причем не только природной, но и культурно-профанной.

М. Элиаде, один из крупнейших культурологов XX века, замечает: «В той или иной форме всегда существует прорыв между сакральным и профанным и переход от одного к другому, причем прорыв и переход составляют саму суть религиозной жизни»¹. В связи с этим отметим, что согласно соответствующим поверьям, некоторые живые люди могут входить на время в эту «иную реальность» или созерцать ее, аналогично – существа «иного мира» могут появляться или проявляться в обыденном мире и действовать в нем. Но еще важнее то, что эта «вторая реальность» оказывает весьма существенное влияние на всю обыденную жизнь большинства людей, определяя картину мира, в рамках которой они живут, их систему ценностей (высшей из которых становится обретение блаженства в загробном мире, так что земная жизнь начинает рассматриваться всего лишь как подготовка к загробной), мораль, право, обычаи и т. п. Представления о существовании этой «сакральной реальности» сохраняются и сейчас, хотя с приходом «второй», а тем более «третьей волны» цивилизации, ее влияние на обыденную жизнь заметно уменьшилось.

В истории человечества на протяжении тысячелетий шло формирование еще одной реальности, порождаемой искусством, ее можно назвать «художественной». До Нового времени искусство было теснейшим образом связано с «сакральной реальностью», чаще всего отображая именно ее. Но в эпоху Возрождения начинается десакрализация, «обмирщение» культуры, художественная культура постепенно

¹ Элиаде М. Структура символов. СПб., 1999. Вып. 10. С. 142.

приобретает светский характер, впоследствии этот светский характер стал доминирующим. И во «вторую волну» цивилизации «художественная реальность» вполне уже может претендовать на звание «третьей реальности», поскольку принимает заметно самостоятельный характер. Хорошо известны и многочисленные примеры влияния произведений искусства на жизнь людей, вспомним, например, о волне самоубийств в XIX веке, которая прокатилась по Европе после выхода в свет «Страданий молодого Вертера» И. Гете. В XX веке особо сильное влияние на зрителей стало оказывать кино: не случайно различные представители общественности, психологи и педагоги неоднократно поднимали вопрос о недопустимости в фильмах сцен насилия, жестокости и т. п.

Но если на время отвлечься от религиозной и художественной реальностей и вернуться к обозначенной выше проблеме совмещения личного образа реальности с образами, полученными от свидетелей (очевидцев, наблюдателей), как напрямую, так и через медиумов, то неизбежно возникают три вопроса.

Первый вопрос: насколько свидетель и медиум квалифицированы и добросовестны, чтобы можно было доверять их свидетельствам о действительности?

Беглый взгляд на историю коммуникации показывает, что в прошлом уровень доверия любым медиумам был чудовищно высоким. И какую бы окоlesiцу не нес очередной пророк или свидетель божественного провидения, а также всевозможные пифии, колдуны, шаманы и прочие медиумы, их слова воспринимались как непререкаемая истина. И только начиная с Ксенофана, стала формироваться идея античного скептического сомнения. Затем скептицизм вновь возник в XVI–XVII веках благодаря возрождению интереса к сочинениям античных скептиков и получил дальнейшее развитие в новоевропейском агностицизме. В этот период скептицизм, связанный с критическим отношением к догматизму в любой сфере, стал синонимом свободомыслия (М. Монтень, П. Бейль, Д. Юм). Но это – в мире высокой философии. А в жизни даже простое удостоверение личности появилось в Европе в эпоху Ренессанса. Известно, что паспорта получили легальный статус 1460 году. Кроме того, в годы войн или эпидемий вдобавок к

паспортам (подорожным и пр.) путешественникам выдавались специальные сертификаты, удостоверяющие их личность, особые приметы, здоровье и поведение. В России некое подобие паспорта появилось только во времена Петра I. 6 июня 1724 года был издан царский указ, прозванный в народе «плакат». По этому закону крестьянину разрешалось наниматься на работу «для прокормления» в своем уезде. Но для этого помещик (а если его не было – приказчик или приходской священник) должен был выдать ему «письменный отпуск». Для отхода в более отдаленные места необходимо было получить «пропускное письмо» у земского комиссара. Запись о выдаче «письма» заносилась в особую книгу. На оформление пропусков отводилось строго два дня. Не успел комиссар – ему же хуже: грозит «жестокое наказание». В «пропускных письмах» описывалась внешность крестьянина: «рост, лицо, непрменные приметы», чтобы «кто другой, воровски получая оное», не мог им воспользоваться. Выдавались «письма» не более чем на три года. Поскольку документы, удостоверяющие личность, в XVIII веке не были достаточно надежными, лиц, осужденных за тяжкие преступления, клеймили. Клеймо – это своего рода удостоверение для избранных.

Сегодня с появлением сначала массовых печатных изданий, а затем кинематографа и радиовещания вопрос о роли свидетелей и медиумов вышел на авансцену общественного внимания и исследовательского интереса. Появилось отчетливое понимание того, что картина действительности, которую рисуют эти медиумы, сильно отличается от того, что происходит на самом деле. (Хотя рассказ о том, что происходит на самом деле – это всего-навсего продукт другого субъекта или других субъектов.) Тем не менее уровень доверия СМИ по-прежнему достаточно высок. По имеющимся данным, доверие россиян к государственным СМИ снизилось с 65 % в начале 2016 года до 47 % в ноябре 2018 года. Доверие к негосударственным СМИ за тот же период выросло почти в два раза. По статистике люди пенсионного возраста (старше 60 лет) чаще верят государственными СМИ (65 %) и меньше частным (9 %). В то же время молодежь (18–30 лет) больше доверяет частным СМИ (41 %), нежели государственным (37 %)¹.

¹ Подробнее на РБК: URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfd31189a79475d5dae5a51>.

Второй вопрос: насколько человек в принципе способен адекватно воспринимать внешний мир?

По поводу этого вопроса идут жаркие споры более двух тысяч лет. Довольно давно было понято, что то, что мы видим и думаем о действительном мире, – это некое представление, некий образ, который может быть более или менее близок к реальному положению вещей, но никогда не будет полностью совпадать. Знаменитая аллегория Платона о пещере как раз о том, что люди полагают, будто благодаря органам чувств познают истинную реальность. Однако уже Платону было понятно, что это лишь иллюзии. Не случайно Платон, анализируя принципы построения идеального государства, призывал изгнать из него представителей сферы искусства – художников и поэтов, – мотивируя это тем, что умы граждан не должны быть наполнены воображаемыми образами и страстями; другими словами, древнегреческий мыслитель особое значение придавал силе иллюзий. Воздействие на сознание путем трансляции определенных образов и смыслов означает контроль – через контроль над тем, что мы чувствуем, к контролю над тем, что мы думаем.

Теория познания в философии Нового времени обращается к осмыслению природы реальности в контексте выявления материальной или имматериальной ее сущности. В учениях Р. Декарта, Ф. Бэкона и Дж. Локка реальность связывалась с познанием мира, а главной задачей человечества объявлялось совершенствование разумного познания реальности с помощью методических правил и осуществление разумного контроля над страстями и волей.

Переворот в подходе к рассмотрению реальности связан с именем Джорджа Беркли, который предложил идею, согласно которой реальность есть ощущение. По мнению Беркли, все вещи существуют постольку, поскольку «Я» их воспринимает и познает. Вне моего разума и разума других людей вещь может существовать только в разуме Бога, который и выступает гарантом существования Вселенной. Таким образом, Беркли обосновал идею о том, что единственно доступное человеку знание – это знание своих собственных ощущений и образованных от них представлений. Такие абстракции, как, например, «материя», вообще бессмысленны, поскольку они находятся за пределами ощущений.

Дальше больше. Начиная с Ф. Ницше познание реальности связывается с языком, приобретающим самостоятельное значение самостоятельного многослойного феномена. Становится очевидным, что для того, чтобы познать реальность, нужно изучить ее язык. Это послужило началом «лингвистического поворота» – перехода от философии сознания к философии языка.

Третий вопрос: насколько совместимы кажущиеся естественными для участников коммуникации по поводу действительности культурные стандарты восприятия и понимания этой действительности?

Культурологи констатировали, что сам процесс восприятия и понимания событий, явлений и процессов в сильнейшей степени детерминирован той культурой, в которой формировались люди. Именно культура является теми очками, точнее – глазами, – сквозь которые человек видит окружающий его мир. Поэтому очевидно, что любая картина мира – это специфическая картина мира, представляющая собой проекцию культуры на действительность. Здесь был получен ответ на второй заданный выше вопрос. Выяснилось, что медиум иногда принадлежит к той же культуре, которую исповедуют и свидетель (наблюдатель), и благодарная аудитория, а иногда медиум представляет совсем чуждую культуру. Совсем интересная ситуация возникает, когда свидетель (наблюдатель), медиум и аудитория принадлежат к трем несовместимым культурам.

От медиаконтента к медиареальности

Основная проблема, которая возникает в последние десятилетия при обсуждении проблем, связанных с формированием картины мира, – роль в этом процессе средств массовой коммуникации. Видимо, уже не надо доказывать, что собственная жизненная практика индивида играет все меньшую роль в формировании его картины мира, которая на самом деле рисуется СМИ и другими медиа. СМИ часто определяют как некое окно в мир, которое может представлять собой маленький грязный иллюминатор, а может быть широким окном с кристально чистыми стеклами. В либеральной теории медиа воспринимались либо как зеркало, правильно отражающее действительность, либо как

«страж порядка» (*watchdog*), то есть некий способ общественности повлиять на политическую повестку дня или решить социальную проблему. Однако эта иллюзия в последнее время окончательно рассеялась. Английский исследователь Дж. Карран полагает, что СМИ сейчас не просто находятся под влиянием крупного бизнеса, они сами являются крупным бизнесом и корректируют медиавещание в своих личных целях¹. Что уж говорить о странах, где медиа исполняют роль глашатая власти или рупора политических сил.

Сила современных медиа – в обладании громадной символической властью, обеспечиваемой уникальным характером этого посредника: практически все, что мы знаем о происходящем в мире, почерпнуто нами из медиа, что и позволяет им выступать в качестве конструкторов реальности.

Современный человек большую часть сведений об окружающем мире получает из медиаисточников: как традиционных, так и новых. По данным интернет-сервиса *InternetLiveStats*, на конец августа 2018 г. в мире насчитывалось 4 миллиарда пользователей сети Интернет и почти 2 миллиарда веб-сайтов; в день отправлялось более 113 миллиардов писем, 34 миллиона фотографий было загружено в сеть Инстаграм и 57 миллионов текстовых сообщения было написано в сети Твиттер². Приведенные цифры выглядят достаточно внушительно, несмотря на то, что они представляют данные за всего один день. Возникает необходимость понять, как обволакивающая человека медиасисема влияет на его картину мира.

Первым всерьез занялся этой проблематикой У. Липпман. В своей книге «Общественное мнение» (1922), которая считается основополагающей работой в этой области, У. Липпман утверждал, что человек имеет в своем сознании картину мира и приспосабливается не к своему реальному окружению, а к псевдо-окружению. Подавляющая часть мира находится для него в недоступности, поэтому он не может проверить те факты, которые приходят к нему из СМИ. Следовательно, у массмедиа есть неограниченные возможности по конструированию в

¹ Curran J. *Media and Power*. London: Routledge, 2002. P. 220–221.

² Интернет-сервис Internet Live. URL: <https://www.internetlivestats.com/>.

сознании людей определенной картины мира¹. Таким образом, массмедиа обладают возможностью представлять картину мира в сознании индивида, и эта картина является не отражением реальности, происходящей в мире, а конструктором, замещающим реальность. Липпман раз и навсегда доказал, что в силу совершенно определенных социальных причин новости не отражают реальность, а конструируют свой особый, параллельный мир, который может быть отличным от действительности, поскольку новости, переданные СМИ, не отражают события во всей их полноте, а главным образом сигнализируют о самом факте этих событий. Возникла теория «волшебной» или «магической» пули.

Иная точка зрения была представлена в работах П. Лазарсфельда и ряда других исследователей, которые пришли к выводу, что средства массовой информации не являются единственным источником политического информирования. Информация, полученная избирателем по каналам СМИ, лишь усиливает уже существующие установки и ориентации, которые сформировались под воздействием таких факторов, как доход, социальный статус или профессия, не менее важно здесь и межличностное общение². В научный оборот было введено понятие «двухступенчатая модель коммуникации»: осмысление информации СМИ идет только у «лидеров мнений», самой малочисленной части аудитории, которые и передают свое понимание текущей ситуации остальным гражданам, менее интересующимся политическим процессом.

Дж. Клаппер в работе о воздействии средств массовой коммуникации выдвинул модель «минимальных эффектов»: массмедиа редко воздействуют напрямую и бессильны в сравнении с другими социальными и психологическими факторами. Люди смотрят только те передачи и читают только те издания, которые, скорее, подтверждают, нежели изменяют их политические взгляды³.

Возражая сторонникам концепции «минимальных эффектов», Дж. Зеллер поддержал концепцию значительного влияния СМИ на электро-

¹ Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004; URL: <http://coollib.com/b/308133/read#t3>.

² Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People Choice. N.Y.: Columbia University Press, 1948.

³ Klapper J.T. The effects of mass communication. New York: Free Press, 1960.

ральные предпочтения. Он поставил вопрос: если влияние средств массовой информации минимально, то откуда берется большинство представлений людей, если не из материалов СМИ?¹

Позже сформировались теория спирали молчания, теория зависимости, социально-когнитивная теория и др. Эти теории в целом отмечают, что воздействие происходит на уровне восприятия и мышления индивида, а степень зависимости воздействия определяется его индивидуальными особенностями.

Современные теории и исследования влияния массмедиа на общественное сознание носят в целом обобщающий характер предыдущих теорий.

Довольно многие исследователи по-прежнему верят в то, что по мере увеличения масштабов деятельности средств массовой коммуникации у человека остается все меньше свободы для собственной интерпретации информации. СМИ проделывают всю работу за нас, перерабатывают информацию в готовый продукт, который остается только потребить в его конечном виде². (Как будто до появления СМИ люди сами добывали всю необходимую информацию.) Дальше – больше. Алармистски настроенные исследователи стали писать о том, что СМИ формируют псевдореальность, искажают события, продвигают некие образцы и модели поведения, которым данное общество должно следовать. (Как будто до появления СМИ люди сами придумывали себе образцы и модели поведения.)

Общественный интерес к деятельности средств массовой коммуникации поставил в повестку дня вопрос об объективности журналистской деятельности. Требование максимально достоверно воспроизводить реальные события записано во всех профессиональных кодексах. Впрочем, сегодня практики и теоретики сошлись на том, что принцип журналистской объективности нельзя абсолютизировать и рассматривать лишь как беспристрастно точное описание с обязательным отражением конкурирующих точек зрения. Весьма популярна позиция, со-

¹ Zaller J. The Myth About Massive Effect of Media Revived? New Support of Discredited Idea // Mutz D.C., Sniderman P., Brody R. (Ed.). Political Persuasion and Attitudes Change. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996.

² Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1999.

гласно которой принцип объективности рассматривается как практическая стратегия, опирающаяся на комплекс профессиональных журналистских правил сбора информации, ее отбора, распределения и оценки, а также принципы описания.

Кроме того, журналисты и редакторы сообщают нам сведения об объективной реальности после тщательного отбора материала и решения, какое количество времени уделять каждой конкретной теме. Хотя прокламируемой целью СМИ является максимально объективный анализ происходящих событий, нередко ситуации, когда стремление угодить публике или заказчику перевешивает все другие соображения. Обусловлено это ситуацией на информационном рынке, который, как и всякий рынок, ориентирован на продажу произведенного товара (в нашем случае – информации), т. е. в конечном счете на покупателя, пожелавшего приобрести этот товар. Именно эта базисная ориентация позволяет говорить о превращении современного информационного потока в поток товаров.

И постепенно было осознанно, что и журналист, и редакция конкретного СМИ так или иначе связаны с какими-то политическими, экономическими, социальными интересами, и проблема объективности отражаемой действительности была перенесена из сферы индивидуальной ответственности в сферу честной конкуренции разных СМИ. Предполагалось, а кое-где и до сих пор предполагается, что предьявляя аудитории разные образы и разные трактовки происходящих событий, медиа тем самым дают аудитории возможность формулировать собственное представление о реальности и свое отношение к этой реальности.

В XX веке «третья волна цивилизации» принесла два весьма существенных и взаимосвязанных явления: становление массовой культуры и электронных средств массовой коммуникации. В качестве свидетелей, наблюдателей и очевидцев стало выступать огромное количество профессионалов разных видов деятельности: политиков, экономистов, пропагандистов, рекламщиков, специалистов в области связей с общественностью и т. д. и т. п.

Медиареальность

И практически сразу после возникновения понятия «массмедиа» возникло понятие «медиареальность». Так, например, рассматривая массмедиа как «одну из функциональных систем современного общества», Луман указывал на определенную замкнутость данной системы и ее обособление¹, а информационные технологии делают возможным повсеместное распространение «продуктов», произведенных «в рамках» данной системы. При этом немецкий мыслитель предлагает в противовес традиционному восприятию массмедиа как производителя «отраженной» реальности, то есть создателя информационного аналога существующей в действительности реальности, выделение других медиареальностей. Под первой «реальной реальностью» средств массовой информации Луман понимает «протекающие в них и пронизывающие их коммуникации»². Данную реальность составляют бесчисленные внутримедийные операции по обсуждению и подготовке содержания номера газеты или телевизионного выпуска. На данном этапе работы средств массовой информации идет постоянный процесс взвешивания и отсеивания информации от «неинформации», гонка за всем новым, а старым (неинформацией) оно становится, как только прозвучало по радио, было показано по телевидению или напечатано в газете. Именно внутри системы массмедиа и вырабатывается реальность – через производство или придание смысла.

В условиях постоянного избытка поступающей к индивиду информации сами массмедиа, как считает Луман, «производят потребность замещать избыточную информацию на информацию новую»³. Подобный процесс становится основополагающим мотивом динамики современного общества.

Массмедиа, отбирая и фильтруя поступающую к аудитории информацию, не только преподносят ее как нечто новое и поэтому заслуживающее особого внимания, но и делают акцент на таких качествах преподносимой информации, как степень ее проблемности и неожиданности. Таким образом, в рамках «первой реальности» массмедиа

¹ Луман Н. Реальность массмедиа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 20.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 42.

идет процесс постоянного создания специфического информационного продукта, который своим воздействием на общество поддерживает последнее в состоянии бодрствования и реагирования на возникающие проблемы; система массмедиа функционирует в тесной связке с другими системами: политики, экономики, культуры.

Процесс отбора средствами массовой информации всего проблематичного и нового, следовательно, потенциально интересного для аудитории и поэтому транслируемого в массовое сознание превращает весь остальной мир в пространство событий, которые еще требуют последующей селекции и интерпретации. Критически важным оказывается то, что подобный процесс трансляции информации, в чем и выражается постоянное функционирование системы массмедиа, становится значимее и важнее, чем конкретные содержания передаваемых для массовой аудитории сообщений. Соответственно, «первая реальность» массмедиа конструируется в рамках самой системы медиа путем надделения тех или иных событий, явлений и информации определенным смыслом. Придание смысла осуществляется строго очерченной группой лиц (сотрудниками медиаструктур, редакторами, журналистами), и оно происходит постфактум, то есть смысл приписывается уже произошедшим событиям.

Луман говорит о существовании «второй реальности» массмедиа, которая заключается в том, «что для нее или благодаря ей для других *выглядит* как реальность»¹ (курсив оригинала), то есть речь идет о работе массмедиа по конструированию реальности для воспринимаемой ее широкой аудитории. По мнению Лумана, у СМИ нет доступа к иной реальности, кроме той, какую они сами же и конструируют. «...И следует не критиковать их за искажение подлинной реальности, а изучать те способы, какими они конструируют свою реальность»².

После работ Лумана понятие «медиа-реальность» вошло в широкий исследовательский оборот. В толковом словаре по коммуникативистике Л.М. Земляновой зафиксирован термин «медиа-тированная реальность» – это образы реальности, возникающие под влиянием СМИ,

¹ Луман Н. Реальность массмедиа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 13.

² Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. С. 78.

и в первую очередь, телевидения¹. С.Л. Уразова предложила рассматривать медиареальность как реальность, формируемую медиа в соответствии с социальными потребностями и производимую ими в виде медийных продуктов, распространяемых в информационном пространстве, предназначенных для массовой аудитории с целью ее информирования².

По мнению И.В. Чельшевой, «медиареальность представляет собой мысленную семиотическую модель, причем структура и качественные характеристики ее зависят от множества факторов – личного опыта, уровня восприятия, эмоционального состояния и т. д. Тогда можно предположить, что эта сугубо индивидуальная модель имеет непрерывно динамический характер, способна к трансформации»³. В другом месте этот автор пишет о том, что, появившись как средства для передачи информации, коммуникации, медиа все активнее присваивают себе функцию создания культурной среды человека, «сотворения мира», ничуть не менее реального в восприятии, чем природный. Имитация реальности представляется реципиенту медиакультуры значительно более реальной, чем реальность «природная», «естественная»⁴.

По мнению В.Д. Мансуровой, «образ реальности, создаваемый системой средств массовой информации в эпоху господства информационных технологий, представляет собой особый тип реальности – виртуальной социокультурной реальности»⁵.

Другой автор пишет о том, что основной характеристикой медиареальности является представление этой картины не как действительной реальности, а как конструкта, замещающего реальность⁶.

¹ Землянова Л.М. Толковый словарь терминов и концепций. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 46.

² Уразова С.Л. «Зеркало Нарцисса» в контексте гуманитарных практик и экранных технологий // Медиаскоп. URL: <http://mediascope.ru/node/839>.

³ Чельшева И.В. Культурологический подход к проблеме медиареальности и медиакультуры // Медиа. Информация. Коммуникация. №1 2012; URL: <http://mic.org.ru/index.php/t-media/1-tm/27-chelysheva-1>.

⁴ Там же.

⁵ Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Барнаул, 2003. С. 5.

⁶ Яковлева Э.В. Медиареальность: особенности ее конструирования и применения в политических целях. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/06/68870>.

Иногда утверждается, что медиареальность конструируется при помощи телевизионной манипуляции, то есть «преднамеренного отклонения информационных потоков от реальной действительности»¹. Для таких ситуаций характерно осознанное управление общественным сознанием, пропаганда, манипулирование и т. д.²

Для дальнейшего анализа надо отчетливо зафиксировать тезис о том, что медиареальность – это то, что есть в медиа, а не в сознании индивида. В сознании индивида есть картина мира, создаваемая с помощью материалов медиа, но не исчерпываемая ими. Понятно, что получая из медиа разнообразные картинки действительности, индивид пропускает эти сведения сквозь призму своего жизненного опыта, сквозь призму полученных в ходе первичной социализации фундаментальных культурных установок и в соответствии со своими индивидуальными особенностями. Хотя приходится признать, что в нынешней ситуации основные элементы, из которых складывается индивидуальная, групповая или общественная картина мира, получены из медиа.

М. Кастельс дал этому явлению иное название – «реальная виртуальность». Он понимал ее как систему, «в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом³». То есть СМИ не просто передают сообщения, но сами настолько абсолютны и всеобъемлющи, что словно вбирают в себя весь человеческий опыт, воздействуя на зрителей, как сам этот опыт.

Говоря о медиареальности как совокупности всех представленных в медиа текстов, следует отметить следующие обстоятельства.

С одной стороны, можно констатировать, что медиареальность в целом представляет собой вполне хаотичную совокупность информации, дающую вдумчивому пользователю возможность создать ком-

¹ Борецкий Р.А. Телевидение как социальная технология и социальный институт // Теле-радиоэфир: История и современность. М., 2005. С. 73.

² Старобахин Н.Н. Освещение социально-политических событий в теленовостях как способы конструирования реальности // Медиаскоп. URL: <http://mediascope.ru/node/251>.

³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 351–352.

фортную для себя познавательно-ценностную среду. Разумеется, представление о действительности, получаемое современным человеком из массмедиа и прочих медиа, несколько отличается от тех представлений, которые получал средневековый крестьянин из рассказов «калик перехожих», солдат, вернувшихся с полей битв и слухов, кочующих от селения к селению. И даже в более позднюю эпоху, которую называют эпохой Гутенберга, ситуация не сильно отличалась от Средневековья. Достаточно почитать газеты тех лет.

И хотя сегодня основные сведения об окружающем мире (да и о самом себе) индивид получает из медиа, прежде всего из телевидения (для возрастных групп 55 лет и выше) и из интернета (от 7–10 и до 45 лет), уровень хаотичности получаемых образов и смыслов столь же хаотичен, как и сотни лет назад. Другое дело, что существуют довольно мощные социальные силы, стремящиеся упорядочить медиареальность определенным, выгодным для себя образом.

Теория повестки дня

Первой работой, в которой была артикулирована проблема установления повестки дня, была работа Б. Коэна¹, выдвинувшего принципиальное утверждение о том, что пресса если и не убеждает аудиторию, *что* нужно думать, то по крайней мере успешно сообщает ей, *о чем* нужно думать. Нортон Лонг в 1958 г. писал: «В определенном смысле газета играет определяющую роль в установлении приоритетности тематики для определенного региона. Пресса оказывает сильное воздействие на то, о чем будет говорить большинство людей, что большинство людей будет считать фактическим положением вещей и что большинством людей будет рассматриваться как способ решения проблем»². В 1959 году в своей книге Курт и Глэдис ЭнгельЛэнг писали: «СМИ направляют внимание публики на определенные вопросы <...>. Они постоянно представляют объекты, указывающие, о чем следует

¹ Cohen B. C. The Press, the Public and Foreign Policy. Princeton: Princeton University Press, 1963.

² Long N.E. The local community as an ecology of games // American Journal of Sociology. 1958. P. 260.

думать, о чем следует знать, по отношению к чему следует испытывать определенные чувства отдельным индивидам, составляющим массы»¹.

В 1960-е годы вследствие развития телевидения появились работы, которые соотносили освещение деятельности политических персон на телевидении с созданием благоприятного мнения о них. В частности, К. и Г. Лэнг в 1966 году в работе о влиянии СМИ на выборы отмечали: массмедиа привлекают особое внимание к определенным вопросам и формируют публичные имиджи политических фигур. Они постоянно и настойчиво представляют избирателям что-либо и кого-либо и подсказывают то, что люди в своей массе должны знать об этом, что думать и что чувствовать².

Затем была сформулирована концепция установления повестки дня. Данная идея была впервые четко сформулирована и подкреплена эмпирическими данными в ходе ставшего классическим исследования М. Маккомбса и Д. Шоу³. Эти авторы в 1972 году обнаружили крайне высокую корреляцию между тем, какое внимание уделяли различным аспектам СМИ, и тем, какую важность придавали этим аспектам избиратели, и заново сформулировали тезис о «функции массмедиа в установлении повестки дня». М. Маккомбс и Д. Шоу ввели в практический оборот понятия «повестка дня» («*agenda*») – набор сюжетов и проблем, считающихся наиболее важными в тот или иной отрезок времени, и «установление повестки дня» («*agenda-setting*») – внедрение данного набора в сознание аудитории. Волнующие граждан проблемы были разделены на навязчивые (*obtrusive*), которые относятся к личному опыту граждан и привлекают к себе внимание без усилий со стороны средств массовой информации, и ненавязчивые (*unobtrusive*), информацию о которых аудитория получает исключительно по каналам массмедиа, поскольку по отношению к этим проблемам у людей нет личного

¹ Lang K., Lang G. The Mass Media and Voting // Reader in Public Opinion and Communication / eds. B. Berelson, M. Janowitz. N.Y., 1966. p. 232.

² Lang K., Lang G. The Mass Media and Voting // Reader in Public Opinion and Communication. N.Y., 1966.

³ McCombs M.E., Shaw D.L. The agenda-setting function of mass media // Public opinion quarterly. 1972. Vol. 36, N 2.

опыта; именно путем привлечения внимания к ненавязчивым проблемам реализуется механизм установления повестки дня¹. Очевидно, что большую часть политических проблем можно отнести именно к ненавязчивым, следовательно, к ним применим эффект установления повестки дня в полной мере. Кроме того, большую роль играет механизм интерпретации новости, основанный на проверке «социальной реальностью»: оценка применимости новости в будущем, сравнение ее с прошлым опытом, оценка надежности источников и так далее. Критическую же роль в конструировании восприятия гражданами значимости проблем играет их неформальная коммуникация с другими индивидами, в процессе которой оказывается возможным выделить смысл из новостного контента массмедиа².

Наряду с этим концепция установления повестки дня подразумевает выражение повестки массмедиа в «рейтингах важности» (*saliences*) проблем среди представителей аудитории. Американский политический исследователь Роберт Энтман вкладывает в понятие «*salience*» процесс вычленения и определения части информации как более значимой для аудитории и поэтому запоминающейся³. Очевидно, что благодаря «игре» с подобными «рейтингами значимости» медиа получают возможность изменять для аудитории картину ее социальной реальности, указывая на те или иные проблемы, обсуждающиеся политическими деятелями или планируемые к обсуждению в будущем. Позднее данная исследовательская идея получила свое развитие – восприятие важности той или иной информации было обозначено терминами «информированность» (*awareness*), «внимание» (*attention*) и «интерес» (*concern*)⁴.

Надо заметить, что М. Маккомбс и Д. Шоу, выпустившие в 1972 году первую статью о медийной повестке дня, очень далеко ушли от первоначальной концепции. Так, в статье «*New Directions in Agenda-*

¹ Matsaganis M., Payne J. G. Agenda setting in a culture of fear: The lasting effects of September 11 on American politics and journalism. *American Behavioral Scientist*, Vol. 49, 2005. P. 379–392.

² Erbring L., Goldenberg E.N., Miller A.H. Front-page news and real-world cues: A new look at agenda-setting by the media // *American Journal of Political Science*, Vol. 24, 1980. P. 17.

³ Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of Communication*, № 43(4), 1993. P. 51–58.

⁴ Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models // *Journal of Communication*, Vol. 57, 2007. P. 9–20.

Setting Theory and Research»¹ констатируется необходимость учета для понимания процесса формирования повестки дня индивидуальных особенностей журналистов и психологических факторов каждого человека. Другими словами, личная повестка дня возникает как интимный, зачастую бессознательный процесс заимствования из разных источников элементов картины мира, удовлетворяющей данного индивида.

Как выяснили М. Маккомбс и Д. Шоу, «установление повестки дня» происходит во многом независимо от реального положения вещей. Поэтому «эффект установления повестки дня» иначе определяется как «акт веры в суждения средств массовой информации»². Однако эту веру нельзя назвать слепой и беспредельной: средства массовой информации эффективно воздействуют на аудиторию именно тогда, когда работают с проблемами и сюжетами, выходящими за пределы личного опыта членов аудитории, и значительно менее эффективны, когда речь идет о проблемах, с которыми люди непосредственно сталкиваются в повседневной жизни.

Как сформулировали М. Маккомбс и Д. Шоу, существуют «сильные позитивные корреляции (между медиаповесткой и системой приоритетов аудитории) в отношении ненавязчивых проблем и слабые и в основном негативные корреляции в отношении навязчивых проблем»³. Иными словами, эффект установления повестки дня принципиально ограничен. Теория «установления повестки дня» предполагает, что средства массовой информации весьма успешно ранжируют в сознании аудитории ненавязчивые, но значимые проблемы, но не могут скрыть действительно существующие проблемы, знакомые каждому по личному опыту, и не могут задавать приоритеты и стандарты на пустом месте.

Авторы коллективной монографии «Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания» полагают, что термин «повестка дня» не отражает ни сущностных свойств

¹ McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. New Directions in Agenda-Setting Theory and Research // Mass Communication & Society. 2014. 17. P. 781–802.

² McCombs. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. N.Y., 1981. P. 43

³Ibid. P. 101.

самого процесса фильтрации, ни его результатов. Основываясь на понимании процесса фильтрации не как механического, т. е. предполагающего составление некоего перечня актуальных событий для медиаре-презентации, а как ментально-когнитивного, они предлагают использовать для обозначения этого медиафеномена термин «селект». Под селектом они понимают вербализованный результат ментально-когнитивной деятельности группы индивидов по сбору, отбору и обработке информации о социальной и природной реальности, поступающей из различных информационных источников с целью ее дальнейшей медиации¹.

Информационные источники, обеспечивающие формирование селекта, условно делятся на две группы. К первой группе источников относятся те, что находятся вне средства массовой информации (международные, общенациональные, региональные информационные агентства), а ко второй – те, которые имеются внутри медиа (журналисты, корреспонденты, фоторепортеры и т. д.). Так, например, для российских СМИ источником информации являются данные, которые распространяют государственные информационные агентства ИТАР-ТАСС и АПН и крупные коммерческие агентства – Интерфакс и др. Источником официальной информации являются государственные органы: Президент РФ и его администрация, правительство страны, Государственная Дума и Совет Федерации, Конституционный суд и Верховный суд и другие официальные институты.

Когнитивные изменения у индивидов могут происходить также под влиянием других параметров селекта, связанных, например, с диапазоном репрезентируемых событий, структурой репрезентаций, порядком их следования (телевидение, радио), их пространственным расположением (печатные, гипертекстовые медиа). Было отмечено, что последовательность предъявления селективов имеет для индивида когнитивный характер, так как особенно на телевидении порядок освещения новостей осуществляется по принципу «от более значительного к менее значительному» – схема, которая со временем встраивается в когнитивную систему индивида. Отсюда следует вывод о том, что

¹ Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания. Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2003 год. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/76.htm>.

структура представления определенной информации ведет к образованию у реципиентов устойчивых познавательных структур.

Однако общий вывод, к которому приходят авторы цитированной выше монографии, ничем не отличается от выводов М. Маккумбса и Д. Шоу: именно СМИ превращают одни события в важные и существенные, а другие – в малозначительные и не заслуживающие внимания.

Дальнейшее развитие теория повестки дня получила в таких концепциях, как *priming*, *framing*, *attribute agenda setting*, *intermedia influence*, складывающихся с начала 1990-х годов. Необходимо выделить существенные особенности данных концепций.

Установление повестки дня в рамках концепции **priming** подразумевает ситуацию, когда аудитория воспринимает предлагаемые средствами массовой информации темы и проблемы, касающиеся деятельности представителей политической элиты, как основание для формирования своего отношения к данным представителям власти¹. Поднимаемые средствами массовой информации темы расцениваются населением как наиболее важные для оценки политиков и их программ. Так, в 1993 году американские исследователи Айенгар и Саймонс проанализировали освещение тех или иных вопросов в телевизионном новостном эфире и пришли к выводу, что выделяемые массмедиа как наиболее важные темы (в начале 90-х годов прошлого века это была внешняя политика) оказываются более влиятельны в процессе выработки аудиторией оценок относительно действий президента².

Позже была выдвинута гипотеза о влиянии интерпретации подаваемых средствами массовой информации на суд аудитории проблем на процесс формирования повестки дня. Подобные механизмы интерпретации составили основу концепции **framing**. Средства массовой информации в целях воздействия на массовое сознание зачастую прибегают к использованию теории фреймов, эффективная работа которой на практике подразумевает восприятие аудиторией предлагаемых ей

¹ Scheufele D.A. Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication // *Mass Communication and Society*, № 3, 2000. P. 297.

² Iyengar S., Simon A.F. News coverage of the Gulf War and public opinion: a study of agenda-setting, priming, and framing // *Communication Research*, Vol. 20, 1993. P. 365–383.

новостей и сюжетов в рамках заранее известных контекстов. Использование грамотно расставленных смысловых ориентиров, приводящих к закреплению в сознании населения определенных смысловых связей – контекстов, позволяет массмедиа благодаря возникновению фреймов эффективно управлять общественным вниманием, добиваясь понимания определенных проблем или используя фреймы для связывания отдельных новостных элементов в стройную картину окружающей действительности.

На сегодняшний день самый большой теоретический вклад в изучение теории фреймов и ее функционирования в средствах массовой информации внес Роберт Энтман. Разрабатываемая им на протяжении нескольких десятилетий проблема контекстуализации новостных сюжетов явилась альтернативным теории установления повестки дня взглядом на воздействие СМИ на массовое сознание¹.

Согласно теории фреймов, воздействие средств массовой информации и специфика подачи ими новостного материала на суд аудитории приводит к восприятию получаемой информации гражданами согласно сложившимся в их сознании предварительным рамочным представлениям. Кроме того, аудитория может самостоятельно формировать фреймы – связывать получаемую информацию с предыдущими сведениями, конструируя при этом некий контекст событий, который оказывает влияние на общее восприятие окружающей индивида действительности. Соответственно, из возникающих когнитивных схем или фреймов в сознании индивида складывается определенная база, благодаря которой впоследствии формируются реакции на политическую или иную коммуникацию.

Анализируя специфику политического фрейминга, Р. Энтман указывает на значимость временного фактора для определения последовательности закрепления в массовом сознании определенных контекстных конструкций. На примере американской президентской кампании 2008 года исследователь демонстрирует, как и в какой последовательности сконструированные фреймы активировались во времени

¹ См. работы: Entman R. M. Cascading activation: Contesting the white house's frame after 9/11 // *Political Communication*, № 20, 2003. P. 415–432; Entman R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of Communication*, № 43(4), 1993. P. 51–58; Entman R.M. Media framing biases and political power: Explaining slant in news of Campaign 2008 // *Journalism*, № 11 (4), 2010. P. 389–408.

(периоды t1, t2 и t3) с последующим воздействием на определенную «принимающую данный фрейм» группу. Работа теории фреймов в политической сфере на примере прошедшей кампании может быть отражена на следующей схеме (рис. 11).

Рис. 11. Процесс политического фрейминга

Данная схема демонстрирует не только конкретный эпизод внутренней политики США, но дает представление об общих закономерностях «спуска» фреймов по каскадам в сторону тех или иных аудиторий¹.

Как видно на данной схеме, установление фреймов в обществе происходит на нескольких уровнях: фреймы закрепляются в сознании отдельных индивидов, что влияет на формирование общественного мнения, благодаря постоянной циркуляции устойчивых контекстов фреймы закрепляются в текстах коммуникации, далее – в сообществах коммуникаторов, состоящих как из профессиональных коммуникаторов, так и представителей различных элит, и наконец, данный процесс закрепления когнитивных стереотипов закрепляется в культурных ориентациях. Культура, таким образом, оказывается последним, но главным хранилищем всех фреймов, которые заложены в общественное сознание и многократно воспроизводятся в художественной литературе, кинематографе, информационных продуктах и, конечно, в транслируемых силами массмедиа новостных сюжетах.

Р. Энтман подчеркивает важность учета времени внедрения фреймов и тот факт, что по мере развития событий сами фреймы могут оказывать влияние на взаимодействие политических элит, объединять или разделять их, что само по себе способно привести к обогащению медийного контента и оказать потенциальное влияние на развитие политического процесса в дальнейшем. Последствия для коммуникации в рамках политического процесса определяет также и конкретный способ, который используют средства массовой информации для создания фреймов в новостных сюжетах – апелляция к конфликту; акцент на темы, стоящие в центре общественного интереса, и персонализация политических деятелей; упор на последствия каких-либо событий; нравственное поучение и, наконец, призывание к ответственности.

¹ Entman R.M. Media framing biases and political power: Explaining slant in news of Campaign 2008 // Journalism, № 11 (4), 2010. P. 401.

Неким логичным продолжением разрабатываемых теорий явилось выдвижение концепции **attribute agenda setting**, заключающейся в выделении атрибутов повестки дня¹. Данное направление исследований похоже на концепцию *framing*, однако концентрируется именно на выделении отдельных атрибутов, аспектов какой-либо проблемы при освещении ее в средствах массовой информации. В одном и том же событии или явлении можно одновременно найти как хорошее, так и плохое – что именно будет выдвинуто на первый план, то и будет рассматриваться аудиторией как наиболее существенное. Кроме того, здесь оказывается задействован хорошо известный психологический механизм, когда аудитория лучше всего запоминает именно последнюю услышанную или прочитанную информацию, которая ее заинтересовала.

Задача заключается лишь в определенном выделении атрибутов повестки дня.

Наконец, в отдельную концепцию выделяется анализ того, как различные средства массовой информации влияют друг на друга. Концепция **intermedia influence** (интермедийное влияние) подчеркивает взаимовлияние СМИ при установлении повестки дня².

Во-вторых, для наглядного представления различий между концепцией установления повестки дня в ее классическом варианте, а также появившимися позже концепциями *priming* и *framing* уместно будет привести сравнительную таблицу из книги «Массмедиа и политика: перспектива в общественной науке» американской исследовательницы Дж. Лигли (табл. 3)³.

¹ McCombs M., Lopez-Escobar E., Llamas J. P. Setting the agenda of attributes in the 1996 Spanish general election // *Journal of Communication*, № 50 (2), 2000. P. 77–92.

² Roberts M., McCombs M. Agenda setting and political advertising: Origins of the news agenda // *Political Communication*, № 11 (3), 1994. P. 249–262.

³ Leighley Jan E. *Mass Media and Politics: A Social Science Perspective*. Boston: HoughtonMifflinCompany, 2004. P. 179.

Таблица 3

Сравнение концепций установления повестки дня, *priming* и *framing*

Концепция	Эмпирический прогноз	Политическое значение
Формирование повестки дня	Внимание, уделяемое проблемам в СМИ, обуславливает приоритет проблем у индивидов	Выбор СМИ проблем для освещения определяет внимание общества к действиям правительства по данным проблемам
Priming	Внимание и осведомленность индивидов в большей степени основывается на тех проблемах и вопросах, которые были освещены в СМИ, нежели на тех, что были проигнорированы в медиа	Голосование за кандидатов на выборах основывается на проблемах, которые были освещены в СМИ
Framing	Отношение индивидов к проблемам соотносится с тем, <i>как</i> они были преподнесены в СМИ	Поддержка гражданами тех или иных действий правительства и политиков согласуется с тем, <i>как</i> СМИ интерпретирует данные вопросы

Как видно из приведенной таблицы, концепции *priming* и *framing* можно считать естественным продолжением теории установления повестки дня, а разница данных концепций заключается в политических последствиях, к которым они приводят на практике:

- в рамках классического установления повестки дня внимание общества приковано к тем аспектам деятельности правящей элиты, которые посчитали нужным осветить средства массовой информации;
- концепция *priming* устанавливает связь между освещаемыми СМИ аспектами деятельности политиков и реальным восприятием этих аспектов аудиторией как самых важных при принятии решения о голосовании за политических кандидатов;
- концепция *framing* устанавливает четкую связь между восприятием индивидом деятельности правительства и членов политической элиты с тем, как они изображены в СМИ, то есть огромную роль играет интерпретация информации.

Что касается российских исследователей, то они также приложили немало усилий, чтобы прояснить особенности процесса влияния на сознание и поведение различных групп аудитории посредством формирования повестки дня. Проводимые российскими учеными исследования показывают, что телевидение по-прежнему остается монополистом в области формирования общественно-политической повестки дня среди населения, несмотря на растущее с каждым днем количество интернет-пользователей. По данным исследования, проведенного «Левада-центром», 90 % россиян узнают новости из телевизора, большая часть зрителей доверяет всему услышанному – 65 % в Москве и 50 % в среднем по России. К числу самых популярных каналов относятся «Первый» (82 %), «Россия 1» (71 %) и «НТВ» (48 %). При этом 70 % населения считают, что федеральные каналы освещают события объективно. Специалисты аналитического центра объясняют это постоянством присутствия темы в повестке дня: «Чем дольше телезрителям повторяют одну и ту же информацию, пытаются внушить определенную трактовку событий, тем больше они в нее начинают верить. <...> В условиях отсутствия альтернативного источника информации все больше и больше людей с течением времени верит в объективность телевизионных СМИ»¹.

В современном обществе особое значение обретает вопрос специфики формирования повестки дня в условиях появления и распространения новых медиа, подразумевающих синтез традиционных медиа с новейшими компьютерными технологиями. Под **новыми медиа** мы понимаем не только и не столько генерируемую посредством технологических новинок цифровую информацию, но скорее некое пространство, где эта информация курсирует, подразумевающее установление интерактивной связи с аудиторией.

С началом XXI века у граждан появляется все больше возможностей выразить свое мнение и, как следствие, новые возможности участия. Опыт американской политической борьбы подтверждает большую роль блогов и социальных сетей, как в первую очередь пространства для взаимодействия с молодой аудиторией, в успешном проведе-

¹ Епифанова М. Россия тонет в телеволнах // Новая газета, выпуск № 66 от 20 июня 2014.

нии выборов, как губернаторских, так и президентских. Меняются отношения субъекта и объекта в процессе формирования повестки дня в новых медиа. Теперь каждый пользователь может быть создателем информации и ее транслятором, тем самым оказывая непосредственное, личное, влияние на политическую повестку дня. Поэтому повышается уровень участия, заинтересованных в формировании политических решений граждан. Новые медиа, агрегируя и выражая мнения, служат ориентиром не только для пользователей с активной гражданской позицией и самих журналистов, но и для представителей политической элиты страны. Пользователи получили неограниченный никакими внешними фильтрами, кроме собственного интереса, доступ к информации и вход в пространство ее публичного обсуждения. Благодаря предоставляемой новыми технологиями возможности прямого участия пользователи имеют все основания для определения не только общественной, но и политической повестки дня: стало возможным связаться напрямую с представителями политической элиты посредством социальных сетей или участвовать в скоординированном через интернет антиправительственном движении. Создаются все предпосылки для реализации на практике идеи прямой демократии, демократии участия.

Традиционные средства массовой информации уступают новым медиа по скорости генерации и распространения информации: пользователи сами создают контент, который при этом не зависит ни от редакционной политики, ни от указаний политической элиты, ни от коммерческой выгоды. Можно утверждать, что скорость передачи информации и ее независимость являются одними из основных особенностей формирования повестки дня силами новых медиа.

По аналогии с традиционными средствами массовой информации, которые задают повестку дня, в виртуальном пространстве тоже существуют лидеры мнений, представленные видными блоггерами, экспертами, журналистами – авторитетными в своей области деятельности специалистами, с которыми «линкуются» (от англ. *link* – ссылка), на которых ссылаются в своих суждениях обычные пользователи. Установление связей с такими авторитетами в рамках виртуального пространства посредством использования гиперссылок является мерилем тесноты контактов и связей в рамках интернет-сообществ. Именно ги-

перссылки указывают на наиболее востребованную, популярную и релевантную информацию, выполняя тем самым роль механизма *gate-keeping*'а в ее своеобразном виртуальном варианте¹.

Данные лидеры мнений (эксперты, журналисты, блоггеры) дают возможность пользователям потреблять заранее отобранную и релевантную информацию по тем или иным вопросам. При этом важно понимать следующее: новые медиа, выводя на поверхность обсуждений вопросы, пропущенные традиционными средствами массовой информации, способствуют определению важных социальных проблем, неких смыслозначимых позиций, которые затем трансформируются в повестку дня традиционных средств массовых коммуникаций. Особенности повестки дня в новых медиа анализируются в работах таких исследователей, как Г. Фарелл, Д. Дрезнер, Д. Вудли и других². Кто станет определять «реальную» повестку дня в будущем – традиционные средства массовой коммуникации или новые медиа – вопрос, который остается открытым для исследователей³.

Некоторые исследователи полагают, что появление новых медиа как некоего пространства, где происходит синтез традиционных медиа с новейшими компьютерными технологиями, во многом меняет процесс установления повестки дня, что обусловлено повышением уровня участия граждан, заинтересованных в формировании политических решений. Благодаря предоставляемой новыми технологиями возможности прямого участия пользователи могут не только участвовать в формировании как общественной, так и политической повестки дня, но и способствовать своими действиями повышению уровня прозрачности «реальной» повестки дня. Своевременная реакция виртуальной «общественности» – критически мыслящих пользователей сети Интернет с активной гражданской позицией – способна привести благодаря организации на базе новых медиа дискуссий по острым социальным и политическим вопросам к актуализации обсуждаемых в сети Интернет

¹ Adamic L., Glance N. The political blogosphere and the 2004 U.S. election: Devided the blog. 2005.

² Adamic L., Glance N. The political blogosphere and the 2004 U.S. election: Devided the blog. 2005; Farrell H., Drezner D. The Power and Politics of Blogs // Public Choice, № 134. 2008. P. 15–30; Woodly D. New Competencies in Democratic Communication? Blogs, agenda setting and political participation // Public Choice, Vol. 134. 2008. P. 109–123.

³ McCombs M. A look at agenda-setting: Past, present and future // Journalism Studies № 6, 2005. P. 546.

проблем, часто «замалчиваемых» традиционными средствами массовой информации.

Однако американские политологи Г. Фарелл и Д. Дрезнер считают, что новые медиа способны оказывать лишь опосредованное влияние на политические решения, потому что для оказания реального влияния в виртуальном пространстве должен быть налажен прямой диалог между представителями власти и политической элиты и простыми гражданами¹. Среди исследователей существует и более негативная точка зрения на роль новых медиа в вопросе формирования повестки дня. Так, американская исследовательница Д. Вудли считает возложенные на сеть Интернет ожидания по превращению его в некий медиум массовой коммуникации не оправдавшимися². Несмотря на колоссальную скорость распространения информации, наличие обратной связи и множества альтернативных источников получения независимых данных складывается ситуация «усталости» пользователей от переизбытка информации. Пользователи вынуждены тратить свое время на поиск действительно релевантной информации по тому или иному вопросу повестки дня.

Расхождения между предлагаемой медиа повесткой дня и реальными интересами аудитории

Нами было проведено специальное исследование, целью которого было выявить внутриличностную иерархию сфер действительности, интересующих представителей разных групп аудитории и определить связь этой иерархии с различными социальными и психологическими особенностями индивидов³.

Результаты исследования позволили существенно уточнить представления о взаимодействии повестки дня, предлагаемой массмедиа, и теми явлениями и проблемами действительности, которые реально интересуют и волнуют представителей разных аудиторных групп.

¹ См.: Farrell H., Drezner D. The Power and Politics of Blogs // Public Choice, № 134. 2008. P. 15–30.

² См.: Woodly D. New Competencies in Democratic Communication? Blogs, agenda setting and political participation // Public Choice, Vol. 134. 2008. P. 109–123.

³ Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Личная повестка дня: Исследуем приоритеты аудитории // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск. 2017. Т. 6. № 4.

Так, например, наиболее значимой для себя респонденты считают информацию о родственниках, друзьях и знакомых. То есть первые три позиции занимают конкретные люди, которые входят в ближайшее окружение опрошенных. Зато потом идут Россия, город, в котором они живут, мир в целом. А уже за этими территориальными интересами следует информация о сослуживцах и отдельных странах (в порядке убывания): США, Франция, Китай, Германия, Украина, Великобритания, Япония, Италия, Канада, Испания, Турция, Таиланд, Сирия и др. Этот перечень свидетельствует о том, что люди считают значимой для себя информацию о странах, которые часто становятся предметом интереса СМИ; о странах, в которых живут их родственники, друзья, близкие знакомые; также о странах – потенциальных объектах туризма и отдыха. Удивительно, но ситуация в микрорайоне (если речь идет о большом городе) или в районном центре, в котором живут участники опроса, практически никакого интереса для них не представляет (табл. 4).

Таблица 4

**Значимость получения информации
по различным сферам действительности**

Сферы действительности	Средний ранг	Ранговое место
Родственники: муж, жена, дети, родители	2,5	1
Близкие друзья	2,8	2
Хорошие знакомые	4,1	3
Россия в целом	4,5	4
Ситуация в городе, в котором вы живете	4,8	5
Мир в целом	5,0	6
Сослуживцы	5,4	7
Другие страны	5,5	8
Ситуация в микрорайоне	5,7	9
Ситуация в регионе (области, крае, республике)	5,8	10

Обращаясь к рассмотрению значимости получения информации по различным сферам действительности для респондентов разных возрастов, прежде всего следует обратить внимание на самую старшую

возрастную группу (табл. 5). Представителей этой группы в минимальной степени интересуют события мирового масштаба и жизнь сослуживцев (можно предположить, что значительная часть этих респондентов – либо неработающие пенсионеры, либо достаточно сильно погруженные в собственные дела и проблемы родных и друзей люди для того, чтобы интересоваться жизнью не очень близких людей). Зато ситуация в городе и микрорайоне их интересует в большей степени, чем более молодых респондентов. По остальным сферам действительности существенных расхождений не наблюдается. Также можно отметить тот факт, что молодые люди (22–34 года) совсем не считают для себя интересной информацию о том, что происходит в регионе их проживания.

Таблица 5

**Значимость получения информации
по различным сферам действительности для респондентов
разных возрастных групп (ранговое место)**

Сферы действительности	До 21 года	22–34 года	35– 55 лет	Более 55 лет
Родственники: муж, жена, дети, родители	2	1	1	1
Близкие друзья	1	2	2	2
Хорошие знакомые	3	3	3	6
Сослуживцы	7	7	6	10
Ситуация в микрорайоне	10	9	10	5
Ситуация в городе, в котором вы живете	6	6	5	3
Ситуация в регионе (области, крае, республике)	8	10	8	7
Россия в целом	4	4	4	4
Другие страны	9	8	9	8
Мир в целом	5	5	7	9

Определенная зависимость наблюдается между интересом к разным сферам действительности и уровнем образования респондентов

(табл. 6). Так, участники опроса, имеющие ученую степень, меньше, чем все остальные, интересуются ситуацией в микрорайоне и в городе и собственными родственниками. Зато дела сослуживцев (собратьев по науке и коллег по преподавательской деятельности) интересуют их в первую очередь. В этом они похожи на респондентов с высшим журналистским образованием, которые поставили значимость информации о сослуживцах на второе ранговое место. При этом участники опроса, имеющие журналистское образование (и – можно предположить – работающие по профессии) мало интересуются другими странами, общероссийскими проблемами и ситуацией в микрорайоне. В большей степени они считают для себя значимой информацию о событиях, происходящих в мире и в городе.

Таблица 6

**Значимость получения информации по различным сферам
действительности для респондентов
с разным уровнем образования (ранговое место)**

Сферы действительности	Среднее, среднее специальное	Высшее журналистское	Высшее гуманитарное	Высшее техническое	Ученая степень
Родственники: муж, жена, дети, родители	2	1	1	1	7
Близкие друзья	1	4	2	2	2
Хорошие знакомые	3	3	3	3	3
Сослуживцы	6	2	8	9	1
Ситуация в микрорайоне	8	9	9	7	10
Ситуация в городе, в котором вы живете	5	6	6	5	9
Ситуация в регионе (области, крае, республике)	9	7	10	6	8
Россия в целом	4	8	4	4	4
Другие страны	10	10	7	10	6
Мир в целом	7	5	5	8	5

Должностной статус работающих респондентов также влияет на оценку значимости информации о различных сферах действительности. Рядовые работники в большей степени, чем руководящие, интересуются делами своих сослуживцев (можно предположить, что этот интерес продиктован карьерными соображениями или технологической связанностью производственного процесса), общероссийской ситуацией и тем, что происходит в мире. Существенной разницы в информационных приоритетах руководителей высшего и среднего звена не наблюдается (табл. 7).

Следующий вопрос анкеты был посвящен выяснению того, какого типа информацию (описание, комментирование или анализ) респонденты заинтересованы получать о значимых для них сферах действительности. Участникам опроса было предложено обозначить цифрой *1* наиболее важный для них тип сообщения; цифрой *2* – менее важный тип материала; цифрой *3* – тип материала, который для данной сферы действительности представляется им наименее важным.

Таблица 7

**Значимость получения информации
по различным сферам действительности для респондентов
с разным должностным статусом (средний ранг)**

Сферы действительности	Руководители высшего звена	Руководители среднего звена	Рядовые работники
Родственники: муж, жена, дети, родители	1	1	1
Близкие друзья	2	2	2
Хорошие знакомые	4	3	3
Сослуживцы	8	8	5
Ситуация в микрорайне	6	6	9
Ситуация в городе, в кото- ром вы живете	3	4	8
Ситуация в регионе (обла- сти, крае, республике)	7	7	10
Россия в целом	5	5	4
Другие страны	9	10	7
Мир в целом	10	9	6

Данные, приведенные в табл. 8, свидетельствуют о том, что практически по всем сферам действительности участники опроса предпочитают получать только описание событий, проблем, конфликтов и пр. И лишь о родственниках и друзьях респонденты хотели бы иметь комментарии и анализ (можно предположить, что речь идет о желании иметь оценку и объяснение различных поступков близких людей, их причин и мотивов). Что касается аналитических материалов, то в территориальном плане ими больше всего интересуются применительно к ситуациям в городе проживания и в России в целом.

Таблица 8

Степень заинтересованности в получении сообщений, содержащих описание, комментариев или анализ по разным сферам действительности (ранговое место – по горизонтали)

Сферы действительности	Описание событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.	Комментирование событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.	Анализ, выявление и осмысление глубинных закономерностей событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.
Родственники: муж, жена, дети, родители	3	1	2
Близкие друзья	3	1	2
Хорошие знакомые	1	2	3
Сослуживцы	1	2	3
Ситуация в микрорайоне	1	2	3
Ситуация в городе, в котором вы живете	1	3	2
Ситуация в регионе (области, крае, республике)	1	2	3
Россия в целом	1	3	2
Другие страны	1	2	3
Мир в целом	1	2	3

Если сравнивать заинтересованность мужчин и женщин в сообщениях разных типов по поводу различных сфер действительности, то можно обнаружить, что на первое ранговое место несколько большее количество женщин поставило ОПИСАНИЕ ситуации в микрорайоне, в городе, в регионе и в мире в целом. Что касается КОММЕНТИРОВАНИЯ, то мужчины по всем сферам действительности заинтересованы в нем больше, чем женщины. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД в большей степени, чем мужчин, интересуется женщин, когда речь идет о сослуживцах, хороших знакомых и друзьях (табл. 9).

Таблица 9

Распределение высокой заинтересованности в получении сообщений, содержащих описание, комментарий или анализ по разным сферам действительности у мужчин и женщин (% к числу респондентов, выбравших первую ранговую позицию каждого типа сообщения)

Сферы действительности	Описание событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.		Комментирование событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.		Анализ, выявление и осмысление глубинных закономерностей событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Родственники: муж, жена, дети, родители	66,7	54,8	43,3	19,2	50,0	38,4
Близкие друзья	53,3	45,2	43,3	26,0	36,7	37,0
Хорошие знакомые	33,3	27,4	16,7	13,7	16,7	20,5
Сослуживцы	30,0	31,5	20,0	17,8	13,3	23,3
Ситуация в микрорайоне	23,3	34,2	16,7	11,0	16,7	11,0

Окончание табл. 9

Сферы действительности	Описание событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.		Комментирование событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.		Анализ, выявление и осмысление глубинных закономерностей событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Ситуация в городе, в котором вы живете	40,0	45,2	30,0	20,5	23,3	20,5
Ситуация в регионе (области, крае, республике)	26,7	34,2	20,0	15,1	20,0	15,1
Россия в целом	56,7	47,9	33,3	28,8	33,3	31,5
Другие страны	56,7	45,2	36,7	26,0	40,0	26,0
Мир в целом	46,7	47,9	30,0	20,5	36,7	31,5

Есть некоторая разница в заинтересованности респондентов с разным должностным статусом. Так, например, руководителей среднего звена в большей степени интересует ОПИСАНИЕ событий, проблем, конфликтов, относящихся, с одной стороны, к родственникам, а с другой – происходящих в России и других странах мира. В КОММЕНТАРИЯХ по поводу ситуаций, в которые попадают близкие друзья, а также по поводу того, что происходит в микрорайоне и в России, в большей степени заинтересованы руководители высшего звена. Они же чаще всего интересуются АНАЛИЗОМ действий родственников и друзей.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать предварительный вывод о том, что личная повестка дня представляет собой значительно более сложное явление, нежели это описывается в существующих на сегодняшний день концептуальных наработках. Она формируется индивидом в процессе активного взаимодействия с массивом данных, предлагаемых медиа. Однако в сознании индивида есть исходная, довольно жесткая матрица, обеспечивающая и отбор, и иерархизацию сведений, поступающих из массмедиа и других источников.

Это означает, что любая повестка дня, которую СМИ вводят в общественный оборот, на уровне индивидуального сознания переструктурируется. Каждое событие, каждая проблема, заявляемые СМИ в качестве важных, получают в сознании индивида свой «индекс важности», чаще всего не совпадающий с навязываемыми индексами.

Вполне вероятно, что эти информационные приоритеты выступают в роли защитных фильтров, оберегающих индивида от манипулятивного воздействия СМИ.

Данные устойчивые приоритеты личности связаны с принадлежностью к определенной религиозной, профессиональной, этнической группе, социальным статусом, психологическими особенностями и некоторыми другими факторами, которые нуждаются в отдельном исследовании.

Заинтересованность респондентов с разным должностным статусом представлена в таблице (табл. 10).

Таблица 10

Распределение высокой заинтересованности в получении сообщений, содержащих описание, комментариев или анализ по разным сферам действительности у респондентов с разным должностным статусом (% к числу респондентов, выбравших первую ранговую позицию каждого типа сообщения)

Сферы действительности	Описание событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.			Комментирование событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.			Анализ, выявление и осмысление глубинных закономерностей событий, происшествий, проблем, конфликтов и др.		
	Руководитель высшего звена	Руководитель среднего звена	Рядовой ботник	Руководитель высшего звена	Руководитель среднего звена	Рядовой ботник	Руководитель высшего звена	Руководитель среднего звена	Рядовой ботник
Родственники: муж, жена, дети, родители	58,3	72,7	56,1	25,0	18,2	24,4	50,0	36,4	41,5
Близкие друзья	41,7	54,5	51,2	33,3	27,3	22,0	50,0	45,5	31,7
Хорошие знакомые	33,3	27,3	29,3	16,7	18,2	17,1	8,3	27,3	19,5
Сослуживцы	25,0	45,5	34,1	8,3	27,3	19,5	33,3	36,4	17,1
Ситуация в микрорайоне	33,3	18,2	36,6	16,7	9,1	7,3	8,3	9,1	7,3
Ситуация в городе, в котором вы живете	41,7	27,3	41,5	25,0	27,3	14,6	16,7	27,3	14,6
Ситуация в регионе (области, крае, республике)	25,0	27,3	34,1	16,7	36,4	12,2	8,3	9,1	17,1
Россия в целом	50,0	81,8	36,6	33,3	27,3	22,0	25,0	27,3	26,8
Другие страны	33,3	63,6	36,6	25,0	18,2	26,8	16,7	45,5	24,4
Мир в целом	50,0	72,7	34,1	16,7	18,2	12,2	25,0	27,3	29,3

Подводя предварительные итоги, можно уже сейчас можно сделать весьма важные выводы.

- Пресса и другие средства массовой информации не отражают реальность; фильтруя поступающую информацию, массмедиа формируют представление о реальности. Эти представления структурируются повесткой дня, понимаемой как ограниченный комплекс важных – с точки зрения медиа и стоящих за ними сил – проблем и событий.

- Медийная повестка дня в своей основе определяется интересами элит, включая журналистскую элиту. Те, кто контролируют СМИ, решают, что должно сообщаться публике. Руководители СМИ, связанные социальными и личными отношениями с разными группами элит, принимают решения по поводу того, о чем должны знать люди, о чем они должны думать и какие проблемы они должны считать более важными, а какие менее. С этой точки зрения средства массовой коммуникации – руководители каналов, редакторы, режиссеры, журналисты – выступают в роли сервисной службы элит.

- В цепочке элементов, создающих повестку дня и медиареальность, большую роль играют специально создаваемые события типа «Прямой линии с президентом». При этом запланированность, отрепетированность и специальный отбор «народных» участников – эти видимые глазу имитационные технологии прекрасно осознаются любой аудиторией, что превращает такие события в ритуальный элемент медиареальности, не воспринимаемый массовой аудиторией в качестве значимого элемента свой картины действительности, им не мешает.

- Вместе с тем, помимо важных для элит тем и проблем, в информационную повестку дня включаются темы и проблемы общего интереса, отбор которых осуществляется самими журналистами на основании критериев, о которых писал Бурдье: драматичность, сенсационность, зрелищность, постоянное стремление к новизне, зависимость от других средств массовой информации.

- Концентрация тем в средствах массовой информации по нескольким вопросам и субъектам приводит к тому, что эти темы и субъекты действительно становятся предметом группового и межличностного общения, но не всегда затрагивают глубинные интересы людей, делающих вид, что поднимаемые СМИ проблемы их волнуют.

- Любое коммуникативное действие опосредовано обязательными нормами, которыми определяются взаимные поведенческие ожидания и которые должны пониматься и признаваться, по крайней мере, двумя субъектами, осуществляющими коммуникацию. В свою очередь, профессиональные стандарты, личные, профессиональные и корпоративные интересы производителей контента определяются состоянием общества (духовным, политическим, экономическим), следовательно, и содержательно-формальные характеристики медиареальности коррелируют с жизнью общества и системой его ценностей. Таким образом, без риска ошибиться можно утверждать, что медиаконтент (он же медиареальность) обусловлен экономическим, политическим, культурным, историческим дискурсами общества, их движением и развитием, которые определяют контекстуальную сторону содержания коммуникаций. Если сказать грубее – «неча на зеркало пенять...».

- Главное отличие сегодняшней ситуации от той, какой она была во времена Гомера или Гутенберга, заключается в том, что количество производителей образов и смыслов практически сравнялось с количеством потребителей этих продуктов. Сегодня в мировом производстве разнообразных медиапродуктов участвуют сотни миллионов, а может быть, и миллиарды авторов. При этом значительно возрастает роль посредников, в качестве которых выступают мощные информационно-коммуникационные системы, благодаря которым субъект наблюдает уже не события, а наблюдения за событиями, «на всех уровнях произошло слияние двух ранее разделенных сфер – мира и картины мира – до неразличимости»¹.

Критический анализ медиареальности

Качество медиапродуктов, образующих основное содержание современной медиареальности, вызывает у многих практиков и исследователей, которые оценивают его с точки зрения влияния на культурное и нравственное состояние общества, вполне обоснованное негодование.

¹ Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины. Основные проблемы и понятия. СПб., 2008. С. 39.

В проведенном авторами этой книги на ряде факультетов журналистики исследовании студентам старших курсов было предложено написать эссе на тему «В чем обвиняют журналистику?», в которых они не только формулировали свои претензии к профессии, но и приводили примеры из различных СМИ. Результаты трехлетнего исследования оказались ошеломляющими¹. Выяснилось, что студенты прекрасно осведомлены об основных пунктах общественного негодования по поводу СМИ. И не просто осведомлены, но и – как правило – полностью разделяют этот гнев. Что же именно возмущает будущих корифеев клавиатуры, микрофона и камеры в деятельности российских СМИ?

Для обозначения предметов негодования используем понятие «смертный грех». Этим понятием в христианстве обозначают грехи, которые ведут к гибели души. Есть еще одно любопытное толкование. «По слову преподобного Иоанна Лествичника, смертный грех – это грех, который не признают грехом и в котором не хотят каяться». Не будем вдаваться в рассмотрение тех страстей, которые смертными грехами считают священнослужители, а сразу перейдем к профессиональным грехам. Первая десятка претензий к СМИ выглядит следующим образом (табл. 11)².

¹ См.: Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Десять «смертных грехов» журналистики глазами будущих журналистов // Медиаскоп. 2011. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/952>.

² Подробнее см.: Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Десять «смертных грехов» журналистики глазами будущих журналистов // Медиаскоп. 2011. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/952>.

Таблица 11

Иерархия претензий, предъявляемых к журналистике
(% к числу опрошенных)

№	Название «греха»	%
1	Вторжение в частную жизнь	18,4
2	Навязывание недостоверной повестки дня. Создание иллюзорной картины мира	14,5
3	Формирование нереалистичных жизненных сценариев	12,3
4	Травматизация психики людей, формирование чувства страха и безысходности	12,3
5	Уничтожение репутации (нанесение урона репутации)	10,0
6	Разрушение моральных устоев	9,5
7	Разжигание социальной агрессии и нетерпимости	6,7
8	Засорение и отравление умов детей и подростков	6,2
9	Создание и навязывание стереотипных образов (идолов и отверженных)	5,0
10	Насаждение мракобесия (продвижение мистики)	5,0

Некоторые критически настроенные исследователи пишут о том, что медиатексты создают искусственно сконструированный мир, когда «реальность ... полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир»¹.

Особенно резкие оценки получает деятельность телевидения, в вину которому вменяется то, что телевидение в силу своей специфики не может вместить в себя всю жизнь – лишь то, что попадет в объектив камеры, то, что привлечет внимание журналиста. А значит, любое сообщение СМИ, даже самое беспристрастное, это уже не событие, а лишь его отражение. «Демонстрация реальности с помощью телевизи-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 351.

онной камеры и режиссерского монтажа, пусть совершенно „нейтрального“, внешне лишённого авторского подтекста, есть смоделированная реальность...¹».

Такое пристрастное отношение именно к телевидению объясняется тем, что телезритель верит показанной «картинке», возможно, даже больше, чем событиям, увиденным в жизни. Как отмечал М. Маклюэн в своей книге «Постижение массмедиа», сам характер или «форма» телевизионного сообщения, накладываясь на передаваемую информацию, существенно изменяет его: сообщение, переданное по телевизору, становится «телегенным»².

Более того, считается, что воспринимаемая зрителями как подлинная телевизионная реальность влияет на их действия и установки, на их поведение и тем самым формирует, меняет существующую реальность.

Восприятие телевизионной реальности имеет характерные особенности. В отличие от непосредственной коммуникации, здесь преобладает не синкретическая, а знаковая информация. И «при создании коммуникативного сообщения особое внимание начинает уделяться „конкурентоспособности“ данного сообщения в общем потоке информации, поэтому функция привлечения внимания в ряде случаев оказывается самоцелью. Это ведет к применению все более сильных стимулов, к усилению жесткости коммуникативного стиля. Ориентация на гиперстимул эмоционально „опускает“ уровень общения, снижает планку значимости информации, пассивизирует аудиторию³».

Особенности телевизионного восприятия непосредственно связаны с природой самого телевидения. «Телевизионный способ коммуникации является фундаментально новым средством, характерным своей соблазнительностью, сенсорной имитацией реальности и легкостью восприятия с наименьшим психологическим усилием»⁴. Исследователи⁵ убеждены: даже бурно развивающийся сейчас Интернет не

¹ Арутюнова Н.В. Образ реальности на телеэкране и избирательный процесс. М., 2003. С. 27.

² Маклюэн М. Постижение массмедиа. М., 2003.

³ Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. М., 2000. С. 195–196.

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 319.

⁵ Засурский И.И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. М., 2001.

скоро сможет сравниться с телевидением по своему влиянию. И дело не только в том, что по количеству пользователей он заметно уступает девяностодевятипроцентному охвату аудитории «Первого канала» и «России». Главное, что он требует другой, более активной психологии поведения. В то время как в Интернет нужно «выходить» (пусть это и несложно, но все же требует некоторых усилий), телевидение само приходит в дом. И не случайно замечание о том, что «успех телевидения есть следствие базового инстинкта ленивой аудитории»¹.

Благодаря своей технической специфике телевидение предлагает зрителям мозаичные образы, своеобразный набор из светлых и темных точек. «Складывающийся в результате пластичный контур образуется просвечиванием, а не освещением, и сформированный таким способом образ имеет качества скульптуры и иконы, но никак не картины»². Таким образом, несмотря на то, что сама «картинка» остается двухмерной, телевидение способно создавать иллюзию трехмерности. Это также увеличивает эффективность телевизионного воздействия, повышая доверие зрителей к транслируемой медиареальности. Кроме того, важен и контекст, в котором происходит обработка информации. Человек чаще всего смотрит телевизор в уютной домашней обстановке, располагающей к доверию. Во многом именно благодаря этому и появляются «те невидимые, но прочные нити, которые и обуславливают особый, доступный лишь телевидению, контакт с аудиторией»³.

Другой стороной «мозаичного» свойства телевизионной реальности является фрагментация и дробление телевизионного контента. При этом из-за легкости переключения с одного сообщения на другое расстояние между ними значительно сокращается, и грань оказывается практически стертой. «Сообщение становится частью мультисемантического контекста, синтаксис которого является крайне расплывчатым. Информация и развлечения, образование и пропаганда, релаксация и гипноз – все сливается и затуманивается в языке телевидения»⁴. Впрочем, по мнению Г. Шиллера, большое количество информации, пред-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 317.

² Маклюен М. Понимание медиа. М.; Жуковский, 2003. С. 358.

³ Борецкий Р.А. Информационные жанры телевидения. М., 1961. С. 3.

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 322.

лагаемое телевидением, лишь распыляет внимание телезрителя, отвлекая его от наиболее важного. «Здесь нет избытка значимой информации... В нашем распоряжении лишь огромное количество неуместной, бесполезной, сенсационной, частной по характеру и банальной информации. В этом потоке иногда попадаются обрывки ценной информации, которые утопают в потоке рекламы и прочих видов информационных отходов»¹.

Ж. Бодрийяр писал о том, что телевидение способствует формированию у человека своеобразной гиперреальности, то есть эстетизированной галлюцинации реальности, спектакля образов, потерявших изначальный смысл. Поэтому возникает новая проблема массовой культуры всего человечества, заключающаяся в том, что электронные средства коммуникации стирают различия между имиджем и реальностью, виртуальной и действительной жизнью².

Еще более жестко (и доказательно) высказывался о телевидении Пьер Бурдьё, который был убежден в том, что пресловутая независимость журналистов не более чем мираж: все они в действительности являются «марионетками необходимости». Передачи о культуре на ТВ, по наблюдению автора, безнадежно заражены морализмом и конформизмом. Одним словом, телевидение – не самая благоприятная среда для выражения мыслей, но вполне пригодная для популяризации идей в самой общей их форме. Телеведущий может день за днем нести чепуху, протирая время между рекламными паузами. Но если к микрофону пробирается исследователь, профессиональный искатель истины, ему не дают изложить не только систему доказательств, но и сам вывод. За отведенные ему секунды, в лучшем случае – минуты, он может сообщить либо нечто «сумасшедшее» (то есть новое, но недоказанное), либо банальное (то есть не нуждающееся в доказательстве, просто подтверждающее авторитетом науки мифы, регулярно транслирующиеся СМИ). На телевидении «прописались» эксперты, жонглирующие банальностями, готовые быстро пересказать общепринятый миф и приложить его к ситуации³.

¹ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980. С. 195.

² Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000.

³ Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, Институт экспериментальной социологии, 2002.

Одним из самых ярких критиков российского телевидения и медиа в целом был Д. Дондурей. По его мнению, телевизионное сообщество – небольшая, но очень влиятельная каста, поскольку ее лидеры не только распределяют огромные ресурсы, но и влияют на статусы людей, образы действительности, определяют взгляды и мнения миллионов людей. Электронные СМИ сегодня не только главные информаторы и просветители, но и настоящие силовики, искусные стражи миропорядка, охранники власти, ее секретные службы и, в конечном счете, куда более сильный инструмент, чем, скажем, войска¹.

Энергичной критике подвергает производимую российскими медиасистемами продукцию ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов А.С. Запесоцкий. В его работе «СМИ как фактор трансформации российской культуры»² констатируется, что СМИ обладают «властью над умами», которой бесконтрольно пользуются. При этом в реальной жизни российские СМИ в настоящее время не несут абсолютно никакой ответственности за психологическое и воспитательное влияние на граждан, формирование духовно-нравственной атмосферы общества и развитие отечественной культуры в целом. Критик однозначно обвиняет отечественные СМИ в разрушении духовно-нравственного пространства России.

Свою лепту в критику телевидения регулярно вносит известный публицист А. Невзоров, который высказывается в том духе, что идея заменить аналоговое телевидение на цифровое самоубийственна для правящего режима. Это означает, что примерно 30–40 % телевизоров в стране просто перестанут работать. И все эти люди, которые находили смысл своей жизни, обнаруживали свои мысли благодаря телевизору, знали свое место благодаря телевизору, окажутся брошенными и невостребованными. Представьте себе россиянина, говорит А. Невзоров, который вдруг лишается этого ложного 3D-мира, созданного сегодня пропагандой. Вот из державного цветного Диснейленда он переносится в концлагерь. Вот оцените трагическую пустотищу, в которой

¹ Дондурей Д.Б. Претензии интеллигенции к телевидению – это претензии к самим себе. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=413843>.

² Запесоцкий А.С. СМИ как фактор трансформации российской культуры. URL: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Zapesocky.pdf>.

оказывается сегодняшний россиянин, лишенный телевизора и пропаганды, и попытайтесь оценить степень боли, которую он может ощутить. Возможно и самое ужасное, что он вдруг обнаружит рядом с собой некую реальность, а это уже абсолютно недопустимо, и реакция может быть непредсказуемой¹.

Механизм влияния телевидения на медиареальность хорошо показан в работе Н.Н. Старобахина². По его мнению, телеканалы с помощью программной и информационной политики могут непосредственно воздействовать на медиа-реальность. Кроме того, они способны формировать ее с помощью информационной повестки дня.

Теория «публичных арен»

В другой теории, также анализирующей конструирование социальных проблем посредством СМИ, С. Хилгартнер и Ч.Л. Боск акцентируют внимание на «пропускной способности» массмедиа³. Социальные проблемы вступают в конкуренцию друг с другом за возможность попасть в новостную повестку, так как пропускная способность массмедиа ограничена, СМИ не могут освещать все проблемы в обществе, эфирное время, как и количество печатных знаков, имеет четкие границы. Медиаконтроллеры придают значение определенным социальным проблемам, тем самым направляя ресурсы общественного внимания в нужное русло и вырезая другие проблемы, признанные менее серьезными, из дискуссионного поля на периферию дискурса.

СМИ становятся одной из самых главных «публичных арен», то есть социальным пространством, где формируется коллективное утверждение важных социальных проблем. И во многом требования других публичных арен и массмедиа по отношению к социальным про-

¹ URL: <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2310152-echo/>.

² Старобахин Н.Н. Программная политика общенациональных российских телеканалов (1999–2006 гг.): информационная повестка дня и медиа-реальность: дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/programmnyaya-politika-obshchenatsionalnykh-rossiiskikh-telekanalov-1999-2006-gg-informatsio-0>.

³ Hilgartner S., Bosk Ch. L. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // American Journal of Sociology. 1988. № 94 (№ 1).

блемам совпадают: проблема должна быть драматичной, новой, соответствующей интересам властной элиты и релевантной культурным установкам общества.

Концепция С. Хилгартнера и Ч.Л. Боска перекликается с теорией журналистики как поля производства культурных значений П. Бурдьё. Социолог видит как одну из функций СМИ – отвлечение внимания зрителей от существенных проблем, замена их в повестке дня хроникой происшествий и таким образом защита индивида от системного восприятия вопроса.

По Бурдьё, конструирование социальной реальности в медиа, следуя принципам сенсационности и коммерческой выгоды, приводит к формированию хроники происшествий, удовлетворяющей самые примитивные побуждения и желания общества¹. Порождая зачастую сентиментальные или агрессивные реакции, подобная картина в первую очередь формирует образ враждебного внешнего мира, полного опасностей, от которого нужно прятаться и защищаться. У зрителя может складываться впечатление, что уровень насилия и преступности возрастает, меры безопасности не работают и что весь внешний мир контролируется более существенными силами, недоступными простым людям. Это приводит к постоянному поддержанию чувства тревожности и развитию фаталистических убеждений.

Общая идея, существующая и в теории С. Хилгартнера и Ч.Л. Боска, и в концепции П. Бурдьё, состоит в том, что между реальностью индивидуальной личности и массмедийной реальностью существует разрыв, который в той или иной степени может ощущать потребитель массмедиа: «Отсутствие интереса к неощутимым изменениям, т. е. к таким процессам, которые подобно движению материков, не замечаются непосредственно и оказывают воздействие лишь спустя некоторое время, удваивает эффект структурной амнезии, которой благоприятствует логика мышления сегодняшним днем и конкуренция, навязывающая отождествление важного с новым (сенсация), что обрекает журналистов ежедневных новостей на создание обрывочной и непоследовательной картины мира»².

¹ Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002.

² Там же.

Повестка дня формируется через отбор новостей, представляющих информационную ценность. Согласно классификации признаков новостной ценности К. Джемисона и К. Кэмпбелла¹, значимое для СМИ событие имеет:

- главного героя;
- драматургию события, конфликт интересов;
- активное действие;
- новизну и отклонение от нормы.

Примерно об этом же говорит Н. Луман, который выделяет следующие критерии отбора информации:

- степень новизны;
- конфликтность события;
- локализация события;
- наличие правонарушения (или нарушение других социальных норм);
- наличие действий и героев и ряд других критериев.

По Луману существенно то, что именно массмедиа придают значимость тем или иным фактам в ходе селекции.

И здесь очевидно сходство подхода социального конструкционизма к медийной репрезентации и теории формирования повестки дня. В конструкционизме социальная проблема становится таковой из-за привлечения к ней внимания СМИ и последующего формирования ореола актуальности и повторяемости этой проблемы, но при этом не каждое неблагоприятное событие имеет потенциал стать проблемой². В теории формирования повестки дня СМИ отбирают некоторые вопросы и события из бесконечного множества сообщений, выстраивают их в порядке предполагаемой значимости, тем самым формируя у индивида такое же ощущение актуальности той проблемы, о которой говорят массмедиа³. Но и для конструирования социальных проблем в СМИ, и для создания «актуальной» повестки дня нужны очень схожие критерии по отбору значимой информации.

¹ Jamieson K.H., Campbell K.K. The Interplay of Influence: News, Advertising, Politics, and the Mass Media. Belmont: Wadsworth 29, 1992.

² Spector M., Kitsuse J. I. Constructing Social Problems. New York: Aldine de Gruyter, 1987.

³ Cohen B. The Press and Foreign Policy. New York: Harcourt, 1963.

3.4. Виртуальная и дополненная реальность в системе жизненного мира

Основные подходы к пониманию виртуальной реальности

Все чаще вместо понятия «медиа-реальность» используют понятие «виртуальная реальность». Несмотря на чрезвычайную популярность этого понятия – а может быть, именно поэтому – оно нуждается в глубоком анализе. Что касается самого словосочетания, то считается, что оно возникло на основе латинского выражение *virtualis* – возможный, предполагаемый, мнимый, такой, который может или должен проявиться; и английского слова *virtual* – фактический, действительный, являющийся чем-либо по существу, реально¹. Некоторые авторы идут еще дальше и указывают на то, что в санскрите глагол *vrtti* означает мгновенную беспрепятственную актуализацию психического акта в психике йоги². В старославянском глагол «верьти» означает «кипеть, бурлить», имея в виду, в частности, кипение родника. Таким образом, корень «*vrt*» обозначает событие творимое, порождаемое сейчас, в данный момент чей-то активностью: война ли, йогины ли, воды ли³.

На сегодняшний день сложились несколько основных подходов к пониманию виртуальной реальности.

1. Общекультурный подход, согласно которому к виртуальным мирам относятся все идеальные построения человеческой культуры: религия, миф, эзотерика и пр. – все то, что противостоит физической реальности, принимаемой за константную⁴. Сторонники этого подхода напоминают, что идеи, приведшие к возникновению этого феномена, зародились гораздо ранее. Слово «виртуальный» в «виртуальной реальности» восходит к лингвистическому разграничению, сформулированному в средневековой Европе. Средневековый логик Дунс Скотт настаивал на том, что понятие вещи содержит в себе эмпирические ат-

¹ Дмитриева В., Святец Ю. Реконструкция прошлого в познавательном пространстве «виртуальных реальностей». URL: <http://aik-sng.ru/text/krug/3/15.shtml>.

² Йогины, йогиня – те, кто практикует буддийскую йогу.

³ Носов Н. Психологические виртуальные реальности. М.: Ин-т человека РАН, 1994.

⁴ Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. М.: Изд-во МГИДА, 2002. С. 177.

рибуты не формально (как если бы вещь существовала отдельно от эмпирических наблюдений), но виртуально. Хотя для понимания свойств вещи нам может понадобиться углубиться в наш опыт, сама реальная вещь уже содержит в своем единстве множество эмпирических качеств, но содержит виртуально – в противном случае все они не закрепились бы как качества этой вещи. Термин «виртуальный» Скотт использовал для того, чтобы преодолеть пропасть между формально единой реальностью (предполагаемой нашими концептуальными ожиданиями) и нашим неупорядоченно-разнообразным опытом. С этой точки зрения виртуальная реальность – это созданная искусственными средствами аудиовизуальная (и воздействующая на иные органы восприятия, т. е. расширяющая сферу своего воздействия) смысловая среда, которая выдается или принимается субъектом ее воздействия в качестве подлинной или близкой к подлинной. По определению Дж. Ланье, виртуальная реальность – это имитация реалистичных и вымышленных сред, т. е. некий иллюзорный мир, в который погружается и с которым взаимодействует человек, причем создается этот мир имитационной системой, способной формировать соответственные стимулы в сенсорном поле человека и воспринимать его ответные реакции в моторном поле в реальном времени¹.

Таким образом, речь идет об искусственных произведениях или спонтанных проявлениях творческой активности, которые во множестве продуцируют как литература и искусство, так и внутренний мир человека: книги, фильмы, живопись, а также сны и мечты. По мнению А. Войскунского, каждая книга, компьютерная игра или «мыльная опера» задает некую обособленную реальность, имеющую иной раз мало общего с «настоящей (видимой, осязаемой и т. п.) реальностью» и открытую только – скажем для примера – читателям/почитателям «Властелина Кольца», игрокам в «Дюну» или зрителям «Санта-Барбары». Даже сугубо новостные передачи CNN или колонки новостей в наиболее объективной из ежедневных газет (бумажных ли, электронных ли) отражают не столько реальность, сколько способ фильтрации, членения, структурирования и интерпретации реальности. Трудно

¹ Иванов М. Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/gameaddict2>.

утверждать существование единой для всех и универсальной реальности, даже если ограничиться привычной и безусловной физической реальностью¹.

Самый первый предшественник так понимаемой виртуальной реальности – это сказки, легенды, мифы и прочие произведения народного творчества. Затем художественная литература и театр. Например, М.Ю. Опенков утверждает, что у истоков понятия «виртуальная реальность» стоит фигура Антонена Арто. В 1932 году Арто написал статью «Алхимический театр». По Арто, театр – это двойник реальности, но исходная реальность не является плоской повседневностью, которую театр якобы отображает. Это – опасная и типическая реальность, по своему бесчеловечная. «Удвоение» у Арто – это параллелизм существования, противостоящий простому повтору, скучному и пресному копированию, умножающему однообразие, трафарет².

Новый этап связан с появлением кинематографа, который соединил в себе живопись, дизайн, драму, танец, музыку, фотографию, с недавних пор – компьютерную графику, и многое другое³. Известно, что на одном из первых киносеансов в «Гран-кафе» в Париже, на котором демонстрировалась лента братьев Огюста и Луи Люмьер «Прибытие поезда на вокзал Ла Сиота», зрители в ужасе бежали от поезда, который, как им казалось, ехал на них прямо с экрана. Как отмечал Г. Почепцов, фильм «Кубанские казаки» демонстрировал в большей степени виртуальную реальность, чем подлинную, поскольку именно он считался эталоном того, как это должно быть в жизни. И когда жизнь не совпадала с киноэталонем, виноватой и неправильной оказывалась именно жизнь. Правда кино была сильнее правды жизни⁴.

Телевидение уже много десятилетий используется массой людей для ухода в несуществующую, выдуманную реальность, вовлекая их в совершенно виртуальные события мыльных опер, телевизионных игр, мультсериалов или триллеров. При этом люди иногда оказываются втянутыми настолько, что воспринимают телевизионных персонажей

¹ Войскунский А.Е. Представление о виртуальных реальностях в современном гуманитарном знании. URL: <http://cyberpsy.ru/articles/vojskunskij-virtuality/>.

² Опенков М.Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний. Курс лекций. URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/598/50598/24723?p_page=8.

³ Hammet F. Virtual reality. New York, 1993.

⁴ Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. М., Центр, 2003.

так, как если бы те были равноправными членами их семьи; сопереживают происходящим с теми событиями так, как если бы они происходили с близкими им людьми. Такое восприятие не может не оказывать сильного воздействия на психику.

Впрочем, телевидение, книги и другие средства массмедиа все-таки еще не могут считаться настоящей виртуальной реальностью, поскольку не обладают возможностью интерактивного взаимодействия. Другими словами, они не дают нам обратной связи: мы наблюдаем некое действие на экране телевизора, однако наша реакция никак не может повлиять на это действие, чтобы изменить его ход. В этом смысле следующий, более глубокий уровень вовлеченности в виртуальность дают компьютерные игры. Хотя события, происходящие в игре, безусловно являются менее «настоящими», чем те, что можно наблюдать на телеэкране, однако тот факт, что игрок непосредственно участвует в этих событиях, создает гораздо более мощный эффект погружения в виртуальный мир. Кроме того, исследования показали, что, будучи не совсем настоящим и оставляя простор для фантазии, такой мир часто становится более привлекательным, чем когда он является фотографической копией реальной действительности.

2. Общесоциальный подход представлен в работах, авторы которых стали анализировать изменения в обществе на основе понятия «виртуальности» как изменения социальной реальности в целом.

Один из вариантов возведения виртуальной реальности в ранг общесоциальной представлен в работах неомарксистов. Опираясь на работы К. Маркса, который считал, что рост производительных сил или, говоря современным языком, развитие новых технологий вызывает изменения в системе общественных отношений: появляются новые отношения собственности, на их базе – новые социальные классы, новые формы политической власти, идеологии и искусства и т. д. – неомарксисты констатируют, что мы являемся свидетелями перехода к новой фазе капитализма, когда классические структуры индустриального общества устраняются по мере внедрения компьютерных технологий. Это означает, что компьютеры из вычислительных машин превратились в универсальные машины по производству «зеркальных» миров. В каждой подсистеме общества образуются «параллельные» миры, в которых функционируют виртуальные аналоги реальных механизмов

воспроизводства общества: экономические интеракции и политические акции в сети *Internet*, общение с персонажами компьютерных игр и тому подобное. Канадские ученые Артур Крокер и Майкл Вэйнштейн в своей теории «виртуального класса»¹ анализируют возникновение нового вида неравенства – виртуального. Авторы этой концепции считают представителей крупнейших компаний, которые предоставляют гражданам доступ в сеть Интернет посредством производства нового программного обеспечения, ядром нового господствующего класса. Залогом успеха данного господствующего «виртуального» класса является поощряемое его представителями радикально сокращенное представление о человеческом опыте и общественной пользе: для «виртуализаторов» польза в конечном счете заключается в том, что исчезает человеческая субъективность, заменяемая кибермашиной по «переработке» всего объема информационного мусора (*datatrash*) в некий опыт. Под виртуализацией, таким образом, понимается некий новый вид отчуждения – человеческое естество превращается в поток информации, который питает виртуальный капитал. Именно процесс замещения с помощью компьютеров реального пространства и обозначается в этих работах виртуализацией. Так понимаемая виртуализация рассматривается как новый тип отчуждения: отчуждения человека от собственной плоти в процессе пользования компьютерами и превращение ее в потоки электронной информации, подпитывающие виртуальный капитал².

Более глубокую проработку этого подхода предложил М. Кастельс³, работы которого посвящены анализу концепции сетевого общества. М. Кастельс в своих работах в рамках теории «культуры реальной виртуальности» трактует понятие виртуальности через призму понятия «образ». Исследователь выводит на первый план своего анализа некий выдуманный виртуальный мир, наполненный виртуальными образами; и именно в этот мир погружена сконструированная силами средств массовой информации коммуникационная система.

¹ Kroker A., Weinstein M. Data trash. The theory of the virtual class. Montreal, 1994.

² Анализ этих концепций представлен в работе Иванов Д. В. Виртуализация общества. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%98/ivanov-d-v/virtualizaciya-obschestva>.

³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000; Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Что касается России, то к числу сторонников социального подхода в анализе понятия виртуальности можно причислить Д.В. Иванова¹. Формулируя свое понятие виртуальности, Д.В. Иванов отталкивается от зарубежных концепций, в которых выделяет две основные трактовки: «виртуализация рассматривается либо как технологический процесс, имеющий социальные последствия, либо как процесс социальный, но опосредованный компьютерами и без компьютеров невозможный»², и приходит к выводу, что «виртуализацию необходимо рассматривать как процесс социальный, как процесс изменения в обществе в целом, а не как создание „параллельного“ виртуального общества»³. Таким образом, концепция Д.В. Иванова является социоцентристской, в отличие от рассмотренных выше техноцентристских концепций виртуализации общества. Исследователь предлагает трактовать общество не как систему институтов, а как процесс реализации ценностей⁴.

Характеризуя виртуальную реальность, Д.В. Иванов выделяет следующие ее универсальные свойства:

- нематериальность воздействия (изображаемое воспринимается как «вещественное», то есть реальное);
- условность параметров (объекты искусственны и изменяемы);
- эфемерность (свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования)⁵.

Исследователь делает вывод о возможности применить термин виртуализация как основную характеристику современного общества, поскольку само общество становится похожим на виртуальную реальность. Так, становится возможным говорить о виртуальной политике или виртуальной экономике. Следовательно, виртуализация понимается как замещение реальности ее образом, при этом не обязательно

¹ Иванов Д.В. К пониманию современности: критический вызов // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2. СПб., 1996; Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000; Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.

² Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. С. 28.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 30.

при помощи компьютеров, но с применением логики виртуальной реальности – речь идет об изменении в перцептивном аппарате человека: восприятие становится мгновенным и направленным на распознавание образов. Человек оказывается «погружен» в новую для него среду – виртуальную реальность, замещающую собой «реальную» реальность неким искусственным компьютерным миром. При этом взаимодействие в рамках виртуальной реальности протекает в реальном времени и обретает самые настоящие последствия, которые находят свое отражение в виртуальном пространстве. Можно утверждать, что реальное время – это то связующее звено между виртуальным и реальным мирами, которое делает для пользователей «переход» в новый мир виртуального столь простым и приятным.

Д.В. Иванов особо подчеркивает символический характер взаимодействия индивидов в условиях современного общества: «Человек эпохи Постмодерн, погруженный в виртуальную реальность, увлеченно „живет“ в ней, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее. Перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами, и есть перспектива виртуализации общества»¹. Он пишет о том, что пришедшая на смену эпохе модерна с ее ценностями свободы и прогресса эпоха постмодерна, для которой характерны эклектичность, нарушение созданной упорядоченности, атомизация социальных сфер, ценностный плюрализм, привела к симуляции привычных сфер общественной жизни, то есть виртуализации общества. Например, в сфере экономики производство товаров потребления перестало быть фактором выживания человечества. К концу XX века рынок оказался перенасыщен марками и брендами, а основной задачей стало не производство, а продвижение товаров в сторону узнавания и побуждения к приобретению. Компьютерные сети превращаются в среду экономической деятельности. Виртуализация экономики вызывает коммерциализацию киберпространства, где зачастую осуществляется полный цикл сделки, где функционируют виртуальные магазины и банки, оперирующие собственной виртуальной валютой. Продвижение товаров строится на создании образов. Выполнению этой задачи служит реклама, как фабрика

¹ Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. С. 32.

по созданию идеального образа жизни и имиджа индивида. Стоимость образа становится основным фактором ценообразования. Образ товара напрямую связан с образом фирмы-производителя, которая также приобретает черты виртуальности. Индивид, самоидентифицируя себя с потребляемыми товарами, сам превращается в образ. Происходит виртуализация производителя, товара и потребителя, а в конечном итоге – виртуализация рынка.

В политической сфере происходит виртуализация основных политических институтов: выборов, государства, партий. Борьба за политическую власть становится борьбой образов – созданных и поддерживаемых политических имиджей. Публичные политики, являясь заложниками своих политических имиджей, управляют политикой государства, инкорпорируя ее в свой же виртуальный образ. Политические же партии и политические идеологии становятся ожидаемыми наборами символов, наделенными определенными политическими ролями и чертами ожидаемого поведения. Политическая сфера все больше приобретает черты сценарной дипломатии. Партии, возникавшие ранее как представители классовых этнических, конфессиональных, региональных интересов, превратились в «марки», традиционно привлекающие электорат. Другим симптомом виртуализации институтов массовой демократии стало замещение апелляций к общественному мнению манипуляциями с рейтингами. Рейтинги, основанные на выборочном опросе, когда респонденты соглашались с вариантами мнений, заранее сконструированными экспертами, представляют собой лишь модель, образ общественного мнения. Участвуя в опросе, респонденты оживляют эти модели, и тогда образы становятся реальными факторами принятия и осуществления политических решений.

Что касается искусства, то акт творчества в эпоху постмодерна становится актом разрушения норм и традиций и акцентуации технического аспекта воплощения новой идеи. Основным элементом постмодернистского творчества становится цитирование, комбинирование ранее созданных образов с элементами иронии и сарказма. Постмодернистское творчество превращается в компиляцию идей и образов, в симуляцию творчества.

Если в эпоху модерна люди общались в большей степени непосредственно друг с другом, то в эпоху постмодерна межличностное общение как индивидуальное, так и коллективное, все более опосредуются техникой – телевидением, интернетом и т. д. Перестают совпадать физические и реальные границы человеческих сообществ.

Интернет и иные развитые компьютерные технологии создают иллюзию социальной жизни людей – управление реальными объектами, выполнение привычных социальных ролей в режиме on-line в реальном пространственно-временном измерении. Таким образом, компьютеризация повседневной жизни влияет на распространение виртуальной реальности как симуляции реальных вещей и поступков. То есть в эпоху постмодерна с развитием информационных технологий происходит не расширение сфер человеческой деятельности, а их перенос в другую, параллельную, нематериальную реальность – виртуальные покупки, общение, бизнес, развлечения, любовь. Возникают виртуальные аналоги реальных социальных взаимодействий, сохраняющие привычные атрибуты, связанные с реализацией исходных социальных ролей. Виртуализация общества в будущем может привести к тому, что на смену «вещественному» отношению между людьми придет отношение образов¹.

3. Технократический подход четко ориентирован на технологические факторы. С точки зрения этого подхода, виртуальная реальность (*virtualreality, VR*) – это компьютерная симуляция реальности или воспроизведение какой-то ситуации. Техническими средствами она воспроизводит мир (объекты и субъекты), передаваемый пользователю через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и т. д. Виртуальная реальность имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие. Как правило, «погружение» в виртуальную реальность достигается за счет специальных гаджетов. Основные цели: создать и улучшить воображаемую реальность игр, развлечений, видео, 3D-фильмов и т. д.; улучшить качество жизни, дать возможность подготовиться к определенному событию, создавая имитацию реальности, где люди могут практиковать определенные навыки (например, авиасимулятор для пилотов). Виртуальная реальность создается с помощью

¹ Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. С. 32.

языка кодирования, известного как *VRML (Virtual Reality Modeling Language)*. Его можно использовать для создания серии изображений, а также указать типы взаимодействий между ними. Для создания убедительного комплекса ощущений реальности компьютерный синтез свойств и реакций виртуальной реальности производится в реальном времени¹.

Существуют обязательные технические ресурсы так понимаемой виртуальной реальности.

Первая из них, вероятно, наиболее известна. Комплект для нее состоит из шлема, снабженного маленькими телевизионными экранами и наушниками, и перчатки (в некоторых системах вместо нее используют джойстик или «волшебную палочку»). Шлем и перчатка связаны с компьютерами, запрограммированными специальными звуками и графикой, которые меняются в зависимости от предназначения системы: если она используется проектировщиками или архитекторами, то это будут, вероятно, строения или панорамы. Нужные изображения затем воспроизводятся на телеэкранах внутри шлема. Для создания трехмерного эффекта каждый телеэкран расположен под слегка отличным углом. Когда вы наденете шлем виртуальной реальности, образы на телеэкранах целиком заполнят ваше поле зрения и вы погрузитесь в виртуальный мир. А через наушники вы услышите все те звуки, которые соответствуют видимым образам². И шлем, и перчатка (или джойстик) оснащены специальными датчиками, которые позволяют компьютеру улавливать все движения головы и рук. Когда вы поворачиваете голову, чтобы осмотреться по сторонам, компьютер изменяет вашу точку обзора – как будто вы фактически находитесь внутри изображения. Все происходит в реальном времени (с той же скоростью и в тот же момент, как если бы происходило в реальном мире). Перчатка позволяет вам «трогать» виртуальные объекты и «брать» их в руки. С ее помощью вы можете даже вносить изменения в виртуальный мир, меняя расположение виртуальных объектов.

Во второй разновидности виртуальной реальности для слежения за изображением пользователя в виртуальном мире, в котором также

¹ URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальная реальность](http://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальная_реальность).

² Цветков К.В. Проблема соотношения виртуального и реального Я в этической перспективе. Искусственный интеллект. Философия, методология, инновации. СПб., 2007.

можно подбирать или перемещать объекты, используются видеокамеры. Обе системы виртуальной реальности позволяют принимать участие в действиях сразу несколькими людьми.

В основе же последнего вида виртуальной реальности лежит воспроизведение трехмерных изображений на большом изогнутом экране. Такая форма помогает усилить у вас ощущение того, что вы находитесь в виртуальном мире¹. Дополнительный эффект присутствия создают специальные трехмерные очки. Лет десять назад технологии виртуальной реальности перестали быть только объектом научных исследований. В настоящее время в мире существуют более ста крупномасштабных установок виртуальной реальности, которые используются в самых разных областях науки и техники, решая задачи как фундаментальных научных дисциплин, так и узкоспециализированных прикладных направлений². Такие системы имеет большинство ведущих зарубежных компаний: *Boeing, Ford, General Motors, ВР* и многие другие.

3.1. Технологический детерминизм. Объяснению изменений в обществе в рамках этого подхода посвящены концепция «виртуального общества» немецкого исследователя А. Бюля, теория «виртуализации социального» немецких ученых М. Пату и Б. Бекер, теория «виртуального класса» канадских исследователей А. Крокера и М. Вэйнштейна, концепция «нетократии» шведских исследователей А. Барда и Я. Зондерквиста³.

¹ Кликушина Н.Ю. Виртуальная реальность как объект философского исследования. Материалы V Российского философского конгресса. Наука. А.В. Чернышева, Т.А. Бойченко, Г.А. Резниченко 6 Философия. Общество. Материалы. Том I. Новосибирск, 2009. С. 109–113, 335–336.

² Войскунский А.Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке. Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. М., 2002. С. 82–101.

³ Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997; Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000; Becker B., Paetau M. (Ed.): Virtualisierung des Sozialen – die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung. Frankfurt. New York. 1997; Becker B. Elektronische Kommunikationsmedien als neue «Technologien des Selbst»? Überlegungen zur Inszenierung virtueller Identitäten in elektronischen Kommunikationsmedien. In: Huber, Eva (Ed.): Technologien des Selbst. Zur Konstruktion des Subjekts. Frankfurt. Basel, 2000; Kroker A., Weinstein M. Data trash. The theory of the virtual class. Montreal, 1994; Бард А., Зондерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Пер. со швед. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004 (швед. издание: Bard A., Söderqvist J. Nätokraterna – boken om det elektroniska klassamhället. Norstedts, 2000).

А. Бюль в конце прошлого века написал несколько работ, посвященных фиксации и анализу возникшего феномена «виртуального общества»¹. Переход к виртуальному обществу, трактуемому автором как общество, в котором коммуникация происходит в рамках киберпространства², обусловлен процессом компьютеризации, который, в свою очередь, детерминирует общественные изменения. Бюль выделяет три качества, которые оказываются присущи индивиду – члену виртуального общества: фрагментированность, открытость и изолированность. Фрагментированность связана с необходимостью индивида быть включенным одновременно в самые разные виртуальные миры, которые, являясь частью киберпространства, при этом начинают замещать собой для индивида «одну единственную» настоящую реальность. Одновременно с этим в условиях коммуникационного взаимодействия в виртуальном пространстве предельно сокращается сфера приватного. Субъект виртуальных взаимодействий вынужден быть постоянно открытым из-за распространения различных цифровых технологий по наблюдению за индивидами: речь идет не только о появлении видеокамер со специфическим программным обеспечением по распознаванию лиц, но и о том, что в виртуальном пространстве пользователь оказывается «прописанным» во множестве электронных баз данных, что фактически лишает его «права» на частную жизнь³. Другими словами, социальное пространство оказывается предельно обозримым. Наконец, поведение индивида в виртуальном пространстве не может не сказаться, по мнению автора, на его взаимодействиях в реальном мире. Развитие и распространение комфортных форм обращения к киберпространству приводит к появлению такого феномена, как «любовь к машинам»⁴, подчеркивающего «переход» индивида в иную форму существования – информационную, переход в виртуальное пространство взаимодействий.

¹ Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997; Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000.

² Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft... 1997. S. 11.

³ Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts... 2000. S. 462.

⁴ Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts... 2000. S. 469.

Принципиально важным является вывод, к которому приходит в своих размышлениях о виртуальном обществе А. Бюль: знаковый характер социального является изначальным, то есть в рамках киберпространства он лишь получает благоприятные (технические в том числе) возможности для своего воспроизводства. Следовательно, закономерен вопрос о том, являются ли возникшие компьютерные технологии именно тем основополагающим фактором, который детерминирует виртуальный характер современного общества. Можно предположить, что «виртуальное» существовало и ранее, просто компьютерные технологии явились той «почвой», на которой символическая реальность обрела свое новое рождение.

А. Бюль выделяет огромную роль компьютеров и делает вывод о замещении реального мира миром виртуальным: для каждой подсистемы общества создается ее аналог в виртуальном пространстве, при этом в виртуальных параллельных мирах работают виртуальные аналоги реальных механизмов воспроизводства общества. Именно такой процесс замещения Бюль и называет виртуализацией; его теория носит название «виртуальное общество».

3.2. Теорию «виртуализации социального» разработали немецкие исследователи М. Пату и Б. Бекер¹. Эта теория трактует виртуализацию как системный эффект, при котором изменения в обществе под воздействием появления в нем новых элементов – виртуальных аналогов реальных коммуникаций – рассматриваются как структурная дифференциация системы. При этом, как подчеркивает Б. Бекер, тот факт, что возникшие технологические возможности коммуникации накладывают определенные условия на «игру» с собственным Я в рамках виртуального пространства, зачастую игнорируется апологетами киберпространства в связи с ошибочными умозаключениями нематериалистического характера. Автор подчеркивает, что «только тот, кто осознает технические основания само-инсценировок в рамках виртуального пространства, может в полной мере постичь искусство виртуальных самоидентификаций наравне с утопичной свободой бесконечных

¹ Becker B., Paetau M. (Ed.): *Virtualisierung des Sozialen – die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung*. Frankfurt. New York. 1997.

само-открытий»¹. Здесь речь идет о приспособлении индивида к происходящим изменениям в социальном пространстве, вызванным техническим прогрессом, которое выражается лишь в видоизменении «конфигураций» субъекта коммуникационного процесса в виртуальном пространстве. Идентичность такого субъекта будет представлять собой набор неких качеств или свойств, которые он за собой закрепляет ради участия в процессе виртуальной коммуникации.

С точки зрения этого подхода понятие «виртуальная реальность» связывается с возникшими возможностями компьютерных технологий, которые обеспечивают восприятие не существующих в реальном мире, но представленных при помощи компьютера объектов как реальных и абсолютно достоверных. Соответственно, на первый план выходит уже не материальная (физическая) составляющая некоего объекта, а длительность его восприятия индивидом, поскольку у виртуальных объектов отсутствуют пространственно-временные характеристики как таковые. Виртуальную реальность порой называют неким отсутствующим в настоящей реальности местом; материальный мир в данной совокупности киберпространств оказывается заменен миром нематериальным, имеющим символический характер².

Главные лозунги этой версии виртуального пространства звучали примерно так: не-зависимость, не-привязанность, не-ответственность. Свод правил мира без власти, защищенного только слабой корочкой моральных ограничений и обычаев, придуманных не в меру романтичными аборигенами. На первый взгляд, все получили максимально возможную свободу. Реальные ограничители: мораль, закон, порядок, право – остались позади, и кажется, что остался один-единственный шаг человека до того, чтобы обрести истинную свободу³. Однако сведение понятия виртуальной реальности к компьютерной реальности (Интернет, содержимое жестких и гибких дисков, редуцирование де-

¹ Becker B. Elektronische Kommunikationsmedien als neue «Technologien des Selbst»? Überlegungen zur Inszenierung virtueller Identitäten in elektronischen Kommunikationsmedien. In: Huber, Eva (Ed.): Technologien des Selbst. Zur Konstruktion des Subjekts. Frankfurt. Basel, 2000. S. 24.

² Morse M. Virtualities: Television, Media Art and Cyberculture. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 1998. P. 17.

³ Барлоу Дж. П. Продажа вина без бутылок: Экономика сознания в глобальной Сети. URL: <http://lib.ru/COPYRIGHT/barlou.txt>

финиции термина «виртуальный» до понятия «компьютерный» многим исследователям представляется неверным, чересчур узко-упрощенным).

4. Психологический подход, в рамках которого рассматриваются вопросы экзистенции, воображения, рефлексии, измененных состояний сознания, сенсорного опыта, мотивов (самореализации, самоутверждения и др.) применения «паутины» или игровых сервисов (напр., мотивы роста, достижений, замещения, познавательный), функций сновидений и их интерпретаций, различий между сном и явью, «эффекта присутствия», виртуальной зависимости, ориентационного, инструментального или рефлексивного типа взаимодействия с артефактами, «якорей» для маркировки выхода из виртуальных состояний и др.¹

Кроме названных выше, выделяются еще несколько подходов. Например, на одной из российских конференций, посвященной данной тематике – «Технологии виртуальной реальности: состояние и тенденции развития», были выделены следующие подходы к исследованию систем виртуальной реальности:

- изучение ВР с точки зрения сложных технических систем, относящихся к физической или технической реальности;
- рассмотрение ВР как состоящей из двух подсистем – физической и нефизической, поскольку среди измерений, определяющих свойства и характеристики представляемых в ВР объектов и систем, одни параметры носят абстрактный (виртуальный) характер, другие – физический (реальный);
- системно-междисциплинарный подход, согласно которому разработка современных систем виртуальной реальности требует интегра-

¹ Виртуальная реальность в психологии и искусственном интеллекте. М., 1998; Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. М., 2000; Коул М. Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997; Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В. Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998 (3). С. 70–78; Форман Н., Вилсон П. Можно ли смоделировать реальность? Использование в психологии 3-х мерной среды, генерированной при помощи компьютера // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М., 1998. С. 251–276.

ции парадигм, подходов, методов и средств, используемых в компьютерной науке, искусственном интеллекте, робототехнике, синергетике, психологии и эргономике¹.

Обобщение этих и других подходов позволяет выделить несколько основных признаков явления, обозначаемого понятием «виртуальная реальность».

- Виртуальная реальность – это всегда искусственная, то есть созданная кем-то для каких-то целей ситуация или комплекс ситуаций, в которые будут погружены какие-то индивиды.

- У любой искусственно созданной ситуации есть три субъекта: конструктор (создатель), он же управляющий; участники ситуации, которые знают или не знают о том, что она искусственная; и внешние наблюдатели, которые могут оценивать и качество ситуации, и действия участников ситуации.

- Единственный субъект, который точно знает, является ситуация искусственной или нет, – это конструктор. И участники ситуации, и наблюдатели, если им не сообщили о том, что ситуация искусственная, могут лишь догадываться.

- Единственный критерий, который позволяет участникам ситуации выяснить, что она искусственная, является возможность выйти из нее. (Вспоминается ситуация, когда два участника экскурсии по музею пыток в Гамбурге – экскурсия была смоделирована с погружением, то есть участники экскурсии были вынуждены пройти весь путь – нашли потайную дверцу и выскочили на улицу).

- Если же индивид не знает, что он находится в искусственно заданных условиях, и не помышляет о том, что ситуация кем-то управляется – для него это не виртуальная, а самая что ни на есть реальная реальность. В литературе описаны ситуации, когда человеку в очках VR предлагали перейти по доске, перекинутой через темную бездну. И хотя данная ситуация была абсолютно не реальна, она вызывала такое

¹ Тарасов В. Системный подход к описанию и управлению взаимодействиями человека с виртуальной средой // Тезисы докладов на конференции «Технологии виртуальной реальности». М.: ГосНИИАС, 1995.

же чувство страха, какое у них возникало бы в подобной реальной ситуации¹.

Однако не следует путать **виртуальную** реальность с **дополненной**. Их коренное различие в том, что *виртуальная конструирует новый искусственный мир, а дополненная реальность лишь вносит отдельные искусственные элементы в восприятие мира реального*. Под «дополненной реальностью» «понимается любой случай, когда реальная среда дополнена виртуальными (компьютерными графическими) объектами»². «Дополненная реальность» представляет собой особую коммуникативную среду, в которой созданы возможности для получения дополнительной информации или дополнительного действия за счет размещения в реальной среде выходов к виртуальным возможностям (информации или активности).

«Дополненная реальность» в мобильной коммуникативной среде представляет собой класс случаев, когда реальные объекты интегрируются в виртуальную среду при помощи высокотехнологичных устройств, оснащенных мобильной связью. Они позволяют получать информацию о реальных и виртуальных объектах, закодированную и размещенную в реальном пространстве. Данная технология «дополненной реальности» носит название QR-кодов / мобильных штрих-кодов.

Сферы коммерческого применения QR-кодов сегодня многочисленны: кафе, рестораны, специализированные магазины, клубные мероприятия, выставочная деятельность, туризм.

Воссоздание дополнительной реальности, которая представляет собой добавление элементов виртуальной реальности в действительную, становится довольно частым приемом рекламистов. Так, в 2011 году на вокзале *Victoria Station* (Лондон, Великобритания) бренд *Axe* установил на полу брендированную метку с надписью «Посмотри вверх». Посмотрев вверх, прохожий мог увидеть на большом экране, что помимо него на этой метке стоит ангел из знаменитой рекламной кампании *Axe*. Естественной реакцией прохожих было попытаться по-

¹ Suler, J. International Journal of Applied Psychoanalytic Studies Int. J. Appl. Psychoanal. Studies 14(1): P. 97–102.

² Milgram P., Kishino A. F. Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays // IEICE Transactions on Information and Systems (Tokyo), E77-D(12), P. 1321–1329, 1994. URL: http://vered.rose.utoronto.ca/people/paul_dir/IEICES4/ieice.html.

трогать ангела, а эффект усиливался за счет того, что ангел был управляем специальным человеком «за кадром». Акция подарила участникам много позитивных эмоций, и, естественно, снятые участниками и выложенный в сети Интернет видео имели вирусный эффект распространения. Похожую акцию провел телеканал *National Geographic*: в торговом центре Лондона были «выпущены» виртуальные дикие животные, динозавры, которых можно было «погладить», прохожие также могли помахать рукой вместе с космонавтом и попасть в удивительные погодные условия прямо в торговом центре.

Новые коммуникационные технологии позволяют управлять реальным миром из мира «онлайн». Например, пользователи промосайта *Panasonic* могли почувствовать себя настоящими фотографами и, управляя через сайт реальными камерами *Panasonic*, фотографировать настоящих моделей в настоящей фотостудии. Похожую рекламную кампанию проводил *Ariel*, установив в Стокгольме на центральном вокзале инсталляцию под названием *Ariel Fashion Shoot*. Инсталляция представляла собой огороженное стеклом пространство, где находилась белая чистая одежда и пушки, заряженные яркими различными пачкающими веществами: джемом, шоколадом, кетчупом и т. д. Пользователи *Facebook* через специальное приложение могли управлять пушками, пытаясь попасть в одежду. «Подстреленная» одежда тут же отправлялась в стирку с *Ariel*, которая также проходила на глазах у всех: как онлайн-зрителей, так и прохожих на вокзале. Таким образом, инсталляция собирала зрителей как онлайн, так и офлайн.

Факторы, определившие направление и динамику развития теории и практик виртуальной действительности

Поиск технических возможностей эмоционального воздействия на человека

Одна из первых версий виртуальной реальности была связана с разработкой различных тренажеров. Например, рычажный тренажер марки «Линк Трэйнер», запатентованный в 1929 году, заставлял моделирующее устройство двигаться, вращаться, падать, изменять курс и таким образом создавал удовлетворительное ощущение движения. Это был летный тренажер, в исходной модели которого использовались

движущаяся картинка и пневматические передачи, подобные орган-ным трубам.

В 1956 году Мортон Хейлиг создал экспериментальный театр *Sensorama*, в котором при демонстрации фильма о поездке имитировались тряска, шум, порывы ветра, дым, запахи. В 1960 году он сконструировал нечто вроде игровой приставки и назвал ее *Sensorama*. В комплекте к приставке шел стереоскопический экран, кулера, эмитеры запаха, стереоколонки идвигающееся кресло.

Кстати, по прогнозам некоторых аналитиков, виртуальная реальность – это и есть завтрашний день кинематографа. Утверждается, что виртуальная реальность позволит будущему зрителю не только пассивно воспринимать произведения искусства, а становится непосредственным участником созданного художником фантастического мира. Более того, выдвигается гипотеза о возможности создания абсолютно нового вида искусства – виртуального, которое будет основано на объемном воздействии на все органы чувств человека с целью максимально полного эстетического удовольствия¹.

Российскому исследователю М. Теракопьян на основе анализа особенностей современного кинематографа, как отражения или зеркала эпохи, удалось прийти к выводу о значении цифровых технологий в процессе конструирования новой художественной реальности, которая оказывает сильное воздействие на психологию художественного восприятия². Виртуализация всего мира, в том числе и искусства, заставляет нас задаваться вопросом при просмотре в высшей степени реалистично демонстрируемого изображения на киноэкране: «Как мы можем убедиться, что видимое нами на экране – и не только на экране – на самом деле существует? Где он, этот „реальный мир“?»³.

В 1961 году инженеры корпорации *Philco* разработали первый шлем-дисплей, получивший название *Headsight*. Шлем состоял из видеоэкрана и системы слежения, которую инженеры подсоединили к замкнутой системе видео-слежения. Этот шлем был предназначен для

¹ Подробнее см.: Юхвид А. Философские проблемы виртуальной реальности в творчестве, искусстве и образовании. Правовые аспекты использования виртуальных технологий. Екатеринбург, 1999.

² Теракопьян М.Л. Нереальная реальность: Компьютерные технологии и феномен «нового кино». М.: Материк, 2007. С. 9.

³ Там же. С. 60.

использования в опасных ситуациях – пользователь мог наблюдать реальную окружающую среду как бы отдаленно, регулируя ракурс поворачиванием головы. Подобное устройство использовали и пилоты. К шлему подсоединяли инфракрасные камеры, прикрепленные к основанию самолетов, которые позволяли пилотам ориентироваться на местности даже в ночное время суток.

Некий итог всем этим поискам и одновременно вектор дальнейшего поиска были сформулированы в знаменитой книге Станислава Лема *Summatechnologiae*, которая вышла в 1964 году в Кракове. В этой книге целая глава была посвящена «фантомологии». По Лему, «фантоматика» – это область знания, решающая проблему: «как создать действительность, которая для разумных существ, живущих в ней, ничем не отличалась бы от нормальной действительности, но подчинялась бы другим законам?.. Фантоматика предполагает создание двусторонних связей между „искусственной действительностью“ и воспринимающим ее человеком... Фантоматика предполагает создание такой ситуации, когда никаких „выходов“ из созданного фиктивного мира в реальную действительность нет... Фантоматизация – это „короткое замыкание“, то есть подключение человека к машине, фальсифицирующей действительность и изолирующей его от внешней среды»¹. Эти формулировки фактически ничем не отличаются от множества современных определений виртуальной реальности. Здесь же достаточно подробно описывается «антиглаз», укрепляемый на пользователе при помощи специальных очков – устройство ввода визуальной информации в глаз человека – то, что сейчас называется *eyephone*. Вопросы, тем или иным образом имеющие отношение к виртуальной реальности, рассмотрены Лемом в различных аспектах и во многих других произведениях.

В 1965 было создано устройство *Ultimate Display*. С помощью этого дисплея человек мог заглянуть в виртуальный мир, который ему казался реальным миром. Это изобретение дало новый толчок для развития науки о виртуальном пространстве. Автор этого изобретения И. Сатэрленд изложил результаты своих исследований в работе «Идеальный дисплей», положившей начало техническим и технологическим разработкам, в том числе и с его участием, в области обработки и вы-

¹ Лем С. Сумма технологии. <http://lib.ru/LEM/summa/summcont.htm>.

вода изображений. В 1966 году Сатэрленд сконструировал новую модель шлема, которая уже подсоединялась к компьютерной системе (раньше шлем подключался только к камерам). Компьютер формировал изображения и отображал их на экране. Новая модель шлема могла одновременно с изображением воспроизводить стереозвук, что создавало пространственную иллюзию, и когда человек поворачивал голову, мгновенно менялось изображение. Заинтересовавшиеся этими изобретениями НАСА, Министерство обороны и Национальный научный фонд начали финансировать большую часть научных исследований в данной области. ЦРУ пожертвовало \$80 000 в исследования Сатэрленда. Первые достижения в этой отрасли науки использовали главным образом в целях обучения пилотов.

В 1972 году М. Крюгер ввел термин «искусственная реальность» (*artificial reality*) для определения тех результатов, которые могут быть получены при помощи системы видеоналожения изображения объекта (человека) на генерируемую компьютером картинку и при помощи других разработанных к тому времени средств. Основные идеи были впоследствии опубликованы в книге *Artificial Reality* (1983).

По одной из легенд, словосочетание «виртуальная реальность» было придумано в Массачусетском технологическом институте в конце 1970-х годов для обозначения трехмерных макромоделей реальности, создаваемых при помощи компьютера и передающих эффект полного присутствия человека. В частности, речь идет о «Кинокарте Аспена» (*Aspen Movie Map*), созданной в Массачусетском технологическом институте в 1977 году. Эта компьютерная программа симулировала прогулку по городу Аспен, штат Колорадо, давая возможность выбрать между разными способами отображения местности. Летний и зимний варианты были основаны на реальных фотографиях.

В 1984 году, когда Майкл Макгривай разработал «человеко-машинный интерфейс», СМИ быстро распространили эту новость почти по всему миру. Человеко-машинный интерфейс до сих пор играет немаловажную роль в исследованиях виртуальной реальности.

В этом же 1984 году появилось понятие «киберпространство». Оно вошло в массовый оборот после выхода в 1984 году книги Уильяма Гибсона *Neuromancer*, в котором киберпространство описано как со-

гласованная галлюцинация, которую каждый день испытывают миллиарды обычных операторов во всем мире. В мозг главных героев вмонтированы электронные устройства и датчики, позволяющие им быть частью компьютерной киберсети: иметь доступ к данным, оперировать ими¹.

Постепенно понятие «киберпространство» ушло на второй план, а «виртуальная реальность» стала обобщающим понятием, с помощью которого обозначают технологии *multimedia*, трехмерной графики и анимации, позволяющие объединить в едином информационном носителе всевозможные формы кодирования информации (вербальный, иконографический, идеографический, фонографический и т. п.), что, в свою очередь, позволяет моделировать на компьютере процессы и объекты реальной жизни, создавать объемное компьютерное познавательное пространство с ощущением и восприятием его реальности за счет активного участия пользователя компьютера в «событиях», предлагаемых информационной системой.

Считается, что окончательно термин «виртуальная реальность» ввел в научный оборот американский специалист в области компьютерных технологий Дж. Ланье, который использовал это понятие в 1989 году в интервью американскому журналу *Scientific American*, которое впоследствии многократно перепечатывалось и цитировалось иными изданиями по всему миру. Исследователь так характеризовал открывшееся для человечества новое измерение: «Мы говорим о технологии, благодаря которой пользователи при помощи и на основе компьютерных взаимодействий синтезируют общую реальность. Данная реальность переводит наши отношения с окружающим физическим миром на качественно новый уровень. Она не затрагивает наш субъективный мир, она вовсе ничего не имеет общего с процессами в человеческом мозге. Однако она является непосредственным отражением того, что воспринимает индивид посредством своих органов чувств»².

¹ Гибсон У. Нейромант. URL: http://bookscafe.net/book/gibson_uilyam-neyromantik-28867.html.

² Was heißt Virtuelle Realität? / Ein Interview mit Jaron Lanier, in: Manfred Waffender (Hrsg.): Cyberspace. Ausfüge in virtuelle Wirklichkeiten. Reinbek, 1993. S. 69. URL: <http://www.jaronlanier.com/vrint.html>.

В 1990-е годы СМИ подхватили концепцию виртуального мира и убедили всех людей в том, что это новое достижение науки может полностью изменить наше представление о жизни. Постепенно многие люди поняли, что их просто обманули, поскольку устройства виртуальной реальности были еще мало разработаны и не могли делать то, о чем говорилось в СМИ, поэтому постепенно интерес народа к этой отрасли угас. Сегодня разработчики виртуальной реальности не делают громких заявлений о новых возможностях, как это было раньше, и даже стараются не употреблять термин «виртуальная реальность».

Разработка научных моделей возможных и вымышленных миров

Понятие возможных миров приобрело научную и философскую популярность в начале 1970-х годов, после того как С. Крипке и Я. Хинтиikka¹ разработали семантику возможных миров для модальных логик, то есть такую семантическую теорию, в которой в качестве значений пропозиций принимались их истинность или ложность не только в действительном мире, но и во всех возможных мирах, соотносимых с действительным, то есть при других обстоятельствах, другом течении событий или другом их понимании сознанием, одним словом, в различных модальных контекстах.

В конце 1980-х годов понятие возможных миров было отчасти вытеснено понятием виртуальных реальностей, выразившим новый психологический опыт, связанный с массовой компьютеризацией, и по-новому осветившим старые проблемы. По Витгенштейну², понятия мира (Welt) и реальности (Wirklichkeit) не являются синонимами. Реальность – это осмысленная часть мира. Отсюда виртуальную реальность можно определить как осмысленную часть мира, преломленную через измененное состояние сознания: сновидение, бред, опьянение, вдохновение, тоску, радость, апатию. По сути, идею виртуальной реальности сформулировал еще Витгенштейн, написавший в «Трактате», что мир

¹ Крипке С.А. Семантическое рассмотрение модальной логики // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981; Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.

² Stenius E. Wittgenstein's Tractatus: A Critical exposition of main lines of thought. Oх., 1960. Wittgenstein L. Logisch-philosophische Abhandlung. L., 1978.

счастливого совсем другой по сравнению с миром несчастливого. И поскольку любое состояние сознания можно рассматривать как измененное, то любая реальность в этом смысле является виртуальной – так же как действительный мир лишь один из возможных миров.

Активное развитие идеи симулятивной коммуникации

В попытке объяснения коммуникационных процессов в современном обществе оправданным оказалось обращение к концепциям, трактующим социальные изменения на основе возникающего пространства симулякров. Начало этим концепциям положила разработанная во второй половине XX века французским социальным психологом С. Московичи идея социальных представлений¹. Возникающие у индивидов общие когнитивные конструкторы (убеждения, взгляды, знания) являются, по Московичи, социальными представлениями, которые и становятся ведущей характеристикой не только индивидуального, но и общественного сознания. Именно в формировании социальных представлений реализуется способность индивида воспринимать поступающую информацию, понимать ее и делать выводы относительно смысла происходящих событий и окружающей действительности в целом. Согласно мысли французского исследователя, социальные представления лежат в основе человеческих взаимодействий: залогом вступления в общение с другими индивидами является предварительная оценка человеком возможных связей и результатов коммуникационного взаимодействия. Таким образом, объективная потребность людей в понимании окружающего мира реализуется в ежедневных неформальных коммуникациях и дискуссиях, в результате которых и вырабатывается «общность» социальных представлений. При этом конструируемая в отдельных социальных группах особая форма социального знания, суть социальные представления, получает с развитием новых способов коммуникации в Интернет-пространстве новое насыщение не только в техническом, но и смысловом аспекте. Происходящие в таком обще-

¹ См.: Московичи С. От коллективных представлений – к социальным // Вопросы социологии. М., 1992, № 2. С. 83–96; Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. М., 1995. № 1. С. 3–18.

стве процессы стали описываться на основе понятия симулякров, анализу которых посвящены работы французских исследователей: концепция «актуального и виртуального» Ж. Делеза, теория симулякров Ж. Бодрийяра, а также концепция политического поля П. Бурдьё¹.

Так, Ж. Делез². утверждал, что не может существовать актуального объекта в чистом виде: каждый актуальный объект окружен множеством виртуальных образов. Виртуальные образы, подобно кругам, окружают актуальный объект, постоянно обновляясь и воздействуя на объект. При этом данные виртуальные образы не отделимы от актуального объекта и наоборот. Актуальный объект вместе с окружающими его кругами виртуальных образов образуют, по Делезу, некий континуум – пространство, которое может быть определено через максимум мысленно представимого времени. Делез подчеркивал двунаправленность процесса влияния актуального и виртуального: так, помимо ситуации, когда актуальное окружено другими виртуальностями, возможно и обратное движение, когда «круги сужаются и виртуальное приближается к актуальному, чтобы все менее и менее от него отличаться»³. Автор говорит о постоянном круговращении актуального и виртуального, причем двумя способами: «то актуальное отсылает к виртуальному как к другой вещи в широком кругообороте, где виртуальное актуализируется; то актуальное отсылает к виртуальному как к своему собственному виртуальному в самых маленьких кругооборотах, где виртуальное кристаллизуется наряду с актуальным»⁴. Философские размышления Делеза хорошо объясняют механизм взаимодействия «реального/виртуального» в современном социально-политическом пространстве.

Теория симулякров Жана Бодрийяра, разрабатываемая автором с 70-х годов прошлого века и нашедшая свое отражение в его работе

¹ Делез Ж. Актуальное и виртуальное. Пер. с фр. Ю. Подорога, 1996 (фр. издание: Deleuze G. Dialogues / G. Deleuze, C. Parnet. Paris: Flammarion, 1977); Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. О.А. Печенкина. Тула, 2013 (фр. издание: Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris, 1981); Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

² Делез Ж. Актуальное и виртуальное. 1996. URL: <http://visiology.fatal.ru/texts/deleuze.htm>.

³ Там же.

⁴ Делез Ж. Актуальное и виртуальное. 1996. URL: <http://visiology.fatal.ru/texts/deleuze.htm>.

«Симулякры и симуляция»¹ 1981 года, указывает на наступление эры тотальной симуляции, при которой мы имеем дело не с реальностью, а с гиперреальностью.

Теория симулякров Бодрийера нашла свое отражение в концепции виртуальной реальности: искусственный компьютерный мир замещает собой реальное, а человек оказывается «погружен» в возникающую виртуальную реальность так, что все его действия и поступки в настоящей жизни получают мгновенное отражение в виртуальном пространстве.

Практические приложения виртуальной реальности

На сегодняшний день выделяются несколько сфер человеческой жизнедеятельности, где активно используются технологии виртуальной реальности: наука, образование, проектная деятельность, бизнес, экскурсии и развлечения.

Наука

В сфере науки технологии виртуальной реальности используют для моделирования сложных систем. Метод моделирования считается мощным приемом экспериментального исследования. Успех проведения исследований с помощью систем виртуальной реальности – в наличии массивов хранящейся в ней информации, а также в возможности манипулирования ее компонентами: конструирование образов, моделирование ситуаций и т. д. В частности, с помощью технологий виртуальной реальности появляется возможность визуализации сложных и разрозненных данных в единую, наглядную модель исследуемого объекта или процесса, которая позволяет экспертам в полной мере использовать свою интуицию и зрительную память при различных исследованиях, например в биологии (науках о жизни), исторических реконструкциях.

¹ Baudrillard J. Simulacres et simulation. P.: Galilée, 1981. (русс. пер.: Бодрийер, Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. О.А. Печенкина. Тула, 2013.)

Виртуальная реальность активно используется в фармацевтических исследованиях. При создании новых лекарств, получив в свое распоряжение трехмерную компьютерную модель тех или иных молекул и имея возможность управлять их движением, экспериментатор может добиться совмещения моделей, которое имитирует реальные процессы при взаимодействии реальных биологических молекул. «Присутствуя» при этих процессах, ученые могут понять, как реальные молекулы связываются между собой посредством соединения определенных рецепторных участков, и объяснить, например, как вирус проникает в клетку. Это позволяет, в свою очередь, попытаться синтезировать вещества, блокирующие активность вируса.

Образование и профессиональная подготовка

Виртуальная реальность – идеальная обучающая среда. Восприятие виртуальной модели с высокой степенью достоверности позволяет качественно и быстро готовить специалистов в различных областях: авиация, управление технологическими процессами, медицина, дистанционное управление техническими средствами и т. д.

Образование с использованием виртуальной реальности позволяет наглядно вести лекции и семинары, проводить тренинги, показывать обучающимся все аспекты реального объекта или процесса, что в целом дает колоссальный эффект, улучшает качество и скорость образовательных процессов и уменьшает их стоимость. Технологии виртуальной реальности позволяют в полной мере использовать то, что человек получает 80 % информации из окружающего мира с помощью зрения, при этом люди запоминают 20 % того, что они видят, 40 % того, что они видят и слышат, и 70 % того, что они видят, слышат и делают.

В образовании системы виртуальной реальности имеют очень серьезные перспективы, например, для создания виртуальных учебных пособий, лабораторных работ и пр.

Компоновка систем виртуальной реальности совместно с различными элементами тренажерных технологий (кресла на гидроприводах,

платформы, системы управления с обратной связью, трекинг и пр.) позволяет создавать тренажеры и аттракционы с большим коэффициентом адекватности (погружения).

Чрезвычайно популярны кабинные симуляторы, порожденные автомобильными и авиатренажерами, в которых пользователь садится в кабину и видит перед собой в окне дисплей компьютера, на котором изображены некие ландшафты: если пользователь начнет вертеть управляющими ручками (рычагами или рулем), на дисплее будет соответственно изменяться ландшафт. Использование стереовизуализации чрезвычайно необходимо для тренировки летчиков, т. к. при дозаправке в воздухе или посадке необходимо ощущение перспективы и дистанции. Технологии виртуальной реальности применяются в тренажерах для летчиков, космонавтов, спасателей, врачей, водителей большегрузных автомашин и т. д. – в общем, в тех случаях, когда обучение и тренировки в реальной среде слишком дороги и опасны.

Достаточно популярны обучающие экскурсии в музеи, на производство и т. д.

С помощью систем виртуальной реальности возможна реализация технологий и методов так называемого виртуального повествования. Например, виртуальный планетарий, в котором ученик сам «перемещается на звездолете» от планеты к планете и ему выдается текстовое, звуковое сопровождение и графическое изображение планет, к которым он подлетает. Таким образом, ученик, «управляя полетом» по своему усмотрению, сам становится участником рассказа – эти технологии и называются *Virtual Storytelling*, или виртуальное повествование. Эти же технологии можно использовать и для обучения, например, техобслуживанию авиационной и другой сложной техники – обучаемый «подходит» к виртуальной модели и получает звуковую подсказку – что он должен открыть, открутить, смазать – т. е. он видит, слышит и может «пощупать» те или иные операции. Эффективность обучения при этом значительно повышается.

Проектная деятельность

Используя виртуальную реальность, конструкторы могут проектировать и испытывать различные конструкции. Этот метод также

дает проектировщику реальную возможность опробовать различные концепции – детально все их рассмотреть и выбрать лучшую. НАСА воспользовалась виртуальной реальностью для разработки проекта вертолета, а компания *Boeing* – при создании модели своего самолета¹.

Можно также упомянуть такие области применения систем ВР, как визуализация сложных инженерных сооружений (атомных электростанций, кораблей и подводных лодок и т. д.), моделирование чрезвычайных ситуаций и катастроф при устранении их последствий, визуализация в медицине, моделирование космических аппаратов и создание виртуальных лабораторий в космосе, конструирование и сборка сложных машин.

Бизнес и производство

Самая очевидная форма использования технологий виртуальной реальности в бизнесе – это виртуальные магазины, виртуальные витрины и манекены. Удобство такого компьютерно-сетевых интерфейса в том, что он не просто интуитивный, он уже базируется на целых культурных областях человеческого опыта. В таком интерфейсе не нужно объяснять человеку, где искать меню с функцией «оплаты за товар», понятно, что это можно сделать в месте, где обычно размещена касса в магазине (графически – касса в трехмерной модели виртуального магазина). Но разумеется, это лишь самая малая часть возможностей виртуальной реальности.

Одной из первых на эксперимент по применению виртуальной реальности на производстве решилась американская корпорация *GeneralMotors*. Риск себя оправдал: созданный в 1994 г. в Детройте центр виртуальной реальности обошелся концерну в 5 млн долларов, а экономия при разработке новых моделей машин составила около 80 млн. Дело в том, что применение системы виртуальной реальности позволяет убрать из процесса разработки новой модели такие операции, как создание пластилинового макета, продувка модели в натуральную величину в аэродинамической трубе и крэш-тесты. Все эти манипуляции инженеры и дизайнеры производят в виртуальном пространстве,

¹ Носов Н.А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 152–164.

где изменениям подвергается не физический, а электронный прототип автомобиля.

Виртуальная реальность широко применяется почти во всех отраслях архитектуры и промышленной эстетики.

Технологии виртуальной реальности активно используются в сфере обработки и визуализации больших массивов данных, что бывает необходимо для принятия важных решений. Например, на одной из американских бирж была установлена система виртуальной реальности, где рынок ценных бумаг был представлен в виде океана. Высота волны обозначала изменение котировок, погода – внешние условия (политические и экономические), чистота воды символизировала «чистоту» сделок. Таким образом, для того чтобы оценить ситуацию на фондовых рынках мира, достаточно было одного взгляда. Новая система подачи информации также позволила существенно уменьшить число естественных ошибок брокеров.

Чрезвычайно популярная идея – создание виртуальных офисов. Виртуальный офис упрощает и автоматизирует все рабочие процессы и экономит средства. У термина «виртуальный офис» есть несколько толкований. Одно из них – это общая для всех сотрудников определенной компании облачная среда (сервис), обеспечивающая персональную и совместную работу всех членов команды. Виртуальный офис хорош тем, что позволяет сразу сосредоточиться на работе и развитии бизнеса, оставив за бортом проблемы, возникающие в ходе разворачивания собственной телекоммуникационной инфраструктуры. Фирмы, пользующиеся виртуальной услугой, получают все возможности стандартного офиса для использования в своих интересах. Нужно только определить телефоны для распределения звонков. Операторы call-центра могут консультировать потенциальных клиентов, находясь в одном городе или в разных уголках планеты.

«Офис в облаке» позволяет географически разбросанным сотрудникам компании без всяких проблем взаимодействовать друг с другом, используя единую систему для обмена, хранения, обработки и передачи информации и координации совместных действий. Все финансовые и трудовые затраты на обслуживание телекоммуникационного оборудования, обновление железа, плановые работы – забота оператора виртуального офиса.

Существуют виртуальные банки. Преимущества этой модели финансовых операций заключаются в том, что использование виртуальных банков существенно экономит время, так как не нужно стоять в банковских очередях; Оплата любого счета осуществляется круглосуточно и в считанные минуты попадает на счет. Очень удобно отслеживать все виды денежных операций по банковским карточкам, будь то списание со счета какой-либо суммы или же пополнение.

Развиваются виртуальные корпорации. Этим понятием обозначается добровольная временная форма кооперации нескольких, как правило, независимых партнеров (предприятий, институтов, отдельных лиц), обеспечивающая благодаря оптимизации системы производства благ большую выгоду клиентам. На базе согласованных представлений о содержании хозяйственного процесса и явно выраженной культуры доверия партнеры по кооперации совместно используют свои ключевые компетенции в форме ресурсов и способностей, чтобы добиться результата лучше, дешевле, быстрее, гибче и с конкурентным преимуществом в международном масштабе. С точки зрения клиента динамичная сеть выступает как единое предприятие, использующее возможности самых современных информационных и коммуникационных технологий. Если обычные организации больше говорят о своем предназначении, миссии и своих целях, то виртуальная корпорация появляется в нужное время, в нужном месте для реализации возможностей и потом исчезает.

Экскурсии

Виртуальные экскурсии и развлечения реализуют глубокую человеческую потребность, о которой писал А.В. Войскунский. Этот исследователь напоминает об одной из наиболее популярных метафор, связанных с альтернативными реальностями, которой является представление о «бегстве». Романтический и часто непрактичный «побег» из будничной суеты, из оков цивилизации и т. п., побег куда угодно – в отшельники, в хиппи, на необитаемый остров, да пусть хоть в виртуальную реальность – сохраняет свою привлекательность на протяжении веков, манит подростков и взрослых. В современном звучании эта метафора все чаще звучит как «электронный фронт» (*electronic*

frontier) и намекает на отраженный во множестве фильмов-«вестернов» период продвижения американских поселенцев-пионеров на Дикий Запад и освоения ими новых территорий, с которых они отесняли аборигенов-индейцев. С тех пор понятие «фронтир» обозначает не просто географическую границу, пусть даже гибкую и не маркированную, но особое общественное настроение и психологическое состояние «людей фронта».

Согласно выдвинутой историком Ф.Д. Тернером в 1893 г. системе взглядов, известной под названием *Turner Theory*, фронтир – и как подвижная граница, и как «состояние общества» – заметно способствовал развитию таких отличительных черт национального характера граждан США, как предприимчивость, индивидуализм, вера в собственные силы, свободолюбие, нацеленность на успех и др. Под электронным фронтиром в образном плане подразумевается обращение новичков-новобранцев (*newbies*) в число сторонников сетевых технологий, «бегство» из постылой повседневности в «виртуальную реальность Интернета» как способ найти себя и приблизиться к пониманию либо полноценному раскрытию своей подлинной человеческой сущности, процесс «колонизации» незанятой «ризоматической территории» группами свободолюбивых индивидуалистов, «закрепление» пионеров на возделанных форпостах, «прокладывание пути» через «пограничные препятствия» (социального и технического характера) для последующих переселенцев и «окультуривание нового пространства». Усилиям сторонников электронного фронта противопоставлены разрозненные усилия всех, кто пытается удержать от соблазна «побега» воспитанников, детей, супругов, товарищей, сослуживцев¹.

Может быть, поэтому экскурсии и поездки невероятно популярны. Они стали возможными благодаря технологии панорамных 3D-фото. Суть метода такова: большое число сферических фотографий сводятся в единое панорамное изображение. Благодаря этому можно смотреть вверх-вниз, фокусироваться на деталях, смотреть по сторонам и т. д. – все практически как в реальной жизни. Виртуальные экскурсии дают возможность каждому, у кого есть доступ в интернет, побывать в раз-

¹ Войскунский А.Е. Представление о виртуальных реальностях в современном гуманитарном знании. URL: <http://cyberpsy.ru/articles/vojskunsij-virtuality/>.

личных уголках Земли. Особенно актуально это для людей с ограниченными физическими возможностями, которые не могут в реальности отправиться в путешествие.

Развлечения

В сфере развлечений самая интересная новация – виртуальные игры, представляющие собой совершенно особый мир. Десятки компаний создают и сами игры, и технические и программные ресурсы, необходимые для игры. Прообразом трех популярных видеоигр, входящих в данную группу, стала игра «в подкидного дурака»: «Подкидной футбол»¹, «Подкидной футбол после Евро-2016»² и «Сыграй в „Карточный домик“ с Фрэнком Андервудом»³, в которых значение карты определялось рейтингом спортсмена или политика, который на ней изображен.

Видеоигра «Собери чемодан» представляет собой актуальную версию популярной игры *Sokoban*. Задача участника – собрать распределенные по игровому полю предметы в одном месте⁴.

ADIFT – это экшен от первого лица, в котором вам придется примерить на себя костюм астронавта, единственного оставшегося в живых члена команды космической станции, который выясняет причину аварии, сражаясь с неумолимым врагом – безвоздушной пустотой.

The Assembly. Это приключенческая игра, действие которой начинается в секретной лаборатории, где беспринципные ученые ставят самые страшные опыты во имя прогресса. Играть предстоит за двух очень разных персонажей: женщину Мэдлин (*Madaline*), оказавшуюся на загадочном объекте против своей воли, и ученого по имени Кэл (*Cal*), которого, в отличие от коллег, не устраивает происходящее беззаконие. Игра, как и многие другие из нашего списка, разрабатывалась под VR с первого дня.

¹ Подкидной футбол // Meduza. 2 июня 2016 г. URL: <https://meduza.io/games/podkidnoy-futbol>.

² Подкидной футбол после Евро-2016 // Meduza. 14 июля 2016 г. URL: <https://meduza.io/games/podkidnoy-futbol-posle-evro-2016>.

³ Сыграй в «Карточный домик» с Фрэнком Андервудом // Meduza. 4 марта 2016 г. URL: <https://meduza.io/feature/2016/03/04/kartochniy-domik>.

⁴ URL: <https://meduza.io/games/soberi-chemodan>.

Fated рассказывает о временах викингов, когда храбрые воины пиروвали с богами, а богам нравилось вмешиваться в дела людей. Проект можно назвать игрой лишь с натяжкой, поскольку она представляет собой смесь приключений и интерактивного повествования, рассказа.

I Expect You To Die. Пародия на шпионские фильмы. В процессе игры вы должны обезвреживать бомбы разной сложности с помощью собственной смекалки и помощника, который может давать вам подсказки, подобно удаленному специалисту по разминированию.

iOMoon. Это игра об исследовании юпитерианской луны Ио. Вы – ученый, потерпевший крушение на спутнике и удаленно управляющий роботом-аватаром. Ваша задача – исследовать мир в поисках жизни и встретиться с командой коллег.

Narcosis. «Наркоз» – психологический триллер на выживание, действие которого проходит на дне Тихого океана. Пережив кораблекрушение и надев огромный глубоководный скафандр, вы должны отбиваться от морских существ, проходить через различные испытания тела и духа, а также побороть собственный разум, которому приходится осмысливать очень странные вещи.

И сотни других игр.

Реклама

Самые интересные эксперименты в этой сфере связаны с созданием виртуальных инфлюенсеров. Пока точную дату введения понятия «инфлюенсер» в исследовательское поле никто назвать не может. Тем не менее можно утверждать, что это понятие существует в науке относительно недавно и его появление связано с повсеместным развитием социальных сетей. *The World of Mouth Marketing Association (WOMMA)* определяет термин *influencer* как «*a person or group of people who possess greater than average advantage potential to influence due to attributions such as frequency of communication, personal persuasiveness or size of and centrality to a social network*»¹. Таким образом, инфлюенсер – это довольно широкое понятие, включающее в себя всех людей, которые

¹ Bohler D. 5 Key Terms Influencer Marketing Experts Use. [Электронный ресурс] Leighton Interactive. URL: <https://www.leightoninteractive.com/blog/5-key-terms-influencer-marketing-experts-use>.

так или иначе извлекают выгоду из своего присутствия в социальных сетях (материальную и нематериальную). Чаще всего речь идет о красивых девушках и юношах с сотнями тысяч подписчиков, которые, если верить их снимкам, не вылезают из умопомрачительных поездок и проводят жизнь, резвясь в бассейне на надувных единорогах и фламинго. Треть пользователей Инстаграм признается, что покупали что-то, увидев это в социальной сети. Среди молодежи эта цифра еще выше: 84 % пользователей из поколения миллениалов доставали кредитку, вдохновившись кем-то в соцсетях, а 97 % путешествующих той же категории обязательно делают посты про свои поездки. Так лайки стали двигателями торговли.

В 90-е годы XX столетия случился буквально бум виртуальных знаменитостей, и все благодаря разработке японской компании *Yamaha Corporation* – компьютерной программе *Vocaloid*, имитирующей голос поющего человека на основе заданной мелодии и текста¹.

Сразу несколько виртуальных певиц появилось в Японии, самая известная из которых – Хацунэ Мику. В 2007 году компания *Crypton Future Media* создала виртуальную певицу Хацунэ Мику с использованием технологий вокального синтеза от *Yamaha Corporation*. Сейчас Хануцэ ездит в туры и выступает с помощью 3D-голограмм, а на ее страницу в *Facebook* подписаны более 2,5 млн реальных людей. Хацунэ Мику, так же как многие ее японские сестры, полностью генерирована на компьютере, в то время как нам куда более знакомы кейсы виртуальных идиолов².

Виртуальными идолами называют сформированных с помощью компьютерной графики, существующих в Интернете и в виртуальной среде в целом звезд (чаще музыкантов), находящихся под аудиоконтролем, то есть озвученных настоящим человеком. Виртуальных идиолов нельзя назвать полноценными виртуальными персонами, тем не менее они являются важной частью мира *CGI* (*Computergeneratedimage*).

¹ Werde B. Could I Get That Song in Elvis, Please? [Электронный ресурс] The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2003/11/23/arts/music-could-i-get-that-song-in-elvis-please.html>.

² Хвостик Е. Виртуальная японская певица отметила десятилетний юбилей карьеры. [Электронный ресурс] Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3455291>.

Ярким примером виртуального идола является музыкальный проект Глюк'оZа. Популярность Глюк'оZы была обусловлена, во-первых, качественным PR и отлично выстроенной фейковой биографией, придуманной для медийного образа Натальи Ионовой продюсером Максимом Фадеевым, а во-вторых, конечно, интересом публики к непонятной мультяшной героине. Более того, изначально проект не предполагал «выхода в офлайн», но многочисленные подражатели, дававшие концерты по всей России под фонограмму, вынудили Фадеева и Ионову совершить «каминг-аут» и показать девушку, скрывавшуюся за анимированным персонажем.

Виртуальные идолы существуют и сегодня: они очень популярны в Японии, кроме того, всемирно известная рок-группа Gorillaz также является виртуальной. Таких виртуальных идолов нельзя назвать отдельными личностями, но на их примере хорошо видно, насколько медийный образ может отличаться от реального человека и как можно им профессионально управлять.

В последнее время появились так называемые «CGI-инфлюенсеры». По сути это сгенерированные при помощи трехмерной компьютерной графики антропоморфные или полностью копирующие человека персонажи, которые существуют в социальных сетях и имеют влияние на определенную аудиторию. Их также называют диджиталинфлюенсерами, цифровыми моделями или виртуальными инфлюенсерами.

Несмотря на то, что концепт виртуальных знаменитостей был придуман и использовался еще 20 лет назад (яркими примерами являются упомянутые выше певицы Глюк'оZа и Хацунэ Мику, группа *Gorillaz*), полноценные CGI-инфлюенсеры появились недавно. В 2015 году в сети появилась¹ первая CGI-персона (прообраз будущих CGI-инфлюенсеров) – невероятно реалистичная японская школьница Сайя, нарисованная Тереяки и Юкой Ишикава, супружеской парой 3D-иллюстраторов из Токио.

¹ Prigg M. Do YOU notice anything unusual about Saya, the Japanese girl taking the internet by storm? [Электронный ресурс] DailyMail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/science-tech/article-3275119/Do-notice-unusual-Saya-Japanese-girl-taking-internet-storm.html>.

Первым виртуальным инфлюенсером принято считать Микелу Соузу, чей аккаунт в *Instagram* появился в апреле 2016 года. В августе 2017 Микеле выпустила свой первый сингл, тем самым продолжив путь *Gorillaz* и Хацунэ Мику. Сейчас на аккаунт Микеле подписаны более 1,5 млн человек – она самый популярный виртуальный инфлюенсер. Именно после появления Микелы и ее друзей Бермуды и Блавко (все три персонажа созданы компанией *Brud*) в *Instagram* появились сотни других *CGI*-персон. Кроме того, популярность феномена может быть обусловлена доступностью технологии *Deep Fake*¹ (технология, в основе которой самообучающийся искусственный интеллект, вписывающий лицо одного человека в тело другого, сохраняя мимику и черты лица), например, может позволить поставить лицо Стива Бушеми на тело Дженнифер Лоуренс², а уровень даже самых базовых приложений для обработки фото позволит вам изменить цвет кожи, глаз и волос. Все эти и многие другие технологии сделали создание достоверных виртуальных людей достаточно простым, чтобы заниматься этим без огромных денежных вливаний извне.

Впрочем, в отличие от своих реальных коллег, виртуальные инфлюенсеры активно общаются со своей аудиторией, имея больше возможностей (то есть больше менеджеров) для ответов на комментарии и личные сообщения. Взаимодействия между виртуальными инфлюенсерами и их аудиторией нельзя назвать ненастоящими, они, наоборот, отличаются искренностью и даже детской наивностью со стороны аудитории (под фото виртуальных инфлюенсеров часто можно увидеть вопросы о том, бывает ли им больно, могут ли они «закоротить» от соприкосновения с водой, что они едят и так далее), и именно за этим гонятся бренды: за реальной вовлеченностью и активностью пользователей. Виртуальные лидеры мнений доказывают, что они достойны места рядом со своими реальными коллегами и даже обладают возможностями и характеристиками феномена, который в будущем изменит правила игры в инфлюенсер-маркетинге.

¹ Charleer S. Family fun with deepfakes. Or how I got my wife onto the Tonight Show. [Электронный ресурс] Towards Data Science. URL: <https://towardsdatascience.com/family-fun-with-deepfakes-or-how-i-got-my-wife-onto-the-tonight-show-a4454775c011>.

² MikaelThalen (2019). Запись в Twitter: 30 января в 4:44. URL: <https://twitter.com/MikaelThalen/status/1090349932266094593>.

В интервью для издания *The Village* московская модель и диджей Саша Паника, чья цифровая сестра, Ася Страйк, является одной из первых российских виртуальных инфлюенсеров, говорит, что такой процесс превращения человека в медиа нормален: «В *Instagram* особенно сильно ощущаешь, как личный аккаунт в какой-то момент начинает „аватаризироваться“, а ты превращаешься в персонажа. В конце концов, уже не так важно, реальный это человек или нет: если он интересный персонаж с увлекательной жизнью, то за ним будут следить»¹. Процесс «аватаризации», о котором говорит Паника, в данном случае равнозначен трансформации репрезентируемой в Инстаграм личности человека в медийный образ².

Перспективы

Воздействие новых коммуникационных возможностей виртуальной реальности привело к формированию нового междисциплинарного исследовательского направления – нейронауки (*neuroscience*)³. В рамках данного направления работают английский нейропсихолог К. Фрит, финский нейробиолог Р. Наатанен, канадский психолог М. Дональд⁴ и другие исследователи по всему миру, в том числе в России: стоит упомянуть Б. Величковского и Т. Черниговскую⁵. В нейропсихологии, направлении, лежащем на стыке психологии и нейронауки, с помощью «виртуального» объясняются изменения в психике

¹ Трабун Д. «Я создала сестру – цифровую инстамодель». [Электронный ресурс] *The Village*. URL: <https://www.the-village.ru/village/people/experience/335215-kiber-asya>.

² Глубокий анализ процессов создания и функционирования виртуальных инфлюенсеров выполнен в дипломной работе выпускницы факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ Константины М.К. Появление и развитие феномена виртуальных инфлюенсеров в инстаграме. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/296285035>.

³ Кирьянов Д. Нейронаука и богословие // *Церковь и время*. 2011. № 55.

⁴ Фрит К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. Пер. с англ. П. Петрова. Corpus, 2012; Наатанен, Р.К. Внимание и функции мозга. Пер. сангл. Даниловой Н.Н., Федоровской Е.А., Черноризова Е.А. М.: МГУ, 1998; Donald M. *Origins of the Modern Mind: Three stages in the evolution of culture and cognition*. Harvard, 1991.

⁵ Величковский Б.М. Компьютеры, мозг и познание: Успехи когнитивных наук. М.: Наука, 2007; Черниговская Т.В. Язык, мозг и компьютерная метафора // *ЧЕЛОВЕК*. 2007. № 2. С. 63–75.

человека¹. Предполагается, что человеческое сознание «порождает» виртуальную реальность как некую производную от реальности настоящей, соответственно, виртуальная реальность существует до тех пор, пока существует и актуальна для нее «реальная» реальность².

Исследования взаимодействия виртуальной реальности и медиа показали, что информация, передаваемая с помощью технологий виртуальной реальности, существенно повышает эмоциональный отклик и позволяет пользователю расширить свою точку зрения по тематике новостей. Человек, находясь в предлагаемом ему виртуальном пространстве, погружается в события и находится в непривычной для него ситуации. Подобное освещение новостей существовало и раньше, и в том числе присутствовало в литературных произведениях, но оно всегда оставляло для читателя места для него самого в истории, которую и он мог трактовать по-своему. Но при погружении человека в виртуальную среду доля предвзятости уменьшается. Оказалось, что технологии виртуальной реальности могут стать достаточно сильным инструментом информирования, поскольку при применении данной технологии происходит переход от стандартной формы предоставления информации – повествования, к сюжету, который дает человеку ощущения включенности, единства, участия, эмоциональной привязанности. Лаборатория Google составила ряд рекомендаций для использования технологий виртуальной реальности в журналистике. Технологии виртуальной реальности эффективны, когда они направлены на передачу эмоциональной и чувственной составляющих медиаконтента. Они эффективны при погружении человека в историю, повествуемую от первого лица. Вместе с тем надо иметь в виду, что человек, находящийся в виртуальной реальности, весьма уязвим как физически, так и

¹ Березина Т.Н. Может ли психическая активность изменять физическую реальность? // Парапсихология и психофизика. 1999. № 1. С. 125–141; Грязнова Е.В. Виртуальная реальность: измененное состояние сознания или информационный феномен? // Международная конференция «Измененные состояния сознания»: Сборник трудов. СПб.: СПбГУ, 2006; Грязнова Е.В. Виртуальная реальность: анализ смысловых элементов понятия // Философские науки. 2005. № 2. С. 125–143; Носов Н.А. Идея виртуальности // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 3. М.: Институт человека РАН, 1997. С. 7–32.

² Носов Н.А. Виртуальная парадигма // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 4. М.: Институт человека РАН, 1998. С. 87–94.

эмоционально, что говорит о важности соблюдения этических норм, а также поднимает вопрос о возможности манипулирования¹.

Некоторые авторы вводят понятие «виртуальная революция» и предлагают следующие характеристики этого процесса².

1. Взрывной рост «оцифрованного мира»: от «цифровых продуктов» до технологии последнего поколения вообще, основанной на сложной вычислительной технике³. Д. Бреннер считает, что «если промышленная революция увеличила производительность в общем в сто раз, то микроэлектронная революция уже сейчас усилила производительность основанных на использовании информации технологий более чем в миллион раз»⁴. Программная автоматизация и контроль сокращают затраты и ускоряют обмен огромными объемами коммуникации. Иллюстрацией могут служить программы «электронного правительства», благодаря которым реализуется мгновенный обмен, обслуживание или контроль информации между госучреждениями на территории всей страны и за ее пределами. Человек освобождается от рутинной «функциональной» коммуникации и получает возможность в большей степени отдать себя коммуникации творческой⁵. Важный эффект «виртуальной революции» заключается также в замене традиционных способов коммуникации и

¹ An ethnographic study of how audiences experience VR and what that means for journalists / Google News Lab, 2017. Mode of access: https://newslab.withgoogle.com/assets/docs/story-living-a-study-of-vr-in-journalism.pdf?_ga=2.26330356.838860768.1535613831-823905204.1535613831. Date of access: 20.08.2018.

² Виртуализация коммуникационных процессов. <https://sci-book.com/etika/323-virtualizatsiya-kommunikatsionnyih-79657.html>.

³ Строго говоря, все электронные СМИ, включая радио и телевидение, являются «виртуальными». С развитием цифровой печати грозит отойти в прошлое традиционная офсетная печать. В цифровую форму переводятся кино, музыка. Электронные библиотеки в будущем могут оказаться вполне способными конкурировать с традиционными библиотеками. Всебольшивесвиндустрииразвлеченийзанимаютформыкибердосуга.

⁴ Brenner D.L., *Telecommunications and the World Information Revolution // Vital speeches of the day*. N.Y. 1989. VI. 56. N. 1/2. P. 88.

⁵ Вот как иллюстрирует производственный процесс в глобальную эпоху Л. Туров: «Кто недавно покупал новый автомобиль, возможно, обратил внимание, что воздушные подушки в его машине управляются компьютерным чипом, именуемым акселерометром... Большая часть акселерометров производится в Бостоне, затем акселерометры посылаются на Филиппины для тестирования. Для упаковки они реэкспортируются в Тайвань. Из Тайвани посылаются снова в Германию для инсталляции в БМВ, чтобы затем быть вновь экспортированной: в Бразилию, где кто-то дарит БМВ своей дочери или сыну к окончанию учебы. Итак, специалист из Бостона работает вместе с необразованным рабочим на Филиппинах, который кооперируется с полуобразованным рабочим из Тайваня, вместе они работают с самыми высокооплачиваемыми в мире работниками БМВ.

управления, требовавших физического контакта, удаленными интеракциями. Стремительно развиваются электронный бизнес, организация телеработы, электронный документооборот.

2. Динамичность и гибкость новых институциональных структур общества. «Будущее принадлежит переносимому производству (*outsourcing*), децентрализованной организации и поточному производству (*workflow*), – утверждает Й. Браунер, – т. е. сетевым, универсальным предприятиям, виртуальным организациям в виртуальных мирах»¹. В работе «Кибернетическое общество» этот автор выделяет следующие особенности новых форм организации предприятий:

- виртуальные предприятия и их сети организованы партнерски, неиерархично; в качестве предприятий-сетей они могут стремительно изменять свою величину, направления и стратегию деятельности;
- они интерактивны, менее бюрократичны, способны реализовывать более открытую и оперативную коммуникацию внутри и вовне; эти компании – не более чем сгустки интеракций;
- в них открывается большее пространство инициативе и творческой мотивации².

3. Доминирование средств массовой информации. Массмедиа перестают быть «средством», напротив, средством становится то, что совершается вокруг них. Доступ и постоянное приобщение к медиаинформации является для современного человека необходимым условием интеграции в динамично изменяющуюся, разобщенную вследствие своей полифункциональности жизнь общества. Это касается процессов участия в управлении обществом, досуга и даже потребления, которые являются в значительной части медиапроцессами (выборы, развлечения, реклама).

4. Виртуализация капитальных ресурсов. Поскольку информация в современном обществе становится основным капитальным ресурсом, который приводит в движение остальные ресурсы, последние сами обретают свойства и «темпы» жизни информации. Существенная

Все они работают на одной детали, которая стоит 50 долларов. И все зависят от рынка сбыта в Бразилии. Вот это и есть глобальная экономика». Thurow L., Kolumbusirrtichtig. // ZeitungamWochenende. 13.02.1999.

¹ Brauner J., Bickmann R., Cyber Society: Das Realszenario der Informationsgesellschaft: Die Kommunikationsgesellschaft. Munchen-Dusseldorf, 1996. С. 58.

² Там же.

трансформация происходит в подсистеме «деньги–капитал». Деньги, как и ценные бумаги, являются информацией об обмениваемых материальных ресурсах, и поэтому все более становятся виртуальными транзакциями, свободно пересекающими планету¹. Их движение, в особенности учитывая растущие размеры эмиссии электронных денег, в определенной степени самостоятельно и свободно. Виртуальные деньги способны стремительно перемещаться от рынка к рынку, от одних бирж к другим. Превращаясь в стихийную массу, они оказываются подвластны тончайшим настроениям биржевой паники. Легко «надувая» экономики и еще стремительней «убегая» из стран, спекулятивные денежные потоки дестабилизируют внутренние рынки, приводя к тяжелым финансовым кризисам².

Говоря о перспективах виртуальной реальности, нельзя обойти вниманием наличие довольно большого количества исследователей, скептически относящихся к этой идее.

Основное обвинение в адрес идеи виртуальной реальности ярко и наглядно было предъявлено в фильме «Матрица». И сегодня есть немало экспертов, которые предполагают, что в будущем с помощью VR-технологии можно будет создать единую Матрицу, которая и станет местом пребывания людей. Ученые не исключают, что Матрица станет достаточно заманчивой для того, чтобы люди предпочли существовать в ней, а не в реальной жизни.

Некоторые исследователи указывают, что уже сегодня видны негативные социальные последствия распространения технологий виртуальной реальности. Речь идет о так называемой виртуальной аддикции (нехимической психологической зависимости человека от систем виртуальной реальности). Предпосылками для этой аддикции, к примеру, может послужить существующая и все более уверенно овладевающая сознанием «геймеров» зависимость от компьютерных игр³.

¹ По этой причине происходит постепенное вымывание из современной экономики наличных денег.

² Если прочные экономики в силах противостоять произволу их движения, то даже небольшие в мировом масштабе перемещения капиталов способны разрушать рынки развивающихся стран.

³ Иванов М. Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/gameaddict2>.

Билл Гейтс, например, открыто заявляет, что в том случае, когда виртуальная реальность станет доступной всем, это может вырасти в серьезную проблему, поскольку некоторые люди будут пользоваться системой слишком часто, в ущерб всему остальному. Рассуждая на эту тему, Гейтс убеждает нас в том, что виртуальная реальность сильнее любой видеоигры и что впасть в зависимость от нее очень легко¹. Этому могут способствовать яркие, неожиданные ситуации виртуального мира, которые и привлекательнее, и реальнее тусклой повседневности, возможность реализации виртуальных достижений, немислимых в реальной жизни, виртуальная идентификация – отождествление себя с великим человеком или персонажем – героем битв, мужества и красоты или «великим мучеником», связанные с фантастическим избавлением от ситуации и т. д. Помочь тем, кто впал в серьезную зависимость от пребывания в системе виртуальной реальности, в этом случае могут группы самопомощи, примерно те же, что сегодня помогают наркоманам и алкоголикам.

В какой степени зависимость от виртуальной реальности может повлиять на изменение сознания человека, сейчас очень сложно спрогнозировать. Гипермотивированность, которая может лежать в основе этой зависимости, к сожалению, пока еще недостаточно хорошо изучена. Тема зависимости от виртуальной реальности, на наш взгляд, заслуживает отдельного серьезного исследования.

Отдельная, практически неизученная проблема – влияние виртуальных реальностей на идентичность и самосознание человека, который в любой момент может обрести другую телесность и другой психический опыт в виртуальных мирах.

Еще один немаловажный аспект изучения явления виртуальной реальности – это и возможность манипулирования сознанием человека. Например, А. Войкунский поднимает вопрос психологического статуса виртуальной реальности и возможной связанности ее, например, с проблематикой измененных состояний сознания и психоделического опыта².

¹ Gates B. The road ahead. Viking, 1995.

² Войкунский А. Психологические исследования феномена интернет-аддикции // Вторая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. М.: Экопсицентр РОСС, 2000.

Несомненно, что погружение в среду виртуальной реальности ставит ряд вопросов, касающихся физического и психического здоровья человека. До сих пор до конца непонятно, каким воздействиям подвергается человек (в первую очередь его глаза и мозг) при продолжительном погружении в виртуальную реальность¹.

Уже сегодня существует тенденция к целенаправленному воздействию на сознания человека через интернет. Интересным для изучения является аспект возможного использования интернета как крайне концентрированного информационного поля, способного конденсировать проявления воли, передавая их без ограничений расстояния. Неслучайно возникают идеи о необходимости разработать правовую концепцию использования систем виртуальной реальности, чтобы исключить возможность их использования, к примеру, в преступных целях (зомбирование, контроль над сознанием, эксперименты на психике и др.).

Есть и другие тревоги. Вот лишь один текст из множества, посвященных выражению этих озабоченностей:

«Виртуал, он же человек современной цивилизации, он же ежевечерний зритель сериала, неутомимый потребитель видеобреда, и прочая, и прочая, торжествующе шествует по планете, захватывая все новые и новые страны. На голове у него шлем виртуальной реальности, в голове – непрерывно работающий CD-плеер, в сердце – мечта о поцелуе Мадонны и миллионе долларов, в правой руке – газета „Спидинфо“, в левой – журнал „Мир развлечений“. И он горд собой и своей новой, восхитительной свободой – свободой не-существования в мнимом мире, созданном для него заботливыми политиками, миллиардерами и менеджерами шоу-бизнеса...

Эта виртуальная реальность, в которой он существует, на самом деле нереальна. Она – искусственная среда обитания для полусинтетических людей. Но наука не стоит на месте и, как всегда, не останавливается ни перед чем – задача создания стопроцентно искусственных людей уже поставлена. На их спине, между лопатками, будет находиться ярлычок с электронным кодом, датой выработки, сроком годности и составом: эмульгатор, консерватор, искусственная кровь, соль, сахар, полистирол и говядина...

¹ Кондратьев И. Технология – виртуальная, результат – реальный // Computerworld. 1997. № 35.

Фашизм не проиграл, а победил во Второй мировой войне. Идеал стадного общества, управляемого на все сто процентов, достигнут»¹.

А вот другой текст, который хочется процитировать целиком:

«Однажды мы отключим смартфоны и выйдем в мир. Там будет весна, и фонари повиснут в маслянистой мгле огромными золотыми светляками. Взявшись за руки, мы пройдем сквозь их матовое свечение, и свет прилипнет к нашим телам и останется с нами надолго.

Однажды нам надоест дружить на фейсбуке, и мы поедem с друзьями к морю. Все будет по-настоящему: серебряные рыбки, чайки-охотницы и замки из песка. Волны подберутся поближе и слижут наши следы, ну и пусть. Главное, что они там были. А в полночь над белым берегом взойдет луна – безупречно круглая, точно обведенная циркулем. И вдруг небо опрокинется прямо на нас, и мы, конечно же, в честь этого откупорим бурбон.

Однажды мы удалим все-все фото из инстаграма и ни разу об этом не пожалеem. Еда окажется такой вкусной, что ее никто не успеет сфотографировать. Мы будем бродить по приморскому рынку и угощаться гранатами, вдыхать ароматы паприки и кардамона, смотреть, как торговки вылавливают из кастрюль домашнюю брынзу, чтобы обернуть ее в белоснежную марлю. И нам ни разу не придет в голову включить камеру, ни разу. Потому что... зачем?

Однажды искусственная реальность сериалов покажется нам слишком душной и тесной. Мы прервем на середине восемнадцатый сезон, потому что нам просто захочется жить. Смотреть, как плывут льды по зимней реке, кормить голубей, целоваться, несмотря на мороз. Летящие снежные хлопья напомнят нам кокосовую стружку, и мы рассмеemся. А потом пойдем греться в ночной ресторанчик и станцуем танго. Ничего, что пока не умеем. Мы все равно станцуем.

Однажды мы перестанем следовать моде и вдруг обретем собственный стиль. Наплевав на условности, будем сочетать несочетаемое и экспериментировать с цветами. Мне простят слишком яркие наряды, помады, вызывающие прически. Тебе простят твою простоту. И я достану бабушкину камею, а ты купишь фетровую шляпу на барахолке. И это будет очень красиво, клянусь, по-настоящему красиво.

¹ Поликовский А. Идущие вместо. Одежда голого короля позволяет «обуть» миллионы людей. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2001/07/05/11331-iduschie-vmesto>.

Однажды мы вытащим из ушей наушники и прислушаемся к сердцу. Вдруг выяснится, что музыка повсюду – в шорохе прошлогодней листвы, в стуке дождя и в пыхтении кофейника. Мы услышим мысли старых кирпичных домов, и тихие разговоры деревьев, и даже молчание облаков. И в этой мелодии не прозвучит ни одной фальшивой ноты, ни единой.

Однажды нам станет скучно читать нелепые твиты, и мы, наконец, достанем с полки книги. От их пыльного аромата в душе проснется странное чувство, имени которому мы так и не найдем. Все забытые детские мечты с новой силой обрушатся на нас: захочется бороздить моря, скакать по прериям, искать сокровища и спастись от погони. И влюбляться, Господи, как же нам захочется влюбляться.

Однажды мы прекратим признаваться в любви дурацкими смайликами, а просто заглянем друг другу в глаза. И в них увидим все созвездия Вселенной, и обрывки самых теплых снов, и свое собственное отражение. И ничего не придется говорить, все станет понятно без слов. Но ты все равно спросишь, а я отвечу.

Ты устал и не веришь мне, но я-то знаю. Пусть не в этой жизни и не на этой планете, но однажды все будет именно так.

Мы еще станцуем танго.

Обещаю»¹.

3.5. Вызовы и риски цифровой трансформации медиакоммуникаций

Уже очевидны как позитивные, так и негативные эффекты глобализирующейся коммуникации. Что касается позитивных эффектов, то обычно указывают на то, что новые средства информации и коммуникации помогают преодолеть многие из физических препятствий для коммуникации (удаленность, недостаток времени); повышают возможности участников коммуникации довести до других и обосновать свою

¹ Стрельченко Т. Однажды мы отключим смартфоны и выйдем в мир. URL:<http://sobiratelzvezd.ru/odnazhdy-my-otklyuchim-smartfony-i-vyjdem-v-mir/>.

точку зрения, организовывать дискурсы и участвовать в дискурсах (увеличивают информационную емкость общества, снижают издержки обмена информацией); делают более прозрачными и даже в некоторых случаях снимают границы институтов и культур, продуцирующих конвенциональную мораль «субстанциальной нравственности»; повышают степени свободы личности и предоставляют большее, чем прежде, количество предпосылок для укрепления постконвенциональной морали.

Что касается негативных эффектов, то палитра ответов гораздо шире. Обобщение существующих работ дает основание для формулирования более широкого списка фундаментальных вызовов, ответ на которые определит ближайшее и более отдаленное будущее человечества.

Геоцивилизационные вызовы

В эту группу мы включаем переход человечества к новому экономическому, социальному и политическому миропорядку. Научно-техническое развитие конца XX столетия резко изменило облик ставшего привычным мира. На смену индустриальной эре, с ее заводами, паровозами и ориентацией на естественные ресурсы (газ, нефть, зерно, лес и т. п.) пришла постиндустриальная эпоха, в которой доминирующими становятся, с одной стороны, высокие технологии и связанные с ними информационные, коммуникационные отрасли, с другой – биотехнологии, а центральным ресурсом – знания. Высокие технологии перестраивают привычные сферы человеческой деятельности, которые все в большей степени оказываются «завязанными» на компьютеры, интернет, телекоммуникацию – это торговля, финансовая деятельность, образование, медицина и даже быт. Информационные и коммуникационные технологии внесли решающий вклад в становление современной глобальной хозяйственной системы, сделав возможным разделение труда действительно в планетарном масштабе. Ее результатом стала координация деятельности по производству, комплектации и реализации различных товаров и услуг в планетарном масштабе. В последние годы эти технологии стали интенсивно внедряться в повсе-

дневную жизнь фактически каждого человека. Все это ведет к перестройке привычной политической картины мира, основанной на государственно-центристской модели мира.

Этот переход неотвратимо меняет ареалы и способы жизнедеятельности миллиардов людей, независимо от того, чувствуют ли они эти процессы и понимают ли их причины и следствия.

Существует множество определений этого нового миропорядка: «информационное общество», «постмодернистское общество», «открытое общество» и др. Эти теории были разработаны в трудах Дж.Б. Фишера¹, К. Кларка², У. Ростова³, Э. Тоффлера⁴, Дж.К. Гэлбрейта⁵, Р. Арона⁶ и Д. Белла⁷, К. Поппера⁸ и др. Так, Э. Тоффлер предложил для описания современного мира концепцию трех волн: одни страны живут в аграрном этапа развития; другие перешли в фазу индустриально-заводской организации социума, приведшей к обществу массового потребления, массовизации культуры; третьи страны вошли в постиндустриальную волну своего развития, которая характеризуется одолением дегуманизированных форм труда, возникновением нового типа труда и, соответственно, нового типа рабочего.

По мнению российского философа А. Зиновьева, эти определения схватывают лишь какие-то внешние характеристики геопланетарного переворота, глубинные смыслы которого пока еще плохо осознаны. Видимо, это имел в виду А. Зиновьев, когда очень резко отзывался об авторах, которые обращают внимание на отдельные привлекающие внимание аспекты жизни людей или сенсационные научные открытия и технические изобретения, дают им тенденциозную идеологическую интерпретацию и изображают состояние и будущее человечества так, как будто благодаря информационной технике резко улучшатся жиз-

¹ Fisher A. G. B. (1935). The clash of progress and security. London: Macmillan.

² Clark C. (1957). The conditions of economic progress. London: Macmillan.

³ Rostow W.W. (1971). Politics and the stages of growth. London: Cambridge University Press.

⁴ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.

⁵ Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.

⁶ Aron R. (1963). Dix-huit leçons sur la société industrielle. Paris: Gallimard.; Aron R. (1966). Trois essais sur l'âge industriel. Paris: Plon.

⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004.

⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

ненные условия людей, так как они будут разумно управляться. На самом деле, по мнению А. Зиновьева, во второй половине двадцатого столетия действительно произошел качественный перелом в социальной эволюции человечества, сущность которого заключается в переходе от эпохи господства человеческих объединений типа (и уровня) обществ к эпохе господства объединений типа сверхобществ. Для того чтобы понять на научном уровне, что это такое, нужен новый понятийный аппарат, новая социологическая теория, принципиально отличные от средств, используемых в настоящее время в сфере социальных исследований. Чтобы понять, что такое сверхобщество, необходимо ввести понятие социальной организации человеческих объединений, охватывающее все основные аспекты, уровни и сферы организации, а не отдельные явления, в данное время имеющие большой успех и привлекающие к себе внимание обывателей, бизнесменов, политиков, спекулянтов на конъюнктуре и т. д. Необходимо дать эволюционную квалификацию уровней социальной организации, показав при этом, что привычные человеческие объединения, называемые обществами, являются лишь одним из уровней в социальной эволюции. Необходимо установить, в чем именно произошел эволюционный прогресс в плане возникновения человеческих объединений более высокого уровня социальной организации, чем привычные общества. А это – неизмеримо более серьезная, сложная, трудоемкая и не имеющая развлекательно-сенсационного эффекта работа, чем безудержное словоблудие с идеологическими пустышками вроде «информационное общество»¹.

В каком-то смысле с мнением А. Зиновьева перекликается концепция С. Хантингтона, который в своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» сформулировал тезис о том, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежа-

¹ Зиновьев А. Информационное общество и сверхзадача. URL: http://elenapyuyhtia.blogspot.com/2015/04/blog-post_638.html.

щими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов. Грядущий конфликт между цивилизациями – завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире¹.

Аргументом в пользу идей А. Зиновьева и С. Хантингтона является тот факт, что крушение двухполюсного мира вызвало, неожиданно для многих, не невольное магнетическое стремление к единому центру (разумеется, к Западу), а как раз противоположное движение – к собственной цивилизации. Именно эти цивилизации стали сборными лагерями народов, а не ООН, не западная технологическая крыша. И то, что казалось универсализмом Западу, воспринималось империализмом другими. Если такие цивилизации, как восточноевропейская, латиноамериканская, индуистская, хотя и проходят определенную фазу самоутверждения, не проявляют очевидной враждебности по отношению к западной цивилизации и не пытаются демонстрировать своего превосходства над западной культурой, то азиатские цивилизации: китайская, японская, буддийская и движущийся в этом смысле параллельно с Азией мир ислама – занимают все более жесткую позицию в отношении Западу. Как азиаты, так и мусульмане ныне открыто утверждают свое превосходство над западной цивилизацией. На микроуровне основная линия спора пролегает между исламом и его православными, индуистскими, африканскими и западно-христианскими соседями. На макроуровне же главенствующая линия пролегает между, с одной стороны, мусульманским и азиатским обществами и Западом – с другой. Опасные схватки будущего возникнут, скорее всего, из взаимодействия западного высокомерия, исламской нетерпимости и китайского самоутверждения. Кроме того, по мнению профессора А.И. Уткина, за фасадом самой впечатляющей сверхиндустриализации 80–90-х годов XX века китайцы сумели сохранить верность конфуцианской культуре. Возможно, Западу придется убедиться, что конфуцианство, помноженное на современную технологию и менеджмент, – более страшное оружие противодействия. В предстоящие десятилетия

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL:<https://www.litmir.me/br/?b=11594664&p=1>.

подъем Азии и ислама приведет к гигантским сдвигам на геополитической карте мира¹.

Однако концепция С. Хантингтона подвергается довольно убедительной критике. Так, например, исследователи указывают, что мусульмане воюют друг с другом намного яростнее, чем с немусульманскими народами. Различия в пределах исламского мира настолько глубоки, а конфликты столь остры и неразрешимы, что едва ли можно говорить о наличии и постоянстве солидарности на религиозной почве. Между ними происходили бесконечные войны, продолжавшиеся годами, как, например, между Малайзией и Индонезией, Пакистаном и Бангладешем, Египтом и Саудовской Аравией, Южным и Северным Йеменом, Ливией и Чадом, Ливией и Марокко, Ираном и Ираком. Агрессия против Дагестана находится в этом же ряду. Именно на фоне этих кровавых конфликтов имеют место трудноразрешимые споры между мусульманскими и немусульманскими государствами, как, например, конфликты между Индией и Пакистаном, арабскими странами и Израилем. В настоящее время каждое мусульманское государство ревностно защищает свои собственные национальные интересы, которые рассматриваются ими как более важные, чем всеобщая лояльность к исламу как единой вере².

Еще один пример – события в Косово. Религия в этих событиях не была решающим фактором, и действия мусульман управлялись не цивилизационными приоритетами. Более того, мусульманские страны тогда не проявили особой активности, чтобы оказать помощь косоварам. Даже Иран уклонился в этот период от открытой помощи, фактически отказавшись от контактов с мусульманскими сепаратистами. Он же был среди последних мусульманских стран, которые поддержали независимость Азербайджана и государств Центральной Азии. Позднее Иран поддержал российскую позицию по Чечне и Дагестану, не вмешиваясь в события на Северном Кавказе. Поддержка Армении против шиитского Азербайджана в конфликте в Нагорном Карабахе также свидетельствует о том, что политика Ирана мотивируется прежде всего

¹ Уткин А.И. Новая ось мирового противостояния. URL: <https://lmpotsdam.de/u/slavistik/zarchiv/0497m/ks004-11.htm>.

² Арухов З. Так ли уж неизбежен «конфликт цивилизаций»? URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-04-25/6_conflict.html.

национальными интересами, а не преданностью приоритетам исламской цивилизации¹.

Кроме того, стоит помнить о том, что в эпоху глобализации культурные границы между Западом и исламом становятся все более размытыми. Исламский и западный миры не являются ни в культурном, ни в политическом плане гомогенными и монолитными, появляются все новые силы и тенденции, что в особенности касается мусульманского мира. По мнению специалистов, 20 млн иммигрантов первого поколения живут в США, 16 млн – в Западной Европе, 8 млн – в Канаде и Австралии. Большинство из них пришли не из западных обществ. В Германии живут 1,7 млн турок; в Италии преобладают выходцы из Марокко, Туниса и Филиппин; во Франции – 4 млн мусульман. В США половина иммигрантов переехала из Латинской Америке и почти 35 процентов – из Азии. Эти эмигранты практически не поддаются ассимиляции, сохраняя свой язык, религию и культуру. В США, согласно Цензовому бюро, между 1995 и 2050 годом доля неиспаноязычных белых в общем населении страны уменьшится с 74 процентов до 53 процентов, а доля испаноязычных – увеличится с 10 до 25 процентов; доля чернокожих американцев повысится с 12 до 14 процентов, а азиатов с 3 до 8 процентов². Вполне вероятно, что это – плацдармы будущего межцивилизационного выяснения отношений. Но не менее вероятно, что после серии конфликтов, затрагивающих идентификационные основы взаимоотношений, будет найдена формула сосуществования.

Поэтому речь сейчас должна идти не о противоречии между западным и незападными обществами, а о противоречии между англосаксонской моделью развития (опирающейся на веру в свободу, равенство и демократию наряду с недоверием к правительству, противостояние властям, неуловимые сдержки и противовесы, поощрение конкурентной борьбы, священность гражданских прав, явственное стремление «забыть прошлое и игнорировать будущее» ради эффективности непосредственных результатов) и традиционными моделями жизнедеятель-

¹ Арухов З. Так ли уж неизбежен «конфликт цивилизаций»? URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-04-25/6_conflict.html.

² Уткин А.И. Новая ось мирового противостояния. URL: <https://lmpotsdam.de/u/slavistik/zarchiv/0497m/ks004-11.htm>.

ности, ориентирующимися на такие категории, как работа, семья, дисциплина, авторитет власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, вера в иерархию, важность консенсуса, стремление избежать конфронтации, вечная забота о «спасении лица», господство государства над обществом (а общества над индивидуумом), равно как предпочтение «благожелательного» авторитаризма над западной демократией – слагаемые успеха сейчас и в будущем.

Техногенная цивилизация, как и любая динамичная система, подчиняется принципам развития, в соответствии с которыми система проходит некоторые обязательные этапы. И. Адизес выделяет приведенные ниже этапы.

1. **Выхаживание.** Этап создания.
2. **Младенчество.** Время самоотверженных усилий для реализации мечты.
3. **Стадия быстрого роста.** Дела идут хорошо, потому что благоприятные внешние условия.
4. **Юность.** Время конфликтов. Люди начинают заниматься собой, проявляются амбиции. Возникает противоречие между потребностями общества в целом и потребностями некоторых наиболее агрессивных индивидов.
5. **Расцвет.** Это стадия баланса между самоконтролем и гибкостью системы, это знание и соотнесение целей, возможностей и средств достижения. Теоретически «расцвет» может длиться бесконечно при условии количественного и качественного роста системы – за счет притока новых сил, создания дочерних структур и, главное, сохранения духа предприимчивости.
6. **Стабилизация.** Характерна повышенным чувством безопасности. Очевидная стабильность системы приводит к тому, что ресурсы на исследования и новации урезаются в пользу расходов на развитие по традиционному пути. Это начало старения – система ориентируется все больше на свое прошлое.
7. **Аристократизм.** Все больше средств идет не на инновации и развитие, а на контроль, страхование и обустройство. Гарантированность результата напрочь вытесняют варианты, связанные с риском.

Стареющая система впадает в младенческую безответственность. Истинное положение – на грани катастрофы – выявляется внезапно. Люди начинают бороться не за выживание системы в целом, а за собственное выживание.

8. Ранняя бюрократизация. Для этого этапа, по формулировке И. Адизеса, характерна «управленческая паранойя». Ищут «виноватых», тех, кто вызывает проблемы. «Виноватых» убирают.

9. Бюрократизация и смерть. На этой стадии система закрыта от внешних воздействий, замкнута на себя. Такая «закрытая» система внешне выглядит монстрообразно, но достаточно небольших изменений в окружающей среде, и она рухнет. Спасти от гибели ее может только внешняя сила¹.

Схематически эта модель выглядит следующим образом (рис. 12).

Рис. 12. Этапы развития системы

¹Адизес И. Управляя изменениями. СПб., Питер. 2012; Адизес И. Стили менеджмента. М.: Альпина Паблишер», 2008; Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. СПб., Питер, 2008; Адизес И. Как преодолеть кризисы менеджмента. Диагностика и решение управленческих проблем. Стокгольмская школа экономики, СПб., 2007.

С точки зрения этой концепции, до XX столетия человечество жило и развивалось, осознавая себя бессмертным. В столкновениях, конфликтах и войнах могли исчезнуть государства, погибнуть отдельные народы и культуры, но человечество оставалось и продолжало свою историю. Теперь же возникла парадоксальная ситуация: наращивание силы, технологической мощи человечества привели его к такому состоянию, когда оно не только не может реализовать изначальные претензии всестороннего господства над обстоятельствами, а напротив, окончательно попадает во власть обстоятельств, становится заложником орудий массового уничтожения, которые оно само же изобретает.

Так, во второй половине XX века возникла проблема выживания человечества в условиях, когда научно-технический прогресс создает все более широкое поле возможностей для принципиально нового развития военной техники и оружия массового уничтожения. Но как выяснилось, это только одна из глобальных проблем, порожденных развитием техногенной цивилизации и поставивших под угрозу сами основы человеческого бытия.

Второй, не менее важной проблемой стало нарастание в конце XX века глобального экологического кризиса. Старая парадигма, будто природа – бесконечный резервуар ресурсов для человеческой деятельности, – оказалась неверной. Человек сформировался в рамках биосферы – особой системы, возникшей в ходе космической эволюции. Биосфера представляет собой не просто окружающую среду, которую можно рассматривать как поле для преобразующей деятельности человека, а выступает единым целостным организмом, в который включено человечество в качестве специфической подсистемы. Деятельность человека вносит постоянные изменения в динамику биосферы, и на современном этапе развития техногенной цивилизации масштабы человеческой экспансии в природу таковы, что они начинают разрушать биосферу как целостную экосистему. Грозящая экологическая катастрофа требует выработки принципиально новых стратегий научно-технического и социального развития человечества, стратегий деятельности, обеспечивающей коэволюцию человека и природы.

Осознавая угрожающий характер современной экологической ситуации, многие ученые обращаются к поискам причин ее обострения,

стремясь наметить действенные меры, позволяющие связать дальнейший прогресс человечества с бережным отношением к природе. В 70–80-е годы XX столетия многие специалисты высказывали мнение о необходимости не только экологизации мировоззрения, но и пересмотра всей традиционной экономики, политики, социологии и психологии с учетом качественных изменений во взаимодействии общества и биосферы. Именно в этот период сформировались и получили широкий общественный резонанс те работы, в которых прослеживается влияние кардинальных изменений среды обитания на человеческий компонент всей экосистемы. Было замечено, в частности, что загрязнение воды, воздуха, почвы, шум, дальнейшее увеличение числа больших городов отрицательно воздействуют на умственное и физическое здоровье людей. Некоторые ученые попытались даже проследить влияние этих негативных факторов окружающей среды на обострение социальной напряженности, рост преступности, насилия и агрессии в современном мире, трактуя многие из этих явлений как «болезни современной цивилизации».

И наконец, еще одна – третья по счету (но не по значению) проблема – отчуждение, говоря точнее, проблема сохранения человеческой личности, человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. Как показано в уже цитированной монографии «Ненасилие: философия, этика, политика»¹, человек, усложняя свой мир, вызывает к жизни такие силы, над которыми он уже не господствует. Чем больше он преобразует мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь и очевидно ухудшающие ее. Еще в 60-е годы XX века представители Франкфуртской школы неомарксистов констатировали, что одним из последствий современного технологического развития можно признать появление одномерного человека как продукта массовой культуры. Современная индустриальная культура действительно создает широкие возможности для манипуляций сознанием, при которых человек теряет способность рационально осмысливать бытие. При этом и манипулиру-

¹ Ненасилие: философия, этика, политика. М.: Наука, 1993; URL: http://antimilitary.narod.ru/antology/sborniki/1993_nonv_fep/nonviolens_fep_1.htm.

емые, и сами манипуляторы становятся заложниками массовой культуры, превращаясь в персонажи гигантского кукольного театра. Возникает угроза потери личности.

Ускоренное развитие техногенной цивилизации делает весьма сложной проблему социализации и формирования личности. Постоянно меняющийся мир обрывает многие корни, традиции, заставляя человека одновременно жить в разных традициях, в разных культурах, приспосабливаться к разным, постоянно обновляющимся обстоятельствам. Связи человека делаются спорадическими. Они, с одной стороны, стягивают всех индивидов в единое человечество, а с другой – изолируют, атомизируют человека. Современная техника позволяет общаться людям, живущим на разных континентах. Можно по телефону побеседовать с коллегами из США, затем, включив телевизор, узнать, что делается далеко на юге Африки, но при этом можно не знать соседей по лестничной площадке.

Проблема сохранения личности приобретает в современном мире еще одно, совершенно новое измерение. Впервые в истории человечества возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности, основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, вырабатываемые и хранящиеся в культуре.

Речь идет об угрозе существованию человеческой телесности, являющейся результатом многовековой биоэволюции и испытывающей активное деформирующее влияние современного техногенного мира. Этот мир требует включения человека во все возрастающее многообразие социальных структур, что сопряжено с гигантскими нагрузками на психику, разрушающими здоровье. Обвал информации, стрессовые нагрузки, канцерогены, засорение окружающей среды, накопление вредных мутаций – все это проблемы сегодняшней действительности, ее повседневные реалии. Цивилизация значительно продлила срок человеческой жизни, развила медицину, позволяющую лечить многие болезни, но вместе с тем она устранила действие естественного отбора, который на заре становления человечества вычеркивал носителей ге-

нетических ошибок из цепи сменяющихся поколений. С ростом в современных условиях мутагенных факторов биологического воспроизводства человека возникает опасность резкого ухудшения генофонда человечества.

Выход иногда видят в перспективах генной инженерии. Но если дать возможность вмешиваться в генетический код человека, изменять его, то этот путь ведет не только к позитивным результатам лечения ряда наследственных болезней, но и открывает опасные перспективы перестройки самих основ человеческой телесности. Возникает соблазн «планомерного» генетического совершенствования созданного природой «антропологического материала», приспособления его ко все новым социальным нагрузкам. Об этом сегодня пишут уже не только в фантастической литературе. Подобную перспективу всерьез обсуждают. Несомненно, что достижения научно-технического прогресса дадут в руки человечества могучие средства, позволяющие воздействовать на глубинные генетические структуры, управляющие воспроизводством человеческого тела. Но получив в свое распоряжение подобные средства, человечество обретет ничто по возможным последствиям, равнозначное атомной энергии. При современном уровне нравственного развития всегда найдутся «экспериментаторы» и добровольцы для экспериментов, которые могут сделать реалии совершенствования биологической природы человека лозунгом политической борьбы и амбициозных устремлений.

Перспективы генетической перестройки человеческой телесности сопрягаются с не менее опасными перспективами манипуляции с психикой человека путем воздействия на его мозг. Современные исследования мозга обнаруживают структуры, воздействия на которые могут порождать галлюцинации, вызывать отчетливые картины прошлого, которые переживаются как настоящее, изменять эмоциональные состояния человека и т. п. И уже появились добровольцы, применяющие на практике методику многих экспериментов в этой области: например, в мозг вживляют десятки электродов, которые позволяют с помощью слабого электрического раздражения вызывать необычные психические состояния, устранять сонливость, давать ощущение бодрости и т. п.

Усиливающиеся психические нагрузки, с которыми все больше сталкивается человек в современном техногенном мире, вызывают

накопление отрицательных эмоций и часто стимулируют применение искусственных средств снятия напряжения. В этих условиях возникают опасности распространения как традиционных (транквилизаторы, наркотики), так и новых средств манипуляции психикой. Вообще вмешательство в человеческую телесность и особенно попытки целенаправленного изменения эмоциональной сферы и генетических оснований человека даже при самом жестком контроле могут привести к непредсказуемым последствиям. Нельзя упускать из виду, что человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею, этой телесностью, продиктован. Предположим, что известному персонажу из антиутопии Дж. Оруэлла «1984» удалось бы реализовать мрачный план генетического изменения чувства половой любви. Для людей, у которых исчезло бы это чувство, ни Байрон, ни Шекспир, ни Пушкин не имели бы смысла, для них выпали бы целые пласты человеческой культуры. Биологические предпосылки – это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой выростала человеческая культура и вне которой невозможно было бы достигнуть вершин человеческой духовности.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что необходим отказ от менталитета техногенной цивилизации и переходе к новому видению мира. Это новое видение предполагает понимание того, что ни природа, ни общество, ни отдельно взятый человек не позволяют чрезмерно насильственного воздействия. Простое силовое давление на систему часто приводит к тому, что она просто-напросто «сбивается» к прежним структурам, потенциально заложенным в определенных уровнях ее организации, но при этом принципиально новые структуры могут не возникнуть¹. В современном мире человек уже не просто противостоит объекту как чему-то внешнему, а превращается в составную часть системы, которую он изменяет. Перед ним в процессе деятельности каждый раз возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества возможных путей эволюции системы. Причем сам этот выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан. Поэтому в деятельности с саморазвивающимися «синергетическими»

¹ См.: Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990.

системами особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия.

Среда обитания человечества уже не может рассматриваться как кладовая ресурсов и только. Это некий целостный живой организм. В этом новом подходе технологические инновации уже нельзя представлять как переделку природного материала, который противостоит человеку и который тот может мять, гнуть, подчинять своей воле. Ведь если человек включен в биосферу как целостную саморазвивающуюся систему, то его деятельность может отрезонировать не только в ближайшем, но и в отдаленных участках системы и в определенных ситуациях вызвать ее катастрофическую перестройку как целого. Знаменитый рассказ Р. Брэдбери «И грянул гром» – хорошая иллюстрация к такому пониманию взаимоотношений человека и природы. Но тогда мы имеем дело уже с новой мировоззренческой парадигмой, требующей относиться к природе не как к материалу, а как к сложному организму, в котором мы живем и с которым должны взаимодействовать, не нарушая его основных функциональных связей.

Новый поворот размышлений о мировых противоречиях стимулирует высказывания и действия политических лидеров многих современных государств. Очень ярко новая парадигма высветилась в концепции 45-го американского президента Д. Трампа, который на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявил, что США откажутся от идеологии глобализма и станут исходить из принципа «каждому свое», который позволит всем странам мира отстаивать свой суверенитет в соответствии с национальными интересами. «Америкой будут управлять американцы. Мы отвергаем идеологию глобальности. Принимаем доктрину патриотизма по всему миру. Ответственные государства должны противостоять угрозам суверенитета, не только исходящих от глобального управления, но и от других новых форм принуждения и доминирования, – сказал Д. Трамп и продолжил. – Суверенные, независимые нации – это единственная среда, где процветает свобода, демократия и мир. Теперь мы находим новые способы сотрудничества, видим новые цели, новый дух, который нас окружает»¹. Есть основания

¹ Трамп провозгласил конец эпохи глобализма. URL: <https://www.infox.ru/news/251/social/people/209032-tramp-provozglasil-konec-epohi-globalizma>.

предполагать, что политические элиты многих стран думают и действуют аналогично Д. Трампу.

Экономические вызовы

Экономические аспекты глобализации, как указывалось выше, проявляются в следующих процессах:

- свободном движении капиталов и свободной торговле;
- усилении роли транснациональных корпораций;
- простоте перемещения отраслей промышленности между различными государствами в интересах уменьшения издержек на труд и природные ресурсы;
 - снижении налогов на прибыль предприятий;
 - слиянии компаний внутри стран и на транснациональном уровне, сопровождающемся радикальной реструктуризацией и уменьшением количества занятой рабочей силы;
 - быстром распространении финансовой информации по всему миру благодаря новейшим информационно-коммуникационным технологиям;
 - мощном потоке рекламы во всех средствах массовой информации и размывании четких различий между информацией и рекламой;
 - стирании национальной принадлежности продукции;
 - сближении развитых и развивающихся стран по уровню зарплат, цен на товары и прибыльности предприятий;
 - растущем расслоении по доходам как в развитых, так и в развивающихся странах.

Глобализационные процессы в экономике связаны не только с чисто экономическими аспектами, но и с серьезной перестройкой в управленческой сфере, с новациями и использованием современных информационных технологий в производстве и пр. Основные направления такой перестройки приведены ниже.

1. В мире сформировалась практически единая хозяйственная система, в центре которой находятся развитые демократические страны Запада. Основными драйверами глобализации экономики становятся транснациональные компании. На современном этапе стратегии ТНК характеризуются стремлением к образованию региональных, а нередко

и глобальных сетей, в рамках которых интегрируются научные исследования и разработки, материальное обеспечение, производство, распределение и сбыт. Проявляется, в частности, тенденция к распространению инновационной активности транснациональных корпораций. Происходит это путем создания в других странах научно-исследовательских центров и технологических парков, а также поглощения местных фирм с высоким инновационным потенциалом.

2. Появление глобальной экономики связано с изменением методов управления процессами производства и распределения, а также с производством как таковым. Новая производственная система основана на стратегических альянсах и сотрудничестве по временным проектам между корпорациями, децентрализованными частями крупных компаний, малыми и средними предприятиями, объединенными в сети между собой или с крупными корпорациями. Для работы в условиях изменчивой геометрии производства и системы распределения фирме необходима очень гибкая форма управления, основанная как на гибкости самой фирмы, так и на доступе к необходимым коммуникациям и производственным технологиям.

3. Новая экономика в максимальной степени использует новые информационные технологии и новые методы управления, коренным образом отличающиеся от тех, которые в свое время применяли Тайлор, Файоль, Форд, Кейнс, заложившие основы индустриального менеджмента. «Информационная экономика, – пишет М. Кастельс, – заключается в глубоком улучшении технологии и использовании знаний и информации во всех процессах материального производства и распределения на основании гигантского скачка вперед, в размахе и возможностях системы обращения»¹.

Переход к этой новой экономике, по мнению М. Кастельса, может быть приравнен к величайшему перевороту, который когда-либо происходил в жизни человечества. Он не идет ни в какое сравнение с переходом от сельскохозяйственной к индустриальной экономике и даже от индустриальной экономики к экономике услуг, который произошел относительно недавно и который привел к коренным переменам в

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 106.

жизни как минимум четверти населения Земли, проживающего в странах так называемого «золотого миллиарда».

Но глобализация имеет и явные негативные последствия. Главное среди них то, что она усиливает и закрепляет экономические, технологические и культурные расколы современного мира. Предполагается, что успешное «включение в глобализацию» невозможно без утверждения в экономической и социальной жизни тех институтов, которые господствуют в развитых демократических странах. А это отнюдь не всегда легко (а подчас и нереально) в силу культурных и религиозных причин, исходного уровня развития общества.

В настоящий момент можно выделить два класса экономических проблем. К первому относится проблема так называемого «догоняющего развития» – мировой феномен, проявляющийся в разных уровнях развития стран. Страны с разными институтами – от демократии (Индия) до диктатуры (Пиночет в Чили) или трансформации социалистического общества сверху (Китай) – пытаются догнать ушедшие вперед технологически развитые демократии Европы и Северной Америки. Кроме того, за последние четверть века более 20 стран постсоциалистического пространства осуществляют переход к рынку. Все это привело к тому, что за период 1992–2016 гг. наблюдался быстрый экономический рост – мировой ВВП по ППС достиг 112 трлн долл., или вырос в 2,3 раза. С поправкой на значительный рост населения ВВП на душу населения в мире вырос на 70 %. За эти годы заметно сократилась абсолютная бедность, особенно за счет успехов в развитии Китая и Индии. За четверть века столь значительного роста можно было ожидать большего успеха для всего мира. Но в мире сохраняется многочисленное бедное население, несмотря на существенный рост благосостояния верхних слоев общества и даже формирование среднего класса в ряде стран. В принципе варианты ответа на вопрос о причинах отставания многих стран основаны на комбинации нескольких факторов: «ловушка бедности»; слабые элиты; коррупция; плохая экономическая политика; недостаточные внутренние сбережения и нехватка внешнего финансирования. Можно говорить о том, что мировое сообщество разделено на группировки по наличию раз-

личных национальных и региональных проблем: даже по проблемам бедности и делового климата нехватка общего политического согласия определяет недостаточные усилия по их решению¹.

Не имея значительного преимущества в темпах роста на протяжении длительных периодов, страны из менее развитых кластеров не могут догонять более продвинутых соседей. Относительное неравенство не сокращается. При этом в условиях информационной революции прогресс меняет представление социальных слоев всех стран о своем положении. Преодоление порога бедности 1–3 долл. в день снимает проблему только абсолютной бедности. Растущий гедонизм состоятельных слоев общества, информационный бум и рост богатства обеспеченных слоев постоянно повышают желаемые стандарты жизни в развитых странах и революционизируют ожидания в развивающихся².

Общий вывод, который делают исследователи, выглядит следующим образом: по разным измерителям показатели кластеров различаются, но общая характеристика достаточно определенная – в период с 1992 г. до 2016 г. вырос абсолютный разрыв между всеми кластерами; разрыв увеличивался, несмотря на перемещение стран в более высокие кластеры; разрыв увеличивался во всех трех подпериодах³.

Вторая группа экономических проблем связана с резкой и, по мнению значительных групп населения, нелегитимной диспропорцией в доходах богатых и бедных, а также безработицей, низкой зарплатой, ростом цен, задержками с выплатой зарплаты, пенсий и др. В знаменитой книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке»⁴ показано, что сейчас с проблемой роста имущественного расслоения сталкиваются все страны, включая страны так называемого «скандинавского социа-

¹ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 5–29. URL: <https://wec.hse.ru/data/2018/07/06/1151738548/grigoryev.pdf>.

² Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 5–29. URL: <https://wec.hse.ru/data/2018/07/06/1151738548/grigoryev.pdf>.

³ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 5–29. URL: <https://wec.hse.ru/data/2018/07/06/1151738548/grigoryev.pdf>.

⁴ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. URL: <http://capitalism.filosoff.org/tvorchestvo/kapital-v-xxi-veke-tomas-piketti/>.

лизма». Есть основания полагать, что победа Дональда Трампа на президентских выборах в США, как и «Брексит» в Великобритании, связаны именно с тем, что целые группы населения в этих странах чувствуют себя покинутыми и проигравшими из-за глобализации.

Особенно большое значение в качестве фактора обострения вражды этот уровень имеет в странах, переходящих к рыночной организации экономики. Яркий пример – современная Россия, которая по данным Всемирного банка входит в тройку лидеров по неравенству регионов внутри страны среди государств Европы и Центральной Азии¹. Достаточно сравнить Ингушетию, в которой уровень жизни на уровне Гондураса, и Москву и Санкт-Петербург, которые существуют в другой экономической лиге. Глава счетной палаты А. Кудрин заявил, что в стране 19,3 млн человек бедных. С другой стороны, общее состояние российских олигархов за рубежом оценивается в \$1 трлн. Эта цифра сопоставим с общей стоимостью всех российских домохозяйств. Ни в одной стране мира ничего подобного нет².

В 2017 году была опубликована совместная научная статья Т. Пикетти, Ф. Новокмета и Г. Зукмана, озаглавленная «От Советов до олигархов: неравенство в России с 1905 по 2016 год»³. Это монументальное исследование, привлекающее внушительный объем разнообразных статистических и налоговых данных, чтобы оценить динамику имущественного расслоения в России за последние 100 лет. По мнению профессора Чикагского университета и НИУ «Высшая школа экономики» К. Сониной, часть результатов вполне ожидаема: то, что 1 % россиян получает примерно 20–25% национального дохода, было известно и из более грубых, опирающихся только на данные о владении крупными предприятиями оценок. Другие результаты скорее неожиданы: по

¹ Хачатуров А. Страна неравенства. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/09/26/77962-strana-neravenstva?utm_source=push.

² URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a5c67221410c3c0c66a7c83/strana-gde-193-mln-bednyh-a-45-dohoda-vsei-strany-imeit-10-samyh-bogatyh-chelovek-rossii-a-5bada56e81808a00aa20208c?from=feed>.

³ От советов к олигархам: неравенство и бедность в России с 1905 по 2016 год. URL: <https://www.rulit.me/books/ot-sovetov-k-oligarham-neravenstvo-i-bednost-v-rossii-s-1905-po-2016-god-lp-read-500930-1.html>.

оценке Т. Пикетти и его соавторов, зарубежные активы россиян примерно равны по размеру всем финансовым активам, которые находятся внутри страны и в 3 раза превосходят международные резервы¹.

В экономической науке выделяют приемлемое и неприемлемое неравенство. Приемлемым (или справедливым) считается такое неравенство, которое выражается формулой: больше работаешь – больше получаешь. Неприемлемое (или «плохое») неравенство связано с неравенством возможностей, когда люди не могут реализовать свои таланты из-за разных стартовых условий (пола, расы или социального происхождения). Например, когда одаренные дети из бедных семей не имеют возможности получить хорошее образование и оказываются в «ловушке бедности».

Почему же правящие элиты не предпринимают ничего для снижения «плохого» неравенства, ведь им должно быть выгодно увеличение общего пирога? Ниже приведено несколько мнений, представленных в статье А. Хачатурова «Страна неравенства»².

- «Независимый и уверенный в себе средний класс снижает вероятность сохранения власти. Олигархи, оказываясь в конкурентной среде, часто не могут реализовать себя. В такой ситуации вам достаточно вашей доли в стагнирующей экономике», – объяснял Сергей Гурьев главный парадокс современной политэкономии.

- В долгосрочной перспективе самая большая проблема с неравенством связана с захватом институтов – даже если элиты действительно заслужили свое богатство, все рациональные стимулы подталкивают их зафиксировать свое положение и исключить конкуренцию, согласился Рубен Ениколопов. Особенно низкая толерантность к конкуренции наблюдается в режимах, основанных на доступе к ренте.

- То, что большинство людей предпочитает бороться за место под солнцем, а не менять несправедливую систему, позволяет властям управлять обществом даже при зашкаливающем уровне неравенства. В России неравенство не является легитимным, но из-за отсутствия веры в коллективное действие оно ощущается как неисправимое, добавляет

¹ Сонин К. Спасибо Тома Пикетти. Новое исследование об эволюции неравенства в России. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/08/28/731189-toma-piketti>.

² Хачатуров А. Страна неравенства. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/09/26/77962-strana-neravenstva?utm_source=push.

социолог Григорий Юдин. «Человек по своей природе чувствует себя некомфортно, когда горстка людей концентрирует у себя все экономические ресурсы и лишает его политической власти на собственной земле», – резюмирует Юдин.

Экономист Андрей Мовчан выделил два способа реагировать на неравенство: борьба за устранение несправедливости путем коллективного действия или попытка использовать привилегии в свою пользу. «Если мы посмотрим на российские опросы, то увидим, что массовый выбор совершается в пользу второго варианта: родители хотят, чтобы их дети стали силовиками, студенты мечтают работать в „Газпроме“ и т. д.», – полагает Мовчан. Такая поведенческая логика, по мнению этого экономиста, связана с тем, что российский правящий режим с течением времени все больше теряет контакт с представителями экономических элит и профессиональных кругов, а его политика, контуры которой очерчиваются все четче, состоит в восстановлении (в наиболее важных аспектах) позднесоветской системы – и в вопросах хозяйствования, и в области прав и свобод человека, и в сфере внешней политики.

Монополизация власти в стране закономерно привела к кардинальным изменениям в экономической и социальной сфере. На первый план выдвинулась группа привилегированных, объединенных личными связями чиновников и близких к власти «предпринимателей». Фактически они рассматривают экономическое пространство России как среду для неограниченного собственного обогащения, что делается нерыночными методами и чаще всего в ущерб развитию страны. Интересы этой группы призвано защищать щедро финансируемое «сословие» силовиков, обладающее де-факто почти неограниченным набором прав и существенными привилегиями. В стране быстро формируется «откупной» характер экономики. Государственная монополия на все большее количество бизнесов и индустрий сочетается с возрастающей бюджетной нагрузкой на бизнес и население, а бюджетные средства фактически перераспределяются в пользу ограниченного круга лиц, отвечающих за мегапроекты. Результаты последних нередко сомнительны, а уровень себестоимости кажется значительно превышающим рыночные аналоги. Экономика страны все еще поддерживается значительными поступлениями от экспорта углеводородов и стабили-

зируется сохраняющимися достижениями переворота 1991 года: свободным движением капитала и товаров, открытыми финансовыми рынками, рыночным ценообразованием и политикой Центрального банка, открытостью границ для населения¹.

Экологические вызовы

В 60-е годы XX века Римский клуб попытался ответить на вопрос: может ли мир развиваться так, как это было до сих пор? Ответ был таков: нет, не может, иначе произойдет катастрофа. Как основные тогда были обозначены: проблема истощения природных ресурсов; экологическая катастрофа, грозящая техногенной цивилизации; как результат – опасное для человека состояние окружающей среды и источников его жизни. Призыв Римского клуба обратить внимание на экологические проблемы был услышан. Так, на угрозу очередного продовольственного кризиса мир ответил примерно в те же годы созданием высокоурожайных сортов зерновых культур для развивающегося мира и некоторым повышением культуры земледелия в узловых, кризисных районах мира (например, в Индии, Мексике). В 1992 году на конференции ООН «Саммит Земли» в Рио-де-Жанейро была принята резолюция «Повестка дня на XXI век». В этом документе была изложена программа всемирного сотрудничества, направленного на достижение двух целей – высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира. В преамбуле этого документа констатируется, что человечество сталкивается с проблемой увековечения диспропорций как между странами, так и в рамках отдельных стран; обостряющимися проблемами нищеты, голода, ухудшения здоровья населения и неграмотности; и с продолжающимся ухудшением состояния экосистем, от которых зависит наше благосостояние.

К сожалению, многие из пунктов этого документа так и остались нереализованными. Так что экологические опасности по-прежнему стоят на пороге человечества. Продолжается истощение окружающей среды и ее ресурсов. С середины XX века Земля лишилась 1/5 урожайных почв, 1/5 тропических лесов, десятков тысяч видов растений и

¹ Мовчан А., Волков Д. Неполитические реформы: исследование мнений бизнесменов. URL: <http://carnegie.ru/2018/09/27/ru-pub-77353>.

животных. В основном из-за производственной деятельности людей. Продолжаются процессы опустынивания, засоления почв, истощения подземных источников. Ухудшаются условия жизни самого человека: качество воды, продуктов, воздуха. Особенную тревогу вызывает процесс деградации сферы существования человека в так называемом развивающемся мире. Здесь срабатывают несколько разнонаправленных факторов. Во-первых, в странах этого сектора нередко сосредоточены «выкинутые» из стран «золотого миллиарда» вредные производства. Во-вторых, велика доля традиционных для индустриального общества собственных «грязных» производств и одновременно очень мала доля финансирования экологических программ. В-третьих, экологическая угроза вызывается деградацией традиционного хозяйства (сельское хозяйство, ремесла), вызванной в первую очередь неконтролируемым ростом населения. Деградация почв в сельской местности ведет к уменьшению выпуска продовольствия. В ряде стран ощущается и резкий недостаток водных ресурсов. Во многих развивающихся странах невозможно обеспечить жизнь человека на основе самых минимальных стандартов – 2–3 тысячи калорий и 2,5 литра воды в день. Неслучайно огромные массы людей из сельских районов стекаются в многомиллионные мегаполисы, надеясь найти там работу, превращая города в трущобы (Каир, Бомбей, города Бразилии, Пекин и др.).

Между тем, в условиях экологической глобализации деградация природы и сферы жизнеобитания в развивающемся мире негативным образом сказывается на мире в целом. Характерный пример – судьба тропических лесов, «легких» Земли. Количество их уменьшается в связи с экономическим развитием ряда стран Латинской Америки и Азии. Протесты же развитых стран парируются доводами, наподобие приведенных однажды в заявлении правительства Индонезии: «Поскольку 170 млн жителей страны имеют такие же желания, как и жители Соединенных Штатов, 20 % лесов страны должны быть вырублены, и эти земли должны быть превращены в сельхозплощади».

Современные высокие технологии, в том числе ресурсосберегающие, очистные технологии и методы реабилитации окружающей среды играют огромную роль в формировании концепций решения глобальных и региональных экологических проблем и устойчивого развития. Одна из концепций провозглашает возможность решить все проблемы

окружающей среды с помощью технологий, внедряя их на локальном уровне. Другой взгляд на технологии заключается в том, что они не решат проблем перехода к устойчивому развитию и предотвращения глобальных экологических нарушений, но их роль критически важна для сокращения и остановки дальнейшего разрушения естественных экосистем – природных механизмов, осуществляющих регуляцию и обеспечивающих устойчивость окружающей среды. Это позволит получить выигрыш во времени для смены парадигмы и решения экологических проблем. Наконец, они важны для решения демографических проблем как непосредственно, так и опосредованно, т. е. позволят растянуть этот процесс во времени. Необходимо одновременно решать три задачи:

- расширять процесс реабилитации (восстановления) возобновляемых ресурсов;
- искать пути и технологии замещения истощающихся невозобновимых ресурсов;
- обеспечивать адаптационную способность биосферы, не превышая допустимого предела антропогенной нагрузки на нее. Здесь находят свое место ресурсоэффективные технологии, применение которых должно регулироваться на основе биотического подхода.

Политические вызовы

К числу политических вызовов можно отнести обилие «внесистемных» и «плохо объяснимых» политических явлений, не вписывающихся в привычные рамки. Прежде всего, речь идет о трансформации роли государства в ситуации глобализации. Нормативную основу современного государства составляет принцип эксклюзивной суверенной территориальности в жестко заданных границах при невмешательстве во внутренние дела со стороны внешних сил и факторов. Однако постоянное усиление глобализационных процессов, специфика которых определяется, прежде всего, резким ухудшением контекстуальных условий, связанных с внешним для государства окружением, экстра-территориальной динамикой, деструктивной для самих основополагающих принципов государственности, ставит задачи, решать которые институт суверенного государства попросту не предназначен.

Проблема изменений, происходящих с государством в эпоху глобализации, стала предметом многочисленных исследований. Крайнюю позицию занимают т. н. «гиперглобалисты»: К. Омаэ¹, М. Элброу² и др. Другую крайность представляют «скептики»: П. Херст и Дж. Томпсон³, К. Кольянезе⁴. Близкую к ним – Я. Шольт⁵, Э. Барри, Т. Осборн, Н. Роуз⁶. По их мнению, трансформации имеют место, но они вовсе не ослабляют государство. Оно, государство, напротив – укрепляет свои позиции и приобретает новые возможности влияния. Но большинство исследователей придерживаются «срединной позиции»: У. Бек⁷, Э. Гидденс⁸, А. Мартинелли⁹, Дж. Розенау¹⁰, Д. Хелд и др.¹¹

Еще один политический вызов связан с идеей глобального управления. В течение трех-четырех столетий основу международной системы составляли такие «вестфальские» принципы, как государствоцентризм, суверенитет как «общий знаменатель», международное право, баланс сил и др. Пройдя ряд стадий развития, Вестфальская система начала подвергаться эрозии, что обусловлено двумя основными причинами: активизацией на мировой арене негосударственных транснациональных акторов и политическим разнообразием государств, вошедших в систему. Таким образом, в современной системе уже не дей-

¹ Ohmae K. *The Bordless World – Power and the Strategy in the Interlinked Economy*. Fontana, 1990; Ohmae K. *The End of the Nation State*. New York, 1995.

² Albrow M. *The Global Age*. Cambridge, 1996.

³ Hirst P., Thompson G. *Globalization in Question: The International Economy and the possibilities of Governance*. Cambridge, 1996.

⁴ Coglianesi Cary. *Globalization and the Design of International Institutions* // Joseph S. Nye Jr. and John D. Donahue (eds) *Governance in a Globalizing World*. Washington D.C.:Brookings Institution Press, 2000. Pp. 10–18.

⁵ Scholte J.A. *Globalization and Governance: From Statism to Polycentrism* // CSGR Working Paper No. 130/04. P. 34–42.

⁶ Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism, and Rationalities of Government. Andrew Barry, Thomas Osborne & Nikolas Rose (eds.). Chicago, IL: University of Chicago Press, 1996.

⁷ Бек У. *Что такое глобализация?* М., 2001.

⁸ Giddens A. *Globalization: a keynote address* // UNRIST News. 1996. № 15.

⁹ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление. 2003. URL: [URhttp://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-12/Martinelli.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-12/Martinelli.pdf).

¹⁰ Rosenau J. *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*. Czempiel E.-O. and J. Rosenau (eds.). Cambridge, 1997.

¹¹ ХелдД. и др. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура*. М., 2004.

ствуют старые правила, но и новые еще не выработаны. Но необходимое движение политического процесса порождает стихийную выработку норм, которые оказываются неформальными, многочисленными и противоречивыми. Причем эти нормы теперь исходят не только от государств. Объективные потребности решать обострившиеся системные проблемы в экологии, экономики, устойчивого развития и др. привели к появлению форматов межгосударственного сотрудничества нового уровня. В случае с Всемирной торговой организацией (ВТО) и Европейским союзом (ЕС) это сотрудничество выливалось в создание нового, относительно слабо зависящего от наций уровня. Новые средства информации и коммуникации дали возможность неправительственным организациям (НПО), независимым ассоциациям и социальным движениям активно взаимодействовать внутри и между собой, а также оказывать информационное, интеллектуальное и материальное влияние на происходящие события. Дискурсы неоллиберализма и демократизации, а также соответствующая политика «пробудили» силы финансово-экономических групп и субнациональных сообществ. В последнем случае впервые с момента становления Вестфальской системы значительную степень независимости получили уровни, находящиеся ниже национального. Сегодня нельзя указывать, что какой-то один тип управления международными процессами доминирует на сегодняшний день или что существует четкая политическая структура мира. Принятие глобальных решений сегодня зависит от деятельности не только государств. К выполнению различных функций управления подключено большое количество акторов и уровней. Это заставляет многих исследователей видеть будущее современной международной системы именно в многоуровневом ключе¹. Появились концепции транснационализма, международных режимов. Для описания внутриполитических и региональных трансформаций была разработана концепция «многоуровневого управления», а для анализа более масштабных изменений – концепция «глобального управления». Ученые также

¹ Ortega, Martin. Building the future: the EU's Contribution to Global Governance // Chaillot Paper 100 (April 2007). <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp100.pdf>; Prado, Cesar de. Global multi-level governance: European and East Asian leadership. United Nations University, 2007.

говорят о «раздвоенной системе»¹, «полицентризме»² и «космократии»³.

Большой вклад в изучение мировой системы, ее современного состояния и перспектив развития внесли представители мир-системного подхода И. Валлерстайн⁴, Дж. Модельски⁵, А.Г. Франк и Барри К. Джиллс⁶. Среди отечественных исследователей международных систем необходимо отметить А.Д. Богатурова⁷, М.А. Хрусталева⁸, П.А. Цыганкова⁹, Ю.М. Павлова¹⁰ и И.А. Чихарева¹¹, А.П. Кабаченко¹². Особенное внимание отечественные исследователи уделяют вопросам полярности системы, в частности В.Ю. Сизов¹³, Ю.В. Соколов¹⁴ и В.С. Малахов¹⁵.

¹ Розенау Дж. Управление неуправляемым. URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=63&Itemid=29.

² Scholte J.A. Globalization and Governance: From Statism to Polycentrism // CSGR Working Paper No. 130/04.

³ Keane John. Cosmocracy. Centre for the Study of Democracy, 2002. <http://johnkeane.net/wp-content/uploads/2011/01/cosmocracy.pdf>.

⁴ Валлерстайн И. Исторические системы как сложные системы // Философские переипетии. Вестник Харьковского государственного университета. №409'98. Серия: Философия. 1998. С. 198–203.

⁵ Modelski G. Long Cycles in World Politics. Seattle, 1987.

⁶ Андре Гундер Франк и Барри К. Джиллс. Пять тысяч лет мировой системы в теории и практике (перевод Евтушенко С.А. и Жигжитова С.В.). URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=78&Itemid=40.

⁷ Богатуров А.Д. Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // Очерки теории и политического анализа международных отношений / Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002.

⁸ Хрусталева М.А. Эволюция системы международных отношений и особенности ее современного этапа // «Полис». Альманах. 1999.

⁹ Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005.

¹⁰ Павлов Ю.М. Мировая политика и международная экономика. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998.

¹¹ Чихарев И.А. Многомерность мировой политики: к современным дискуссиям // Полис, 2005. № 1.

¹² Кабаченко А.П. История Мировой политики: Учебное пособие для вузов. М.: Издательство Московского Государственного университета им. М.В. Ломаносова.

¹³ Сизов В.Ю. Глобализация и стратегия США // Россия и Америка в XXI веке. 2009. № 3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=158>.

¹⁴ Соколов Ю.В. Опасности однополюсного мира // Eurasian Vision. Delhi, 2003.

¹⁵ Малахов В.С. Государство в условиях глобализации: учебное пособие. М.: КДУ, 2007.

Исследованиям глобального уровня активной деятельности ненациональных акторов посвящены, например, работы Е.А. Клочихина¹ и С. Баркина². «Наднациональность» изучал, в частности, А. Этциони³. Исследованию феномена трансправительственных сетей посвящены работы А.-М. Слотер и Т. Хэйл⁴, М. Стрежнева⁵. Региональный уровень, в том числе в контексте управления международной системой, изучали также многие авторы. Можно выделить, например, П. Катценштейна⁶. Важные российские исследования регионов были объединены в сборнике «Модели региональной интеграции: Прошлое и настоящее» под ред. А.С. Манькина⁷.

Межрегионализм и трансрегионализм, как стратегии взаимодействия регионов, изучали такие авторы, как Х. Хангги⁸ и Ю. Руланд⁹. Различные объединения гражданского общества, являющиеся частью транснационального уровня, занимают особенно важное положение в

¹ Клочихин Е.А. Место межправительственных организаций среди акторов мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2008.

² Barkin J.S. International organization: theories and institutions. PalgraveMacmillan, 2006.

³ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.

⁴ Slaughter Anne-Marie and Hale Thomas N. Transgovernmental networks and multi-level governance // Henrik Enderlein, Sonja Walti and Michael Zurn (eds.) Handbook on Multi-level Governance. Cheltenham, Northampton, MA: Edward Elgar, 2010; Slaughter A.-M. and Hale Thomas. Transgovernmental networks and Emerging Powers // Rising States, Rising Institutions: Challenges for Global Governance. Alan S. Alexandroff and Andrew F. Cooper (eds.). Brookings Institution Press and Centre for International Governance Innovation 2010.

⁵ Стрежнева М. «Трансправительственные сети» и ЕС // Международные процессы. Т. 6. № 1(16). Январь–апрель 2008. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/016.htm>.

⁶ Katzenstein, Peter. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium, Ithaca: Cornell University Press, 2005.

⁷ Модели региональной интеграции: Прошлое и настоящее. Учебное пособие / А.С. Манькин, А.В. Бородаев, А.В. Власов и др.; под ред. А.С. Манькина. М.: Олби-Принт, 2010.

⁸ Hänggi, Heiner. Interregionalism: Empirical and Theoretical Perspectives, Paper Prepared for the Workshop «Dollars, Democracy and Trade. External Influence on Economic Integration in the Americas», Los Angeles, CA, May 18, 2000. P. 4. URL: [http://www.ipw.unisg.ch/org/ipw/web.nsf/SysWebRessources/hänggi/\\$FILE/Haenggi.pdf](http://www.ipw.unisg.ch/org/ipw/web.nsf/SysWebRessources/hänggi/$FILE/Haenggi.pdf).

⁹ Rüländ Jürgen. Interregionalism in International Relations. 2002. Pp. 3–9. URL: <http://www.politik.uni-freiburg.de/pdf/InterregSum.pdf>.

системе многоуровневого взаимодействия. Транснациональное гражданское общество изучали У. Харкорт¹, Я. Шольт², А.Н. Михеев³. Также этому вопросу посвящена часть сборника «Антиглобализм и глобальное управление: Доклады, дискуссии, справочные материалы»⁴. Транснациональные компании (ТНК) также относятся к транснациональному уровню. Их роль в глобальном управлении изучали С.А. Афонцев⁵, С. Брукс⁶, Дж. Клайн⁷.

Частно-публичное партнерство является стратегией, объединяющей усилия государственных и частных акторов. Этот важный механизм рассматривали М. Байсхайм, С. Кампе и М. Шаферхофф⁸, Т. Борзел и Т. Риссе⁹. Иногда государства позволяют частным акторам осу-

¹ Harcourt W. Civil Society Responds // *PoliticaInternazionale*. Bimonthly Journal of IPALMO. 2001. № 1/2. P. 55.

² Scholte J.A. Civil Society and Democracy in Global Governance // *CSGR Working Paper*. No. 65/01.

³ Михеев А.Н. Неправительственные объединения как акторы мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2008

⁴ Антиглобализм и глобальное управление: Доклады, дискуссии, справочные материалы. М.: МГИМО (У) МИДРоссии, 2006.

⁵ Афонцев С.А. Транснациональные компании в мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2008.

⁶ Brooks S.G. *Producing Security: Multinational Corporations, Globalization, and the Changing Calculus of Conflict*. Princeton University Press, 2005.

⁷ Kline, J.M. TNC codes and national sovereignty: deciding when TNCs should engage in political activity // *Transnational Corporations*, 14(3), 2005, pp. 29–54.

⁸ Beisheim Marianne, Campe Sabine, Schaferhoff Marco. *Global governance through public-private partnership* // Henrik Enderlein, Sonja Walti and Michael Zurn (eds.) *Handbook on Multi-level Governance*. Cheltenham, Northampton, MA: Edward Elgar, 2010.

⁹ Borzel T.A. and Risse T. *Public-Private Partnerships: Effective and Legitimate Tools of International Governance?* // Edgar Grande and Louis W. Pauly (eds.), *Complex Sovereignty: On the Reconstitution of Political Authority in the 21st Century*. Toronto: University of Toronto Press, 2005.

ществлять некоего рода самоуправление. Подробнее этот момент раскрыт у Р. Майнца¹, М. Панасенко². Самоуправление можно также встретить в работах П. Ладлоу³ и Б. Артс⁴.

Субнациональные уровни, получив в последнее время значительную долю автономии, также подключились к принятию важных глобальных решений. Особенности этого участия изучали М. Мигнус⁵, Л. Хуг⁶, Э. Бомберг и Дж. Петерсон⁷. Среди субнациональных акторов особенно влиятельными являются «глобальные города». Их место в современной системе изучали П. Тейлор⁸, М. Кастельс⁹, Ю.А. Никитина¹⁰, С. Сассен¹¹. Роль субнациональных акторов неразрывно связана с сетевым взаимодействием между ними. Такое «межсубнациональное» взаимодействие в многочисленных работах изучали К. Ван ден Бранде и др.¹²

¹ Mayntz Renate. From government to governance: Political steering in modern societies // International Summer Academy «From Government to Governance: The Case of Integrated Product Policy», 2003.

² Панасенко М. Возможность выбора ненационального права: *lexmercatoria* // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 3.

³ Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopias. Ludlow, Peter. (ed.) Cambridge: MIT Press, 2001.

⁴ Arts Bas. «Green alliances» of business and NGOs. New styles of self-regulation or «dead-end roads»? // Corporate Social Responsibility and Environmental Management, 9, 2002, pp. 26–36.

⁵ Mingus, Matthew S. Transnationalism and Subnational Paradiplomacy: Is this Perforated Sovereignty or Are Democracy and Civil Society Just Reaching Across Borders? 16th Annual Conference of the Public Administration Theory Network Anchorage, Alaska June 20, 2003.

⁶ Hooghe L. Subnational Mobilisation in the European Union, (EUI Working Paper RSC No.95/6), European University Institute, Robert Schuman Centre, San Domenico, Florence, 44. 1995

⁷ Bomberg E., Peterson J. European Union Decision Making: the Role of Subnational Authorities. Political Studies, XLVI. 1998

⁸ Taylor P.J. World Cities and Territorial States under Conditions of Contemporary Globalization. The 1999 Annual Political Geography Lecture.

⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. 2001.

¹⁰ Никитина Ю.А. Глобальные города как сетевой актор? // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2008.

¹¹ Сассен С. Глобальный город: Лондон, Нью-Йорк, Токио. 1991.

¹² Van den Brande Karoline. The role of the subnational level of government in decision-making for sustainable development. A multi-level governance perspective, (working paper), Steunpunt Duurzame Ontwikkeling, Leuven, 2008; Happaerts S., Van den Brande K. and Bruyninckx H. Governance for sustainable development at the inter-subnational level. The case of the Network of Regional Governments for Sustainable Development (nrg4SD), (working paper), Steunpunt Duurzame Ontwikkeling, Leuven, 2008.

Относительно новый и неожиданный уровень образуют индивиды (или индивидуальный уровень – Individuallevel (IL)) как наиболее простые и «низшие» элементы всей международной системы. Их ролью в мировой политике занимались М. Жирар¹, Дж. Розенау², С. Афонцев³, Ю.С. Коноплин и О.В. Красина⁴, Л.В. Сморгунов⁵, Д.М. Фельдман⁶. Отдельного изучения заслуживают глобальные личности, которые способны оказывать существенное влияние на глобальные процессы и решение глобальных проблем. Эту категорию акторов изучали М. Мерль⁷, В.С. Малахов⁸.

Будущему международной системы, многоуровневого управления и различных его стратегий посвящены работы М. Ортеги⁹, Айрис Марион Янг¹⁰, СудхирЧеллаРаджана¹¹, Дэни Родрика¹², А. Этциони¹³.

Анализ этих и других работ позволяет сделать несколько выводов.

Политические аспекты глобализации заключаются в ослабевании национальных государств в результате того, что, во-первых, эти госу-

¹ Жирар М. Возвращение индивидов в международную политику: иллюзии и воображение // Индивиды в международной политике. М., 1996.

² Rosenau, J. People Count: Networked Individuals in Global Politics. London: Paradigm Publishers, 2007.

³ Афонцев С. Индивид, глобальное управление и демократия // Антиглобализм и глобальное управление: Доклады, дискуссии, справочные материалы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2006.

⁴ Коноплин Ю.С., Красина О.В. Проблемы индивида как актора мировой политики в условиях развития процессов глобализации. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3.

⁵ Сморгунов Л.В. Перспективы человека в глобализирующемся мире. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.

⁶ Фельдман Д.М. Человек как актор мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден Би, 2008.

⁷ Мерль М. Обезоруженные пророки // Индивиды в международной политике. М., 1996.

⁸ Малахов В.С. Государство в условиях глобализации: учебное пособие. М.: КДУ, 2007.

⁹ Ortega, Martin. Building the future: the EU's Contribution to Global Governance // Chaillot Paper 100 (April 2007). <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp100.pdf>.

¹⁰ Young Iris Marion. Inclusion and Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2000.

¹¹ Rajan Sudhir Chella. Global Politics and Institutions. Tellus Institute, 2006. <http://www.gtinitiative.org/documents/PDFFINALS/3Politics.pdf>.

¹² Dani Rodrik. How Far Will International Economic Integration Go? // Journal of Economic Perspectives, vol. 14. no. 1 (2000).

¹³ Этциони Амитай. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.

дарства в настоящее время делегируют все больше полномочий влиятельным международным организациям; во-вторых, сокращается государственное вмешательство в экономику, а снижение налогов увеличивает политическое влияние предприятий (особенно крупных транснациональных корпораций); в-третьих, свободное перемещение капиталов за границу и легкая миграция людей уменьшает власть государств по отношению к своим гражданам.

Сегодня принятие глобальных решений зависит не только от государств. Возникли и обладают немалыми полномочиями международные структуры. Некоторые исследователи полагают, что уход в прошлое Вестфальской системы (основанной на примате нации-государства, суверенитета и государственного интереса) почти автоматически влечет за собой передачу некоторых компонентов государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов. С этой точки зрения большой интерес вызывает деятельность Интерпола, Гаагского международного суда, Трибунала по бывшей Югославии, подписание рядом стран Соглашения о международном преследовании военных преступлений и др., которыми государства по взаимному согласию передают часть своих прав в этой области наднациональным учреждениям. Это заставляет многих исследователей видеть будущее современной международной системы именно в многоуровневом ключе¹. А

¹ Waltz K. *Theory of International Politics*. McGraw Hill. New York, 1979; Oran R. Young. *Systems of Political Science*. Englewood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, Inc., 1968; Kaplan, Morton A. *System and process in international politics*. ECPR Press, 2005; Валлерстайн И. Исторические системы как сложные системы // *Философские перипетии*. Вестник Харьковского государственного университета. № 409'98. Серия: Философия. 1998. С. 198–203; Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. – Seattle, 1987; Андре Гундер Франк и Барри К. Джиллс. Пять тысяч лет мировой системы в теории и практике. URL: http://www.world-polit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=78&Itemid=40; Малахов В.С. *Государство в условиях глобализации: учебное пособие*. М.: КДУ, 2007; Кортунов С.В. *Крушение Вестфальской системы и новый мировой порядок*. URL: http://www.zlev.ru/125/125_36.htm; Лебедева М.М. *Политическая система мира: проявление «внесистемности», или основные акторы – старые правила // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты*. М.: ГолденБи, 2008; Albrow M. *The Global Age*. Cambridge, 1996; Hirst P., Thompson G. *Globalization in Question: The International Economy and the possibilities of Governance*. Cambridge, 1996; Coglianese Cary. *Globalization and the Design of International Institutions // Joseph S. Nye Jr. and John D. Donahue (eds). Governance in a Globalizing World*. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2000. P. 10–18; Scholte J.A. *Globalization and Governance: From Statism to Polycentrism // CSGR Working Paper N. 130/04*. P. 34–42; Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism, and Rationalities of Government. Andrew Barry, Thomas Osborne & Nikolas Rose

это, в свою очередь, невозможно без существенной коррекции существующего международного права, в том числе некоторых его принципиальных основ¹.

Активно продвигаются в международную практику модели организации жизни, включающие такие компоненты, как правовое государство, политическая демократия, идейный плюрализм, открытое развитое гражданское общество. Один из центральных пунктов глобальной политики – права человека, провозглашенные, как известно, в принятой ООН после Второй мировой войны Декларации прав человека. Выполнение этой декларации используется в качестве критерия оценки мировым сообществом, и в особенности развитыми странами, политики некоторых государств. Возникла мощная международная сеть правозащитных организаций, осуществляющих мониторинг прав человека в мире и воздействие мирового общественного мнения на нарушителей прав человека. Зачастую мировое сообщество или отдельные государства предъявляют некоторым государствам практические требования по осуществлению прав человека. Эти требования подкрепляются дипломатическим, политическим, экономическим давлением (вплоть, как показывают события последних лет, до применения военной силы). Это говорит о том, что старое понимание абсолютного суверенитета отдельного государства в эпоху глобализации меняется.

Однако эти процессы вызывают недовольство национально ориентированных политических элит. Различные мозговые центры и отдельные авторы разрабатывают концепции информационного, политического, идеологического, правового, культурного и прочих суверенитетов². Нарастает явление, получившее название «война суверенитетов», которая сопровождается локальными и региональными

(eds.). Chicago, IL: University of Chicago Press, 1996; БекУ. Чтотакоеглобализация? М., 2001; Giddens A. Globalization: a keynote address // UNRIST News. 1996. № 15; ХелдД. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004; Ortega M. Building the future: the EU's Contribution to Global Governance // Chaillot Paper 100 (April 2007). URL:<http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp100.pdf>; Prado C. de. Global multi-level governance: European and East Asian leadership. United Nations University, 2007.

¹ Торкунов А. От «холодной войны» к «коалиции победы». Новая философия внешней политики России. URL: <http://textarchive.ru/c-1779658-pall.html>.

² Ашманов И.С. Информационный суверенитет. URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf>; Слесарчук О.М. Современное состояние информационной сферы России // Изв. Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. Вып. № 93; Ирхин Ю.В.,

конфликтами. При этом почему-то больше всех беспокоятся о защите суверенитета государства, которые, разрабатывая оружие массового уничтожения, бросают вызов мировому сообществу, оправдывая свои действия интересами национальной безопасности; правящие клики, которые используют принцип государственного суверенитета для предотвращения международного вмешательства по поводу нарушений прав человека, массовых репрессий и геноцида; лидеры, которые под лозунгом противостояния однополярной модели мироустройства, стремятся сохранить свою монополию на принятие любых решений, сохранение удобных им правил игры в политике, торговле, финансах и т. п.

Очевидно, что ссылаясь на право народов самим определять свою судьбу, сохранять свою культурную, историческую и цивилизационную идентичность, эти элиты на долгие годы замораживают интеграционные процессы. Это, видимо, побудило французского ученого П. Аснера утверждать: «Мы находимся в периоде размытости: сейчас недостаточно сказать „государство“, „суверенность“, „политика“, чтобы оживить эти реалии. Но другого принципа, который бы их заменил, тоже нет. Быть может, нам предстоит пережить периоды настоящей анархии, гражданской войны, и только потом родится нечто другое»¹.

Культурные вызовы

Культурная глобализация решительно изменяет контекст, в котором происходят воспроизводство и развитие национальных культур, вовлекая в этот процесс новые глобальные инфраструктуры беспрецедентного масштаба, которые обеспечивают большие возможности проникновения элементов той или иной культуры через границы государств.

Это приводит к тому, что у многих исследователей возникает ощущение, что глобализация унифицирует и стандартизирует культурные

Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. URL: <http://uchebnik-online.com/133/1264.html>; Зорина Е.Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 345–348 и др.

¹ Аснер П. 1999. Насилие и мир. От атомной бомбы до этнической чистки. СПб.: Всемирное слово, 1999. С. 331–332.

традиции, подрывает жизнеспособность незападных цивилизационных структур. Например, Н.Е. Покровский пишет: «В условиях весьма динамичной культурной эволюции, происходящей в России, возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия как носителя систем ценностных ориентаций, но не только в виде создания разного рода депозитариев, памятников и документов культуры (хотя и их тоже), но прежде всего в качестве „хранилищ“ живых ценностей, в том числе и в их деятельностных вариантах»¹.

Примерно об этом же пишет А.И. Кравченко: «Расширение культурных контактов в современном мире, общение и познание способствуют сближению народов. Однако чрезмерно активное заимствование опасно потерей культурной самобытности. Молодое поколение перенимает друг у друга моду, привычки, пристрастия, обычаи, в результате чего они становятся похожими, а часто просто близкими. Возможность утраты культурной самобытности кроется в нарастающей угрозе ассимиляции – поглощению малой культуры со стороны более крупной, растворении культурных особенностей национального меньшинства в культуре большой нации, забвении отеческой культуры при массовой эмиграции в другую страну и получении там гражданства. При этом утрата культурной самобытности и культурное растворение может быть полным и частичным. Открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение могут привести, с одной стороны, к обмену положительным опытом, обогащению собственной культуры, подъему ее на более высокую ступень развития, с другой – к ее культурному истощению за счет унификации и стандартизации, распространения одинаковых культурных образцов по всему миру»².

М.В. Льюиса в своем эссе «Культура свободы» довольно язвительно отзывается об авторах публикаций, в которых утверждается, что исчезновение национальных границ и создание мира, соединенного рынками, нанесет смертельный удар по региональным и национальным

¹ Покровский Н.Е. Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 30.

² Кравченко А.И. Культурология: Словарь. М.: Академический проект, 2001. С. 117–118.

культурам. М.В. Льюса называет эти утверждения бредом преследования, возбуждаемого неприязнью и мстительной злобой по отношению к североамериканскому гиганту. А страх перед американизацией планеты является, по его мнению, в большей степени идеологической паранойей, нежели отражением реальности. Возражая авторам этих кошмаров, М.В. Льюса пишет о том, что процесс отказа основной части общества от «фольклорно-этнографического своеобразия» вовсе не связан с глобализацией. Этот процесс является скорее следствием модернизации, результатом, но не причиной которой оказывается глобализация. Можно, конечно, сожалеть о том, что этот процесс имеет место, и испытывать чувство ностальгии по прежним формам жизни, которые, особенно с нашей нынешней точки зрения, кажутся наполненными весельем, оригинальностью и красками. Но этот процесс неизбежен¹.

Действительно, пишет М.В. Льюса, модернизация ведет к исчезновению многих форм традиционной жизни. Но в то же время она открывает возможности и представляет собой важный шаг вперед для общества в целом. Вот почему народы тогда, когда они могут совершать свободный выбор, без малейшего колебания отдают предпочтение модернизации, иногда вопреки тому, чего желали бы их лидеры или интеллектуальные традиционалисты.

И еще одна цитата: «Понятие „культурная идентичность“ опасно. С социальной точки зрения оно представляет собой лишь сомнительную, искусственную концепцию. Но в политическом плане оно угрожает наиболее драгоценному достижению человечества: свободе. Я не отрицаю, что люди, говорящие на одном языке, родившиеся и проживающие на одной территории, сталкивающиеся с одинаковыми проблемами и придерживающиеся одинаковых религиозных убеждений и обычаев, обладают общими характеристиками. Но этот коллективный знаменатель никогда не может полностью охарактеризовать каждого из них. Он служит лишь для того, чтобы упразднить или оттеснить на малозначительный вторичный план сумму уникальных особенностей и черт, отличающих каждого члена данной группы от остальных ее чле-

¹ Льюса М.В. Культура свободы //ForeignPolicy. 2001. Январь–февраль / Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий.URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/465>.

нов. Концепция идентичности, тогда, когда она не используется на исключительно индивидуальном уровне, является по сути своей редуционистской и дегуманизирующей – некой коллективистской и идеологической абстракцией всего того, что представляет собой оригинальное и творческое начало в человеческой личности, всего того, что не внесено в нее наследованием, географией или социальным давлением. Подлинная идентичность проистекает, скорее, из способности человеческой личности сопротивляться этим воздействиям и противопоставлять им свои собственные свободные действия»¹.

Скорее всего, М.В. Льоса прав. В последнее десятилетие возникают все более регулярные сомнения в однозначно негативном воздействии глобальной культуры на культуры национальные или локальные. Зарождающийся культурный космополитизм, который отбросил бы идею нации как первичной политической и культурной общности, не показал своей живучести в рамках такой культурной общности, как Европейский Союз. И это произошло, невзирая на примерно сорок лет активной пропаганды общеевропейских ценностей².

Тем не менее государственные институты многих стран обратили внимание на защиту, а иногда и конструирование своей идентичности. Одновременно отмечается стремление к ускоренному развитию локальных культур, малых этносов, обострению их притязаний на суверенитет. В ряде случаев локализация проявляется в стремлении некоторых сообществ к автаркии, демонстрации своей исключительности и самодостаточности, вплоть до стремления некоторых сообществ к экономическому, политическому, культурному обособлению, а иногда и к сепаратизму.

Популярная некогда теория мультикультурализма подвергается ныне жесткой критике. С одной стороны, в этой критике много резона. Выполненный С. Жижekom анализ приводит к выводу о том, что слабое место универсальной мультикультуралистской точки зрения – это

¹ Льоса М.В. Культурасвободы // Foreign Policy. 2001. Январь–февраль / Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/465>.

² Щеглов В.В. Глобализирующийся мир и культура. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/75/160-167.pdf>.

непонимание того факта, что в условиях полного мультинационального обращения капитала мы перестаем иметь дело со стандартной оппозицией между капиталом и колонизированными странами; глобальная компания как бы перерезает пуповину, связывающую ее со своей матерью-нацией, и относится к стране своего происхождения просто как к еще одной территории, которую нужно колонизировать. Новые транснациональные корпорации имеют к местному населению Франции или США точно такое же отношение, как и к населению Мексики, Бразилии или Тайваня. И разумеется, идеальной формой идеологии этого глобального капитализма является мультикультурализм, позиция, которая – со своеобразной пустой глобальной точки зрения – относится ко всякой локальной культуре так, как колонизатор относится к колонизированным народам – как к «туземцам», нравы которых следует внимательно изучать и «уважать». То есть отношения между традиционным колониальным империализмом и глобальной капиталистической автоколонизацией в точности соответствуют отношениям между западным культурным империализмом и мультикультурализмом: точно так же, как глобальный капитализм связан с парадоксом колонизации без колонизаторского национального государства-метрополии, мультикультурализм связан со снисходительной европоцентристской отстраненностью и/или уважением к локальным культурам, не имея никаких корней в своей собственной особенной культуре. Иными словами, мультикультурализм – это дезавуированная, превращенная самореференциальная форма расизма, «расизм с определенного расстояния» – он «уважает» идентичность Другого, рассматривая Другого как замкнутое «подлинное» сообщество, по отношению к которому он, мультикультуралист, поддерживает дистанцию, отражающую его привилегированную всеобщую позицию. Мультикультурализм – это расизм, который освобождается от всякого положительного содержания (мультикультуралист – это не открытый расист, он не противопоставляет Другому особенные ценности своей культуры), но тем не менее сохраняет эту позицию как привилегированное пустое место всеобщности, с которого он может давать оценку совершенно иным

особым культурам – уважение мультикультуралиста к личности Другого и есть форма утверждения собственного превосходства¹.

Ошибка элитарного мультикультуралистского либерализма, таким образом, заключается в противоречии между содержанием и формой, которое было характерно уже для первого крупного идеологического проекта терпимого универсализма, а именно – масонства: доктрина масонства (всеобщее братство людей, основанное на свете Разума) явно не соответствует форме своего выражения и организации (тайное общество с его инициатическими ритуалами), то есть сама форма выражения и артикуляции масонства противоречит его позитивной доктрине. Точно так же современная «политически корректная» либеральная установка, рассматриваемая как преодоление границ собственной этнической идентичности («гражданин мира», не связанный с каким-то конкретным этническим сообществом), действует в рамках собственного общества – как узкий элитарный круг верхушки среднего класса, открыто противопоставляющий себя большинству простых людей, презираемых за то, что они не способны выйти за рамки своих узких этнических или общинных границ².

Однако отрицание мультикультурализма как модели культурного взаимодействия различных культурных сообществ не отменяет необходимости найти такую модель. И не случайно возникают такие проекты, как *интеркультурализм*³, а также расширяется интерес к некоторым локальным концепциям (*транскультурализм*⁴).

Социальные вызовы

Когда-то Г. Маклюэн предрекал, что мир станет глобальной деревней соответствующими отношениями между людьми. В другом месте

¹ Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя. 2005.

² Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя. 2005.

³ См.: Паин Э. Невозможность империи и недостаточность нации: концептуализация новой политики – интеркультурализма. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5596>.

⁴ Транскультура. URL: <http://www.term.ru/dictionary/951/word/transkultura>; Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/rossiyskaya-kulturnaya-politika-v-kontekste-globalizacii>.

Маклюэн говорил о том, что под влиянием средств массовой информации мир становится «глобальным театром», где каждому приготовлена своя роль, определяемая слуховизуальной культурой, которая по своей природе носит мозаичный характер¹. Однако социальные процессы в условиях разворачивающейся глобализации и информатизации пошли не так. Формируемая в условиях «мозаичной культуры» личность отличается фрагментарностью духовного мира, неустойчивыми эмоциональными реакциями, краткосрочными коммуникационными связями. Не «глобальная деревня» с ее устойчивой внутренне непротиворечивой коммуникативной ситуацией, а «глобальный метраполис» является образом социальной действительности, порождаемой «мозаичной культурой», и выражает конфликт вынужденно связанных между собой условиями образа жизни мегаполиса, но имеющих право на независимую личную жизнь людей.

К числу социальных вызовов можно отнести возникший на основе массового промышленного производства особый динамизм жизни, выразившийся, среди прочего, в стремительном росте потребностей людей. Едва ли возможно в предыдущей истории обнаружить ситуации, когда потребности и притязания каждого нового поколения столь разительно отличались бы от предыдущего. Это проявляется как в материальной, так и в духовной, и в политической сферах.

Возросли не только потребности, но и возможности их удовлетворения. Динамизм жизни, углубление интеграционных процессов, реальная транспортная и информационная нивелировка расстояний породили не только новые требования, но и ощущение легкости их достижения. Современный мир не только располагает значительными богатствами, порождая все новые потребности. Одновременно жизнь как бы внушает людям определенную уверенность в том, что завтра мир будет еще богаче, а удовлетворение потребностей еще реальнее.

Вырастает массовая готовность к активным действиям. Здесь необходимо подчеркнуть провоцирующее влияние средств массовой коммуникации, рекламы, политической агитации и пропаганды, ставящих целью прямую стимуляцию непосредственной поведенческой ак-

¹ См.: Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика. М., 1995. С. 20–21, 197–199.

тивности. Эти средства стремятся вызвать непосредственную массовую реакцию в виде конкретных действий, акций или, наоборот, в виде пассивного одобрения.

Одним из следствий вышеуказанных факторов стала готовность больших масс людей к массовым акциям, бунтам, возникающим иногда по вполне смехотворным поводам.

К социальным вызовам следует в первую очередь отнести неравенство в развитии и, как следствие этого, разрыв в уровне жизни. Характерный пример – США, на которых приходится около 4 % мирового населения, потребляют четверть производимой в мире нефти. И это неравенство становится все больше. ВВП на душу населения в Лихтенштейне составляет 118000 долларов; в Люксембурге 108004 долларов; в Швейцарии 79347; в Норвегии 72046. А в Афганистане, Демократической Республике Конго, Либерии, Нигере, Мозамбике и десятках других стран от 300 до 500 долларов на душу населения. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), количество людей, страдающих от голода по всему миру составляет более одного миллиарда. Из них 642 миллиона живут в Азии, 265 миллионов – в Африке, 42 миллиона – в Латинской Америке и странах Карибского бассейна, а также 15 миллионов – в развитых странах. По данным ФАО, в мире складывается критическая ситуация, так как число голодающих стремительно увеличивается¹.

Другая социальная проблема связана с демографическими процессами. В XVIII веке население мира увеличивалось на 250 млн за 75 лет, а сейчас примерно за три года. Недавно ООН опубликовала прогноз, касающийся роста численности населения на планете. Основной вывод: население будет постоянно возрастать, люди будут позже стареть и дольше жить. Согласно последним данным, численность населения мира на 2017 год составляет больше 7,5 миллиардов². Мировое сообщество разделилось в современном демографическом процессе. Две тенденции: сокращение рождаемости (на грани депопуляции) в

¹ ООН: Более миллиарда человек в мире голодают. URL: <https://newsland.com/user/4297663821/content/oon-bolee-milliarda-chelovek-v-mire-golodaiut/4037818>.

² Численность населения мира на 2017 год составляет... URL: <http://russinfo.net/otdyh/naselenie-zemli/chislennost-naseleniya-mira-na-2017-god-sostavlyayet.html>.

большинстве развитых стран и продолжающийся рост народонаселения в большинстве стран развивающегося мира. Изменения в демографической структуре носят также и расовый, конфессиональный, национальный характер. По прогнозам больше всего рождаемость повысится в Африке (вскоре количество людей, проживающих на этом континенте, возрастет до 4 миллиардов, а это примерно половина от всей цифры), при этом во многом этому поспособствует то, что смертность от СПИДа среди африканцев существенно сократилась. В целом азиатский континент пик роста ожидает примерно в 50-м году, после чего прирост будет падать, однако в других странах он продолжится.

Неравенство в развитии плюс рост народонаселения порождают третью социальную проблему – массовое перемещение населения из развивающихся стран в развитые. Многих пугают демографические последствия глобальной миграции, меняющие состав и размер населения как страны отправления, так и принимающих стран. Эти последствия для современных развитых капиталистических государств часто оцениваются как катастрофические. По мнению П. Бьюкенена, к началу XXI века количество населения США, родившегося за их пределами, или некоренных американцев, уже перевалило за 30 млн. Каждый год в США приезжает около миллиона официальных иммигрантов¹.

Глава представительства управления верховного комиссара по делам беженцев ООН в России В. Цюрко заявил о росте масштабов миграции в мире. «Общее число мигрантов сегодня составляет около 250 млн человек, большинство из них перемещаются по собственной воле, в основном в поисках работы. Масштаб миграции беспрецедентный, такого никогда не было, и эти цифры продолжают расти», – приводит его слова «Интерфакс».² Часть иммигрантов, особенно старых, в основном встроились в структуру принимающих государств, получили образование и работу, многие частично ассимилировались. Однако часть иммигрантов, особенно новых, которые во многом чужды и даже враждебны европейской цивилизации, эксплуатируют ее социальную систему обеспечения, замыкаются в своеобразных этнических гетто.

¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003.

² ООН насчитала 250 млн мигрантов в мире. URL: <https://news.rambler.ru/community/38483378-oon-podschitala-chislo-migrantov-v-mire/>.

Это приводит к формированию крупных социально-этнических групп, находящихся на нижних этажах общественной иерархии. Возникает новый узел не только экономических, но и – что весьма важно – острых политических и идеологических противоречий, способных дестабилизировать и международную, и во многих случаях внутривнутриполитическую ситуацию. Учитывая демографические прогнозы, согласно которым к 2050 году население Европы и Японии резко сократится (например, в Италии и Болгарии на 25–30 %), а количество трудоспособных лиц в отношении к лицам старше 65 лет сократится более чем на половину: с 4 или 5 до 2, что ставит под угрозу систему социального обеспечения пенсионеров и нетрудоспособного населения в целом, приходится признать, что замещающая иммиграция является практически единственной возможностью ответить на эти вызовы. В результате число иммигрантов и их потомков в 2040 году составит, например, в Японии, Германии и Италии – от 30 до 39 %.

Проблемой являются и взаимоотношения коренных жителей и мигрантов, которые зачастую принимают не межличностный, а межгрупповой характер, создают основу для межгрупповых конфликтов.

По нашему мнению, к социальным вызовам, получившим глобальный масштаб, следует отнести и международный терроризм. Не имея возможности всесторонне рассмотреть причины и факторы развития терроризма, укажем лишь на то, что террористы, как правило, выходцы из бедных стран и маргинальных групп. Многие молодые люди, в том числе образованные, не находят работы, соответствующей их ожиданиям, и пополняют маргинальные слои. В этой среде активно действуют организации, рекрутирующие новых приверженцев терроризма и формирующие его агрессивную идеологическую доктрину. В рамках этой доктрины развитый мир в целом и, особенно, лидирующие в нем страны воспринимаются как средоточие зла и угрозы, как источник насилия, разрушающего привычные установления и условия жизни. Противодействие ему объявляется священным долгом, а силовые акции, в том числе террористические, – оправданным, а в ряде случаев и единственным средством борьбы. «Жизнь в глобализированном мире неопределенности, гибридности, текучести и спорности, – писала в этой связи профессор Йельского университета С. Бенхабиб, – представляет наибольшую сложность для фундаменталистов... Но поиски

„чистоты“ – будь то мечтания нацистов прошлого века о расовой чистоте или современные мечты о „подлинном исламе“ – обречены на поражение, хотя и не ранее, чем они принесут множество бед и человеческих страданий, нестабильность и страх»¹.

Неурегулированные региональные кризисы и конфликты, нищета и отсталость, поразившие обширные регионы, неизбежные издержки глобализации и модернизации, массовые миграции населения, подъем экстремистских движений, распространение оружия массового уничтожения определяют нестабильность мировой политики.

Социально-психологические вызовы

Одним из важнейших социально-психологических вызовов, на наш взгляд, является дезинтеграция общества, приводящая к нарастающему недоверию к основным ценностям общества, к представителям других социальных сообществ, носителям иных политических взглядов. Частичную вину за эту дезинтеграцию несут массмедиа. Раньше медиа задавали единые общие универсальные нормы. Даже если человек не был близок к этим нормам, он их, по крайней мере, знал – «вот это норма в обществе, так считают многие, и это правильно». В настоящее же время медиа сильно фрагментировали общество по отдельным нормативным стилям, и более того, создали такие стилевые ниши, в которых человек прибывает довольно комфортно и автономно. Перестали существовать универсальные медиа. Сейчас медиа демонстрируют высочайшую дифференциацию предлагаемых ценностных позиций и предлагаемых «картин мира»².

Как отмечают исследователи, характерной особенностью жизненного мира нашего современника является индивидуализация, которая в возрастающей мере определяет лицо постиндустриального общества³. Действительно, трудно представить историческую эпоху, в которую индивид был бы настолько свободен от фиксирующих его поло-

¹Бенхабиб С. Притязания культуры. М.: Логос, 2003. С. 222.

² Подробнее см.: Массмедиа как институт социальной дезинтеграции. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=237&uid=9515>.

³ Постфордизм: концепции, институты, практики. М.: РОССПЭН, 2015.

жение и статус социальных связей. Логичным и неизбежным следствием в этом случае становится ослабление лояльности индивида по отношению к какой-либо социальной группе, территориальному или профессиональному сообществу. Индивидуализация разрушает онтологические основы формирования коллективностей, обладающих устойчивыми интересами и, что еще более важно, способностью к самоорганизации, солидаризации и согласованному политическому действию. В особенности ее трансформирующий потенциал очевиден в сфере производственных и трудовых отношений. Современные концепции ведения экономической деятельности куда в меньшей степени основаны на физической привязке индивида к рабочему месту и не столь жестко размечают график рабочего времени. Эта технологическая новация существенно обедняет возможности консолидации общества по профессионально-классовому принципу и резко снижает вероятность совместного действия со стороны людей, непосредственный контакт между которыми может отсутствовать в принципе. В современных условиях ощущается острый дефицит институций, структурирующих жизненное пространство значимых сегментов общества, подобных фабрикам XIX–XX вв., которые были чрезвычайно успешны в части эффективности массовых включений в политику и дистилляции политических требований из трудовых и экономических запросов. Сегодня представить себе включения трудящихся масс в регулярный политический процесс, сопоставимые по уровню задач и амбициозности требований и их реализованному объему, практически невозможно¹.

Иными словами, тенденция к нарастанию индивидуальных свобод частного характера, рассматриваемая зачастую как безусловное благо как для самого индивида (в русле кантовских ценностей человеческого достоинства, автономии воли), так и для социальной системы (преумножение общего блага за счет реализации ресурса индивидуальной инициативы и предприимчивости), в значительной мере уравновешено ростом социальных рисков как частного, так и системного плана.

Нарастающая дезинтеграция способствует потере веры в ценности общественных институтов, а также критическое отношение к прак-

¹ Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

тике по реализации данных ценностей. Между тем очевидно, что общество невозможно без доверия и доверие институализируется и усложняется вместе с самим обществом, которое уже нельзя разделить только на своих и чужих и которое все больше состоит из последних. Известно, что в Новое время расширение априорного доверия между незнакомцами становится фоновой средой формируемого первоначально в городских сообществах публичного пространства Модерна. В обезличенной форме оно поддерживает существование всех основных современных социальных институтов. Это доверие к деньгам в экономике, лояльность к юридическим законам и моральным нормам, к экспертизе в науке, солидарность с политическими (общественными) решениями: «Если в обществе существуют и распространены моральные нормы, не допускающие обмана тех, кто доверяет другим, то эти нормы также учитываются людьми при принятии решений и в долгосрочной перспективе могут возобладать исходы, связанные со взаимным доверием»¹.

Исследователи настойчиво говорят о том, что априорное пространство доверия необходимо для эффективного развития рыночных обменов и является внеэкономическим фактором успешности проекта Модерна. Необходимость расширения доверия в современных обществах определяется, во-первых, ростом разнообразных рыночных обменов по принципу продавец – покупатель (товара, ресурса, услуги). Во-вторых, если в традиционном обществе все люди достаточно уверенно разделялись на своих и чужих, то рост круга общения современных людей вызывает эффект возрастающей неуверенности, непредсказуемости и неопределенности социальных контактов. Жесткий малый круг априорного доверия размывается, образуется динамичное пространство кругов доверия по разным основаниям и в различных сферах. Эффективное и постоянное взаимодействие с чужими, не входящими в состав семьи, клана, этноса, предполагает универсализацию принципов морали и социального взаимодействия. Институционально закрепляемое и поддерживаемое в нормах права, общественной морали, растущей публичной сфере, массовой культуре, негласном обще-

¹ Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 77.

ственном договоре доверие становится условием трансформации общины в большое общество, расширения количества и качества эффективных коммуникаций индивидов, социальных групп и различных предприятий между собой¹. В-третьих, современному человеку приходится все чаще принимать решения и формулировать собственный выбор или мнение относительно явлений, выходящих за пределы его личного опыта, знаний и умений. При этом решения других людей имеют прямое влияние на жизнь данного индивида. Происходит естественный рост значимости обезличенного, генерализованного доверия для комфортного существования людей и эффективной реализации ими собственных целей². Однако сложность и динамичность социальных взаимодействий, необходимость постоянных контактов с неизвестными людьми, умножение социальных контекстов и ролей в жизни человека, постоянные изменения привычных общественных установлений на протяжении жизни одного поколения, анонимность городского существования напрягают психику значительной части наших современников.

Несмотря на то, что для повышения общественного благосостояния эффективно высокое взаимное доверие, с позиций рационального выбора и повышения своей индивидуальной полезности люди массово выбирают недоверие как оптимальную стратегию. «С точки зрения экономического „менеджмента доверия“ недоверие всегда связано с существенно большими затратами, нежели доверие... Однако в условиях кризисного развития общества, когда любое доверие связано с неконтролируемым нарастанием разнообразных рисков, недоверие может стать способом минимизации таких рисков и в этом своем качестве оказаться эффективной экономической стратегией. Таким образом, трактовка роли экономического недоверия может оказаться различной в стабильных и трансформирующихся обществах»³.

Еще один социально-психологический вызов связан с нарастающей тревогой как интеллектуалов, так и миллионов простых граждан

¹ Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

² Там же.

³ Вершинин С.Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. 2007. Вып. 7. С. 63.

по поводу собственной идентичности¹. Глобализация обострила стремление к защите собственной идентичности и способности сопротивляться и вместе с тем в значительной степени привела к изменению границ идентичностей и, соответственно, культур, которые теперь все меньше и меньше соотносятся с границами национальных государств и все больше и больше – со смыслами и значениями разных бытовых жизненных явлений и стремлениями индивидов создавать свои собственные индивидуальные культуры².

Однако проблема такого выбора не так проста. Как пишет О.Б. Скородумова, «экспансия постмодернистского варианта культуры порождает состояние отчаяния, выход из которого может быть найден на пути крайних насильственных действий. Наиболее адекватной формой такого отторжения является терроризм, который становится постоянным спутником постмодернистской культуры, проявляясь в различных формах, начиная от погромов фанатов, кончая расстрелами школьников и взрывами кинотеатров»³.

Историограф В.В. Носков в статье «Методологические аспекты идентичности»⁴ ссылается на доклады своих коллег, в частности бразильского историка Э. Де Резенде Мартинса, который указывает, что «в последнюю четверть века мы стали свидетелями мощного проявления „коллективной идентичности“, которая бросает вызов глобализации и космополитизму во имя культурного своеобразия и права народов самим определять свою жизнь»⁵. «В условиях глобального общества на первый план стали выходить деловые и производственные аспекты, в результате чего человек стал осознавать себя скорее специалистом в

¹ См.: Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Идентичность российской молодежи: роль и место событий 1917 года. М.: Издательство АПКИППРО, 2017.

² Castells M. (2009). *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. II, London: Wiley-Blackwell; Tomlinson J. (1999). *Globalization and Culture*, Chicago: University of Chicago Press; McCracken G. (2008). *Transformations: Identity Construction in Contemporary Culture*, Urbana: Illinois University Press.

³ Скородумова О.Б. Национально-культурная идентичность в России в условиях становления информационного общества. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Skorodumova/>.

⁴ Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США. Сб. науч. ст. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 24–25.

⁵ Там же.

той или иной области, чем представителем какой-либо конфессии или этноса», – констатирует И.В. Лысак¹.

Феномен этой культуры состоит в том, что ради успеха и признания «члены клуба» принимают правила игры, надевают на себя маску европейских ценностей: «бегло говорят по-английски, соответствующим образом одеваются и ведут себя, работают, развлекаются, а в какой-то степени и мыслят по-английски. Однако многие из „давосцев“ столь европеизированы лишь „на людях“, в общественной жизни. В частной жизни они во многом остаются в рамках своих традиционных установок»². В этом и состоит такая тенденция культурной глобализации, как сатурация – «культурная адаптация в форме гибридного синтеза универсального и локального», посредством которой локальная, самобытная культура постепенно унифицируется³.

Многие исследователи указывают, что в условиях глобализации политические, социальные, профессиональные, культурные, этнические, религиозные признаки, объединяющие людей, становятся более весомыми, чем формальная принадлежность к определенному государству. Подобное положение приводит к формированию и расширению политических, социальных, экономических, культурных, религиозных формаций, свободных от государственных и территориальных факторов. По определению Дж. Камиллери, «мы живем в период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности»⁴.

Проблема становится актуальна в свете усиления экономической глобализации и миграции. Она остро осознается мировым сообществом, о чем свидетельствует принятие 31-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии», в которой утверждается, что «культурное разнообразие

¹ Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 91.

² Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 203.

³ Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 94.

⁴ Camilleri J. Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community. Edited by R. B. J. Walker and Saul H. Mendlevits. Lynne Rienner Publishers. Boulder, London, 1990. P. 35.

так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. Оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений»¹.

В Декларации также отмечается, что залогом культурного разнообразия является свобода выражения мнений, плюрализм средств информации, многоязычие, равный доступ к возможностям для художественного творчества, к научно-техническим знаниям и обеспечение всем культурам доступа к средствам выражения и распространения идей. Но для того, чтобы сохранять, нужно видеть границу общечеловеческих ценностей от национальных, а также границу ценностей одной национальной культуры от соседствующей с ней, что, вероятнее всего, будет поставлено в задачи культурологам в ближайшее время. И хотя Ф. Фукуяма утверждает, что существование национальной идентичности во всех современных либеральных демократических государствах является неоспоримым фактом², результатом действия обозначенных выше факторов является тенденция к возникновению так называемой «множественной идентичности».

Суть этого явления заключается в том, что в такой сложной системе, как современное информационное общество, в котором основной проблемой индивида оказывается автономная адаптация к динамически меняющемуся миру, расширяется степень свободы личности и идентичность приобретает множественный, процессуальный и ситуативный характер. Сложность описываемой ситуации заключается в том, что эти различные идентичности не всегда осознаются и могут находиться в противоречивом отношении друг с другом³. Будучи глубоко погруженным в процессы, происходящие в информационном обществе, человек может переживать неустойчивость, гибкость и множественность идентичности как естественное и даже не воспринимать как проблему.

¹ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf>.

² Fukuyama F. Identity, Immigration, and Liberal Democracy // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. N 2. P. 5–20.

³ Разлогов К.Э. Полилог и множественность идентичностей // Управление мегаполисом. 2008. № 3. С. 61.

Особую проблему описываемого процесса представляет то, что при недостаточно развитых и осознанных практиках автокоммуникации и саморефлексии феномен множественной идентичности может приводить к распаду человека как целостности¹.

Объективные факторы формирования внутреннего мира человека действуют, в общем и целом, как стихийные силы, прокладывающие себе дорогу через массу случайностей. Однако совершенно очевидно, что внутренний мир человека не является автоматическим следствием объективных факторов. В определенной мере (правда, в значительно меньшей, чем это обыкновенно думают) на него оказывается сознательное, целенаправленное воздействие со стороны различных социальных институтов и организаций.

Государство может воздействовать на процесс формирования идентичности различными способами: экономически (обеспечение и защита соответствующего жизненного уровня), идеологически (образование, пропаганда), политически (в том числе использование аппарата принуждения), юридически (создание соответствующей законодательной базы). Хорошо известно, что важным фактором формирования национального самосознания в конце XIX – начале XX века была школа. Как пишет А. Лукина, «стандартизированное образование и унификация литературного языка помогает гомогенизировать общество»². Другой культурный механизм, о котором пишет Лукина, – музеи. В своей работе Лукина отмечает: «В долгосрочной перспективе музей как пространство четко структурированных классифицированных, переписанных, датированных экспонатов, упорядоченных в серийные ряды, выстраивает историческую глубину национальной истории. Открытие Третьяковской галереи, музея Александра III (Русского музея), Исторического музея, Политехнического, Этнографическая выставка 1867 и т. д. во второй половине XIX века создавали нарратив национальной истории как основы построения воображаемого сообщества нации. То есть через музей идея русской нации, имеющей глубокие исторические корни, богатую многовековую

¹ Краснопольская А.П. Становление множественной идентичности и принципы коммуникативной рациональности. URL: <http://cult-cult.ru/the-formation-of-multiple-identities-and-principles-of-communication-rationality/>.

² Лукина А.В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности. Екатеринбург: Уральский госуниверситет, 2004. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/340/2/urgu0269s.pdf#2>.

культуру, становилось видимой, а значит, действительной для посетителя музея/выставки»¹.

Помимо музея, консолидировать нацию в XIX веке были призваны музыка (М. Глинка и «могучая кучка», народная музыкальная драма), живопись («Передвижники») и театр.

Однако есть основания предполагать, что все эти механизмы в современных условиях теряют свое могущество. «Новая самобытность, устремленная в будущее, – подчеркивает М. Кастельс, – возникает не из былой самобытности гражданского общества, которой характеризовалась индустриальная эпоха, а из развития сегодняшней самобытности сопротивления»². М. Кастельс приводит основные группы сообществ, которые, по его мнению, могут через самобытность сопротивления перейти к самобытности, устремленной в будущее (*project identity*), и тем самым способствовать преобразованию общества в целом. Это, прежде всего, религиозные, национальные и территориальные сообщества. Территориальная самобытность и рост ее общемировой активности ведет к возвращению на историческую сцену «города-государства» как характерной черты эпохи глобализации. Женские сообщества и экологические движения также имеют этот потенциал. Признаком соответствия этих сообществ архитектуре нового общества является их сетевая децентрализованная форма организации и самоорганизующаяся система информационного обмена внутри сообщества.

Подчеркивая значимость описанных выше объективных факторов, влияющих на процесс формирования индивидуальной идентичности, следует тем не менее сказать о том, что каждый человек проходит свой уникальный путь развития, что, естественно, определяет и уникальность ее индивидуальности. Причем под индивидуальностью следует понимать не просто отличимость одного человека от другого по тому или иному признаку, а именно уникальность, мера которой определяет ценность человека и в пределах профессиональной среды, и в рамках общества. Индивидуальность, таким образом, это характеристика не только своеобразия, но и высшего уровня развития человека.

¹ Лукина А.В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности. Екатеринбург: Уральский госуниверситет, 2004. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/340/2/urgu0269s.pdf#2>.

² Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 300.

Еще одним социально-психологическим вызовом, связанным с проблемой идентичности, является важная, но мало замечаемая тенденция современного мира, по крайней мере, его западной части – стремление к индивидуализации, персонификации значительной части населения. Например, Х. Шрадер приводит доказательства того, что в глобализованной экономике существуют многочисленные хозяйственные связи, которые базируются на личных отношениях. «Глобализация и персонализация с этой точки зрения, – отмечает Х. Шрадер, – одновременные процессы, и оба процесса ставят под вопрос национальное государство и государственное гражданство как значимый, создающий солидарность образ идентичности»¹. Новое общество отличается от предшествующих не только повышением темпа жизнедеятельности, но и ростом индивидуализации. Оно становится мозаичным, состоящим из личностей, живущих на своих индивидуальных местах и работающих своими индивидуальными средствами производства. Этим объясняется и повысившаяся персонализация спроса. Люди стали отвергать все стадное. Теперь их значительно меньше интересуют чье-то мнение или вкус, чем свои собственные. Таким образом, достижение некой индивидуальной неповторимости, непохожести человека на других людей является не только субъективным пожеланием индивида, но и существенным фактором его успешности.

«Персонификация – это целый комплекс тенденций изменения и развития личности, который включает в себя процесс ее духовного обогащения, рост ее самосознания, развертывание ее духовного потенциала. Она проявляется и в наличии развитых потребностей личности: познавательных (потребность в познании и развитии самопознании), коммуникативных (потребность в духовном общении, понимании и признании), конструктивных (потребность в самовыражении, самоутверждении и творческой деятельности). Безусловно, этот процесс имеет своей основой освоение личностью требований социальной среды, ее включение в систему социальных отношений и определяется в конечном счете характером последних. Это значит, что персонификацию можно рассматривать

¹ Шрадер Х. Глобализация, цивилизация и мораль // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.1. № 2; Гуторов В.А. Концепция киберпространства и перспективы современной демократии // Интернет и современное общество. Всероссийская научно-методическая конференция. Санкт-Петербург, 8–11 декабря 1998 г.: Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 81.

как двусторонний процесс социализации индивида и индивидуализации личности. Обе стороны этого процесса находятся друг с другом в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости»¹.

Причины персонификации личности – в совершенствовании быта и отдыха людей, увеличении предметного мира, а следовательно, и знаний о нем, в расширении контактов людей друг с другом. Люди становятся все более непохожими друг на друга, что приводит к целому ряду существенных последствий в жизни общества.

Основные общественные проявления персонификации личности обнаруживаются в следующем:

- растет образованность людей, повышается средний уровень культуры;
- развиваются потребности каждого человека, каждому человеку теперь надо все больше и больше, и он хочет достичь всего все быстрее и быстрее;
- формируются способности к выбору ценностей, принятию самостоятельных решений. Человек все более стремится к тому, чтобы иметь возможность принимать решения самостоятельно, без подсказки, указаний, давления со стороны;
- растет чувство собственного достоинства у всех категорий людей;
- растет уровень притязаний личности. Человек начинает претендовать на то, на что раньше и не думал претендовать;
- увеличивается тяга к обновлению впечатлений. Люди стремятся к поездкам, путешествиям, нуждаются в новой и постоянно обновляющейся информации;
- растет мобильность личности. Люди перестают держаться за одну работу, за одно место жительства, легче меняют работу и место проживания, легче совершают переезды;
- растет взаимная требовательность людей в коллективе, семье;
- уменьшается время, проводимое людьми в семье, возрастает время, проводимое за ее пределами, на работе, на дополнительных «подработках»;

¹ Парыгин Б.Д. Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999. С.111–112.

- увеличивается дистанция между поколениями, между родителями и детьми, между старшими и младшими;
- увеличивается число микрогрупп в коллективах, число объединений людей по групповым интересам.

Возможно, следствием тенденции к персонализации является существенное изменение межличностных отношений, которые оказываются все менее устойчивыми. «Вынужденное общение», занимающее львиную долю времени современного человека, оказывает разрушающее воздействие на человека прежде всего потому, что система личностных ценностных установок моего «Я» не совпадает со множеством подобного рода систем «Других». И при отсутствии звеньев, механизмов связи между людьми в условиях глобализации, где «чужого», «другого» кратно больше, чем «своего», идентичного «себе», накапливается синдром усталости, агрессивной неопределенности, отчуждения, неудовлетворенность жизненными возможностями и т. д. В поисках «себя» в условиях все большей атомизации личности и погружения в виртуальный мир, создаваемый компьютерной техникой искусственной реальности, человек все меньше ориентируется на «другого». Доминирующее положение получают кратковременные модульные отношения функционального характера, каждый из участников которых взаимозаменяем¹.

Защита от медиаугроз

Если обобщить имеющиеся в экспертной среде материалы, то можно констатировать, что в настоящее время сложились несколько основных подходов к поиску способов минимизации возможного вреда, наносимого массмедиа. Основные из них описаны ниже.

Теории информационной и медиабезопасности

Западные эксперты и специалисты по медиа избегают пользоваться терминологией, опирающейся на концепт «информационная (медиа) безопасность». Обычно речь идет о защите прав различных социальных групп (меньшинств) или о предотвращении нарушений зако-

¹ См.: Информационное общество // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000–2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1265.html>.

нодательства в медиасреде. Напротив, в странах незападной (или антизападной) ориентации охотно пользуются понятиями «информационная безопасность», «информационная война», «защита от медиаагрессии» и т. п. Достаточно почитать множество появившихся в конце 1990-х – начале 2000-х годов работ, посвященных проблемам информационной и информационно-психологической безопасности¹.

В большинстве упомянутых выше работ основной акцент делался на угрозах, которым подвергаются общегосударственные и корпоративные информационные и телекоммуникационные системы.

Другая группа сторонников концепции информационной безопасности, опирается на положение о том, что информационно-психологическую безопасность следует рассматривать как состояние защищенности личности, разнообразных социальных групп и объединений людей от воздействий, способных против их воли и желания изменять психические состояния и психологические характеристики человека, модифицировать его поведение и ограничивать свободу выбора².

¹ Вот лишь некоторые из этих работ: Концепция информационной безопасности Российской Федерации (Проект): Препринт / Под ред. Д.С. Черешкина и В.А. Вирковского. М.: Институт системного анализа РАН, 1994; Поздняков А.И. Информационная безопасность личности, общества, государства // Безопасность. 1994. № 5; Курило А.П., Стрельцов А.А. Информационная безопасность и региональная политика РФ // Проблемы глобальной безопасности: Материалы семинаров в рамках научно-исследовательской и информационной программы (ноябрь 1994 – февраль 1995 гг.). М., 1995; Скворцов П.В. Информационная культура как условие выживания человечества // Проблемы глобальной безопасности: Материалы семинаров в рамках научно-исследовательской и информационной программы (ноябрь 1994 – февраль 1995 гг.). М., 1995; Человек в медиамире. Безопасность в массовой коммуникации. Челябинск: Цицеро, 2005.

² См.: Рощин С.К., Соснин В.А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6; Проблемы информационно-психологической безопасности (сборник статей и материалов конференций). М.: Институт психологии РАН, 1996; Смолян Г.Л., Зараковский Г.М., Розин В.М. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). Препринт. М.: Институт системного анализа РАН, 1996; Грачев Г.В., Мельник И.К. Приемы и техника манипулятивного воздействия в массовых информационных процессах // Проблемы информационно-психологической безопасности (сборник статей и материалов конференций). М.: Институт психологии РАН, 1996; Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М., 1998; Информационно-психологическая безопасность в СМИ. М.: Аспект-пресс, 2002; Вепринцев В.Б., Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Операции информационно-психологической войны: методы, средства, технологии: Краткий энциклопедический словарь. М.: Горячая линия – Телеком, 2003.

В последние годы все активнее используется понятие медиабезопасности. Этим понятием чаще всего обозначают состояние защищенности каждого индивида от недостоверной или опасной информации, причиняющей вред здоровью человека, его нравственности и личностному развитию¹.

Понятно, что в качестве основного защитника от медиаугроз при таком подходе рассматривается государство. В соответствии со ст. 4 Закона РФ «О СМИ» «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» действует специальный орган – Роскомнадзор. Последнее время происходит ужесточение подобного рода законов. Например, закон «О внесении изменений в ФЗ „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию“ и отдельные законодательные акты РФ» предусматривает создание единого реестра доменных имен и универсальных указателей страниц сайтов в Интернете и сетевых адресов сайтов, содержащих информацию, запрещенную к распространению на территории РФ. Во внесудебном порядке (по решению уполномоченных федеральных органов исполнительной власти) в реестр включаются те сайты, которые содержат материалы с порнографическими изображениями детей или объявления о привлечении их в качестве исполнителей для участия в зрелищах порнографического характера; сайты, публикующие информацию о способах изготовления и использования наркотиков, местах их приобретения, а также о способах совершения самоубийства и призывы к суициду. Кроме того, некоторые сайты могут быть включены в реестр по решению суда о признании информации, распространяемой ими, как запрещенной.

Самостоятельный контроль медиаресурсов со стороны Интернет-провайдеров и редакторов СМИ также существует практически с момента появления средств массовой информации и коммуникации. Но постоянное расширение Интернет-пространства и медиарынка создали практически неуправляемый контент в медасреде, при котором само-

¹ Морозова А.А. Медиа-безопасность в эпоху информации / Информационное поле современной России: практики и эффекты: Материалы IX Международной научно-практической конференции, 18–20 октября 2012 г. / Под ред. Р. П. Баканова: в 2-х т. Т. 1. Казань: Казан. ун-т, 2012. С. 280–287.

стоятельный контроль Интернет-провайдеров и редакторов СМИ зачастую является настолько трудоемким, что становится практически невозможным. Поэтому «общественное регулирование Интернета является понятием достаточно условным, поскольку реализуется в первую очередь Интернет-провайдерами по указанию властных структур, т. е. фактически носит принудительный характер»¹.

Теории медиаобразования

В документах Совета Европы «медиаобразование (mediae ducation) определяется как обучение, которое стремится развивать медиакомпетентность, понимаемую как критическое и вдумчивое отношение к медиа с целью воспитания ответственных граждан, способных высказать собственные суждения на основе полученной информации. Это дает им возможность использовать необходимую информацию, анализировать ее, идентифицировать экономические, политические, социальные и/или культурные интересы, которые с ней связаны. Медиаобразование обучает индивидов интерпретировать и создавать сообщения, выбирать наиболее подходящие для коммуникации медиа. Медиаобразование позволяет людям осуществлять их право на свободу самовыражения и информацию, что не только способствует личному развитию, но также увеличивает социальное участие и интерактивность. В этом смысле медиаобразование готовит к демократическому гражданству и политическому пониманию. Необходимо развивать медиаобразование как часть концепции обучения в течение всей жизни человека»².

Медиаобразование как концептуальная модель возникло в странах с доминирующей либеральной идеологией. И понятно, почему: с одной стороны, в этих странах фиксируется беспрецедентное развитие разнообразных СМИ, создающих огромное количество информационного шума; с другой – существенное понижение гражданской

¹ Шилина М.Г. Ценностные ориентиры профессиональной медиакоммуникации в Интернете // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. С. 443–444.

² Council Europe (2000). Recommendation. Media Education. URL:<http://assembli.coe.int/Documents/AdoptedText/TA00/EREC1466.htm>.

активности, выражающееся в неуклонном падении количества людей, принимающих участие в избирательных кампаниях и других формах гражданского поведения. Все это поставило в повестку дня западных обществ вопрос о поиске новых форм вовлечения граждан в дела общества. В связи с этим возникла теория социальной ответственности СМИ, появилась идея медиаобразования. Причем с самого начала внутри корпуса разработчиков этой идеи боролись два подхода.

Один из них (его можно назвать педагогическим) постулировал тезис о том, что «под медиаобразованием (mediaeducation) следует понимать обучение теории и практическим умениям для овладения современными средствами массовой коммуникации, рассматриваемыми как часть специфической и автономной области знаний в педагогической теории и практике; его следует отличать от использования СМК как вспомогательных средств в преподавании других областей знаний, таких как, например, математика, физика, география»¹. Аналогичная формулировка содержится в «Педагогическом энциклопедическом словаре», который определяет медиаобразование как «направление в педагогике, выступающее за изучение школьниками закономерностей массовой коммуникации (прессы, телевидения, радио, кино, видео и т. д.). Основные задачи медиаобразования: подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств»².

Другими словами, речь шла лишь о том, чтобы создать квалифицированную (или, как сейчас говорят, – компетентную) аудиторию СМИ.

¹ Media Education. Paris: UNESCO, 1984. P. 8.

² Педагогический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 138.

Сторонники второго подхода (его можно назвать гражданским) полагают, что «медиаобразование – часть основного права каждого гражданина любой страны на свободу самовыражения и получение информации, оно способствует поддержке демократии...»¹.

Известный теоретик в области медиа Дж. Гербнер понимает медиаобразование как формирование коалиции «для расширения свободы и разнообразия коммуникации, для развития критического понимания медиа как нового подхода к либеральному образованию»². Один из лидеров современного медиаобразовательного движения Б. МакМахон пишет, что «в эпоху терроризма и войн XXI века медиаобразование молодежи становится настоящим требованием демократического общества»³.

Были, разумеется, и попытки совместить оба подхода. Так, в одном документе говорится: «Медиаобразование связано со всеми видами медиа (печатными и графическими, звуковыми, экранными и т. д.) и различными технологиями; оно дает возможность людям понять, как массовая коммуникация используется в их социумах, овладеть способностями использования медиа в коммуникации с другими людьми; обеспечивает человеку знание того, как:

- 1) анализировать, критически осмысливать и создавать медиатексты;
- 2) определять источники медиатекстов, их политические, социальные, коммерческие и/или культурные интересы, их контекст;
- 3) интерпретировать медиатексты и ценности, распространяемые медиа;
- 4) отбирать соответствующие медиа для создания и распространения своих собственных медиатекстов и обретения заинтересованной в них аудитории;
- 5) получить возможность свободного доступа к медиа как для восприятия, так и для продукции»⁴.

¹ Recommendations Addressed to the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization UNESCO. In: Outlooks on Children and Media. Goteborg: UNESCO & NOR-DICOM, 2001. P. 152.

² Gerbner G. Educators Activists Organize to Promote Media Literacy in U.S. In: The New Citizen. 1995. Vol. 2. № 2.

³ McMahon B. Relevance and Rigour in Media Education. Keynote Presentation to the National Media Education Conference. Baltimore. P. 3.

⁴ Цит. по: URL: <http://www.ifap.ru/projects/mediaed2.htm>.

Теории медиаэтики

В связи с тем, что ИКТ создают определенный конгломерат этических дилемм и коллизий (авторское право, неприкосновенность частной жизни и защита информации, интеллектуальная свобода, ответственность и безопасность поведения в сети Интернет), возникло понятие информационной этики, которое ставит в фокус своего рассмотрения вопросы собственности, доступа, неприкосновенности частной жизни, безопасности и общности информации. В этой сфере создаются этические кодексы, которые призваны регулировать поведение интернет-пользователей, сообществ, а также государственные стратегии развития, которые стремятся охватить всю сферу распространения ИКТ для создания процедурного поля взаимодействия не только частных лиц, но и общественных институтов. Отметим, что важными аспектами формирования этического поведения в Интернет является справедливое использование информации, которое касается хранения, распространения и корректирования персональной информации, а также забота об общем благе и непричинении вреда глобальному сообществу.

Российские исследователи в вопросе о решении проблемы медиабезопасности также приходят к мысли о необходимости развития этических регуляторов¹.

Теории медиаэкологии

С помощью понятия «медиаэкология» обозначается междисциплинарная область знаний на стыке социальной экологии и медийных наук, изучающая проблемы взаимодействия человека и информационной среды обитания, которую формируют медиа. Анализ существую-

¹ Шилина М. Г. Ценностные ориентиры профессиональной медиакоммуникации в Интернете // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. С. 443–444; Дзялошинский И.М. Экология медиасреды: этические аспекты. Монография. М.: Издательство АПК и ППРО, 2016.

щих работ показывает, что главным предметом медиаэкологии является воздействие, (чаще всего описываемое как вредное), медиасреды на человека¹.

Что касается России, то впервые идея экологии информации промелькнула в Указе Президента РФ от 20 марта 1993 г. «О гарантиях информационной стабильности и требованиях к телерадиовещанию». Утвержденный этим Указом Минимальный стандарт требований к телерадиовещанию упоминает об «электронной экологии», призывая снижать информационную «загрязненность» телерадиопрограмм, повышать требования к культурному уровню и т. д.

Теории устойчивого развития медиапространства

Другая версия экологического подхода к медиа связана с концепцией устойчивого развития. Авторы, развивающие этот подход, утверждают, что проблему защиты от медиаугроз следует сформулировать принципиально иным образом: «Не пора ли защищать медиапространство от людей?». Медиапространство подобно природе и так же, как природа, не терпит грубого и неразумного вмешательства. Но большинство людей не осознает, что нарушает объективные законы протекания медийных процессов и эти нарушения вызывают нежелательные последствия.

¹ Баркова Э.В. Экология межкультурных коммуникаций: поиски и стратегии новых парадигм. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-mezhkulturnyh-kommunikatsiy-poiski-i-strategii-novyh-paradigm>; Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: Издательство АПК и ППРО, 2012; Дзялошинский И.М. Экология медиасреды: этические аспекты. М.: Издательство АПК и ППРО, 2016; Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2013; Маклюэн М. Понимание Медиа. М.: Кучково поле, 2011; Сколари К. История медиаэкологии. URL: <http://osvita.mediasapiens.ua/material/2458>; Сталдер Ф. Экология информации: системный подход к медиасреде. URL: <http://media-ecology.blogspot.com/2011/04/blog-post.html>; Степанов В. Наука медиаэкология: понятие, предмет, объект, уровни. URL: http://media-ecology.blogspot.ru/2011/02/blog-post_19.html; Стрейт Л. Изучение медиа-как-медиа: МакЛюэнимедиаэкологический подход. URL: <http://www.mcluhan.ru/articles/izuchenie-media-kak-media-maklyuen-i-mediaekologicheskij-podxod/>; Altheide D.L. An Ecology of Communication: Cultural formats of control. New York: Aldine de Gruyter, 1995; Beder S. Environmental Principles and Policies: An Interdisciplinary Introduction. Sydney: UNSW Press, 2006. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Environmental_Principles_and_Policies; Postman N. Technopoly: The Surrender of Culture to Technology. N.Y., 1993; Postman N. The Humanism of Media Ecology // First Annual Convention of the Media Ecology Association. New York, NY Fordham University. 2000. June 16. P. 10–16; Wagner M. Communicative ecology: How the bonobos do it // International Journal of the Humanities. 2004. № 2(3). P. 2365–2374.

Исходя из этого, предлагается выделить три основных направления возможной реализации нового подхода к медиаобразованию.

1. Разработка инфоэкологической политики. Под инфоэкологической политикой понимается любой способ действия, специально предпринимаемый (либо не предпринимаемый) для управления человеческой деятельностью с целью предотвращения, сокращения или смягчения вредного воздействия людей на медиaprостранство. Речь идет о разработке и воплощении в жизнь стратегической модели действий в медиaprостранстве, реализуемой с помощью политических, экономических и образовательных технологий. И здесь вполне было бы уместным по-новому прочесть работы Э. Геккеля, В.И. Вернадского, П. Тейяр де Шардена, К.Э. Циолковского, Н.Н. Моисеева, И. Валлерстайна, Д.М. Гвишиани, П. Доверна, Д. Медоуза, Г. Хардина и многих других исследователей. А также обратиться к работам специалистов по политическому и стратегическому планированию в сфере охраны окружающей среды¹.

В книге «Environmental Principles and Policies: An Interdisciplinary Introduction» исследуется шесть ключевых экологических и социальных принципов, которые были включены в международные соглашения и национальное законодательство. Это:

- принцип устойчивого развития;
- принцип «загрязняющий платит»;
- принцип осторожности;
- принцип справедливости;
- принцип прав человека;
- принцип участия².

¹ Loomis J., Helfand G.E. Environmental Policy Analysis for Decision Making. Secaucus, NJ, USA: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 292–298; URL: <http://site.ebrary.com/lib/hselibrary/Doc?id=10067231&ppg=307>.

² См.: Beder S. Environmental Principles and Policies: An Interdisciplinary Introduction. Sydney: UNSW Press, 2006; URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Environmental_Principles_and_Policies.

Возможно, именно эти принципы и должны быть положены в основу разумной инфоэкологической политики.

2. Создание новых социальных движений, целью которых было бы продвижение идей экологии медиапространства в гражданском обществе. За последние 20 лет значительно увеличилось количество движений, которые не ограничиваются стремлением к приобретению или защите тех или иных прав или материальных благ. Среди них есть социальные движения, выступающие за защиту окружающей среды, сохранение мира и др. Форма их организации отличается от моделей массовых движений: они стремятся создать сеть небольших групп локального характера, каждая из которых имеет свои принципы и стиль деятельности, но в акциях протеста принимает участие вместе с другими группами. Однако среди таких движений практически нет таких, которые встали бы на защиту медиапространства от неразумных действий людей...

3. Формирование инфоэкологического сознания. Решение возникающих в сфере медиа проблем невозможно без повышения социальной ответственности каждого человека за последствия своего воздействия на медиапространство. Чисто потребительский, технократический подход к медиапространству не просто узок и ограничен, он губелен для культуры и цивилизации. Вывод очевиден: для решения проблем, возникающих между человеком и медиапространством, нужно изменить человека, систему его представлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная цивилизация, с точки зрения обычного человека, выступает в качестве его жизненного мира, понимаемого как сложная многоуровневая система, не зависящая от отдельного человека и чаще всего противостоящая ему. Главными внешними особенностями этой цивилизации являются глобализация, информатизация и цифровизация. Главными особенностями культурных процессов, происходящих в рамках этой цивилизации, являются неразрешимые противоречия между традиционной (архаической), индустриальной и постиндустриальной культурами.

Россия, несмотря на очевидное сопротивление части политических и экономических элит, втягивается в глобальные процессы, в том числе и информационные. Это означает, что многие происходящие в России процессы невозможно понять без соотнесения с мировыми процессами. При этом глобальные проблемы самым непосредственным образом связаны с повседневной жизнью людей, поскольку глобализация оказывает беспрецедентное давление на наше поведение.

Все большее количество людей обретает возможность самоопределения, ибо наша жизнь освобождается от всех прежних локальных ограничений и нам открывается практически весь мир. Человек может самореализоваться в совершенно новых и гораздо более широких пространствах. Среди множества неоднократно озвученных особенностей новой действительности можно назвать еще несколько.

- Для того чтобы выжить, существовать и развиваться, современному человеку нет необходимости быть тесно связанным с другими людьми, исчезает проблема солидарности.
- Утрачивается прямая зависимость между уровнем относительного благополучия и степенью интенсивности усилий, прилагаемых для достижения этого благополучия. Другими словами, сильная социальная политика, присущая современным государствам, приводит к тому, что тот, кто много работает, и тот, кто работает кое-как, живут почти одинаково.
- Некое предощущение исчерпываемости земных ресурсов напрягает подсознание современного человека, заставляет его рассматривать всех окружающих как потенциальных врагов.

Главным ресурсом, с помощью которого население втягивается в глобальные процессы, являются современные информационные технологии. В настоящее время человечеством создана гигантская, разветвленная, активно функционирующая информационно-коммуникационная сфера. Развивающееся общество требует постоянного обновления информационных потоков и коммуникационных отношений, что приводит к преобразованию – иногда радикальному – всей инфосферы. Любой человек может при желании (или без него) получить последние новости из Нью-Йорка, Токио, Сиднея в течение нескольких секунд. Вместе со скоростью доставки и площадью охвата аудитории резко увеличился и объем поставляемой информации. Однако на практике основу распространяемого контента составляют зрелища, а в хаосе предъявляемых образов действительности и мнений уже невозможно найти какую-либо логику. Вклад интернета в экономику и жизнь в целом также явно переоценен. Пока в интернете доминируют в основном различные приколы, информационные вбросы и сетевые вирусы, бессмысленные чаты и тусовки в социальных сетях. Чрезвычайно усложнилась система субъектов, влияющих на состояние инфосферы (в том числе СМИ) и характер протекающих процессов. Это институционализированные группы, выражающие интересы власти и бизнеса; профессиональные объединения (редакции, медиахолдинги, телеканалы и радиостанции, интернет-порталы, производственные студии, информационные агентства и т. п.); отдельные индивиды. При этом следует все время помнить о том, что нарастающая динамика трансформации инфосферы влечет за собой такие последствия, которые предполагают коренные изменения в механизмах регулирования и саморегуляции деятельности профессионалов.

Эти и другие обстоятельства существенно изменили метрику современной действительности и сделали практически бесполезной всю предыдущую культуру, которая формировалась в принципиально иных условиях. Ощущение недейственности предыдущей культуры вынуждает современного человека начинать поиск новых правил жизни. Сама по себе потеря прежних ориентиров уже приводит к стрессу, и одного этого стресса достаточно для повышения агрессии и нетерпимости. Кроме того, в поиске новых жизненных ориентиров человек нередко приходит к выводу, что культура агрессии и нетерпимости оказывается существенно эффективнее культуры солидарности. Очевидно, что по мере

изменения внешней среды внутри культуры появляются новые знания, ценности, и нормы, более эффективные в новых условиях, нежели те, на которые субъект опирался раньше. Если внешняя среда меняется медленно, то и изменения в культуре происходят почти безболезненно, хотя культурные конфликты существуют столько же, сколько и культура. Однако в условиях, когда внешняя среда меняется стремительно и вчерашняя культура, понимаемая как внутренняя основа технологии, становится неэффективной, возникает то, что специалисты называют «культурный шок»: невозможность отказаться от старой культуры, рассматриваемой как ценность, при достаточно ясном понимании ее непригодности. Возникает ненависть к этой новой действительности, овладеть которой с помощью старой культуры невозможно. Учитывая, что у любой социальной группы или народа всегда есть «хранители культуры», то есть индивиды или институты, оберегающие традиции, консервирующие культуру и защищающие ее от посягательств, понятно, что эта борьба между новым и старым в плоскости культуры приобретает нешуточный характер. Социальные и культурные институты начинают тратить огромные средства на консервацию культуры, на превращение ее в музей, на сохранение неких традиционных образцов поведения хотя бы в быту (народные танцы, народные песни и пр.).

Обозначенные выше глубинные процессы, происходящие в недрах человеческой цивилизации, вызывают глубокие потрясения и массовые переживания. Анализ показал, что став активным участником трансформации жизненного мира, совокупное человечество вынуждено искать ответы на несколько принципиально новых вызовов: геодивизионных, экономических, экологических, политических, культурных, социальных, социально-психологических. Приходится надеяться, что эффективные ответы на эти вызовы будут своевременно найдены.

На прошедшем 6 сентября 2000 года под эгидой ООН Саммите тысячелетия главы 185 государств пришли к согласию относительно необходимости совместными усилиями искоренить нужду и несправедливость, обеспечить устойчивое развитие мирового сообщества с учетом соблюдения экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов. На этом форуме неоднократно подчеркивалось, что информация и культура пронизывают и определяют все сферы жизнедеятельности современного человека. При этом отмечалось, что

существующие социально-экономические и экологические проблемы свидетельствуют не о недостатке производительных сил человечества, а о социокультурном, духовно-нравственном кризисе межнациональных и социальных отношений.

Однако произнесенные на этом форуме прекрасные слова так и остались словами. И вместо мира взаимодействующих ради общих целей сообществ людей мы имеем мир противоборствующих государств, каждое из которых стремится доказать всем другим, что его сегодняшние интересы важнее интересов всех остальных стран. В угоду этим интересам, очень часто никак не сформулированным, разворачивается открытая и скрытая борьба, результатом которой является продолжающееся уничтожение мировых ресурсов и очень часто – человеческих жизней.

Человечество в значительных своих сегментах успешно вернулось во времена войны всех против всех, камуфлируя это одичание множеством высокопарных слов о суверенитете, заботе о народном благе, внешних врагах, покушающихся на национальные святыни, и т. д., и т. п. Из далекого прошлого извлекаются образы, мифологемы и идеологемы, оправдывающие именно такой выбор. Религиозные владыки, деятели культуры, находящиеся на содержании властей, журналисты, работающие в средствах массовой информации, финансируемых властью и большим бизнесом, являются естественными помощниками тех, кто сопротивляется переходу к новому типу устойчивого глобального развития, ориентированному на удовлетворение человеческих потребностей не за счет хищнического растраниживания природных ресурсов, а за счет поиска и внедрения принципиально иных способов ведения хозяйственной деятельности, принципиально иных способов организации социальной жизни.

Культура борьбы, культура противостояния, культура ненависти продолжает свое триумфальное шествие по планете, и современные средства массовой коммуникации активно помогают ее движению. Былые надежды на то, что интернет и новые информационно-коммуникационные технологии помогут преобразовать мир в лучшую сторону, оказались нереализованными.

Пришло время вновь вернуться идеям, высказанным на Саммите тысячелетия и в документах ООН и ЮНЕСКО, и приступить к поиску

реальных шагов для их воплощения. Предстоит радикальная трансформация деятельности медийных структур. Журналисты должны перестать рассматривать себя как службу власти и бизнеса, с одной стороны, и Дон-Кихотов и Бэтменов, спасающих непросвещенную аудиторию, с другой стороны. Людей, которые организуют на государственных телеканалах «пятиминутки ненависти», должно всюду сопровождать общественное презрение. Но и просто удовлетворяться привлечением внимания к несправедливости, как принято в традиционной журналистике, тоже уже недостаточно. Гражданам в наше время требуется гораздо больше. Им необходимо увидеть, каким образом они могли бы сыграть свою роль, изменить что-либо, быть услышанными – каким образом они могли бы в большей степени участвовать в общественной жизни.

Все сказанное выше – лишь простые констатации сегодняшней ситуации. Однако уже видны контуры завтрашнего дня, и этот завтрашний день несет с собой такие проблемы, по сравнению с которыми сегодняшние переживания покажутся смешными. Мы стоим у истоков четвертой промышленной революции, отличительными чертами которой являются скорость, масштабность и системность. Однако восторг по поводу этого нового мира быстро гаснет, когда знакомишься с прогнозами экспертов о нашем будущем. И, на наш взгляд, очевидно, что притормозить разрушительные тенденции можно только изменив вековые матрицы жизнедеятельности и коммуникации. Иначе сбудутся самые мрачные антиутопии, согласно которым наиболее вероятная модель развития человечества – обеспечение безбедной жизни некоторому количеству землян, к услугам которых будут всяческие технологические чудеса, а всем остальным будет уготован тот технототалитарный ад, который с большим удовольствием показывают в американских фильмах о будущем.

THE PHILOSOPHY OF DIGITAL CIVILIZATION AND THE TRANSFORMATION OF MEDIA COMMUNICATIONS

I.M. Dzialoshinskii,

Doctor of Philology,

Professor of the National Research University Higher School of Economics
(Department of Media, Faculty of Media, Communications and Design),

Deputy Chairman of the Russian Committee for the UNESCO Program,

Full Member of the Eurasian Academy of Television and Radio,

Member of the Editorial Council of the Russian Communication Association

Abstract

The monograph is devoted to the study of the links between the civilization processes of globalization, informatization and digitalization with the processes occurring in communication systems mediated by media technologies. It is proposed to fit all these processes into the context of a categorical apparatus based on the concepts of “life world”, “personality world”, “information and communication universe”, “communicative matrices”, etc.

Due to the breadth and heterogeneity of the problems raised in this work, a large number of sources of a philosophical, sociological, psychological, and political nature were used to describe and analyze them.

The monograph is intended for specialists in the field of media communications. This book may be useful for graduate students in the humanities.

Научное издание

Цифровая цивилизация. Медиакоммуникации. Интернет-маркетинг

Выпуск 1

Дзялошинский Иосиф Мордкович

**ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ**

Монография

Под редакцией Л.К. Лободенко

Руководители проекта: *Л.К. Лободенко, Л.П. Шестеркина*

Координатор *О.Н. Зайкова*

Редактор *Е. В. Федорова*

Техн. редактор *А.В. Миних*

Верстка и дизайн: *Т.А. Гусева*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 05.10.2020. Формат 60×84 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,08. Тираж 500 экз. Заказ 287/346.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.